ПЭЛЕМ ГРЭНВИЛ ВУДХАУЗ

Annotation

В этой книге — новые идиллии П.Г. Вудхауза, а следовательно — новые персонажи.

Пэлем Грэнвил Вудхауз
Собрание сочинений
Том 18. Лорд Долиш и другие

Неудобные деньги

Перевод с английского Н. Трауберг

1

Как-то в июне, в тот час, когда Лондон устремляется на поиски еды, у входа в ресторан «Бандолеро» стоял молодой человек — высокий, плечистый, благодушный, с приятным и правильным лицом. Он серьезно смотрел на Шафтсбери-авеню, не замечая проплывающего мимо человечества. Губы он сжал, лоб нахмурил, и многие бы сказали, что его снедает тайная страсть.

Уильям Фиц Уильям Деламер Чалмерс, лорд Долиш, не ведал никакой скорби. Думал он о том, как загнать мяч ко входу театра «Пэлас». Когда Клара Фенвик опаздывала, он мысленно играл в гольф. Однажды он ждал так долго, что прошел девять лунок, расположив их от «Савоя» чуть ли не до Хаммерсмита. Его простую душу утешали простые мысли.

Пока он стоял, глядя не вдаль, но и не вблизь, к нему подошел весьма оборванный субъект с лотком на животе. Лоток украшали запонки, резинки, сапожные шнурки, крючки и неприятные игрушки «умирающий петух». Минуту-другую он с одобрением смотрел на лорда и, убедившись, что полицейских поблизости нет, сообщил, что у него дома уже три дня голодает жена, не говоря о четырех детях.

Так всегда бывало с Уильямом Ф. Уильямом. Видимо, бродяг привлекала его неназойливая доброта. В наши дни, когда всё, от фасона шляпы до склонности к спарже, считают симптомом каких-нибудь недугов, можно составить представление о лорде Долише, исходя из того, что бдение у ресторана обошлось ему в копеечку еще до появления живописного бродяги. И в Лондоне, и в Нью-Йорке есть места, где стоять опасно. Угол Шафтсбери-авеню и Пиккадилли-серкус входят в их число. Хищники бродят там, поджидая добычу, и благоразумный человек с мелочью в кармане спешит миновать эту зону, «как путник, опасающийся чудищ или злодеев».[1] За семь минут к лорду подошли два чудища, каждое из которых просило одолжить пять шиллингов до пятницы, в крайнем случае — субботы. Заметим, что английский пэр отдал деньги безропотно.

Для изучения его свойств поможет и то, что оба с ним дружили, ибо

называли по имени. Список его приятелей включал и лордов, и сомнительных субъектов, давно задолжавших в своих сомнительных клубах.

Бродяга его Биллом не назвал, но проявил фамильярность. Поскольку, размышляя о гольфе, жертва не сразу взглянула на него, он спросил, можно ли голодать третий день со всей командой. Лорд сосредоточился.

— Я думаю, можно, но трудно, — сказал он. — Простите, толком не расслышал.

Живописный оборванец повторил сообщение в третий раз. Получилось еще жалобней, он почти верил себе.

— Четверо? — спохватился Билл. — Третий день? Вам и в гольф сыграть некогда!

— Какой гольф! Сколько дней хлеба не нюхали.

Лорд Долиш не любил хлеб, особенно — его запах, но вкусы бывают разные.

— Да, — сказал пэр, — плохо дело. Чем могу служить?

— Петушка бы купили. Одно слово — умора.

Лорд Долиш с удивлением посмотрел на странную птицу и выговорил:

— Нет.

Они помолчали, видимо, зайдя в тупик.

— Вот что, — снова начал пэр, словно озаренный свыше, — покупать я ничего не буду. Как ни жалко, ваши… товары мне совершенно не нужны. Понимаете, не люблю резину, да и крючки для обуви. Можно, я просто дам вам денег?

— Спасибо вам большое.

— Не за что. Купите деткам хлеба. Они его любят? Какие странные!

Справившись с нелегким делом, пэр обернулся и увидел высокую девушку в белом.

Пока она шла по улице, любители красоты буквально выворачивали шеи. Как мы сказали, она была высокой, и к тому же гибкой. Из-под широких полей глядели серые большие глаза. Словом, мы не осудим констебля, который заметил кебмену: «Везет же некоторым».

Везло, судя по всему, лорду Долишу, она шла к нему, но вид у него был не очень радостный — он боялся, что она видела, как он отдал деньги. Оборванец еще топтался рядом, осыпая лорда благодарностями. Клара таких вещей не любила.

— Здравствуй, дорогая, — угодливо сказал Билл. — Вот и ты.

Клара поглядела вслед уходящему бродяге.

— Совсем немного, — поспешил заверить лорд. — Понимаешь, у него

беда. Дети очень любят хлеб, но его не нюхают.

— Он зашел в пивную.

— Наверняка, хочет позвонить.

— А я, — сказала Клара, — хочу, чтобы ты не содержал весь город. Кому-кому, а тебе деньги пригодились бы.

И впрямь, Уильям Ф. Уильям не был богат. Мало того, он был самым бедным лордом в Британии, если не считать Уэзерби. Начал прославленный Красавчик Долиш, мотавший деньги при Регентстве.[2] Семейная черта исправно передавалась. Когда нынешний лорд был в Кембридже, тогдашний лорд, дядя Филипп, довершил дело, и настолько, что денег едва осталось на врачей. В двадцать три года Билл унаследовал только титул.

До помолвки с Кларой это его не беспокоило. Вкусы у него были простые, лишних забот он не любил. На гольф хватает, бедным поможешь — и спасибо! Возможностями этими он был обязан тому, что за добродушие и скромность его взяли секретарем изысканного клуба и платили четыреста фунтов в год.[3] Жил он при клубе, не болел, играл в гольф всё лучше, дружил буквально со всеми и ни на что не жаловался.

Однако полгода назад Клара сказала прямо, что за нищего не выйдет. Четыреста фунтов! Смешно, честное слово. Слыша ее, всякий бы подумал, что она тратит эту сумму на чаевые.

Билл растерялся, Клара поднажала — и сейчас, за столиком, неприятную беседу предотвратило только появление официанта.

— Что ты сегодня делала? — спросил Билл.

— Заходила в театр.

— О!

— Да. Они мне звонили. Предлагают Клодию Уинслоу.

— Это хорошо.

— Да-а?

— Ну, главная роль…

— В турне.

— Конечно-конечно, — быстро поддакнул он, хотя ничего не понял. Он очень почитал театр.

— И вообще, гастроли кончаются. Могли бы дать сразу. Сейчас они в Саутгемптоне, потом отправятся в Портсмут.

— Там очень хорошо.

— Да-а?

— Какие площадки!

— Я в гольф не играю.

— Ну, там вообще неплохо.

— Там ужасно. Лучше бы не ехать.

— Почему?

Лорда Долиша легко коснулась жалость к себе. Что ни скажешь, все не так. Видимо, Клара грустит. Как ее винить? Ей трудно приходится.

Он никогда ее не осуждал, но трудности сводились к тому, что скучновато жить с небогатой матерью. Быть может, такая жизнь невесела, но только влюбленный считает ее трагической. Многим, в том числе Биллу, прекрасная Клара казалась страдалицей, которую держит редкостное мужество.

Словом, кроткому лорду пришлось объясняться.

— Понимаешь, — сказал он, — неудобно просить прибавку. Еще рассердятся…

— Сколько можно им угождать? Езжу, езжу… Меня просто мутит!

— Это от жары.

— Ничего подобного. От тебя.

— От меня? Да что я сделал?

— Лучше спроси, чего ты не сделал. Почему ты нищий? Лорд Долиш беззвучно застонал. Опять то же самое.

— Моя дорогая!

— Что за тон? Я тебе не внучка. По-че-му ты ни-…

— Мы можем пожениться прямо сейчас.

— Ах, надоело! Я не собираюсь жить на гроши. Другие как-то зарабатывают.

— Ты же знаешь, я пытался. Вот, сказал старикану… то есть Биджери, чтобы они мне прибавили, а он чуть не задохнулся. Нельзя смеяться и пить виски с содовой. Оказывается, они мне платят по дружбе. Очень мило, ты не думаешь?

— Какой прок от этой дружбы?

— Прости, не понял.

— Помоги вступить Бретфилду. Он же тебя просил! Ты же — общий любимец!

— Моя дорогая… то есть душенька… Всему есть предел. Он очень подлый.

— И очень богатый. Теперь ты его обидел…

— Я?

— Послал ему абонемент в зоологический сад.

— А, да! Послал. И он пошел, в ближайшее воскресенье. Нет, как эти

богачи любят поживиться даром! Помню, в прошлом году я встретил американца…

— Не отвлекайся. Ты вечно упускаешь свой шанс.

— Понимаешь, если меня любят в клубе, нельзя этим пользоваться.

— Ладно. А с тем американцем? Он мог тебе… помочь.

— Клара! — воскликнул Билл. — Мы едва знакомы!

— Да-а? Ты ему помогал, время тратил…

— Там, кроме нас, никого не было. Тихий курорт, поздняя осень. Ну, помог человеку… у него неплохой удар. Теперь он меня совсем забыл.

— Если не ошибаюсь, вы встретились в Лондоне.

— Да, правда. Он шел туда, я — сюда. Кивнули друг другу.

— Надо было его задержать, напомнить…

— Сразу видно, ты не знакома со старым Наткомом. Он кэдди на чай не давал. И вообще, я не хочу пользоваться…

— Вот именно. Не хочешь.

— Понимаешь, в Англии мало денег. Зато в Америке — много. Вчера мне Гейтс говорил, там легко разбогатеть. Правление всегда даст мне отпуск недели на три…

— Зачем такие хлопоты? У тебя же есть титул! Тебя куда угодно возьмут каким-нибудь председателем.

— Понимаешь, я не умею распоряжаться. Попаду еще в аферу… И вообще, неприятно, когда тебя берут из-за титула.

Клара прикусила губу.

— Нет, что же это такое! — воскликнула она. — Подруги просто онемели, что я выхожу за лорда. А теперь вот объясняй, что у нас нет денег. Да, попалась я, как бедная Полли! Прямо из «Небесного вальса» — леди Уэзерби! А толку? Нет, просто чушь какая-то! Ну, займись автомобилями.

— Да я в них не разбираюсь. Зачем обижать людей? Я могу подсунуть что угодно, хоть игрушку на колесиках.

— Пусть сами смотрят. Твое дело — продать.

Поистине в этот день Долишу не везло. Он все время говорил невпопад, а сейчас достиг апогея:

— Ну, знаешь, все-таки noblesse oblige. Клара хмыкнула и взглянула на часы.

— Мне пора.

— А кофе?

— Не хочу я никакого кофе.

— В чем дело?

— Ни в чем. Надо уложить вещи.

Долиш не кинулся за ней, потому что еще не заплатил. Пока он это делал, она исчезла. Он выбежал на улицу. Ее нигде не было.

2

Скорбь окутала пэра. Солнце померкло. Небеса посерели, подул холодный ветер. Шафтсбери-авеню стала исключительно мерзкой. Правда, и Пиккадилли оказалась не лучше, когда он туда попал. Люди ходят, вообще много пакости… «Ну что за мир?» — думал лорд, остро жалея себя. «Noblesse oblige» сказать нельзя! А почему, собственно? Тут он наткнулся на фонарный столб.

Удар кое-что изменил. Жалость переместилась. В сущности, можно понять и Клару. Она печется о нем, а он ее обидел. Нельзя так себя вести с тонкой, нежной натурой. Причем тут noblesse? Нет, какая глупость!

Вдруг он остановился. Его осенила мысль, которая в свое время осенила Колумба.

— В Америку! — повторял он, сидя в такси, как повторял когда-то Колумб жене на кухне.

О великой республике Долиш знал мало. Что-то такое она не поделила с Англией в XVIII веке, но это уладилось, вроде сейчас всё в порядке. Коктейли он ценил, не осуждал и рэг-тайм, а больше ничего из сокровищ Америки толком не ведал.

Ехал он повидаться с Гейтсом, корреспондентом одной американской газеты. Застать его можно было в лондонском отделении Перочернильного клуба.

Долиш его и застал. Он как раз доедал второй завтрак.

— В чем дело, Билл? — спросил он, отведя молодого лорда в уголок библиотеки. — Какой-то вы такой… одухотворенный…

— У меня мысль.

— Какая?

— Помните, вы говорили про Америку?

— Что именно?

— Там легко разбогатеть.

— Ну и что?

— Я туда еду.

— Чтобы разбогатеть?

— Конечно.

— А зачем?

— Денег нет.

— Давно не слали из поместий? Билл засмеялся.

— О чем вы говорите? Как, по-вашему, сколько я получаю в год? Четыреста фунтов.

— Быть не может! А я-то думал, вы богач.

— Почему?

— Вид такой, богатый. Странно тут у вас. Мы знакомы четыре месяца, у нас есть общие друзья, но ни слова не слышал о ваших… ресурсах. В Нью-Йорке мы все помечены: «Доход — такой-то, перспективы — такие-то». М-да, тогда другое дело. Конечно, в Америке заработать легче. Не знаю, чем вы займетесь, но дам вам два-три письма.

— Спасибо большое.

— Можно, я назову вас Смитом?

— Смитом?

— Лорду работы не дадут. Их у нас любят, но в другом плане — гольф, танцы какие-нибудь, но не офис. Там работа трудная, на всю катушку.

— Вот как…

— Значит, Смит.

— А можно другую?

— Сколько угодно. «Джонс» не подойдет?

— Я ее забуду.

— Если вы *ее* забудете, вряд ли у вас есть шансы.

— Может, Чалмерс?

— По-вашему, это проще Джонса?

— Я и есть Чалмерс. «Долиш» — титул, а не фамилия.

— А! Ну, хорошо. Значит, Чалмерс. Когда едете?

— Завтра.

— Однако вы не ленитесь. Кстати, в Нью-Йорке можете жить у меня.

— Спасибо вам большое.

— Не за что. Мне же лучше, приглядите за квартирой. Записывайте адрес. Сегодня пошлю вам письма и ключи.

Билл весело шел по Стрэнду. Он купил билеты, потом отправился в клуб. Там ему передали записку:

«1 ч.д. Лорду Долишу. Зайти к Николзу (хорошие новости)».

Он взглянул на часы — что ж, время есть — и пошел в прославленную

фирму «Николз, Николз, Николз и Николз».

3

Клара Фенвик сидела в автобусе. Июньское солнце наполняло ее не радостью, но яростью. Нет, вы подумайте «noblesse oblige»! И, заметьте, сверху вниз, словно она толкает его на преступление! Теперь все так делают, причем тут «noblesse»?

Автобус двигался по Кенсингтону. Клара терпеть не могла этих мест, предпочитая им Гровнор-сквер. Как-никак, из романов известно, что там — и дворецкие, и камеристки, и мягкие диваны, и приглушенный свет. Это вам не дешевая мебель, не басовитая кухарка, распевающая гимны, и не вредоносный братец. Всего десять лет, и то дают меньше, а шуму — как от целой толпы.

Именно он приветствовал ее в передней.

— А тебе письмо. Марку не дашь? У меня такой нету.

— Не вопи, — отвечала сестра. — Бери свою марку, на что она мне? Давай письмо.

Брат исчез, взвизгнув от счастья, но из-за полуприкрытой двери послышался голос:

— Это ты?

— Да, мама. Я спешу, мне сегодня в Саутгемптон.

— Когда поезд?

— В четверть четвертого.

— А ты успеешь?

— Успею, успею.

Клара сжала кулаки. Из столовой и из кухни одновременно раздавалось пение. Она юркнула к себе и стала швырять вещи в чемодан. Бросив взгляд на письмо, она поняла, что оно — от Полли, и решила прочесть позднее.

«Привет, старушка! — читала она в поезде. — Неужели я тебе еще не писала? Ужас какой! А сколько всего случилось… Начну с моего номера. Ну, чистый блеск! Сколько мне платят, не скажу, а то тебе станет худо.

Я теперь босоножка. Начала в ансамбле, и дело пошло так, что меня сманили в ресторан. Теперь там столика не закажешь, если не дашь метрдотелю в лапу. Пляшу босиком, вообще легко одета. Народу — тьма,

полицию вызывают. Деньги отвозят в банк на трех грузовиках.

Конечно, главное — имя, леди Полина Уэзерби. Алджи говорит, это неправильно, я не дочь графа,[4] но мне наплевать. Успех — жуткий.

Вот оно как, старушка. Приезжай, а? Я сняла домик на Лонг-Айленде. Отдохнешь до осени, а там что-нибудь подыщем. У меня есть *вес*. Да и без меня тебя мигом возьмут. Я показала твое фото, агент прямо подпрыгнул.

Мне без тебя не протянуть. Алджи — просто свинья. У меня есть агент для связи с прессой, очень умный дядя. Я даю интервью, всякие так советы и т. п. Так вот, он сказал, чтобы я завела змею и обезьяну.

Я завела, а мой повелитель очень рассердился. Теперь он рисует. В Англии он собирал фотографии лошадей, а потом — автомобилей. Под конец он играл на рояле, я чуть с ума не сошла. А теперь вот рисует.

Это ладно, чем-то хоть занят. У него своя мастерская. Все бы хорошо, но он решил, что нужна «душа художника», то есть всякие нервы.

Сегодня утром Кларенс (змея) вполз на стол, мы как раз завтракали. Он очень любит вареные яйца. Вполз, посмотрел так это умильно, а мой дурак стукнул его чайной ложкой. Бледный такой, весь дрожит и говорит: «Полина, мы не в зверинце. Тонкий, нервный человек не может ужиться со змеей. Или я, или…»

Тут на него спрыгнул Юстес (обезьяна). Он очень любит Алджи.

Не поверишь, мой граф встал и вышел из дома прямо с ложкой. Днем позвонил и сказал, чтобы я выбирала. Я ему говорю, скажи спасибо, у Майры Девениш — пума, но он повесил трубку.

В общем, мне очень плохо. Конечно, я не сдамся, но страдаю. Приезжай, помоги. Если успеешь на «Атлантик» двадцать четвертого, познакомишься с симпатичным человеком. Его зовут Дадли Пикеринг. Очень богатый (автомобили). А агента — Роско Шериф.

Приезжай, я без тебя не выдержу, уступлю моему кретину. Сил от него нет, но я его люблю.

Твоя Полли»

Клара чуть не заплакала. Легко сказать, в Америку, а на какие деньги? Полли могла об этом и подумать. Она взглянула на письмо и вдруг заметила приписку:

«P.S. За дорогу я заплатила, так что езжай. П.»

Через час в саутгемптонском отделении «Уайт Стар» появилась сияющая девушка. Билет ей выдали, и она помчалась в театр, чтобы успели

найти замену. Потом написала домой, надо все-таки.

«Ровно шесть», — подумала она. Там в Кенсингтоне, царит запах обеда. Кухарка, стоя над капустой, поет какой-нибудь гимн. Мать вздыхает. Перси делает что-нибудь плохое…

Представив все это, она блаженно улыбнулась.

4

Контора «Николз, Николз, Николз и Николз» помещалась в Линкольнз Инн.[5] Первый из Николзов умер при Вильгельме IV,[6] второй — к юбилею королевы Виктории. Остались Джерри и его отец, суровый старец, знавший все тайны английской аристократии.

Билл направился к Джерри, который при отце делал вид, что истово трудится. Сейчас отца не было, и он ловил зонтиком бумажный шарик. Линкольнз Инн еще не излечил его от живости, которой он славился в Кембридже, и третьего Николза огорчало его небрежение к формальностям.

— Привет! — сказал он, нежно тыкая Билла ручкой зонтика. — Как жизнь? Оч-чень хорошо. И я не жалуюсь. Значит, получил мою весть?

— Да. И сразу прибежал.

— Садись.

— А что случилось? Джерри присел на стол.

— Если бы отец был здесь, он бы часа полтора разглагольствовал. Но его нет, и я тебя прямо спрошу, что ты такого сделал некоему Наткому?

— Наткому?

— Именно так.

— Часом, не Айре?

— Да, Айре Дж., Чикаго, позже — Лондон, в настоящее время — рай.

— Он что, умер?

— Да. И оставил тебе около миллиона фунтов. Лорд посмотрел на часы.

— Ладно, старик, давай серьезно. Зачем ты меня вызвал? Надо забежать в клуб, я как раз хотел просить о при…

Джерри вознес руки к небесам, а позже, словно этого мало, швырнул пресс-папье в портрет первого Николза. Подойдя и посмотрев, что вышло, он взял ножницы, перерезал веревку и нажал звонок. Явился состарившийся мальчик.

— Перкис, — сказал Николз IV, — видите это суфле?

— Да, сэр.

— Вам хочется узнать, что случилось?

— Да, сэр.

— Мы беседовали с вами по делу, а он вдруг упал. Ваш объяснимый испуг я умягчил вот этой купюрой. Ясно?

— Да, сэр.

— Далеко пойдет, — сообщил Джерри, когда дверь закрылась. — Знает только два слова: «да» и «сэр». А вот ты… Смотреть противно. Беспокоишься о каких-то грошах… Тебе что, неясно? Ты — миллионер.

Билл тупо глядел на него.

— Бумагу сейчас не покажу. Во-первых, ключи у отца. Во-вторых, отец рассердится, что я тебе все сказал. В-третьих, ты все равно не поймешь, тут нужен разум юриста. Если убрать длинные слова, получится, что старый Натком оставил тебе деньги, потому что только ты из всех людей на свете бескорыстно ему помог. Что ты сделал, а? Я сам так буду помогать богатым старцам.

— Джерри, ты не шутишь? — выговорил лорд.

— Клянусь на Библии. Кто я, по-твоему? Я — суровый законник. Николзы не шутят с клиентами.

— О, Господи!

— Помог ты ему в Марвин Бэй, и правильно сделал. К счастью, он не успел переменить завещание. За последние два года он их менял четыре раза. Так чем ты ему помог? Спас на водах?

— Нет, мы играли в гольф. Я кое-что посоветовал. Позанимался с ним немного. Ой, не могу! Не верю! И за это — миллион?

— А что? Ты потратил на него время. Заметь — бескорыстно.

— Ну, что же это!

— Не кричи. Мне все ясно. С твоей добротой надо было этого ждать. Я думаю, старый Натком в первый и последний раз поступил разумно.

— Он меня даже не поблагодарил.

— У него такой характер. Не так давно наорал на отца и хлопнул дверью.

— Как ты думаешь, он не псих?

— Юридически — нет. У нас три справки от солидных врачей, на всякий случай. Скажем так, он чудаковат. Такой, знаешь ли, эксцентрик. У него есть племянник и племянница. Племяннику оставила деньги тетка, то есть миссис Натком. Тогда старик отписал все племяннице. Казалось бы, резонно. Но это не все. Через полгода он оставил племяннику 100 долларов, alias[7] 20 фунтов, а прочее отдал на репатриацию евреев. Но и

это не все. Потом — опять племянница, потом — ты. Тогда он приходил к нам в последний раз. А сегодня я узнал, что он скоропостижно скончался.

Молча выслушав этот рассказ, лорд Долиш встал и зашагал по комнате. Вид у него был такой, словно ему неудобно.

— Это ужасно! — сказал он наконец. — Джерри, это ужасно!

— Миллион фунтов?

— Я их просто украл.

— Почему?

— Если бы не я, эта девушка… Как ее зовут?

— Элизабет Бойд.

— Получила бы все. Ты ей сообщил?

— Она в Америке. Когда ты явился, я как раз ей писал, так это, неформально. Отец бы ее утопил в разных словесах, а я, знаешь, попросту: «Оставь надежду».

Билл не улыбнулся.

— Что ты страдаешь? — продолжал юрист. — При чем тут ты? Он все равно изменил, бы завещание. Оставил бы свой миллион престарелым кэдди.

— Не в том суть. Что бы ты сделал на моем месте?

— Прыгал от радости.

— А не решил бы съездить в Штаты?

— Что!

— Не попытался бы *ее* увидеть?

Джерри знал, что Билл глуповат, но не настолько же.

— А ты попытаешься?

— Понимаешь, я и так еду. У меня есть билет. Вот и загляну, все улажу…

— Что уладишь? Отдашь деньги?

— Не думаю. Лучше разделим пополам. В общем, посмотрю, как она, очень ли нуждается… Где, ты сказал, она живет?

— Я ничего не говорил. Билл, не делай глупостей!

— Да я просто посмотрю, честное слово.

— От тебя все равно не отстанешь. Ладно: Лонг-Айленд, Брукпорт.

— Спасибо.

— Нет, ты серьезно?

— Понимаешь…

— Просто хочешь посмотреть?

— Да, да!

Перед отъездом всегда много дел, и только на борту, в Ливерпуле, Билл собрался написать невесте. Писал он осторожно, суммы не назвал, утешаясь тем, что полмиллиона тоже ее обрадуют. Куда же послать письмо? — задумался он. В Саутгемптоне оно ее не застанет. Потом они едут в Портсмут. Значит, туда.

5

Маленький Брукпорт на Лонг-Айленде хорош для летнего отдыха. Как и кишащие там комары, он кормится приезжими. В то время года, когда скончался Натком, население его составляли бакалейщик, мясник, аптекарь, их обычные коллеги и мисс Элизабет Бойд, разводившая пчел на старой ферме.

Если вы возьмете третий том Британской энциклопедии (AUS-BJS), вы узнаете, что пчелы, принадлежащие к отряду *Hymenoptera*, мохнаты, большеноги и наделены особым хоботком для потребления жидкой пиши. Такою же пищей, пока были деньги, поддерживал жизнь Клод Натком Бойд; но это так, к слову. Мы не настолько высокомерны, чтобы презирать пчелу за какое бы то ни было родство или за большие ноги. Гораздо интересней следующая фраза: «Пчеловодство процветает в Америке».

Вот тут можно поспорить. Кто как, а Элизабет не процветала. В сущности, она едва сводила концы с концами.

Из той же энциклопедии мы узнаем, что пчеловод должен обладать особыми способностями. Если взять коммерческую часть, у Элизабет их не было. Пчел она любила, но знала о них не слишком много. Пасеку она завела, чтобы чем-то заняться в деревне, а обладала в ту пору кое-какими деньгами, кратким руководством и подержанной пчеломаткой. Из города пришлось уехать из-за брата. Он приканчивал теткино наследство, и сестре с трудом удалось устроить для него что-то среднее между детской и санаторием.

По странной прихоти природы, у самых плохих братьев — самые лучшие сестры. Работящие молодые люди, которые рано встают и трудятся в поте лица, наделены сестрами, которые вежливы с ними только тогда, когда просят денег. Элизабет мечтала о том, чтобы дорогой Натти стал великим человеком. Она надеялась, что чистый воздух и отсутствие развлечений усмирят рано или поздно его разгулявшиеся нервы. Ей было отрадно слушать, как он подметает. Конечно, в их словаре не нашлось места слову «обслуга». Элизабет стряпала, Натти занимался уборкой.

Через несколько дней после того, как Клара Фенвик и лорд Долиш, каждый сам по себе, отбыли в Америку, Элизабет Бойд села на кровати и отбросила пышные волосы. За окном пели птицы, сквозь жалюзи светило солнце, а главное — жалобно мяукал Джеймс, требовавший завтрака в половине девятого.

Она вскочила, набросила на хрупкие плечи розовый халатик, сунула маленькие ножки в голубые шлепанцы, зевнула и пошла вниз. Налив Джеймсу молока, она постояла на траве, вдыхая утренний воздух.

Ей был двадцать один год, но подслеповатый наблюдатель принял бы ее за ребенка. Только глаза и подбородок свидетельствовали о том, что перед вами — взрослая, решительная девушка. Глаза у нее, при очень светлых волосах, были карие, очень яркие, смелые и веселые; подбородок — небольшой, но чрезвычайно четкий.

Словно зоркий сторож, она смотрела, чтобы соседский щенок не вылакал молоко. Когда это случалось, кот глядел беспомощно и жалобно. При всей любви к щенку, справедливая Элизабет не могла потворствовать разбою.

День был прекрасный и тихий. Джеймс, допив молоко, стал умываться. С ближнего дерева, липы, осторожно спустилась белка. Из сада доносилось жужжание пчел.

Элизабет любила тихие дни, но опыт научил ее не доверять им. И точно — судя по звукам, что-то приключилось с водой. Вернувшись в кухню, она открыла кран. Появилась тонкая струйка, потом послышалось бульканье. Да, воды нет.

— Ах ты, Господи! — вскричала Элизабет и направилась к лестнице. — Натти!

Ответа не было.

— Натти, миленький!

Наверху кто-то заворочайся. Через некоторое время Клод Натком Бойд явил миру свое лицо с исключительно низким лбом и ничтожным подбородком. Утреннее солнце раздражало его, он заворчал.

Надо сказать, что Натти соответствовал эвклидову определению прямой — у него была только длина. Он рос и рос, пока к двадцати пяти годам не стал окончательно похожим на водоросль. Лежа он походил на шланг. Пока он раскручивался, пришла Элизабет.

— Доброе утро! — сказала она.

— Который час? — глухо отозвался он.

— Девятый. Погода — прекрасная. Птицы щебечут, пчелы жужжат, тепло. В общем, все замечательно.

Натти искоса посмотрел на сестру. Что-то она слишком распелась.

— Прямо-таки всё?

— Ну… воды опять нету.

— А, черт!

— Да, не везет нам.

— Мерзкое место! Когда ты скажешь этому Флаку, чтобы он там починил?

— Когда его встречу. А пока оденься, пожалуйста, и сходи к Смитам с ведерком.

— В такую даль!

— Меньше мили.

— И ведро обратно тащить! Да, прошлый раз меня укусила собака.

— Наверное, ты пригнулся, они этого не любят. Держись прямо, браво…

Натти просто взвыл от жалости к себе.

— Ну, что это! Будишь ни свет, ни заря, гонишь за водой, когда я еле жив, и еще хочешь, чтобы я держался, как тамбурмажор!

— Миленький, лежи, сколько хочешь. А я без воды не обойдусь. Такая уж я, избалованная.

— Надо найти человека для всей этой пакости.

— Как мы будем ему платить? Я еле-еле справляюсь. И вообще, скажи спасибо…

— …что у меня есть крыша над головой. Знаю, знаю. Можешь не напоминать.

Элизабет вспыхнула.

— Какая же ты свинья! Я хотела сказать: «что ты носишь воду, рубишь дрова»…

— Что? Дрова?!

— Это образ. Я имею в виду, «работаешь на свежем воздухе». Очень полезно.

— Не замечаю.

— Ты гораздо спокойней.

— Нет.

Она встревоженно взглянула на него.

— О, Натти! Неужели ты… что-нибудь видел?

— Мне снились обезьяны.

— Мне часто снится всякая чушь.

— За тобой гналась по Бродвею обезьяна во фраке?

— Не волнуйся, это пройдет. Поживешь еще немного здесь…

— Да, надеюсь — немного. Уже две недели, как умер дядя, скоро что-нибудь сообщат.

— Ты думаешь, он оставил нам деньги?

— А как же еще? Мы — его единственные родственники. Я ношу в его честь это омерзительное имя. Я поздравлял его с Рождеством и с днем рождения. Знаешь, у меня предчувствие, сегодня получим письмо. Сходи-ка на почту, пока я таскаю воду. Могли бы послать телеграмму, между прочим.

Элизабет пошла одеваться, заметно погрустнев. Деньги были очень нужны, но жаль, что умер дядя, которого она любила, несмотря на его странности. А еще жаль, что брат снова примется за старое.

Думая все это, она взглянула в окно. Натти понуро плелся к калитке. Вдруг он уронил ведро; видимо, потревожила его одна из здешних питомиц. Когда он ведро поднял, за изгородью появился сосед, мистер Прескот. Тот слез с велосипеда и чем-то махал. Должно быть, он ездил на почту и захватил их корреспонденцию.

Натти взял ее. Прескот исчез. Натти выбрал и вскрыл одно из писем, постоял и побежал к дому, задыхаясь и бормоча. Глазки у него сверкали яростью.

— Миленький, что случилось? — вскричала заботливая сестра.

— Дядя! Двадцать фунтов!.. Мне — двадцать фунтов, а остальное — какому-то Долишу!

Элизабет молча взяла письмо. Только что она сокрушалась, что брат получит деньги. Теперь она кипела гневом, что он не получил их. О себе она забыла.

На дядю сердиться бесполезно, думала она. Он слишком старенький, да и умер. Вот на этого Долиша… Она представила себе коварного проходимца с черными усами, ястребиным носом и неприятным взглядом. Именно такой человек только и ждет, чтобы вонзить когти в бедного дядю. До сих пор она не знала ненависти, но сейчас ненавидела лорда, который несколько часов назад ступил на американскую землю, чтобы ее увидеть.

Тем временем Натти шел по воду. Вот она, жизнь. При такой беде тащись чуть не целую милю, улещивай собаку и неси обратно полное ведро. Представьте, что героя греческой трагедии послали за чем-то в лавочку. Кто такой Долиш? — гадал он. Чем он угодил дяде? Как подольстился к нему, что такое он сделал?

Стряпая завтрак, сестра тревожно ждала брата. Наконец он появился, щедро расплескивая воду. С первого взгляда было ясно, как он страдает.

— Который час? — спросил он, упав в кресло.

— Половина десятого.

— Сейчас этот гад звонит слуге. Примет ванну, наденет золотое белье и отправится в банк…

Потянулся печальный день. Не смея тревожить брата, Элизабет помыла посуду и прибрала в доме. Потом она пошла к пчелам. Потом стала готовить обед.

За обедом Натти сказал: «Сейчас этот гад ругает слугу. Принес не то шампанское», — и погрузился в молчание.

Элизабет снова занялась хозяйством. К четырем часам она устала и пошла к себе отдохнуть — но уснула.

Вернулась она, когда солнце село, пчелы летели обратно, в улей. Брата нигде не было. Видимо, решил погулять. Она пошла в дом и только к восьми догадалась, что он сбежал в Нью-Йорк.

6

Лорд Долиш сидел в квартире Гейтса. Был вечер, одиннадцатый час второго дня после исхода Натти. Пэр Англии задумчиво курил, глядя на столик, где лежало письмо.

Город понравился ему, но и утомил. По неопытности он захотел увидеть сразу все интересное и, вернувшись, решил лечь пораньше, чтобы восстановить равновесие; но задумался о письме.

Прибыв в Америку, он тут же написал мисс Бойд. Не напишешь — окажешься грабителем вдов и сирот; отдашь все — обидишь Клару. Значит, делим наследство.

Но не тут-то было. Перед ним лежал ответ. Мисс Бойд наотрез отказалась от денег. Этого он не предвидел. Что же делать? Думая об этом, он выкурил не одну трубку и как раз начинал очередную, когда услышал звонок.

Отворив дверь, он увидел исключительно длинного субъекта в смокинге. Это его удивило. К нему заходил только Том, лифтер, родившийся в Англии. Больше он здесь никого не знал. Но загадка разрешилась, когда гость спросил:

— Гейтс дома?

Говорил он так, словно Гейтс ему очень нужен. Не желая его огорчать, лорд все-таки признался:

— Он в Лондоне.

— Давно?

— Месяца четыре.

— Можно зайти?

— Да, пожалуйста.

В гостиной пришелец уселся и посмотрел поверх коленей, словно овца через очень острый забор.

— А вы из Англии?

— Да.

— Давно?

— Третьи сутки.

Пришелец поднял колени выше и закурил сигарету.

— Здесь плохо то, — сказал он, — что все меняется. Только отлучись — и на тебе! Просто вокзал какой-то. Айк — в Аризоне, Майк — на курорте, Спайк — в тюрьме, остальных вообще нет. Полгода как уехал — и пожалуйста. Ни-ко-го. Знал бы, сидел бы в Брукпорте.

— В Брукпорте?!

— Это такое местечко на Лонг-Айленде.

Билл не любил и не умел притворяться, но все же решил быть осторожным. Если путешествуешь почти инкогнито, это необходимо. Субъект может знать мисс Бойд. И вообще, легко запутаться.

— Думал я, думал, к кому пойти, — продолжал пришелец. — Адрес, и то еле вспомнишь, тем более — телефон. Чудом нашел это место. Вы с Гейтсом приятели?

— Да, виделись в Лондоне.

— Так… И он вам предоставил жилье. Кстати, как ваша фамилия?

— Чалмерс.

— Та-ак… Значит, и Гейтса нету.

— У вас к нему важное дело?

— Для меня — важное. Я пригласил в ресторан одну девицу, Дэзи Линард, а она возьми и приведи подругу. Говорит, истинная душка. Это ничего, но тогда нужен кто-то, ей в пару. Вы что сегодня делаете?

— Собирался лечь.

— Лечь! В одиннадцатом часу! Надо поужинать в конце концов. Идемте с нами, а?

Лорд Долиш не любил огорчать людей. Ему не хотелось переодеваться и куда-то идти, но гость глядел уж очень жалобно.

— Спасибо большое… — начал он.

— Не за что, не за что. Вы меня спасете.

Лорд окончательно решился. Он встал.

— Ну, молодец! — одобрил гость. — Идите одевайтесь. Да, как ваша

фамилия?

— Чалмерс.

— А моя — Бойд.

— Бойд!

Гость принял восклицание как должное.

— Так я и думал, что вы обо мне слышали. Гейтс меня очень ценит. Я тут не последний человек.

«Вот она, судьба», — думал Билл, направляясь в спальню. Не захочешь, вздрогнешь. Письмо, отказ и вдруг этот братец. Вроде бы с ним подружиться легко. А потом подберемся к сестре… Да, это знак свыше.

В наши дни «пойти в ресторан» — просто иносказание. Обитатели Нью-Йорка совершают истинный обход. Свидание было назначено у Рейгельхеймера, на 42-й улице.

Натти и Билл пробыли там минут десять, когда явились Дэзи Линард с подругой. Та оказалась солидной. С миниатюрной Дэзи они были как большой корабль и лодочка на буксире. Такие девицы буквально плюхаются в зал, словно крупный камень — в воду. Все было у нее большим — и рот, и зубы, и глаза. Волосы мы определим как светлые, голос — как зычный, платье — как пунцовое. Бедный лорд сжался, словно перед ним разорвался большой снаряд.

Смутно расслышав, что его представляют мисс Линард, он немного отошел, будто после грозы попал под легкий дождик. Настораживало только то, что она очень пристально на него смотрела.

— Простите?.. — начал он.

— Я вас точно где-то видела.

— Да-а?

— Никак не вспомню, где.

— Если бы видела я, — вставила душка, — я бы не забыла.

— Вы из Англии? — продолжала мисс Линард.

— Да.

Душка заметила, что обожает англичан.

— Значит, мы там и встречались. В прошлом году я была на гастролях.

— Жаль, я вас не видел! — вскричал Натти.

— В Альгамбре, — продолжала подруга. — В Лондоне.

Душка обожала и Лондон.

— Вы знакомы с Делани?

Билл охотно сказал бы «нет», но Делани был одним из самых близких

приятелей.

— Вот, он повел всех ужинать. В Ковент-гарден. Не помните?

— Кстати, об ужине, — вставил Натти, — где метрдотель? Пусть нас усадят.

Он обвел ресторан печальным взглядом.

— Как все изменилось! — проговорил он, словно Одиссей, вернувшийся на Итаку. — Новый метрдотель, другой ковер…

— Веселей! — подбодрила Дэзи. — Скажи спасибо, если нас вообще усадят. Тут теперь не пробьешься.

— Почему? — полюбопытствовал Натти.

— Из-за этой леди Полины. Она здесь танцует. А ты не знал?

— В жизни о ней не слышал, — мрачно ответил Натти. — Сразу видно, долго тут не был. А кто она такая?

— Вы там газеты получаете?

— Но не читаю. Целый год не читал, видеть их не могу. Так кто же эта леди Полина?

— Босоножка. В греческом стиле. Теперь все в этом стиле, кто не в русском. Говорят, настоящая графиня.

Душка сообщила, что обожает английскую знать, и они сели за столик.

*

Возвращаясь к этому вечеру и поверяя происшедшее, лорд решил, что он так и не оправился от первого шока. Откуда-то из лишних измерений он видел, как ест омара, пьет вино и вставляет слово-другое; но двигался по памяти.

Время шло. Становилось веселее, во всяком случае — спутникам. Ему казалось, что он перенесся в безответственную пору юности. Натти еще не оставила печаль; и кто ей не поддастся, когда месяцами таскаешь ведра, трешь полы и с переменным успехом уклоняешься от пчел? Сейчас он рассказывал анекдот и сам смеялся, не забывая подливать вина и швыряться корками в лакея. Многосторонность нелегка, и то, что Натти не срывался, свидетельствовало о его выучке.

Поскольку Дэзи Линард опустила ему за шиворот кусочек льда, можно было решить, что застенчивость ее исчезла. Душка стала еще больше, светлее, бойчее и обращалась только к Биллу.

Лорд Долиш к ней изменился, причем — внезапно. В начале он думал о ней плохо. Увидев ее, он сразу вспомнил строку из Теннисона: «И вот —

моя напасть». Но согревшись едой, вином и сигарами, он испытал что-то вроде братской нежности.

Виновата ли она в том, что так массивна, а голос у нее такой зычный? Наверное, перешло по наследству. Может быть, ее отец был великаном в цирке, а мать — силачкой. На нее он взирал с тихим сочувствием, которое и преобразилось в братскую нежность. Оказалось, что он любит ее, и очень сильно. И то подумать, размер, сила, красота, да еше густой зычный голос. Ему было приятно, что она гладит ему руку. Он был рад, что она предложила именовать его «Билл».

Теперь все танцевали. Патриотам казалось, что никто не танцует лучше худосочных американцев. Этой способностью, конечно, они были обязаны национальному обычаю всенощного танца. В молодости местные люди ели много теста, но теперь стали танцевать во время еды. Лорд Долиш, как все британцы, глубоко уважал свой организм и поначалу решил не сдаваться. Но теперь он заколебался.

И впрямь, неудобно. Натти с мисс Линард то и дело уходят, а Душка в эту минуту глядит укоризненно. Воздействовал на него и вид танцующего Натти.

Билл колебался. Музыка остановилась. В нашем веке любят, чтобы звук имитировал поезд в туннеле, потом переходил к электрошоку, от которого дрожат руки и ноги и дергается позвоночник. Каждая капля крови вопила: «Пляши!» Больше он выдержать не мог. — Разрешите? — робко спросил он.

Не надо было ему пускаться в пляс. Он был респектабелен, приветлив, честен, благодушен. В университете он блестяще играл в футбол; гандикап в гольфе равнялся двум; боксировал он сносно. Но у всех есть недостатки. Билл плохо танцевал. Ему не хватало простора в танцевальных залах. Что до самого танца, он напоминал породистого щенка, который хочет перейти поле.

Появление Билла и Душки произвело невеселую сенсацию. Такая крупная пара представляла опасность. Первой жертвой пал Натти. Они вовлекли его в сложную фигуру, которую он толком не помнил, и утащили за собой. После этого они накинулись на толстого господина средних лет, поражающего и бриллиантами, и стоицизмом, который скрупулезно держался двух-трех вершков в середине комнаты. Судя по всему, он считал этот кусочек своим, и все с этим считались; но Билл с Душкой, налетев сзади, откинули его на два ярда. Потом, рассыпая: «Виноват» с широтой средневекового монарха, Билл закружил партнершу, стремясь в дальний угол. Он твердо верил, что там безопасней.

Однако он не подумал о Хайнрихе Йерхе. Собственно, он о нем и не слышал. Но судьба свела их, и это имело немалые последствия. Хайнрих Йерх давно покинул родину, чтобы избежать военной службы. После многих похождений в новом месте обитания — они чрезвычайно интересны, но мы расскажем о них в другой раз — он неплохо устроился в ресторане Рейгельхеймера. Служил он официантом и в данный момент нес поднос, на котором были бокалы, крохотные масленки, вилки и ножи. Собираясь накрыть столик, он чуть-чуть отступил на край танцевального пространства.

И пожалел об этом. В тот самый миг, когда он поставил поднос и собрался расставлять посуду, появился Билл на большой скорости. Впервые после отъезда Хайнрих Йерх пожалел о былом решении.

Билла спас столик. Он в него вцепился и, тем самым, уберег Душку, а также помог лакею подняться с кучи осколков. Как бы по сигналу танец оборвался, и он отвел на место взволнованную партнершу.

Он страдал. Ему было стыдно — и за то, что он пошел танцевать; и за то, что он обидел Хайнриха; и за то, наконец, что по его вине погибли стекло и масло. Одно утешало его: Клара далеко и его не видит. Интересно, кстати сказать, что она делает?

С удивлением глядя на обвал, Клара садилась за свой столик.

7

Лорд не заметил ее по двум причинам. Ресторан расположен внизу десятиэтажного дома и, чтобы дом этот не рухнул в суп, потолок подпирают могучие колонны. Одна из них находилась между столиками наших героев. Вот здесь — Натти с компанией, а вон там, глядишь — Клара, леди Уэзерби и Дадли Пикеринг. Почему же, спросите вы, *он* не увидел *ее,* когда пошел танцевать? Потому, что, танцуя, он танцевал, а не оглядывался.

О том, что было с Кларой в пути, мы говорить не станем. Ну, ела, читала, спала. Да, познакомилась с Дедли Пикерингом. Занимаясь автомобилями, не слишком молодой уроженец Среднего Запада трудом и умением сколотил солидный капитал. Отзывались о нем хорошо, и он хорошо о себе отзывался. Во время плавания он поведал Кларе сагу своей жизни. Надо ли говорить, что он влюбился? Заметим, она его поощряла, и с особой нежностью.

Школьница, и та знает, что делать, когда в тебя влюбляется

миллионер. Однако у Клары были и помехи. Конечно, одной из них числился лорд Долиш. Она не сказала о нем Дадли и, чтобы не сеять соблазна, сняла обручальное кольцо. Но о помолвке она помнила. Кроме того, миллионер был исключительно скучен. Говорил он только об автомобилях.

Для Клары автомобиль был красивым, удобным и чужим средством передвижения. Дальше ее знания не заходили. Дадли же относился к ним, как хирург — к телу. Его пленяли внутренности, которые можно исследовать, кропать, менять. Приветливо сияя, Клара слушала, но сомневалась, что продержится до конца жизни. Именно эти мысли томили ее, когда она вошла к Рейгельхеймеру, тем более, что ведомые женщинам знаки предвещали перемену темы.

При первой возможности, чувствовала она, он сделает предложение.

Пока мешало присутствие Полли, но вот свет погас, джазмены собрались отдохнуть, жуя резинку, и послышались звуки скрипок.

Под шелест аплодисментов леди Полина поднялась. — Теперь смотри, — сказала она Кларе. — Одно слово — «античность». Называется «Сон Психеи». И все сама, все сама…

Близкой подруге было трудно как-то связать Полли с античностью. Когда они подвизались в «Небесном вальсе», она славилась анекдотами и редкостной способностью отшить самую склочную тетку. Вроде бы за этот год она не изменилась.

«Сон Психеи» был могуч. Походил он, скорее, на бокс с тенью. Понемногу размявшись, босоножка выходила к апогею. Под верещание скрипок и грохот рояля она отбегала, наступала, скакала и размахивала руками, словно занимаясь гимнастикой на свежем воздухе. Может быть, такова античность.

Клара ошарашено на это глядела, как вдруг услышала сквозь грохот, что Пикеринг делает ей предложение. Понадобилось женское чутье, говорил он сбивчиво; он петлял; он даже крутил. Но она поняла, и подумала, что он не выдержал срока. Придется что-то ответить, а она еще не решила, что же именно.

Пока он плел словеса, не переходя к делу, музыка умолкла. Раздались аплодисменты; Полли вернулась к столику, словно боксер, стремящийся в угол после раунда.

— Платят за это! — весело сказала она. — Закачаешься. Очарование было нарушено. Пикеринг выпрямился. Как-то отвечая подруге, Клара гадала, что же ответить ему. Атаку он возобновит при малейшей возможности, и тут уж придется решать.

Утешаясь после танца кофе с мороженым, леди Уэзерби разговорилась:

— Знаешь, Алджи звонил.

— Вот как?

Клара поглядывала на Пикеринга. Да, некрасив, но и не уродлив. Склонен к полноте; лысоват; взгляд нудный, но не глупый. Словом, ничего такого, что не перевесят миллионы. Что же до других свойств — остроумием не блещет, но так ли оно необходимо? Дело не в нем, дело в Долише. Бросив его ради денег, очень трудно сохранить… как бы это выразиться?.. уважение к себе.

— Я думаю, он сдается, — говорила Полли.

— Вот как?

Конечно, суть — именно здесь. Она хочет сохранить о себе хорошее мнение. Значит, надо придумать очень весомое оправдание.

К столу приближался официант.

— Мистер Пикеринг!

Взволнованный обожатель вернулся к жизни.

— В чем дело?

— Вас к телефону.

— А, да, я жду междугороднюю. Простите, леди Уэзерби! Леди смотрела ему вслед.

— Ну, как он тебе?

— Очень милый.

— Он от тебя без ума. Так я и думала. Потому и хотела, чтобы вы вместе плыли.

— Полли! Какая же ты хитрая!

— Я хочу вас свести, — серьезно продолжала леди. — Может быть, он не гений, но человек прекрасный, а тут еще и деньги. Ты не собираешься их упустить?

— Мне он нравится.

— Он меня спрашивал, есть ли у тебя жених.

— Ну да!

— Я сказала: «Нет», он обрадовался. В общем, стоит поднять пальчик… Ой, здесь Алджи!

Клара подняла глаза. К ним шел, петляя между столиками, юркий хрупкий человечек с красным лицом, намеком на баки, розовыми глазками, серовато-рыжими бровями и необычайно легкими волосами того же оттенка. Выбрит он был так тщательно, словно в том и не нуждался, одет — с иголочки, и все же в нем ощущалась какая-то нескладность. Дойдя до

столика, он сел на свободное место.

— Полина, — скорбно вымолвил он.

— Алджи! — вскричала Полли. — Зачем ты пришел? Я тебя не звала, к столу не приглашала, тем более не просила ставить на него локти. Ну что ж, напомню, что я — не «Полина».[8] Я от этого прозвища просто вою. Да, поздоровайся с Кларой. Ты ее должен помнить, она была моей шаферицей.

— Добрый день, мисс Фенвик, — послушно откликнулся он. — Конечно, я вас прекрасно помню. Рад увидеться.

— А теперь — в чем дело? Зачем ты пришел? Лорд покосился на Клару.

— Ничего, *она* в курсе.

— Тогда я взываю к мисс Фенвик. Разумно ли, резонно ли ждать от художественной натуры, чтобы она завтракала со змеями? Надеюсь, я не капризен, но *не хочу* есть рядом с длинным зеленым гадом.

— Зачем ты его ударил?

— Да, я сорвался. Понимаете, я размешивал чай, а тут и он. Нервы взвинчены, всю ночь не спал, думал о холсте…

— О чем?

— О холсте. О картине. Полли обернулась к подруге:

— Нет, ты его послушай. Год назад он не знал, где какой конец кисти. И про нервы не знал. Художественную натуру он бы не узнал и на блюде с гарниром. А теперь? Завел мастерскую и бьет змею ложечкой! Он кто, Микеланджело?

— Ты не права. Да, талант открылся поздно — но при чем тут ссоры? Если хочешь, я извинюсь за Кларенса. Этого достаточно, да, мисс Фенвик? Ну, вот. Мисс Фенвик считает, что этого достаточно.

Леди Уэзерби заворчала. Муж ее допил виски с содовой, оставленное Дадли, и, видимо, почерпнул из него силу.

— Да, — повторил он, — я извиняюсь, но обитать рядом с ним не намерен.

Леди Уэзерби бросила на Клару мученический взгляд.

— Помню, на ньюмаркетских скачках, — сказала она, — Алджи висел на перилах и жутко орал. То были первые слова, которые я услышала. Чем-чем, а натурой он не был.

— Полина… То есть Полли, я стараюсь выражаться яснее. Как посол.

— Я бы употребила другое сравнение, но ты испугаешься.

— Стараюсь, как могу…

— Алджи, послушай! Сейчас я в порядке, но, если что, огрею тебя стулом. К чему ты ведешь?

— К тому, чтобы ты избавилась от змея.

— Еще чего!

— Такая мелочь!

— Да?

Лорд Уэзерби вздохнул.

— Когда я вел тебя к алтарю, — укоризненно напомнил он, — ты обещала любить меня, почитать и слушаться. И что же?

Леди Уэзерби заметно смягчилась.

— Когда ты так говоришь, я вспоминаю старые времена. Ты приходил занять полкроны на какую-нибудь лошадь… Так вот, пойми, я держу Кларенса не по любви, а для рекламы.

— Ну, хорошо, обезьяну я понимаю. Они у многих есть. Давай так: Юстеса держим, Кларенса отдаем.

— Значит, ты не против Юсти?

— Против, против, но уступаю.

— Согласен жить рядом с ним?

— Придется. Но не с Кларенсом. Они помолчали.

— Собственно, я и сама не очень люблю Кларенса, — тихо сказала Полли.

— Дорогая моя!

— Постой. Я еще не согласилась.

— Но собираешься? Полли немного подумала.

— Хорошо. Завтра же отошлю в зоологический сад.

— Душечка!

Он схватил под столом женскую руку.

— Знаешь, дорогой, — совсем растаяла жена, — когда ты вот так подвываешь, я устоять не могу.

— Когда ты плясала этот сон, я чуть тебя не обнял!

— Алджи!

— Полли!

— Вы не отпустите мою руку? — спросила Клара, которой надоели восторги.

Лорд смутился, но быстро пришел в себя и ударился в пафос:

— Мисс Фенвик, — сказал он, — несомненно, вскоре вы узнаете, что супружеская жизнь — это цепь взаимных уступок. Светильник любви…

Речь его прервал грохот, крик и звон стекла. Вскакивая, леди Уэзерби разлила холодный кофе, муж ее выронил светильник любви, а Клара, сидевшая рядом с колонной, первой все увидела.

Судя по следам, высокий человек с высокой девицей налетел на

невысокого официанта, и тот упал с подносом вместе. Сейчас они выбирались из развалин, мужчина — спиною к ней, и было в этой спине что-то знакомое. Тут он обернулся, и она узнала Долиша.

Резонное удивление, при всей своей силе, сменилось другими чувствами. Переведя взгляд на даму, Клара заметила ее объем и золото волос. Если отбросить чары, Душка была очень похожа на певичку с афиши.

Клара села. Лорд и леди Уэзерби продолжали беседу, но она в нее не вмешивалась.

— Что-то ты совсем затихла, — сказала Полли.

— Я думаю.

— Говорят, очень полезно. Сама я никогда не пробовала. Кроличек был нехороший, ушел из дома… Не надо бы его держать за лапку…

8

Натти резвился вовсю. Если ему и являлся укоризненный взгляд сестры, он отгонял его, чтобы не портить удовольствия. Во всех ресторанах он был на подъеме, иногда вспоминая, правда, что двадцать фунтов долго не протянутся.

— *Как* его фамилия? — переспросила полусонная мисс Линард.

— Чалмерс.

— А вот и нет. Он… — она зевнула, — лорд какой-то.

— То есть как?

— Ну, лорд. Из Лондона.

— Вы что, там точно виделись?

— Куда уж точней. Он был у Одди, Делани пригласил. Другого такого танцора в Англии не отыщешь.

Она хихикнула.

— А титул так и вертится. Что-то вроде доли…

— Доли? В каком смысле?

— Или «долины». Дол — и еще что-то. А, вот оно! Долиш.

Натти мигом очнулся.

— Быть не может!

— Почему?

— Ты уверена?

— М-дэ…

— А, черт!

К сожалению, дама заснула. Расталкивать их нельзя. Он присел и стал лихорадочно думать.

Зачем лорду Долишу ехать в Америку под псевдонимом? Он — здесь. Надо действовать. Отвезя в отель спящую Дэзи, Натти велел шоферу ехать к Гейтсу. Стараясь думать быстрее, он решил как можно скорей доставить Билла на ферму. Охмуряем его, женим на сестрице… Тут машина резко остановилась, и он проснулся, лицом к лицу с судьбой.

Билл принял его в пижаме, печально предполагая, что здесь принято общаться до самого завтрака. Но гость развеял эти мысли.

— Простите, — сказал он. — Завтра еду на ферму. Не желаете ли провести там день-другой?

Билл и надеяться на это не мог. Вот удача так удача.

— С удовольствием! — ответил он. — Большое спасибо.

— Поездов много, — сообщил Натти. — Вряд ли встанем рано. Я зайду за вами в полседьмого. Пообедаем — и на поезд. Мы там, знаете ли. очень просто живем. Вы не против?

— Ну, что вы!

— Что ж, решено, — сказал уходящий гость. — До скорого.

9

Элизабет зашла к брату, села на постель и оглядела его взглядом, который прожег дырки в его обремененной совести. За это утро она заходила к нему второй раз. Час назад, принеся завтрак, он не сказана ни слова. Молчание потрясло его сильнее, чем то, что случилось в городе. Он вообще не любил есть утром, но сейчас глазунья вызвала в нем живейшее отвращение. Взглянув на нее, он вспомнил песенку в одной оперетте: «Что может быть противнее яиц?», прикрыл тарелку платком и попытался пить чай. Потом он печально закурил, готовясь к бедам.

Нет, почему она молчит? Вечером он старался не оставаться с ней наедине, но полагал, что она возьмет свое ночью. Однако она легла, а теперь — не разговаривает. Объяснялось это ее свойствами, в которых он плохо разбирался. Она очень сердилась, но доброта мешала ей трогать его, пока он не отдохнет и не поест. Да, его убить мало, но он ведь совсем измучен.

Теперь, судя по всему, необходимый срок окончился. Она посмотрела, закрыта ли дверь, и произнесла:

— Ну, вот…

— Что «ну, вот»? — закипятился он. — Нет, что еще за «ну, вот»? Чего ты хочешь? С какой стати…

Голос у него сорвался. Натти был не очень умен, но как-то почувствовал, что праведный гнев не имеет шансов на успех, и решил прибегнуть к жалости.

— О-о-ох, голова!

— Надеюсь, что она лопнет.

— Что ты говоришь!

— Прости…

— А-а…

— Ничего похуже не выдумала.

Натги ощутил, что и жалость — не к месту. Оставалось молчание. Он обиженно засопел. Речь повела Элизабет.

— Вот что, — сказала она, — много лет я не признавала, что ты — полный идиот. Теперь я сдаюсь. Ты за свои действия не отвечаешь. Не думай, ругать я тебя не буду, даже за то, что не прислал телеграммы. Это я понять могу. Обиделся, сбежал, вернулся Бог знает в каком виде — я тебя встретила, как блудного сына. Но зачем ты привез совершенно незнакомого человека? На вид он вполне приличен. Странно, что он — твой приятель.

Из-под одеяла донеслось недовольное урчание.

— В общем, против него я ничего не имею. Может быть, в полиции он известен как Жестокий Джек, но держится он хорошо. Меня возмущает другое — почему я должна всех обслуживать? Я стыжусь нашей честной бедности. Словом, мой бедный олух, изволь удалить отсюда своего Чалмерса. Иначе я просто свалюсь.

Хоть как-то утешенная монологом, Элизабет засмеялась. Она часто жалела о том, что не может долго сердиться. Что-нибудь смешило ее, и гнев исчезал. Сейчас ее развеселило то, что Натти залез под одеяло. На звук ее смеха он выглянул, словно червяк после дождя.

— Да-да, — сказала она. — Мы не можем кормить гостей. Твой Чалмерс меня возненавидит, я его изведу.

— Как это? — встревожился Натти.

— Для начала попрошу помочь с пчелами.

— Ну, что ты!

— Потом мы с ним добудем меду. Потом… вряд ли он останется жив. А если останется, поставлю мыть посуду. Пусть приносит пользу.

Натти вскрикнул, но она уже удалилась и пошла вниз.

Внизу сидел лорд Долиш и курил сигару. День стоял прекрасный, блаженный. Все шло лучше некуда. Он — под той же крышей, что и обездоленная девушка. Остается назвать себя и уговорить ее. Вчера она буквально мелькнула перед ним, но впечатление произвела хорошее. Что-то есть в этих американках, — простота, ясность какая-то. Дом ему тоже понравился. Он бы с удовольствием здесь пожил.

И впрямь, ферма больше радовала взгляд, чем ее соседки, — черно-белой ли раскраской, причудливой ли крышей. Не подкачала и растительность в саду.

Увидев, что по этому самому саду к нему направляется хозяйка, Билл отбросил сигару и встал. При дневном свете она была еще привлекательней. Миниатюрность и аккуратность выгодно отличали ее от Душки. Сейчас, после ресторанных треволнений, лорду казалось, что несходство это и составляет главную прелесть женщины. Ко всему прочему, у мисс Бойд был нежный негромкий голос.

— Сижу, любуюсь вашим садом, — сказал пэр.

— Остальное — много хуже, — откликнулась она. — Места у нас обманчивые. Бухта — красивая, но купаться нельзя, там медузы. Хорош и лес, но там клещи. Они сосут кровь, — беспечно прибавила она. — Вечера — просто прелесть, если бы не комары.

Она подождала, но он не вскочил и не кинулся к станции.

— И, конечно, вечно жалят пчелы. Надеюсь, вы их не боитесь?

— Да нет. Скорее, люблю. Глаза у нее засверкали.

— Вот как! Тогда не поможете ли мне открыть улей?

— С удовольствием.

— Пойду, все приготовлю.

Она побежала к Натти, спугнув его тревожный сон.

— Ему конец!

Натти резко поднялся.

— Что там еще?

— Ты не понимаешь. Я его попросила помочь мне с пчелами. Если выживет, сразу уедет, только протрет раны.

— Подумай, он же гость…

— Ничего, скоро это кончится.

— Когда ты попросила меня, я неделю вытаскивал эти жала.

— Они не любят курильщиков.

— Он тоже курит.

— Только что курил сигару.

— О, Господи!

— Пока, дорогой. Он ждет.

Посмотрев с интересом на то, что она принесла, а именно — скамеечку, дымарь, обтирку, отвертку и клетку для царицы, он взял это все у нее, любезно прибавив:

— Если у вас нет подводы, разрешите, я понесу.

Такое легкомыслие ей не понравилось. Тут надо бы дрожать всем телом.

— А сетка вам не нужна? — спросил он.

Обычно она сетку надевала. Да, пчелы дружили с ней, но до сих пор она все-таки береглась. Кто ее знает, среди своих может найтись и кто-нибудь вредный или слабоумный. Но нельзя же брать сетку только для себя, а защищать гостя она не хотела.

— Нет-нет, — отвечала она, — я их не боюсь. А вы?

— Я тоже.

— Вы знаете, что делать, если какая-нибудь на вас полетит?

— Как не полететь? Ничего, сама разберется.

Элизабет поджалась — что за бравада! — и молчала до самой пасеки.

Пчел было много, жужжали они грозно. Воздух был полон ими. Они носились туда-сюда. И почти сразу в гостя врезался грозный трутень. Она с удовольствием заметила, что гость подпрыгнул.

— Не бойтесь, — радостно сказала она, — это трутень. У них нет жала.

— А головы есть. Вот он, опять.

— Он учуял ваш табак. У трутней — тридцать семь тысяч восемь ноздрей.

— Ему же лучше. Не учует восемью, останется тридцать семь тысяч.

Пчелы вели себя плохо. Они ни за что не хотели кусать гостя. Одни пролетали мимо, другие в него врезались, третьи садились на рукав, четвертые глядели на него, словно спрашивая: «Что тут у нас такое?», но не кусался никто. На брата они кидались, где бы он ни был. Видимо, дело в том, что он мечется, словно Психея в исполнении Полли, а этот гость совершенно спокоен. Но какой упрямый, однако!

Не отвечая на последнюю фразу, она развела искусственный пожар. Результаты не замедлили — две-три пчелы, дежурившие у входа, поспешно юркнули в улей. Элизабет подбавила дыму, потом — еще, потом — еще. Наконец она взглянула на гостя. Он улыбался с явным интересом. Ну, что это!

— Скамеечку, — сказала она, — и отвертку, если не трудно. Усевшись у самого улья, она отвинтила стенку, вынула и протянула помощнику с

таким видом, словно покрыла его карту тузом.

— Не подержите ли, мистер Чалмерс?

Натти этих зрелищ не выносил. Стенка выглядела так, словно на ней пузырится вязкая черная жидкость. Только пристальный взгляд мог заметить, что всё это — пчелы. Они кишели, как люди в метро после конца работы.

Увидев их, Натти завизжал бы и понесся к дому. Билл не шелохнулся. На пчел он смотрел с интересом.

— Вот, помогите мне, мистер Чалмерс, — сказала Элизабет, — у вас руки сильнее. Держите ее крепко.

— Держу.

— И резко встряхните раза два. Они осыпятся.

— Я бы тоже осыпался на их месте, — добродушно сказал гость.

Элизабет ощутила, что туз своего дела не сделал. Гость встряхивал стенку быстрее, лучше, чем она сама, — да, сильнее руки. Пчелы посыпались дождем, несколько удивляясь, и устремились к знакомому летку.

Гость проводил их приветливым взглядом.

— Вечно думаю, — сказал он, — почему они на нас не кинутся. Видимо, не связывают причин и следствий. А вообще-то работа хитрая, если не привык. В первый раз я зажмурился и стал гадать, кремируют ли меня.

— В первый раз? — вскричала Элизабет. — Значит, вы это *делали?*

Голос у нее задрожал.

— Делал? Ну, конечно. Тысячу раз. Я провел целый год на пасеке.

Слова эти подействовали на Элизабет так, словно в ней что-то взорвалось. Неприязнь разлетелась, как снаряд. И она еще не хотела, чтобы этот дивный человек жил на ферме! Стыдилась стирки, стряпни… Да как же это! Пусть живет здесь сколько ему угодно.

— Вы разводили пчел?

— Нет, денег не хватило. Понимаете…

— Еще бы! Деньги, они такие.

— Нашел другое дело.

— Какое?

— Я — секретарь в клубе.

— Лондонском, конечно?

— Да.

— А хотели бы разводить пчел?

— Хотел бы. В Лондоне хорошо, но я больше люблю деревню. Мне

бы ферму, большую, вроде ранчо, далеко от города…

Он осекся. Не в первый раз он забывал, как все изменилось. Можно ли рассказывать жалобные истории, когда ему под силу купить десятки ферм? Трудно привыкнуть к миллиону.

— И я бы хотела, — сказала Элизабет. Еще ни разу ей не встречалась родственная душа. Натти не испытывал склонности к буколике. — Завела бы ферму, а летом привозила бы туда побольше детей.

— Они там всё не переломают?

— Бог с ними. Починю, а если сломали всё — куплю другое. — Она засмеялась. — Это не так уж фантастично. Я чуть не получила… — Она осеклась, но о чем не расскажешь тому, кто любит пчел? — Дядя хотел завещать мне очень много денег. Но один плохой человек, лорд Долиш — вы его не знаете? — как-то его обкрутил…

Она взглянула на гостя, и ее тронул его вид. Какой добрый, однако…

— Не знаю уж, как, — продолжала она, — козни какие-нибудь. Дядя был не очень доверчивый, скажем — просто упрямый. Но этот лорд что-то сделал, а потом… — Глаза ее сверкнули гневом, — посмел предложить мне половину. Я думаю, совесть успокаивал. Конечно, я отказалась.

— Но… почему?

— А как же иначе! Разве можно принять подачку от подлеца?

— Почему же подачку?

— Что же еще? Ладно, хватит о нем. Я сержусь, не надо портить такой хороший день.

Билл вздохнул и спросил:

— Зачем вы открыли улей? Хотите взглянуть на царицу? Элизабет покраснела, но ответила прямо, как пчеловод — пчеловоду:

— Нет, мистер Чалмерс. Я хотела, чтобы вы уронили стенку и вас покусали пчелы. С братом так и было. Понимаете, я огорчилась, что вы к нам приехали. Теперь мне очень стыдно. Останьтесь, пожалуйста.

— Господи! Если я мешаю…

— Ни в коем случае.

— Но вы же сказали…

— Да всё же изменилось! Я думала, вы — бездельник. Оставайтесь, вы нас спасете — и меня, и брата. Тут нет ни медуз, ни комаров, я все выдумала! А если и есть, Бог с ними! Вы играете в гольф?

— Да.

— Здесь есть поле. Какой у вас гандикап?

— Плюс два.

— И у меня тоже.

— Не может быть!
— Может-может. Мы с вами, мистер Чалмерс, — родственные души.
— И все-таки, если я мешаю…
— Вы *помогаете*. Вот, помогите убрать посуду.
— С большим удовольствием! — вскричал лорд Долиш.

10

Клару Фенвик удивляло поведение Дадли Пикеринга. Она не сомневалась, что наутро он снова предложит ей руку, сердце и автомобили. Но время шло, а он молчал. Вернее, он охотно говорил о карбюраторах, но не о любви и не о браке.

Она обижалась, как обижается хозяйка, которая все прибрала, украсила, а гости не идут. К объяснению она подготовилась; но плохо знала Пикеринга.

Он был застенчив и осторожен. В ресторане, каким-то чудом, и то и другое исчезло. Быть может, подействовал «Сон Психеи». Как бы то ни было, он едва не сделал предложение, а ночью, в постели, благодарил судьбу. В частной жизни он не любил определенности. Приняв приглашение на обед, он долго угрызался. Словом, на следующие дни после ресторана светоч любви еле-еле тлел, словно иссякло масло. Иногда он мечтал о браке, расплывчатом, абстрактном, но не о хорах, служках, епископах, а уж тем более — не о живой женщине. Этого он боялся так, что с криком вскакивал ночью. Клара худо-бедно тронула его, но автомобили он любил больше.

Так обстояли дела, когда леди Уэзерби, оттанцевав три месяца без перерыва, решила отдохнуть в Брукпорте вместе с Алджи, Юстесом, Кларой и мистером Пикерингом. Дом был большой, но ей хватало этих друзей. Ждали только Роско Шерифа, пресс-агента.

Места ей попались прекрасные. Сквозь кущи деревьев дом глядел с холма на бухту. На склонах располагались лужайки и аллеи, уставленные скамейками. Однако на Пикеринга все это производило не большее впечатление, чем газовый завод. Гуляя по лужайкам, сидя на скамейках, он рассказывал Кларе о смазочных маслах. Иногда ей казалось, что тридцать миллионов не стоят того, чтобы ударить его как следует по крупной лысоватой голове.

Наконец приехал Роско, и Пикеринг, всячески старавшийся устоять перед сиреной, обнаружил, что сирены нет. Клара бесстыдно покинула его;

она гуляла с Роско. Миллионер ощутил то, что ощущает человек, дошедший до верха лестницы и заметивший, что там нет ступенек. Он растерялся и расстроился.

Вечер спустился на Брукпорт. Юстес уже лег; лорд Уэзерби курил. Воскресный обед закончился, все сидели в гостиной, кроме Пикеринга, он сидел на террасе. Лонг-Айленд при свете луны казался раем.

Пикеринг был печален. Все толстые миллионеры печальны в вечерний час. Они одиноки. Они мечтают о любви. Брак уже не страшит их, им хочется покупать шляпы блондинкам. Именно в этом настроении пребывал автомобильный король, когда к нему двинулось что-то белое.

— Это вы? — осведомилось оно и село рядом. Из гостиной раздавались мелодичные звуки, весьма уместные в тихой ночи. Пикеринг вынул сигару изо рта и вцепился в ручки кресла.

По-ю-ю я песни да-а-альних стран,
Неу-га-си-имых грез,
Чтобы утишить боль от ран, ъ
Уня-а-ать потоки слез…

Клара тихо вздохнула.

— Какой прекрасный голос у мистера Шерифа… Пикеринг не ответил. Он был с ней не согласен. Прекрасный? Ха-ха. Мерзкий. Как можно нарушать такой пакостью заветную тишину?

— Правда, мистер Пикеринг?

— У-ум…

— Какой вы угрюмый! Скажите, я вас обидела?

— Вы?!

— Мы совсем не видимся эти дни. Вы меня избегаете?

Он окончательно растерялся. Что-то тут не так, подумал он, но лишился и последних остатков разума. Проурчав «ы-у-ы», он слышал нежный голос, особенно волнительный при луне. Двинуться он не мог. Надо бы, под каким-нибудь предлогом, переместиться в гостиную — но как? Иногда ваш автомобиль буксует, и шофер говорит: «Смесь густовата». Так и тут — одна луна еще бы ладно, а вместе с *ее* голосом — уже всё. Он сидел, сопел и вдруг понял, что настал великий час.

Пение умолкло. Роско отдыхал за юмористическим листком. Леди Уэзерби мягко трогала клавиши, от чего упомянутая смесь становилась еще гуще. Ну, что это? При свете луны, под звуки рояля прелестнейшая из

женщин сетует на то, что ты ее избегаешь. Разве это выдержишь?

— Мне так жаль, если я…

— Э?

— У меня совсем нет друзей… Мне одиноко… Я тоскую по дому…

Объемистый жилет миллионера чуть не лопнул от жалости. В ушах шумело, в горле стоял ком.

— Конечно, здесь очень хорошо. Все такие милые, особенно леди Уэзерби. Но… дом, дом… Я никогда не уезжала надолго. Мы живем втроем — мама, я и братик, мой маленький Перси.

Голос у нее дрогнул, и Пикеринг увидел Фаунтлероя, которого очень любил. Маленький, нежный, кроткий мальчик разлучен с сестрой. Может быть, у него чахотка. Или горбик…

Ее рука оказалась в его руке. Мир замер. Из полутьмы донеслось подавленное рыдание.

— Мы такие друзья!.. Ему только десять… Он без меня скучает…

Она замолчала, а Дадли заговорил.

Если уж заговорит тихий, застенчивый человек, сравнить его можно только с гейзером. Сперва он ругал себя, угрызался и каялся. Потом хвалил ее мужество в невыносимой разлуке. Потом перешел к своим чувствам.

Есть вещи, которых мы не вправе коснуться. Объяснение толстого богача принадлежит к их числу. Скажем только, что говорил он прямо, не оставляя места для сомнений.

— Дадли!

Она кинулась в его объятия. Он получил эту дивную модель, последнюю, с иголочки… Нет-нет, не так. Эту красавицу, эту королеву среди женщин…

Роско запел в гостиной:

Пока, пока!
Уж ночь недалека,
Ведь завтра я женюсь,
С весельем расстаю-юсь,
Как жизнь была легка!
Пока, по-ка…

Вздрогнул ли Пикеринг? Скорее, нет. Он презирал Роско Шерифа. Пусть знает свое место.

Свадьба будет — лучше некуда. Органы, священники, подарки, горы

тортов. А потом они будут счастливо жить в Детройте. Иногда поедут куда-нибудь…

Что ждет меня?
Тоска Пока, пока…

Снова вмешался Роско. Да что он знает? Кто его слушает, в конце концов?

Освободившись от объятий, Клара медленно пошла по тропинке. О помолвке объявили. Всё позади — и болботание Дадли, и восторги Полли, и другая музыка. Теперь остается одно — как же сказать Биллу.

Да, он в Америке, но адреса она не знает. Что же делать? Сказать надо, а то еще встретятся в Нью-Йорке. Вот, она идет с Дадли, а навстречу — Билл. «Клара, дорогая!» Что Дадли подумает? Как она объяснит? Ужас, ужас. Надо его найти и все уладить.

Она дошла до калитки и прислонилась к ней. Кто-то, стоящий поддеревом, окликнул ее по имени. Он вышел из тени и оказался лордом Долишем.

11

Лорд Долиш пошел погулять при луне, потому что, как и Клара, хотел подумать в одиночестве. На ферме ему жилось хорошо. Он с детства любил пикники, а там был сплошной пикник. Нравилось ему и хозяйство, что очень радовало Натти.

Радовало его не только это. Он и не думал, что гость с сестрой так хорошо поладят. Они почти не разлучались — гуляли, играли в гольф, занимались пчелами, просто сидели на крыльце. Натти размечтался. Он ощущал запах флердоранжа, слышал звон колоколов — мы бы сказали, «как Дадли Пикеринг», если бы речь шла о собственной свадьбе.

Прочитав его мысли, сестра бы очень удивилась, а может, и заметила бы, что слишком привязалась к Биллу за такое короткое время. Вот и сейчас, увидев пару на крыльце, Натти отскочил, полагая, что это — деликатность. Элизабет решила, что у него тик.

Лорд Долиш не очень удивился своим чувствам. Совесть время от времени подсказывала ему, что для помолвленного человека они слишком теплы. К концу первой недели он думал о том, как быстро крепнет их

дружба. Что говорить, Элизабет ему нравилась. Его всегда привлекали миниатюрные девушки. И потом, она такая смелая, такая веселая, хотя живется ей тяжело. Наконец, они с ней похожи, с ней очень легко. Клару он любил, но между ними вечно что-то стояло. Она ворчала, часто обижалась. С Элизабет говоришь, как с самим собой, без всех этих предосторожностей.

Вероятно, дело в том, что она — американка. Он читал, что они — настоящие друзья. Должно быть, авторы имели в виду именно это. Да, не иначе. Тогда ничего страшного нет. Тогда понятно, почему он не может провести без нее полчаса. Они *понимают* друг друга, вот и весь секрет.

Успокоившись, он уснул, но наутро совесть одумалась. Честному человеку трудно ощущать, что сердце его сместилось с пути.

Неужели он плохо ведет себя по отношению к Кларе? Неприятная мысль, а никак не отвяжется. Он вынул фотографию и стал на нее смотреть.

Поначалу, как ни странно, она только подтвердила мысль о прелести Элизабет. Фотограф придал Кларе излишнюю суровость. Он попросил ее облизнуть губы и победно улыбнуться, а получился какой-то оскал. Красивая — да, величавая — пожалуй, а вот приветливости нет.

Но гипноз — это гипноз. Если смотреть на фотографию часто, мало-помалу убедишься, что любовь твоя так же горяча, как полгода назад, когда ты сделал предложение и буквально летал по воздуху.

Смотрел он чуть ли не весь день и к ужину успокоился. Клару он любил, с Элизабет — дружил. Это совесть приняла.

К тому же, было воскресенье. В свободный день на чужбине только и думай о любви. Для верности он решил прогуляться при лунном свете.

Гуляя, он то и дело вынимал фотографию. В последний раз он извлек ее, выйдя из-под большого дерева, а вынув, прошептал: «Клара!»

Рядом кто-то вскрикнул. Облокотившись на калитку, неподалеку стояла она сама.

12

В трудных беседах, как в забегах, главное — начать. Клара опомнилась первой и взяла верх. Все-таки она видела Билла в Нью-Йорке и привыкла к тому, что он здесь.

— Как живешь? — спросила она.

Слова эти должны бы его насторожить. Влюбленная девушка скорее

ударит топором, чем скажет их при луне, после долгой разлуки. Но Билл слишком удивился, чтобы различать такие тонкости. Любовь его, недавно едва не угасшая, разгорелась во всю силу.

— Клара! — закричал он и двинулся к ней, но она отступила.

— Простите? — сказала она не то чтобы с отвращением, но сухо, во всяком случае — неприветливо. Ощущение было такое, словно его ударили в глаз.

— Что с тобой? — вскрикнул он.

Она посмотрела на него с такой деревянной величавостью, словно он посоветовал ей облизать губы и принять достойную позу. Совесть его была чиста, но что-то он сделал, иначе бы она так не глядела на него.

— Не понимаю! — прибавил он, не найдя ничего лучшего.

— Да-а?

— Что ты имеешь в виду?

— Я была у Рейгельхеймера.

Лорд знал, что ничего плохого там не делал, но все же не хотел, чтобы его тогда видели. Значит, видели. Деревья завертелись, и он туманно слышал: «Леди Уэзерби пригласила меня посмотреть, как она танцует. А посмотрела я тебя».

С трудом остановив кружащийся ландшафт, он проговорил:

— Разреши, я объясню.

Но тут же понял, что взял неверный тон, словно муж из водевиля. И смешно, и стыдно, и подразумевает, что ты провинился.

— Объяснишь? — вступила Клара. — Интересно, как. Я собственными глазами видела, что ты пляшешь с этой семгой. Я не спрошу, кто она. Я не спрошу, в каких вы отношениях. Мне вообще на нее плевать. Но пойти в ресторан с такой особой!.. Да-да, понимаю, все мужчины так делают. Главное — не попасться. Но между нами все кончено. Сбежал в Америку… Разве я могу тебе верить?

Лорд Долиш несколько раз вдохнул деревенский чистый воздух. Если бы зайти в дом, обмотать голову мокрым полотенцем, может, слова бы пришли. А так — нет. Клара тем временем продолжала. Ей припомнились блестящие статьи Луэллы Делии Филпотс, поднимающие жительниц Америки в высший, духовный план. Как раз в воскресенье она одну читала.

— Быть может, я слишком чувствительна, — говорила она, — но у меня высокие идеалы. Без доверия нет любви. Они друг для друга как…

Конец этой фразы она забыла и принялась за новую.

— Оттого, кому ты решила вверить судьбу, ждешь рыцарской чистоты. И что же? Он скачет в ресторане с крашеной блондинкой! Он

валит лакеев с ног, он весь в каком-то масле…

«Это несправедливо», — почувствовал лорд Долиш. Да, масло там было, но он почти совсем не вымазался.

— Нет, — продолжала она, — я не сердита, я разочарована. Я поняла, что ты меня не любишь. Когда мы вместе, тебе так кажется, но разлука — лучшее испытание. Все кончено. Наш союз смешон. Я не смогу относиться к тебе, как прежде. Надеюсь, мы останемся друзьями. Но любовь… ушла.

Она повернулась и направилась к дому. Билл смотрел ей вслед, обвиснув на калитке, словно мокрый носок. Слова так и не нашлись. Он медленно побрел по тропинке, как выразилась бы Луэлла — за гробом усопших упований.

Примерно через двадцать минут Дадли Пикеринг, нежно размышлявший о Кларе, что-то певшей за стеною, заметил, что на террасе появился подозрительный мужчина и направился к освещенной комнате.

Он подошел было к нему, чтобы мирно спросить, в чем дело, но остерегся, ибо пришелец был очень крупен. Этим летом вообще было много грабежей. Негра-дворецкого ударили газовой трубой. Словом, надо принять меры. И он крикнул:

— Эй!

Незнакомец подскочил. Ему и в голову не пришло, что, кроме Клары, еще кто-то вышел подышать. Размышляя о том, как похоже все это на соответствующую сцену из «Мод»,[9] он ощутил, что кто-то врезался в него, словно торпеда.

Он обернулся. Торпеда отступила в тень. Неужели «Эй!» крикнул голос совести? А может, ему померещилось? Нет: в темноте светился огонек сигары.

Биллу не хотелось разговаривать. Он не догадывался, что бегство покажется подозрительным. Однако Дадли Пикеринг кинулся в дом, громко крича:

— Там грабитель! Он хочет сбежать!

— Да, тут орудует шайка, — поддержал его Роско Шериф. — Лучше подождать, когда он сюда полезет.

— А может, вызовем полицию?

— Они всё испортят! — возмутился агент. — Теперь так трудно добыть хорошую историю.

Пикеринг еще сильнее возненавидел этого пошляка.

— Нас же всех перебьют! — воскликнул он.

— Как раз для первой полосы, — с удовольствием сказал Роско. — Три колонки, не меньше. Кр-расота!

Всю ночь лорд Долиш не спал, и его могло бы утешить, что соперник тоже лежит без сна.

13

Леди Уэзерби писала письма. Роско Шериф бродил по дому, думая о рекламе. Дадли Пикеринг гулял в саду с Кларой. Подальше, в сарайчике, приспособленном под студию, лорд Уэзерби работал над изображением итальянского мальчишки, которое хотел назвать «Невинность», хотя жена предпочитала «Новый член банды».

Заметим, что счастлива была только хозяйка. Она вообще редко грустила. Хорошей погоды, вкусной еды и отсутствия классических танцев вполне хватало ей для веселья. Радовала ее и помолвка Клары. Про Долиша она не знала, подруге желала брака, осуществляющего грезы любви. Дадли ей нравился, Клару она обожала. Ей было приятно думать, что она их свела.

Дадли счастлив не был, поскольку боялся бандитов; Роско — поскольку боялся, что их нет; Клара — поскольку все старались оставить ее наедине с женихом. Лорд Уэзерби страдал из-за Юстеса, который и выгнал его в чащу леса. Дома писать удобней, но как тут попишешь, когда тебя то и дело дергают за брюки?

А вот леди писала, правда — письма, а не картины. Корреспонденция накопилась, и она далеко не всем ответила, когда вошел дворецкий.

Привезли его из Англии, лорд без него скучал. Здесь ему многое пришлось не по вкусу. Леди Уэзерби подозревала, что он ненавидит танцы. Его предыдущая хозяйка, вдовствующая герцогиня, скорее умерла бы, чем пошла плясать в ресторан. Не нравилась ему и Америка. Звался он Ренчем.

— Прошу прощения, м'леди, — промолвил он. — О-бе-зи-ана.

О Юстесе он говорил со сдержанным отвращением. Герцогиня охотно принимала членов парламента, но не стала бы держать в доме какую-то тварь.

— Она совершает странные поступки.

Мало счастья на свете! Только разнежишься — и вот тебе, острый угол. Дворецкий Ренч явно имел в виду что-то подобное.

— Кухарка просит указаний, м'леди, О-бе-зиа-на швыряется яйцами.

— Зачем? — вскричала леди Уэзерби и тупо повторила: — Зачем?..

Ренча не интересовали мотивы подобных действий.

— Яйца! — сокрушалась хозяйка.

Ее отчаяние хоть как-то тронуло его.

— Насколько я понял, м'леди, у них нелады с кошкой. О-бе-зиа-на пыталась к ней… э-э… подольститься, но кошка ее поцарапала, подозревая в дурных намерениях. Тогда она взяла кошку за хвост и швырнула об стену, после чего перешла к яйцам.

Леди Уэзерби попыталась это представить, но не смогла.

— Пойду, посмотрю, — сказала она.

— Вполне своевременно, м'леди. Судомойка бьется в судорогах.

Леди отправилась на кухню, недовольная Юстесом. Какой материал для Алджи! Надо все уладить, пока он не вернулся.

Оказалось, что это нелегко. Кухня была не кухней, а глазуньей. На полу хрустели скорлупки. Стоял дикий гвалт. Кухарка бранилась по-норвежски, горничная — по-ирландски. В углу рыдала судомойка. Помощник для черной работы, большой любитель бейсбола, восхищался Юстесом.

Юстес, надо заметить, был спокоен. Исчерпав снаряды, он смотрел на сцену с полки, рассеянно почесывая правое ухо левой ногой.

— Юстес! — грозно крикнула хозяйка.

Он опустил ногу и задумчиво посмотрел на свою госпожу, на помощника и на судомойку, которая голосила вовсю.

— Мне представляется, м'леди, — отрешенно заметил Ренч, — что сейчас он бросит тарелку.

Никто, кроме Юстеса, не подумал о том, что полка — рядом с буфетом. Как только дворецкий умолк, он метнул тарелку в своего главного противника.

— У-ух, дает! — одобрил помощник.

Леди совсем рассердилась. Ну, что это, она ему платит, а он орет, словно на матче!

— Словите его! — крикнула она.

Помощник встряхнулся, осознав внезапно, что жизнь реальна и серьезна. Все смотрели на него. Значит, надо действовать. На стуле висел фартук. Он швырнул его в Юстеса, и ему повезло — того накрыло с головой. Безуспешно повозившись под тканью, обезьяна свалилась вниз. Торжествующий помощник собрал вместе края фартука и скрутил что-то вроде тюка, чем доказал в очередной раз, что человек умнее животного.

Все стали давать советы. Кухарка предлагала утопить; горничная — отдубасить; дворецкий напомнил, что утром Пикеринг купил револьвер.

— Посадите его в погреб, — сказала хозяйка. Ренч был прозорливей.

— Если разрешите заметить, — сказал он, — в погребе много угля.

Большое искушение.

Работник его поддержал.

— Тогда — в гараж, — сказала леди.

Работник унес тючок в вытянутой руке. Кухарка со служанкой утешали судомойку. Ренч занялся серебром, леди Уэзерби — письмами. Кошка слезла с трубы только через час, ища успокоения.

Поскорее справившись с делом, хозяйка пошла в гостиную, где музицировал Роско.

— Юстес хулиганит, — сообщила она.

— А что такое?

— Швырялся тарелками и яйцами.

— На колонку, и то не потянет, — огорчился агент. — Я ждал от него большего. А вообще, не огорчайтесь, он тут недавно. Эта пума четыре месяца ничего не делала. Поистине, дитя могло играть с ней. Помню, Майра звонит и говорит: «Это чучело какое-то, лучше завести белую мышь». К счастью, я ее отговорил.

— И что?

— А то. Она просто плакала от благодарности. Пума поцарапала лифтера, укусила почтальона, остановила движение. В конце концов ее пристрелил полицейский. Да, надежда остается всегда. Будем ждать. Яйца — это хорошо. Значит, пробуждается.

Открылась дверь, вошел усталый хозяин. Он опустился в кресло и вздохнул.

— Никак не поймаю, — сказал он. — Ускользает…

— О чем ты? Он давно в гараже.

— Не Юстес. Выражение лица.

— Да ты его вроде поймал. Лорд покачал головой.

— Поймал, поймал, — настаивала леди. — Вылитый бандит. Ты застал момент, когда он увидел приличного старичка, полез за ножиком…

— Душенька! Я не против критики, но есть же предел! Жена ласково погладила его по рукаву.

— Да я шучу. Очень хорошая картина. Пойду, взгляну еще. Он опять покачал головой.

— Мне нужен натурщик. Пригласи его к нам!

— Нет, Алджи, это слишком. Я его не выдержу.

— Живет же тут Юстес.

— У меня — Юстес, у тебя — Ренч. Поровну. От Юстеса — никакого вреда…

Тут вошла Клара.

— Полли, — сказала она, — это ты посадила обезьяну в гараж? Она укусила Дадли.

Лорд Уэзерби вскрикнул.

— Мы пошли взглянуть на машину, — продолжала Клара. — Он хотел показать мне этот… карбюратор… или ветровое стекло, что ли… В общем, наклонился, а твой Юстес на него вскочил.

Роско задумался.

— Потянет на колонку? Скорее — нет. Если бы Чарли Чаплин — тогда да. Кусает Чаплина за ногу. А Пикеринг — не то, не то. Все равно, что ножка стула.

— Если он представляет опасность… — начал хозяин.

— Что ты! — вскричала хозяйка. — Он просто не в духе.

— Ты и *теперь* с ним не расстанешься?

— Конечно, нет!

— Что ж, если он прыгнет на меня, я буду защищаться.

— Ты закрыла гараж, Клара?

— Да, но он уже выскочил. Я не заметила в темноте, куда он делся.

В комнату, хромая, вошел Дадли.

— Я как раз говорила… Он мрачно кивнул.

— По-моему, он спятил. Роско вскрикнул от радости.

— Вот! «Обезьяна сходит с ума» «Страх и трепет»… «Есть жертвы»..

«Округа в опасности», Побегу, позвоню. Сенсация!

Он понесся к телефону, но ему пришлось подождать. Мистер Пикеринг беседовал с врачом.

14

После ужина Натти сразу уходил к себе. Сестра не знала, что он там делает. Иногда ей казалось, что он читает, иногда — что думает. И то, и другое было неверно. Читать он не любил, думать не умел. На самом деле он пил две-три порции виски с содовой.

Делал он это, чтобы избавить сестру от волнений. Один глупый медик запретил ему пить, и Элизабет это знала. Приходилось ее щадить, и он этим гордился.

Что говорить, удобства тут мало. То ли вор, то ли загнанный олень. Чтобы немного облегчить задачу, буфет он не запирал, а по ночам без опаски захаживал в столовую. Сейчас Элизабет сидела в гамаке, Долиш был где-то в саду. Когда вернется, присядет к сестре. Риск —

минимальный.

Натти смешал напитки и стал думать о медике. Вечно они перестраховываются с тонкими, нервными людьми, а те принимают их слова за чистую монету. Да, после бродвейских загулов можно было отдохнуть. Но с тех пор он живет на воздухе, в тишине и мире. Смешно и подумать, что капля спиртного ему повредит.

Она и не повредила. Он трое суток кутил в Нью-Йорке, и что? Ничего. Теперь выпивает по вечерам, тоже без дурных последствий. Дело ясно, этот медик — невежда и кретин.

Придя к такому выводу, он налил еще. Потом вышел, прислушался, ничего не услышал и вернулся к себе.

Да, кретин. Ему не хуже, а *лучше*. Он бы вообще тут иначе не выжил. Докторам, подумал он, только бы денег заработать.

Он потянулся за бутылкой и увидел, что на полу сидит бурая обезьяна с длинным серым хвостом.

Повисла тишина. Натти смотрел на обезьяну, как Макбет на Банко, и обезьяна на него смотрела. Он закрыл глаза, сосчитал до десяти, открыл.

Обезьяна не исчезла.

— Брысь, — тихо сказал он. Она не шевельнулась.

Он снова закрыл глаза и начал считать до шестидесяти. Ему стало страшно. Вот что имел в виду медик.

Ну, хорошо, думал он, пришла бы в Нью-Йорке. Но сейчас он как стеклышко. Нет, что же это? Прокралась, словно тать в нощи. Он ведь исправился, исцелился. Зачем его мучить?

… пятьдесят девять… шестьдесят…

Он открыл глаза. Обезьяна сидела в той же позе, словно перед художником. Натти закричал и бросил в нее бутылкой.

Юстесу не везло. Сперва — кошка, потом — работник, теперь этот субъект, а ведь он думал отдохнуть. Ведомый инстинктом, несчастный вспрыгнул на шкаф, увернувшись от бутылки. Тут вбежала Элизабет.

Она тихо лежала в гамаке, когда услышала крик. В спальне, у себя, брат сидел на кровати, напоминая чем-то жирафа.

— Что слу… — начала она, и тут же кое-что смекнула. На полу валялась треснувшая бутылка; пахло соответственно. Элизабет вспыхнула. К брату она относилась по-матерински и с удовольствием бы его шлепнула.

— Натти!

— Я видел обезьяну, — глухо сказал он. — Вот тут. Конечно, ее не было. Я бросил в нее бутылку, и она как будто кинулась на шкаф.

— На шкаф?
— Да.
Элизабет хлопнула по шкафу рукой. Юстес свесился сверху.
— Я ее вижу, — сказал страдалец с несмелой надеждой. — А ты?
Элизабет ответила не сразу. Она жалела брата, но Провидение послало ей дар, и глупо им пренебречь. Как многие женщины, лгать она не любила. А все же…
— Ты видишь ее? — спросила она.
— Да вон, на шкафу.
— Там какая-то палочка. Натти вздохнул.
— Нет-нет. Значит, не видишь. Так я и думал. Она едва не сдалась, но взяла себя в руки.
— Расскажи мне все, как следует. Этого он и хотел.
— Ах, Натти, как глупо!
— Да.
— Доктор же запретил!
— Я знаю.
— Помнишь…
— Помню, помню. Все.
— Что ты хочешь сказать?
— Завязываю.
Элизабет нежно обняла его.
— Молодец! Знаешь, это не так уж серьезно. Просто — предупреждение.
— Да уж…
— Тебе сразу станет легче.
— А ты ничего не видишь?
— Что именно?
— Я понимаю, это мне кажется, но со шкафа слезает обезьяна.
— Ну, что ты!
— Слезла. Идет по ковру.
— Где?
— Уже ушла.
— О!
— Элизабет, что мне делать?
— Лечь и уснуть.
— Я не усну. Разволновался, знаешь…
— Бедненький!
— Лучше я погуляю.

— Прекрасная мысль.

— Вообще буду гулять. И сяду на диету. Кажется, у Чалмерса есть гантели… Ну, я пошел.

На лестнице он остановился и посмотрел на террасу.

— Что там? — спросила сестра.

— Мне показалось, она сидит в гамаке. И он поскорее выбежал из дома.

Элизабет все поняла. Она читала газеты и знала о питомцах леди Уэзерби. Знала она и то, что эта леди сняла неподалеку дом.

Юстеса надо немножко подержать, на всякий случай. Быть может, второй сеанс не понадобится, но все может быть. Она взяла банан и направилась к гамаку. Гость охотно взял угощение. Он понял, что ему ничего не грозит. Так и застал их лорд Долиш.

— Куда ушел ваш брат? — спросил он. — Пробежал мимо меня. О, Господи, что это?

— Обезьяна. Не пугайте ее, она нервная. Она почесала Юстеса за ухом.

— Натти ушел погулять. Он решил, что видел ее.

— Нет, — твердо ответила Элизабет. — Запомните, никакой обезьяны здесь не было.

— Не понимаю. Она объяснила.

— Теперь ясно?

— Да. Сколько же вы ее продержите?

— Дня два.

— А где?

— В сарае. Натти туда не ходит, там пчелы близко.

— Вы не знаете, чья она?

— Знаю. Леди Уэзерби.

— Уэзерби?

— Да. Босоножки. Сейчас они сняли здесь дом. Про обезьяну я читала в газете. А так они тут не водятся.

Билл не ответил. Его осенила мысль. Несколько дней он гадал, как бы проникнуть к этой леди. И вот вам, пожалуйста! Выдавать Элизабет не надо. Он просто скажет, что видел беглянку. Может быть, потом он ее отведет…

— О чем вы задумались?

— Да так, ни о чем.

— Надо ее пристроить на ночь.

— А… да-да… Элизабет встала.

— Наверное. Натти вот-вот явится.

Явился он через два часа, усталый, грязный, но веселый.

— Ни разу не встретил, — сказал он сестре. — Ни единого раза.

Элизабет поцеловала его и пошла греть воду, но он сказал, что помоется холодной. Здоровье и только здоровье! Прежде чем уйти, он попросил у Билла гантели.

— Надо заняться собой, — заметил он.

— Надо?

— Еще как! Мне показалось, что я вижу обезьяну.

— Да?

— Вот как вас. А что вы с ними делаете? Размахиваете? Так… так… Ясно. Спокойной ночи.

Однако ночь спокойной не была. Билл обдумывал планы на завтра.

15

Леди Уэзерби совсем измучилась. Она и не подозревала, что Роско Шериф так рьяно возьмется за дело и добьется таких результатов.

Издатели буквально загорелись. Событий не хватало. Все было тихо — ни тебе убийств, ни аварий. Побег Юстеса давал неплохие возможности. В доме поселились три репортера, и Ренч становился все мрачнее.

Все это мучило хозяйку. Она собиралась пожить растительной жизнью — а как ею поживешь в таких условиях? Об этом и думала она, когда явился Ренч и доложил о каком-то посетителе.

В старые дни Полли Дэвис быстро разобралась бы с ним, но положение обязывает.

— Из какой-нибудь газетки?

— Нет, м'леди. Я не думаю, что он связан с прессой. Что-то в манере дворецкого удивило ее. Он как будто оттаял.

Дело в том, что Билл произвел на него большое впечатление. Сам собой припомнился дом вдовствующей герцогини. Поистине, бездна бездну призывает.[10]

— Где он?

— Я провел его в гостиную, м'леди.

Спустившись, леди Уэзерби увидела высокого, несколько взволнованного человека.

Билл и впрямь волновался. Он понял, как нелепа его миссия. Что надо сказать? Почти наверное он покажется ей полным кретином. Однако,

увидев хозяйку, он подуспокоился. Страшной она не была, скорее — веселой, приветливой.

— Я насчет обезьяны, — начал он. Леди Уэзерби расцвела.

— О! Вы ее видели? Расцвел и он.

— Да, вчера вечером.

— Где же?

— Я тут живу по соседству, на ферме. Она зашла в комнату.

— В комнату?

— А потом… э-э… ушла. Хозяйка огорчилась.

— Значит, вы не знаете, где она? Не желая лгать, Билл промолчал.

— Спасибо, что сказали, — поблагодарила леди. — Хоть какая-то зацепка. Мы знаем, в какой он стороне.

Билл понимал, что беседа окончена, и гадал, как бы ее продолжить.

— Э-э… — начал он.

— Да?

— Простите…

— Слушаю, слушаю.

— Э…а…

— Да что вы тянете!

Она старалась выражаться иначе, но срывы бывали. Вот, вчера она велела Ренчу заткнуться, он чуть не ушел. Однако Билл сразу почувствовал себя легко и просто.

— У вас гостит мисс Фенвик? — спросил он. Хозяйка просияла.

— Вы с ней знакомы?

— О, да!

— Мы очень дружим. Работали вместе в Англии.

— Она мне рассказывала.

— И еще, она была подружкой у меня на свадьбе.

— Да.

Леди Уэзерби совсем разомлела, а в такие минуты она становилась болтливой.

— Какое было время! — весело сказала она. — Ни у кого ни гроша, у Алджи — меньше всех. На свадебный завтрак не хватило денег. Пришлось заложить часы и обручальное кольцо.

Комната зазвенела от смеха. Билл пришел в восторг. Если так пойдет, она ему быстро все расскажет.

— Мисс Фенвик сейчас нет?

— Она ушла с Дадли. Вы не знакомы?

— Нет.

— Это ее жених.

Леди Уэзерби не любила огорчать людей. Она была очень доброй. Если уж надо сказать что-нибудь неприятное, она вела дело так мягко, так осторожно, что потерпевший удивлялся: «И всего-то?» Но сейчас, в полной простоте, она буквально сразила гостя.

— Я так рада, — продолжала она. — Собственно, я их и свела. Написала, чтобы она ехала сюда на «Атлантике», а он тоже на нем плыл. Мне показалось, что они друг другу подходят. Он сразу влюбился, да и она, я думаю, вот они уже обручились. Как раз в воскресенье.

— В воскресенье!

Нет, что же это? Именно в воскресенье она расторгла помолвку с ним.

— Да, в девять вечера. Луна светила, музыка играла. Прямо третий акт пьесы!

Так, думал Билл. На ферме поужинали в восемь. Потом он шел по лесу. Получается, что она обручилась с этим типом раньше, чем встретила его.

— Ей очень повезло, — продолжала леди, поворачивая нож в ране. — Дадли — прекрасный человек, а кроме того, у него тридцать миллионов. Очень доходное дело, автомобили. Вы, конечно, слышали — Пикеринг?

Билл поднялся и постоял, держась за спинку кресла. Что-то такое он ощущал, когда получил нокаут.

— Я… мне пора, — выговорил он.

— Автомобиль подъехал, — сказала леди. — Наверное, это они. Не подождете?

Он покачал головой.

— Ну, что ж, в другой раз. Как же, друг Клары. Спасибо вам за Юстеса.

Билл взялся за ручку, но кто-то повернул ее с другой стороны.

— А вот и Дадли, — сказала леди. — Дадли, это Кларин приятель.

Дадли Пикеринг знакомился с людьми серьезно и солидно. Он твердо пожимал руку, заглядывал в глаза и говорил два-три прочувствованных слова. Руку он пожал, в глаза заглянул, но ничего не сказал, скорее — удивился или даже испугался.

Молчал и Билл. Словом, оба молчали. Зато они глядели друг на друга.

Билл заметил, что Пикеринг аккуратен, полноват, скучноват; и кое о чем догадался.

Пикеринг заметил, что Билл высок, растерян, сердит; и тоже догадался. Именно этот человек кружил вокруг дома в тот знаменательный вечер.

— Дадли, где Клара? — спросила хозяйка.

— Пошла наверх, — ответил он, отрывая взгляд от Билла.

— Я скажу, что вы здесь, — предложила хозяйка, — мистер… Ах, вы не назвались!

Билл вернулся к жизни с неправдоподобной быстротой.

— Мне пора! — вскричал он. — До свидания. И выбежал из комнаты. Хозяйка удивилась.

— Что с ним такое? Чуть ковер не порвал. Пикеринг весь трясся.

— Вы знаете, кто это? *Он.*

— В каком смысле?

— Тот, кого я видел в окне!

— Чепуха какая! Вы ошиблись. Он знаком с Кларой.

— А когда вы о ней сказали, он сбежал. Леди Уэзерби задумалась.

— И то верно.

— Что он про нее говорил?

— Ничего. Это я говорила. Он просто слушал. Пикеринг затрясся еще сильней в припадке торжества.

— Это нарочно! — вскричал он. — Помните, что сказал Шериф? Он *вынюхивал.* А теперь проник в дом под фальшивым предлогом. Один оставался?

— Да. Ренч пошел доложить мне.

— Значит, несколько минут был один. Что ж, времени достаточно.

— Успокойтесь!

— Я не беспокоюсь. Но…

— Вам слишком много мерещится. Не все люди — воры.

— А зачем он тут рыскал?

— Это не он.

— Он самый. Я уверен.

— Ну, сейчас выясним. Вот и Клара. Старушка, ты знаешь такого… ах, так и не спросила!

Клара стояла в дверях, глядя то на жениха, то на подругу.

— В чем дело? — спросила она.

— Дадли беспокоится. Твой знакомый зашел сказать, что видел Юстеса…

— А, вот какой предлог? — вставил Дадли. — Где же Юстес?

— Он его просто видел.

— Явная ложь. Он *слышал*, что Юстес сбежал, и решил этим воспользоваться.

Леди повернулась к Кларе:

— Так ты его знаешь или нет? Высокий такой… истинный англичанин.

— Притворяется, — сказал Дадли. — Такой же англичанин, как я.

— Не сердись на Дадли, Клара, — сказала леди. — Он слишком часто ходит в кино. Я тебе говорю, вылитый англичанин.

Она попыталась воспроизвести его речь. Клара застыла на месте.

— Никого я не знаю! — крикнула она.

«Зачем он пришел? Что он сказал? Беседовал ли он с Дадли?»

— Никого похожего.

— А? — воскликнул Дадли. — Что я говорил?

— Странно, — сказала леди. — Ты уверена?

— Совершенно.

— Он живет тут рядом. На ферме.

— Знаю-знаю, — вставил Дадли. — Мрачное место, как раз для воров.

— А я думала, это пасека, — возразила хозяйка. — Там живет очень хорошенькая девушка. Она как-то ехала на велосипеде. Ее фамилия Бойд.

— Это его сообщница, — упрямо сказал Пикеринг. — Все очень просто. Она селится где-то, все ее знают. Потом является он и обчищает дома. Как-никак этим летом обокрали не меньше полудюжины.

— Что же вы собираетесь делать? — осведомилась хозяйка.

— Да уж кое-что сделаю. — решительно ответил он. И вышел с крайне деловым видом.

— Не думала, что у него такая фантазия, — сказала леди. — Взрывчатый какой-то.

Клара слабо рассмеялась.

— Странно, что тот человек сослался на тебя… Клара резко обернулась к подруге:

— Полли, я тебе кое-что скажу. Только не проговорись Дадли. Я знаю этого человека. Мы собирались пожениться.

— Что!

— Только никому не говори.

— Но…

— Все кончено.

— Когда ж это было? При мне?

— Нет, позже.

— Он не знает, что ты выходишь за Дадли?

— Н-нет… Мы долго не виделись.

— Бедный! — огорчилась добрая леди. — Как я его расстроила! Что же ты раньше не сказала?

— Как-то не довелось.
— Хорошо, дело твое.
— А ты Дадли не скажешь?
— Конечно, нет. А почему? Тебе стыдиться нечего.
— Да, но…
— Не волнуйся, не скажу. Хотя он так боится воров… а где он, кстати?

Дадли был у себя, рассматривал револьвер. Он был осторожен. Глядя на него, вы бы приняли его за полицейского из фильма.

16

В Индии, странной стране, кишат скорпионы и змеи. Если кто из них укусит туземца, тот не сетует и не размышляет — он бежит, бежит, бежит, пока весь яд не выпарится. После этого он может заняться собой.

Лорд Долиш там не бывал, но действовал примерно так. Говоря строго, он очень быстро шел, а это врачует душу. Для вящего сходства он ощущал, что отравлен.

Человек он был простой, с простыми нравственными правилами. Больше всего он ценил честность. У него не было друзей-преступников, но если бы такой завелся, он бы хотел одного — чтобы тот не ведал лжи и коварства. Потому он и не соглашался рекомендовать в свой клуб Бертфильда.

Клара честной не была. Именно потому он и мчался по лесу, глядя вперед и ничего не видя. Вспомнив последний разговор, он вспыхнул и увеличил скорость. Его едва не затошнило.

Сперва он просто бежал, как жертва скорпиона. Потом — простите за реализм — он ощутил, что весь мокрый. Этот неизящный, но естественный факт открыл дорогу мысли. Многострадальный лорд стал думать.

Мысли и чувства были смешанные. Раны открывались одна за другой. Его ударили сразу в несколько чувствительных мест. Так бывает, когда вас поразят ударом в спину, укусят за локоть и дадут в глаз. Ничего не скажешь, больно; это Билл и чувствовал.

Понемногу он стал разбирать удары, классифицировать. Меньше всего пострадало самолюбие. Он был скромен, что там — неправдоподобно скромен. В таких случаях это полезно. А вот Клара… Где ее честность? Браня его в тот вечер, она знала, что выходит замуж за толстого, лысого, немолодого кретина, у которого есть одно положительное свойство —

деньги. Может быть, это описание резко, но учтите ситуацию.

Билл шел и шел. Где-то, громко гудя, проезжали машины, но он не замечал их. Собаки приветствовали его, но он отмахивался. Яд, растворенный в крови, гнал его вперед.

И вдруг все прошло. Буквально на полушаге он исцелился и ощутил, что хорошо бы попить. Путь еще долгий. Он свернул в кабачок. После этого к дому двигался усталый, но вполне здоровый мужчина.

Теперь ему казалось, что Клару он знал давно и мало. Он смотрел на нее через пропасть. Любовь и увлечение отличаются друг от друга тем, что увлечение можно убить одним ударом. Очнувшись, Билл понял, что любви не было. Его привлекали красота и — да-да — сострадание. А так, они вечно спорили. И вообще, она плохая.

Сам собой в его душе стал складываться идеальный образ. Хорошая. Смелая. Добрая. Не ворчит и не жалуется. Кларе он многое спускал, а ей спускать нечего. Вот, скажем, честность. Лжи ей спускать не придется. Она никогда не поступит плохо, не допустит низкой мысли. Да, кстати, она умная, и ей хватит доброты, чтобы общаться с не очень умным человеком, вроде него. Наконец, она хрупкая, проворная, маленькая, белокурая, разводит пчел… и зовется Элизабет!

Придя с удивлением к этим выводам, он заметил, что отмахал десять миль и передним — ворота фермы. Кто-то шел к ним. То была она — легкая, вроде тени. Рядом ковылял страдавший ревматизмом кот. Биллу казалось, что он их давно не видел.

— Где вы были? — тревожно спросила Элизабет. — Я гадала, гадала…

— Гулял, — ответил он.

— Несколько часов!

— Я дошел до Моррисвиля.

— Да это же двадцать миль!

— Может быть…

Она удивленно на него смотрела. Ей вспомнилось, что в последние дни гость казался ей каким-то странным.

— Что-нибудь случилось? — с запинкой спросила она.

— Нет, — уверенно ответил он. Теперь он знал, что всё в порядке. Мало того, никогда он не был счастливее.

— Правда?

— Еще бы!

— Мне… мне казалось, что вы чем-то взволнованы. Билл быстро прибавил еще одно свойство: заботлива, как ангел.

— Спасибо, — сказал он, — но я в полном порядке. Взгляд ее успокоился.

— Вам хорошо?

— Это мягко сказано!

— Тогда я вас огорчу. Мы с вами влипли!

— Что такое?

— Обезьяна.

— Сбежала?

— Нет. И не думает.

— Ну и что?

— Пойдемте, присядем. Вы устали.

Они сели на каменную скамью, которой мистер Флек, хозяин фермы, украсил некогда свои угодья.

— Жуткая штука, — сказала Элизабет, — но сидеть можно. Скажите, зачем вы ходили к леди Уэзерби?

Пока он припоминал, зачем ему это понадобилось, Элизабет ответила сама:

— Вы хотели ее утешить! Вы такой добрый. А получилось хуже.

— Я не сказал, что обезьяна здесь.

— Что же вы сказали?

— Что я ее видел.

— Этого вполне хватило.

— Простите, ради Бога!

— Ничего, справимся, но надо действовать, и поскорее.

— А что такое?

— Пресса идет по пятам. Целый день отвечаю репортерам.

— Репортерам!

— Они просто кишат. И каждый раскрыл преступление. Полиция вот не сумела, а он…

— Как они сюда попали?

— Леди пригласила.

— Почему?

— Реклама нужна. Казалось бы, обезьяна… Но вы представьте, что она сбежала от короля, да еще швырялась яйцами в графиню или укусила герцога? Наша швырялась в судомойку, а укусила миллионера. В сущности, то же самое. В общем, репортеры здесь, у них тут вроде штаба. Еле в дом загнала покормить. Они хотели расположиться лагерем. Может быть, кто-то еще лежит в траве с блокнотом. Что будем делать?

Билл ничего предложить не мог.

— Чего доброго, — продолжила она, — нас арестуют за кражу. Леди Уэзерби предложила премию.

— Нет, правда?

— Пятьсот долларов.

— Быть не может!

— Может. Ради рекламы чего не сделаешь.

— Мне она ничего не сказала.

— Она предложит завтра-послезавтра. Чтобы подогреть интерес. Мысль неплохая, но не для меня. Что же мне, держать обезьяну, пока не взвинтятся цены? Пятно на гербе Бойдов. Так делать нельзя. Правда, бедный Натти был бы рад… — задумчиво прибавила она.

Билл огорчился.

— Да, положение…

— И тут еще одно. Мой птенчик решил, что обезьяна ему померещилась. Он не выносит холодной воды, а теперь моется, взял у вас гантели… Если он узнает правду, он тут же бросит. Разве это скроешь? Спасибо, что он гулял, когда здесь кишели репортеры. В общем, что делать?

— Надо от нее избавиться.

— Да-да, и поскорей. Но *вы* устали.

— Ни в малейшей мере, — бодро заверил Билл.

— Какой вы молодец, мистер Чалмерс! Добрый, надежный.

Сарай стоял за ульями, в кустах. Извлекая ключ из кармана, Элизабет обернулась.

— Как я волновалась! — сказала она. — Все ждала, что они сюда зайдут. Джеймс! Джеймс! Что он, там, в кустах? — Она открыла дверь. — Один был чуть не у окна, хотел заглянуть. К счастью, его пчела укусила. Ой!

— Что случилось?

— Тут нужен банан.

Они пошли в дом. На пути Элизабет остановилась.

— Вы сегодня не обедали!

— Не важно, подожду. Сперва управимся с ней.

— Нет, вы правда молодец. Я бы не выдержала. Ну, стойте здесь, а я посмотрю, у себя ли Натти.

Вдруг она остановилась. Тишину пронзили кошачий вопль и какой-то треск.

— Что это?

— Кот. А потом — машина.

— По-моему, выстрел. Ночью далеко слышно.

— Я думаю, у кого-то кот полез в курятник. Слава Богу, Джеймс — не вор. Постойте, я зайду к Натти.

Она почти сразу вернулась.

— Все в порядке. Дышит у окна, оно в другую сторону. Пошли.

Дверь сарая была открыта.

— Это вы оставили.

— Нет.

— И не я. Сама распахнулась. Значит, она ушла.

— Посмотрим вокруг?

— Да, надо бы. У вас спички есть? Билл зажег спичку. Она погасла.

— Господи!

— Что такое?

— Тут что-то на полу. Я было подумал…

Он наклонился. Спичка опять потухла. Наконец, раздался голос:

— Вы правы. Это выстрел. У нее вот така-ая дырка в боку…

17

Детство, как и корь, должно прийти в свое время; позже они опасны. Детства Дадли Пикеринг избежал. Выйдя из колыбели, он пережил пору незрелости, но, облачившись в штаны, с нею покончил, особенно — миновал неприглядный период между десятью и четырнадцатью годами. В десять он был учен и умен, в четырнадцать — кем-то вроде старого консерватора.

Теперь, на четвертом десятке, детство к нему вернулось. Рассматривая револьвер, он испытывал странные чувства, с которыми тридцать лет назад должен был охотиться в саду на индейцев. Воображение, почти атрофировавшееся за ненадобностью, вцепилось в него со всею силой.

Он был совершенно уверен, что открыл заговор, возглавляемый этим типом. Обстоятельства благоприятствовали. Если уж эта атмосфера — не мрачная, мы и не знаем, что такое мрачность.

Ничего не попишешь, дома грабят, особенно — снятые на лето. За последние два месяца обчистили полдюжины. Дадли здесь не жил и не знал, что кражи на Лонг-Айленде — вроде комаров или медуз. Как говорится, местная достопримечательность. Стоит домик в пустынном месте — ну, как не залезть в чердачное окно?

Пикеринг жил в атмосфере краж и бандитов. Особенно волновал его

Загадочный Субъект. Нет, посмотрите сами — заглядывает в окна, при окрике бежит! Сослался на Клару. Услышав о ней, опять сбежал. А она твердо повторяет, что совершенно с ним не знакома. Что до невинной пасеки, тут все ясно. Пикеринг слышал или читал, что разумный грабитель непременно занимается чем-нибудь невинным.

Если бы детство нашего героя кончилось в свое время, он действовал бы иначе — сообщил бы полиции и взял в постель револьвер. Но дети — это дети. Он решил пойти на ферму, в самый вертеп, и разобраться, что к чему. Особых результатов он не ждал. Главное — взять револьвер и патроны.

Ночь была — лучше некуда. Луна с едва заметной выемкой спокойно сияла, обеспечивая и тень, и светлые участки. Пикеринг быстро шел по дороге. Поближе к ферме он замедлил шаг, потом притаился за кустами. Еще позже, собравшись с духом, он через них пополз.

Как генералы, писатели, актеры и все те, кто, разработав план, обращается к деталям, он понял, что сложности только начинаются. Казалось бы, лезь через кусты. А сучья, а шипы, а какие-то дыры? Словом, оказавшись у чего-то вроде ульев, он был измучен и мокр. Какое-то время он мечтал только о холодных напитках и холодной ванне. Потом, обретя разум, заметил, что стоит на открытом месте, и нырнул в кусты. Они ему не нравились, но ты хотя бы спрятан.

Теперь он ждал действий от врага, каких — неизвестно. Подсознание шептало ему, что в такую ночь что-нибудь случится. Именно эти мысли посещали лет тридцать назад его тогдашних ровесников. Как ни жаль, Дадли Пикеринг начал играть в индейцев.

Где-то завыла собака. Проехал автомобиль. Подумав о том, какая же это марка, страдалец внезапно заметил, что по шее что-то ползет. Гусеница? Червяк? А вдруг укусит?

Оно не кусалось. Снова завыла собака. Видимо, на них напала тоска.

Пикеринг устал. Он был не так уж молод, воображение слабело. Собравшись было покончить с приключениями, он вдруг услышал голоса — и спрятался за кусты.

Где-то, почти рядом, были мужчина и женщина. Первые же слова повергли его в трепет; *она* себя выдала.

— Я так беспокоюсь. — Голос у нее был приятный, нежный, но знаем мы эти голоса! — Все время боялась, что сюда зайдет репортер.

Сюда… Где же это они? А, в сарае! Он давно подозревал такие строения.

— Джеймс! Джеймс! — крикнула она. — Мне показалось, он в кустах.

Девица смотрела прямо на него. Видимо, ветки зашелестели. Он замер. Она что-то говорила. Кто этот Джеймс? Конечно, еще один бандит. Сколько же их?

— Один раз я думала — всё! Подошел совсем к окну. Пикеринг задрожал. *Там* что-то спрятано. Добыча?

— К счастью, его ужалила пчела.

Тут заговорил мужчина. Пикеринга удивляло, что он и здесь сохраняет английский акцент. Видимо, для практики.

— В чем дело?

— Нужен банан.

И они пошли вместе к дому. Какой банан? Что это значит, «револьвер»? Да, наверное.

Думать было некогда. Вот он, шанс — заглянуть и увидеть. Дверь открыта. Ступенек две-три. Нужна выдержка. Так… предположим… Он выскочил из кустов. И тут кто-то тронул его за ногу.

Пикеринг не был трусом. Как-то он свалился на машине в болото и безропотно ждал двадцать минут, хотя и сломал руку. Но сейчас все было иначе. Его застали врасплох. Есть время трогать человека за ногу, а есть — не трогать. Пикеринг взлетел вверх, себя не помня от страха.

Револьвер он держал в руке и, прыгая, нажал на курок. Потом, гонимый инстинктом, он снова кинулся в кусты.

Тем временем обиженный Джеймс укрылся на крыше, жалобно плача. Была здесь и нота удивления. Кот не мог понять Пикеринга.

18

Лорд Долиш стоял в дверях сарая, держа за хвост тело Юстеса. Сомнений не было. Питомец Полли был совершенно мертв.

У Элизабет дрожали губы, она была очень бледна. Прежде всего, она жалела обезьянку; но и беспокоилась, что рядом бродит вооруженный человек.

— О, Билл! — сказала она. — Бедный зверек! Кто же это сделал?

Лорд не отвечал. Он сосредоточился на том, что она назвала его по имени. Только на третий раз он отозвался.

— Кто? Ну, какой-то человек. Я думаю, случайно.

— Зачем он держал револьвер? Билл немного растерялся.

— А что? Они тут у всех.

Америку он знал по лондонским театрам, а там действительно все с

пистолетами. Мода такая, вроде воротничка.

— Я думаю, это вор, — сказала Элизабет. — Тут все время кражи.

— Зачем грабить сарай? Глупо как-то. Скорее, это бродяга. Они всюду рыщут.

— Он стоял рядом с нами, — предположила она. — Когда мы разговаривали.

Билл огляделся. Все было тихо, если не считать кваканья. Мистер Пикеринг был скрыт от посторонних взглядов.

— Никого, — сказал Билл. — Что будем делать? Элизабет снова вздрогнула. У Юстеса был очень жалобный вид.

— С… ней? — спросила она.

— Да, — отвечал Билл. — Не говорить же «с этим». Надо ее похоронить. У вас есть лопата?

— Нет.

Билл задумался.

— Ничем другим не прокопаешь, — сказал он. — Помню, в детстве один тип побился об заклад, что я не дороюсь до Китая перочинным ножом. Копал двое суток, заметьте — на морозе. Китаем и не пахло. Только нож сломал. — Он положил останки на траву и вдумчиво их осмотрел. — В детективах всегда так — что делать с трупом? Убить нетрудно, а вот спрятать…

— Никого мы не убивали.

— А чувство — поганое. У вас тоже?

— Конечно.

— Помню, я как-то читал, его растворили в ванной с…

— Стойте, а то мне будет худо!

— Да я так, к примеру.

— Не очень удачно.

— А может, отнесем ее туда, к ним? Молоко принесли, глядь — а рядом обезьяна. Можно и просто позвонить в звонок.

— Я не решусь.

— А я — пожалуйста. Могу сходить один.

— Я вас не оставлю.

— Спасибо вам большое.

— И потом, я боюсь остаться одна. Страшно — ужас! А к леди Уэзерби я бы с… этим не ходила.

— С ней.

— Неважно. Билл нахмурился.

— Я читал, как два типа сунули труп в рояль.

— Что вы только читаете!

— Люблю детективы, — признался он. — Так как насчет рояля?

— Здесь только граммофоны.

— Вот, я читал…

— Бог с ним. Давайте что-нибудь из жизни.

— Может, ее расчленить — ив погреб? Так делают с женами.

Элизабет вздрогнула.

— Нет, — сказала она.

— Ну, отнесем в лес. Жаль, что нельзя сообщить леди Уэзерби, она очень волнуется.

— Да, мысль хорошая. И мы решим две задачи. Отнесем в ту часть леса и напишем письмо.

— Замечательно! Вы правда пойдете?

— Непременно. Ну, в путь.

Билл взял обезьяну за удобный хвост.

Пикеринг с интересом слушал беседу. Долетало не все, и видно было не все. Что держал этот субъект? Мешок, сумку? Постепенно он пришел к выводу, что туда положат, как говорится, плоды грабежа. Когда подозреваемые двинулись в сторону упомянутого участка, миллионер не сомневался в их злодеяниях.

Посудите сами, субъект два раза заходил поразведать. Теперь он идет на дело с сообщником и с мешком. Сжимая револьвер, Пикеринг пошел за ними и увидел, как они вышли из ворот. Что ж, двинулся и он. Кусты щедро одарили его колючками и шипами. Что-то впилось в икру, где-то чесалось, и одна из самых низких тварей ползла по шее.

Двигался он со всей возможной осторожностью, хотя природа наделила его скорее полнотой, чем легкостью. Азарт охоты овладел им, и он стремился ступать бесшумно, словно герои Купера. Он давно не думал о нем, занятый другими делами, а тут вспомнил и решил, что в нем что-то есть. Надо было, сетовал он, внимательней читать его книги, там немало полезных советов. К примеру, у этих индейцев ничего не трещало под ногой. И как это они? У него все время трещало, куда ни ступишь. Порой ему казалось, что внизу действует пулемет.

Билл тоже двигался вперед, Элизабет — за ним. Иногда он что-то говорил ей, чтобы подбодрить. До сих пор он восхищался ее весельем и смелостью, теперь заметил трогательную робость. Это вызвало в нем новые, странные чувства.

В тот самый миг, когда он думал, как бы их выразить, современный Чингачгук наступил на такой большой сучок, что Элизабет вскрикнула.

Билл тоже услышал треск — как тут не услышать? Он не подозревал, что их преследуют, но спутница явно испугалась, и он решил ее утешить.

— Это ветка. В лесу всегда такие звуки.

— А по-моему, это человек с револьвером.

— Зачем ему за нами идти? — сурово спросил Билл.

— Смотрите! — вскричала Элизабет.

— Что такое?

— Вон за тем деревом.

— За каким?

— Ну, за этим. Высоким.

— Вот что, я сейчас пойду…

— Я одна умру. — Она всхлипнула. — Какая же я трусиха! Просто червяк.

— Ерунда. Со всяким бывает. Помню, я читал…

— Не надо!

Сердце у него забилось с непривычной быстротой. Ему хотелось одного — как можно быстрей ее утешить. Там, где они стояли было темно. Он едва различал миниатюрную фигурку. Вдруг ему пришла в голову прекрасная мысль.

— Возьмите меня за руку.

А что? Вполне резонно. Сейчас она — испуганное дитя.

Что-то маленькое и мягкое скользнуло в его руку. Царила тишина. Пикеринг не наступал на сучья. Луна едва светила сквозь деревья.

— Так лучше?

— Да, намного.

Листья не шевелились. Все было тихо, только зашуршала птица.

— Не страшно?

— Нет.

И тут что-то случилось. Собственно, это взлетел фазан, но очень шумно. Во всяком случае, Билл вдруг заметил, что обнимает Элизабет, мало того — целует. Она при этом рыдала. Кто-то что-то говорил. Да, это опять же он.

— Элизабет!

Какое имя! Музыка, а не имя. Странно, раньше он его не любил. Оно напоминало школу, поскольку он вечно забывал, при ком же это разбили Великую Армаду. А теперь ясно, что лучшего имени нет. Как еще передашь эту нежную прелесть? Поистине, что ни слог, то поэзия. Стоишь, повторяешь его, и больше ничего не надо.

— Элизабет!

— Билл, дорогой!

И это неплохо. Если хорошо произнести «Билл», есть в нем какая-то музыка. Все прочие Биллы этого не знают, потому что их имена произносят обыкновенные девушки.

А вот она… Лучшая из лучших… Неужели он — «дорогой»? А может, правда? В полном восторге он поцеловал ее одиннадцать раз.

Время остановилось. Счастье достигло зенита. Он заметил не сразу, что держит кого-то за хвост.

Дадли с трудом глядел сквозь тьму. Он ничего не понимал. Карикатурист поместил бы над его головой большой вопросительный знак. И то сказать, добыча остановилась, стоит и что-то болбочет. Индеец, какой-нибудь Чингачгук (нет, что за имена!) подполз бы поближе и все выяснил. Но миллионер знал по опыту, что при всех своих преимуществах в этом он индейцам уступает. Возьмем хотя бы вес, фунтов сорок лишних. И потом, ползанье — как гольф. Тренироваться надо смолоду.

Прислушавшись, он решил, что это — засада. Субъект подстерегает его с револьвером. Конечно, при оружии неважно, силен ты или нет, но миллионер рассуждал не очень ясно.

Что бы тут сделал индеец? *Обошел* бы врага. Так. Он двинулся влево и вскоре вылез на полянку. Там он понял, почему нет треска — сучки сменились мхом. Кроме того, место было знакомым. Прямо перед ним, в лунном свете, стояла студия лорда Уэзерби. В нее входили две темные фигуры.

Он отполз под кусты и задумался. Зачем грабителям идти к хозяину? Шли бы в дом, если хотят грабить, он совсем близко. Но они направились в мастерскую. Вот, прекрасно видно, сперва — он, потом — она, вроде за него держится.

Подползти поближе? Индеец бы так сделал? Вряд ли, тут нужны помощники. Но вот, они встали, вроде бы прислушались. Мужчина уже не нес мешка. Сказав что-то друг другу, они подались вправо, к лесу. Вскоре их шаги утихли. Он бросился к мешку — и понял, что у него нет спичек.

Пока он искал их или фонарик (в студии света не было), раздались шаги. Несчастный богач выхватил револьвер из кармана и прислонился спиной к стене, готовый дорого отдать жизнь.

Дверь открылась.

— Сейчас зажгу, — сказал кто-то, и Пикеринг с облегчением узнал голос хозяина, а вскоре увидел его силуэт на светлом фоне.

— Э-хм! — сказал он.

Нервный лорд вскрикнул и выскочил из студии.

— Там кто-то есть!

Послышался спокойный голос хозяйки:

— Чепуха. Кто там может быть?

— Я слышал. Он на меня зарычал. Пикеринг решил его успокоить.

— Не бойтесь, — сказал он.

— Слышишь? — спросил лорд.

— Кто это? — сказала леди за дверью.

— Я, Пикеринг.

Дверь осторожно открылась.

— Вы?

— Да. Все в порядке.

— Что именно? — рассердился лорд. — Какой порядок? Почему вы тут прячетесь и лаете на людей? Я язык прикусил. В порядке, видите ли!

Пикеринг вылез из укрытия. Лорд Уэзерби смотрел сердито, леди Уэзерби — с интересом. Была тут и Клара в красивой белой шали.

— Ой, что это! — вскричала леди. Пикеринг заметил, что держит револьвер.

— А… — сказал он и сунул его в карман.

— Лает на людей… — ворчливо заметил хозяин.

— Что вы тут делаете, Дадли? — спросила Клара.

Голос у нее был странный и напряженный. Можно было подумать, что она сердится. Взгляд оставлял желать лучшего; так не глядят на женихов. Сегодня, совсем недавно, она тоже была странновата. Читала письмо, судя по марке — из Англии, вроде бы огорчалась. Он спросил, не плохие ли новости, но она сказала: «Нет». Он не поверил; должно быть, опять что-нибудь с Перси, он такой болезненный. И тогда, и теперь какая-то она… другая. Что-то произошло…

— Да, — сказала леди, — что вы тут делаете? Мы зашли посмотреть холст, что-то неладно с глазами, а вы сидите в темноте с пушкой. Что случилось?

— Это долгая история, — сказал Пикеринг.

— Что ж, времени у нас много.

— Помните того субъекта, который глядел в окно? Он говорил, что знает Клару.

— Что вы к нему привязались?

— Я шел за ним.

— Откуда?

— От этой фермы. Они с той девицей пошли в лес. Я думал, они идут в ваш дом, но они заглянули сюда.

— Зачем?

— Вот и я хотел выяснить.

— А! — не без радости вскричал лорд. — Они пришли за картиной. Известное дело… музеи… Леонардо… Гейнсборо… — Он зажег лампу и разочарованно протянул: — Она здесь.

— Ну и хорошо, — сказала, входя, хозяйка. — Зачем нам терять… О!

Лорд резко повернулся. Леди опустилась на колени. Клара подбежала к ней.

— Полли, что там?

Леди встала, утратив всякую живость. Взгляд ее был суров.

— Смотри!

— Господи! — воскликнула Клара. — Это Юстес.

— Его убили!

Все смотрели на Пикеринга, леди Уэзерби — яростно, лорд — в ужасе, Клара — с холодным гневом.

— Та-ак, — сказала Клара.

— Что это? — сказала леди.

— Ну, знаете! — сказал лорд. — Я его терпеть не мог, но уж это…

— Господи! — вскричал миллионер. — Вы думаете, это я?

— А кто же? — сказала хозяйка. — Он вас укусил, вы на него рассердились. Мы застали вас здесь с пистолетом, вы бормочете что-то о грабителях… Наверное, думали свалить на Алджи…

— Но я… я… я… — выговорил Дадли.

Лорд Уэзерби застыл от ужаса. Теперь он не был благодарен за то, что его избавили от мучителя.

— Ах, вот как!.. — начал он.

— Да я… да я ни сном, ни духом! Я не знал, что он здесь.

— Так уж и не знали? — сказал лорд. — Ну-ну-ну… Обвинители исчезли. Леди ушла. Клара ушла. Хозяин мрачно глядел на него. Наконец он и сам вышел, невнятно ворча о грабителях, мастерских, недоразумениях, даже индейцах, но никто его не слушал.

Нет, рядом был хозяин, и с таким видом, словно его лягнула любимая лошадь.

— Вот уж не думал о вас, — заметил он. — Какая низость!

— Да вы поверьте!..

— Подлость, — и лорд покачал головой. — Ели наш хлеб… и соль… Нет, так нельзя. Низко, очень низко.

И пошел за женой, морщась от гадливости.

— Мистер Пикеринг!

То была Клара. Она ему что-то протягивала. Голос был холоден, и, судя по взгляду, она причисляла его к червям самого низшего разряда.

— А? — робко откликнулся он.

— Нате.

— Э?

Он посмотрел, что она держала, но ничего не понял. Клара стукнула ножкой.

— Прекрасно!

Она бросила наземь что-то блестящее и маленькое. Потом скрылась во тьме, а он машинально поднял загадочный предмет: обручальное кольцо.

19

Прислонившись спиной к воротам, отделявшим дорогу от пасеки, Билл предавался приятным размышлениям. Он был один. Элизабет пошла рассказать новости брату. Джеймс, спустившись с крыши, точил когти о дерево. После недавних треволнений покой был приятен. Он соответствовал мирному счастью, которое ему выпало.

Счастье располагало к мыслям. Думал он об Элизабет. Уходя в дом, она помахала ему рукой, и он все еще улыбался. Что за девушка! Как ему повезло! А еще говорят, нет судьбы!

Погладив Джеймса, который стал вылизывать ногу, Билл задумался о загадочных путях жизни. Странные эти пути! Исключительно странные!

Представим, что он не поехал бы в Мэрвис Бэй. Собственно, столько есть всяких мест. Тогда он не встретил бы Наткома. Может быть, и тот выбирал, куда ему поехать. В общем, они бы не встретились. Однако и тип! Оставить все за ничтожную услугу!

Тут он понял, что еще не решил самого главного — как открыть инкогнито. Он так привык здесь быть Чалмерсом, даже Биллом, что совсем забыл про свой титул. Но ведь именно лорда Долиша Элизабет ненавидит. Что же с ним делать? Сказать ей? Она его выгонит.

Он вздрогнул от ужаса. Не замечая Джеймса, ожидавшего, что его погладят, он погрузился в размышления. Тут не до котов. Предположим, он просто женится. Законно ли это? Все-таки это уже не его фамилия. Он вспомнил пьесу с таким сюжетом. Противный субъект с усиками говорил: «Она — не ваша жена». Так что ж там вышло? Кто оказался прав? Наверное, юрист. Надо послать телеграмму Джерри Николзу, он все объяснит.

Ну, хорошо, объяснит — а деньги? В первый же раз он сказал ей, что беден. Нельзя вдруг вспомнить — «Ах, да, у меня есть пять миллионов долларов!» Можно выдумать дядю, который умрет во время медового месяца. Скажем так: завтрак, Элизабет готовит омлет. Он читает письмо. «Что случилось? Почему ты вскрикнул?» — «Ах, ерунда, дядя Джон оставил наследство».

А что, неплохо. Джерри может сообщить о дяде Джоне и деньгах. Он любит такие штуки. Насчет всяких слов… Да, без Джерри не обойдешься. Это хорошо, тот — человек надежный. И, положившись на него, благодушный Билл возвратился к любовным мыслям.

Как ни странно, думая об Элизабет, он думал и о Кларе. Получалось что-то вроде арифметики: где у одной плюс, у другой — минус. Элизабет неправдоподобно честна; Клара — змея какая-то. Элизабет весела; Клара — сварлива. Элизабет — верный друг; Клара — ну, знаете! Наконец, Клара упорно внушала ему, что он не очень умен. С Элизабет он чувствовал себя мудрым.

А возьмем голос. У Элизабет — нежный, тихий, приветливый. У Клары… Ну, у Клары…

Пытаясь найти удачное определение, он был избавлен от этой задачи, ибо услышал:

— Би-илл!

Клара стояла на дороге, все в той же прозрачной шали. Взгляд у нее был странный, возможно — виноватый, как у блудного сына.

— Мы все время встречаемся у изгороди, — со слабой улыбкой сказала она и положила руку на перекладину. Билл заподозрил, что в этом есть замысел, но по простодушию не разгадал его. Ничего не поделаешь, природа. Для него девичья рука была девичьей рукой, независимо от всяких колец.

Клара поняла это, убрала руку и зашла с другого конца.

— Я хочу тебе кое-что сказать.

Он смотрел на нее и удивлялся. Не жалел, не страдал — удивлялся, что она для него так много значила.

— Я очень глупая.

Что тут ответишь? «Да?» Невежливо. «Правда?» Как-то нелепо. Он изобразил интерес.

Клара отвела глаза и быстро, тихо заговорила:

— Когда я увидела, как ты с ней танцуешь… Я заревновала. Надо было тебе доверять. А я сдуру…

— Ты имела полное право…

— О, нет! Я очень глупая. Прости меня, Билл.

— Тут нечего прощать.

Клара нежно взглянула на него, но хотелось ей ударить его головой о дерево. Ну, что за мямля! Выскочи на дорогу, обними… Ей трудно было сохранить кроткий голос.

— Как, уже поздно? Ты не в силах простить? О, Билл! (Она проглотила «идиот»). Давай помиримся! Представь, что ничего не было.

Не будем винить Билла. Сперва у него рухнула вера в женщину. Потом он быстро прошел двадцать миль. Потом он слышал выстрелы, нашел труп и нес его за хвост сквозь округу. Наконец, он понял, что они с Элизабет любят друг друга. Тут не сосредоточишься. Спасибо, если выговоришь:

— Что ты имеешь в виду?

Клара не отличалась терпением, и с трудом проглотила подходящий ответ. Нет, что за чурбан! Придется говорить полным текстом.

— Давай опять обручимся.

— Ты же обручена…

— Я порвала помолвку.

— Когда?

— Вот сейчас. Я его раскусила. Он жесток и коварен. Случилось… не важно, что, но я поняла, какой он. Нет, слушай. Наверное, для тебя это пустяк. У Полли была обезьянка. Она его укусила… и он ее убил!

— Кто, Пикеринг?

— Да. Никогда бы не подумала. Это мерзко… низко… Как я могла, как могла обручиться с таким человеком?

Что-то тут было не то. Как-то все не сходилось.

— Понимаешь, — продолжала она, — я обручилась с ним от досады. Рассердилась на тебя…

Нет, не то. Вообще-то может быть. Чего не бывает! Но чутье подсказывало: «Не то». А пока он стоял в растерянности, Клара сделала неверный шаг.

— Какое счастье с этим Наткомом! — воскликнула она.

Билл облегченно вздохнул. А, вот в чем дело!

— Ты получила мое письмо?

— Да. Только что пришло. Мне переслали из театра.

Она спохватилась, но понадеялась на то, что он не очень умен.

— Из Портсмута его переслали в Лондон, — заторопилась она. Сперва — в театр, потом — домой, а мама отправила мне.

— Понятно.

Они помолчали. Она подошла ближе.

— Би-илл!

Он закрыл глаза. Этого он боялся. Да, она хитрит, она лжет, но от того не легче. Она — женщина, он — мужчина, ничего не поделаешь.

— Прости, — сказал он, — обручиться мы не можем. Клара очень удивилась. Вот уж чего она не ждала.

— Билл!

— Прости меня.

— Ну, Билл!

Он стиснул зубы. Да, нелегко.

— Я же тебе объяснила.

— Знаю.

— Я думала, ты меня любишь, — она подошла ближе и потянула его за рукав. — Не глупи. Неужели ты хочешь, чтобы я перед тобой унижалась? — Она издала легкий смешок. — Что ж, я делаю тебе предложение. Я не очень виновата. В конце концов, я слабая девушка. Ну, ошиблась, а теперь…

— Клара, — сказал он, — я женюсь.

Она отшатнулась. Многого она ждала, но не этого. Ее охватила холодная ярость. Поставить на все — и проиграть!

— Женишься?

— Да.

— Однако, — она засмеялась, — ты расторопен. На ком?

— На Элизабет Бойд.

— Я темное существо, но — кто это? Девица из ресторана9

— Нет.

— Кто же?

— Племянница Наткома. Наследство причиталось ей. Я потому и поехал, чтобы уладить.

— И решил жениться? Как романтично… и удобно! Повезло ей, однако. Кто из вас это предложил?

Билл сжался. Неприятно, но сказать надо… Вдруг Клара сменила иронию на ярость.

— Дурак! — крикнула она. — Ты что, не видишь? Ей нужны твои деньги.

— Ты не права, — отвечал он. — Она ничего о них не знает.

— Как так не знает? Она что, не читала завещание?

— Она не знает, кто я.

— То есть как?

— Я здесь под фамилией Чалмерс. Клара помрачнела.
— Как ты с ней познакомился?
— Я встретил ее брата в Нью-Йорке.
— Случайно?
— Да, случайно. Мне один человек оставил квартиру, а он туда зашел.
— Странно! А что потом?
— Он меня пригласил.
— Сюда?
— Он живет здесь на ферме.
— Это *она* разводит пчел?
— Да, она.
Глаза у Клары сверкнули:
— Нет, ты ребенок, истинный ребенок! Ей нужны твои деньги. Прямо сейчас, они тебя не знают! Случайно, а! Ты — просто душечка. Такая невинность…
Она повернулась на каблуках и бросила через плечо:
— Спокойной ночи.
Идя по дороге, она громко смеялась.

20

Дадли Пикеринг жевал окурок некогда роскошной сигары. Сидел он в гостиной, наедине со своими мыслями. Заглядывал хозяин, словно хотел прибрать. Заглядывал и благодушный Роско Шериф; но страдалец едва отвечал им. Теперь он беседовал со своим подсознанием.
Подсознание — плохой собеседник. Большей частью оно кроется в норе и выползает, чтобы нас расстроить. До сих пор, в ночной тиши, оно подсказывало Дадли, что всякая плоть — трава и что он не молодеет. Сегодня, под воздействием шока, оно выглянуло в самое приятное, послеобеденное время. Обычно он в эти часы отдыхал. Обычно — но не теперь.
Цинично поглядывая на жертву, подсознание заметило:
— Завтра уедем. Оставаться нельзя. Вот что значит — глупость.
Пикеринг передернулся.
— В индейцев играем! Староват, голубчик, староват. Завтра нога разболится. Слава Богу, не мальчик. Соберешься ползать во мху, послушай меня.
Пикеринг решительно зажег сигару. Она оказалась слишком горячей.

Отбросив ее, он вынул из жилетного кармана кольцо с бриллиантом.

— Неплохо, а? — осведомилось подсознание.

Пикеринг вздохнул, вспомнив венец своих бед, когда *она*, бросив кольцо, исчезла из его жизни, как оскорбленная королева. Подсознание вмешалось опять:

— Потерял по глупости, — сказало оно. — Нет, какой дурак! Играет в индейцев! Что ж, дела не исправишь.

Отменяем торт, рассылаем телеграммы, отсылаем служанок, равно как и органиста. Ты остаешься один, старый идиот. Легкие шажки в детской? Как бы не так! Детские голоса? Ну, знаешь! Нет, дорогой, все это не для Дадли Идиота Пикеринга.

Подсознание выражалось неприятно, но разумно. Страдалец сунул кольцо в карман и закрыл лицо руками, мыча от горя.

— Удивляюсь я тебе, — заметило подсознание.

— Почему?

— Ты прекрасно знаешь, что тебе полегчало. Ты рад, ты чрезвычайно рад!

Пикеринг возмутился, и тут же понял, что это правда. Кто бы мог подумать? Совсем недавно он ощущал себя, как Люцифер, павший с неба. И вот — появилась серебряная каемка. Подсознание поднажало.

— Не лги себе! — сказало оно. — Вечно все себе лгут. А ты взгляни честно. Ты прекрасно знаешь, что думать не желал о браке. Ты застенчив. Ты не любишь суеты. А тут еще — эта барышня. Что ты о ней знаешь? Да, недурна. Но нужно ли это для семейной жизни? Лучше добрая образина, чем сварливая Афродита. Ты знаешь, что *она* не добра. У нее железное сердце.

Живешь ты тихо, хорошо, но если взбрело жениться — не на ней же! Ты немолодой, мирный человек. Ты хочешь уютно идти по жизни, она — плясать фокстрот. Конечно, если бы ты ее любил… Но ты ее не любишь, она тебя просто приворожила. Советую тебе праздновать годовщину этой ссоры. Можешь пожертвовать деньги на больницу, тоже из благодарности. Не знаю, сколько ты проживешь — без этих глупостей дольше — но такого счастья, как сейчас, у тебя уже не будет.

— Как ты право! — с восторгом откликнулся Пикеринг. — Странно, я сам не догадался.

Зашевелилась ручка. Хорошо, если бы Роско Шериф. Он его скучно встретил, а сейчас — ого-го, держись! Есть два прекрасных анекдота…

Но то была Клара. Взор у нее был странный, мягкий, покаянный, что ли. Вроде блудного сына или, точнее, дочери.

— Дадли!

Она робко улыбнулась. Щеки ее пылали, глаза сияли. Он посмотрел на нее, и с ним стало что-то делаться.

Как же слаб человек, как он жалок! Поистине червяк. Гордится разумом, а увидит сияющий взгляд — и превращается в промокашку. Только что миллионер презирал и брак, и женщин, он благодарил Провидение — и что же? Разум исчез.

— Дадли!

Подсознание попыталось снова.

— Осторожно, — шепнуло оно.

— Дадли, — сказала Клара, — нам надо поговорить. «Без записи нельзя! Беги! Скрывайся!»

Пикеринг не скрылся. Клара подошла к нему, жалобно улыбаясь. 197 фунтов затрепетали. Теперь он ощущал, что брак — синоним рая.

Клара села на ручку кресла.

— Олух! — сказало подсознание.

Клара погладила его руку. Подсознание сказало: «Балбес».

— Дадли, мой дорогой, — нежно проговорила Клара, — я ужасная дура. Я ужасно виновата. А ты — самый лучший, самый добрый, самый кроткий человек. Прости меня.

Губы его молча шевелились. Она прикоснулась губами к лысине.

— Где оно?

— Э?

— Куда ты его положил? Тут вмешалось подсознание.

«Кретин, болван, балбес, олух, слабоумный, — сказало оно. — Ты что, меня не слышал?»

«Она такая красивая, — напомнил Пикеринг. — Посмотри хотя бы на глаза».

«Она — железка».

«Ты неправо».

«Право».

«Она меня любит!»

«Ничего подобного».

Клара пожала плечами.

— Дадли, о чем ты задумался? Где кольцо? Он его вынул. Она его рассмотрела.

— Я чуть не разбила твое сердце…

«Беги! Подальше! В Японию!»

Пикеринг не сбежал в Японию. Он смотрел на Клару, любуясь серым

сиянием глаз, очерком щеки, нежностью шеи. Как можно слушать это подсознание? Как можно допустить на миг, что она — не совершенство?

— Вот! — сказала Клара, надевая кольцо.

— Все хорошо, — прибавила она, прикасаясь к лысине.

— Все хорошо, — согласился он.

— Тогда поцелуй меня. Он это сделал.

— Дадли, миленький, — сказала Клара, — мы будем уж-жасно счастливы.

— А то! — вскричал он. Подсознание молчало, утратив дар речи.

21

Расставшись с Кларой, Билл тихо постоял. Двигаться он не мог. Все силы ушли на объяснение. Как ни странно, в тяжелые минуты добрые свойства не помогают. Скромность, к примеру, считают добрым свойством. Она умягчает душу и помогает понять ближнего. Однако Биллу помогла бы гордость. Клара сумела ранить его. Кто он, в конце концов, чтобы заслужить любовь Элизабет?

Он принадлежал к тем редким людям, которые верят в достоинства ближних больше, чем в их недостатки, а по отношению к себе — в точности наоборот. Это и зовется скромностью, а если хотите — робостью. Он был невысокого мнения о себе.

Наконец он побрел к дому, несчастный и усталый. Надо было лечь и заснуть, утро — мудренее…

Дверь была открыта, и за ней слышались голоса. Шли они сверху. Говорил Натти, и так резко, что каждое слово было слышно.

— Конечно, ты его не выносишь, но пять миллионов… Билл кинулся к себе и сел на кровать. Дверь захлопнулась. Значит, это правда!

Кто-то постучался. Потом — еще раз. Дверь чуть-чуть приоткрылась.

— Вы тут, Билл?

Голос ее. В щелку двери можно разглядеть и фигуру.

— Билл!

Ответить он не мог, только глотал.

— Да? — выговорил он.

— Вы сейчас пришли?

— Да.

— Значит… вы слышали?

— Да.

Повисло молчание, потом дверь тихо закрылась.

22

Проснулся он в десять часов. Первым его чувством был стыд. Как же он мог проспать целую ночь? Где тонкость, где ранимость? Где высшие чувства? Одно слово, бревно. Он не оправдывал себя усталостью, просто был собой недоволен. Все ушло — и надежда, и радость, и достоинство.

Элизабет он встретил в коридоре. К одиннадцати годам создания женского пола обретают умение себя вести, которого мужчинам не достигнуть и к восьмидесяти. Она была бледновата, немного устала — но и все. Веселой бы ее не назвали, а сдержанной — пожалуйста.

— Надеюсь, я вас не разбудила? Вам бы еще поспать.

Он сильнее запрезирал себя — бездушное чучело, ему бы только спать.

— Мы уже позавтракали. Натти пошел гулять, какая погода! Ваш завтрак — в духовке.

Ну, что это! Хорошо, сон, но еще и еда!

— Нет, спасибо. Я не голоден.

— Пожалуйста!

— Честное слово…

— Я очень прошу…

Он покорно пошел за ней. Как практичны женщины! Однако он позавтракал. Она молча смотрела через стол.

— Поели?

— Да, спасибо. Она помолчала.

— Вот что, все очень запуталось. Лучше я объясню, почему он это сказал. Не закурите?

— Нет, спасибо.

— Легче будет.

— Не думаю.

В окно влетела пчела. Элизабет последила за ней, потом повернулась к Биллу.

— Он хотел меня утешить. Билл промолчал.

— Понимаете, он не может себе представить, что я вас люблю. Он понимает только деньги. Я думаю, потому он вас и пригласил. Узнал в Нью-Йорке, кто вы, наверное, в ресторане. Так что в этом смысле вчерашняя барышня права.

— Вы слышали?

— Ничего не могла поделать. Да она и хотела, чтобы я слышала, зачем ей иначе повышать голос. Я зашла посмотреть, нет ли Натти, а она там была. Вы меня не видели, вы стояли спиной. А она видела.

— Вы не спрашиваете, кто это?

— Неважно. Важно, что она сказала — мы знаем, что вы лорд Долиш.

— А вы знали?

— Натти признался дня два-три назад, — она покраснела. — Наверное, вы не поверите, но мне это все равно. Я думала, этот лорд — мерзавец, а то он не выжал бы деньги из дядюшки. Когда я познакомилась с вами, я сразу поняла, что ошиблась. И потом, я вспомнила, что вы предложили мне половину денег. Так что вы — не тот, кого я терпеть не могла. И мне неважно, что вы богаты. Я вас полюбила. Все бы хорошо, но эта девушка сказала вам слишком много правды. И Натти меня утешал.

— Я…

— Постойте, я скажу про Натти. Я все удивлялась, откуда он взял деньги на поездку. Вчера он сказал мне. Надеюсь, вы его знаете, и не удивитесь, что он занял у аптекаря под это завещание, а потом у всех других торговцев. Они это выяснили, и вчера один из них сюда пришел. Ругался, грозил арестом…

И тут я прихожу и говорю о помолвке. Представляете? Он решил, что я узнала про его штуки и его спасаю. Я стала его уверять, он — меня утешать. Это вы и слышали. Можете верить, можете не верить.

— Я верю, — сказал он. — Я вам всегда верю. Она покачала головой.

— А свидетельства?

— Бог с ними.

— Нет. Вы убедите себя на минуту, а потом начнутся сомнения. Вы же не *знаете,* что я говорю правду, вы это чувствуете. Вы верите сердцу, а не уму. А голова сильнее, она в конце концов победит. Инстинкт, или как его там, будет постепенно слабеть. Представьте, как это больно. Вот, посудите сами: Натти приглашает вас, зная, что вы лорд Долиш. Я сказала вам сразу, что этого лорда ненавижу. Однако вскоре обручаюсь с вами. Потом вы слышите, как брат меня утешает. Можно ли верить мне после этого?

— Я знаю вас. Вы не можете плохо поступить.

— Вот поступила же.

— Это неважно.

— Теперь.

— Всегда.

Она покачала головой.

— Спасибо вам, но это невозможно. Я очень люблю вас и потому — уезжайте.

— Уезжать?

— Да. Иначе будет слишком трудно. Я не смогу жить с вами всю жизнь, гадая, верите вы мне или не верите. То будет побеждать чутье, то разум. Всякие мелочи изведут вас, вы не сможете от них избавиться. Ссоры — ведь все люди ссорятся — будут вас убеждать, что я вас обманула. Что вы обо мне знаете? Мы, в сущности, незнакомы. Мы судим наугад.

Она взглянула на часы.

— Пора паковать вещи, а то опоздаете. Он горько рассмеялся.

— Вы выгоняете меня?

— Да. Я хочу, чтобы вы уехали, пока я могу удержаться.

— Если вам так трудно, зачем же…

— Откуда вы знаете, что я не лгу? Может, это хитрый заговор?

— Да, дело плохо, — сказал он. — Слишком много сложностей.

— Вам кажется, — сказала она, — что я все нарочно усложняю. Нет, я просто смотрю в будущее. Если бы я хотела поймать вас из-за денег, я бы вела себя именно так. Рано или поздно это придет вам в голову. Вы будете бороться, отталкивать такую мысль — но не вечно же! Она вас одолеет.

Он беспомощно пожал плечами.

— Как тут поспоришь?

— Вот именно. Ну, сложим вещи.

— Сейчас-сейчас. Не беспокойтесь.

— Ни один мужчина не умеет их складывать.

Он пошел к себе, вынул чемодан, символ конца, и стал смотреть, как мелькают на фоне окна ее золотистые волосы. Она аккуратно складывала вещи, словно нежная заботливая жена. Жестоко, думал он, представлять домашнюю сцену, когда они расстаются. Что тут обдумывать? Глупо, безжалостно, обе жизни сломаны.

Снова ему довелось встретиться с женской практичностью. Она держала что-то в руке, огорченно покачивая головой.

— Что ж вы не сказали? Носки все в дырках! Как это они умеют перейти от горя к носкам?

— Просто решето! — она вздохнула и нахмурилась. — Вы все такие беспомощные! Наверное, у вас осенью мокрые ноги. А зимой мерзнет голова. И я не могу о вас позаботиться.

— Элизабет!

Она стояла на коленях, склонившись к чемодану. Он заглянул ей в

лицо.

— Не надо, Билл. Иначе нельзя.

— Это чепуха какая-то! Она секунду помолчала.

— А вот подумайте обо мне. Откуда мне знать, что вы меня любите?

— Я же вам сказал!

— Вот именно. Всё слова, слова, слова. Откуда узнать, правда ли это? Может быть, вы меня жалеете, или у вас чуткая совесть. Вы очень хороший человек, настоящий Дон Кихот. А я ненавижу быть обязанной. Я гордая. Мы бы следили друг за другом, проверяли, подлавливали. Какой ужас!

Он поднял чемодан.

— Я провожу вас до ворот.

Они шли молча. Потом она сказала:

— Прощайте, дорогой.

— Прощайте.

Он быстро двинулся по дороге, обернулся, посмотрел, двинулся дальше. Она стояла у ворот, сжимая изо всех сил теплую деревяшку. Наконец она пошла к дому.

Из сада шел Натти. Он был весел. Глазки светились. Губы что-то насвистывали.

— Где Долиш?

— Уехал.

— То есть как? В каком смысле? У-е-хал?

— Вот именно.

— Совсем?

— Совсем.

— Абсолютно?

— Да.

— Значит, полностью?

— Да.

— И ты за него не выйдешь?

— Нет.

— А, черт! — вскричал он и шмякнулся на ступеньки, как медуза.

23

Элизабет это не тронуло. Она была доброй, но его не пожалела, даже испытала какое-то облегчение. Когда, очнувшись, он открыл рот, закрыл и открыл снова, она побежала по тропинке. Она не выдержала бы вопросов.

Надо заняться пчелами, а не поможет — уйдет с головой в уборку.

Зачем он слушал ее? — думала она. — Почему не обнял, не выругал? Почему мужчины вообще слушают женщин? Если бы он ее любил, он бы остался. Эти размышления прервал слабый голос:

— Не верю…

Натти шел за ней, повторяя: «Нет, не верю».

— Привыкнешь, — отвечала она.

— Ты прогнала его?

— Да.

— За что?

— Что ж еще было делать?

— Он что, слышал вчерашний разговор?

— Да.

— Ой!

Она промолчала.

— Ты бы объяснила.

— Как?

— Ну, не знаю, как-нибудь. Значит, *ты* его выгнала?

— Да.

— Не понимаю.

У нее лопнуло терпение.

— Натти, поговорим о чем-нибудь другом.

— Да, но…

— Не надо! Я не выдержу. Я и так еле жива.

Он продолжал ворчать, но она его не слушала. Длилось это долго, пока не раздался гудок автомобиля.

24

Из автомобиля вышел молодой высокий человек в светлом костюме и соломенной шляпе. Когда он заговорил, оказалось, что он англичанин.

Натти смотрел на него угрюмо. Можно ли веселиться в такую минуту? Элизабет, погруженная в думы, его даже не заметила.

— Простите, — спросил пришелец, — здесь обитают Бонды?

— Да, — отвечала хозяйка.

— Спасибо, — сказал гость. — Моя фамилия Николз. Надеюсь, вы получили мое письмо?

Что-то она такое слышала. «Николз…» Кто же это?

— Я, знаете ли, юрист. Написал вам про это завещание.

— А, да! — вспомнила она и собралась пригласить в дом, но он продолжал:

— Понимаете, я должен кое-что объяснить. Я написал сразу. Так нельзя нам, юристам. Хотел поскорее сообщить, чтобы вы зря не надеялись. Понимаете, Билл, то есть лорд Долиш, — мой друг. Когда я узнал, что Натком умер, я ему позвонил и сказал, что тот ему всё оставил. Так, по-дружески, как говорится, в неформальном стиле. Вы, конечно, мисс Элизабет Бойд?

— Да.

— Рад слышать. Если бы вы ею не были, вы бы меня не поняли.

Она его и так не понимала. Натти напоминал растерянную змею.

— Видите ли, — продолжал юрист, — мой отец, глава фирмы, все делает, как следует. Это очень долго, люди ждут, где же их деньги. Вот я и решил сообщить сразу. Мне бы не стоило быть юристом. Если отец узнает про письмо, он так и подумает. Вот я и приехал попросить, чтобы вы ничего не говорили.

— Вы просите, — проверила Элизабет, — чтобы мы не говорили про письмо?

— Да-да.

— А почему я могла бы о нем говорить?

— Да так, знаете, к слову.

— Когда? Я с вашим отцом незнакома.

— Скоро познакомитесь. Он хочет с вами встретиться из-за этих денег.

— Денег?

— Вы не получили его письма?

— Нет.

— Я думал, они пришли вместе. Вот он, отцовский метод! Неужели письма нет?

Наконец Элизабет нашла силы улыбнуться. Ей понравился этот человек.

— У меня — нет, — сказала она.

— И вы ничего не знаете о завещании?

— Только то, что вы написали.

— Что хотеть от этого… психа? — спросил Натти. — Помнишь, он стал вегетарианцем? А как он читал со мной Марка Аврелия? Да что там, одни странности. Вечно он меня мучил. Теперь оставил эту мелочь!

Мистер Николз сочувственно кивнул.

— Знаете, почему я решил, что он все оставил Биллу? Тот ему помог с гольфом. Вот уж бедняга!

— Кто, ваш Долиш? Получил пять миллионов.

— Не получил.

— То есть как?

— Так. Есть другое завещание.

— Какое?

— То, о котором я говорю.

Он удивленно оглядел их. Они явно не понимали.

— А, — догадался он, — я вам ничего не сказал! Видите ли, они с отцом повздорили, а потом помирились. На радостях дядя составил новое завещание. Я думал, оно уже пришло. Надо было предупредить, чтобы вы меня не выдали. Сослался на усталость и — сюда. Конечно, жалко старого Билла, но вас я поздравляю, мисс Бойд.

— Который час? — спросила она. Николз удивился и взглянул на часы.

— Без пяти одиннадцать.

Тут он удивился еще больше, ибо Элизабет, стремглав пробежав мимо него, садилась в машину.

— На станцию! — крикнула она солидному шоферу.

— А?

— К одиннадцатичасовому поезду!

Заметив, что он склонен к тугодумству, она крикнула:

— Десять долларов!

Машина дернулась, словно ее укололи. Два-три раза в жизни шофер мог схватить идею сразу. То был один из них.

— Это правда? — спросил гостя Натти.

— Еще какая.

Радостный крик озарил летнюю тишину.

— Выпьем! — закричал Натти. — Ах, забыл! Мне же нельзя.

— А что такое?

— Вижу обезьян.

— Один мой приятель видел кенгуру.

— Что ж, съедим пирога, выпьем водицы. Поговорим про дядю. Хо-хо!

— Хо-хо, — согласился Николз. — Пирога — самое время!

Билл продвигался к курительному вагону, в котором почти никого не было. Он был в том состоянии, когда надо закурить или сдаться на милость судьбы. Наконец он сел к окну и закурил трубку.

Контролер проверял билеты. Билл машинально показал билет, контролер двинулся дальше. Связных мыслей не было. Тупая боль, муть какая-то — и больше ничего.

Вдруг он заметил, что контролер вернулся и что-то говорит насчет билета. Он его вынул, но этого оказалось мало. Прислушавшись, Билл услышал странные вещи и переспросил:

— Что-что?

— Леди сказала, вы заплатите, — повторил контролер. Билл растерялся. Вероятно, у него что-то с мозгами. Собрав весь наличный разум, он повторил:

— Леди сказала, что я заплачу?

— Да.

— А… почему?

— Спросите чего полегче!

— Заплачу?

— Так и сказала, джентльмен в сером костюме.

— Тут какая-то ошибка.

— Я верно говорю.

— А какая эта леди?

Контролер порыскал в уме, отыскивая определений.

— Маленькая, — медленно выговорил он, — глаза такие… темные…

Дальше говорить ему не пришлось, поскольку Билл исчез.

Нашел он ее в третьем вагоне. Две толстые дамы с котом в корзине воззрились на него. Две барышни насторожились — одна как раз сказала другой, что это Мэри Пикфорд.

— Боже мой! — сказал Билл.

Толстая дама велела детям рассматривать картинки.

— О, Господи!

Дама приказала детям идти в конец вагона, чтобы смотреть на деревья.

— Элизабет!

Девицы потеряли интерес к событиям.

— Что вы здесь делаете?

Она неуверенно, но бодро улыбнулась.

— Ловлю вас.

— Вы без шляпы!

— Не успела надеть, а деньги отдала шоферу. Вот и попросила вас

заплатить. Видите, я не всегда избегаю ваших денег.

— Так вы…

— Билеты, пожалуйста. Один доллар семьдесят один цент. Билл дал ему пять и не спросил сдачи.

— Билл! — воскликнула Элизабет. — Вы ему дали… Хорошо, что вы женитесь на богатой.

— Не понимаю, о чем вы говорите. Я женюсь на вас. Теперь я вас не отпущу. Спорьте, не спорьте, я не сдамся. Какой я дурак, что слушал! Мы любим друг друга, и со временем будем любить еще больше.

— Какое красноречие!

— А я вообще красноречив.

Дама уже не слышала, они почти шептали, и утешалась историей молодых миллионеров. Элизабет бросила взгляд на обложку.

— Бьюсь об заклад, там есть рассказ про гордого человека, который не хотел жениться на богатой девице. Как глупо! Вы бы так не сделали?

— Со мной все иначе.

— А вот и нет. Вы знаете Николза?

— Николза?

— Дж. Дж. Николза. Он вас знает. Он вам сказал про это наследство.

— Джерри! Как же вы?.. А, помню, он вам написал.

— Да. А сегодня прибыл.

— Джерри Николз?

— И сообщил, что дядя оставил мне все деньги. Они посмотрели друг на друга.

— Я взяла его машину и нагнала поезд.

— Но… но теперь все иначе.

— В каком смысле?

— У вас — пять миллионов, а у меня — две тысячи в год. Мы не можем…

— Билл, — спросила Элизабет, — что у меня в руке?

— Э? А?

— Булавка. Если вы будете так говорить, я ее воткну. А сделаем мы вот что: в Нью-Йорке вы дадите мне денег на шляпу, потом вы покупаете брачную лицензию. Стоит один доллар. Сообщите свое имя, узнаете мое. Кстати, испытаете шок, между «Элизабет» и «Бойд» — нечто жуткое. Скрываю, как могу. Потом мы едем в единственную приличную церковь, на 29-й стрит, за углом Пятой авеню. Там есть фонтан и кусочек неба. Ну а потом — начинаем искать ферму. За пять миллионов вполне купим, еще останется что-нибудь Натти.

— И заживем счастливо.

Что-то маленькое скользнуло ему в руку, как тогда, в лесу. Совесть на мгновение очнулась.

— Но поймите…

— Что?

— Эти деньги… Ой!

Элизабет с укором смотрела на него, готовая снова вонзить булавку.

— Хорошо-хорошо, я больше не буду.

— Хвалю. Вот что, Билл, скажите мне все, что думаете обо мне хорошего. Потом скажу я. Время есть. Мы только что проехали Ислип.

Веселящий газ

Перевод с английского А. Круглова

1

Едва я сел писать эту историю, как ко мне заскочил за содой один приятель-литератор, накануне слишком засидевшийся в пен-клубе, и мне пришло в голову показать ему начало, на случай, если я завалил первую лунку и всю партию. Дело в том, что, если не считать анекдотов в курилке «Трутней» про шотландцев, ирландцев и евреев — да и тогда я обычно умудрялся упустить всю соль, — вашему покорному слуге в жизни не приходилось рассказывать никаких историй. Между тем, все знатоки этого дела напирают на то, что удачное начало — ключ к успеху.

— Слушай, можно я тебе кое-что почитаю? — обратился я к приятелю.

— Ну, если это обязательно… — вздохнул он.

— Отлично. Понимаешь, мне хочется изложить на бумаге один довольно странный случай, который произошел со мной в прошлом году. Пока еще я не слишком продвинулся… в общем, начинается все с того, как я встретил мальчишку…

— Какого мальчишку?

— Которого я встретил, — пояснил я и приступил к чтению:

«Мальчик сидел в одном кресле, я сидел в другом. Левая щека у него распухла. Моя левая щека тоже распухла. Он перелистывал картинки в «Нэшнл джиографик», и я перелистывал. Короче, мы оба там сидели.

Он был чем-то обеспокоен, во всяком случае, мне показалось, что «Нэшнл джиографик» не поглощает его внимание полностью. То откладывал журнал, то снова брал в руки, то вдруг опять откладывал. Наконец в момент очередного откладывания его взгляд упал на меня.

— А где все остальные?..»

Тут мой приятель, прикрывший было со страдальческим видом глаза, вдруг встрепенулся. Он вел себя так, словно ему сунули под нос тухлую рыбу.

— Неужели такую чушь, — спросил он, — собираются напечатать?

— Частным образом. Это останется в семейных архивах для

просвещения моих потомков.

— Бедняги. Насколько я могу судить, тут они никаких концов не найдут. Где, черт возьми, все это происходит?

— В Голливуде.

— Ну, так прямо и скажи! А то кресла какие-то… Что за кресла? Где они стоят?

— В приемной у дантиста, — объяснил я. — Мы там встретились с мальчиком.

— С каким мальчиком? Кто он такой?

— Потом оказалось, что это малыш Джо Кули, ребенок-кинозвезда, Кумир Американских Матерей.

— А ты кто?

— Как это, кто? — Вопрос меня слегка удивил, потому что мы учились в одной школе. — Ты же знаешь меня, старина, я Реджи Хавершот.

— Да я-то знаю, но ты должен представиться читателю, он же не ясновидящий!

— А нельзя сделать так, чтобы это выяснялось постепенно, по ходу повествования?

— Ну конечно, нет, — отрезал приятель. — Когда пишешь, первое правило — сразу изложить предельно ясно, кто, когда, где и почему. Так что советую начать сначала.

Он забрал соду и исчез.

Итак, возвращаясь назад и приступая к делу по всем правилам, должен сообщить вам, что меня зовут, как и упоминалось выше, Реджи Хавершот, или Реджинальд Джон Питер Свизин, третий граф Хавершот, если уж быть совсем точным. Для друзей я просто Реджи. Лет мне двадцать восемь с хвостиком, а во время тех событий, что я описываю, было, соответственно, двадцать семь с хвостиком. Рост шесть футов один дюйм, глаза карие, цвет волос ближе к морковному.

Заметьте, что, называя себя третьим графом Хавершотом, я не имею в виду, что был им всегда. Напротив, вышел я из самых низов и в жизни пробивался собственными силами. В течение долгих лет гнул спину в качестве самого обычного Р. Д. П. Свизина, нимало не сомневаясь, что только это имя и будет высечено на моем могильном камне, когда вопрос о могильных камнях приобретет актуальность. Что же касается моих шансов выйти в графы, то они поначалу едва ли поднимались выше одного к десяти. На поле с избытком хватало опытных игроков, каждый из которых

мог дать мне сто очков вперед. Однако вы сами знаете, как это бывает. Дядюшки отказываются от жизненной борьбы, кузены складывают оружие, и так, мало-помалу, шаг за шагом, не успеваете вы толком разобраться, что происходит, как вдруг — вот оно.

Ну вот, собственно, и все о моей персоне, не знаю, что тут еще можно добавить. Входил в сборную Кембриджа по боксу… Короче, я один из многих, ничего особенного, так что лучше уж сразу перейду к тому, как оказался в Голливуде.

Однажды утром, когда я налегал на яичницу с беконом в своей лондонской резиденции, раздался телефонный звонок. Старый Гораций Плимсолл спрашивал, не могу ли я зайти к нему в контору по важному делу. Ну конечно, ответил я, разумеется! И тут же отправился в путь, причем с большим удовольствием.

Мне по душе старина Плимсолл. Он семейный поверенный, и в последнее время нам пришлось изрядно пообщаться по поводу вступления в права наследства и всего такого прочего. Ввалившись в контору, я, как обычно, едва разглядел его среди всевозможных исков и постановлений. Раздвинув бумажные горы, Плимсолл выбрался на поверхность и взглянул на меня поверх очков.

— Доброе утро, Реджинальд.

— Доброе утро.

Старик снял очки, протер их и вернул на нос.

— Реджинальд, — произнес он, снова устремляя на меня свой взгляд, — вы теперь — глава семьи.

— Знаю, — кивнул я. — Смех да и только. Мне подписать что-нибудь?

— Пока нет. Дело, ради которого я пригласил вас сегодня, носит, скорее, личный характер. Хочу напомнить, что в качестве главы семьи, Реджинальд, вы несете особую ответственность и, я уверен, не станете ею пренебрегать. На вас лежат определенные обязанности, которые должны быть исполнены, не взирая ни на что. Noblesse oblige.

— О! — Я поднял брови, ощутив некоторое беспокойство. Похоже, предстояло раскошелиться. — Плохие новости, да? Какая-нибудь боковая ветвь решила запустить руку в кассу?

— Позвольте мне начать с самого начала, — вздохнул Плимсолл, смахивая с рукава судебную повестку. — Я только что имел беседу с вашей тетушкой Кларой. Она серьезно обеспокоена.

— Ах, вот как?

— Крайне обеспокоена, — кивнул он. — По поводу вашего кузена Эгремонта.

Разумеется, я сочувственно поцокал языком, но не могу сказать, чтобы сильно удивился. С тех пор, как упомянутый молодой человек достиг совершеннолетия, он оставался предметом хронического беспокойства моей несчастной тетушки, снискав всеобщую известность в качестве самого одиозного гуляки в Вест-Энде. Сколько ни пытались окружающие убедить Эгремонта в бессмысленности попыток выпить все спиртное в Англии, он продолжал их предпринимать. Настоящее бульдожье упорство, старая добрая национальная черта, однако тетушку Клару это, ясное дело, не могло не волновать.

— Вы знакомы с его послужным списком? — продолжал поверенный.

Я задумчиво наморщил лоб.

— Ну… однажды после регаты я видел, как Эгремонт уговорил шестнадцать двойных виски за вечер, но побил ли он с тех пор свой рекорд, не знаю.

— В течение долгих лет его поведение было для леди Клары источником постоянной тревоги, а на этот раз…

— Стоп, не говорите, — поднял я руку, — дайте догадаться. Он украл шлем у постового?

— Нет, он…

— Бросил яйцо всмятку на электрический вентилятор? В ресторане это производит необыкновенный эффект.

— Нет, он…

— Неужели убил кого-нибудь? Ни за что не поверю.

— Нет. Он удрал в Голливуд.

— Удрал в Голливуд? — удивленно переспросил я.

— Вот именно, в Голливуд, — кивнул Плимсолл.

Я как мог, выразил свое непонимание сути проблемы. Старик продолжал:

— Некоторое время назад леди Клару обеспокоило состояние здоровья вашего кузена. Дрожь в руках, жалобы на пауков, бегающих по спине… Медики с Харли-стрит посоветовали отправить его в кругосветный круиз. Свежий воздух и перемена обстановки…

Слабое место этого плана бросалось в глаза.

— На пароходах есть буфеты, — заметил я.

— Бармены получили строжайшее указание не обслуживать Эгремонта.

— Ему это вряд ли понравилось.

— Не понравилось. Его письма домой, как и почти ежедневные телеграммы, были полны жалоб и выдержаны в неизменно раздражительном тоне. На обратном пути, во время стоянки в Лос-Анджелесе, Эгремонт покинул борт судна и отправился в Голливуд, где до сих пор и пребывает.

— Ну и ну! Пьет, небось, как лошадь?

— Прямых свидетельств мы, к сожалению, лишены, но, думаю, вполне можем предположить, что дело обстоит именно так. Однако это еще не самое худшее. В крайнее волнение леди Клару привело другое…

— Другое? — удивился я.

— Совершенно верно. Отдельные фразы из писем дают основание полагать, что Эгремонт возымел намерение вступить в брак.

— Вот как?

— Да. Его слова не оставляют места для сомнений. Он либо уже обручен, либо вот-вот обручится с какой-то местной девицей, а вам, я думаю, хорошо известно, какого сорта женщины преобладают в Голливуде…

— Говорят, все как одна красотки.

— В физическом отношении они, несомненно, обладают определенными достоинствами, — поджал губы старый Плимсолл, — однако ни в коей мере не подходят в супруги вашему кузену Эгремонту.

Не знаю, не знаю. Лично мне казалось, что такому, как Эгги, еще здорово повезло, если нашлась девица, согласная с ним связаться. Разумеется, своих соображений я высказывать не стал. Старый Плимсолл слишком уж благоговел перед нашим семейством, и мое замечание его бы расстроило. Вместо этого я решил уточнить, чего, собственно, от меня хотят в возникшей ситуации. Чем я могу помочь? Так и спросил его.

Плимсолл посмотрел на меня, словно верховный жрец племени, вдохновляющий юного вождя на священную битву.

— Ну как же, Реджинальд… Вы отправитесь в Голливуд и вразумите этого заблудшего молодого человека. Положите конец его неразумным планам. Употребите все свое влияние

— Кто, я?

— Вы.

— Хм…

— Никаких «хм»!

— Ха!

— Никаких «ха». Ваш долг очевиден. Вы не можете от него уклониться.

— Но… Голливуд — это же черт знает где!

— Тем не менее я настаиваю на том, что на вас, как на главе семьи, лежит обязанность немедленно туда отправиться.

Я задумчиво пожевал нижнюю губу. Мчаться со всех ног, чтобы подрезать на корню романтическую любовь, в которой я пока не мог усмотреть ничего плохого. Живи и давай жить другим — вот мой девиз. Если Эгги вдруг приспичило бросить якорь, почему бы и нет? Может быть, семейная жизнь изменит его к лучшему. Во всяком случае, к худшему его уже ничто не изменит.

— Хм, — снова сказал я.

Старый Плимсолл уже возился с карандашом и бумагой — очевидно, разрабатывал маршрут.

— Вы правы, — заметил он, — путь довольно долгий, но вместе с тем очень простой. Прибыв в Нью-Йорк, вы должны будете сесть на так называемый экспресс «Двадцатый век» до Чикаго. Оттуда с совсем небольшим интервалом…

Я подпрыгнул на стуле.

— Чикаго? Вы сказали — Чикаго?

— Да. Там у вас пересадка. Затем, из Чикаго в Лос-Анджелес…

— Погодите, — снова перебил я. — Тогда это куда больше смахивает на реальный план. Как раз в Чикаго через неделю или около того пройдет чемпионат мира в тяжелом весе…

Теперь ситуация представлялась в совершенно новом свете. С детства мечтая посмотреть мировой чемпионат, я никогда прежде не мог себе этого позволить, а теперь, с титулом и всем, что к нему полагается, мне это — раз плюнуть. Удивительно, что такая мысль не пришла мне в голову раньше. К изменившимся обстоятельствам жизни не сразу привыкаешь.

— А от Чикаго далеко до Голливуда? — спросил я.

— Чуть больше двух дней пути.

— Тогда ни слова больше. Я еду. Не думаю, правда, что смогу справиться со стариной Эгги, но я с ним повидаюсь.

— Вот и замечательно, — просиял старик и вдруг снова нахмурился. Наступила пауза. Я вздохнул, ожидая новых осложнений. — Э-э… Реджинальд…

— Да?

— Надеюсь, вы будете осторожны?

— Осторожен? — поднял я брови.

Плимсолл смущенно откашлялся, теребя в руках подвернувшийся арендный договор.

— Я хочу сказать, в отношении себя самого… Эти голливудские девицы, как вы только что заметили, славятся необыкновенной внешней привлекательностью…

Я от души расхохотался.

— Боже правый! Да ни одна из них на меня и не взглянет! Он снова нахмурился. Очевидно, я задел честь семьи.

— Вы граф Хавершот.

— Я знаю. И тем не менее…

— Кроме того, если не ошибаюсь, женщины смотрели на вас и прежде.

Я понял, что он хотел сказать. Два года назад в Каннах мы обручились с девушкой по имени Энн Банистер, американской журналисткой, которая проводила там отпуск. Поскольку я в то время считался уже наследником, это событие вызвало изрядный переполох в старшей ветви рода. Полагаю, последующее расторжение помолвки явилось для всех немалым облегчением.

— Хавершоты отличаются крайней чувствительностью, — наставительно произнес Плимсолл, — они склонны принимать необдуманные решения, по воле сердца, а не разума. Поэтому…

— Ладно-ладно. Буду держать себя в руках.

— В таком случае мне нечего больше сказать. Verbum… э-э… sapienti satis. Итак, вы отправитесь в Голливуд как можно скорее…

— Не медля ни минуты! — воскликнул я.

Ближайший пароход отчаливал в среду. Прихватив чистый воротничок и зубную щетку, я едва на него успел. Краткая остановка в Нью-Йорке, несколько дней в Чикаго, и вот уже лос-анджелесский поезд катит по просторам чего-то там — кажется, Иллинойса.

И вот в этом самом поезде, на второй день пути, когда я сидел, попыхивая трубкой, на смотровой площадке и размышлял о том о сем, в мою жизнь вошла Эйприл Джун. Эффект был такой, будто я проглотил хорошую порцию динамита и кто-то поджег фитиль изнутри.

2

Если вы не в курсе, такие специальные смотровые вагоны находятся у них там, где в английских поездах — вагон охраны. Открываешь дверь и выходишь на площадку с креслами, где можно сидеть в свое удовольствие и разглядывать окрестности. В последних недостатка обычно не бывает,

поскольку, как вам, вероятно, известно, Америки очень много, особенно в западной ее части, и, сев на поезд до Лос-Анджелеса, вы просто едете и едете, и этому нет конца.

Короче говоря, как я уже сказал, наутро второго дня путешествия я сидел на смотровой площадке и смотрел, когда внезапно открывшаяся дверь вышибла из меня дух.

Ну, не совсем так, конечно. Последнее предложение надо не забыть подредактировать. Я вовсе не хочу сказать, что меня треснуло по голове или что-нибудь в этом роде. Дух из меня вышибла не дверь, а то, что оказалось за ней. А именно, самая красивая девушка, какую я видел в своей жизни.

Самым первым, что поражало в ней зрителя, словно пуля, выпущенная в упор, была какая-то особенная милая, нежная, поистине ангельская кротость. Выйдя на площадку в компании проводника негроидной наружности, который положил в свободное кресло подушку, девушка поблагодарила его таким проникновенным воркующим голоском, что у меня даже пальцы на ногах поджались от удовольствия. А если добавить к кротости пару огромных голубых глаз, совершенную модель корпуса и нежную улыбку с ямочкой на правой щеке, то вы без труда поймете, почему ровно через две секунды после того, как это божественное существо ступило на сцену, мои пальцы, сжимавшие трубку, побелели от напряжения, а дыхание стало натужным и прерывистым. Свободной рукой я поспешно поправил галстук, а если бы длина моих усов позволяла их подкрутить, то я бы без всякого сомнения подкрутил их.

Наш цветной брат незаметно улетучился, видимо, вернувшись к трудам, за которые получал жалованье, а прекрасная незнакомка подошла к креслу и опустилась в него, как опускает лепестки поникший цветок. Полагаю, вам приходилось видеть поникшие цветы.

Некоторое время ничего не происходило. Она вдыхала воздух, и я вдыхал воздух. Она вглядывалась в расстилавшиеся вокруг равнины, и я занимался тем же самым. В остальном мы с таким же успехом могли находиться на разных континентах… Печаль от осознания этого факта уже начала окутывать меня, словно туман, когда вдруг девушка издала резкий вопль и стала усиленно тереть глаз. Даже наименее интеллектуально одаренному представителю рода человеческого стало бы ясно, что ей попала туда частица паровозной сажи, которой вокруг летало в избытке.

Таким образом, проблема снятия барьеров и последующего знакомства отпала сама собой. К счастью, если что-то у меня и получается хорошо, так это извлекать из глаз соринки, мушек и прочее — на пикнике

или где-нибудь еще. Выхватить из кармана носовой платок было секундным делом, и мгновением позже незнакомка уже сбивчиво благодарила меня, а я прятал платок на место и смущенно отнекивался. Подумать только, еще минуту назад погруженный в отчаяние от невозможности завязать прекрасное знакомство, теперь я был на коне.

Странное дело, но никаких следов сажи я в глазу не заметил, хотя она безусловно должна была там находиться — иначе за что же девушка, как я уже сказал, меня благодарила? Да что там, просто превозносила. Спаси я ее от целой шайки маньчжурских бандитов, она и то не могла бы быть благодарнее.

— Спасибо, большое-большое спасибо! — повторила она уже в который раз.

— Не за что, — потупился я.

— Это так ужасно, когда горячая зола попадает в глаз!

— Да… или муха.

— Или комар.

— Или соринка.

— О да! Я никак не могла удержаться, чтобы не тереть.

— Я заметил, что вы терли.

— Говорят, тереть нельзя.

— Вы правы, нельзя, — кивнул я.

— А я никогда не могу удержаться.

— Да, так всегда и бывает.

— Наверное, глаз красный?

— Нет, голубой.

— Кажется, что красный.

— Нет-нет, совершенно голубой, — заверил я ее и собирался было добавить, что он точь-в-точь как летние небеса или воды замершей под солнцем лагуны, но девушка меня прервала.

— Вы лорд Хавершот? — спросила она.

Я удивился. Мой циферблат выписан довольно четко и его не спутаешь ни с каким другим, но широкой известностью едва ли пользуется. Предположить же, что мы с этой девицей когда-либо прежде виделись, было бы полным абсурдом.

— Да, — ответил я, — но откуда…

— Я видела ваше фото в нью-йоркской газете.

— Ах, ну да, конечно! — Мне сразу вспомнились те типы с фотокамерами, которые толпились в порту. — Кстати, — заметил я, вглядываясь, — почему-то ваше лицо мне тоже очень знакомо.

— Наверное, по какой-нибудь картине, — предположила она.

— Э-э… я плохо знаю…

— То есть, по кинофильму.

— Кино… Боже мой! — вытаращил я глаза. — Да вы же Эйприл Джун, правильно?

Она с улыбкой кивнула.

— Я видел десятки ваших фильмов!

— Вам понравилось?

— Не то слово! Постойте, вы сказали, что были в Нью-Йорке?

— Да, на встрече со зрителями.

— Жаль, что я не знал.

— Об этом сообщалось… А почему вам жаль?

— Потому что… То есть, я хочу сказать… Просто я не стал задерживаться в Нью-Йорке, но если бы знал, что вы там, то обязательно задержался бы.

— Понимаю… — Эйприл сделала паузу, чтобы поправить выбившуюся прядку волос, которая развевалась по ветру. — Как здесь дует!

— Да, немного.

— Что, если мы пройдем ко мне в купе и я приготовлю вам коктейль? Время уже почти обеденное.

— Замечательно.

— Так пойдемте.

Пробираясь вслед за девушкой вдоль поезда, я призадумался. Из головы не шли слова старого Плимсолла. Ему легко предупреждать, но мог ли он предвидеть что-либо подобное?

Войдя в купе, она нажала кнопку звонка. Перед нами тут же предстал негроидный служитель — не тот, что нес подушку, а другой, — и Эйприл нежным воркующим голоском попросила принести лед. Проводник испарился, и она снова повернулась ко мне.

— Я совсем не разбираюсь в английских титулах.

— Правда?

— Абсолютно. Для меня нет ничего приятнее, чем свернуться калачиком на диване с хорошей английской книжкой, но ваши титулы такие сложные… В той нью-йоркской газете вас называли графом Хавершотом. Это то же самое, что герцог?

— Не совсем. Герцоги стоят чуть выше.

— Значит, то же самое, что виконт?

— О нет, — снисходительно усмехнулся я. — Виконты, наоборот,

ниже. Мы, графы, смотрим на них свысока. Иногда даже подшучиваем над беднягами.

— А ваша жена — графиня?

— У меня нет жены. Но если бы была, то была бы графиней.

Глаза Эйприл задумчиво смотрели вдаль.

— Графиня Хавершот… — пробормотала она.

— Совершенно верно, графиня Хавершот.

— А Хавершот — это место, где вы живете?

— Нет, я даже толком и не знаю, что это такое. Семейное гнездо у нас в Бидлфорде, в графстве Норфолк.

— Наверное, там очень красиво?

— Ничего, домишко вполне сносный.

— И парк там есть?

— Целый лес.

— А олени?

— Есть и олени.

— Обожаю оленей.

— Я тоже. Мне попадались очень приличные олени.

Тут переносчик льда принес лед. Оставив в покое крупный рогатый скот, Эйприл принялась греметь посудой и вскоре уже смогла предложить мне выпить.

— Надеюсь, это подойдет, — застенчиво улыбнулась она. — Боюсь, я не слишком хорошо разбираюсь в коктейлях.

— Отлично, — причмокнул я. — Очень оригинально. А вы не будете?

Она покачала головой с той же кроткой улыбкой.

— Я так старомодна… Не пью и не курю.

— Боже мой! Неужели?

— Нет. Я вообще тихоня и домоседка. Одним словом, скучная особа.

— Да что вы, бросьте… Нисколько не скучная.

— Увы, это так. Это может показаться странным для девушки, которая снимается в кино, но в душе я совсем простая и домашняя. Мне хорошо лишь среди моих книг и цветов… А еще я люблю готовить.

— Да что вы говорите!

— Да-да. Мои подруги даже подшучивают надо мной. Заходят, чтобы позвать меня с собой на вечеринку, а я на кухне в простом халатике жарю какие-нибудь гренки с сыром. Обожаю свою кухню.

Я уважительно отхлебнул из бокала, с каждым ее словом все больше убеждаясь, что имею дело с ангелом в человеческом обличье.

— Значит, вы живете один в… как, вы сказали, называется это место?

— Бидлфорд. Ну, не то чтобы… То есть, я еще не совсем переехал. Титул у меня недавно. Но со временем собираюсь обосноваться, иначе старого Плимсолла удар хватит. Он наш семейный поверенный и следит, чтобы все было как положено, у него пунктик насчет этого. Главе рода положено сидеть в своем замке.

— В замке? Значит, у вас замок?

— В общем, да.

— Настоящий замок?

— Вполне.

— Старинный?

— Весь мхом зарос. Его в свое время еще Кромвель громил.

В глазах Эйприл снова появилось мечтательное выражение.

— Как приятно, наверное, иметь такой чудесный старый — вздохнула она. — В Голливуде все новенькое, с иголочки, все показное… один внешний блеск и мишура. От этого так устаешь. Он такой…

— Показной? — подсказал я.

— Да, показной.

— И вам он не нравится? Слишком показной?

— Не нравится. Он меня ужасно раздражает. Но что поделаешь? Работа есть работа. Ради работы приходится жертвовать всем.

Эйприл снова вздохнула, и я почувствовал себя свидетелем большой человеческой трагедии. Потом героически улыбнулась.

— Не будем больше обо мне, лучше поговорим о вас. Вы первый раз в Америке?

— Да.

— А зачем вы едете в Голливуд? Вы ведь едете в Голливуд? Или выходите раньше, до Лос-Анджелеса?

— Нет, все правильно, именно в Голливуд. У меня там дело, в некотором роде. Семейные неприятности, знаете ли. У меня там кузен, который, похоже, решил свалять дурака. Вы, случайно, не знакомы с ним? Такой высокий, желтоволосый, по имени Эгремонт Маннеринг?

— Нет.

— Ну так вот, он сейчас в Голливуде и, судя по всему, собирается жениться. Насколько мы его знаем, скорее всего, на какой-нибудь пылкой красотке из кабаре. Хочешь не хочешь, приходится вставлять им палки в колеса. Для того меня и послали.

Эйприл понимающе кивнула.

— Меня не удивляет ваше беспокойство. Девицы там просто ужасны. Вот еще почему мне так неприятен Голливуд. Почти невозможно найти

настоящих друзей. Многие считают меня излишне щепетильной, но я ничего не могу с собой поделать.

— Я вас понимаю. Да, проблемы…

— Лучше быть одинокой, чем общаться с людьми, чуждыми по духу, у которых на уме одни только вульгарные вечеринки. Хотя… разве ты одинок, когда у тебя есть книги?

— Вы правы.

— И цветы…

— Конечно.

— А еще кухня.

— Ода!

— Ну вот, опять говорим обо мне! Расскажите что-нибудь еще. Значит, вы приехали только для того, чтобы разыскать кузена?

— Не совсем. Я, знаете ли, решил в некотором роде убить двух зайцев. В Чикаго как раз был чемпионат по боксу в тяжелом весе, и мне очень хотелось на нем побывать.

— Неужели вам нравится бокс? — поморщилась она.

— Понимаю, что вы хотите сказать, — вздохнул я. — В девяти случаях из десяти смотреть там, конечно, не на что, позорище одно… Но на этот раз бой был что надо! Ради одного только пятого раунда стоило проехать четыре тысячи миль. — Приятные воспоминания охватили меня, и я вскочил, чтобы понаглядней проиллюстрировать свой рассказ. — Все шло неплохо с самого начала, но пятый — это что-то! Чемпион с ходу загнал претендента в угол, врезал по носу и поставил синяк под глазом. Вошли в клинч, судья их растащил. Чемпион провел апперкот, претендент ответил боковыми. Еще клинч. Опять растащил. Пошел ближний бой по всему рингу. Чемпион лупит прямыми, опять угодил в лицо, кровь так и хлещет, зубы, уши летят во все стороны… А потом, перед самым гонгом, он снизу ка-ак…

Тут я запнулся, потому что Эйприл лишилась чувств. Сперва вроде бы просто прикрыла глаза, чтобы внимательней слушать, но затем склонилась набок и потеряла сознание.

Я страшно перепугался. В порыве вдохновения мне и в голову не пришло подумать, какой эффект может произвести подобный рассказ на столь нежное экзотическое растение. Что делать? Вообще-то лучший метод лечения в таких случаях — укусить за ухо, но кусать за ухо это божественное существо… Кроме всего прочего, мы недостаточно близко знакомы.

К счастью, моего вмешательства и не потребовалось. Веки девушки

затрепетали, она чуть слышно вздохнула и открыла глаза.

— Где я?

Я выглянул в окно.

— Вообще-то я здесь впервые, но, думаю, где-нибудь в Нью-Мексико.

Она села.

— О, мне так неудобно!

— Что?

— Это так глупо — падать в обморок!

— Я сам виноват. Все эти кровавые подробности…

— Что вы, нисколько. Я уверена, большинству девушек они бы наоборот, понравились, хотя мне кажется, в них есть что-то ужасно неженственное… Продолжайте, пожалуйста, лорд Хавершот, что случилось дальше?

— Нет-нет, ни за что!

— Пожалуйста!

— Ну, короче говоря, один хороший удар в челюсть, и дело в шляпе.

— Не могли бы вы подать мне воды?

Я кинулся за стаканом. Вся дрожа, Эйприл сделала крошечный глоток.

— Спасибо, — пробормотала она. — Мне уже лучше. Простите мне мою глупость.

— Что вы, никакой глупости!

— Нет, это глупо, очень глупо.

— Вовсе нет. Все произошедшее лишь делает честь вашей женственности.

Я хотел было добавить, что в жизни не видывал ничего, что потрясло бы меня глубже, чем то, как она бухнулась в обморок, но тут негроидный тип просунул нос в дверь и сообщил, что обед подан.

— Вы идите, — сказала она. — Наверное, вы умираете с голоду.

— А как же вы?

— Думаю, мне лучше остаться и немного отдохнуть. Я все еще… Нет-нет, идите.

— Какой же я болван!

— Почему?

— Остолоп! Нести при вас такое!

— Не надо, прошу вас! Идите обедать.

— А вам не нужна помощь?

— Нет.

— Вы уверены?

— Вполне. Полежу, подумаю о цветах… Я так часто делаю — просто

лежу и думаю о цветах. Чаще всего о розах. Тогда мир снова кажется прекрасным и благоуханным…

Наконец я отчалил и, прожевывая свой бифштекс с жареной картошкой, предался весьма усердным размышлениям.

У меня не было сомнений в том, что произошло. Подобные вулканические симптомы ни с чем не спутаешь. Мужское сердце не станет так колотиться ни с того ни с сего. На этот раз все по-настоящему, а то, что мы с Энн Банистер два года назад приняли за страсть, просто ерунда, второсортный товар. Стало быть, деваться некуда. Любви, наконец, удалось опутать своей шелковой сетью Реджинальда Хавершота.

Я подозревал это с самого начала. В тот момент, как перед моими глазами появилась эта девушка, у меня возникло отчетливое ощущение, что она просто создана для меня, и все, что происходило потом, лишь укрепляло его. Ее милая, нежная кротость и мечтательность — вот что разбило меня наголову. Наверное, так всегда бывает со здоровяками вроде меня, нас инстинктивно тянет к таким вот хрупким цветочкам.

В глубокой задумчивости я покончил с бифштексом и придвинул к себе блюдо с яблочным пирогом и сыр.

3

Почему я пребывал в глубокой задумчивости? Потому что вполне отдавал себе отчет в том, что все это, как говорится, только присказка, а сказка будет впереди. Любовь с первого взгляда — это замечательно, но вот что дальше? Как быть теперь? Иными словами, что мне следует предпринять, какие шаги, дабы рассчитывать на счастливое будущее? Прежде чем наши имена огласят в церкви, и священник спросит, согласен ли ты, Реджинальд, и так далее, придется еще немало попыхтеть. Легкая победа мне ни в коей мере не светит.

До сих пор я на эти темы не распространялся, но в моей внешности присутствуют определенные недостатки, которые никакие позволяют мне идти нарасхват, в смысле отношений с противоположным полом. Ну не красавчик я, что тут поделаешь. Наружностью пошел в папашу, а если бы вам доводилось видеть моего папашу, то вы поняли бы меня без слов. Он был храбрый солдат и отличный игрок в поло, но лицом скорее смахивал на гориллу — даже больше, чем многие гориллы, — и в кругу сослуживцев получил ласковое прозвище Примат. Я — его живой портрет.

Для девушек такие вещи имеют серьезное значение. Они не склонны

связывать свою судьбу с индивидом, внешний облик которого внушает опасение, что он может в любой момент вскарабкаться на дерево и начать швыряться кокосами.

Во всяком случае, исправлять что-либо было уже поздно, оставалось лишь надеяться, что Эйприл обладает одной из тех редких натур, которые способны, так сказать, пронзить взглядом грубую оболочку и разглядеть под ней душу. Потому что, если уж говорить о душах, душа у меня вовсе не так уж плоха. Само собой, не настолько, чтобы писать о ней в газетах, но вполне приличная душа, на уровне.

Однако день проходил за днем, и постепенно я немного приободрился. Мои акции явно росли. Трудно вообразить более приятельские отношения, чем наши с Эйприл в мою первую голливудскую неделю. Мы катались в автомобиле, ездили на пляж, вели долгие беседы в теплых цветущих сумерках. Она делилась со мной заветными мечтами, а я распространялся о Бидлфордской усадьбе, о том, как графинь представляют ко двору и пускают на королевскую трибуну на скачках в Аскоте, и обо всем остальном, что ей было интересно. Ничто в поведении Эйприл не давало повода предположить, что моя внешность обитателя зоопарка ей сколько-нибудь неприятна. Короче говоря, к концу недели я настолько воспрянул духом, что решился рискнуть и предпринять решительные действия.

Нажать главную кнопку и запустить машину я решил на вечеринке, которую Эйприл устраивала в своем доме на Линден-драйв. Вообще-то, призналась она, такие сборища ей, скорее, неприятны своей пустотой и бессмысленностью, но в ее кругу было принято их устраивать, особенно после долгого отсутствия. Планировался веселый ужин в саду на природе, обычный для Беверли-Хиллз, когда ты сам себя обслуживаешь у буфетной стойки, сам ищешь место, где пристроиться с тарелкой, и завершаешь трапезу ныряние в бассейн. Собираться предлагалось с девяти до десяти. Я явился без четверти десять и, как оказалось, поспешил. Под цветными фонарями уже прогуливались редкие пары гостей, но Эйприл все еще одевалась, и оркестр не начал играть. Было очевидно, что затишье не скоро сменится всеобщим весельем.

Раз так, решил я, то лучше всего скоротать время у стола с напитками, подкрепившись стаканчиком-другим. Ввиду предстоящей кампании, я хотел быть в наилучшей форме, в которой пока себя не чувствовал, ибо полночи не мог заснуть из-за зубной боли.

Подойдя к столу, я вынужден был отметить, что моя идея подкрепиться, хоть и весьма удачная, не отличалась оригинальностью, ибо она также пришла в голову какому-то долговязому типу с желтоватыми

волосами. Он, похоже, прочно окопался у стола, никому не собираясь уступать место, и явно имел большой опыт пребывания в барах. Что-то в его облике и манере поднимать и опускать бокал показалось мне странно знакомым. И эти волосы… Где я их раньше видел? Неужели?

— Эгремонт! — воскликнул я.

К счастью, он уже успел осушить свой бокал, потому что в ответ на мое приветствие подпрыгнул дюймов на шесть. Приземлившись, доверительно наклонился к бармену за стойкой. Грудь его тяжко вздымалась.

— Скажите, — спросил он глухим дрожащим голосом, — вы не слышали только что голос?

Бармен сказал, что слышал что-то про ремонт.

— О, вот как?

— Эгги, старый осел! — снова позвал я.

На этот раз он обернулся и уставился на меня. Лицо его осунулось, глаза лихорадочно блестели.

— Реджи? — неуверенно произнес он. Потом, поморгав, осторожно протянул руку и ткнул меня в грудь. И лишь ощутив твердую поверхность, расплылся в счастливой улыбке. — Уфф!

Получив от бармена очередную порцию виски, Эгги сделал хороший глоток и только потом вновь заговорил. Голосом, полным укоризны.

— Реджи, старина, никогда в жизни больше так не делай, — сказал он, смахивая со лба капельки пота, — даже если мы с тобой проживем миллион лет! Я думал, ты за тысячи миль отсюда, и вдруг твой голос зовет меня по имени… такой жуткий и глухой… словно дух, предвещающий смерть. Если я чего и боюсь, так это голосов. Пока ты их не слышишь, все в порядке, но когда начинаются голоса, это начало конца.

Эгги передернул плечами и одним глотком прикончил виски, что его, похоже, окончательно успокоило.

— Ну-ну, — хмыкнул он, — стало быть, и ты здесь, Реджи. Давненько я тебя не видел, с полгода, наверно. Кой черт принес тебя в Голливуд?

— Да вот, хотел тебя повидать.

— Да ну?

— Ну да.

— Вот это по-родственному! Давай, глотни чего-нибудь. Шотландское виски здесь отменное. Эй, бармен, будьте добры, виски с содовой для моего кузена, и мне то же самое!

Я предостерегающе поднял руку.

— Нет-нет, пожалуй, больше не стоит.

— Да ты же еще не начал! — удивился Эгги.

— Я имел в виду тебя. Ты уже хороший.

— Только наполовину, — поправил он, будучи привержен к точности в этом вопросе.

— Ладно, пускай наполовину, но сейчас еще только десять.

— Если человек к десяти часам пьян только наполовину, значит, он плохо старался. Не беспокойся обо мне, Реджи, старина. Ты еще не знаешь всех чудес калифорнийского климата. Он такой бодрящий, что хоть изо дня в день пей все, что не лень, а старушка печень даже не пискнет! Вот почему Калифорнию называют земным раем, а люди целыми поездами прут сюда со всего Среднего Запада с высунутым языком. Да ты, небось, сам за этим приехал, так ведь?

— Я приехал, чтобы увидеться с тобой.

— Ах, да… Ты, кажется, уже говорил.

— Вот-вот.

— Ну так разве я не сказал, что это по-родственному?

— Сказал.

— Так оно и есть. Более чем. Ты где остановился?

— Снял коттедж в Саду Гесперид.

— Как же, отлично знаю это место. А винный погреб у тебя на уровне?

— У меня есть бутылка виски, если ты о нем.

— Именно о нем, о чем же еще! Непременно тебя навещу. Лишний родник никогда не помешает. А пока пей до дна и наливай еще!

С самого начала нашего разговора что-то не давало мне покоя, и только теперь я понял, что. В поезде мы говорили с Эйприл про Эгги, и она совершенно определенно заявила, что не знает его. Однако вот же он, здесь, у нее, командует как у себя дома…

— А здесь ты что делаешь? — спросил я, решив немедленно прояснить ситуацию.

— Чертовски хорошо провожу время, — расплылся он в улыбке, — особенно теперь, когда гляжу в твое честное лицо. Как приятно повидать тебя снова, Реджи! Не забудь мне потом рассказать, каким ветром тебя занесло в Калифорнию…

— Ты знаком с Эйприл Джун?

— Эйприл как?

— Джун.

— А что с ней?

— Я спрашиваю, ты с ней знаком?

— Нет, но с радостью познакомлюсь, и со всеми остальными. Вы с ней друзья?

— Это ее вечеринка.

— Рад за нее.

— Значит, ты не приглашен? Его лицо прояснилось.

— Ах, вон оно что! Теперь понимаю, к чему ты клонишь. Это же Голливуд, дружок, здесь не нужно никаких приглашений! Просто смотришь, где цветные фонарики, и заходишь. Самые счастливые вечера я провел среди людей, которые понятия не имели, кто я такой. Однако сегодня, как ни странно, я присутствую здесь по праву. Меня привели! Как, ты сказал, ее зовут? Эйприл…

— Джун.

— Вот-вот. Теперь припоминаю. Моя невеста работает пресс-секретарем как раз у этой самой Эйприл Джун, вот она-то меня и привела.

Давно уже гадая, как перейти к деликатным темам, я тут же ухватился за представившийся повод.

— Я как раз хотел с тобой об этом поговорить…

— О чем?

— О твоей помолвке.

Говорил я несколько сухо, с отчетливой главосемейной ноткой, побуждаемый уколами старушки-совести, которая вдруг решила напомнить о себе. Надежды, возлагавшиеся на меня Плимсоллом и тетушкой Кларой, пока никак не оправдывались. Посланный, чтобы вернуть на путь истинный этого оболтуса, я за целую неделю палец о палец не ударил. Как сошел с поезда в Лос-Анджелесе, так ни разу и не вспомнил о поручении. Вот что может сделать с человеком любовь.

Эгги напряженно обдумывал мои слова.

— О помолвке? — переспросил он.

— Да.

— О моей помолвке?

— О твоей.

— А что с ней?

— Вот именно, что с ней?

— Я — счастливейший из смертных.

— В отличие от тетушки Клары, — сухо заметил я.

— Какой тетушки Клары?

— Твоей матери.

— Ах, мамаша! Как же, помню. Выпьем за нее!

— Нет.

— Ну, как хочешь. Хотя это не слишком вежливо. Так что там с ней стряслось? Почему она не счастливейший из смертных?

— Потому что совсем извелась из-за тебя.

— Боже правый, с какой стати? Со мной все в порядке.

— Ни черта не в порядке! Стыдись, Эгремонт! Удрал в Голливуд и качаешь в себя всякую дрянь, как насос…

— Меньше пафоса, старина! — слабо запротестовал он. Не в бровь, а в глаз. Я и правда несколько переборщил.

Однако мне казалось, что возвышенный стиль был здесь как раз к месту. Нет ничего лучше старого доброго викторианства, если хочешь кого-нибудь от души пропесочить.

— Говорю, как могу. На тебя тошно смотреть! Лицо Эгги исказилось болезненной гримасой.

— И это говорит Реджинальд Хавершот? — укоризненно начал он. — Мой кузен Реджинальд, который в позапрошлый Новый год в компании со мной и Стинкером Помроем расколотил двадцать три бокала в Европейском кафе и был вышвырнут оттуда со скандалом и дракой…

Я остановил его спокойным жестом. Истинная любовь настолько очистила меня, что воспоминания о былых подвигах вызывали лишь отвращение.

— Не будем об этом, сейчас меня интересуют твои дела. Ты давно помолвлен?

— Довольно-таки.

— Значит, собираешься жениться?

— Да, мой друг, именно так.

Я затруднился сразу что-либо ответить. Старый Плимсолл велел мне употребить все свое влияние, но где его взять? У Эгремонта собственных денег больше чем достаточно. Пригрози я, что оставлю его без единого шиллинга, он лишь попросит показать ему этот шиллинг, пожмет плечами и пойдет своей дорогой.

— Ну что ж, если собираешься, — сказал я, — то, по крайней мере, бросил бы пить…

Эгги покачал головой.

— Ты не понимаешь, старина. Я не могу. У меня есть подозрение, что эта девушка решилась на помолвку в надежде меня исправить. Представляешь, как глупо она себя почувствует, если я вдруг возьму и исправлюсь сам, без ее помощи! Это совсем собьет ее с толку. Чего доброго, совсем потеряет интерес и бросит меня. Тут не все так просто, знаешь ли. Мне представляется самой надежной и здравой политикой

поддерживать разумную степень опьянения до самого венчания, а потом, в течение медового месяца, постепенно снижать градус.

Теория казалась не хуже всякой другой, однако у меня не было времени в нее вникать.

— Кто эта твоя невеста?

— Ее зовут… м-м… — Эгги мучительно наморщил лоб. — Э-э… Спроси ты меня еще час назад — даже полчаса… О! — оживился он. — Вот и она! Пусть сама и скажет!

Он приветственно помахал рукой. Я обернулся. Через лужайку к нам направлялась девушка. Довольно стройная, но хорошенькая или нет, я определить не мог, потому что лицо оставалось в тени. Она помахала в ответ.

— Эгги, вот ты где! Так я и думала.

Звук ее голоса заставил меня вздрогнуть и вглядеться пристальнее. В тот же самый момент что-то в моем облике заставило ее саму вздрогнуть и уставиться на меня. И так мы вглядывались друг в друга несколько мгновений, пока последние сомнения не отпали.

Она смотрела на меня, я — на Энн Баннистер.

4

— Энн! — воскликнул я.

— Баннистер! — подхватил Эгги, хлопнув себя по лбу. — Я знал, что рано или поздно вспомню! Так и вертелось на языке. Привет, Энн! Познакомься с моим кузеном Реджи.

— Мы уже встречались, — сказала она.

— В смысле, не сегодня?

— Задолго до сегодня. Мы — старые друзья.

— Старые друзья?

— Очень старые.

— Тогда мы просто обязаны за это выпить. Эй, бармен…

— Нет, — отрезала Энн. — И вообще, хватит ошиваться у стойки.

— Но разве мы не отпразднуем…

— Нет.

— О! — Эгги тяжело вздохнул.

— Эгремонт Маннеринг, ты сейчас пойдешь прогуляешься и вернешься трезвым, как стеклышко.

— Я уже, как стеклышко…

— Тогда, как алмаз! Ни слова больше!

С Энн всегда было трудно спорить. Я заметил это еще в прежние времена. Маленькая, живая, полная огня и энергии, из тех, кто умеет расчистить себе путь. Эгги потрусил прочь, как овечка, с безропотным видом, и мы остались вдвоем.

Некоторое время царило молчание. Я погрузился мыслями в прошлое, она, по-видимому, тоже.

Для полноты картины я, пожалуй, расскажу о прошлом, в которое мы погрузились. Энн Баннистер, как я уже упомянул, была журналисткой, и мы познакомились во время ее отпуска в Каннах. Очень подружились, я сделал предложение, она не возражала. Все шло, как по маслу, до поры до времени.

Потом, совершенно неожиданно, помолвка расстроилась. Наша любовь мчалась вперед на всех парах, и вдруг — крушение. Случилось вот что. Однажды тихим вечером мы сидели рядышком на веранде казино Пальм-Бич, любуясь водами средиземноморской лагуны, залитой лунным светом. Энн сжала мою руку и нежно прижалась ко мне, ожидая слов любви, на которые имела полное право рассчитывать. Я обнял ее за плечи и сказал:

— Черт, мои ноги!

Я имел в виду, что они болели. В тот момент, когда я обнял ее, боль прямо-таки пронизала меня. В тот вечер я обул новые лакированные туфли, а вы знаете, что творят эти модные фасоны с человеческими конечностями. Впрочем, я не отрицаю, что момент для моего замечания был выбран не самый подходящий. Энн восприняла его в штыки. Она была явно разочарована. Даже отвернулась, причем с весьма раздраженным видом. В надежде исправить положение, я наклонился, чтобы нежно поцеловать ее в затылок.

На самом деле, все было правильно, в смысле, само намерение, однако я не учел, что во рту у меня дымилась сигара, а когда осознал этот факт, было уже поздно. Отпрыгнув и зашипев, как ошпаренная кошка, Энн обозвала меня бесчувственным пентюхом и заявила, что между нами все кончено, а когда на следующий день я явился в гостиницу с цветами, чтобы начать все сначала, оказалось, что она уехала. Так она и ушла из моей жизни…

Чтобы вернуться теперь, через два года.

Признаюсь, я несколько растерялся, оказавшись лицом к лицу с осколком тех безвозвратно ушедших дней. Сталкиваясь с девушкой, с которой когда-то был помолвлен, всегда испытываешь неловкость. Не

знаешь толком, как себя вести. Если радуешься жизни, ей обидно, а если вешаешь нос, то так и видишь ее злорадную ухмылку, мол, ага, получил, так тебе и надо! О собственной гордости тоже не следует забывать. Пожалуй, лучше всего состроить этакую холодную непроницаемую мину, как у героев романов.

Что касается Энн, то она уже вполне овладела собой — женщины искушеннее в этих делах, чем мужчины.

— Ба! — сказала она, приветливо улыбнувшись, словно я был просто знакомым, мало что значащим для нее, но которого приятно вновь увидеть. — Реджи! Какими судьбами?

Ну что ж, все правильно. В конце концов, что было, то прошло. Драма осталась позади. Когда она порвала со мной, я здорово дергался. Не стану врать, что потерял сон и мне кусок в горло не лез — сплю я всегда, как бревно, и ем от души трижды в день, невзирая ни на какие душевные трагедии, — но все же что-то в моей жизни разладилось. Ходил мрачный, раздраженный, много курил, почитывал слезливые сонеты, в общем, вы понимаете. Однако теперь все давно уже прошло, и мы вполне могли общаться спокойно, как друзья, так что, следуя ее примеру, я ответил легко и добродушно:

— Привет! Рад тебя видеть.

— Как поживаешь?

— Спасибо, неплохо.

— Ноги больше не беспокоят?

— Нисколько.

— Вот и отлично.

— Выглядишь на все сто.

Тут я нисколько не преувеличил. Энн была из тех, кто всегда выглядит так, словно только что сделал гимнастику и принял холодный душ.

— Спасибо, не жалуюсь. А тебя каким ветром занесло в Голливуд?

— Да так, разные дела… — Я замялся. Возникла неловкая пауза. — Так ты, значит, обручилась со стариной Эгги?

— Да. Меня, похоже, тянет к вашей семье.

— Пожалуй.

— Ты не против?

Я подумал, прежде чем ответить.

— Ну, на мой взгляд, это, пожалуй, самое лучшее, что Эгги сделал за всю свою жизнь. А вот ты… Твое будущее представляется не слишком радужным.

— Почему? Тебе не нравится Эгги?

— Я люблю его как родного брата, мы друзья с младенчества, только, мне кажется, что для домашнего употребления тебе больше подошел бы кто-нибудь, кто хоть иногда бывает трезвым.

— У Эгги все в порядке.

— Это точно, — хмыкнул я. — Его-то все устраивает.

— В нем много хорошего.

— О да! И с каждой минутой все больше.

— Его главная беда — слишком много денег и свободного времени. Все, что ему нужно, это работа, и я нашла ему работу.

— И он согласился? — недоверчиво спросил я.

— Еще бы не согласился.

Я уважительно взглянул на нее.

— Энн, ты просто чудо!

— С какой это стати?

— Никому еще не удавалось запрячь Эгги.

— Ну что ж, все когда-нибудь бывает в первый раз. Завтра он начнет работать.

— Здорово! Не могу не посочувствовать тому, на кого он будет работать, но все равно здорово. Все родственники так волновались…

— И неудивительно. Вот уж кто умеет заставить семью поволноваться! Иов легко отделался, что не был с ним в родстве.

Сад наполнялся гостями, и жаждущие души потянулись к нашему столу, как львы к водопою. Мы отошли в сторону.

— А ты чем занимаешься? — поинтересовался я. — Небось, трудишься, как пчелка?

— Ага, — кивнула она. — Какая ни есть, а работа.

— Что значит, какая ни есть? Ты как будто не слишком довольна?

— Не очень.

— А мне казалось, что тебе очень подходит заниматься рекламой.

— Чем? — подняла брови Энн.

— Эгги сказал, что ты — пресс-секретарь Эйприл Джун, — пояснил я.

— Он слегка поспешил. Я только надеюсь им стать, но пока еще ничего не решено. Вот если выгорит одно дельце…

— Какое?

— Да так, один мой план. Если получится, как задумано, она даст «добро», так и сказала. Дня через два будет ясно, а пока я то ли гувернантка, то ли нянька.

— Как? — не понял я.

— Не знаю даже, как толком объяснить, — поморщилась Энн. — Ты

слышал что-нибудь о малыше Джо Кули?

— А, ребенок-кинозвезда, — кивнул я. — Эйприл Джун, кажется, говорила, что он снимался в ее последнем фильме.

— Он самый. Вот за ним я и присматриваю. Хожу следом, охраняю и все такое.

— А как же газета? Я думал, ты журналистка.

— Была до последнего времени, но наступил кризис, и из газеты меня уволили. Я было сунулась в другие, но куда там — в наше время даже внештатной работы не найдешь. Вот и пришлось браться за что попало, не помирать же с голоду. Так и оказалась нянькой при Джо.

У меня сжалось сердце. Я знал, как она любила свою работу.

— Вот ведь как… Сочувствую.

— Спасибо, Реджи, я знаю, какое у тебя доброе сердце.

— Ну, не знаю, — смутился я.

— Да-да, прямо золотое, — улыбнулась она. — Если бы не ноги…

— Черт побери! — вскинулся я. — Может, хватит твердить об этом?

— Разве я твержу?

— Еще бы! Уже второй раз выкапываешь на свет божий мои несчастные ноги! Если бы ты знала, как они меня достали в тот вечер… Я думал, они вот-вот разлетятся вдребезги. Ладно, что уж теперь… Я правда переживаю за тебя. Работенка, конечно, не сахар.

— Ну, на самом деле она не так уж плоха. Не буду строить из себя мученицу. Малыш Джо просто прелесть, он такой забавный.

— Так или иначе, это не для тебя. Я же знаю, ты любишь бывать здесь и там, высматривать, вынюхивать, искать горяченькое или как там оно у вас называется…

— Спасибо за сочувствие, Реджи, но ты не слишком перевивай, думаю, все скоро наладится. Я почти уверена, что то, о чем я говорила, получится — иначе просто быть не может, — и тогда я восстану из праха и воспарю к новым высотам.

— Хорошо бы.

— Хотя и тут есть свои минусы: работать на Эйприл Джун совсем не сладко.

— Как? Почему?

— Она стерва.

Я содрогнулся от носа до кормы, словно корабль под натиском волн.

— Она *кто!*

— Стерва, — отчеканила Энн. — Правда, другое слово было бы точнее, но «стерва» приличнее.

Мне стоило нечеловеческих усилий сдержать свои чувства.

— Эйприл Джун, — произнес я с расстановкой, — самая прекрасная и благородная девушка на свете! Прелестное, божественное создание, равного которому не найдешь, проживи хоть тысячу жизней, и столь же доброе. Она чудесна, великолепна, она лучше всех. Она само совершенство!

Энн прищурилась.

— Эй, что все это значит? Мне нечего было скрывать.

— Я люблю ее!

— Да ты что?

— Именно так.

— Невероятно!

— Это правда. Я готов целовать землю, по которой она ступает.

— Елки зеленые!

— Не знаю, что означает сие изысканное выражение, но повторяю и настаиваю: я готов целовать землю, по которой она ступает!

Помолчав, Энн произнесла с видимым облегчением:

— Ладно… Слава богу, у тебя нет ни единого шанса. Эйприл в твою сторону даже не взглянет.

— Почему это вдруг?

— По всему Голливуду идут разговоры, что она уже подцепила какого-то английского придурка по имени лорд Хавершот. Замуж за него собирается.

Мощный электрический разряд пронизал меня с головы до пяток.

— Что?

— Вот так, — усмехнулась Энн.

— На самом деле?

— Нисколько не сомневаюсь.

У меня перехватило дыхание. Цветные фонарики вокруг заплясали, выделывая кренделя.

— Ура! Это же я!

— Что?

— Я самый и есть! С тех пор, как мы с тобой… э-э… виделись в последний раз, в нашей семье несколько повысилась смертность, и титул достался мне.

Она вытаращила глаза.

— Черт побери!

— Почему вдруг «черт побери»?

— Какой ужас!

— Никакого ужаса. Я счастлив. Энн вцепилась в мой пиджак.

— Реджи, не надо! Не выставляй себя на посмешище!

— Почему?

— Поверь мне, она принесет тебе лишь несчастье! Пускай от нее зависит мой кусок хлеба, но я обязана открыть тебе глаза. Ты просто милый дурачок, который не замечает очевидного. Эта женщина — ядовитая гадина, она на всех наводит страх. Тщеславная, лживая, корыстная, у нее каменное сердце!

Я невольно рассмеялся.

— Каменное, говоришь?

— Стальное!

Ну и чушь. Просто обхохочешься.

— Ты так считаешь? — фыркнул я. — Странно, в высшей степени странно. Потому что как раз в первую очередь она нежна, чувствительна, легко ранима и все такое прочее. Позволь привести лишь один пример. Когда мы ехали в поезде, я стал описывать ей пятый раунд из последнего боя на чемпионате по боксу, и что бы ты думала? Едва услышав про кровь, она закатила глаза и грохнулась в обморок!

— Она? В обморок? — скривилась Энн.

— По полной программе! Я в жизни не видывал такой женственности.

— А тебе не пришло в голову, что это была игра?

— Игра?

— Спектакль. И похоже, весьма успешный, поскольку теперь, как я слышала, ты всюду бегаешь за ней с блеянием, как овечка.

— С каким таким блеянием?

— Именно с блеянием, об этом говорят во всех клубах. В ясный день тебя слышно на милю в округе. Бедняжка Реджи, как же она тебя одурачила! Да эта женщина не пропускает ни одного боя в Лос-Анджелесе, она просто упивается ими.

— Не верю.

— Уверяю тебя, так и есть, — не унималась Энн. — Неужели ты не видишь, что она разыгрывает роль, и только потому, что ты лорд Хавершот? Ей нужен титул, и больше ничего. Ради бога, Реджи, беги, пока еще есть время!

Я холодно взглянул на нее и высвободил пиджак.

— Давай переменим тему.

— Не могу говорить ни о чем другом.

— Тогда вообще прекратим. Не знаю, осознаешь ли ты это, но мы опасно приблизились к тому, что называется порочить доброе имя

женщины. За такое можно и из клуба вылететь.

— Реджи, послушай меня…

— И не подумаю.

— Реджи!

— Нет. Разговор окончен. Энн печально вздохнула.

— Ну, как знаешь. Да и глупо было надеяться вразумить такого идиота… Эйприл Джун! Подумать только!

— Не говори «Эйприл Джун» таким тоном!

— А каким же еще?

— Хочу довести до твоего сведения, что он мне не нравится, — холодно заметил я. — Ты произнесла ее имя, словно название неприличной болезни.

— Именно так я и собираюсь его дальше произносить! — бросила она. — Эйприл Джун!

Я сухо поклонился.

— Что ж, как угодно. В конце концов, твои методы звуковоспроизведения касаются только тебя. Я должен идти, чтобы засвидетельствовать свое почтение хозяйке, вон она идет. А ты можешь отойти куда-нибудь подальше и повторять «Эйприл Джун» в свое удовольствие до конца приема, пока дом не запрут и кошку не выгонят.

— Ее не выгонят, она тут главная.

Не унижаясь до ответа на столь вульгарную реплику, я отвернулся и пошел прочь. Глаза Энн впились мне в спину, я чувствовал их, как Эгги — своих пауков, но оборачиваться не стал. Направился прямиком туда, где Эйприл приветствовала гостей, и протиснулся вперед, чтобы поскорей увести ее из толпы и поговорить наедине на тонкую и чувствительную тему.

Это оказалось нелегко, но в конце концов, покончив с обязанностями хозяйки и убедившись, что все идет как надо, Эйприл оставила народ развлекаться самостоятельно, и мне удалось усадить ее за столик на двоих на краю лужайки. Бифштекс, пирог с почками, салаты… Наконец мы углубились в ванильное мороженое. Все это время моя решимость швырнуть к ее ногам свое сердце только росла. Оскорбительные замечания Энн нисколько меня не смутили. Полный вздор, нечего и думать. Наблюдая, с каким аппетитом моя возлюбленная наворачивает пирог, я просто не мог поверить, что она хоть в чем-то отступает от совершенства. Решительный разговор должен был вот-вот состояться, надо было лишь дождаться нужного психологического момента, и едва момент высунет нос, обрушиться на него, как груда кирпича.

Эйприл рассказывала о своей работе. Она надеялась тихо смыться и лечь пораньше, чтобы завтра в шесть утра быть в полном гриме на съемочной площадке — предстояла какая-то пересъемка. Одна мысль о том, чтобы выползти из постели в такую рань, заставила меня содрогнуться от жалости и сочувствия.

— Шесть утра! — воскликнул я. — Боже мой!

— Да, жизнь у актрисы нелегкая, — согласилась Эйприл. — Боюсь, публика даже не подозревает, насколько.

— Ужасно.

— Иногда я так устаю…

— Но все-таки, — заметил я, намекая на светлую сторону, — это ведь хорошие деньги, правда?

— Деньги! — презрительно бросила она.

— И слава!

Эйприл проглотила большую ложку мороженого.

— Деньги и слава ничего не значат для меня, лорд Хавершот, — произнесла она с улыбкой праведницы.

— Вот как?

Она покачала головой.

— Свою награду я вижу лишь в том, что дарю людям счастье, стараюсь изо всех своих слабых сил подбодрить этот измученный мир, дать трудящимся массам хоть мельком взглянуть на что-то большее, лучшее, возвышенное.

— О! — благоговейно кивнул я.

— Вам, наверное, кажутся глупыми мои слова.

— Нет-нет, вовсе нет!

— Я так рада… Понимаете, это у меня нечто вроде религии, а я как бы жрица. Представляю унылую серую жизнь миллионов и убеждаю себя, что все мои тяжкие труды и гнетущее бремя славы — ничто по сравнению с тем лучом света, который я дарю людям. Вам не смешно слушать такую чушь?

— Что вы, нисколько!

— Взять, к примеру, Питсбург. Они там на меня так и кидаются. Моя предпоследняя картина собирала по двадцать две тысячи в неделю. Просто невероятно! Я так счастлива… потому что мне удалось внести хоть немного света в их тусклое существование. А Цинциннати? Меня там на руках носили! Ведь в Цинциннати жизнь у людей тоже такая унылая…

— Замечательно! Эйприл вздохнула.

— Наверное. То есть, да, конечно. В смысле, насчет тусклой жизни.

Но разве этого достаточно? Вот о чем невольно себя спрашиваешь, особенно когда ощущаешь одиночество. Так хочется иногда сбежать от всего этого и вкусить простого человеческого счастья, стать обыкновенной женой и матерью. Стоит только представить себе топот маленьких ножек…

Вот оно! Чего еще ждать? Если это не тот самый психологический момент, то я ничего не смыслю в психологических моментах.

Я подался вперед. Слова «дорогая, будьте моей» готовы уже были сорваться с моих уст… как вдруг у меня в голове словно разорвалась бомба, заставив мгновенно переменить тему. Только что в моей душе пылал романтический огонь, и все мысли вращались вокруг девушки, сидящей напротив, и того, что мне нужно ей сообщить, а в следующий момент я уже прыгал как сумасшедший с прижатой к щеке рукой, переживая адские муки.

То ли в результате случайного самовозгорания, то ли потому, что я неосторожно принял на борт слишком большой груз мороженого, но разлюбезный зуб хавершотовской мудрости внезапно решил заявить о себе.

Я давно уже подозревал его в коварных замыслах и, конечно же, должен был с самого начала занять твердую позицию, но вы же сами знаете, как бывает во время путешествия. Не решаешься довериться незнакомому дантисту, говоришь себе: «Потерпи, старик, пока вернешься в Лондон и спокойненько усядешься в кресло к маэстро, который пользовал тебя еще с молочных зубов». Ну, а потом тебя прихватывает в самый неподходящий момент, как оно, собственно, и случилось.

Вот такие дела. Понятно, что в таком состоянии человеку не до душевных излияний. Вынужден признаться, что любовь, брак и маленькие ножки мгновенно вылетели у меня из головы. Поспешно распрощавшись, я оставил Эйприл за столиком и 1 бросился в аптеку, что возле отеля Беверли-Уилшир, в поисках временных средств облегчения, а на следующий день уже сидел в приемной, готовясь к свиданию с И. Дж. Зиззбаумом, виртуозом щипцов.

И вот наступил тот самый момент, с которого, если вы помните, я собирался начать эту историю, пока приятель-литератор не вразумил меня. Как уже упоминалось, я сидел в кресле, а напротив, в другом кресле, перелистывая картинки в «Нэшнл джиографик», сидел мальчик, чем-то похожий на маленького лорда Фаунтлероя. Левая щека у него вздулась, как и у меня, из чего я заключил, что мы оба томимся в ожидании грозного вызова.

Как я заметил, это был ребенок с необычайными внешними данными,

которые не портила даже распухшая щека. Золотистые кудри, большие выразительные глаза и длинные ресницы, затенявшие их, когда он опускал взгляд на «Нэшнл джиографик».

Я никогда не знаю, как вести себя в подобных ситуациях. Ободрить друг друга, обменявшись приветливыми замечаниями, пусть всего лишь о погоде, или промолчать? Я как раз взвешивал эту проблему в голове, когда мой сосед в очередной раз отложил свой журнал и в упор посмотрел на меня. — А где остальные ребята? — спросил он.

5

Я задумался. Смысл вопроса ускользал от меня. Странный ребенок. Один из тех, кто, как принято выражаться, говорит загадками. Он продолжал смотреть на меня вопросительно, я ответил таким же взглядом.

Потом, решив взять быка за рога и отметая все частности, я спросил:

— Какие ребята?

— Газетчики.

— Газетчики? — удивленно переспросил я. Он нахмурился.

— Так вы не репортер?

— Нет.

— Тогда что здесь делаете?

— Пришел рвать зуб.

Казалось, мальчишка был неприятно удивлен.

— Не может быть, — сказал он подчеркнуто сухо.

— Очень даже может, — ответил я.

— Это я пришел рвать зуб.

Мне в голову тут же пришло возможное решение.

— А если мы оба, — выложил я свою идею, — пришли рвать зуб? То есть, ты один, а я другой. Так сказать, зуб «А» и зуб «Б»?

Мальчик все еще выглядел встревоженным.

— Вам на сколько назначено? — спросил он подозрительно.

— На три тридцать.

— Не может быть! Это мне назначено на три тридцать.

— В таком случае, мне тоже, — поджал я губы. — И. Дж. Зиззбаум выразился в высшей степени определенно. Мы договаривались по телефону, и его слова не давали никакого повода для сомнений. «Три тридцать», — сказал И. Дж. Зиззбаум так же ясно, как я тебя перед собой вижу.

Ребенок слегка успокоился. Наморщенный лоб разгладился, взгляд стал мягче. Он явно больше не подозревал во мне похитителя или бандита. На него будто снизошел небесный свет.

— Вот оно что, Зиззбаум! — протянул он. — Тогда понятно. А мне нужен Буруош.

Оглядевшись, я только теперь заметил, что двери имеются по обе стороны приемной. На одной из них было написано «И. Дж. Зиззбаум», а на другой — «Б. К. Буруош». Таким образом, загадка благополучно разрешилась. То ли будучи старыми приятелями по зубоврачебному колледжу, то ли из соображений экономии парочка клыкодеров обходилась одной общей приемной.

Убедившись, наконец, что на его права никто не покушается, Ребенок стал сама вежливость. Видя во мне уже не соперника, а своего ближнего, оказавшегося в аналогичных скорбных обстоятельствах, он осведомился с доброжелательным интересом:

— Сильно болит?

— Чертовски сильно, — скривился я.

— У меня тоже. Ух ты, как болит!

— И у меня «ух ты».

— У вас куда больше отдает?

— Не знаю… во все места, с головы до пяток.

— У меня тоже. Ну и зуб мне достался!

— И мне.

— Спорим, мой хуже, чем ваш?

— Ха!

Подумав, он выложил главный козырь:

— Мне дадут газ!

— Мне тоже, — парировал я.

— Спорим, мне больше, чем вам?

— Ха!

— Спорим на триллион долларов?

Мне показалось, что беседа снова начинает терять дружеский дух и вот-вот скатится до уровня обычной перепалки. Поэтому, в надежде восстановить гармонию, я решил переменить тему и задать вопрос, который заинтриговал меня с самого начала — помните, когда я заметил, что мальчишка говорит загадками? Что означали его таинственные слова?

— Может, ты и прав, — сказал я примирительно. — Однако, так или иначе, почему ты вдруг решил, что я репортер?

— Потому что их сюда скоро целая толпа набежит! — усмехнулся он.

— Да что ты говоришь?

— Вот увидите. Репортеры, фотографы и все прочие.

— Зачем? Смотреть, как тебе рвут зуб?

— А как же! Мой зуб — отличная тема для новостей.

— Да неужели?

— Еще бы. Завтра он будет на верхних полосах всех газет.

— Твой зуб?

— Мой зуб. Послушайте, когда мне в прошлом году вырывали гланды, это потрясло основы цивилизации! Я вам не просто какой-нибудь, знаете ли…

— Хочешь сказать, ты знаменитость?

— Вот-вот, как раз это и хочу сказать. Я — Джо Кули.

Твердо придерживаясь правила не появляться там, где, согласно донесениям моих осведомителей, можно встретить детей, я никогда не видел своими глазами этого сорванца. Однако имя его мне, разумеется, попадалось. О нем, как вы знаете, упоминали и Энн, и Эйприл Джун.

— Ах, вон оно что! — улыбнулся я. — Джо Кули? Понятно.

— Вот-вот, я самый и есть.

— Как же, слыхал.

— Еще бы!

— Кроме того, я знаком с твоей нянькой.

— С кем? — возмутился он.

— Ну… с гувернанткой или как там она называется. Энн Баннистер.

— Ах, она… — протянул он. — Энн — классная девчонка.

— Согласен, — кивнул я.

— Просто супер, и не слушайте, если кто-нибудь скажет иначе.

— Не буду.

— Суперкласс, — продолжал он. — Да, сэр, вот что такое Энн…

— Эйприл Джун, — прервал я его, — тоже о тебе говорила.

— Правда? И что же?

— Что ты снимался в ее последней картине. Лицо мальчишки потемнело.

— Вот как? — фыркнул он злобно. Он был явно задет за живое. По-видимому, желая лишь поддержать беседу, я случайно вторгся в святая святых. — Ну и нахальство! В *ее,* значит, последней картине. Это *она* была в моей последней картине!

Пофыркав еще немного, он снова поднял «Нэшнл джиографик». Журнал заметно дрожал в его руках. Лишь через некоторое время, справившись с чувствами, он снова заговорил:

— Значит, вы знаете эту гадину?

Теперь и я, в свою очередь, задрожал от ярости.

— Кого?

— Эту гадину, Эйприл Джун.

— Как ты сказал? — набычился я.

— Я сказал, гадину. С какой стороны ни смотри, ничего Другого не высмотришь.

Я с трудом овладел собой.

— Знай, что ты говоришь о женщине, которую я люблю!

Мальчишка открыл было рот, но я остановил его холодным жестом:

— Я бы попросил!

В приемной снова воцарилась тишина. Он перелистывал свой «Нэшнл джиографик», я перелистывал свой. Некоторое время ничего нового не происходило. Потом я подумал: «Черт с ним!» — и решил протянуть оливковую ветвь. Глупо двум товарищам по несчастью на пороге расставания с зубом сидеть и отгораживаться друг от друга «Нэшнл джиографиком» вместо того, чтобы приятной беседой отогнать мысли о предстоящем испытании.

— Значит, ты Джо Кули? — спросил я.

Мой сосед правильно меня понял и охотно принял руку дружбы.

— Никогда не слышал ничего вернее, — приветливо ответил он. — Так оно и есть. Малыш Джо Кули, Кумир Американских Матерей. А вы кто?

— Мое имя Хавершот.

— Англичанин?

— Да.

— Давно в Голливуде?

— Где-то с неделю.

— Где остановились?

— Снял коттедж в Саду Гесперид.

— Ну и как вам тут, нравится?

— Ничего местечко, на уровне, — хмыкнул я.

— Это вы еще не видели Чилликот в штате Огайо, — мечтательно вздохнул он.

— А что там?

— Я родом оттуда. Вот куда бы махнуть! Да, сэр, туда и только туда, в старый добрый Чилликот!

— Скучаешь по дому, значит?

— А то!

— Но здесь-то, наверное, тоже неплохо живется?

Лицо мальчика омрачилось. Очевидно, я опять сказал что-то не то.

— Кому как, — фыркнул он. — Мне — не очень.

— Почему?

— Почему? — переспросил он. — Я вам скажу. Потому что я тут вкалываю, как каторжник на цепи, вот почему! В настоящей тюрьме или в Иностранном легионе, небось, и то легче. Знаете что?

— Да?

— Как вы думаете, что старый Бринкмайер написал в моем контракте?

— Что?

— Вставил туда специальный пункт, чтобы я жил у него дома и под его присмотром!

— А кто этот Бринкмайер?

— Хозяин той компании, на которую я работаю.

— И тебе не нравится его присмотр? — догадался я.

— Да нет, он-то сам ничего, — махнул рукой мальчик. — Безобидный старикашка. А вот его сестрица Беула… Как раз она это все и придумала. Вертит им как хочет. Злобная, как надсмотрщик на плантации. Читали про Симона Легри?

— Да.

— Вот вам Беула Бринкмаиер собственной персоной. Знаете, кто такой серф?

— Который на волнах катается?

— Да нет, не то совсем… Такой английский средневековый раб, вечно задавленный, забитый, над которым все измываются. Вот это я и есть. Господи, ну и жизнь, врагу не пожелаешь. Хотите, расскажу?

— Давай.

— Мне не разрешают играть на улице, чтобы я не поранился. Собаку завести тоже нельзя, потому что может укусить. Даже в бассейн не пускают — вдруг утону. А самое главное, вы только представьте — ничего сладкого! Чтобы, не дай бог, не растолстел.

— Да ты что? Правда?

— Как на духу. Все в контракте записано. «Вторая сторона, в дальнейшем именуемая «актер», обязуется воздерживаться от любого вида мороженого, включая сливочное и шоколадное, а также конфет, сливочной помадки и леденцов, далее именуемых кондитерскими изделиями, что подразумевает также пончики, пастилу, пироги с сезонной начинкой, торты и прочие мучные изделия». И представляете, мой юрист позволил им это туда запихнуть!

Я едва поверил своим ушам. Хавершоты всегда отличались завидным аппетитом, и, слушая рассказы о разных там диетах, я неизменно впадаю в мрачное настроение. Представляю, что бы я почувствовал, лиши меня кто-нибудь в столь нежном возрасте доступа к сладостям!

— И ты не послал их? — возмущенно воскликнул я.

— Не могу.

— Так любишь свое искусство?

— Да нет, не слишком.

— Тебе нравится нести солнечный свет в тусклую жизнь Питсбурга и Цинциннати?

— Да пусть они хоть удавятся в своем Питсбурге! И в Цинциннати тоже.

— Тогда, может, ты считаешь, что деньги и слава стоят всех этих ужасных лишений?

Мальчик презрительно фыркнул. Похоже, к деньгам и славе он питал такое же равнодушие, как Эйприл Джун.

— Да что в них хорошего? Я их что, съесть могу? Эх, дать бы им всем хорошего пинка и вернуться туда, где сердца чисты, а люди остались людьми — в Чилликот, Огайо. Домой, к матери. Попробовали бы вы ее жареных цыплят по-южному! А как бы она мне обрадовалась! Но я не могу, у меня пятилетний контракт, и будьте уверены, они заставят меня его выполнить.

— Понимаю, — вздохнул я.

— Да-да, я — настоящий дядя Том. Только знаете что? Я еще дождусь своего часа. Когда-нибудь же я вырасту, правда? И тогда… Ну, держитесь тогда у меня!

— И что ты сделаешь?

— Как, что? Так заеду в рыло этой Беуле…

— Как, ударишь женщину? — укоризненно поморщился я.

— Еще как ударю, можете не сомневаться! Да, сэр, она получит свое. А вместе с ней еще шесть режиссеров и целая куча их помощников и распорядителей. И мой агент по рекламе, ему тоже рыло начищу. Да, сэр! На самом деле, — философски заметил он, — трудно найти человека, которому я не собираюсь дать по морде, когда вырасту. Чтобы не забыть, я заношу все имена в записную книжку.

Он замолк, погрузившись в мечты, а я не мог придумать, что ответить. Да и никакие слова не смогли бы ободрить этого несчастного ребенка. Пыточные клещи слишком глубоко вошли в его плоть, чтобы обыкновенное «выше нос, старина» могло принести хоть какую-то пользу.

Впрочем, как оказалось, я и не располагал временем для утешений, поскольку в этот самый момент входная дверь распахнулась, и приемную заполонила толпа паразитов обоего пола с фотокамерами и блокнотами. Шум поднялся такой, что вставить хоть слово было невозможно. Я снова уткнулся в свой «Нэшнл джиографик», а вскоре появилась медсестра в белом халате и сообщила, что Б. К. Буруош стоит наготове со щипцами, и вся оголтелая банда рванула в кабинет, продолжая сыпать вопросами.

Вскоре другая медсестра в таком же халате показалась из-за противоположной двери и дала понять, что И. Дж. Зиззбаум весь извелся в ожидании, так что мне оставалось лишь вручить свою грешную душу Всевышнему и последовать в операционную.

6

И. Дж. Зиззбаум оказался довольно угрюмым типом. Он явно принадлежал к числу дантистов, терзаемых тайной печалью. В ответ на мое приветствие он лишь мрачно указал в сторону кресла. Сильный, молчаливый дантист, твердый, как кремень.

Меня, напротив, охватила непреодолимая тяга к общению. Оставшись один на один с зубодером, я всегда себя так веду. Рискну предположить, что и вы тоже. Вероятно, идея состоит в том, чтобы отвлечь злодея приятной беседой и заставить забыть о своих черных замыслах. Едва войдя в кабинет, я тут же принялся сыпать словами:

— Привет, привет! Вот и я. Добрый день, как поживаете? Чудесная погода, не правда ли? Что, сесть сюда? Отлично! Откинуть голову? С удовольствием. Ну, и открыть рот, конечно же. Пожалуйста!

— Шире, — уныло произнес И. Дж. Зиззбаум.

— Так широко, как только захотите… А как насчет старого доброго веселящего газа, у вас его хватит? Оч-чень хорошо! Вы знаете, — заискивающе улыбнулся я, — меня так давно не усыпляли — целую вечность! Лет с двенадцати, кажется, а может, и раньше — я помню, что был тогда в начальной школе, а в начальной школе учатся еще в нежном возрасте… Кстати, о детях: как вы думаете, кого я встретил в приемной? Самого Джо Кули, ни больше, ни меньше, и, по странному совпадению, ему тоже будут давать газ! Мир тесен, как говорится…

Я осекся, кляня в душе свою бестактность. Даже в отсутствие мгновенной гримасы, исказившей выразительную физиономию И. Дж. Зиззбаума, можно было бы догадаться, что затронутая тема для него

болезненна. Мне вдруг стало ясно, почему в этот день мой эскулап — совсем не тот лучезарный И. Дж. Зиззбаум, чей веселый смех и тонкие остроты делали его душой ежегодных дантистских съездов. Его угнетало сознание того факта, что главный приз зубоврачебных скачек — удаление первого коренного у самого малыша Джо Кули — достался не ему, а коварному сопернику.

Без сомнения, щелчки фотокамер и репортерские выкрики были слышны и здесь, в кабинете, заставляя проигравшего вновь и вновь горестно размышлять о том, что папаша Буруош завтра увидит свое имя на первых полосах всех бульварных листков и станет хоть ненадолго любимцем широкой публики, в то время как он сам будет вынужден удовольствоваться лишь обычным скромным гонораром. Такое невезение выбило бы из колеи даже самого жизнелюбивого дантиста.

Я смотрел на беднягу, и мое сердце обливалось кровью. Однако, порывшись в памяти в поисках слов, которые могли бы вернуть румянец его впалым щекам, я не нашел ничего лучшего, как заметить, что последние открытия в бассейне Конго проливают новый свет на что-то там такое. Сведения были точные, подкрепленные авторитетом «Нэшнл джиографик». Однако они не ободрили хозяина кабинета хоть в сколько-нибудь заметной степени. Возможно, бассейн реки Конго не слишком его интересовал — как и многих других людей, впрочем. Испустив тяжелый вздох, он лишь с силой раздвинул мне челюсти, заглянул в бездну, снова вздохнул, словно был невысокого мнения об открывшемся зрелище, и подал знак ассистенту с газовым баллоном.

Вскоре, после краткой промежуточной сцены, в ходе которой я чувствовал себя так, будто меня медленно душат, мир померк в моих глазах.

Не знаю, знакомы ли вы со всеми этими газовыми процедурами. Если да, то, наверное, помните, что кроме ощущения, что вы гибнете во цвете лет от закупорки дыхательного горла, в них есть и другие неприятные моменты. Например, сны и всякие там видения. Помню, в последний раз, о котором говорилось выше, мне привиделось, что я выброшен в море и мое тело рвут на части акулы. На этот раз диковинные события, хоть и не столь кровавые, также присутствовали. Акул в меню не было, звездная роль досталась малышу Джо Кули.

Мне снилась комната, похожая на давешнюю приемную, только побольше, и там тоже были две двери с табличками, одна напротив другой. На одной значилось «И. Дж. Зиззбаум», на другой — «Б. К. Буруош», а мы

с Джо отпихивали друг друга, стараясь пройти в первую. Дураку было ясно, кто из нас прав. Я пытался вразумить заблудшего юнца. «Не толкайся, старина, — уговаривал я, — ты ошибся дверью!» Однако он ничего не хотел слушать и лишь толкался еще яростнее. В конце концов пихнул меня в кресло, велев сидеть и читать «Нэшнл джиографик», а сам открыл дверь и вошел. Потом все ненадолго заволоклось туманом, а когда он немного рассеялся, я по-прежнему сидел в кресле, но уже зубоврачебном, и чувствовал, что эффект веселящего газа также потихоньку рассеивается.

Первым, что я увидел, был И. Дж. Зиззбаум в белом халате. Лицо его светилось улыбкой.

— Ну что, дружок, как себя чувствуешь? — осведомился он по-отечески добродушно.

Я только собирался осведомиться, какого дьявола он имеет в виду, называя меня дружком, — Хавершоты не снобы, однако ронять свое достоинство тоже не привыкли, — как вдруг с удивлением осознал, что мы не одни. В комнате было не протолкнуться.

По другую сторону кресла стояла Энн Баннистер. Против ее общества я как раз не возражал. Если у нее в душе сохранилась частица былой привязанности, и она, прослышав об операции, решила подать мне руку в час тяжелых испытаний, ну что ж, это замечательно. Чертовски мило с ее стороны. Однако вся остальная толпа была явно лишней. В самом деле, какое право имеют совершенно посторонние люди надоедать человеку, которому собираются выдрать зуб? Как жить на свете, если даже в такую минуту нельзя рассчитывать на уединение?

У меня возникло смутное ощущение, что некоторые из лиц, мелькавших вокруг, женских и мужских, я видел и раньше. Попадались и люди с фотокамерами. Я выпрямился в кресле, чувствуя поднимающееся раздражение. Зачем Зиззбаум пустил их всех сюда? Я готов был задать ему этот вопрос, отнюдь не затрудняя себя выбором выражений, когда вдруг сделал удивительное открытие, а именно, что возвышающийся надо мной тип в белом халате вовсе не Зиззбаум, а кто-то совсем другой! Не успев выяснить, в чем дело, я сделал еще одно открытие, от которого я резко втянул в себя воздух с испуганным «Ой!».

Должен заметить, что в приемную я вошел в неброском сером костюме, серо-зеленых носках в тон к модному галстуку и замшевых туфлях, а теперь — чтоб я провалился! — на мне были короткие бриджи на лямках и гольфы! Из зеркала, куда я случайно бросил взгляд, на меня смотрело детское личико необыкновенной красоты, обрамленное

золотистыми кудряшками, с большими выразительными глазами и длинными ресницами. — Черт побери! — невольно вырвалось у меня.

Да и у кого бы не вырвалось? Я сразу понял, что случилось. Кто-то дал маху, как сказал поэт. Мыс эти м Джо Кули вдохнули газ одновременно и пока бродили по четвертому измерению, или как там оно называется, какой-то кретин из обслуги взял и перевел стрелки. В результате нахальный сорванец заграбастал мое тело, а мне ничего не оставалось, как довольствоваться детским.

Во всем виноват, конечно, он. Идиот! Говорил же я ему, не толкайся!

7

Я все сидел и тупо пялился в зеркало, когда тот тип в халате, который обозвал меня малышом, — разумеется, это был не кто иной, как Б. К. Буруош, — снова обратился ко мне.

— Тебе, наверное, захочется его сохранить, — сказал он с той же отеческой улыбкой, протягивая картонную коробочку.

Я продолжал таращиться. Мне было не до коробочек. Не так-то просто приспособиться к таким поворотам сюжета. Думаю, вы меня понимаете.

Хорошенькие дела, нечего сказать. Просто уму непостижимо! Такое, конечно, случается в разных там сказках, но кто мог подумать, что подобные казусы следует предусматривать в программе реальной жизни. Я понимаю, что человек должен быть готов ко всему, но… будь я проклят!

Тем более, так внезапно… В книгах всегда есть какой-нибудь сумасшедший ученый, который вечно возится с пробирками, или восточный маг с разными заклинаниями — так или иначе, для подготовки всяких чудес требуются недели, если не месяцы, а если вы хотите немедленного результата, то нужно хотя бы иметь волшебное кольцо или что-нибудь в этом роде. А вот так, ни с того ни с сего, — так просто не бывает.

— Твой зуб, — пояснил дантист. — Хочешь взять его?

Я рассеянно взял у него коробочку и хотел сунуть в карман. Это простое действие заставило толпу разразиться воплями протеста. Голоса зазвучали со всех сторон:

— Эй, куда?

— Не убирай!

— Надо сделать снимки!

— Посмотри на него, подумай!

— Покажи нам, улыбнись!
— С таким видом, будто говоришь: «Надо же!»
— Хочешь сделать заявление для прессы?
— Твое мнение о политической ситуации?
— Ты доверяешь президенту?
— Каким ты видишь будущее кинематографа?
— Что ты хочешь сказать народу Америки? Хотя бы несколько слов, но от души.
— Эй! Что ты любишь есть на завтрак?

Я всегда знал Энн Баннистер как девушку решительную и с характером, но в этот момент проникся к ней еще большим уважением. Она тут же овладела ситуацией и принялась выпроваживать репортеров, словно вышибала в портовом кабачке, который хочет показать себя в первый день службы.

— Неужели трудно оставить ребенка в покое? — воскликнула она. — Как можно приставать к нему в такой момент! Представьте себя на его месте!

Тип, который просил обратиться к народу Америки, заявил, что потеряет работу, если вернется ни с чем. Энн была непреклонна.

— Я сама скажу вам все, что надо, только выйдите отсюда! Вскоре благодаря ее личному обаянию и силе характера комната была очищена, и мы с Б. К. Буруошем остались одни.

— Ну и шум, — покачал он головой. — Вот оно, бремя славы!

На лице его продолжала играть улыбка — лучезарная улыбка дантиста, который вдобавок к кругленькой сумме профессионального гонорара получил на тысячу долларов даровой рекламы.

Я никакие мог разделить его жизнерадостного настроения. Первое ошеломление прошло, и теперь меня бросило в дрожь. Ситуация представлялась более чем мрачной. Жизнь, знаете ли, и сама по себе достаточно сложна, и кому захочется усложнить ее еще больше, превратившись в мальчишку с золотистыми кудрями в коротких штанишках. А если это навсегда? Грош цена тогда моим шансам повести к алтарю Эйприл. Девушка ее положения вряд ли пойдет под венец с мальчишкой в гольфах и с голыми коленками.

А что подумают приятели из «Трутней», если я появлюсь там весь в кудряшках? Такого они не потерпят ни за что на свете! Хотя в «Трутнях», я бы сказал, придерживаются весьма широких взглядов, это для них все-таки уже чересчур. «Не по правилам», — вот что скажет комитет клуба, и будет совершенно прав.

Неудивительно поэтому, что я нисколько не был расположен шутить и резвиться вместе с развеселым дантистом.

— К черту бремя славы, — буркнул я, — обсудим его позже. Сейчас я хочу сделать заявление. Произошло нечто ужасное, и если немедленно не будут предприняты соответствующие шаги в нужном направлении, разразится очень неприятный скандал. Я даже знаю тех, кто его поднимет.

— Полежи, тебе надо успокоиться, — мягко сказал он.

— Не хочу лежать и успокаиваться! Я должен сделать заявление…

Не успел я осуществить свое намерение, как дверь распахнулась, и в кабинет стремительно вошла незнакомая женщина, на j вид — весьма рассерженная. Она шипела и фыркала на ходу.

— Просто сумасшедший дом! — восклицала она. — Никакого терпения с ними не хватит! Ребенок и без того избалован дальше некуда.

Высокая и костлявая, где-то между средним и полутяжелым весом, она с успехом могла бы сойти за старшую надзирательницу в какой-нибудь женской тюрьме. Однако Б. К. Буруош не подтвердил моих предположений, назвав ее мисс Бринкмайер, и я понял, что это та самая Беула, которую так не любил юный Джо.

— Кажется, наш малыш чувствует себя неплохо, мисс Бринкмайер, — сказал дантист.

Его любезные слова были встречены резким фырканьем, выражавшим отвращение и презрение. Я понял, почему малыш Кули недолюбливал эту особу. Мне она и самому не нравилась. Ей не хватало того трудно определимого качества, которое обычно называют обаянием.

— Разумеется, неплохо! С какой стати ему чувствовать себя иначе?

Б К. Буруош любезно заметил, что всегда беспокоится, пользуясь веселящим газом, однако она лишь распалилась еще больше.

— Что за чушь! Еще газ какой-то… Когда я была девочкой, никто и не слыхивал ни о каком газе! Отец обматывал мне зуб ниткой, другой конец привязывал к двери сарая и захлопывал ее. Вот и все, и никаких газетчиков. Столько шума из-за ничтожного маленького зуба, который, к тому же, никогда бы не заболел, если бы кое-кто не ел тайком конфеты, хотя знает прекрасно, что написано во втором пункте статьи «Б» его контракта. Я еще разберусь с этими конфетами! Кто-то их ему подсовывает, и я узнаю, кто! Этот мальчишка изворотлив, как целая стая обезьян…

Во мне росло раздражение. Я погрузился в размышления о своих невероятных проблемах, а резкий визгливый голос женщины вторгался в них, словно скрежет пилы.

— Помолчите! — бросил я, отмахнувшись.

— Что-о?

— Я сказал, помолчите. Невозможно думать под вашу трескотню. Дайте, наконец, сосредоточиться!

Б. К. Буруош вежливо хихикнул, хотя я вовсе не собирался переводить разговор в юмористическую плоскость. Мисс Бринкмайер побагровела и тяжело задышала.

— Снять бы с тебя штаны да выпороть хорошенько… Я остановил ее холодным жестом.

— Оставайтесь, пожалуйста, в рамках приличий!

В этот момент мне кое-что пришло в голову, и ситуация осветилась с несколько другой стороны. Что там говорил малыш Джо о своих планах на будущее, когда он вырастет? Видит бог, теперь он подрос более чем достаточно. Наша ветвь семьи всегда отличалась крупным телосложением, и я в ней — не из худших. Занимаясь боксом в Кембридже, весил все девяносто без одежды.

Мне в первый раз за долгое время захотелось рассмеяться.

— Я бы вам посоветовал, — сказал я с улыбкой, — прежде чем угрожать другим, позаботиться о себе. Вашему положению не позавидуешь. Мститель уже идет по следу. Трудно сказать, когда он нанесет удар, но однажды ваша физиономия серьезно пострадает, я обещаю.

Б. К. Буруош озабоченно нахмурился.

— Надеюсь, я не переусердствовал с газом, — пробормотал он. — Не нравится мне все это… Похоже на бред. Мальчик ведет себя странно с тех пор, как очнулся.

Бринкмайерша с презрением отвергла его опасения.

— Ерунда! Бред, еще чего выдумали… Да он просто дурака валяет!

— Вы думаете? — поднял брови дантист.

— Ну конечно! Вам когда-нибудь приходилось присматривать за дерзким, высокомерным, распущенным сорванцом, который привык считать себя пупом земли только потому, что всякие идиотки расталкивают друг друга, чтобы его увидеть, и восторгаются, какой он хорошенький и невинный?

Б. К. Буруош вынужден был признать, что подобного опыта не имеет.

— Ну а я, — подбоченилась она, — вожусь с ним целый год и успела изучить все его повадки!

Опасения дантиста понемногу рассеивались.

— Так вы полагаете, что для беспокойства нет причины?

— Ни малейшей.

— Ну что ж, вы меня успокоили, а то мне казалось, что он немного не в себе.

— Такой, как всегда. К сожалению. Я расхохотался.

— Забавно. По иронии судьбы, именно что не в себе, точнее не скажешь! — И решив не упускать предоставившуюся возможность, продолжал: — Мадам, и вы, Б. К. Буруош, прошу вас приготовиться к небольшому сюрпризу. Вряд ли я сильно ошибусь, если предположу, что мое заявление весьма вас удивит…

— Ну вот, опять!

— Как сказал великий Шекспир, на свете бывает много такого, что нашим мудрецам и не снилось. Подобный курьез как раз и приключился только что в этом самом кабинете. Вам, без сомнения, будет интересно узнать, что в результате непредвиденного короткого замыкания в четвертом измерении…

— Прекрати молоть ерунду! Пошли.

— Погодите, я должен сделать заявление. Итак… в результате, как я уже сказал, какой-то неполадки в четвертом измерении — заметьте, я говорю о четвертом, но оно с таким же j успехом может оказаться и пятым, я не слишком силен в измерениях…

— Если сейчас же не замолчишь, то узнаешь, в чем я сильна, клянусь честью! Никакого терпения не хватит с этим мальчишкой. Идем, говорю!

И мы пошли. Если вы считаете это слабостью с моей стороны, то скажу только, что если бы Беуле Бринкмайер вздумалось схватить за руку монумент Альберта и дернуть как следует, он пошел бы с ней как миленький. Я вылетел из кресла, как пробка из бутылки, попавшей в руки опытного дворецкого.

— Ладно, — вздохнул я, мирясь с неизбежностью. — Пока-пока, Буруош!

Признаться, я не очень-то и сожалел, что мое заявление было так бесцеремонно прервано. Здравый смысл наконец-то вернул себе бразды правления, помешав мне окончательно выставить себя идиотом. Ведь если из всех этих историй об обмене душами и можно извлечь какой-нибудь урок, то он заключается в том, что любые заявления в подобной ситуации неуместны. В них нет никакого проку. Бессмысленное сотрясение воздуха. Герои каждый раз пытаются их делать, и никто не верит ни единому слову. Мне следовало избрать другой путь: хранить холодное молчание, воздерживаясь от любых попыток привлечь внимание общественности. Как ни тягостно скрывать то, о чем так много можешь сказать,

сдержанность в моем положении — лучшая политика.

Ограничившись, в результате, лишь предупреждением, что если она будет так дергать, то меня вырвет, я проследовал за мисс Бринкмайер к двери. Вид у меня был, признаюсь, не слишком оживленный. Меня томили дурные предчувствия. Чего, скажите, можно было ожидать от жизни в обществе этой жуткой старушенции? Сравнив ее с Симоном Легри, малыш Кули проявил себя недюжинным знатоком человеческой природы. Впрочем, без капитана Блая с «Баунти» тут, на мой взгляд, тоже не обошлось.

На улице нас ждал роскошного вида автомобиль, мы сели и покатили: она — то и дело фыркая, словно ее бесило одно мое присутствие, а я — откинувшись на спинку сиденья, погруженный в хмурую задумчивость. Вскоре машина въехала в ворота и остановилась у дверей величественного белого особняка.

8

Логово Бринкмайеров — а судя по всему, приехали мы именно туда — оказалось одним из самых впечатляющих поместий в Голливуде. Обширный газон со скульптурой оленя, красочные беседки, увитые побегами бугенвиллии, за которыми ухаживали три садовника, несколько бассейнов, теннисные корты, столы для пинг-понга и прочие симптомы богатства. Впрочем, чтобы убедиться, что хозяева гребут деньги лопатой, достаточно было взглянуть на дворецкого, который открыл дверь в ответ на гудок шофера. Это был английский дворецкий. В Голливуде могли себе такое позволить лишь настоящие шишки. Мелкой сошке приходилось довольствоваться японцами и филиппинцами.

Один взгляд на этого достойного слугу прибавил мне душевных сил. Он был как весточка из родного дома — солидный, круглолицый, с глазами навыкате, классический представитель древней породы семейных дворецких. Рядом с ним я больше не ощущал себя путешественником, оказавшимся в одиночку 1 среди дикарей, и даже перспектива продолжительного общения с мисс Бринкмайер уже не казалась такой чудовищной.

Впрочем, в тот момент я был лишен удовольствия лицезреть своего земляка хоть сколько-нибудь продолжительное время, поскольку моя спутница или, вернее, тюремщица снова цепко схватила меня за руку и чуть ли не бегом доставила в просторную гостиную с низким потолком и

стеклянными дверями во внутренний дворик.

Там нас уже ожидал коренастый пузатый мужчина в роговых очках. По тому, как он в хозяйской позе развалился на диване, я справедливо заключил, что это и был тот самый мистер Бринкмайер, под чьей бдительной опекой мне отныне придется состоять.

В данном случае малыш Кули вновь проявил себя тонким знатоком характеров. Он отозвался о Бринкмайере как о безобидном старикашке, и я с первого взгляда убедился, совершенно справедливо. Хозяин мне, скорее, понравился. Конечно, пообщавшись с его сестрицей, я не был расположен слишком капризничать, и мне, наверное, понравился бы кто угодно, но доброта в его душе, безусловно, присутствовала, и первыми же своими словами Бринкмайер это доказал.

— А, вот и вы! — воскликнул он. — Ну, как все прошло? Как самочувствие?

Мисс Бринкмайер раздраженно прищелкнула языком.

— Теперь ты начинаешь! Разумеется, с ним все в порядке. 1 Вас послушать, так подумаешь, что ему ногу ампутировали или что похуже! С вами никакого терпения не хватит! Такой шум подняли…

— Он что, поднял шум?

— Не он, газетчики. Особенно эти глупые бабы. Раскудахтались над ним, как не знаю кто.

— В самом деле?

— Просто отвратительно!

— Ну что ж, отличная реклама, — одобрительно кивнул Бринкмайер.

Его сестра фыркнула.

— Один вред для него!

— Зато полезно для кассы.

— Мне наплевать. Тошнит уже. Можно подумать, он и без этой возни мало задирает нос! Весь уже раздулся от самомнения.

Мистер Бринкмайер воззрился на меня сквозь роговые очки, словно добродушная сова.

— Меньше, чем раньше.

— Что?

— Я хочу сказать, щека уже не так раздута.

— Да, слава богу.

Надеясь закрепить атмосферу дружелюбия и доброй воли, я заметил, что признателен ей за заботу, но в ответ получил лишь приказ замолчать. Мисс Бринкмайер продолжала, обращаясь к брату:

— Пожалуй, он больше не похож на больного свинкой. Думаю, к

открытию статуи совсем придет в норму.

— Наверное, — кивнул тот.

Судя по выражению лица, эта мысль не доставила ему особой радости. Чтобы поддержать разговор, я спросил, что за статуя, но мне лишь снова приказали замолчать.

— Значит, Мичиганских Матерей тоже можно не отменять, — сказала она.

— Каких матерей? — не выдержав, переспросил я, и в третий раз был поставлен на место.

К числу приятных собеседников мисс Бринкмайер явно не принадлежала.

— Будь у него щека по-прежнему, как вареная свекла, — продолжала она, — нам пришлось бы отменить встречу, и они устроили бы бог знает что, проделав такой путь. Но теперь опухоль почти исчезла, а завтра он будет совсем нормальный. — И, подумав немного, добавила: — Насколько он вообще бывает нормальный, мерзкий лягушонок.

Стерпеть такое было выше человеческих сил.

— Ваше замечание представляется мне в высшей степени оскорбительным, — заявил я.

Заткнув мне рот в четвертый раз, надзирательница вновь схватила меня за руку и потащила по лестнице на второй этаж в спальню, где приказала ложиться в постель.

— Как? — Я не поверил своим ушам.

— Тебе нужно спать днем, ты забыл?

— Но черт побери…

— Замолчи! — бросила она в пятый и последний раз и удалилась, заперев за собой дверь.

Я усмехнулся, не ощущая, впрочем, особенного веселья. Спать! Ничего себе! Как будто у меня есть время на подобные глупости. Передо мной стояла задача тщательно проанализировать ситуацию и постараться решить, что в ней, черт возьми, можно предпринять. Причем немедленно. Исследовать все ходы и выходы. Какой уж тут сон!

Я плюхнулся на кровать и принялся за работу.

Не знаю точно, сколько я так просидел, но времени прошло немало. Мог бы с таким же успехом сидеть до конца жизни, если бы вдруг не решил подойти к окну. Как ни странно, в голове у меня тут же прояснилось. Ну конечно! Первым делом надо установить контакт с Джо Кули и посоветоваться.

Я не рассчитывал, конечно, что юнец способен предложить что-нибудь толковое, но у него, по крайней мере, можно было добыть некоторые сведения, полезные мне в моей новой жизни. И лучший способ встретиться — это добраться до моего коттеджа в Саду Гесперид и подождать, пока он сам не придет. Я сказал ему, где поселился, и если он не забыл, то непременно рано или поздно явится.

Хавершоты всегда остаются людьми действия, даже будучи превращенными в мальчишек с золотистыми кудряшками, пропитанными, как я с отвращением установил, каким-то особенно противно пахнущим сортом бриллиантина. Мне отчаянно хотелось на волю из тесной запертой спальни, я буквально задыхался. К счастью, окно находилось всего в каком-нибудь метре над крышей пристройки, с которой можно было легко спрыгнуть. Не прошло и минуты, как я был уже в саду, а затем, выбравшись оттуда, пустился со всех ног по направлению к своему коттеджу.

Не знаю, ожидал ли я в самом деле найти мальчишку у себя. Во всяком случае, его там не оказалось. Дом был пуст. Где бы ни находился Джо Кули, он явно пока не собирался обдумывать ситуацию, расположившись в уютном кресле в Саду Гесперид.

Оставалось только ждать. Поэтому я уселся в кресло сам и вновь погрузился в свои тягостные размышления.

Казалось бы, имея такую массу материала для размышления, предоставленную мне последними фантастическими событиями, я должен был сравнительно легко удержать свои мысли в русле главной темы. Не тут-то было. В голову лезла всякая чушь. Не прошло и двух минут, как я напрочь забыл об основных вопросах повестки дня и стал напряженно думать о пончиках, мороженом, тыквенном пироге, а также о пирожных всех видов, сливочной помадке, засахаренных орехах и леденцах. Только мне удавалось невероятным усилием воли выкинуть из головы мороженое, как — бац! — его место тут же прочно занимали пончики, а избавившись от них, я тут же нос к носу сталкивался с тыквенным пирогом и леденцами.

Подобного мне испытывать еще не доводилось. Эти виды пищи уже многие годы не представлялись мне в таком эмоциональном ракурсе. Помадки и шоколадные кексы не просто вели хороводы у меня перед глазами — я чувствовал, что отдал бы все на свете за возможность набить ими рот. Такого лютого голода я не чувствовал со школьных времен. Голод — не то слово. Я был как ленточный червь, изгнанный из родного чрева.

Только теперь я понял, каким идиотизмом было с моей стороны не

позаботиться, будучи еще Реджинальдом, лордом Хавершотом, о хорошем запасе провизии на экстренный случай. В конце концов, кто может знать, когда судьбе будет угодно превратить его в двенадцатилетнего мальчишку! Если подумать, это может произойти в любой момент, и надо быть просто сумасшедшим, чтобы держать холодильник пустым.

Моя критика собственных умственных способностей становилась все острее, я ругал последними словами тупиц и расточителей, не желающих думать о завтрашнем дне, когда вдруг шаги у входной двери заставили меня прервать размышления.

— Реджи! — позвал кто-то.

Я тут же узнал голос. Это был мой кузен Эгремонт. Ну конечно, он же обещал нанести визит, дабы проверить качество моего погреба, а в таких случаях Эгги не склонен откладывать дело в долгий ящик. — Реджи, старина! Ты дома?

Вам, конечно, знакомо это ощущение. Случаются моменты, когда человеку не хочется принимать гостей. Просто нет настроения. Как уже упоминалось в разговоре с Энн Баннистер, я любил Эгги, как родного брата, и в прошлом — как, например, во время той новогодней вечеринки, о которой он рассказывал, — всегда радовался его компании, однако сегодня мне захотелось уклониться от общения. Я чувствовал, что он будет слишком удивлен, обнаружив в доме вместо кузена с шевелюрой морковного цвета золотоволосого младенца. Возникнут неизбежные вопросы и подозрения, а мне это сейчас совершенно некстати.

Поэтому, чтобы избежать ненужной встречи, я тихонько сполз с кресла и спрятался за ним, надеясь, что Эгги, не застав никого, удалится.

И, конечно же, ошибся. Мне следовало лучше знать своего родственника. Эгги не из тех людей, которые покидают помещение, где есть шотландское виски, только потому, что никого не застали. Были бы напитки, а хозяева позаботятся о себе сами.

Он вошел и немедленно направился к буфету, словно почтовый голубь, возвращающийся в родную голубятню. Из-под кресла ничего не было видно, но я расслышал музыкальное бульканье, затем последовали глоток, еще бульканье, еще глоток и, наконец, третье бульканье. Намерения Эгги были ясны, как открытая книга: утолив острую жажду парой стаканчиков, он собирался теперь растянуть третий в свое удовольствие — так сказать, покатать на языке. Послышались неторопливые шаги по комнате, чирканье спички, до меня донесся аромат дыма. Значит, нашел мои сигары. В следующий момент случилось то, чего и следовало ожидать. Он подошел к моему креслу и со вздохом блаженства

опустился в него. В комнате было лишь одно удобное место для отдыха с сигарой, и он безошибочно определил, какое.

Так мы и сидели: он — со всеми удобствами, а я — скрючившись в три погибели за спинкой кресла, словно несчастная жертва, замурованная в стену. Даже секретный военно-морской договор, хранящийся в сейфе адмиралтейства, вряд ли бывает спрятан столь надежно.

Возникла одна из тех ситуаций, которые хочешь не хочешь заставляют человека наморщить лоб и попробовать найти выход, и я совсем было уже приготовился этим заняться, когда вдруг послышался стук.

За дверью кто-то стоял.

9

— Входите, — откликнулся Эгги.

Я не мог видеть того, кто воспользовался его приглашением, но тот факт, что мой родственник встал, безошибочно указывал на женский пол гостя. Старина Эгги не из тех, кто вскакивает из удобного кресла, чтобы приветствовать мужчину. Раздавшийся вслед за этим голос подтвердил мои предположения: он был резкий и властный, но определенно женский.

— Добрый день! — произнес голос.

— Добрый день! — ответил Эгги.

— Вы хозяин?

— Э-э… нет.

— А похоже, чувствуете себя как дома.

— О, не беспокойтесь. Здесь живет некто Хавершот, а я, так сказать, его плоть и кровь. То есть, кузен.

— Понятно.

— Могу я от его имени — уверен, он бы и сам с радостью… — предложить вам немного подкрепиться?

— Что?

— Ну, то есть… глоток чего-нибудь. Шотландское виски очень даже ничего.

— Вы предлагаете мне спиртное? — В голосе прозвучала нотка возмущения.

— Совершенно верно.

— Послушайте, мистер…

— Эгги.

— Простите?

— То есть, Маннеринг.

— Так вот, мистер Маннеринг. Я не употребляю спиртного, и пришла сюда с целью собрать пожертвования в пользу Храма Нового Рассвета!

— Э-э… Как вы сказали?

— Вы что, никогда не слышали о Храме Нового Рассвета?

— М-м… что-то не припомню.

— А имя Лора Луэлла Стотт вам знакомо?

— Нет. Кто это?

— Патриотка Америки, которая помогает калифорнийцам выбраться из алкогольного болота.

— Да что вы говорите? — В голосе Эгги появилась заинтересованность. — Здесь есть такое болото? Чего только не встретишь в Америке! Неужели можно просто нагнуться и *лакать!*

— Я употребила образное выражение, — фыркнула невидимая собеседница.

— Так и знал, что тут какой-то подвох, — приуныл он.

— Сестра Лора Луэлла возвращает Калифорнию в лоно трезвости.

— Какой ужас.

Наступила тишина. Из следующей реплики я заключил, что гостья подвергла пристальному изучению внешность моего кузена.

— Боже мой! Как ужасно вы выглядите!

В ответ Эгги заметил, что не видит никакой нужды в переходе на личности. Однако она не унималась:

— У вас дрожат руки, а глаза — как у рыбы, выброшенной на берег. А кожа… Боже мой!

— Уж какая есть, — ответил он, как мне показалось, довольно холодно.

— И другой не будет, — воскликнула она, — во всяком случае, пока вы не перестанете топить себя в этой гадости! Знаете, что у вас в бокале?

— Э-э… «Белый чертополох».

— Черная смерть! А знаете, что сделала бы сейчас сестра Лора Луэлла Стотт, будь она на моем месте?

— Что?

— Вышибла бы этот бокал из вашей руки!

— Хм… — произнес он. Не уверен, впрочем, что это было не «ха». — Вышибла, вот как?

— Именно так! И была бы совершенно права. Потому что даже такая жалкая развалина, как вы, достойна шанса на спасение!

— Мне послышалось, вы сказали «жалкая развалина».

— Вам не послышалось!

— Ха! — произнес он на сей раз вполне четко.

Снова наступила тишина.

— Послушайте… — нарушил, наконец, молчание Эгги. — Послушайте, мисс…

— Прескотт.

— Мисс Прескотт. Вы, случайно, не хотите сказать… не сложилось ли у вас ложное впечатление… то есть, неужели вы настолько плохо разбираетесь в людях, что могли принять меня за…

Он замялся. Гостья усмехнулась.

— Если вы имеете ввиду…

— Послушайте! — снова начал Эгги. — Вот послушайте! Пробежали поросята по росе, простудились поросята, да не все. На Берджесс-стрит стоял Освальд и свистел в свисток. Кукушка кукушонку купила капюшон. Ну как?

Не думаю, что я сам смог бы достойно ответить на такое. Однако женщина нисколько не смутилась.

— Пф! — сказала она. — Детские забавы, да и только. Дурацкие скороговорки!

— Я и это могу! — обрадовался Эгги. — Дурацкие скорор… скороговорки. Вот! На Берджесс-стрит стоял Освальд в капюшоне и высвистывал по росе поросячьи скороговорки. Слышите? Все чисто! А вы тут намекаете на мою якобы нетрезвость!

— Пф! — повторила она еще выразительней. — Если у вас получается, тем хуже. Значит, вы уже успели миновать ту стадию, когда заплетается язык, и приближаетесь к опасной черте! Поверьте, я знаю, о чем говорю. Мой отец пил, пока не валился с ног, и вечно хвастал, что выговаривает каждую буковку, сколько бы ни принял. Никогда не забуду, что однажды сказал ему доктор: «Это всего лишь полустанок, а вы мчитесь, как экспресс, и на нем не остановитесь. Вот прибудете на конечную станцию, тогда…»

— И что тогда?

— Тогда начнутся видения…

— Видения? — испуганно переспросил он. — Только не видения.

— И голоса…

— Только не голоса!

— А куда вы денетесь? Будут, и обязательно, если только не найдется добрая душа, которая вытащит вас из болота. Я вас предупреждаю как лучший друг, и вы должны на коленях благодарить меня за это. Так-то, сэр,

если вы вовремя не одумаетесь, ваша судьба предрешена. Мне отлично известны все симптомы. Мой папаша взялся за ум только после того, как встретил розового кролика, который попросил у него закурить, и то же самое случится с вами. Подумайте хорошенько. Ладно, у меня нет времени на долгие беседы, надо собирать пожертвования на Храм. Не хотите внести свою лепту?

— Пф! — произнес Эгги, ловко пользуясь ее собственным оружием.

— Ну что ж, я особо и не рассчитывала, — ответила гостья. — Только не забывайте о том, что я сказала.

Очевидно, последние слова она произнесла уже выходя, потому что непосредственно вслед за ними кресло скрипнуло. Эгги сел и тяжело перевел дух.

В течение всего разговора я внимательно вслушивался в каждое слово и ни о чем другом не думал, но, видимо, мое подсознание успело за это время солидно поработать без моего участия. Вернувшись мысленно к насущным проблемам, я обнаружил некоторые перемены в своем мировоззрении, в частности, понял, что, решив избежать встречи с Эгги, совершил серьезную стратегическую ошибку.

Страшный голод по-прежнему терзал мои внутренности, однако положение уже не представлялось столь безнадежным. Вместо досадного препятствия незваный гость вполне мог оказаться спасителем. Эгги был далеко не миллионером, но тем не менее имел приличный доход и вполне мог разориться на парочку леденцов. Надо только, как говорят в Америке, найти подход к клиенту…

Я медленно распрямился и высунул голову из-за спинки кресла.

Теперь, конечно, я понимаю, что момент был выбран далеко не самый удачный, но в тот момент мне это и в голову не пришло. Я думал только о том, как добыть необходимое. Итак, я встал.

Объект моих корыстных планов сидел, откинув голову на спинку кресла, и тяжело дышал. Я смотрел ему практически в затылок. Приблизив губы к его левому уху, я негромко позвал:

— Эгги!

Помню, однажды, ребенком, я спрятался — зачем, уже не помню, скорее всего, просто играл — в нише у главной лестницы в Бидлфордском замке и завыл в ухо лакею, который нес наверх поднос с графином, сифоном с содовой и стаканами. Бидлфорд широко известен своим фирменным призраком Стонущей Дамы, и в результате лакей затормозил лишь двумя пролетами ниже, угодив, к счастью, на тигровую шкуру в холле. Тот эпизод всегда оставался в моей памяти самым ярким всплеском

чувств — до тех самых пор, пока, как было уже сказано, мне не пришло в голову высунуться из-за кресла и позвать: «Эгги!».

По правде говоря, реакция моего кузена оказалась не столь быстрой, как в свое время у лакея. Тот стартовал мгновенно, словно обретя крылья, а Эгги сначала секунду-другую сидел, как замороженный, уставившись прямо перед собой и не дрогнув ни единым мускулом, и лишь потом очень медленно повернул голову.

Наши глаза встретились.

Только тут он приступил к делу, можно сказать, всерьез, и, надо отдать ему должное, сумел развить скорость, совершенно невероятную для такого медлительного старта. Пронзительный вопль, сорвавшийся с его уст, еще висел в воздухе, а я уже был в комнате один. Начав двигаться из положения полулежа, он сумел выскочить в дверь никак не больше, чем за секунду с четвертью. Размазанные очертания тела, легкий свист — и все.

Я поспешил к окну и осторожно выглянул, чтобы определить, где он приземлился. Судя по скорости, трудно было ожидать, что Эгги еще в Калифорнии, однако, к моему удивлению, он оказался всего в нескольких метрах от крыльца. С тормозами у него явно было все в порядке.

Рядом стояла какая-то девушка, и, услышав ее речь, я сразу понял, что она и есть наша недавняя гостья. Очевидно, внезапный вопль заставил ее вернуться, чтобы не пропустить выпуск последних новостей. Эгги цеплялся за ее руку, словно утопающий за соломинку.

Должен сказать, что внешность девицы меня немало удивила. После давешнего разговора я ожидал узреть кого-нибудь из породы Беулы Бринкмайер, а она, напротив, оказалась довольно хорошенькая, хоть и в этаком строгом стиле. Знаете, вроде дочери сельского викария, которая играет в хоккей и Дает нагоняй пожилому вдовцу, вознамерившемуся жениться на свояченице.

— Ну, так что? — спросила девица.

Эгги еще крепче вцепился ей в руку.

— Уф! — выдохнул он. — Там… Ох!

— Что там?

— Чертенок! Страшный такой… Выглянул из-за спинки кресла — прямо нос к носу, честное слово! — и говорит: «Эгги, приятель… я за тобой, Эгги!»

— Так и сказал?

— Клянусь честью! «Я за тобой, Эгги, приятель», слово в слово! Как старому знакомому! А я никогда в жизни не видал этого постреленка.

— Вы уверены, что там был не розовый кролик?

— Нет, нет, нет! Чертенок! Что я, чертей не видел?

— А какой он был?

— Самый скверный, какой только бывает! Мне он сразу не понравился.

Девушка поджала губы и покачала головой.

— Ну вот, я же предупреждала.

— Да, конечно, — заторопился Эгги, — но откуда же мне было знать, что это случится вот так вот сразу? Так вдруг — вот что страшно. И такой скверный чертенок… без всякого предупреждения…

— А вы чего, интересно, ожидали? — усмехнулась она. — Рекомендательного письма по почте?

Мой несчастный кузен все не мог успокоиться.

— «Я за тобой, Эгги», так и сказал, да еще так нагло, с ухмылкой… «Эге-гей, Эгги! Я за тобой, приятель!» Что мне теперь делать, как вы думаете?

— Вы в самом деле хотите знать? — прищурилась она.

— Да-да! Хочу! «Привет, Эгги…»

— Вам остается только одно: пойти со мной и отдать себя в руки Лоры Луэллы Стотт!

— А она разбирается в чертях?

— Черти — ее конек.

— А погреб у нее на уровне?

— Что?

— Ну… мне, ясное дело, надо подкрепиться, и поскорее. Какой смысл идти к этой вашей Стотт, если у нее ничего нет.

Девица изумленно вытаращилась на Эгги.

— Уж не хотите ли вы сказать, что станете употреблять спиртное после того, что случилось?

— Сейчас я нуждаюсь в нем больше, чем когда-либо. Употреблять? Разумеется! Стаканами, бутылками, ведрами!

— Так вы не хотите избрать путь трезвости? — Она говорила так, будто не верила своим ушам.

Теперь настала очередь Эгги изумленно вытаращиться и не верить своим ушам.

— Что-о? В такой момент? Когда каждый нерв в моем теле выдернут с корнем и завязан на сто узлов? Что за дурацкая мысль! Вы же разумная девушка, как вы можете предлагать такое? Разве вы не видите, как я потрясен, просто разбит вдребезги. Мои нервные узлы трясутся, как лимонное желе под ударами штормового ветра! Нет, вы даже не

представляете, насколько это ужасно… «Эгги, — сказал он, вот так прямо и сказал, — за тобой я пришел, Эгги, старина…»

Она в отчаянии махнула рукой, как дочь сельского викария, которая обнаружила, что существенная часть прихожан тайно исповедует сатанизм.

— Ладно, делайте, что хотите. Идите своей дорогой. В конце концов, это ваши собственные похороны…

— Не надо так говорить! — вскинулся Эгги.

— …но когда наступит самый страшный час — а он наступит, поверьте моему слову, — вспомните, что в Храме Нового Рассвета вас всегда ждет теплый прием. Даже самые жалкие отбросы человеческого общества могут найти там пристанище.

Девица развернулась и зашагала прочь, оставив Эгги в одиночестве. Он нерешительно взглянул пару раз на дом, словно прикидывал, не слишком ли опасно будет вернуться и опрокинуть еще стаканчик, и, видимо, решив, что слишком, поплелся на поиски новых доноров. Я, в свою очередь, дав малышу Кули еще четверть часа на то, чтобы появиться, также покинул свое законное жилище и вскоре, легко вскарабкавшись на крышу пристройки, вновь оказался в спальне, терзаемый голодом, как никогда прежде.

Как оказалось, вернулся я вовремя, ибо как только сел на кровать, услышал щелканье ключа в замке. На пороге стояла мисс Бринкмайер.

— Поспал? — спросила она. Дался ей этот сон!

— Нет, — ответил я несколько раздраженно.

— Почему?

— Я слишком голоден.

— Боже мой! Если ты хотел есть, надо было позвонить!

Она ушла, и вскоре в дверях появился лакей, судя по виду, филиппинец. И что бы вы думали, он нес на подносе? Горстку сухого печенья, стакан молока и блюдце с отвратительным сморщенным черносливом!

Разумеется, я попытался урезонить этого парня, всячески расписывая достоинства телячьих отбивных и мясных пирогов, но получал в ответ лишь «Извините, да», «Очень хорошо, привет» и «Нет, наверное, тоже», ну и прочее в том же роде. Отчаявшись чего-либо добиться, я усталым жестом отпустил его, мгновенно уплел все, что было на подносе, и погрузился в мрачные размышления.

В комнате сгущались вечерние тени. Когда они сгустились уже более чем ощутимо, я услышал шаги в коридоре. Через мгновение дверь распахнулась, и вошла Энн Баннистер.

10

Выглядела она чудесно. Для несчастного, который ожидал в очередной раз узреть перед собой мисс Бринкмайер, вид цветущего лица Энн был подобен манне небесной. Он согревал сердце, а я не стану скрывать, что оно у меня крайне нуждалось в тепле. Чернослив оказался слишком тяжелым испытанием.

— Как самочувствие, Джозеф? — дружески улыбнулась она.

— Умираю с голоду.

— А в остальном порядок?

— Вроде бы.

— Там, где был зубик, больше не болит?

— Нет, спасибо, совсем не болит.

— Вот и славно. Поздравляю вас, сэр, с отличной рекламой.

— Что?

— Помнишь тех репортеров?

— Ах, да.

— Кстати, я дала им все, что они просили. Вообще-то это работа твоего пресс-секретаря, но он вертелся, как белка в колесе, с этими Мичиганскими Матерями, и мне пришлось вмешаться, иначе тебя разорвали бы на части. Я им разрешила сказать, что ты полностью поддерживаешь президента. Правильно?

— Да, конечно.

— Замечательно. А то я мало что знаю о твоих политических взглядах. А насчет будущего кинематографа они записали что, по твоему глубокому убеждению, в надежных руках людей, подобных Т. П. Бринкмайеру, ему ничто не грозит. Лишняя реклама нашему старикану не повредит, так ведь? Ты его любишь, да и сестру его не мешало задобрить, особенно после того, как ты сунул ей в постель мексиканскую рогатую жабу…

— Что-о? — вытаращил я глаза.

— Как это, что? — удивилась Энн.

— Не подкладывал я ей никаких жаб!

— Неужели забыл? Никогда не поверю. Такой переполох устроил, все со смеху покатывались, кроме, разве что, самой мисс Бринкмайер.

Я закусил губу. Пожалуй, не будет большим преувеличением сказать, что я ужаснулся. Только теперь мне стало ясно, какую пропасть таила в себе ангельская внешность этого младенца. Надо же было так вляпаться! Если и существовал когда-нибудь на свете ребенок с прошлым, то это был

он, и нисколько неудивительно, что его имя не слишком популярно в некоторых кругах. Удивляет, скорее, как ему удалось до сих пор сохранить в целости свою шкуру.

Прежде мне и в голову не могло прийти, какие дьявольские страсти бушуют в мирном с виду доме, куда я попал. Проклятый сорванец был просто-напросто социально опасен, и теперь ясно, почему Бринкмайерша схватила меня за руку с таким видом, будто жалела, что это не горло. Особых симпатий она, конечно, не вызывала, не из тех она была женщин, но ее чувства я понимал, и ход мыслительных процессов в ее голове вполне мог проследить.

— Мне показалось, — продолжала Энн, — что похвала старику Бринкмайеру поможет ее немного умаслить. Как ты думаешь?

— Безусловно, — кивнул я, готовый на что угодно, лишь бы исправить ситуацию.

— Что касается послания народу Америки, то ты призываешь его сохранять мужество, потому что эра процветания вот-вот наступит. Не бог весть что, но ничего лучшего с ходу не придумалось. «Эра процветания грядет, обещает Джо Кули» — в заголовках смотрится не так уж и плохо.

— Наоборот, здорово, — кивнул я.

— А потом я позвонила в правление корпорации «Чудо-фрукты» и сообщила, что успех твоей хирургической операции связан, по твоему мнению, прежде всего с тем, что ты три раза в день ешь их чернослив.

Я дернулся, как от удара током.

— *Три* раза?

— Ну да, — удивилась она, — а сколько же?

— Три раза! — повторил я, потрясенный ужасной новостью.

Энн озабоченно нахмурилась.

— Что-то ты мне не нравишься сегодня, Джозеф. Ты на себя не похож. Сначала забыл про жабу, а ведь это был гвоздь программы на прошлой неделе… Теперь вот чернослив. Может, ты не совсем еще отошел от действия газа? Думаю, тебе надо хорошенько отдохнуть, ложись поскорей в постель.

— Как, в постель? — вскинулся я. — Так рано?

— Как всегда, — пожала она плечами. — Или это ты тоже забыл? Пойдем, я тебя выкупаю.

Казалось бы, после всех испытаний этого дня меня ничто уже не могло потрясти. Однако от ее последних слов стены комнаты завертелись вокруг меня, и глаза заволокло туманом. Энн прежде упоминала, что состоит при Джо кем-то вроде няньки, но я никак не мог предположить, что их

отношения носят настолько интимный характер. Мое чувство благопристойности решительно восстало против такого безобразия.

— Нет! — воскликнул я.

— Что еще за глупости!

— Нет! Ни за что!

— Ты должен принять ванну.

— Только не в твоем присутствии.

Энн явно была в замешательстве. Очевидно, подобных разногласий у них раньше не возникало.

— Ты можешь взять свою уточку, — нерешительно сказала она.

Я решительно отмел это заманчивое предложение.

— Никакие взятки не помогут. Ты не будешь меня купать.

— Ну же, пойдем!

— Нет! Нет! Тысячу раз нет!

Переговоры зашли в тупик. Энн смотрела умоляюще, но я был непреклонен. Тут открылась дверь, и вошла Бринкмайерша.

— Тебе пора… — начала она.

— Нет, и не просите!

— …принять ванну.

— Я как раз ему сказала, — вставила Энн.

— Тогда почему он еще не там?

Энн замялась. Я понял, что ей не хочется навлекать на меня гнев большой белой скво, и невольно испытал чувство благодарности.

— Не хочу! — перевел я огонь на себя.

— Не хочешь? — фыркнула она в своей неподражаемой манере. — Здесь никого не интересует, чего ты хочешь. Это вопрос…

— Приличий! — заорал я. — Существуют же принципы… правила морали, наконец! Ванна *qu* ванна, — я прибегнул к Плимсолловской латыни, — возражений у меня не вызывает, это даже приятно, но превращать ее в подобие вавилонской оргии…

Бринкмайерша недоуменно повернулась к Энн.

— Что он несет?

— Я не могу понять, — пожала та плечами. — Он сегодня вообще какой-то чудной.

— Пф! Мне его чудеса…

— Я хочу сказать, странный.

— Ничего странного! И докторишка этот туда же, мол, бред у него. Какой еще бред! Ребенок просто вконец испорчен, вот и все…

Я снова прервал ее. Вежливо, но твердо.

— Ванну я приму, но переступлю ее порог один!

— Ага, расплещешь воду и выйдешь, как будто выкупался! Нет уж!

С молчаливым презрением пропустив мимо ушей сию злобную инсинуацию, я подхватил пижаму и прошмыгнул в ванную, не забыв запереть за собой дверь. Действовать быстро и решительно, не давая противнику опомниться — только так и можно сладить с женщинами. Перед свершившимся фактом они беспомощны.

За дверью послышались выкрики Бринкмайерши, выдержанные преимущественно в уничижительном тоне, но шум воды, к счастью, вскоре заглушил их. Я наполнил ванну горячей, как кипяток, водой и с наслаждением погрузился в нее. Тюремщица продолжала что-то бубнить за дверью, кажется, по поводу грязных ушей, но я не обращал внимания. Подобные вещи с женщинами не обсуждают. Резиновая утка была гораздо интереснее — удивительно, но купаться с ней оказалось и впрямь здорово. В результате, напарившись всласть, я вышел из ванной совсем другим человеком. Моя нервная система полностью восстановилась, а к довершению счастья мисс Бринкмайер, как обнаружилось, уже покинула нас, вынужденная признать мое полное стратегическое превосходство.

Энн осталась, чтобы уложить меня, и сделала это так любовно, по-матерински, что я просто диву давался. Мне она и прежде нравилась, а было время, как вы знаете, и более сильных чувств, но вместе с тем я всегда чувствовал в ней… не то чтобы жесткость — скорее, некую бодрую уверенность и даже властность, что весьма характерно для американских женщин, самостоятельно пробивающих себе дорогу Мне это их качество никогда не нравилось, особенно в сравнении с удивительной нежностью и кротостью Эйприл Джун. Однако сегодня Энн была ни дать ни взять ангел-хранитель — чудеса да и только.

Она заботливо подоткнула одеяло, добродушно ворча:

— Ах, Джозеф, да что с тобой творится сегодня?

— Ничего, — буркнул я.

— Опять строишь из себя невесть что. Чудак ты, право. Зачем это тебе? Вот увидишь, однажды у мисс Бринкмайер кончится терпение, и она тебе всыплет по первое число. Странно, как ей до сих пор удавалось сдерживаться.

Кто бы стал спорить? Я и сам успел заметить, как рука Бринкмайерши не раз подозрительно дергалась, словно она едва сдерживалась, чтобы не отвесить мне хороший шлепок.

— Хм, — задумчиво произнес я.

— Да-да, так что я на твоем месте вела бы себя осторожней, —

погрозила пальцем Энн. — Шутки — дело хорошее, но надо ведь и меру знать. У тебя слишком развито чувство юмора. Ладно, спокойной ночи, весельчак.

— Спокойной ночи.

— Тебе удобно?

— Да, спасибо.

— Постарайся заснуть поскорей, малыш. Завтра у тебя трудный день. — Взгляд ее показался мне странно многозначительным. — Дел невпроворот, верно?

— Угу, — кивнул я, не желая выдавать свою неосведомленность.

— Для завтрашнего вечера все готово, я уже договорилась.

— Правда?

— Да. Ну, спокойной ночи.

Энн поцеловала меня в макушку и вышла, оставив меня в глубокой задумчивости. Одна из неприятностей моего превращения в малыша Джо Кули состояла в том, что половина того, о чем говорили окружающие, пока оставалось совершенно непонятным. Чертовски неудобно, но что поделаешь.

Так я лежал, отрешенно глядя в окно, давно уже превратившееся в черно-синий квадрат с россыпью звезд…

Внезапно звезды исчезли. Какое-то непрозрачное тело заслонило их от меня, а в придачу я услышал шорох ноги, перешагивающей подоконник.

Поспешно включив свет, я увидел мужчину. Крепкий, мясистый, он был одет в неброский серый костюм, а ноги заканчивались серо-зелеными носками в тон к модному галстуку и замшевыми туфлями…

Короче говоря, передо мной стоял третий граф Хавершот собственной персоной.

— Порядок! — довольно произнес он. — Вот и я.

11

Первое, что бросалось в глаза в этом пересмотренном и исправленном издании малыша Кули, было его полное спокойствие. Произошедшая путаница, похоже, нисколько на нем не отразилась. Он подошел к кровати и сел с таким видом, будто ничто на свете его не волновало. Видимо, жизнь в Голливуде настолько отучает принимать что-либо близко к сердцу, что, даже очнувшись в чужом теле, вы лишь невозмутимо замечаете: «О, чужое тело, вот как? Ну-ну…» — и отправляетесь по своим делам. Первая

реплика Джо касалась вовсе не случившейся путаницы, а моей новой диеты.

— Сливы! — передернул он плечами, взглянув на косточки от чернослива. — Ну конечно. Вряд ли кто-нибудь съел их больше за свою жизнь, чем я. Ну что ж, теперь твоя очередь.

Пробормотав еще что-то про шпинат, он извлек из нагрудного кармана несколько потрепанный рожок мороженого и Щелчком сбил с него пылинку.

Это зрелище потрясло меня до глубины души. Каждая клеточка моего тела затрепетала в жажде вкусить это божественное лакомство.

— Эй, дай лизнуть! — воскликнул я дрожащим голосом. Он без колебаний протянул мне мороженое. Сам сэр Филип Сидней, склонившийся над раненым солдатом, не мог бы быть внимательней.

— Не стесняйся, ешь все. Странное дело, я теперь не так уж за ним и гоняюсь. Раньше мог есть, пока не лопну, а сейчас… хоть бы их и вовсе не было. То же самое и с шоколадом, и с помадкой, и с тыквенным пирогом, и…

— Замолчи! — воскликнул я страдальчески.

— Что?

— Не надо о них! Я же не каменный.

— Ах, извини.

Наступила тишина. Он наблюдал, как я жадно поглощал мороженое.

— Забавно на тебя смотреть.

— На тебя тоже, — парировал я.

— Значит, оба хороши, — миролюбиво заключил он. — Интересно, как такое могло случиться? Просыпаюсь, комната не та, и врач не тот: сует мне стакан, говорит, полощи рот, и тут оказывается, что и я — вовсе не я… Гляжу в зеркало и вижу там тебя! Смех, да и только.

— Ничего смешного, между прочим.

— Может, и так, но в тот момент я здорово повеселился. Ага, думаю, где-то там ошибочка вышла. Ты можешь это объяснить?

Я сбивчиво изложил свою теорию насчет четвертого измерения.

— Да, сэр, чудеса… — задумчиво протянул он. — Наверное, так оно и было. Чего еще ждать при нынешнем президенте, всем на все наплевать…

— Ладно, неважно, как оно получилось, — перебил я. — Главное, что нам делать со всей этой чертовщиной?

Он пожал плечами.

— Тут уж ничего не поделаешь.

— Мы могли бы выступить с заявлением…

— Ага, что ты — это я, а я — это ты. И загреметь вместе в одну психушку.

— Думаешь, этим кончится?

— А ты как думаешь?

— Пожалуй, — согласился я, поразмыслив.

— Да, наверное, ты прав.

Да и кто бы мог сомневаться в его правоте; Мальчишка смотрел в корень. Тем, кто бегает и рассказывает подобные истории, одна дорога — в сумасшедший дом. Я по своей наивности полагал, что проблемы возникнут лишь с недоверием и равнодушием публики. Нет, все хуже. Они первым делом пошлют за смирительными рубашками и обновят войлок на стенах палаты.

— И вообще, — продолжал он, — мне спешить некуда. Так даже лучше, немного отдыха не повредит.

Несмотря на подаренное мороженое, я не мог не почувствовать досаду. Уж слишком он самодоволен, этот тип.

— Вот как? Лучше?

— Ага, — ухмыльнулся он. — Мне так хотелось поскорей стать большим, и вот он я — куда уж больше! Суперкласс! Короче, все тип-топ…

Мое раздражение еще усилилось. Его жизнерадостность просто бесила. Этот молокосос думал только о себе.

— Значит, тип-топ?

— Вот именно, тип-топ.

— Для тебя — пожалуй.

— Ну да, я о себе и говорю.

— А обо мне ты совсем не думаешь?

— О тебе? — удивился он.

— Да, обо мне! Потому что я, если хочешь знать, чертовски расстроен всей этой чехардой, и у меня складывается впечатление, что именно мне теперь придется отдуваться за всех! Жил в свое удовольствие, как британский лорд, вкусно ел, сладко пил, имел приличный доход и даже в гольфе уже считался не из последних, и тут вдруг… Как гром среди ясного неба! Теперь я младенец, которого так и норовят искупать женщины, и чье общественное положение не лучше, чем у какого-нибудь узника в Дартмурской тюрьме! Сделай то, сделай это… Заталкивают в машину, куда-то везут, тащат по лестнице, запирают в спальне…

Он вопросительно поднял брови.

— Ага, значит, уже познакомился со старухой? Я мрачно кивнул.

— За руку тащила?

— Ну да.

— Она всегда так. Сильная, как буйвол. Небось, три порции за обедом съедает.

— Дело не в силе, а в агрессии.

— Как?

— Я хочу сказать, — объяснил я, — что ее действия продиктованы злобой. Совершенно очевидно, что она тебя убить готова.

— Ну, в общем… мы никогда особенно не дружили.

— А почему? — прищурился я.

— Не знаю…

— А я знаю! Потому что ты никогда не старался ее задобрить. Надо было употребить такт и учтивость. Чуть-чуть сердечности с твоей стороны, немного духа сотрудничества, и она могла бы стать тебе второй матерью! Вот, например, ты хоть раз подарил ей большое красное яблоко?

— Чего? — вытаращил он глаза.

— Вот видишь!

— Да с какой стати?

— Чтобы задобрить! — наставительно поднял я палец. — Большое красное яблоко — самый надежный метод, спроси хоть в ближайшем детском саду, и самый простой в придачу. Давно бы уж сделал, и горя не знал… А вместо этого, — горько добавил я, — что ты суешь ей в постель? Мексиканских рогатых жаб?

Его лицо — бывшее мое — слегка порозовело от смущения.

— Ну… в общем…

— Вот об этом я и говорю!

— Подумаешь! Ну, жаба… Нормальному человеку не придет в голову обижаться из-за какой-то жабы.

— Пф! — презрительно отвернулся я.

— Ладно, извини.

— Теперь поздно извиняться. Ты ожесточил ее натуру.

— А пусть она не ожесточает мою! Эти чертовы сливы, этот шпинат…

Я снова фыркнул, с трудом сдерживая раздражение. Снова наступила тишина. Он задумчиво ковырял ботинком пол, я хмуро уставился в стену.

— Ну ладно, — сказал, наконец, Кули, бросив взгляд на часы — мои часы. — Пора мне валить отсюда. Только сначала скажи, твоя фамилия Хавершот, правильно?

— Да.

— Как она пишется?

— В кармане пиджака — футляр с визитками. Удовлетворенно кивнув, он нашел футляр, достал одну и начал рассматривать.

— Ого! Так ты, стало быть, из этих, из графьев?

— Ну да… то есть, был, — вздохнул я.

— На картинках они совсем другие — такие длинные, тощие и без подбородка.

— Я много занимался спортом, развивал мышцы.

— Значит, спортсмен? — уважительно протянул он.

— Вот именно! А теперь взгляни сюда! — с горечью бросил я, вытягивая вперед руку.

— Ну и что?

— Как это, что? На какое будущее могу я рассчитывать с такой рукой? О боксе или регби и говорить нечего, да и в крикете — какой из меня теперь подающий? В любительских матчах разве… Эта рука — ошибка природы, неудачный эксперимент. С ней остается лишь прозябать вместе с отбросами общества где-нибудь в четвертом дивизионе.

— О чем это ты? — не понял он.

— О том, — все больше распалялся я, — что меня ждет, когда настанет время идти в школу! Думаешь, мне хочется быть убогим дохляком, который поет в хоре, чтобы лучшие представители общества бились насмерть за право дать мне пинка?

— А ты думаешь, мне хочется, — отпарировал Кули, — ходить всю жизнь с такой физиономией? Да если…

— Не будем обсуждать мою внешность, — перебил я.

— Да уж, лучше не стоит. Господи, ну и рожа!

— Я бы попросил!

— Ты сам это начал.

Некоторое время мы молча мерили друг друга яростными взглядами. Потом он снова взглянул на часы.

— Все, побегу, надо еще успеть в Малибу к моему рекламному агенту.

— Зачем? — удивился я.

— Да так, перекинуться парой слов.

— В таком виде?

— Ничего, он поймет. Слушай, еще вопрос, я совсем забыл… Куда мне идти ночью?

— Как?

— В смысле, должен же я где-то спать. Ты где живешь?

— Я уже говорил тебе. У меня коттедж в Саду Гесперид.

— Ах, да! Тогда порядок. А тебе что-нибудь нужно от меня узнать?

Я задумался. На самом деле, конечно же, вопросов была уйма, но в тот момент в голову ничего не приходило. Наконец я вспомнил:

— Что там за статуя, которую нужно открывать?

— Статуя старика Бринкмайера.

— Понятно.

Вот, значит, в чем дело. Ну что ж, против этого я не возражал. Надо полагать, старик вполне заслужил такой знак уважения, хотя, с другой стороны, когда выглядишь, как воздушный шар, готовый лопнуть, надо трижды подумать, прежде чем решиться на подобное. Впрочем, его дело.

— Я что, сам должен ее открыть?

— Нет, конечно. Еще вопросы?

— А что за Мичиганские Матери?

— Делегация из Детройта. Ты должен с ними встретиться.

— Поклонницы?

— Они самые. Мичиганское отделение клуба почитательниц Джо Кули.

— Приехали оказывать мне почести?

— Вроде того. А ты их примешь.

— Ну ладно, с этим я как-нибудь справлюсь.

Он тут же воодушевился, используя удобный случай подбодрить меня.

— Ну конечно справишься! Тебе понравится, вот увидишь. Знаешь, ты не верь тому, что я тебе тогда в приемной наговорил. У меня просто настроение тогда было ни к черту, оттого что зуб болел. Совсем не плохо быть звездой. У тебя поклонников больше всех в стране! Знаешь, сколько писем одних приходит? И перед камерой играть роль очень интересно. Да, сэр, просто здорово! Тебе понравится, я точно говорю… Ну все, пока, а то я уже совсем опаздываю. Приятно было поболтать.

Перекинув ногу через подоконник, малыш Джо снова обернулся.

— Да, еще насчет мамаши Бринкмайер… Если тебе вдруг понадобится рогатая жаба, подойди к косоглазому садовнику с бородавкой на носу, он вечно где-нибудь тут ошивается. Скажешь, это для старухи, чтобы в постель подложить, он с тебя ни цента не возьмет.

Его лицо — мое лицо — исчезло в темноте, но через мгновение снова заглянуло в комнату.

— Слушай, я тут хотел тебя еще кое о чем предупредить… Завтра утром позвоню.

Я тревожно дернулся.

— Предупредить? О чем?

— Сейчас уже нет времени, потом расскажу. Жди звонка. Затем он

окончательно исчез, а я еще долго лежал, тревожно размышляя над его последними словами, которые прозвучали как-то уж очень зловеще. Однако постепенно природа взяла свое, и мой усталый организм наконец угомонился. Глаза незаметно сами собой закрылись, и я уснул. Первый мой день в качестве Джо Кули подошел к концу.

12

Думаю, каждому из вас приходилось просыпаться после кошмара, в котором вас преследовали свирепые тигры или подвешивали над костром кровожадные каннибалы, и, отирая пот со лба, говорить себе: «Уф, слава богу, это был лишь сон». Приятное ощущение, не правда ли?

Примерно то же самое я ощутил на следующее утро, когда, открыв глаза, припомнил странные события, изложенные в предыдущих главах. У меня словно гора упала с плеч, и в течение примерно пяти секунд мною владело чувство невероятного облегчения. «Ну и ну, — думал я, — приснится же такое! Чудеса, да и только».

Потом идиллия кончилась.

Первым, что заставило меня насторожиться, был рукав пижамы, торчавший из-под одеяла. Дело в том, что я несколько придирчив в отношении пижам и никак не принадлежу к числу тех, кто заскакивает на ходу в бельевой магазин и хватает что попало. Нет, моя пижама непременно должна быть шелковой и вдобавок с приятным живым рисунком. Рукав же, о котором идет речь, показался бы простым и грубым даже самому безразличному и лишенному вкуса наблюдателю, будучи пошит из какой-то дрянной патентованной шерсти и вдобавок окрашен в непонятный желтушно-зеленоватый цвет, заставлявший вспомнить лицо моего кузена Эгремонта за завтраком.

— Эге! — озадаченно произнес я. — Что еще за новости? Когда же мне в глаза бросилась хилая костлявая ручонка, которая высовывалась из рукава, все мигом встало на свои места. На сей раз даже зеркала не потребовалось. Рука и рукав информировали меня вполне официально, что тот якобы сон был вовсе не сон, я и вправду стал этим чертовым младенцем Кули вплоть до последней пуговицы и теперь снова буду вынужден ломать голову над тем, что теперь делать и чем все это кончится.

Удар оказался столь тяжел, что некоторое время я лежал в полной прострации, тупо глядя в потолок, будто подставился под правый боковой в матче с деревенским кузнецом. Однако слишком долго стонать и

пережевывать свои горести мне не дали. Не прошло и десяти минут, как возле кровати возникла незнакомая секретарша с ручкой и сотней-другой фотографий, которые я должен был подписать. Секретаршу сменил массажист, потом другой, занимавшийся исключительно лицом, и, наконец, парикмахер, уложивший в должном порядке мои золотистые локоны.

Я лежал слегка помятый и гадал, ждать теперь педикюрши или следующим пунктом программы будет инструктор по ритмическому дыханию, когда передо мной неожиданно предстал дворецкий.

— Доброе утро, сэр! — поклонился он.

— Доброе утро.

Мне было приятно вновь увидеть его. Как и накануне, круглая сияющая физиономия и обширный жилет этого достойного представителя породы английских дворецких немало способствовали восстановлению моего нормального самочувствия.

— Заходите, присаживайтесь, — гостеприимно предложил я, уже успев привыкнуть к тому, что моя спальня стала универсальным местом переговоров. — Или вы просто так заглянули?

— Я принес завтрак, сэр.

Завтрак в постели — всегда завтрак в постели, при любых обстоятельствах, и я совсем было воспрянул духом, но, взглянув на поднос, обнаружил там лишь стакан молока, нечто вроде кучки опилок и очередную партию проклятущего чернослива. Поистине сладостная весть для желудка, привыкшего мыслить в категориях яичницы и тушеных почек.

— Эй! — возмущенно воскликнул я.

— Сэр?

— Что это?

— Ваш обычный завтрак, сэр, — уныло доложил дворецкий.

— Черт побери! — прошипел я. Потом вздохнул. — Ладно уж, это лучше, чем ничего.

Мой земляк сочувственно наблюдал, как я жую опилки.

— Суховато, сэр?

— Мерзость какая, — сплюнул я.

— Говорят, полезно от лишнего веса.

— Они всегда найдут, что сказать.

— Называется «сбалансированная диета», — кивнул он. — Не очень-то приятно, когда джентльмен вынужден соблюдать такой, с позволения сказать, спартанский режим. Я хорошо знаю, какой аппетит бывает в юном

возрасте.

— Я тоже.

— Понимаю ваши чувства, сэр. Хоть вы и весьма значительная фигура в мире кинематографа, но тем не менее всего лишь ребенок, не так ли?

— И похоже, навсегда им останусь, если буду есть эту дрянь.

— Будь моя воля, я разрешил бы вам есть все что угодно. В конце концов, детство бывает лишь один раз.

— Или два.

— Что вы сказали, сэр?

— Нет, ничего.

— Вам бы сейчас хорошую порцию сосисок…

— Не надо, пожалуйста!

— Они там внизу как раз их едят. Сосиски с гречневыми оладьями.

— Вы что, издеваетесь?

— Нисколько, сэр. Просто мне пришло в голову… Если бы я мог рассчитывать на небольшую сумму в качестве компенсации за риск лишиться места, то решился бы, пожалуй, принести вам немного.

Чернослив обратился в пепел у меня во рту, что, впрочем, мало повлияло на его вкус.

— У меня нет денег, — признался я.

— Совсем, сэр?

— Ни единого пенни. Дворецкий вздохнул.

— Вот, значит, как. Что ж, очень жаль.

Я молча прикончил чернослив и отхлебнул молока. Деньги. Вот в чем корень всех моих проблем.

— А вы не могли бы дать мне взаймы?

— Нет, сэр.

Еще глоток. Дворецкий снова вздохнул.

— Мир полон печалей, сэр, — глубокомысленно заметил он.

— До краев.

— Посмотрите хотя бы на меня, сэр. Я бросил на него удивленный взгляд.

— А что с вами такое? По-моему, все в порядке.

— Если бы так, сэр.

— Вам-то чего слезы лить? Небось, завтракали, пока наружу не полезло.

— Вы правы, мой утренний прием пищи был вполне удовлетворительным… но разве в одном завтраке счастье?

— Ну да, есть ведь еще обед, не говоря уже об ужине.

— Боль изгнания, сэр, — объяснил он. — Горький хлеб чужбины. Отчаяние одиночества, вынужденного прозябать среди дешевых блесток и мишуры города, полного фальши, где трагедия скрывается за тысячами лживых улыбок.

— Вот как? — холодно заметил я.

У меня не было настроения выслушивать жалостливые истории. Не хватало еще, чтобы всякие дворецкие плакались мне в жилетку. Держать его за руку, утирать слезы и вообще быть родной матерью? Нет уж, спасибо!

— Вам, сэр, наверное, было бы интересно узнать, как я оказался здесь?

— Да нет, не очень.

— Это долгая история.

— Приберегите ее для зимних вечеров у камина.

— Хорошо, сэр. Ах, Голливуд, Голливуд… — Похоже, дворецкому не слишком здесь нравилось. — Блистательный вертеп, полный печалей, где таятся соблазны и застит глаза обманчивая слава, где души корчатся в огненной печи желания, где улицы омыты слезами оскорбленной невинности…

— Чище будут.

— Ах, Голливуд! — нимало не смутившись, продолжал он. — Обитель дешевого успеха и пышной нищеты, где пылает неугасимый огонь в ожидании все новых и новых наивных мотыльков, а красота распята на безжалостном колесе греха! С вашего разрешения, сэр, если вы закончили завтракать, я заберу поднос.

Он, наконец, убрался, а я, пользуясь отсутствием новых посетителей — видимо, такие передышки случаются даже у самых занятых людей, — вылез из постели, напялил дурацкую рубашонку с оборками и все те же короткие штанишки и спустился вниз посмотреть, как поживает семейка Бринкмайеров.

Завтракали они, очевидно, во внутреннем дворике, где неподалеку от пруда с золотыми рыбками стоял стол, накрытый белой скатертью. Мое сердце бешено заколотилось: на широком блюде в центре стола лежала одинокая сосиска! Эти пресыщенные обжоры даже не смогли все доесть, предоставив мне наслаждаться остатками своего пиршества.

Золотые рыбки в ожидании подплыли к краю бассейна, но мои потребности были важнее. Оглядываясь по сторонам, я поспешно дожевал сосиску, и рыбки с разочарованными гримасами уплыли на дно. На столе лежала утренняя газета, и мною овладело понятное любопытство. Поскольку теперь я владел на правах собственника предприятием Джо

Кули со всем движимым и недвижимым имуществом, новости, его касавшиеся, были и моими новостями.

Если эта газета могла считаться надежным индикатором общественного мнения, я пользовался большим успехом у прессы. Даже тяжесть на сердце и пустота в желудке не помешали мне с удовлетворением отметить, что мое имя вытеснило с первой страницы почти все остальные мировые новости. Там присутствовало дежурное сообщение о намерении президента — благослови бог старину Чарли! — потратить еще миллиард чужих денег на что-то там этакое, но кроме него я нашел лишь одну-единственную заметку, задвинутую в юго-восточный угол, которая не касалась малыша Джо Кули. В ней говорилось, что торжественное открытие статуи Т. П. Бринкмайера, главы компании «Бринкмайер-Магнифико», состоится сегодня в шесть часов вечера на территории киностудии.

Я стоя перелистывал страницы, одновременно высматривая, не осталось ли на тарелках еще чего-нибудь съестного, когда во дворик через стеклянную дверь вышел сам хозяин дома. Он был в халате и более чем когда-либо напоминал воздушный шар. Впрочем, на этот раз, не простой воздушный шар, а воздушный шар, терзаемый тайной мыслью. В его глазах застыло загнанное выражение. Он побродил немного вокруг бассейна, волоча за собой пояс от халата, потом подошел ко мне, нервно потирая руки.

— Привет!

— Доброе утро, — ответил я.

— Приятная погодка.

— Вполне.

— Ну что ж, молодой человек, день настал, — заметил он с каким-то болезненным хихиканьем, похожим на стон.

— Ага, — ответил я, поняв, что он имеет в виду статую, — повеселимся на славу.

— Скорее бы все закончилось, — пробормотал он и снова застонал.

Мне показалось, что он нуждается в слове ободрения. Видимо, мой работодатель принадлежал к породе людей, которые не слишком жалуют всякие сборища и публичные выступления.

— Выше нос, Бринкмайер! — сказал я.

— Что?

— Я говорю, выше нос! Не надо так нервничать.

— Не могу. Знаешь, что она сказала?

— Что?

— Мне придется надеть фрак и стоячий воротничок!
— Вы будете королевой бала, — усмехнулся я.
— И еще гардению в петлицу. И гетры! Она хочет меня разодеть, как бабу!
Бринкмайер снова забегал вокруг бассейна.
— Гетры, — повторил он, жалобно глядя на меня.
Ну сколько можно! Я что, всеобщая мамаша, чтобы каждого утешать и целовать больное место? Мне был симпатичен этот добродушный толстяк, но и своих проблем хватало с избытком.
— А вы как хотели? Явиться туда в халате и домашних туфлях?
Прозвучало довольно резко, но я, как упоминалось выше, был несколько раздосадован.
— Я все понимаю, — вздохнул он. — Но гетры!
— Даже великим приходилось носить гетры. Бринкмайер продолжал выделывать круги.
— Знаешь, что? Половина мировых бед происходит от излишнего честолюбия. Люди просто-напросто не могут остановиться.
— Метко сказано, Бринкмайер.
Он вдруг встал как вкопанный и воззрился на меня сквозь 0Чки совиным взглядом.
— Как ты сказал?
— Я сказал, «метко сказано, Бринкмайер». Есть о чем задуматься.
— Ты какой-то странный сегодня с утра, — хмыкнул он. Потом снова начал: — Да, честолюбие! Вот и меня тоже занесло…
— Да что вы говорите?
— Именно так. Я был совершенно счастлив в своем магазине верхней одежды, и лучше бы там и оставался. Так нет, понесло меня за каким-то чертом в этот кинематограф! А теперь посмотри на меня. Президент компании ценой в двадцать миллионов долларов…
Меня посетила великолепная идея.
— Может, дадите мне взаймы?
Он пропустил мои слова мимо ушей и продолжал:
— А что в результате? Теперь я должен выплясывать в гетрах перед толпой зевак, словно какой-нибудь герой-любовник! Раньше надо было думать! Так всегда и получается: стоит хоть чуточку продвинуться, как они начинают возводить статуи и все такое прочее. Только отвернешься, и на тебе! Ну почему я не остался с плащами и костюмами?
Его слова звучали так искренне, что я на время забыл о собственных несчастьях. Как все-таки мало знает окружающий мир о той

неудовлетворенности, которая кипит в сердце чуть ли не каждого обитателя Голливуда! Случайный гость с завистью наблюдает за ними, полагая, что, имея все на свете, они должны быть совершенно счастливы. И тем не менее… Эйприл Джун предпочла бы стать женой и матерью, малыш Джо Кули мечтал сбежать в Чилликот, штат Огайо, и наслаждаться там жареными цыплятами по-южному. Дворецкий, тот как будто тоже не слишком доволен жизнью. А теперь и Бринкмайер вздыхает по своим плащам и костюмам. Грустная картина, одним словом.

— Вот было времечко! — восклицал он. — Друзья детства, теплая компания… Принимай товар да болтай с покупателями…

Думаю, он еще долго бы распространялся на эту тему, уж слишком, видно, накипело, но тут из дома вышла мисс Бринкмайер, и последние слова ему пришлось проглотить. Он сразу как-то сжался и притих. Я тоже, как всегда в присутствии этой женщины, почувствовал некоторое замешательство.

Мы оба стояли, переминаясь с ноги на ногу, словно школьники, застигнутые директором за курением на углу крикетного поля.

— А, вот и ты, дорогая! — воскликнул Бринкмайер. — Мы тут беседуем с Джозефом…

— Вот как? — подняла брови мисс Бринкмайер. Подразумевалось, очевидно, что о вкусах не спорят. На меня она взглянула с явным неодобрением. Похоже, та рогатая жаба все еще ворочалась у нее в груди, и она пока не видела никаких оснований отказываться от устоявшегося мнения, что я представляю собой исчадие ада.

— Э-э… насчет статуи, — пояснил он.

— А что с ней?

— Ничего, просто разговариваем. Так сказать, обмениваемся соображениями.

— Я надеюсь, — прищурилась она, — он знает, что должен делать. С него станет испортить все торжество.

Я вздрогнул от неожиданности.

— О боже, неужели и мне придется участвовать?

На самом деле, на отсутствие опыта я не жалуюсь. Еще в бытность мою лордом Хавершотом люди так и норовили взвалить на меня свои проблемы. Но малыш Кули… Не думаю, чтобы нашелся ребенок, чья жизнь была бы полнее. Ни минуты покоя. Только покончишь с одним, так тут же другое.

Мисс Бринкмайер гневно воздела руки к небу. Щеки ее лихорадочно вспыхнули.

— Ради всего святого… только не говори мне, что ты все забыл, и это после того, как с тобой повторили каждый жест и каждое слово!

Я поспешил исправить ситуацию.

— Нет, конечно! Я помню, просто… вы же знаете, как бывает. Столько всего в голове, мало ли, вдруг вылетело что-нибудь… Может, стоит повторить самое главное, так сказать, для полной уверенности?

Бринкмайерша судорожно сглотнула, стараясь прийти в себя. Нервная особа, подумал я.

— Церемония начнется ровно шесть, — отчеканила она.

— Да, я знаю.

— Пока будут произносить речи…

— Я тоже?

— Нет! Только попробуй! — погрозила она пальцем. — Итак, пока произносят речи, ты будешь стоять сзади.

— Это я могу, — кивнул я, — нет проблем.

— После речей мистер Хейз снимет покрывало со статуи. В этот момент ты выбегаешь с букетом, вручаешь его мистеру Бринкмайеру…

Я нахмурился.

— Вы сказали, с букетом?

— Да, я сказала, с букетом.

— Черт!

— Боже мой, что опять не так? Это же так просто!

Верно, проще некуда. Вот так пара ослов из нас получится! Еще и букет… Я видел по выражению лица Бринкмайера, что он солидарен со мной в этом вопросе. Фрак, гардения в петлице, гетры и в довершение всего златокудрый малыш, выбегающий к нему с букетом. Легко понять, отчего уважающего себя солидного мужчину вдруг тянет вернуться в бизнес плаща и костюма.

Я бросил сочувственный взгляд на своего товарища по несчастью, который он, похоже, оценил. Мисс Бринкмайер продолжала:

— Протягиваешь букет и говоришь: «Вот вам цветоськи, мифтел Бьинкмайел!»

Ну ладно, это еще ничего. Текст, конечно, не блещет, но могло быть значительно хуже. Хорошо хоть, только одна фраза, да и та короткая. Такую роль я уж точно не провалю, хоть и не привык выступать на публике.

Я кивнул с умным видом.

— Понял, справлюсь. «Вот вам цветочки, мистер Бринкмайер».

Тут Бринкмайерша снова принялась за гимнастические упражнения,

выражавшие, видимо, крайнюю степень отчаяния. Так себя обычно ведут люди, у которых кончилось терпение.

— Господи боже мой! Да что ж такое творится! Ты что, в самом деле такой тупой или нарочно меня злишь? Я же тысячу раз повторяла: Не «цветочки», а «цветоськи»! Не «мистер Бринкмайер», а «мифтел Бьинкмайел»! Неужели так трудно запомнить? Мы столько сидели над этой фразой… над ней трудились самые высокооплачиваемые авторы компании… а ты собираешься взять и пустить все коту под хвост! Ты говоришь: «Вот вам цветоськи, мифтел Бьинкмайел»! И запомни: ни слова больше, никакой отсебятины, никаких дурацких шуточек!

— Ясно.

— Например, про мои гетры, — вставил Бринкмайер.

— Само собой.

— И не вздумай хихикать! Улыбаться можешь, но только не хихикать.

— Понял.

— Потом придержи немного…

— Букет?

— Да нет, сцену.

— Какую сцену? — не понял я.

Она снова взвилась, при этом отклонившись от темы:

— В ухо хочешь?

— Нет.

— Тогда нечего придуриваться! Вручаешь букет, говоришь текст, потом держишь кадр.

— То есть, стоишь на месте, — пояснил Бринкмайер.

— Вот именно! — рявкнула она. — Стоишь и ждешь поцелуя.

Я содрогнулся всем телом.

— Поцелуя?

— Я тебя поцелую, — произнес он странным сдавленным голосом, будто говорил из могилы. Глаза смотрели из-под очков затравленно и обреченно.

Меня все еще била дрожь.

— Вы меня поцелуете?

— Ну конечно, поцелует! — взвизгнула Бринкмайерша. — Сколько раз можно повторять? Ты человеческий язык понимаешь? Он — тебя — поцелует! Получится очень милая и трогательная сцена…

Я мучительно подбирал слова, чтобы выразить всю степень трогательности предполагаемой сцены, но тут в дверях появился лакей — тот самый, что приносил вчера ужин.

— Извините да возможно, — сказал он.

— Ну, что там еще?

— Парень за дверь, — объяснил он уже более внятно. Мисс Бринкмайер кивнула.

— Должно быть, новый учитель риторики, — сказала она, направляясь к дому. — Мне кажется, Теодор, вам следует еще раз все отрепетировать — такой болван способен перепутать что угодно. Вместо букета можете взять чашку.

— А можно не целоваться? — с мольбой в голосе спросил Бринкмайер. — Просто так, обозначить?

— Разумеется. Кому хочется лишний раз целовать этого маленького монстра!

С фырканьем произнеся последнее оскорбление, она вышла, оставив нас вдвоем. Я подождал, пока ее фигура скроется из виду, и обратил на хозяина дома стальной взгляд.

— Бринкмайер, — спросил я тихо, но твердо, — это ваша идея?

Он замотал головой, решительно отметая обвинение.

— Нет, разрази меня гром! Да будь моя воля, я бы к тебе и близко не подошел.

Я кивнул.

— То же самое. Я бы к вам тоже близко не подошел.

Мы обменялись взглядами, полными уважения, ощущая истинное родство душ.

— Может, просто пожать друг другу руки? — предложил я. — Или похлопайте меня по спине.

— Нет, — помрачнел он. — Я должен тебя поцеловать. Так она сказала. Ничего, сегодня все закончится. Придется потерпеть. Эх, и зачем я не остался с плащами и костюмами…

Однако меня по-прежнему переполняла решимость. Преступника следовало найти.

— Если это не ваша идея, то чья? Бринкмайер снова нахмурился.

— Твоего пресс-секретаря, — ответил он. — Все придумал Буч. Сказал, что это будет отличная реклама, черт бы его побрал. А Беула тут же ухватилась обеими руками. Проклятье! Я даже рад, что он получил по морде. Говорят, загадочная история, а для меня загадка, почему никто не догадался сделать это раньше!

Я вздрогнул. Его слова пробудили какое-то смутное воспоминание.

— По морде? Ему кто-то дал по морде?

— Ну да… Ты что, новости не читал?

— Не до конца.

— Вот, гляди! — воскликнул Бринкмайер, хватая газету и поспешно пролистывая ее. Его лицо мигом оживилось, глаза заблестели. — Вот, читай здесь!

Посреди страницы выделялся крупный заголовок:

СТРАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В МАЛИБУ
ТАИНСТВЕННЫЙ ДЕМОН ИЗБИЛ ДВОИХ

Далее шел репортаж:

«В ближайшем будущем Любви нет смысла осыпать розами Козмо Буча, известного рекламного агента, как, впрочем, и именитого продюсера Дикрана Марсупиала, поскольку ни один из упомянутых джентльменов не будет в состоянии оценить их аромат. В настоящее время оба они сидят дома, лелея распухшие носы, явившиеся результатом встречи с таинственным демоном.

Как в свое время заметил Фауст, бывают моменты, когда человек сам нуждается в содействии потусторонних сил, однако ни Козмо Буч, именитый рекламный агент, ни Дикран Марсупиал, известный продюсер, не испытывали подобной потребности, когда упомянутый демон посетил небольшой уютный коттедж на берегу пустынных волн Малибу. Джентльмены играли игрой в шашки и вовсе не нуждались в компании.

Свидетель

Подоплека произошедших событий, к сожалению, пока скрыта завесой тумана. На вопрос, заданный по телефону вчера поздно вечером, Козмо лишь что-то неразборчиво бормотал. От Дикрана также не удалось ничего добиться. Наш корреспондент оказался не в силах вникнуть в их странную бессвязную речь. К счастью, однако, ему удалось найти человека, который смог по всей форме — впрочем, чтобы говорить о форме, ему следовало бы отказаться от сладкого — доложить о том, что произошло, поскольку наблюдал все своими собственными глазами. Это Дж. Дж. Фрэмптон, хорошо известный широкой публике член Клуба писателей Голливуда.

Дж. Дж. сбит с ног

Наш общий любимец Дж. Дж., как все знают, заведует рекламным отделом «Чудесного экрана», элитного журнала, посвященного миру кино, и в тот момент по обыкновению проносился вихрем по побережью в поисках подписчиков и коммерческих клиентов, таким образом оказавшись в Малибу. Он как раз собирался навестить мистера Буча по поводу публикации в специальном выпуске и направлялся к дому, когда его внезапно кто-то грубо отпихнул и сбил с ног.

Перемахнул ограду

Дж. Дж. за свою жизнь повидал не так уж много демонов, и этот, по его словам, был ему совершенно не знаком. Могучего сложения, чертами лица напоминающее гориллу, существо было одето в неброский серый костюм и замшевые туфли, что характерно для демонов из высшего общества. Незваный гость с поразительной легкостью перемахнул ограду, отделяющую участок мистера Буча от пляжа, и стремительно проследовал в направлении крыльца.

В единый миг

Все произошло, по выражению Дж. Дж., не лишенного поэтического дара, «в единый миг». Демон метнулся к крыльцу и немедленно развеял предположение, если таковое и возникло у шахматистов, что он всего лишь надоедливый зевака, привыкший подсказывать ходы, заехав Козмо Бучу кулаком прямо в нос. Пока тот формулировал свой иск в Верховный суд с требованием признать данный акт неконституционным, громила успел проделать то же самое и с мистером Марсупиалом. Затем он поспешно скрылся через ворота.

Умалишенный?

Как уже было сказано, произошедшее по-прежнему окружено тайной. Пока нашему корреспонденту удалось добиться от жертв лишь следующего комментария: «Он дал нам по морде». Продолжить интервью

они оказались не в силах. Никто из них раньше не встречался с нападавшим и, как мы предполагаем, встречаться не собирается. Ближайшие их планы связаны лишь с желанием уменьшить распухание лица. Широкие круги общественности горячо обсуждают еще один аспект проблемы: почему, имея полную возможность атаковать любого из присутствовавших, демон оставил в покое Дж. Дж. Фрэмптона? Данный факт вызывает понятное беспокойство. Неужели в окрестностях появился психически ненормальный преступник?

Редакция намерена пристально следить за дальнейшим развитием событий».

Мистер Бринкмайер, читавший заметку через мое плечо, раздраженно заметил:

— Не понимаю, с чего им вздумалось называть его демоном? С какой стати? Нормальный парень, мне кажется. Пришел и выдал им по первое число! Мне бы хотелось с ним встретиться.

— Мне тоже, — согласился я, причем совершенно искренне. Встретиться и поговорить как можно скорее. Легко понять, что репортаж в газете вызвал у меня смешанные чувства. Хотя сам факт, что человек, из-за которого меня будет целовать президент компании «Бринкмайер-Магнифико», получил по морде, никак нельзя было назвать огорчительным, я не мог не видеть и другую сторону медали.

Даже переселившись в другое тело, вы не можете полностью освободиться от чувства ответственности за свою прежнюю оболочку, которой распоряжается посторонний человек, способный уронить ее репутацию и понизить социальный статус. Если подобные выходки будут продолжаться, то в самом скором времени родовой герб Хавершотов окажется навеки запятнанным — а как может быть иначе, если главу семьи с позором водворят в узилище без права внесения залога!

Срочно найти его и поговорить по-отечески, урезонить, призвать к благоразумию и сдержанности. Я старше и опытнее, и это мой долг.

Едва я успел принять сие мудрое решение, в дверях вновь появился давешний лакей и объявил:

— Телефон возможно скорее всего.

— Кого, меня? — спросил Бринкмайер.

— Нет, спасибо, пожалуйста. Молодой юнош. Я подпрыгнул от радости.

— Ага! Я как раз ждал звонка. Ведите меня к аппарату.

13

Телефон находился в холле в специальной кабинке. Войдя, я старательно прикрыл дверь, чтобы никто не слышал, и хищно сорвал трубку, горя охотничьим азартом:

— Алло! Алло!

По первым же словам стало ясно, что мальчишка находится на верху блаженства. Его голос возбужденно звенел.

— Алло, это ты?

— Да.

— Говорит сто пятидесятый герцог Хавершот!

— Не герцог, а граф, — поправил я. — Третий граф, идиот!

— Ну ладно, как там дела? Позавтракал уже?

— Да.

— Как чернослив?

— К черту чернослив! — прорычал я. Он противно захихикал.

— Привыкай, дружок. Хочешь угадать, что мне подали на завтрак?

— Не имею ни малейшего желания.

— Завтрак был на славу, можешь мне поверить. Слушай, ты газеты видел?

— Да.

— Про Ужас Малибу читал?

— Да.

— Реклама что надо. А ты что, боксом занимался?

— Да.

— Я так и подумал. Реакция — закачаешься.

— Правда?

— Да, сэр, и удар будь здоров. Вот удружил так удружил. Я их уделал, как бог черепаху. Ты бы видел… Бам! Бам! Так и повалились! Чуть не умер со смеху.

Я решил, что настал момент осадить младенца. Слишком уж он распелся, явно пребывая в убеждении, что в его жизни наступил самый счастливый и безоблачный день. Постаравшись, чтобы мои слова звучали как можно суровее, я заговорил:

— Ну-ну, посмейся, посмейся. В хорошенькую же историю ты вляпался!

— Чего?

— Что значит, чего?

— То есть, почему?

— Тебе хоть понятно, что ты в розыске?

— Ну и что? — хмыкнул он.

— Посмотрим, что ты запоешь, когда тебя возьмут за шиворот и бросят в каталажку за хулиганство!

Он расхохотался. Похоже, мои слова его лишь еще больше развеселили.

— Да ну, ерунда!

— Ты так думаешь?

— Конечно. Те двое придурков никогда меня раньше не видели. Ты же с ними не знаком, верно?

— Нет, не знаком.

— Ну вот.

— А если случайно встретишь их?

— Не узнают, не бойся.

— Еще как узнают!

— Ни за что. Тем более, без усов.

Из моей груди вырвался отчаянный крик.

— Только не усы!

Я так любил этот аккуратный пучок волос, холил его и лелеял, не расставался с ним в горе и в радости, растил и пестовал с неослабным упорством — с тех пор, когда он был всего лишь пушком на верхней губе, до нынешнего мужественного и зрелого состояния. И вот теперь…

Мой собеседник, очевидно, не был вовсе лишен здоровых человеческих инстинктов. В его голосе прозвучало искреннее раскаяние:

— Ничего не поделаешь, старина, придется.

— Я столько лет их растил!

— Все понимаю, но… Жаль, конечно. Слушай, знаешь, что? Я тебе разрешаю за это отстричь мои кудряшки!

— Ладно, спасибо, — вздохнул я.

— Не стоит благодарности.

Заключив, таким образом, джентльменское соглашение, он мигом оставил неприятную тему и перешел к более важным вопросам.

— Теперь вот что. Насчет той статуи…

Эти слова вернули меня к мыслям о моем печальном будущем.

— Да, черт побери! — с упреком воскликнул я. — Так оказывается, мне придется целоваться с Бринкмайером?

В трубке послышалось сдавленное хихиканье.

— Так тебя только это беспокоит?

— А как же! — Меня внезапно пронизал ледяной холод. — Ты хочешь сказать, есть что-то другое?

Он снова хихикнул. Довольно зловеще.

— Еще бы! Ты и половины не знаешь. Будь дело только в поцелуях, ты мог бы вопить от радости. Главное — статуя.

— Статуя?

— Да, сэр. Вся опасность в ней.

— В ней?

— Именно.

— Что ты хочешь этим сказать?

Я произнес это несколько иронически. Что за бред! Ну, статуя и статуя, какая, черт возьми, опасность может от нее исходить?

— Тебе нужно что-то делать, — продолжал он.

— Делать?

— Да, и срочно. Не теряя ни минуты. Во-первых, как-то пробраться на студию… Нет, прямо сейчас не получится, потому что у тебя урок риторики… Выходит, утро отпадает. Но днем, как только освободишься, первым делом…

— Да о чем ты толкуешь, черт побери?

— Я просто подумал… Нет, днем тоже не выйдет, сегодня Мичиганские Матери. Да-а… похоже, дело труба. Не повезло.

В моей душе зашевелилось смутное подозрение. Видимо, я уже привык со всех сторон ожидать неприятностей.

— Послушай, — начал я, — насчет этих Матерей… Ты сказал, я должен их принять. Мне что-нибудь нужно будет делать?

— Тебе — ничего. Они тебя просто поцелуют.

— Что? — дернулся я.

— Только и всего. Хотя, конечно, это отнимет время. Я потому и говорю, не успеешь ты статуе…

Опять дурацкая болтовня про статую! Сколько можно!

— Они меня *поцелуют?*

— Ну да, — хмыкнул он. — Встанут в очередь и будут целовать.

— А их много? — дрожащим голосом осведомился я.

— Да не очень, это всего лишь местное отделение. Думаю, сотен пять.

— Пять сотен!

— Максимум шесть. Но все равно это займет время. Так что со статуей…

— Ты хочешь сказать, что меня будет целовать Бринкмайер и шестьсот Мичиганских Матерей в придачу?

— Чертовски обидно, потому что за каких-нибудь пару минут можно было бы… Тряпка, капля карболки и… Короче, ты, главное, от всего отказывайся. В конце концов, откуда им знать, что это ты? Стой на своем, и все тут! Сработает, вот увидишь…

Первое потрясение прошло, и до меня начало понемногу доходить, что он хочет сказать.

— О чем ты?

— Я же говорю. У тебя нет времени все отмыть, так что единственный выход — не сознаваться.

— Отмывать?

— Ты что, не понял? Они все равно ничего не докажут…

— Что не докажут?

— Подозревать, конечно, будут, — не слушая, продолжал он, — но ты…

— Что подозревать?

— Это мог сделать кто угодно, так что стой на своем. Так и скажи: «Почему я? Это мог быть кто угодно». Пусть попробуют доказать!

— Что доказать, черт побери? — взбеленился я.

— Я же говорю, насчет статуи…

— Да объясни же толком!

— Позавчера, — перешел, наконец, к голым фактам мерзкий ребенок, — я намазал ей нос красной краской.

В тесной телефонной будке не так просто пошатнуться, но я сделал максимум того, что позволяли условия.

— Ты нарисовал ей красный нос?

— Да, сэр.

— Зачем, черт побери?

— Мне показалось, что будет забавно.

— Боже мой…

— Ну… ты сам понимаешь, когда перед тобой статуя, а рядом на полке стоят банки с краской, очень трудно удержаться.

Я вынужден был признать, что в его рассуждениях есть резон, однако, если отвлечься от чистой психологии, это нисколько не улучшало моего положения. Новость потрясла меня до глубины души.

— Боже мой, — повторил я, — что начнется, когда они увидят!

— Ага.

— Это же будет светопреставление!

— Шум точно поднимут, — согласился он. — Да, сэр, мало не покажется. Так и забегают. Крику будет… ое-ей. Но ты только не

сознавайся, стой на своем, и они отстанут.

— Хрена лысого они отстанут! Не валяй дурака! Никто и слушать не станет. Я здесь пробыл уже достаточно времени и немало наслышан о твоих фокусах. На твоей репутации клеймо негде ставить. Мисс Бринкмайер мигом поймет, что к чему. Встань я хоть на голову, все равно не поверит.

— Тогда я даже не знаю… — вздохнул он.

— Не знаешь, вот как?

— Нет, сэр. Раз уж не успеть туда с тряпкой и карболкой, ничего не поделаешь.

Просто возмутительное равнодушие!

— Как это, ничего не поделаешь? Надо…

— Что?

Я замолк, лихорадочно ища способы спасения. Потом вдруг меня осенило.

— Да я просто сбегу!

— Что, совсем?

— Да!

— И куда же?

В моем мозгу постепенно вырисовывалась четкая схема.

— Слушай внимательно! Тебе скоро придется вернуться в Англию…

— Зачем это? — удивился он.

— Как, зачем? Ты же там живешь.

— Ах, да… Я как-то не подумал.

— Нужно присматривать за поместьем…

— Чего? У меня есть поместье?

— Ну да, как же без него. И потом, положение в обществе обязывает, не говоря уже об арендаторах и всем прочем. Тебе так или иначе придется вернуться.

— Я не могу!

— Что?

— Да не могу, и все тут! — завопил он. — Что я понимаю в поместьях? Да еще эти арендаторы — они же меня на смех подымут! Только Англии еще какой-то не хватало…

— Ты поедешь, — твердо сказал я. — Все получится, вот увидишь, потому что я буду рядом и смогу тебе советовать. Сбегу отсюда, проберусь на корабль, и мы поедем вместе. Что-нибудь придумаем, например, усыновишь меня — старый Плимсолл знает, как это делается, — я поселюсь в Бидлфорде, поступлю, как положено, в Итон, потом в

Кембридж, буду управлять с тобой поместьем, а потом стану тебе опорой на склоне лет. Тебе останется лишь жить в свое удовольствие и лелеять свои старые кости.

— Такой план, значит…

— А что, разве плохой?

— Понятно.

— Но сначала, чтобы улизнуть отсюда, мне, само собой, понадобится некоторая сумма. Прямо сейчас пошли мне несколько сот долларов — с посыльным, в запечатанном конверте без надписи, чтобы хватило на дорогу до… Алло! Алло! Ты слушаешь?

Он не слушал. Мерзавец повесил трубку. Я вышел из телефонной будки, не помня себя от ярости и разочарования. Да, именно так, не помня себя. Все было кончено. Поступки человека говорят больше, чем слова, а судя по последнему поступку гнусного младенца — по его реакции на первое же упоминание о расходах, — он решительно и бесповоротно отказывался от всякого участия в совместном предприятии, не желая делиться ни единым пенсом.

Тем не менее деньги нужны были мне, как воздух. Грозовые тучи уже собрались на горизонте, и удар молнии не заставит себя ждать. Не нужно обладать слишком острым умом, чтобы, узнав о статуе, мигом сообразить, что единственный путь в такой ситуации — немедленное бегство.

Остаться здесь означало бы не только попасть под лавину унизительных поцелуев от Бринкмайера и ужасных Мичиганских Матерей — это я еще, стиснув зубы и собрав в кулак все душевные силы, мог бы вытерпеть, — но и навлечь на себя позор и общественное порицание на фоне красноносой статуи. Более того, за публичным позором несомненно последует приватное выяснение отношений с мисс Бринкмайер — женщиной, которая до сих пор удерживалась от того, чтобы надрать мне уши, лишь ценой невероятного усилия воли. Теперь же, будь ее сила воли даже воистину титанической, перспектива быть жестоко отшлепанным одежной щеткой выглядит для меня более чем вероятной.

Итак, необходимость достать деньги, и как можно скорее, встала передо мной со всей очевидностью. Однако столь же очевидным было полное отсутствие каких-либо финансовых источников.

Впрочем, остается еще Эгги. Нет никакого сомнения, что, будучи должным образом проинформирован о состоянии моих дел и о том, что лишь временная ссуда с его стороны способна послужить барьером, отделяющим возлюбленного кузена от одежной щетки, он пойдет мне навстречу. Но как установить контакт? Я не имел ни малейшего понятия,

где живет Эгги, а бродить с вечеринки на вечеринку в слепой надежде его встретить, не имел ни времени, ни возможности.

Тем не менее деньги нужны срочно. Еще несколько часов, и будет поздно.

Ситуация представлялась безнадежной. Вывод малоприятный, однако приходилось с ним смириться. Лунка далеко, лимит ударов исчерпан, оставалось лишь ждать и надеяться, что телефонный справочник или толстое полотенце, подложенные в мои короткие штанишки, помогут хоть немного смягчить неизбежное.

Погруженный в печальные размышления, я оказался возле двери в гостиную. Двери как таковой, собственно, не было, только проем, скрытый занавеской. Проходя мимо, я внезапно услышал голос.

— Ну, да, — произнес он. — Само собой.

Потрясенный, я замер на месте. Голос принадлежал Эгги.

14

Сначала я решил, что мне почудилось. Уж слишком вовремя он появился — как чертик из коробки, в тот самый момент, когда нужен больше всего. Будь я Аладдином с лампой в руках, и то бы так не удивился, когда из нее вдруг повалил дым.

Я на цыпочках подкрался к занавеске и осторожно заглянул внутрь.

Эгги, на этот раз никакого сомнения. Он сидел на краешке стула и посасывал набалдашник трости. Напротив сидела мисс Бринкмайер, спиной ко мне, но лицо Эгги я видел достаточно ясно. Как всегда в это время суток, оно отдавало зеленью, что, впрочем, не сильно его портило. Эгги принадлежал к числу тех, чьим выразительным аристократическим чертам зеленый цвет только идет.

— Рада, что вы согласны со мной, — говорила мисс Бринкмайер с необычным для нее дружелюбием, словно нашла, наконец, родственную душу. — Преподаватель риторики должен разбираться в таких вещах…

Загадка разъяснилась. Сложив два и два, я легко понял, в чем дело. Энн говорила, что нашла для Эгги работу, младенец Кули упомянул о сегодняшнем уроке риторики, а утром, когда пришел лакей с докладом, Бринкмайерша тоже сказала что-то в этом роде.

Так что все просто, и я нисколько не удивился, обнаружив Эгги в подобном качестве. С тех пор, как в фильмах появился звук, в Голливуде шагу не ступишь, если не потратишься на уроки правильного английского.

Предприимчивые британцы здесь так и кишат, и. не найдя другой работы, как правило, дают уроки дикции и риторики. Дипломы и рекомендации никого не интересуют, вполне достаточно быть англичанином. Я слышал даже об одном с заячьей губой, который тем не менее неплохо зарабатывал.

— В звуковых картинах, — продолжала Бринкмайерша, — правильное произношение — это все. Не помогут ни внешние данные, ни актерское мастерство, ни личное обаяние, если ваш голос отпугивает зрителей.

— Верно.

— Как, например, у этого ребенка. Вам случалось смотреть фильмы с его участием?

— Пока нет, — замялся Эгги. — Знаете, то одно, то другое…

— Вот видите! Вы ведь приехали из Англии…

— Да, конечно.

— Из Лондона?

— Да.

— И до сих пор, надо полагать, жили там.

— Более-менее.

— А фильмов с Джо Кули ни разу не видели. Вот что я имею в виду. Мистер Бринкмайер твердит, что голос у этого постреленка нормальный, мол, смотри, сколько он собрал в Канзас-Сити или там где-нибудь еще, и все такое прочее, а я отвечаю, что Америка — еще не весь мир.

— Вы совершенно правы.

— Нельзя сбрасывать со счетов Великобританию и колонии. В Лондоне у нас полный провал, говорю я мистеру Бринкмайеру, и вот теперь вы, англичанин, подтверждаете мои слова. Вы его даже не видели.

— Нет.

— Думаю, и никто у вас там не видел, судя по сборам. А почему? Потому что у него такой жуткий среднезападный акцент, пушкой не прошибешь!

— М-да…

— Я давно уже втолковываю мистеру Бринкмайеру, что, если речь мальчика хоть немного не отшлифовать, сборы начнут падать.

— Да, безусловно.

— Разумеется, речь вовсе не идет о постановке идеального оксфордского произношения. Существует ведь нечто среднее, как говорят образованные люди повсюду, к примеру Роберт Колман и другие.

— Угу, — снова кивнул Эгги.

— Вот этому я и хочу, чтобы вы его научили.

— Ясно.

— Впрочем, я не знакома с вашими методами, — продолжала она. — Мисс Баннистер сказала, что вы самый известный преподаватель в Лондоне и готовили даже дикторов для Би-Би-Си…

Эгги вздрогнул, едва не подавившись тростью.

— Э-э… Энн сказала? — промямлил он.

— Да. Она упомянула также, что у вас лучше всех получается сглаживать ланкаширский акцент. Вот я и подумала, что влияние Огайо также окажется вам по зубам.

— Само собой, — надул он щеки. — Посмотрим, что можно сделать… Э-э… как поживает мисс Баннистер?

Последнее его замечание, в отличие от других, было встречено отнюдь не благосклонно. Мисс Бринкмайер холодно выпрямилась, поджав губы. Не знаю, что она имела против Энн, но явно ее недолюбливала.

— Я еще не видела сегодня мисс Баннистер… — процедила она.

— Вот как?

— …а когда увижу, у меня будет, что ей сказать.

— Э-э… что-нибудь случилось? — заволновался Эгги.

— Я предпочла бы не обсуждать эту тему.

— Да, конечно, — смутился он.

Последовало молчание. Возникшая неприятная нота временно прервала нить беседы. Мисс Бринкмайер сидела насупившись и скрестив руки на груди, Эгги задумчиво сосал трость.

— Так вот, — снова начала она, — как я уже сказала, мне незнакома ваша методика. Не имею ни малейшего понятия, с какого конца специалисты обычно берутся за подобные проблемы…

Эгги воспрял духом.

— Могу объяснить, — перебил он. — Методов сколько угодно. Существуют самые разные школы. У одних, знаете ли, одна система, у других — другая… Лично я, например, предпочитаю начать с хорошей порции виски с содовой…

— Что?

— …или даже с двух порций. Это отлично освежает мозг и настраивает на процесс обучения. Так что, если у вас найдется шотландское виски…

— Не найдется.

— Тогда хотя бы ржаное, — нашелся Эгги.

Мисс Бринкмайер грозно нахмурилась.

— Мы не держим в доме спиртных напитков.

— Что, никаких? — изумился он.

— Никаких.

— О!

Что еще мог сказать человек, самые заветные мечты которого были так грубо и непоправимо разбиты?

— Мы с мистером Бринкмайером регулярно посещаем Храм Нового Рассвета.

— О? — повторил Эгги.

Он яростно припал к набалдашнику трости, будто пытаясь высосать из него хоть каплю укрепляющей влаги.

— Да, — величественно кивнула мисс Бринкмайер. — Мне стоило немалых трудов убедить брата примкнуть к числу последователей, но в конце концов он уступил и теперь во всем следует советам сестры Стотт.

Эгги вынул трость изо рта, выпрямился, прочистил горло и произнес чистым звучным голосом:

— Следует советам сестры Стотт!

— Да, именно так, — подтвердила Бринкмайерша.

— Вы слышите? — гордо спросил он. — Я могу это сказать.

— Не понимаю.

— Совсем неплохо, правда?

— Что неплохо?

— То, как я говорю. — До Эгги, наконец, дошло, что здесь требуются некоторые объяснения. — Мне просто вспомнился вчерашний разговор. Пришла девица и принялась нести совершеннейший вздор. Я ей сказал без единой запинки и про поросят, и про Берджесс-стрит, и все такое прочее, а она пыталась меня убедить, что это ровным счетом ничего не значит. Представляете? Сначала я немного испугался, но теперь вижу, чего стоят все ее фальшивые аргументы. Просто абсурдно подозревать, что с человеком не все в порядке, когда он может запросто сказать «на Берджесс-стрит стоял Освальд», а тем более такую заковыристую фразу, как «Следует советам стестры Стотт»… то есть, сестры Стротт… э-э… — Он сделал паузу, собираясь с силами. — Что может быть проще… Он стледует… э-э…

Эгги снова замолк с озабоченной гримасой на лице. Попытавшись снова начать фразу, он вдруг запнулся, выпустив изо рта воздух с каким-то свистящим звуком, и словно окаменел. Трость, вывалившись из ослабевших пальцев, с грохотом покатилась по полу. Он сидел неподвижно, делая судорожные глотательные движения и тупо уставившись на дверь. Туда, где из-за занавески выглядывал я.

Мисс Бринкмайер сидела ко мне спиной, но полагаю, что вид у нее был озадаченный. Во всяком случае, голос ее прозвучал несколько встревоженно:

— Что с вами, мистер Маннеринг?

Зелень на лице Эгги сменилась аристократической белизной. Я немного раздвинул занавески и ободряюще улыбнулся. Мне хотелось, чтобы он немного расслабился.

— Нет, — сказал он. — Нет, ничего.

— Вы плохо себя чувствуете? — настаивала Бринкмайерша.

Он снова сглотнул раз-другой.

— Нет, все хорошо, спасибо, — пробормотал он, мучительным усилием отводя от меня взгляд. — Если бы он только не ухмылялся…

— Как вы сказали?

— Зачем он ухмыляется?

— Кто?

— Нет-нет, никто, — вздохнул Эгги. — Все нормально. Но в этом есть что-то такое… жуткое… Розовые кролики — совсем другое дело.

Мисс Бринкмайер, кажется, начала понимать, что столкнулась с чем-то серьезным.

— Может быть, стакан воды? — предложила она.

— Что? Нет, спасибо.

Наступила тишина. Эгги снова вздохнул.

— Расскажите мне еще о Храме, — попросил он. — Пожалуйста. Меня он очень интересует. Та девушка так хорошо говорила о нем… Это ведь оздоровительное учреждение, я правильно понимаю? Если, допустим, человек — неважно, кто — чувствует, что несколько… э-э… увлекся, они помогут ему, да?

— Именно этим они и занимаются, — подтвердила мисс Бринкмайер.

— Даже если он слишком далеко зашел?

— Для сестры Стотт ничто не слишком. Даже самая жалкая развалина заслуживает спасения.

— Думаю, мне стоит пойти туда, — кивнул Эгги. — Конечно, я уже почти трезвенник, но проблемы с чертями еще случаются. Ничего серьезного, но немного раздражает. Где он, этот Храм?

— В Калвер-Сити.

— Там, наверное, нужны рекомендации и все такое?

— Нет, просто приходите, и все. В Храме всем рады.

— Очень хорошо.

— Однако у нас сейчас нет времени это обсуждать, — поджала губы

Бринкмайерша.

— Да-да, конечно.

— Я должна вас предупредить насчет мальчика. С ним нужна твердость.

— Вот как?

— Не позволяйте ему никаких вольностей. Если он почувствует слабину, могут быть неприятности.

— О! Крепкий орешек?

— Крепче не бывает. Не ребенок, а бешеный скунс в человеческом образе.

Такого уже никак нельзя было вытерпеть. Одно дело конструктивная критика, и совсем другое — грубые оскорбления. Я шагнул вперед.

— Что вы сказали? Бринкмайерша обернулась.

— А, вот и он!

— Боже мой! — воскликнул Эгги. — Вы тоже его видите?

— Простите?

— Вы видите этого чертенка? — показал он на меня. Она мрачно кивнула.

— Так и есть. Чертенок Джо Кули собственной персоной.

— Это он?

— А кто же еще?

— Пф! — Эгги, отдуваясь, откинулся на спинку стула и принялся утирать мокрое от пота лицо.

Мисс Бринкмайер бросила на меня неприязненный взгляд.

— У тебя кудри все развились. Неужели трудно причесываться как следует? Познакомься, это мистер Маннеринг, он попробует справиться с твоим акцентом. Скажи: «Здравствуйте, мистер Маннеринг!»

В такой малости я был готов ей уступить.

— Здравствуйте, мистер Маннеринг!

— Привет! — выдавил Эгги. — Если только ты не призрак.

— Ну что ж, — объявила мисс Бринкмайер, поднимаясь со стула, — теперь вы сами слышали. Предоставляю его в ваше распоряжение, а мне нужно отдать распоряжения кухарке. Делайте что угодно, хоть топором рубите, но избавьте его от этого ужасного гнусавого выговора.

Она вышла, а Эгги еще несколько минут отдувался, утирая лицо. Наконец он спрятал носовой платок.

— Господи, какое облегчение! Ну и напугал ты меня, нечего сказать. Приглядывай получше за своим астральным телом или как там оно называется — на цепь его посади, что ли… Известно ли тебе, что не далее

как вчера оно явилось ко мне и дунуло в левое ухо, чем не только напугало и расстроило меня, но и совсем сбило с толку, заставив принять в корне ошибочный взгляд на положение дел. Теперь, слава богу, все в порядке. Я вижу, что…

Мысли лихорадочно роились у меня в голове. Теперь, когда желанное чудо свершилось, и мы оказались наедине, надо придумать, как лучше подвести разговор к деликатной финансовой теме.

— …что все это лишь естественный психический феномен. Естественный психический феномен, — повторил Эгги, смакуя каждое слово. — Не буду утверждать, что я его понимаю… возможно, наши мозги просто не рассчитаны, чтобы это понимать… но думаю, такое бывает сплошь и рядом. И она еще пыталась меня уверить, что я конченый человек! Вот и верь после этого людям, мало ли что болтают! Они, конечно, хотят как лучше, но сами не знают, что говорят. Ты только представь себе, если бы все не разъяснилось, и я не понял, что это совершенно естественный психический феномен, я мог бы и в самом деле стать распроклятым трезвенником! Честное слово! Я уже почти решил, совсем настроился идти в этот чертов Храм Рассвета или как там его, и подписывать бумаги…

Я продолжал размышлять. Надо объяснить произошедшее как можно подробнее, четко и доходчиво. Не такая уж это и невыполнимая задача. Эгги хоть и сумасброд, но уж во всяком случае не скептик. Он верит всему, что пишут эксперты по скачкам в утренних газетах, так почему бы ему не поверить и в мою историю? Надо только правильно подготовить, так сказать, почву..

Эгги все занудствовал, теперь уже с ноткой раздражения:

— Ну и дура же эта девчонка! Ну хорошо, допустим, ее папаша и в самом деле видел розового кролика. Пускай даже тот попросил закурить, ну и что? Все ведь решают индивидуальные особенности: то, что заставляет одного видеть розовых кроликов, другому, который покрепче, будет совершенно нипочем. Тут и телосложение играет роль, и обмен веществ. У меня и то, и другое на уровне, так что мне беспокоиться…

Ладно, хватит об этом, — махнул он рукой, — а то так все утро можно проговорить. Пора заняться твоей дикцией… Ну что ж, паренек, я тебя слышал и думаю, старуха права на все сто: надо что-то предпринимать. Массаж, ампутация — что подойдет. Главная загвоздка, мне кажется, с четкостью звуков, а то ты их жуешь, как банджо с расстройством желудка. Стало быть, начнем. Повторяй за мной: «Здравствуй, рыжая корова, отчего глядишь сурово?». Итак…

Я принял решение. Не стану ходить вокруг да около, сразу выложу карты на стол. Потом можно будет объяснить все подробности, но начать следует с голых фактов, с того, что на юридической латыни старого Плимсолла называется *res*.

— Мне нужно вам кое-что сказать, — начал я.

— Вот-вот. Итак, «Здравствуй, рыжая корова…» Давай, повторяй за мной, не стесняйся! Ну-ка, вместе, раз, два: «Здравствуй… рыжая… корова…» Ну, что же ты? «Здравствуй…

Решительно отклонив попытку сбить меня с выбранной темы и заставить ублажать его сомнительными сентенциями, я продолжал:

— Эгги, послушай, я — твой кузен Реджи Хавершот!

Он сразу умолк, словно получил пулю в лоб. Моргнул несколько раз, потом спросил осевшим глухим голосом:

— Ты что-то сказал?

— Да. Я — твой кузен Реджи Хавершот, — повторил я с ободряющей улыбкой. — Просто моя душа вселилась в чужое тело.

На этот раз Эгги молчал долго, будто впитывая мои слова каплю за каплей. Потом, когда я уже решил, что смысл сказанного успешно дошел до его сознания, испустил продолжительный дрожащий стон и, безнадежно махнув рукой, поднял с пола шляпу и трость.

— Все, конец, — произнес он. — Сдаюсь. Если будут справляться, я в Храме Нового Рассвета. Письма пускай адресуют сестре Стотт.

Сгорбившись и уронив голову, он исчез за занавеской.

— Эй, постой! — отчаянно воскликнул я, бросаясь следом, но внезапно врезался во что-то твердое и массивное.

В глазах потемнело, однако причина этого обнаружилась очень скоро: моя голова уткнулась в человеческий живот. Отступив на шаг, я поднял взгляд. Передо мной возвышалась внушительная фигура дворецкого.

15

— Уфф! — выдохнул он, морщась и потирая ушибленное место. — Уфф..-

Находись я по-прежнему в своем джентльменском обличье, то наверняка остановился бы для слов утешения, поскольку удар был вне всякого сомнения, не из слабых. Лицо моего соотечественника налилось краской, а глаза еще больше выпучились и обильно слезились. Однако на этот раз я не располагал временем, чтобы обмениваться любезностями с

дворецкими. Мне позарез нужно было догнать Эгги и продолжить объяснения.

С этой целью я метнулся к парадной двери, однако мой кузен уже успел скрыться из виду. Растворился в пространстве, не оставив следов.

В препаршивом настроении я поплелся назад в холл. Дворецкий стоял на прежнем месте, уже, впрочем, несколько придя в себя. Щеки его потеряли пунцовый оттенок, и жилет свой он мял не столь усердно. Прислонившись к стене, он глубоко дышал, помогая своему, без сомнения, здоровому организму окончательно справиться с потрясением.

Я мрачно покосился на него, не находя в себе сил простить столь несвоевременное вмешательство. Не стой он на дороге, я легко мог бы возобновить разговор с Эгги, снабдив свое заявление, как сказал бы Плимсолл, дополнительными доказательствами. А теперь все кончено. Эгги исчез безвозвратно, как утренняя роса под лучами палящего солнца. Черт бы побрал всяких дворецких, которые лезут, когда их не звали, — таков примерно был ход моих мыслей.

— Сэр, — внезапно подал он голос.

Я снова бросил на него грозный взгляд. Беседовать с этим человеком мне уж никак не хотелось, я собирался уединиться и предаться печальным размышлениям.

— Могу я поговорить с вами, сэр? — продолжал он. Я молча прошел мимо.

— У меня возникла одна мысль, сэр. Относительно того дела, которое мы обсуждали за завтраком…

Я не обернулся.

— Финансовый вопрос, сэр.

Ничто другое не смогло бы меня остановить. Но тут я остановился и даже обернулся.

— Вы хотите сказать, что нашли способ пополнить мои сбережения?

— Да, сэр. Мне кажется, я знаю, как решить вашу проблему.

Я удивленно поднял брови. Дворецкий не производил впечатления особенно умного человека, однако, если верить его словам, он преуспел там, где наверняка опустили бы руки даже выдающиеся мыслители.

— Вы знаете, вот как?

— Да, сэр.

— Надо полагать, по зрелом размышлении вы решили, что можете одолжить мне небольшую сумму?

— Нет, сэр.

— Что же тогда? — нахмурился я.

Он заговорщически оглянулся, сначала в одну сторону, потом в другую. Заглянул в гостиную. Бросил взгляд на лестницу.

— Мне это пришло в голову за чисткой столового серебра, сэр.

— Что пришло?

— Мысль, сэр. Я давно уже заметил, что мой мозг работает быстрее всего, когда я чищу серебро, сэр. Видимо, регулярные повторяющиеся движения способствуют мышлению. Его светлость часто замечали, что…

— К черту его светлость! Что за мысль?

Дворецкий снова принялся за свои шпионские игры. Потом прикрыл рот рукой и едва слышно прошептал:

— Зуб, сэр!

— Суп? Какой суп? — не понял я.

— Не суп, сэр. Зуб!

— Зуб?

— Да, сэр. Когда я чистил серебро, мне пришла мысль о зубе. Блеснула, как молния, сэр.

Я не уловил в его словах никакого смысла. Он вел себя, как дворецкий под мухой. Однако как дворецкий может быть под мухой в такой ранний час? На такое едва ли способен даже Эгги.

— Какой зуб?

— Ваш, сэр. — Его глаза лихорадочно заблестели. — Тот, который у вас, сэр!

Я продолжал доискиваться истины.

— У меня? Вчера у меня вырвали зуб…

— О нем я и говорю, сэр! Вам его дали?

— Дали? Наоборот, вырвали!

— Совершенно верно, сэр, только когда я был ребенком и ходил рвать зуб, врач обычно отдавал его мне потом, чтобы хранить вместе со всякими безделушками. Вот я и подумал…

— Нет, — покачал я головой, — что за ерун… Ах да, конечно, черт возьми! Он у меня в коробочке… Вот.

Я порылся в кармане и достал ее. Дворецкий испустил радостное восклицание.

— Вот и замечательно, сэр, — с облегчением сказал он, словно дворецкий, у которого камень с души свалился.

Я по-прежнему ничего не понимал.

— Ну и что?

Он снова вообразил себя секретным агентом. Посмотрел туда, посмотрел сюда. Проверил здесь, проверил там. Потом прошептал что-то,

но так тихо, что я совсем уж ни черта не разобрал.

— Не валяйте дурака, говорите громче! — рявкнул я. Он нагнулся, приблизив губы к самому моему уху.

— Этот зуб золотой, сэр!

— Вы хотите сказать, в нем золотая пломба?

— Нет, деньги.

— Что?

— Да, сэр. Вот что внезапно пришло мне в голову за чисткой серебра. Сначала мой мозг представлял собой, как говорится, чистый лист, а потом вдруг — озарение! В тот момент я как раз протирал кубок, который мистер Бринкмайер выиграл на ежегодном гольф-турнире киномагнатов, и этот кубок просто выпал у меня из рук. «Лопни моя селезенка!» — воскликнул я…

— Как?

— «Лопни моя селезенка», сэр — любимое восклицание его светлости в минуты волнения. «Лопни моя селезенка! — воскликнул я. — Зуб!»

— И что?

— Вы подумайте, сэр, подумайте! — возбужденно зашептал дворецкий. — Вспомните, как высоко ваше положение в глазах общественности. Вы — Кумир Американских Матерей, а почитатели знаменитостей готовы на все, чтобы добыть в качестве сувениров вещи, принадлежавшие их любимцам. За одну лишь пуговицу от брюк Фреда Астера была выплачена немалая сумма, весьма немалая, уверяю вас, а что такое пуговица по сравнению с зубом!

Мое тело пронизала дрожь. Я, наконец, понял.

— Так вы думаете, его можно продать?

— Без всякого труда, сэр, без всякого труда.

Дрожь усилилась, кровь застучала в ушах. Этот человек возрождал мои надежды.

— А кто купит?

— Да кто угодно, сэр! Любой богатый коллекционер… но это потребовало бы времени. Я бы предложил обратиться в какой-нибудь популярный журнал. «Чудесный экран» напрашивается сам собой. Сильно удивлюсь, если они не выложат хотя бы две тысячи долларов.

— Вы думаете?

— Да, сэр, легко, причем вернут себе эти деньги в десятикратном размере.

— Неужели?

— Ну конечно, сэр, — снисходительно заверил он. — Скорее всего,

устроят конкурс среди читателей. Будут брать, к примеру, по доллару с каждого участника, а зуб получит тот, кто правильно ответит на вопрос, ну, там… верно расставит кинозвезд в порядке их популярности или что-нибудь в этом роде.

У меня голова шла кругом. Я чувствовал себя так, будто поставил на аутсайдера в главном забеге, и он идет к финишу на три корпуса впереди всех.

— Две тысячи долларов? — В это трудно было поверить.

— Больше, сэр. Пять как минимум, но только если за дело возьмется опытный посредник.

— Вы знаете такого?

— М-м… если вы не против, сэр, я бы мог взяться и сам.

— А вам не трудно?

— Я буду счастлив услужить, сэр. За обычное комиссионное вознаграждение.

— А сколько это?

— Пятьдесят процентов, сэр.

— Так много? У моего знакомого писателя есть литературный агент, так он работает всего за десять.

— Литература — совсем другое дело, сэр. Зубы ценятся куда дороже.

— Нет, пятьдесят не пойдет, — решительно покачал я головой. — В конце концов, это мой зуб.

— Однако вам самому неудобно его продавать, — возразил он.

— Я знаю, но тем не менее…

— Вам нужен кто-то, умеющий торговаться.

— А вы умеете? — хмыкнул я. Дворецкий снисходительно усмехнулся.

— Если бы вам, сэр, довелось услышать, как я торгуюсь с местными поставщиками, вы бы не сомневались ни минуты.

Я задумчиво пожевал губами. Переговоры, наверное, зашли бы в тупик, но мой собеседник неожиданно сам сделал шаг навстречу.

— Ну хорошо, сэр, не будем спорить. Двадцать процентов вас устроят?

Эта цифра показалась мне разумной.

— Вполне.

Он тяжело вздохнул.

— Конечно, двадцать процентов с такой сделки вряд ли сделают меня богатым человеком, но будь по-вашему. В таком случае я попрошу вас передать мне коробочку с зубом и присовокупить к ней документ,

подтверждающий подлинность, написанный вашей рукой. Издатели крайне придирчиво относятся к подобным вещам, особенно после того, как «Экранные иллюзии» погорели на футболке Кларка Гейбла, оказавшейся подделкой. Вот ручка, сэр. Вы можете написать несколько слов прямо на коробке.

— Э-э… что-нибудь вроде… «Собственный зуб Дж. Кули. Подлинность удостоверяю». И подпись. Годится?

— Прекрасно, сэр, прекрасно. Благодарю вас. Я отправлюсь в редакцию журнала немедленно по завершении обеда. К сожалению, до тех пор официальные обязанности не позволят мне отлучиться из дома.

Несколько часов спустя я прогуливался во дворе возле бассейна, весело напевая себе под нос. Обед был позади, а вместе с ним — и мои неприятности. Будущее, еще недавно затянутое тучами, теперь было озарено золотым сиянием.

Как просто и изящно разрешил все проблемы этот замечательный дворецкий! Я не смог бы отдать свои дела в более подходящие руки. Он будто всю жизнь только и занимался, что продажей чужих зубов. Мигом позвонил в «Чудесный экран», условился о встрече, не забыв оговорить, чтобы сумма была выплачена мелкими купюрами, и тут же отправился в редакцию заключать сделку.

Несмотря на отвратительный обед, в котором тема шпината была раздута до издевательских пропорций, и болезненную пустоту в желудке, я чувствовал себя, как заново родившийся ребенок. Бодрость и оптимизм переполняли мою душу. Даже если дворецкий окажется не таким уж и кудесником и сумеет выбить из издателя лишь пару тысяч, денег все равно за глаза хватит для моих целей, при том, что его спокойное уверенное лицо выдает человека, который своего не упустит и сумеет настоять на предельно высокой цене.

Таким образом, как уже было упомянуто, я весело напевал себе под нос и, наверное, продолжал бы в том же духе еще какое-то время, если бы мое внимание не привлек странный прерывистый свист, доносившийся из кустов по ту сторону лужайки. Я было подумал, что звуки издает какая-то местная птичка, однако вслед за свистом раздался женский голос:

— Эй, Джозеф!

Голос принадлежал Энн, и я пошел узнать, что она хочет.

Кусты росли так густо, что вначале я никак не мог ее разглядеть. Потом Энн, наконец, выглянула, и я понял, что она, вслед за дворецким, тоже решила поиграть в секретную службу. Многозначительно подмигнула, приложила палец к губам и скривила лицо в зловещей гримасе.

— Ш-ш… — хрипло прошептала она.

— Что?

— Тихо! Ни звука!

— В чем дело?

— Где мисс Бринкмайер?

— Не знаю, а что?

— Мы в стане врагов, юный Джозеф! Говори тише, ибо даже стены здесь имеют уши. У меня есть для тебя пирог со свининой.

Я был растроган, как никогда в жизни. Казалось, даже моя преданность Эйприл Джун отступила в сторону под натиском чувства благодарности к этой славной девушке. Только теперь я смог заглянуть в тайные глубины ее натуры.

— Он у тебя с собой? — весь дрожа, спросил я шепотом.

— Нет, в доме.

— А какой он?

— Самый большой, какой только бывает.

— Вот здорово!

— Тише! Тише! Ты уверен, что ее нет поблизости?

— Я не видел.

— Наверняка откуда-нибудь выскочит… Ага!

Со стороны дома послышался скрипучий голос, и, обернувшись, я и в самом деле заметил проклятие здешней округи. Бринкмайерша высовывалась из окна второго этажа. Вид у нее был злобный и подозрительный.

— Что это ты там делаешь? — крикнула она.

Явно подразумевалось, что делаю я то, чего делать не должен. Отсутствие доверия и элементарной доброжелательности ощущалось даже на таком расстоянии.

Наступил момент, требовавший скорого и творческого мышления.

— Рассматриваю жука! — крикнул я в ответ.

— Кого?

— Здесь жук. Я его рассматриваю.

— Никаких жуков у меня в доме!

Я удивленно поднял брови. Разумеется, без всякого толку:

Бринкмайерша была слишком далеко.

— Зачем мне нести его в дом? Я просто наблюдаю за его повадками.

— Да? Ну хорошо, только смотри не извозись весь.

Ее голова скрылась, и Энн снова выглянула из кустов, словно лесная нимфа.

— Вот видишь! За каждым твоим шагом следят. Нести тебе пирог, юный Джозеф, все равно что доставлять донесения через линию фронта. Я собиралась оставить тебя здесь, в кустах, и сбегать в дом, но теперь нельзя: она увидит в окно. Знаешь что, ты лучше прогуляйся по лужайке и незаметно спрячься в купальной кабинке, там и жди.

Вы представляете, каково мне было не спеша прогуливаться по саду. Каждая минута, отделявшая меня от пирога со свининой, казалась часом. Подойдя к кабинке, я уже был сам не свой. Там оказался садовник, мывший пол шваброй.

— Добрый день, сэр, — кивнул он.

Чистота его произношения удивила меня: судя по лицу, он был совершенный японец, и я ожидал услышать что-нибудь вроде звуков, которые издают копыта буйвола, бредущего по болотной трясине. Однако обращать на это внимание было некогда, потому что я хотел отделаться от него как можно скорее.

— Вы еще долго тут будете? — спросил я.

— Вам нужна кабинка, сэр?

— Да.

— Я уже почти закончил, сейчас ухожу.

Он еще пару раз махнул шваброй и ушел. Я успел заметить бородавку на носу и догадался, что это тот самый человек, о котором говорил Джо Кули. У меня вдруг возникло острое желание завести беседу о рогатых жабах. Окно, из которого высовывалась мисс Бринкмайер, было вторым справа от окна моей спальни, так что теперь я знал, как найти место, где упомянутые амфибии могли принести больше всего пользы. После сегодняшней выходки старуха, безусловно, заслужила хороший урок. Однако я пересилил себя и вошел в кабинку.

Энн не заставила себя долго ждать. Я радостно вскочил, но мечтам моим не суждено было сбыться. В руках у нее оказался лишь букет роз. Я тупо воззрился на них.

— Извини, — сказала Энн, заметив мое состояние. — Придется еще подождать. Когда я вышла в холл, она как раз спускалась по лестнице. Пришлось сунуть пирог в китайскую вазу. Как только горизонт очистится, я его заберу, не переживай.

Я изо всех сил старался не переживать, но разочарование оказалось таким сильным, что, видимо, все-таки отразилось у меня на лице. Энн улыбнулась.

— Хочешь посмеяться? — сказала она. — Эти розы — как думаешь, кто их тебе прислал?

Я равнодушно пожал плечами. Какая разница, кто их прислал. Розы — не слишком приятная замена мясному пирогу

— Кто?

— Эйприл Джун.

Мою апатию как рукой сняло.

— Да что ты говоришь? — глупо улыбнулся я.

— Она самая, — кивнула Энн. — Я так и думала, что тебя это позабавит.

Какой уж тут смех. Она поняла мою реакцию совершенно превратно. Я был глубоко тронут. Мысль о том, что Эйприл Джун, несмотря на свою вечную занятость, нашла время, чтобы послать цветы больному — или даже не очень больному — ребенку, привела меня в священный трепет. Я даже забыл о терзавшем внутренности голоде.

В этом благородном поступке была вся Эйприл Джун. Ее нежная душа воспринимала как свои собственные все требования этикета. Прежняя привязанность вновь безраздельно воцарилась в моем сердце.

— Да вот, взяла и прислала розы, — усмехнулась Энн. — Совесть, небось, замучила.

— Совесть? — переспросил я холодно, потому что тон у нее был сухой и неприятный. Теплые чувства, вызванные пирогом, улетучивались на глазах, и тайные глубины ее натуры казались уже далеко не столь глубокими. Пустая и легкомысленная девица, больше ничего. — Совесть? Что ты имеешь в виду?

Энн вздернула брови.

— Разве она не в долгу перед тобой после того, как вломилась в твою коронную сцену и пыталась попользоваться чужой славой? Такой пройдохе и пресс-секретарь ни к чему, она прекрасно сама справится.

— Не понимаю.

Она вдруг рассмеялась.

— Ну конечно, тебе ведь ничего не сказали! Вчера, когда ты был под газом, она ворвалась в зубной кабинет и принялась вопить: «Где мой маленький друг? Я хочу его повидать!», заламывая при этом руки и принимая театральные позы. При этом бросала многозначительные взгляды на репортеров, которые не замедлили заснять ее в шести эпизодах,

включая то, как она нежно целует в лоб твое распростертое тело. Когда ее вежливо выпроваживали, она тряслась от рыданий. Дрова на постном масле!

Я снова смерил ее ледяным взглядом. Последнее выражение, которое она употребила, было для меня новым, но догадаться о его смысле не составляло труда. Такой грубый и оскорбительный тон вызывал у меня полное неприятие.

— Поступок Эйприл Джун представляется мне поистине ангельским, — произнес я строго.

— Что? — Энн, казалось, не верила своим ушам.

— Именно так. Другого слова не подберешь. Много ли девушек с ее положением пожертвовали бы хоть крупицу своего драгоценного времени на поцелуи в лоб?

Энн с изумлением воззрилась на меня.

— Ты что, шутишь?

— Нисколько.

— Как, ты разве не считаешь ее гадиной?

Услышав в первый раз это чудовищное определение в адрес моей любимой, — от Джо Кули за чтением «Нэшнл джиографик», — я, как вы помните, сумел подавить справедливый гнев и первым протянул оливковую ветвь, но мое нынешнее настроение никак не позволяло такое вытерпеть.

— Хватит, — сказал я. — Перестань оскорблять эту замечательную девушку, или тебе лучше уйти.

Энн вспыхнула, она была явно задета, однако я хорошо понимал, что причиной было вовсе не раскаяние, а уязвленная гордость.

— Вот как? — фыркнула она. — Ну что ж, если ты так хочешь… Ладно, пока.

— Всего наилучшего.

— И даже не надейся теперь на пирог, ни кусочка не получишь!

Признаюсь, я заколебался. Удар был силен. Но и мы, Хавершоты, не из слабаков.

Я небрежно махнул рукой, по крайней мере, так небрежно, как мог.

— Твой пирог, тебе и решать.

Повернувшись к выходу, Энн остановилась, всем своим видом выражая нерешительность. Лучшие чувства, видимо, не совсем еще умерли в ее сердце.

— Он такой вкусный, и вообще… Я не снизошел до ответа.

— …ты же сам считаешь ее гадиной, — продолжала она. — Сто раз

мне говорил.

— Лучше оставить эту тему.

— Ладно, как хочешь.

Энн ушла, и я снова предался размышлениям.

На душе у меня скребли кошки. Только теперь, оставшись один и имея возможность полностью сконцентрироваться на предмете, я осознал, что значил для меня мясной пирог. Он так и стоял у меня перед глазами, а мысль о том, что Эйприл Джун так никогда и не узнает, чем я ради нее пожертвовал, жгла как огнем.

Я покинул кабинку, вышел на солнечный свет и, затянув пояс в надежде заглушить муки голода, пошел куда глаза глядят Внезапно что-то мягкое под ногами заставило меня опустить взгляд. Оказалось, я забрел на цветочную клумбу рядом с невысокой стеной, окружавшей усадьбу Бринкмайеров. Уже разворачиваясь, чтобы уйти, ибо, вне всякого сомнения, топтать клумбы здесь значило играть с огнем, я внезапно заметил голову. Голова поднялась над стеной и произнесла: «Фу ты!» Видение оказалось столь неожиданным, что я испуганно застыл на месте.

Голова была рыжая, круглая, с торчащими ушами и напоминала античную вазу с двумя ручками. Принадлежала она веснушчатому мальчишке довольно нахального вида с пятнистым лицом. Смотрел он в мою сторону явно угрожающе.

— Фу-ты! — повторил мальчишка.

Он был мне совершенно не знаком, как, впрочем, и большинство людей в этом новом для меня мире. В то же время, Джо Кули его, несомненно, хорошо знал. Судя по поведению и тону, он был одним из тех, кого мой предшественник в свое время обидел словом или действием.

Мое молчание явно подбодрило противника.

— Фу-ты! — снова сказал он. — Маленький лорд Фаунтлерой!

Я ощутил растущее раздражение. Поначалу я не пришел ни к каким определенным выводам в отношении юного выскочки, однако теперь явственно осознал, что он со всей определенностью нуждается в хорошей выволочке. Унизительный эпитет «маленький лорд Фаунтлерой» пробил защитную броню и угодил в самое сердце, ибо с самого момента пробуждения в кресле Б. К. Буруоша золотистые локоны малыша Джо Кули были для меня источником постоянного стыда. Бешенство мое было столь сильно, что я несомненно перемахнул бы через стену и отколотил обидчика, не останови меня тут же мысль о жалкой хилой ручонке, которая утром сокрушила мои иллюзии. Пытаться отколотить ею кого бы то ни было означало лишь выставить себя на посмешище. Вздохнув, я вынужден

был отказаться от мысли о решительной битве.

Пришлось ограничиться словесной перепалкой.

— Фу-ты! — ответил я, справедливо полагая, что данное выражение не защищено авторскими правами.

— Фу-ты, ну-ты! — развил тему он.

— Фу-ты, ну-ты! — молниеносно парировал я.

— Фу-ты, ну-ты! Хлюпик! Кисель! Размазня!

Я почувствовал, что теряю позиции. Незнакомец радостно продолжал:

— Кудрявый ангелочек! Девчонка!

Тут мне, на счастье, припомнилось выражение, употребленное однажды в «Трутнях» Долби Фодерингей-Фипсом по адресу Жмотти Проссера, когда последний отказался одолжить ему десять шиллингов до будущей среды. Жмотти тогда чертовски разозлился.

— Конопатый урод! — бросил я.

И, как оказалось, попал прямо в точку. Мой противник вспыхнул, как маков цвет. По всей вероятности, человеку с пятнистым лицом не слишком приятно, когда окружающие обсуждают, насколько он пятнист.

— Выходи! — истерически выкрикнул он. — Я тебе задам! Что, струсил?

Я молча пощупал руку в надежде, что она все-таки на что-то годится. Но нет, предплечье было тонким, как спичка, а бицепс скорее напоминал прыщик. Никакой надежды.

— Боишься? — бесновался рыжий. — Трус! Слабак! Внезапно решение вспыхнуло в моем мозгу, как молния.

Как уже было замечено, я стоял на цветочной клумбе. В центре клумбы красовалось приземистое апельсиновое деревце, увешанное, благодаря щедрому калифорнийскому солнцу, множеством твердых шишковатых плодов. Этот факт совершенно изменил соотношение сил. Апельсины! Как раз то, что надо.

Сорвать один и метнуть в цель было делом одной секунды, и представьте мое удовлетворение, когда я убедился, что малыш Джо Кули со всеми его физическими недостатками обладал невероятными способностями к стрельбе апельсинами. Сам Давид, готовясь к выяснению отношений с Голиафом, не мог похвастаться такой подготовкой. Мой снаряд угодил рыжему мальчишке точно в нос, и, прежде чем тот успел оправиться от удивления и испуга, я поразил его еще трижды: в левый глаз, в правый глаз и в подбородок, в вышеозначенном порядке. Быстро нарвав еще фруктов, я продолжил заградительный огонь.

Все оказалось просто. Интеллект — всегда интеллект. Неискушенные

дикари скачут, выкрикивая угрозы и уповая на ближний бой, а хитроумные представители просвещенной расы остаются в стороне и предоставляют грязную работу артиллерии, вынуждая неприятеля чувствовать себя идиотом. Рыжеволосый противник выдержал лишь еще с полдюжины залпов, а затем предпочел отступить, признав мое полное стратегическое превосходство и получив вдогонку последний апельсин в качестве подзатыльника. Последний, ибо, размахнувшись для очередного броска, я ощутил железные тиски на своем запястье и обнаружил, что болтаюсь в воздухе, словно муха на рыболовном крючке.

— Господи ты боже мой! — воскликнула мисс Бринкмайер, — Что за ребенок! Стоит на минуту потерять его из виду, как он тут же принимается озоровать. Ты погубил мое апельсиновое дерево!

У меня в легких не хватало воздуха для полноценной защитительной речи, поэтому, видимо, даже не поняв того, что я лепетал про необходимую самозащиту, разгневанная тюремщица поволокла меня к дому.

— Отправляйся в свою комнату, — велела она, предварительно отпустив еще несколько замечаний в уничижительном тоне, — и не смей оттуда показываться, пока не придет время ехать в студию!

Не слишком-то радостное возвращение домой для того, кто проявил блистательную находчивость в трудной жизненной ситуации и одержал столь знаменательную победу, но спорить, увы, не приходилось. Бринкмайерша была явно не расположена воспринимать мои аргументы. Отконвоировав меня в спальню, она величественно удалилась, хлопнув дверью. Я лег на кровать и предался размышлениям в очередной раз.

Кто был тот рыжий пятнистый тип, и в чем причина его столь очевидного отвращения к Джо Кули? Репутация последнего легко позволяла предположить, что у жертвы оспенной эпидемии были вполне достаточные основания для неприязни, но я тем не менее нисколько не жалел, что выдал ему по первое число. В конце концов, он задел мою честь. Не все замечания можно простить, и если судьба вынудила вас пребывать в обличье ребенка с золотистыми кудряшками, то «маленький лорд Фаунтлерой» — одно из таковых.

Однако давешняя сцена и моя заслуженная слава недолго занимали мои мысли. Внезапно, будто кто-то нажал кнопку, болезненное чувство голода вновь напомнило о себе. Я безуспешно боролся с ним, когда за дверью послышались шаги, и вошла Энн.

— Вот ты где спрятался, глупенький. На, держи, не хватает У меня духу тебя мучить.

И она сунула мне что-то в руку. Это был большой сочный мясной пирог.

Я потерял дар речи. В такие моменты просто нечего сказать. Поднес пирог ко рту и впился в него зубами…

Внезапно дверь распахнулась, и в комнату ворвалась торжествующая Бринкмайерша. Леди Макбет показалась бы радом с ней нежной голубкой.

— Так я и думала! — провозгласила она. — Я с самого начала подозревала, что это вы проносите ему еду. Вы уволены, мисс Баннистер!

Я стоял на распутье. Две альтернативы открывались передо мной: перестать есть и попытаться заступиться за Энн, употребив все красноречие, которое мне доступно, или продолжать вгрызаться в пирог, чтобы успеть проглотить побольше, прежде чем его вырвут у меня из рук.

Благородство возобладало. Я заступился.

Разумеется, из этого ни черта не вышло. Лучше бы мне промолчать и потратить силы на то, чтобы взять свое, пока позволяли обстоятельства. Приговор был вынесен и обжалованию не подлежал. Действуя из добрых и гуманных побуждений, моя благодетельница в результате получила пинок под зад. Мне же, как всегда, велели замолчать. Пирог был конфискован, и я вновь остался один.

Уныло проклиная все на свете, я принялся мерить шагами комнату, что неизбежно привело меня к окну. Оказавшись у окна, я выглянул наружу. Внизу, возле пристройки, подстригал кусты косоглазый садовник с бородавкой на носу.

Я застыл на месте, осененный идеей, и через несколько мгновений уже был на крыше пристройки, привлекая внимание садовника приглушенным «Эй!».

17

Ход моих размышлений, запущенный взглядом на косо-бородавчатого садовника, можно вкратце изложить следующим образом. Согласно заверениям Джо Кули, этот честный малый имел в своем распоряжении рогатых мексиканских жаб и готов был поставлять их бесплатно и с доставкой за свой счет с тем единственным условием, что они будут предназначаться для постели мисс Бринкмайер. Припомнив это, я вдруг понял, что у меня нет причин отказываться от его услуг.

То, что Бринкмайерша крайне нуждалась в рогатой жабе для своей постели, не вызывало никаких сомнений. Вряд ли на свете существовала

женщина, которая в меньшей степени на это напрашивалась. А теперь отпало и единственное возражение против такого шага — опасность разоблачения и неминуемой расплаты. Данный аспект проблемы можно было целиком сбросить со счетов, поскольку, когда разразится гроза, меня здесь просто-напросто не окажется. Как только явится дворецкий с деньгами, я избавлю этот дом от своего присутствия. Вступив в контакт с низшими формами жизни, мисс Бринкмайер вооружится одежной щеткой и поспешит ко мне, но обнаружит комнату пустой, а постель — нетронутой.

Вот почему я спрыгнул на крышу пристройки, подполз к краю и произнес «Эй!», в ответ на которое садовник с готовностью подошел, ожидая распоряжений.

Убедившись, что, лежа на животе и осторожно заглядывая вниз, вполне возможно можно вести плодотворную беседу и оставаться незамеченным со стороны, я не стал тратить время на околичности и сразу взял быка за рога.

— Послушайте, — сказал я, — мне нужна рогатая жаба. Лицо садовника выразило вежливый интерес.

— Для обычных целей?

— Да.

— Требуется быстрая доставка?

— Немедленная.

Мой собеседник вздохнул.

— К сожалению, в данный момент рогатых жаб нет в наличии.

— Вот черт!

— Я мог бы предложить лягушек, — внес он более оптимистическую ноту.

Я подумал.

— Лягушки, пожалуй, подойдут… если только они скользкие.

— В высшей степени, сэр. Самые лучшие. Если вам будет угодно подождать, я принесу их прямо сейчас.

Он ушел и вскоре вновь появился с закрытой корзинкой в руках, которую вручил мне, попросив, чтобы я ее вернул, потому что его напарник держит в ней бутерброды. Получив необходимые заверения на этот счет, услужливый малый вернулся к своим обязанностям.

Парадный туалет мисс Бринкмайер, разложенный на кровати в ее спальне в полной готовности к вечернему событию, заставил меня слегка изменить план. Выпустив по лягушке в каждый из дамских ботинок, я затем распределил остальных среди различных предметов белья. Мне пришло в голову, что психологический эффект в этом случае должен

оказаться сильнее, чем если бы лягушки обнаружились под одеялом.

Ожидавший корзинку садовник вежливо выразил надежду, что все прошло удачно, и я вновь поразился чистоте его выговора, так не вязавшейся с японской внешностью.

— Вы удивительно хорошо говорите по-английски, — заметил я.

Садовник, казалось, был польщен.

— Очень любезно с вашей стороны, — ответил он, улыбнувшись с еле заметным самодовольством, — но вы, мне кажется, слегка заблуждаетесь. Мой грим заставляет предположить иностранное происхождение, однако это вовсе не так.

— Как, вы не японец?

— Только внешне. Мой сценический образ служит целью привлечь внимание мистера Бринкмайера. Находясь в услужении, знаете ли, гораздо легче попасть хозяину на глаза. «Бринкмайер-Магнифико» собирается делать картину на японский сюжет, и я надеюсь получить небольшую роль.

— Понятно… — Я пробыл в Голливуде достаточно, чтобы ничему не удивляться. Здесь слишком многое оказывалось не тем, чем оно казалось. — Значит, вы актер?

— Играю характерные роли, — кивнул он. — Возможно, мне представится удобный случай разыграть сценку, которая произведет впечатление на мистера Бринкмайера. Правда, теперь я понимаю, что лучше было устраиваться в домашний штат прислуги, у них гораздо более тесный контакт с хозяевами. Больше всего я завидую Чаффинчу.

— Чаффинчу? — переспросил я.

— Дворецкому, — пояснил он. — Вот кому повезло!

— Но разве он актер?

— Конечно, а как же. На самом деле, почти вся прислуга крупных киномагнатов состоит из характерных актеров. Единственный способ попасться на глаза, знаете ли. В ролевые агентства обращаться бесполезно: они записывают ваше имя, и дело с концом. В Голливуде царит полный хаос, вся система никуда не годится.

Я восхищенно покачал головой.

— Будь я проклят! Ловко же он обвел меня вокруг пальца!

— Он может, — кивнул фальшивый садовник.

— Я мог бы поклясться, что он настоящий. Этот живот, осанка, глаза навыкате…

— Да, у него отличные внешние данные.

— И все эти разговоры насчет «его светлости» и прочего…

— Он всегда очень добросовестно передает характер. Настоящий

артист.

— Да, черт по… — Я вдруг запнулся. Меня посетила ужасная мысль. — Вот, держите корзину, мне нужно срочно позвонить.

Запрыгнув в окно и сбежав по лестнице в холл, я кинулся к телефонной будке, даже не подумав, что скажу Бринкмайерше, если она меня там застанет. Меня распирало от дурных предчувствий, и я скажу, почему.

Доверив этому Чаффинчу переговоры о продаже зуба, я строил всю свою стратегию на том, что он действительно дворецкий. Порядочность английских дворецких вошла в поговорку, ни одна из социальных групп не пользуется таким безоговорочным доверием. Настоящий дворецкий скорее даст себя убить, чем опустится до чего-либо, даже отдаленно похожего на плутовство.

В то же время, мой опыт общения с мелкими актерами оставил меня в глубоком убеждении, что все они нечисты на руку. Возможно, я в какой-то степени нахожусь под действием предубеждения, с тех пор как еще в университетскую пору один из членов труппы, гастролировавшей с «Брошенной невестой» по провинциальным театрам, обчистил меня в Ньюмаркете в игру под названием «Персидский шах», но факт остается фактом. «Реджинальд, — сказал я себе после того случая, — остерегайся актеров, они все с душком».

Вот почему, когда я лихорадочно листал телефонную книгу в поисках номера «Чудесного экрана», мою душу терзали смутные опасения. Вдобавок только теперь меня, словно дубинкой по голове, ударила мысль о том, что даже этот проклятый «Экран» находится на другом конце города, Чаффинч давно уже должен был вернуться. Отправился он туда сразу после обеда, а сейчас уже пятый час, причем отправился не пешком, я своими глазами видел, как он садится в такси.

Наконец я нашел номер, и в других обстоятельствах благоговейный тон, которым было встречено мое имя, доставил бы мне немалое удовольствие, но сейчас слава нисколько не волновала меня. Я хотел убедиться, что все в порядке.

Однако убедился в совершенно обратном. Через минуту гром грянул: редактор сообщил, что полтора часа назад лично передал моему агенту пять тысяч долларов мелкими купюрами. Когда же, стараясь сдержать дрожь в голосе, который ходил ходуном, я спросил, сколько времени заняла бы поездка от редакции до моего дома на такси, мне сказали — десять минут. Получив ответ, я оборвал дурацкую болтовню на другом конце провода насчет интервью, фотографий и посланий американскому

народу и повесил трубку.

Ошибки быть не могло, факты говорили сами за себя. Моей доверчивостью беззастенчиво воспользовались. Слепо положившись на бесчестного Чаффинча, я оказался обманут, околпачен, обведен вокруг пальца. Без сомнения, этот демон в обличье дворецкого сейчас уже на всех парах мчал на восток с добычей в кармане, и догнать его не представлялось возможным.

На телефонной кабинке в холле определенно лежало какое-то проклятие. Я входил в нее уже дважды, и потом выходил, не помня себя. В первый раз корчился в муках, и в этот раз корчился точно так же. От мысли, что денег не будет, и надежда вырваться отсюда в безбрежный мир свободы рассыпалась в прах, я шатался, как Эгги в свой день рождения.

Потом мне в голову прокралась на мягких лапках другая мысль. Опьяненный уверенностью, что смогу быстро улизнуть из опасной зоны, я напустил в спальню мисс Бринкмайер лягушек.

Не тратя время на бесплодные сожаления, я сорвался с места. В холл к телефону я бежал со всех ног, но теперь несся обратно вверх по лестнице еще быстрее. Даже самое богатое воображение отказывалось представить, что случится, если лягушек срочно не удалить и мисс Бринкмайер успеет их обнаружить.

Не знаю, случалось ли вам собирать лягушек. Это, безусловно, один из самых непростых видов собирательства. Цветы — нет ничего проще, лесные орехи — раз плюнуть, но справиться с целым взводом молодых полных жизни амфибий, да еще в ситуации, когда время работает против вас, — это задача, требуюшая недюжинной ловкости и умения. Работу еще больше усложнял тот факт, что я толком не помнил, сколько их было всего. Садовник снабдил меня живым товаром от души, и я разбрасывал его щедро и беспечно, как сеятель зерна, даже не подумав сосчитать. Проблема переписи тогда не казалась сколько-нибудь актуальной. Только теперь, задумчиво почесывая подбородок и мучительно стараясь вспомнить, исчерпывали ли те шесть, что шевелились у меня в кармане, весь список личного состава, я осознал, как опасно проявлять легкомыслие в подобных вопросах.

Так я стоял, глубокомысленно морща лоб, и стоял бы неизвестно еще сколько, если бы мои размышления не прервали звуки, донесшиеся снизу, из сада. Звуки впечатляли. Шум и крики, как пишут в театральных ремарках. Больше всего впечатлял истошный женский визг.

Будь это в два часа пополуночи, я бы и ухом, как говорится, не повел.

Голливуд есть Голливуд — просто какие-нибудь соседи решили устроить вечеринку. Однако в такое время вечеринки еще не начинались, а если это не вечеринка, тогда что?

В следующее мгновение я уже высовывался из окна. Передо мной расстилались обширные травянистые пространства, в центре был мраморный бассейн, но я видел лишь его часть, потому что вид закрывала беседка, увитая плющом. Визг и крики исходили как раз с той стороны, поэтому вначале издававшая их особа женского пола оставалась для меня загадкой. На основании имеющихся у меня фактов можно было заключить лишь, что с легкими у нее все в порядке.

Дополнительная информация, впрочем, не заставила себя ждать. Из-за бассейна на хорошей скорости вылетела мисс Бринкмайер, а за ней по пятам — смутно знакомая фигура в неброском сером костюме. Когда нижние конечности последней мелькнули в свете вечернего солнца, я заметил, что они заканчиваются серо-зелеными носками и замшевыми туфлями.

Не думаю, что найдется много людей, которым приходилось выглядывать из окна второго этажа, наблюдая, как они сами бегут вокруг бассейна в погоне за женщиной среди их лет. Могу авторитетно заверить, что впечатление не из слабых. Несколько даже выбивает из колеи. Однако в то же время — в высшей степени занимательно. Принимая во внимание характер моих отношений с мисс Бринкмайер, которая с самого момента моего пребывания в заключении упорно обращалась ко мне самой темной и непривлекательной стороной своей натуры, легко понять, что я наслаждался спектаклем от всей души. До такой степени, что испытал немалое раздражение, когда бегущих вновь скрыла беседка с плющом. Когда же вслед за этим до моих ушей долетел громкий всплеск тяжелого тела, упавшего в воду, я даже застонал от разочарования, поняв, что пропустил самый интересный момент.

Впрочем, разочарование тут же вытеснили другие мысли. В частности, простая цепь рассуждений приводила к выводу, что, упав в бассейн, мисс Бринкмайер вскоре появится в своей спальне, чтобы переодеться. Поэтому я, хоть и пребывая по-прежнему в неуверенности насчет лягушек, не мог больше здесь оставаться для дальнейших изысканий. Независимо от того, удалось всех собрать или нет, пора трубить отступление, пока стратегические пути сообщения еще в моих руках.

Чтобы прийти к этому заключению, мне потребовалось несколько минут, но придя к нему, я уже времени не терял. Моя спальня, как уже говорилось, находилась через одну от комнаты Бринкмайерши, и я

поспешно юркнул в нее, как кролик в свою нору.

Только тут мои умственные усилия по решению лягушачьей проблемы увенчались успехом. Я все вспомнил. Первоначально лягушек было восемь. Шесть сидели у меня в кармане. Еще двух я выпустил в ботинки моей тюремщицы, где они и продолжали благополучно пребывать.

18

Последнее открытие добавило хорошую ложку дегтя в море удовольствия, которое мне доставило падение мисс Бринкмайер в бассейн. Ситуация возникла более чем сложная. Идти за оставленными лягушками было уже поздно, в то же время положиться на естественный ход вещей означало, без сомнения, навлечь на себя неприятности еще невиданного масштаба. Это была явно не та ситуация, когда положение могли спасти простые извинения. Короче говоря, спасительный план действий отнюдь не лежал на поверхности, и я старательно морщил лоб в его поисках, когда в комнате материализовался уже знакомый мне лакей-филиппинец.

— Простите, да, вы идти нет, пожалуйста, несомненно, — с поклоном произнес он.

Хотя мой мозг в тот момент, как уже было сказано, пребывал в глубокой задумчивости, любопытство все-таки возобладало.

— Скажите, — спросил я, — вы так разговариваете, потому что иначе не можете, или просто играете роль, как прочие характерные актеры, которых в этом доме хоть пруд пруди?

Он сразу сбросил маску, перейдя на безупречный американский:

— Прямо в точку, приятель. Мой профиль — комедии и семейные мелодрамы. Как только удастся застать старого хрыча одного, выдам ему скорострельный монолог на этническом диалекте, такой, знаешь, со слезой, и будь я проклят, если он мигом не поставит свою подпись на контракте — быстрее, чем цыпочка из массовки поедает икру. Мы тут все братья по ремеслу.

— Мне говорили, — кивнул я. — Послушайте, вы, случайно, не видели тут поблизости Чаффинча?

Я все еще надеялся вопреки очевидности. Лакей покачал головой.

— Он уехал.

— Я знаю, просто подумал, что он, может быть, вернулся.

— Нет, с концами. Позвонил с вокзала час назад и сказал, что едет в Нью-Йорк, потому что получил наследство от богатого дядюшки из

Австралии. Везет же некоторым…

Не думаю, что я и в самом деле продолжал надеяться вопреки очевидности, но теперь уж очевидность точно взяла верх. В свете информации, полученной из первых рук, любой оптимизм теперь выглядел глупо. Интуиция меня не обманула. Мерзавец, как я и предполагал, прибрал к рукам общую кассу и был таков. Я тихо застонал и дрожащей рукой взъерошил золотистые кудряшки.

Однако жизнь в образе Джо Кули имела то преимущество, что никогда не позволяла переживать о чем бы то ни было слишком долго. Едва усядешься поудобнее и начнешь себя жалеть, как случается что-нибудь еще похуже, и поневоле приходится переключаться.

— Ну ладно, приятель, — сказал лакей, — давай, поворачивайся.

— Простите?

— Старуха велела тебя привести.

Вот тут-то я и перестал думать о Чаффинче. Душа у меня ушла в пятки.

— Она хочет меня видеть?

— Ну да, — пожал он плечами.

— Не сказала, зачем?

— Нет.

— А про лягушек она не упоминала?

— Нет, не слышал.

У меня зашевелилась слабая надежда, что карающая длань еще не занесена. Войдя в комнату мисс Бринкмайер, я обнаружил ее в постели. Рядом стоял мистер Бринкмайер. Одежда с кровати исчезла, так же, как и ботинки со зловещим содержимым. Куда их убрали, неизвестно, во всяком случае, было ясно, что беда пока прошла стороной, и я сразу оживился.

— Так-так, — с жизнерадостной улыбкой произнес я, потирая руки. — Как дела, как… э-э… самочувствие?

В лицо мне с сочным чавканьем ударилось что-то мягкое. Больная запустила в меня грелкой. Тут я понял, что несколько переборщил с оживлением. С ним всегда следует быть осторожней.

— Оставь свои ухмылки и хихиканье! — раздраженно бросила старуха.

Ее брат, по обыкновению, выступил в роли миротворца.

— Она очень нервничает, — извиняющимся тоном объяснил он. — Такое потрясение…

— Еще бы! — поддакнул я, убрав улыбку, не встретившую восторгов публики, и делая теперь ставку на сочувствие. — Когда тебя швыряют в

бассейн, нервная система неизбежно страдает. Когда я это увидел, то сказал себе…

Мисс Бринкмайер, которая после меткого броска бессильно упала на подушки, снова вдруг села.

— Ты что, все видел?

— Да, а как же.

— Ты смог бы опознать того негодяя?

— Демона, — поправил мистер Бринкмайер, любивший точность. — Должно быть, тот самый, о котором писали в газетах.

— Ты сможешь опознать этого демона? — повторила она.

— Само собой, — уверенно кивнул я. — Такой мелкий, плюгавый, лицо тонкое, как у женщины…

— Чушь! — фыркнула Бринкмайерша. — Он был здоровенный, как горилла!

— Да нет, что вы!

— Пф! — отмахнулась она с той характерной теплотой, которую всегда обнаруживала в моем присутствии. — Мальчишка — просто идиот!

Мистер Бринкмайер снова решил прибегнуть к дипломатии.

— А может быть, — прищурился он, — это и была горилла?

— Ты тоже идиот, и еще похуже!

— Я просто вспомнил, — продолжал он, — что Метро-Голдуин-Майер как раз снимает что-то про Африку…

— Боже мой, что за чушь, — вздохнула она.

— Вот одна из их горилл и сбежала… Так или иначе, полиция скоро приедет и во всем разберется.

— Как же, разберется она, — хмыкнула мисс Бринкмайер, которая явно не питала особого доверия к представителям властей. — Ладно, что теперь говорить. Разговор о другом: Мичиганских Матерей я отменила.

— Как! — воскликнул я, потрясенный радостной новостью. — Отправили их обратно в Мичиган? Отлично! Правильное решение.

— Не будь кретином! С какой стати мне их отправлять? Я просто перенесла прием на завтра, потому что сегодня не в состоянии ими заниматься.

— И на открытии статуи тоже не сможешь быть, — незаметно подмигнул мне Бринкмайер. — Вот беда-то!

— Ну конечно, не смогу. Остается только надеяться, что вы с мальчишкой все там не провалите… Теперь убери его. — Она с содроганием взглянула на меня и вновь устало откинулась на подушки. — Мне еще хуже делается от этой дурацкой физиономии. Отведи в комнату и

не выпускай до самой церемонии.

— Да, дорогая, — закивал Бринкмайер, — очень хорошо. А ты постарайся как следует выспаться.

Мы вышли в коридор. Здесь он немного расслабился, оставив манеры любящего брата у постели больной сестры, а у меня в комнате расцвел сияющей улыбкой и отвесил мне шлепок по спине.

— Йо-хо-хо!

Удар был столь неожиданным, что от падения меня спас только комод.

— Простите? — удивленно обернулся я.

— Она не придет открывать статую! — радостно объяснил он.

— Я слышал.

— Ты что, не понимаешь? — Он попытался снова огреть меня по спине, но на сей раз я был начеку. — Это значит, что фрак и стоячий воротничок отменяются!

— О!

— И гардения тоже!

— О!

— И никаких гетр!

Его энтузиазм оказался заразительным.

— А поцелуй? — воскликнул я. — Его тоже не будет?

— Ну конечно!

— Достаточно ведь обменяться вежливыми кивками, правда?

— Само собой!

— А может, и всю дурацкую затею с букетом отменим? — с надеждой спросил я.

Однако заходить так далеко мистер Бринкмайер оказался не готов.

— Нет, — вздохнул он, — боюсь, эпизод с букетом придется сохранить. В женских колонках про это любят писать, а если сестра ничего не найдет в газетах, то сразу спросит.

Я мрачно кивнул. В президенты кинокомпаний дураков не берут.

— Да, вы правы.

— Но без поцелуев!

— Разумеется.

— Без воротничков, без гардений и без гетр! — Закончив разговор на этой счастливой ноте, он направился к двери. — Йо-хо-хо!

Оставшись один, я в радостном возбуждении принялся мерить шагами комнату. Разумеется, будущее все еще оставалось окрашенным в мрачные тона. Проклятые Мичиганские Матери никуда не делись, их просто отложили. Нос статуи оставался таким же красным. Две оставшиеся

лягушки по-прежнему наслаждались свободой. Тем не менее я успел уже столько всего натерпеться, что был благодарен судьбе за любой подарок, и одной мысли о том, что мы не будем публично целоваться с Т. П. Бринкмайером, оказалось достаточно, чтобы заставить меня чуть ли не парить в воздухе от счастья.

Впрочем, в этом восторженном состоянии я пребывал недолго. Дверца стенного шкафа тихонько приоткрылась, и оттуда показалось лицо, которое, несмотря на свежевыбритую верхнюю губу, я не мог не узнать.

— Привет! — сказал Джо Кули, вылезая из шкафа. — Как делишки?

Меня охватила волна возмущения. Я еще не забыл тот оборванный телефонный разговор.

— Как делишки? — холодно переспросил я. — Лучше скажи, какого дьявола ты бросаешь трубку, когда я с тобой говорю? Так что насчет денег?

— Денег?

— Я сказал, что мне нужны деньги, чтобы выбраться отсюда.

— Ах вот оно что, ты хочешь денег?

— Разумеется, хочу. По-моему, я обрисовал ситуацию достаточно прозрачно. Если я не получу денег в ближайшие два часа, то окажусь на краю пропасти.

— Понимаю. У меня сейчас ничего с собой нет, но я сразу пришлю, как только смогу.

Я понял, как сильно заблуждался в отношении него.

— Правда?

— Ну конечно, — улыбнулся он, — можешь не сомневаться… Ну как тебе представление в саду? Повезло мне, что застал ее там. Я вообще-то не к старухе шел, а за записной книжкой… — Он внезапно замолк и прислушался. — Ага, это, должно быть, фараоны приперлись.

Снизу и в самом деле доносился гул голосов. Вежливое блеяние Бринкмайера смешивалось с низкими хрипловатыми нотками, которые, как правило, выдают присутствие служителей порядка. Если вас хоть раз просили предъявить водительские права, вы уже не ошибетесь.

— Тебе лучше делать ноги, — посоветовал я.

Он не выказал никаких признаков беспокойства, словно полностью держал ситуацию под контролем.

— Нет, сэр, я здесь ничем не рискую. Они придут искать куда угодно, только не к тебе. Небось думают, я уже за пару миль отсюда. Пошуруют немного для порядка, а потом пойдут прочесывать улицы в городе. Так что, приятель, я тут командую парадом, и все у меня тип-топ! Да, сэр! Те двое

вчера, а сегодня парочка режиссеров и теперь вот сама мамаша Бринкмайер! Неплохой счет, а? Ладно, ты-то как поживаешь?

Вдохновленный возможностью излить свои беды, я поведал ему в красках о предательстве мнимого дворецкого и встретил понимание и сочувствие. Потом рассказал о лягушках, и он с уважением заметил, что, как бы дело ни кончилось, я могу гордиться этим славным эпизодом. По поводу же трагической отставки Энн лишь пренебрежительно махнул рукой.

— Энн не пропадет, ей светит место пресс-секретаря. Кстати, я как раз хотел тебя предупредить…

— Она мне говорила.

— Да? Ну и отлично. Надеюсь, дельце выгорит, она ведь дамочка не промах, наша Энн. Не знаю, кто ее хочет взять, но наверняка кто-то из суперзвезд. Так что за нее можешь не беспокоиться.

Я мог бы сказать ему, что Энн собиралась работать на Эйп-рил Джун, но предпочел промолчать, боясь услышать новые оскорбительные замечания в ее адрес, что, безусловно, омрачило бы едва установившееся взаимное доверие. Мне не хотелось подталкивать собеседника к каким-нибудь необдуманным высказываниям как раз в тот момент, когда особенно важно его задобрить и не дать повода передумать насчет денег. Поэтому я лишь одобрительно что-то промычал и поспешил перевести разговор на другую тему, весьма меня интересовавшую, а именно, на таинственного пятнистого мальчишку.

— Ты знаешь, — начал я, — тут недавно в саду какой-то тип с пятнистым лицом высунулся из-за стены и сказал: «Фу-ты, ну-ты». Кто бы это мог быть? Ты с ним не знаком, случайно?

Малыш Кули задумался.

— Пятнистый?

— Да.

— А что за пятна?

— Обыкновенные. Пятна как пятна. Да, и еще рыжий.

— А, тогда знаю, — просветлел он. — Это же Орландо Флауер.

— А кто он такой?

— Да так, мелкий актеришка, который завидует чужой славе. Не обращай внимания, просто пустое место. Мы с ним однажды вместе снимались в какой-то картине, так он потом врал, будто я распорядился при монтаже вырезать его лучшие сцены, «фу-ты, ну-ты», больше ничего не сказал?

— Еще назвал меня маленьким лордом Фаунтлероем.

— Ну все, значит, он самый — то и дело меня так называл. Наплюй на этого идиота. Я в него обычно апельсинами кидал.

— Какое совпадение, я тоже!

— Ну и правильно, действуй и дальше в таком же духе. Ему полезно… — Джо Кули подошел к окну и окинул зорким взглядом окрестности. — Ага, фараоны уже убрались, стало быть, и мне пора сматывать удочки. Только отдай мне ту записную книжку.

— Записную книжку?

— Ну да. Говорю же, я пришел за ней.

— Что за книжка?

— Ну, я же тебе рассказывал, помнишь? Когда еще мы сидели у врача в приемной. Та самая, в которую я записывал имена людей, которых собирался вздуть, когда вырасту.

Я нахмурился. Страх уронить родовую честь Хавершотов вновь ожил в моей душе. Как бы то ни было, этот мальчишка теперь был главой семьи, и его близкое знакомство с тюремной камерой вне всякого сомнения бросило бы тень на наше гордое имя. Согласно его собственным признаниям, он уже подлежал судебному преследованию за нападение на рекламного агента, продюсера, двух режиссеров и мисс Бринкмайер, а теперь замышляет еще и новые бесчинства.

— Ты не будешь больше избивать людей! — сказал я строго.

— Нет, буду, еще как буду! — горячо возразил он. — Я заполучил такие славные кулаки, так зачем им пропадать без дела. У меня в списке еще уйма типов, которые это заслужили, но без книжки я их не вспомню. Давай ее сюда!

— Откуда я знаю, где твоя чертова книжка!

— У тебя в заднем кармане.

— Как, прямо здесь?

— Ну да, — хмыкнул он. — Доставай.

Я полез в карман и действительно обнаружил тоненькую записную книжку в изящном переплете из красной кожи с вытисненными серебром голубками.

Джо Кули радостно схватил ее.

— Отлично, приятель, — ухмыльнулся он, ласково поглаживая свою собственность. — Луэлла Парсонс подарила мне ее на Рождество. Сказала, чтобы я записывал сюда удачные мысли. Вот я и стал записывать. Здесь удачных мыслей хоть завались. Спасибо. — Он двинулся к окну. — Пока, будь здоров!

— Так ты сразу пришлешь мне деньги? — забеспокоился я. Он

обернулся, перекинув одну ногу через подоконник.

— Деньги?

— Те, что ты мне обещал.

Джо Кули расхохотался, как голодная гиена.

— Ты что, и вправду поверил? Я пошатнулся.

— Что?!

— Ну да. Это я так просто сказал, чтобы тебя надуть и заставить отдать книжку. Какой дурак по своей воле расстанется с деньгами… — Он перевернул несколько страниц и вдруг расплылся до ушей. — Ну конечно, черт побери! Надо же быть таким ослом, чтобы забыть ее. Представляешь, у меня совсем вылетело из головы, что первая, кому надо начистить рыло, это Эйприл Джун!

Я снова пошатнулся. Фигура Джо Кули, записная книжка, стены комнаты — все поплыло перед глазами. Последние страшные слова поразили меня, как хороший удар в солнечное сплетение. До этого, потрясенный низким предательством, я и не помышлял о том, до каких глубин подлости он может еще опуститься. Из моих уст вырвался полузадушенный стон.

Джо Кули укоризненно прищелкнул языком.

— Надо же, потратил столько времени на мелкую сошку вместо того, чтобы начать сразу с главного. Пойду к ней прямо сейчас.

Ко мне внезапно вернулся дар речи.

— Нет!

— Что?

— Ты этого не сделаешь!

— Еще как сделаю!

— Ты настоящий демон!

— Самый настоящий, — весело осклабился он. — Не веришь, почитай газеты.

Сунув записную книжку в карман, он перекинул через подоконник другую ногу и исчез.

Спустя мгновение его лицо снова появилось в окне.

— Совсем забыл сказать — остерегайся Томми Мерфи! Он исчез, на этот раз окончательно. Послышался скрежет подошв, потом глухой стук. Джо Кули спрыгнул с крыши пристройки и отправился осуществлять свои леденящие душу планы.

Я стоял ошеломленный. Потом, шатаясь, добрел до кровати и ошеломленно сел. Что проклятый сорванец хотел сказать последней фразой, я не имел понятия, да и не располагал временем, чтобы выяснять ее мистическое значение. Мой мозг был всецело поглощен той страшной опасностью, которой подвергалась женщина, которую я любил. От одной мысли о том, какую участь ей уготовил юный головорез, все снова плыло перед глазами. Кровь стыла в жилах, душа трепетала в ужасе.

Кстати, если уж говорить о душах, я решительно не понимал, как Джо Кули угораздило заполучить такой завалящий товар. При нашей первой встрече, если вы помните, он упоминал о своей матери, которая обитала в Чилликоте, штат Огайо. Как же вышло, что она не удосужилась вложить в его младенческие мозги хотя бы зачатки благородства? Ведь это, на мой взгляд, просто азбука материнства. Будь я матерью, то первым делом внушил бы своему отпрыску необходимость почтительного, рыцарского отношения к слабому полу и растолковал, насколько отвратительны выходки, достойные персонажей Джимми Кэгни в гангстерских фильмах.

Впрочем, очень скоро я решительно прервал эту линию размышлений. Не время рассиживаться на кровати, рассуждая о проблемах материнства, когда Эйприл в опасности. Ее надо поставить в известность, не теряя ни минуты. Предупредить, что, если лорд Хавершот, к которому она питает чувства куда более глубокие и теплые, чем обыкновенная дружба, явится с визитом и попытается приблизиться на сколько-нибудь интимное расстояние, нужно тут же отступить и принять защитную стойку. Ей следует преподать хотя бы азы маневрирования и ухода от удара. Только так прекраснейший нос Голливуда может быть спасен от зверского насилия, в результате которого он рискует остаться непоправимо перекошенным.

Через две минуты я уже стоял в телефонной будке, лихорадочно перелистывая страницы с фамилиями на «Дж».

Эйприл Джун в справочнике не оказалось. У меня совсем вылетело из головы, что имена знаменитостей туда вообще редко включают. Ну что ж, придется идти к ней домой… Я выскочил из кабинки, готовый тут же отправиться в путь, но наткнулся в холле на мистера Бринкмайера.

Президент кинокомпании «Бринкмайер-Магнифико» явно постарался дезавуировать фрачно-воротничковую программу по максимуму. Он был привычно и удобно облачен в мешковатый твидовый костюм, а на шее свободно болтался мягкий фланелевый галстук. Ни малейших признаков гетр над растоптанными туфлями, никаких цветов в петлице. Тем не менее в руках он держал цветы и тут же протянул их мне.

— Привет, я думал, ты в своей комнате. Нам вот-вот выходить. Держи.

Занятый своими мыслями, я с удивлением взглянул на него.

— Букет, — объяснил он.

Я взял цветы с отсутствующим видом. Бринкмайер весело рассмеялся. Мне не приходилось видеть более жизнерадостного президента кинокомпании.

— Черт возьми, ты с ними смотришься, как труп гангстера на похоронах! Или как поклонник, поджидающий за кулисами. Эх, старые добрые времена… В бытность мою в бизнесе плаща и костюма мне случалось стоять вот так с букетом у входа в театр. Помню, однажды…

— Если не возражаете, Бринкмайер, истории из вашей жизни я выслушаю потом, — перебил я. — Мне сейчас нужно бежать.

— Э? — вытаращил он глаза.

— Очень важная встреча, — пояснил я. — Дело жизни и смерти.

Толстяк продолжал таращиться с явно озадаченным видом. Вид у него был, как у человека, которому требуются дополнительные объяснения.

— Э? — повторил он.

От нетерпения я приплясывал на месте, словно стоял на горячих углях. Само его «Э?» вкупе с озадаченным взглядом меня нисколько не смущали, но дело в том, что пока он так стоял, я не мог выскочить на улицу. Бринкмайер был не из тех людей, мимо которых легко проскользнуть, а медлить я не имел права, иначе на носе Эйприл Джун можно было смело поставить крест.

Не знаю, сколько бы мы так простояли, но тут случилось неожиданное. Со второго этажа, сотрясая небеса и заставляя звенеть стекла, донесся душераздирающий женский вопль. Я без труда распознал его — это был вопль женщины, обнаружившей в своей спальне живую лягушку.

— О боже! — воскликнул мистер Бринкмайер, дрожа так, будто услышал трубный глас Страшного суда.

Он потрусил к лестнице и стал поспешно подниматься. Не скажу, что перепрыгивая через ступеньки, ибо с тех пор, как Бринкмайер через что-либо мог перепрыгнуть, прошло по меньшей мере лет тридцать, но для человека с его обхватом талии старт он взял весьма неплохо. Поскольку, таким образом, препятствие, отделявшее меня от входной двери, оказалось устранено, я тоже рванул с места — в противоположном направлении — и прежде чем вы успели бы досчитать до трех, выскочил на улицу.

Машина стояла в полной готовности, шофер застыл за рулем, как деревянный. Я тронул его за локоть.

— Едем скорее к дому мисс Эйприл Джун!

Это был коренастый широкоплечий мужчина с массивным лицом, бледным, как пудинг с салом. Поглядев на такое лицо, не ошибется самый неискушенный наблюдатель. Его выражение свидетельствовало о том, что хозяин лица туго соображает, и он на самом деле туго соображал.

Шофер выпучил на меня мутные глаза.

— Что?

— Отвезите меня к дому мисс Эйприл Джун, — повторил я. — Скорее!

— К какому дому?

— Эйприл Джун!

— Ты хочешь ехать к мисс Эйприл Джун?

— Да, и поскорее.

Он задумчиво пожевал губами.

— Мы должны ехать на студию.

— Да, но…

— Мне велели подать машину, чтобы везти вас с мистером Бринкмайером на студию.

— Да, я знаю. Но…

— Мы не можем ехать на студию без мистера Бринкмайера, — перебил он, слезая с сиденья. — Знаешь, что? Пока мы ждем, я прочитаю тебе «Ганга Дин», хорошо? А ты потом как-нибудь скажешь боссу: «У вас такой замечательный шофер, мистер Бринкмайер! Грех такому зря тратить время за рулем, надо взять его на какую-нибудь роль…» Ладно, слушай! «Ганга Дин», стихотворение Редьярда Киплинга…

Я попытался жестом остановить его, но помешанных на «Ганга Дин» нечего и надеяться остановить одним лишь жестом. Шофер набрал в грудь воздуха и торжественно поднял руку. Другую он поместил на живот, очевидно, в целях самозащиты. Бледное лоснящееся лицо еще более, чем прежде, походило на пудинг с салом.

— «Выбирай хоть джин, хоть пиво…»

— Я не хочу джин и пиво! — завопил я.

— «Там, где жизнь течет лениво…»

— Мне надо спешить!

— «Олдершоты и маневры — не граница».

— Послушайте…

— «Но в бою, такая мука, без воды не жизнь, а штука…» — то есть, наоборот — «не жизнь, а мука. Сапоги целуй тому, кто даст напиться».

Теперь он поднял руку, которая лежала на животе, не забыв аккуратно

опустить другую, которую, в свою очередь, водрузил на живот. Очевидно, таким предосторожностям обучают всех декламаторов.

— «Южным солнышком индийским…» — Тут он, по-видимому, заметил, что внимание аудитории рассеивается, и зачастил: — В общем, и так далее… «Полковой был водонос наш Ганга Дин».

Он остановился, чтобы набрать воздуха, и я, воспользовавшись моментом, предложил ему десять долларов за то, чтобы съездить к Эйприл Джун. Трудно было ожидать, что в этих глазах может появиться блеск, однако он появился.

— У тебя они с собой?

— Нет.

— Так я и думал… «Дин! Дин! Дин! Ты, хромой божок из глины, Ганга Дин! Эй, давай *сюдао!* Воды скорее! *Панни лао…*»

Мне стало ясно, что дело безнадежное. Путь до изысканного особнячка Эприл Джун на Линден-драйв был долгий, и пускаться в него пешком очень не хотелось, но иного выхода не просматривалось.

Оставив шофера бормотать что-то про «кривоносого идола», я выбежал на открытые пространства Голливуда, однако, едва оставив позади пару сотен метров, был остановлен громким «Эй!» и, обернувшись, увидел позади фигуру в сером костюме и серо-зеленых носках, выглядывавших из замшевых туфель. у меня мелькнула мысль, что в душе предателя наконец-то заговорила совесть и он решил оставить свой отвратительный план. Не тут-то было. Первые же слова Джо Кули показали, что мяч еще в игре.

— Я вспомнил, — сказал он, — что не знаю адреса Эйприл Джун. Может, подскажешь? Где можно найти эту стерву, приятель?

Я окинул его взглядом, в который вложил весь свой запас холодного отвращения. Просто уму непостижимо! Ожидать, после того что было сказано о моих чувствах к Эйприл Джун, что я по своей воле стану участвовать в грязном заговоре, ставящем целью дать ей по морде! Чудовищно! Это уж, как говорится, за все рамки.

— Если скажешь, — ухмыльнулся он, — я, так и быть, поделюсь с тобой деньгами.

— Нет, — твердо сказал я, не испытывая ни малейших колебаний. Человек, продающий свою любовь за золото, сам не стоит плевка, и это не мое только мнение. — Нет, никогда!

— Да ладно, брось!

— Нет. От меня ты ни слова не дождешься.

Он угрожающе нахмурился. Я раньше понятия не имел, какой

зверский принимаю вид, когда сержусь. Настоящая горилла — меня нисколько не удивило бы, начни он бить себя кулаками в грудь, как имеют обыкновение делать эти животные, когда ситуация складывается не совсем в их пользу. Зрелище было весьма устрашающее, но, как ни странно, результатом явилось вовсе не чувство тревоги, а невероятная вспышка любви к Эйприл Джун. Я внезапно осознал, что решиться вступить в брак с мужчиной такой внешности способна лишь одна девушка из миллиона.

Гориллообразный Джо Кули сжал огромные кулаки и шагнул вперед.

— Давай, выкладывай, а то…

— Не дождешься, — вскинул я голову.

— Хочешь сам получить по морде?

— Только попробуй!

— Ну, и что ты сделаешь?

— Позову на помощь, — спокойно ответил я, кивнув на противоположную сторону улицы. — Как ты можешь заметить, мы не одни. Вон там к фонарному столбу прислонился мальчик. Только попробуй, я сразу закричу, и он тут же помчится в полицию!

Надо сказать, что эффект от моих слов не совсем оправдал ожидания. Я думал, он смутится, но ничего подобного не произошло. Мерзавец не смутился ни на грамм. Более того, расплылся в зловещей ухмылке, какая бывает у людей, вытянувших за карточным столом неожиданный козырь.

— Твой дружок?

— Нет, я его не знаю, однако нисколько не сомневаюсь, что у него достанет гражданских добродетелей, чтобы вступиться даже за незнакомого человека.

— Парень хоть куда, — кивнул он.

Я не оценивал мальчишку у фонарного столба с такой точки зрения, но, посмотрев внимательней, не мог не признать, что тот и в самом деле неплохо физически развит для своих лет. Впрочем, это не имело никакого значения, его мускульная сила для моих целей не требовалась.

— Да, — согласился я, — на вид крепкий.

— Еще бы. Хочешь, расскажу кое-что?

— Что?

— А вот что. До того как Джо Кули стал Кумиром Американских Матерей, на этой должности вовсю вкалывал некто Томми Мерфи, и его фильмы шли нарасхват. Когда появился я, его вышвырнули пинком под зад. Никому он стал не нужен, контракт не продлили, и его это почему-то сильно обидело. Да, сэр, прямо-таки разозлило. С тех пор Томми Мерфи жаждет моей крови и во всеуслышание заявляет, что рано или поздно

отомстит. И времени зря не теряет — сто раз уже пытался меня поймать, и, честно скажу, побегать мне пришлось немало.

Холодная рука сжала мои внутренности. Я начал понимать, к чему он клонит.

— Там у фонарного столба, — ухмыляясь, продолжал он, — стоит Томми Мерфи. Он вообще только и делает, что шляется вокруг дома в надежде на счастливый случай. Вот он, похоже, и представился…

Хватка холодной руки стала почти невыносимой. Мне стало окончательно ясно, что, приняв внешнюю оболочку этого вундеркинда, я вступил в гибельную чащу, полную смертоносных тварей, готовых напасть в любую минуту. Прежде я и понятия не имел, каким опасностям ежечасно подвергается жизнь ребенка-кинозвезды в осыпанной блестками мировой столице иллюзий. Неудивительно, что мой предшественник в этом теле только и думал, как бы убраться отсюда и вновь оказаться в родном Чилликоте, штат Огайо! Одной лишь мисс Бринкмайер вполне достаточно, чтобы снять позолоту с пряника, а Томми Мерфи — это уже, безусловно, перебор.

Джо Кули продолжал улыбаться, разглядывая мое побледневшее лицо.

— Так что будь хорошим мальчиком и скажи, где живет Эйприл Джун, и тогда я спокойненько провожу тебя домой. Если не скажешь, просто уйду. Ну же, не валяй дурака!

Ну и положеньице для незадачливого любовника, скажу я вам! Быстрый взгляд, брошенный в сторону Томми Мерфи, только подкрепил первоначальные выводы. Он показался мне крепким и физически развитым, так оно и было. Один из тех плотных широкоплечих подростков, из которых потом вырастают шоферы вроде давешнего. К тому же теперь, присмотревшись как следует, я различил в его взгляде явную враждебность. Не рискуя впасть в преувеличение, могу сказать, что он смотрел на меня, как голодный тигр смотрит на кусок мяса.

Белый свет затрепетал у меня перед глазами, и я затрепетал вместе с ним. Честно признаюсь, что от сознания страшной опасности, которая грозила мне, и той опасности, которая грозила Эйприл Джун, меня заколотила нервная дрожь.

И все-таки любовь восторжествовала над чувством самосохранения!

— Нет, — повторил я. — Нет и еще раз нет!

— Ты уверен?

— На сто процентов. Джо Кули пожал плечами.

— О' кей. Будь по-твоему. Ну, сэр, не хотел бы я оказаться на вашем месте… Нет, сэр, ни за какие коврижки. Думаешь, тут один только Томми

Мерфи? Я, когда шел, и Орландо Флауэра заметил неподалеку, а он, пожалуй, покрепче Томми будет. Хотя не знаю… В общем, один другого стоит. Нет, не завидую я тебе, не завидую. Ладно, как хочешь.

Одарив меня еще одной омерзительной ухмылкой, он зашагал по дороге, и я остался один в этом страшном мире.

То есть, один, если не считать грозного Мерфи, который приближался ко мне семимильными шагами. Его глаза излучали зловещий свет, блестели — или, вернее сказать, сверкали, — и он плотоядно облизывал губы.

Это был мальчишка, чьи лучшие мечты воплотились в жизнь, и который поймал синюю птицу счастья.

20

Глядя на Томми Мерфи, вставшего в боевую стойку и задумчиво оценивавшего дистанцию, я просто не мог поверить, что он когда-либо был Кумиром Американских Матерей. Несомненно, Американские Матери сваляли большого дурака. У парня не было ни единой привлекательной черты, он будто вышел из грязного гангстерского боевика. Короче говоря, не из тех, кого бы вы хотели видеть в своем клубе.

Я отступил на шаг. Потом еще на один. Когда я сделал примерно восьмой, нога наступила на что-то мягкое, и я понял, что стою на траве газона. Если вы еще не знаете, в Голливуде есть закон, предписывающий строить дом на некотором расстоянии от дороги и разбивать перед входом лужайку, и данному обстоятельству я был чертовски рад. В ближайшем будущем мне, без сомнения, предстояло не одно падение, и все, что могло хоть в какой-то мере смягчить удар, могло только приветствоваться.

Все описанные до сих пор маневры происходили в полном молчании, нарушаемом лишь хриплым угрожающим сопением малолетнего гангстера и дробным стуком моих зубов. У меня мелькнула мысль, что легкая непринужденная беседа могла бы ослабить напряжение. Так часто бывает: слово за слово, и не успеешь оглянуться, как выясняются общие интересы, и люди становятся почти что братьями.

Долби Фодерингей-Фипс раз хвастался, как он однажды столкнулся с мускулистым типом, твердо вознамерившимся получить два фунта шесть шиллингов и одиннадцать пенсов по счету из лавки, но сумел удачно перевести разговор на бега и ставки, и десять минут спустя тип уже платил за пиво в ближайшей забегаловке, а Долби деликатно пытался расколоть

его на пять шиллингов до будущей среды.

Разумеется, в своем случае я не мог рассчитывать на столь счастливый исход, поскольку у меня язык не подвешен и вполовину так хорошо, как у моего старого приятеля, однако все-таки решил попробовать в надежде хоть что-то выгадать. Отступил еще на шаг и, как мог, изобразил на лице добродушную улыбку.

— В чем дело, друг мой? — спросил я, стараясь копировать сладкую манеру Б. К. Буруоша. — Чем могу быть полезен?

Никаких изменений в поведении противника мои слова не вызвали. Томми Мерфи продолжал хрипло сопеть, сверля меня угрожающим взглядом. В беседе наступила пауза.

— У меня мало времени, — добавил я, чтобы нарушить тягостную тишину. — Спешу на важную встречу… Рад был познакомиться.

С этими словами я попытался бочком проскользнуть мимо него, однако новый знакомый оказался в этом отношении не менее трудным объектом, чем мистер Бринкмайер. Столь различные по объему, они тем не менее обладали общим свойством перегораживать любой проход. Влево я делал шаг или вправо, Томми Мерфи неизменно оказывался прямо передо мной.

Я решил попробовать еще раз.

— Вы любите цветы? Можете взять букет. По-видимому, цветы он не любил. Протянутый букет был выбит из моей руки с такой злобой, что мои самые страшные опасения тут же возобновились.

Подняв букет, я сделал очередную попытку.

— Может быть, друг мой, вы хотите автограф?

Едва эти слова вылетели из моих уст, я понял, что совершил трагическую ошибку. Об автографах уж точно говорить не следовало, трудно выбрать более скользкую и болезненную тему. В прошлые времена этому мальчику, без сомнения, приходилось давать автографы до мозолей на пальцах, а после восшествия на волшебный экран звезды Джо Кули спрос на них обрушился до нулевой отметки. Мои слова разбередили печальные воспоминания о былой славе, иначе говоря, попали как соль на незажившую рану.

Впрочем, даже если бы я сам не сообразил, что допустил промах, то понял бы по реакции своего собеседника.

— Автограф! — произнес или, вернее, прорычал Томми Мерфи неприятным низким голосом, исходившим откуда-то из угла рта.

Тигриный огонь в его глазах вспыхнул еще ярче, и я вновь невольно спросил себя, как получилось, что этот урод завоевал расположение всех

матерей Америки.

Он заговорил, на удивление внятно и даже красноречиво — как оказалось, даже слишком красноречиво, ибо как раз решение отложить прямые действия, ударившись в разглагольствования, и привело к крушению всех его планов.

Вы, вероятно, замечали, как это обычно бывает в детективных историях. Злодей привязывает героя к стулу и заносит над ним что-нибудь тупое и тяжелое, однако вместо того, чтобы нанести удар, вдруг начинает трепать языком. Так и хочется ему сказать: «Давай же, кретин, действуй! Не трать время на болтовню!», потому что всякому понятно, что сейчас кто-нибудь явится и разлучит милую парочку. Но он раз за разом с тупым упорством делает то же самое и неизменно оказывается в дураках.

Так вышло и на сей раз. Кто-нибудь более хладнокровный не стал бы размениваться по пустякам и сразу взял быка за рога, но Томми Мерфи гордо выпятил подбородок и принялся в деталях излагать программу, которую планировал осуществить.

— Автограф, да? — повторил он тем же хриплым голосом, наводившим на мысль о воспаленных миндалинах. — Автограф, да? Забудь об автографах! Никаких автографов ты больше давать не будешь. Знаешь, что я с тобой сейчас сделаю? Вздую хорошенько, так и знай! Знаешь, что сделаю? Вышибу из тебя все потроха. Измолочу, как бифштекс. Задам такую головомойку, что никто больше не скажет: «Ах, какое милое личико!» — потому что от твоего личика останутся одни только воспоминания! Знаешь, что я сделаю? Я…

Тут его возвышенная тирада прервалась, но не от нехватки слов, коих, судя по всему, оставалось еще в избытке, а из-за того, что земля у нас под ногами словно бы взорвалась!

Дело в том, что под всеми лужайками, разбросанными по Беверли-Хиллс, запрятаны то здесь, то там такие металлические штуковины с отверстиями, через которые подается вода. Один поворот крана, и прямо из земли начинает бить настоящий фонтан, что, собственно, теперь и произошло. Невидимая рука японца-садовника включила напор живительной влаги, и мы оказались в самом ее средоточии.

Мне еще относительно повезло, поскольку благодаря своей тактике перманентного отступления я оказался в сравнительно сухом месте, в то время как звероподобный Томми Мерфи стоял непосредственно над штуковиной и удар струи пришелся ему прямо в лицо. Так что, по иронии судьбы, головомойку как раз получил он сам.

Таким образом, внимание противника было отвлечено. Вряд ли кому-

то удалось бы не потерять ясность мысли хотя бы на мгновение после такой водяной затрещины, во всяком случае, Томми Мерфи ясность мысли, несомненно, потерял. Он с воплем подпрыгнул на месте, а я, без промедления воспользовавшись стратегически выгодным моментом, рванулся вперед и припустил что было сил по дороге. Именно к такому способу спасения, как я помнил, прибегал Джо Кули перед лицом подобной угрозы.

До сих пор, если не считать эпизода с апельсинами, мне не приходилось испытывать чисто технические характеристики нового тела. Если верить зеркалу, с декоративной точки зрения оно было выше всяких похвал, однако впечатляющей мускулатурой похвастаться никак не могло. Теперь же я с благодарностью отметил, что передвигаться могу чертовски быстро. Спринтерский бег по ровной местности явно был коньком моего предшественника.

Набрав хорошую скорость, я понесся вдоль по улице. Сзади слышался тяжелый топот, сопровождаемый сопением, но я нисколько не сомневался, что легко оторвусь от погони. Такие мясистые, крепко сбитые увальни никогда не приходят первыми в забеге.

Оценка по внешности оказалась точной. Природу не обманешь. На Линден-драйв я выскочил, опережая соперника на несколько корпусов, и наверняка финишировал бы без особых проблем, но внезапно на полном ходу столкнулся с кем-то и полетел вверх тормашками в ближайший куст.

С трудом выпутавшись из колючих побегов и приняв вертикальное положение, я узрел прямо перед собой изысканно пятнистую физиономию Орландо Флауэра. Так путешественник по Африке, убегающий от разъяренного носорога и уже полагающий, что опасность позади и все тип-топ, вдруг оказывается лицом к лицу со свирепым леопардом.

Орландо Флауэр, как и Томми Мерфи, проявил желание поболтать. Он возвышался надо мной, сжимая и разжимая кулаки, однако пускать их в ход, к счастью, не торопился.

— Фу-ты! — осклабился он.

Во время нашей предыдущей встречи я, как вы помните, предпочел парировать аналогичное замечание столь же энергичным «Фу-ты!». Однако тогда нас разделяла весьма основательная кирпичная стена, а теперь мои позиции для обмена репликами резко ухудшились. Эти близко посаженные зеленые глаза, глядевшие в упор из россыпей веснушек, привели меня в замешательство, близкое к панике. Сам Джо Кули затруднился решить, кто из его старых противников опасней, и я был склонен разделить его точку

зрения. Одно было ясно: говорить «Фу-ты!» в данной ситуации мне не по зубам.

Таким образом, я промолчал, и он сказал «Фу-ты!» еще раз. И в этот самый момент со стороны дороги послышалось хриплое восклицание, и к нам неуклюжим галопом приблизился Томми Мерфи. Остановившись, он принялся отдуваться, очевидно, найдя такой способ передвижения слишком утомительным. Когда же заговорил, то смог произнести одно лишь «Эй!».

Орландо Флауэра неожиданное вмешательство, похоже, не привело в восторг.

— Ну? — спросил он несколько язвительно.

— Оставь его в покое! — прорычал Томми Мерфи.

— Это ты мне? — осведомился Орландо Флауэр.

— Тебе, — буркнул Томми Мерфи.

Орландо Флауэр смерил его неприязненным взглядом.

— Ха!

— Ха! — парировал Томми Мерфи.

— Ха! — повторил Орландо Флауэр.

— Ха! — эхом откликнулся Томми Мерфи.

Наступила пауза, после чего Томми Мерфи вновь заговорил:

— Я его первый увидел.

Приведенный юридический аргумент был весом, но Орландо Флауэр не полез за ответом в карман.

— Хм, — презрительно бросил он.

— Хм, — нашелся противник.

— А кто его поймал?

— А кто его первый увидел?

— А кто его поймал?

— Говорю же, я его первый увидел!

— А я говорю, что его поймал!

— Оставь его в покое!

— Это ты мне?

— Ага, тебе.

— Ха!

— Ха!

— Ха!

— Ха!

Придя, таким образом, к отправной точке разговора, они снова замолчали и долго стояли, набычившись, друг против друга, а я ждал,

сжимая в руках букет и испытывая смешанные чувства.

Главное место среди чувств занимали, конечно же, весьма отчетливые опасения. Не очень-то приятно стоять и слушать, как двое головорезов спорят за право первым взяться за тебя. Однако оскорбленное самолюбие и уязвленную гордость тоже нельзя сбрасывать со счетов. В целом, положение в высшей степени унизительное, особенно для того, кто входил в сборную Кембриджа по боксу.

Внезапно хаканье возобновилось.

— Ха! — сказал Орландо Флауэр.

— Ха! — ответил Томми Мерфи.

— Ха! — повторил Орландо Флауэр.

На мгновение зависла тишина, потом Томми Мерфи снова заговорил:

— Ха! — произнес он с таким выражением, словно отыскал новый остроумный ответ.

Психология двух малолетних преступников оставалась для меня закрытой книгой. Понять всю тонкость их мыслительных процессов я был не в силах. Казалось бы, в этом последнем «ха!» не содержалось ничего такого, что отличало бы его от всех предыдущих. Однако, видимо, содержалось, потому что эффект на Орландо Флауэра оно произвело немедленный. Налившись краской, заглушившей даже пятна, он бросился на Томми Мерфи, и оба покатились по земле, молотя друг друга кулаками.

Не могу назвать свои интеллектуальные способности исключительными, но даже такой болван, как шофер, читавший «Ганга Дин», сообразил бы, что делать при таком повороте событий. Задержавшись лишь для того, чтобы отвесить по очереди пинка обоим дерущимся, я сорвался с места и понесся вперед.

Уже позвонив в колокольчик у двери Эйприл Джун, я оглянулся через плечо. Противники, которые успели расцепиться и подняться на ноги, беспомощно смотрели вслед, поставленные в тупик моим проворством и находчивостью. Вид у них был глупее некуда.

Я насмешливо помахал им рукой.

— Фу-ты, ну-ты! Э-э… я не вам, — добавил я удивленному дворецкому, распахнувшему дверь, — просто болтал по дороге с приятелями.

21

Дворецкий, услышав, что я хочу видеть Эйприл Джун, некоторое

время пребывал в неуверенности, стоит ли меня впускать. По его словам, хозяйка ждала гостей и велела говорить всем случайным посетителям, что ее нет дома. К счастью, он, видимо, решил, что я едва ли сойду даже за половину посетителя, и вскоре я уже сидел в кресле в гостиной и с облегчением переводил дух.

Глядя вокруг себя, я ощутил вполне понятный прилив сентиментальности. Сколько раз мне приходилось сидеть в этой самой гостиной с Эйприл, внимая ее заветным мечтам и сообщая в ответ полезные сведения об английском порядке наследования и праве графинь забивать места на званых обедах, отметая в сторону жен рядовых виконтов. Вся атмосфера здесь дышала ее незримым присутствием, и не стыжусь признаться, что я не раз печально вздохнул. Честно говоря, размышляя о том, как безнадежна теперь моя любовь, я был на волосок от слез.

Меланхолии мне добавляла моя собственная фотография, занимавшая почетное место на письменном столе. В комнате имелись и другие фотоснимки, как женские, со всякими надписями вроде «С любовью от Мэй», так и мужские, также соответствующим образом помеченные, но на столе стояла только моя, и это наполняло мою душу трепетом.

Трепет, впрочем, был не только приятный. Меня охватывал ледяной ужас при мысли о том, с какой легкостью, учитывая присутствие его изображения на письменном столе, теперешний лорд Хавершот мог бы приблизиться к моей любимой на расстояние удара. Не приди я с намерением научить ее правильной стойке и технике защиты, самое худшее наверняка бы произошло. Страшно даже представить себе, как при виде гостя, не подозревая о низких коварных планах, девушка с радостным мелодичным восклицанием, с любовью, сияющей в прекрасных глазах, бросилась бы ему навстречу, даже не прикрыв лицо и корпус, и… бац!

Мрачная картина. Одна мысль о ней вызывала содрогание, и я бы, наверное, так дальше и сидел, содрогаясь, если бы не заметил у себя странное ощущение, которое сначала даже не мог идентифицировать. Потом до меня дошло: я просто умирал от жажды. Жаркий день и обильные физические упражнения на свежем воздухе привели к тому, что моя глотка пересохла, будто выстланная наждачной бумагой. Разевая рот, как свежепойманная рыба, я почувствовал, что если сию же минуту не раздобуду хоть каплю влаги, то тут же скончаюсь в страшных мучениях.

Едва это пришло мне в голову, как на глаза, как по волшебству, попался столик в углу, на котором было заботливо разложено все необходимое для хорошей выпивки. Старый добрый графинчик, сифончик с содовой, милое ведерко со льдом… короче, мечта, да и только. Столик

так и манил меня к себе, и я, пошатываясь, рванулся вперед, как верблюд, завидевший оазис в раскаленной пустыне.

Разумеется, мне следовало сообразить, что желание поскорей пропустить стаканчик-другой принадлежит лорду Хавершоту и не вполне соответствует возможностям усвоения продукта телом Джо Кули, но в тот момент, признаюсь, о подобных научных тонкостях я не думал, поэтому, не долго думая, смешал себе бокал и залпом опрокинул его.

Вкус напитка не вполне удовлетворил меня, и я повторил операцию, чтобы понять, насколько это мне нравится. Потом снова наполнил бокал и, взяв сигарету из пачки, лежавшей тут же на столике, вернулся к креслу. Едва усевшись, я внезапно почувствовал в голове странный гул, который сопровождался непреодолимым желанием исполнить какую-нибудь песню. Это несколько удивило меня, потому что петь я имею обыкновение разве что в ванне.

Голос у меня, впрочем, оказался чрезвычайно приятным. Конечно, я не был в тот момент настроен слишком критически, но удовольствие получил несомненное. Для исполнения была выбрана старая и любимая «Итонская песня гребцов», и пошла она на удивление гладко, хотя слова и несколько наезжали одно на другое. Вскоре я пришел к выводу, что существующее либретто лучше заменить на «тра-ля-ля» и «трам-пам-пам», и вовсю распевал оные, дирижируя стаканом и сигаретой, когда вдруг услышал за спиной голос, который произнес «Добрый вечер».

Осекшись на середине очередного «трам-пам-пам», я обернулся и обнаружил перед собой незнакомую даму средних лет.

— О, привет! — воскликнул я.

— Добрый вечер, — повторила она.

Дама сразу показалась мне своей в доску, и я немедленно проникся к ней горячей симпатией. Более всего меня умилило то, что лицо у нее было точь-в-точь как у моей любимой старой лошади, оставшейся в далекой Англии. Как приятно чувствовать себя среди друзей!

Врожденный инстинкт Хавершотов требовал, само собой, взлететь с места как ракета при появлении в дверях представительницы слабого пола. Поэтому я испытал немалое замешательство, обнаружив, что сделать этого не могу. Все попытки старта оказались неудачными: я тут же валился обратно в кресло. Старый добрый рыцарский дух клокотал во всех шести цилиндрах, но сцепление подводило, и ноги отказывались приходить в движение.

— Послушайте, я должен извиниться, — смущенно пробормотал я, — но мне почему-то не удается встать.

— Что вы, не беспокойтесь…

— Наверное, приступ ишиаса.

— Вероятно.

— Или радикулита.

— Скорее всего, — ответила она любезным ржанием. — Меня зовут Помона Уичерли.

— Очень приятно, а меня…

— О, мне и так прекрасно известно ваше имя, мистер Кули. Я давняя поклонница вашего таланта. Пришли навестить мисс Джун?

— Да, я хотел с ней поговорить о…

— И принесли ей эти очаровательные цветы, — перебила она, указывая на букет, валявшийся рядом с креслом. После недавних приключений выглядел он довольно жалко. — Как мило с вашей стороны!

Мысль о том, чтобы преподнести цветы Эйприл в качестве выражения личных чувств, до сих пор не посещала меня, но теперь показалась в высшей степени удачной.

— Вы думаете, они ей понравятся? — спросил я.

— Нисколько не сомневаюсь… У вас такой разгоряченный вид, мистер Кули. Вы очень спешили сюда?

— Еще бы! А еще на меня напали хулиганы. Этот Мерфи…

— Так за вами гнался Томми Мерфи?

— Вы его знаете?

— Ну конечно! Весь Голливуд знает. Я слышала, на него даже делают ставки, поймает он вас или нет.

— Сомнительное развлечение, — фыркнул я.

— Надеюсь, сегодня ему не повезло?

— Временно, но потом мне удалось ускользнуть. И еще от одного — от Орландо Флауэра. Вернее, от обоих сразу. Пришлось всерьез побегать, знаете ли, вот я и разгорячился.

— И решили смешать себе коктейль…

Я несколько смутился, в первый раз подумав о том, какого дурака свалял.

— Э-э… могу я предложить вам что-нибудь?

— Нет, спасибо.

— Да ну, не стесняйтесь!

— Нет-нет, спасибо, я воздержусь.

— Вы уверены?

— Совершенно уверена. Ведь еще так рано…

— Правда? На мой взгляд, самое время пропустить стаканчик.

— Вы говорите, как человек опытный, — улыбнулась она. — И часто вам приходится, по вашему выражению, «пропускать стаканчик» в это время?

— Да, конечно.

— Подумать только. Виски?

— О да, исключительно виски.

— Я вижу, вы также еще и курите?

— Так же, и даже больше.

— Сигареты?

— Только иногда. Предпочитаю трубку.

— Ну-ну… И это в вашем-то возрасте!

До меня не вполне дошел смысл ее реплики — возможно, потому, что гул в голове к тому моменту значительно усилился, и это несколько притупило остроту моего разума.

— В моем возрасте? — удивился я. — А что, возраст? Мне, слава богу, уже двадцать семь.

— Что?

— Ну да. В марте будущего года будет двадцать восемь.

— Надо же! Никогда бы вам столько не дала!

— Правда?

— Ни за что бы не дала.

— Вы не шутите?

— Нисколько.

Не знаю, почему мне это показалось смешным, но факт остается фактом. Я принялся хохотать, как сумасшедший, и в разгар хохота, как раз когда я набирал воздуха, чтобы разразиться очередным приступом, дверь отворилась, и в гостиную вошла Эйприл Джун.

Она выглядела просто волшебно в платье из какой-то тонкой блестящей ткани, наверное, из шелка или чего-то в этом роде. Так или иначе, оно было очень тонкое и чертовски здорово подчеркивало ее нежную хрупкость.

Я сказал, что она вошла, но это не совсем так. Сначала остановилась в дверях, задумчиво глядя перед собой, словно погруженная в прекрасные мечты, и мой новый залп хохота заставил ее подпрыгнуть, словно гвоздь, воткнувшийся в пятку.

— Ты! — воскликнула она непривычно резким тоном. — Что ты здесь делаешь?

Я перестал хохотать и подкрепился глотком виски.

— Мне нужно обсудить вопрос чрезвычайной важности, —

торжественно начал я, с раздражением отметив, что слова во фразе почему-то слились в одно. — Мне… нуж-но… обсудить… во-прос… чрез-вы-чай-ной… важности.

— Он принес вам очень милые цветы, — встряла в разговор мисс Уичерли.

Хозяйка дома встретила эту новость без особого восторга. Я не чувствовал себя в силах поднять букет и подвинул его в сторону Эйприл ногой. Она взглянула на цветы, как мне показалось, несколько отстраненно. Только сглотнула раз-другой, будто старалась подавить какие-то сильные чувства.

— Ты не можешь оставаться здесь, — проговорила, наконец, она с некоторым усилием. — Мисс Уичерли пришла взять у меня интервью.

Я сразу заинтересовался.

— Так вот вы кто, стало быть!

— Да, — кивнула гостья. — Я репортер «Лос-Анджелес Кроникл». Вы позволите мне вас сфотографировать?

— Валяйте.

— Нет-нет, не ставьте бокал, пусть будет как есть! — засуетилась она. — И сигарета пусть будет во рту. Вот так, просто замечательно!

Эйприл тяжело перевела дух.

— Может быть, — осведомилась она, — вы предпочли бы остаться вдвоем:

— О нет, не уходите, — гостеприимно улыбнулся я.

— Нет, что вы! — подхватила мисс Уичерли. — Я возьму интервью у вас обоих. Не каждый день удается застать вас вместе.

— Вот именно! — воскликнул я. — Убить двух зайцев, отличная идея! Чертовски удачно придумано! Давайте, валяйте…

Я уселся поудобнее и прикрыл глаза, чтобы лучше слышать. В следующий момент, когда я их открыл, мне показалось, что голова моя в значительной степени прояснилась, и надоедливый гул практически исчез. Надо полагать, я задремал на минутку-другую. Эйприл Джун что-то рассказывала.

— Нет, — произнесла она тихим нежным голосом, — я не из тех девушек, кто думает только о себе и о своей карьере. Для меня кинематограф — это все. Я тружусь исключительно ради его успехов, не заботясь о собственной выгоде. Многие на моем месте возмутились бы, когда во время последних съемок режиссер в открытую продвигал нашего любимца Джо Кули и отдавал ему лучшие сцены… — Она замолчала, бросив в мою сторону нежный взгляд. — Ты уже проснулся? Да-да, я о

тебе говорю, милый мой воришка! — От ее очаровательной лукавой улыбки я готов был пасть на колени. — Противный, противный воришка!

— Да, в последний раз все это заметили, — кивнула репортерша с лошадиной физиономией.

— Еще бы не заметили! — Эйприл рассмеялась звонким серебристым смехом. — Я с самого начала поняла, к чему клонит режиссер, но сказала себе: «Мистер Бульвинкль обладает огромным опытом, и он лучше знает, что делать. Если ему нужно, чтобы я ушла в тень для пользы дела, то я с удовольствием выполню его желание». Успех картины — это единственное, что имеет значение. Надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать?

Мисс Уичерли ответила, что прекрасно понимает, и добавила, что такие чувства делают ей честь.

— О нет! — воскликнула Эйприл. — Просто я артистка, вот и все. Настоящий артист не может позволить себе быть личностью, он должен стать частью картины.

На этом ее роль в представлении, в общем, и закончилась. Репортерша, убедившись, что последние остатки сна покинули меня, повернулась и попросила высказаться о том, как обстоят дела в кинематографе. Я же, со своей стороны, имея довольно четкие соображения по поводу фильмов, охотно подхватил нить разговора и больше уже ее не терял. Изложил подробно, что, по моему мнению, в них плохо, а что хорошо, отпустил несколько критических замечаний в адрес известных актеров — иногда резких, но вполне справедливых, — одним словом, разошелся вовсю. Мне импонировала возможность выразить, наконец, свои взгляды, поскольку прежде все попытки поговорить на эту тему в «Трутнях» наталкивались на сопротивление аудитории и попытки заткнуть мне рот.

Примерно за десять минут мне удалось выстроить логически вполне связную речь, после чего мисс Уичерли сказала, что все было крайне интересно, и теперь она располагает великолепным материалом для завтрашнего номера, но должна спешить в редакцию, чтобы успеть написать текст. Эприл пошла ее провожать, в то время как я, обнаружив, что во время давешней гонки на выживание у меня развязался шнурок, встал из кресла и наклонился его завязать.

Все еще находясь в соответствующей позе, я услышал позади себя легкие шаги Эйприл.

— Минуточку, — сказал я, — мне только…

Дальнейшие слова застряли у меня в глотке. В тот момент, когда я

собирался их произнести, мой организм испытал сильнейшее болезненное потрясение, я стремительно полетел головой вперед и со всего маху врезался в диван. В первый момент мне показалось, что произошел один из тех подземных толчков, которые, как известно, представляют собой неотъемлемую часть жизни калифорнийцев, но ужасная правда тут же вспыхнула в моем сознании.

Женщина, которую я любил, дала мне пинка в зад!

22

Поднявшись на ноги, я чувствовал себя так, словно в меня на полном ходу врезался сзади почтовый экспресс. Эйприл Джун стояла подбоченившись и молча мерила меня взглядом, скрипя зубами. Мой ответный взгляд выражал упрек и изумление. Наверное, точно так же смотрел в свое время Юлий Цезарь на Брута. — Эй! — ошеломленно воскликнул я.

Впрочем, описать мое состояние как ошеломление означало бы передать лишь слабую тень того, что творилось под оборками моей детской рубашки. Я растерялся до такой степени, что едва помнил себя. Да и мало кто в подобной переделке смог бы сохранить олимпийское спокойствие.

К тому времени я уже достаточно освоился с мыслью, что любой бедолага, которого угораздило напялить на себя шкуру малыша Джо Кули, должен быть готов к любой неожиданности. Упорные попытки нанести мне телесные увечья со стороны всяких там Т. Мерфи и О. Флауэров вполне укладывались в привычный порядок вещей. Если бы мне вот так наподдала мисс Бринкмайер, я прекрасно понял бы ее и, возможно, даже посочувствовал. Однако новый поворот событий совершенно выбил меня из колеи. Эпизод с Эйприл Джун в роли раздавательницы пинков, как выразился бы мистер Бринкмайер, решительно не желал укладываться ни в какой сценарий.

— Эй! За что?

Вдобавок к глубокому душевному потрясению, мое физическое состояние также оставляло желать лучшего. Шишка на голове болезненно пульсировала, и мне пришлось ощупать ее, чтобы убедиться, не торчит ли оттуда позвоночник. Таких оказий я не мог припомнить с раннего детства, когда избыточная подвижность натуральным образом способствовала столкновениям с различными предметами обихода.

— Эй! Что такое, черт возьми!

Тем не менее любовь моя была так глубока, что прояви Эйприл хоть малейшее раскаяние или предложи хоть какое-то оправдание, например, что оступилась или что-нибудь в этом роде, — и я тут же с готовностью простил бы, забыл и начал все с чистого листа. Однако она и не думала извиняться, а, наоборот, совершенно явно упивалась своим недостойным поведением. На ее лице безошибочно читалось выражение триумфа и полного удовлетворения.

— Вот тебе! — прошипела она. — Что, получил? Теперь смейся, если хочешь!

Смеяться мне хотелось меньше всего на свете. В тот момент я не улыбнулся бы даже с целью подбодрить любимую тетушку, лежащую на смертном одре.

У меня было лишь одно объяснение. Невыносимые условия жизни в Голливуде, постоянное душевное напряжение и изнуряющий труд подточили хрупкое здоровье бедной девушки. Нависли психические расстройства, грянули нервные срывы. Попросту говоря, раздавленная бездушной машиной киноиндустрии, моя любимая слегка подвинулась рассудком.

Мое сердце обливалось кровью. Я даже забыл про собственный покалеченный зад.

— Ну-ну… — успокаивающе начал я с намерением предложить несчастной жертве выпить горячего чаю и хорошенько выспаться, но она перебила:

— Будешь знать, как подлизываться к режиссерам, чтобы отхватить все лакомые сцены!

И только тут пелена упала с моих глаз. Я понял всю ошибочность своего диагноза. Ужасная правда ударила меня, как обухом по голове. Причиной был отнюдь не психический срыв, вызванный переутомлением. Как бы невероятно это ни казалось после всех разглагольствований Эйприл о призвании артиста, не ставящего ни в грош личную славу и думающего лишь о судьбе картины, речь шла о самой обыкновенной профессиональной зависти. Снова все те же Мерфи-Флауэровские дела, только на сей раз не в пример опаснее. Решая свои проблемы с мальчишками, я имел сколько угодно возможностей для маневра, а теперь оказался запертым в четырех стенах и кто знает, чем все может закончиться.

Как явствует из моего повествования, в пользу Эйприл Джун меня с самого начала расположила ее ангельская кротость. Я готов был поставить

последнюю рубашку, что такой нежной душой, как у моей возлюбленной, не может похвастаться ни одно живое существо на белом свете. Теперь же самый придирчивый наблюдатель не смог бы найти в ней ничего ангельского. Задумчивые синие глаза, неизменно вызывавшие у меня умиление, стали твердыми, как кремень, и метали молнии, белоснежное лицо, которое я так мечтал поцеловать, вспыхнуло гневным румянцем, нежные губы сжались в прямую линию, тонкие пальцы подергивались от возбуждения. Короче говоря, налицо были все признаки, характерные для женщин-убийц из газетной хроники, которые раскалывают мужу голову топором, а потом прячут останки в сундук.

Похолодев от ужаса, я со всей поспешностью ретировался за спинку дивана и сжался там под взглядом Эйприл, впервые в жизни осознав, как курица смотрит на червя.

Она продолжала говорить. В ее голосе не осталось ничего, что так заворожило меня вдень нашей первой встречи. Резкое визгливое сопрано ножом резало слух.

— Будешь знать, как встревать в чужое интервью! Ничего себе наглость, впереться, когда специальный корреспондент ведущей газеты пришел побеседовать со мной об искусстве и вкусах публики! Будь ты проклят со своими букетами! — Бешено оскалив зубы, она отбросила букет носком туфли. — Ты у меня сейчас сожрешь этот веник!

Я еще дальше отступил за диван. Направление, в котором развивалась беседа, нравилось мне все меньше и меньше.

— Выходит, я даже у себя дома не могу избавиться от твоих интриг! Ты, как змея, всюду проползешь!

Дай она мне шанс вставить хоть слово, я мог бы объяснить, что располагал самыми серьезными причинами «проползти» сюда, ибо руководствовался благородной целью спасти ее от участи если и не худшей, чем смерть, то уж во всяком случае весьма и весьма неприятной. Но желанного шанса я так и не дождался.

— Как всегда, решил привлечь к себе внимание? Думаешь, это тебе и теперь сойдет с рук? Ошибаешься! И не надейся! Мало того, что я на съемках стою, как манекен, в твоих коронных сценах, так еще и в собственном интервью должна служить тебе фоном?

Я раскрыл рот, чтобы разъяснить, как сильно она ошибается, но Эйприл снова опередила меня:

— Какое бесстыдство! Какая наглость! Ка… Да что я, в конце концов, с тобой разговариваю…

Тут она была права. Мне тоже показалось, что продолжать разговор в

подобном тоне нет никакого смысла.

— Э-э… ну, тогда, наверное, мне пора… — промямлил я.

— Стой, где стоишь! — взвизгнула она.

— Но вы сказали…

— Погоди, дай только до тебя добраться!

Пойти навстречу такому требованию было совершенно невозможно, что она и сама наверняка понимала. В руке она сжимала широкий увесистый нож для разрезания бумаги, и давать ей добраться до себя я уж никак не собирался.

— Послушайте… — начал я.

Продолжить, к сожалению, не удалось, потому что в этот момент она вдруг бросилась ко мне вокруг дивана, и мне стало ясно, что время слов прошло. Быстрее молнии я отскочил метра на два назад и вбок, едва увернувшись от ножа, который просвистел в непосредственной близости от моих коротких штанишек, — прыжок преследовательницы оказался всего на полметра короче. Этот своевременный маневр дал мне секундную передышку, но я не мог не отметить, что резко ухудшил свои стратегические позиции. Эйприл удалось отрезать меня от линии фортификационных сооружений, и я остался лицом к лицу с врагом в чистом поле, открытый со всех сторон.

Мне показалось, что назрел момент, чтобы сделать очередной шаг к примирению.

— Все это так неприятно… — начал я.

— То ли еще будет! — бросила она злобно.

Я стал убеждать ее не делать того, о чем потом придется пожалеть. Эйприл поблагодарила меня, но заверила, что жалеть буду только я. Затем снова двинулась в наступление, на этот раз медленно, крадучись, как пантера в джунглях. Я осторожно отступал, одновременно размышляя, как основательно всего за несколько минут может измениться человеческое мировосприятие. От возвышенной любви, еще так недавно переполнявшей мою душу, не осталось и следа. Нож для бумаги недвусмысленно поставил крест на нежных чувствах. Вспоминая былые грезы об алтаре, священнике и звуках органа, я дивился собственному идиотизму.

Впрочем, слишком долго размышлять мне не дали. Эйприл внезапно рванулась вперед, и дело пошло веселее. Я понял, что вечер обещает быть довольно утомительным.

Описывать подобные сумбурные сцены в деталях всегда очень непросто. В то время, как события развиваются, нет особого настроения специально отмечать и фиксировать в памяти их последовательность. В

результате воспоминания, как правило, оказываются несколько расплывчатыми. Могу лишь сказать, что скорость я развил просто невероятную, но тем не менее дважды получил ножом для разрезания бумаги по самому подходящему для этого месту: один раз, когда зацепился за торшер у камина, и другой, когда споткнулся о табурет. Оба эпизода оставили необычайно яркие и сочные впечатления, но в то же время пробудили во мне все лучшее в области спринта и бега с препятствиями. Пианино, на котором Эйприл при более счастливых обстоятельствах, бывало, наигрывала мне народные песенки, я преодолел одним скачком, в конечном счете снова оказавшись за диваном.

Удивительные способности, неожиданно раскрывшиеся в опасную минуту, до такой степени обнадеживали, что дверь и желанная свобода, открывавшаяся за ней, начали казаться вполне достижимыми, но, увы, недостаточное знание местных условий сыграло со мной злую шутку. Эйприл стремительно заходила справа, и я, как последний идиот, вместо того чтобы обежать диван, решил сберечь темп и пролезть под ним.

Я часто бывал в этой гостиной прежде и неплохо ее знал, однако, как оказалось, лишь поверхностно. Внутренняя суть вещей осталась скрытой, что меня в конечном счете и погубило. Думая, как я уже сказал, проделать часть пути ползком и выскочить уже у самой двери — маневр, в случае удачи достойный Наполеона, — я бросился на пол и обнаружил, что дно проклятого дивана едва лишь позволяет просунуть туда голову. Попытавшись тем не менее как-то протиснуться, я немедленно застрял.

Прежде чем мне удалось выбраться и внести коррективы в свою тактику, Эйприл уже вовсю орудовала ножом для бумаги. Его эффективность потрясала до глубины души. Помню, даже несмотря на исключительность момента, я не смог не спросить себя, откуда, черт возьми, у женщины столь хрупкого телосложения и явно не слишком тренированной мог взяться так профессионально поставленный удар. Директор моей первой школы всегда оставался в моих глазах высшим авторитетом по части владения розгой, но он и в подметки не годился этой тоненькой синеглазой девушке. Возможно, тут весь секрет — в правильном подборе ритма.

— Вот тебе! — наконец произнесла она, переводя дух.

Я поспешно укрылся за диваном. Мы с Эйприл молча смотрели друг на друга. Ее щеки раскраснелись, в глазах сверкали искры. Никогда прежде она не казалась мне столь прекрасной. Тем не менее потухшие угли мертвой любви не выказывали никакого желания вновь воспламениться в моем сердце. Я смотрел мрачно, исподлобья, машинально потирая

пострадавшую часть тела, и испытывал, прямо скажу, немалое удовольствие от мысли, что ожидает мою мучительницу, когда Реджинальд Джон Питер Свизин, третий граф Хавершот, в конце концов отыщет путь к ее двери.

— Вот тебе! — повторила она. — Будешь теперь знать. А теперь вали отсюда!

Не знай я даже смысла последней фразы, то все равно догадался бы по характерному жесту, сопровождавшему ее, что мое присутствие здесь более нежелательно, что меня, впрочем, в высшей степени устраивало. Моя душа стремилась на волю, и я кинулся к двери.

И остановился. Лучшие чувства все-таки взяли верх.

— Послушайте, — начал я. — Вы должны знать… Эйприл свирепо взмахнула ножом.

— Выметайся, живо!

— Да, конечно, но…

— Проваливай, кому говорю! — рявкнула она.

Я вздохнул и пожал плечами. Возможно, даже сказал «ничего не поделаешь», не помню точно. Снова повернулся к двери и… остановился, уловив краем глаза нечто необычное за окном.

Там, расплющив носы об оконное стекло, маячили Томми Мерфи и Орландо Флауэр.

Окаменев от неожиданности, я тут же все понял. Они стояли рядом, почти вплотную, и этот факт неоспоримо свидетельствовал о том, что былые разногласия разрешены и забыты. После моего бегства мои враги наверняка обсудили ситуацию и пришли к выводу, что ради достижения лучших результатов следует отказаться от жесткой конкуренции и действовать сообща, как деловые партнеры. Основать «консорциум», если выражаться в технических терминах.

Оба лица вдруг исчезли, и это меня нисколько не удивило. Увидев, что я ухожу, злодеи поспешили занять стратегические позиции возле парадной двери.

Эйприл Джун нетерпеливо шагнула вперед.

— Я, кажется, велела тебе убираться! — с угрозой произнесла она.

— Но… — промямлил я, переминаясь с ноги на ногу, — на улице Томми Мерфи и Орландо Флауэр…

— Ну и что?

— У меня с ними отношения… э-э… не слишком дружеские… Они обещали меня избить до смерти!

— И надеюсь, выполнят свое обещание, — жестко усмехнулась

Эйприл.

Следуя за мной по пятам до самой двери, она распахнула ее и недрогнувшей рукой сильно толкнула меня в спину. Я вылетел в ночную тьму, как пробка из бутылки, и, едва дверь захлопнулась, услышал жуткий боевой клич и тяжелый топот. Испытывая тошнотворное чувство обреченности, я понял, что все кончено. Теперь меня спасли бы только быстрые ноги, а таковыми, увы, я больше похвастаться не мог. Ничто так не подрывает спринтерские способности, как испытание, через которое мне довелось пройти. Мои мышцы одеревенели и с трудом повиновались.

В следующее мгновение я почувствовал на себе две пары цепких рук и оказался ничком на земле, успев промолвить лишь: «Достали, мерзавцы».

Однако не успел я извернуться в надежде впиться зубами в ближайшую лодыжку, чтобы, по крайней мере, подороже продать свою жизнь, как произошло чудо! «Вы что же это творите, безобразники?» — выкрикнул знакомый голос, послышался музыкальный звон двух хороших затрещин, два страдальческих вопля, и нападавшие растворились в темноте.

Твердая рука помогла мне подняться на ноги, и я увидел перед собой милое лицо Энн Баннистер.

23

Она фыркнула с благородным негодованием. Я понял, что тонкая натура девушки глубоко потрясена безобразной сценой. Даже в подступавшем сумраке было видно, как горят ее глаза.

— Хулиганы! — возмущенно воскликнула она. — Они сделали тебе больно, малыш?

— Нет, нисколько, спасибо.

— Правда?

— Ну да, им просто не хватило времени. Благодаря твоему своевременному вмешательству, — объяснил я, испытывая искреннюю благодарность. — Ты была великолепна!

— Я и в самом деле едва успела, — кивнула она. — Думала, они тебя на части разорвут. Кто это такие?

— Томми Мерфи и Орландо Флауэр.

— Я бы их живьем сварила!

Я охотно согласился, что такая экзекуция пошла бы двум юным негодяям весьма на пользу, и пожалел о практической неосуществимости

подобных планов. Однако тут же указал и на светлую сторону:

— Но ты им и так хорошо врезала, звук был впечатляющий.

— Да уж, до сих пор рука болит. Не знаю, у кого, у Томми или у Орландо, но голова у него просто чугунная, черт бы его побрал! Ладно, все хорошо, что хорошо кончается… Эй! Ты же сказал, что они ничего не успели, а сам хромаешь!

Ответить на этот вопрос было непросто. После нашего разговора в саду, когда я с пеной у рта защищал Эйприл с ее нежностью и кротостью, мне никак не хотелось выставлять себя идиотом, предав огласке другие стороны ее характера, связанные, так скажем, с ножом для разрезания бумаги. Даже лучшие из женщин не удержались бы в такой ситуации от насмешки и самодовольного «я же тебе говорила!»

— Просто нога онемела, — объяснил я. — Отсидел.

— Эх ты, старичок столетний! Сидеть ему уже трудно. Суставы, кхе-кхе… — засмеялась Энн. — А что ты, кстати, вообще здесь делаешь? Неужели решил навестить Эйприл Джун?

— Так, заглянул на минутку, — смутился я.

— Зная, что Мерфи и Флауэр только и мечтают тебя подстеречь? И где только была твоя голова, Джозеф Кули! Зачем тебе понадобилась Эприл Джун?

И вновь я оказался не в силах раскрыть истинные факты.

— Хотел подарить ей букет.

— *Что?*

— Ну, ты понимаешь… цветы.

Энн посмотрела на меня с недоумением.

— Ты шутишь?

— Нет.

— Ничего не понимаю! Что с тобой творится, Джозеф? Никогда не видела такого странного мальчика. Ты же сам сто раз мне говорил, что Эйприл Джун гадина. Звал не иначе, как гадиной. А теперь, видишь ли, готов сунуться черту в зубы, чтобы преподнести ей цветочки! И сегодня днем — слова не дал о ней сказать, чуть живьем не съел.

Меня охватило раскаяние.

— Извини, пожалуйста.

— Ничего страшного. Мне просто непонятно. Кстати, а тот пирог со свининой — ты хоть отъесть как следует от него успел? А то ведь я сразу ушла.

— Нет, не очень, — признался я. — Очень жаль.

— Еще бы!

— В смысле, жаль, что ты из-за меня потеряла работу.

— Да ладно, ерунда, не оставаться же на этой работе всю жизнь. За меня не беспокойся. Завтра я уже буду пресс-секретарем у твоей разлюбезной Эйприл Джун. Хотела вот зайти к ней, чтобы обговорить кое-какие детали, потому и оказалась здесь сейчас. Надо бы вернуться, но я боюсь оставить тебя одного. Не удивлюсь, если эти сорванцы сидят где-нибудь в засаде или рыщут по окрестностям, как орды мидян.

Меня только что посетила та же мысль, заставив поежиться. Я стал горячо умолять Энн не уходить.

— Да, думаю, моя верная рука тебе еще потребуется, — улыбнулась она и на секунду задумалась. — Давай знаешь, что сделаем? Хочешь газировки?

— Да, хорошо бы.

— Ну вот. Тогда, если не возражаешь, мы сделаем небольшой крюк и зайдем в Беверли-Хиллс в аптекарский магазин. Куплю тебе газировки, а сама позвоню Эйприл Джун по телефону.

Я заверил ее, что нисколько не возражаю, и мы пошли по дороге. Энн весело болтала о том о сем, а я по большей части молчал, стараясь сдержать кипевшие внутри меня чувства.

Если вы хотите знать, почему они кипели, и что это были за чувства, я вам скажу. Дело в том, что за короткий промежуток времени, прошедший с тех пор, как моя спасительница так удачно пресекла кровожадные планы Томми Мерфи и Орландо Флауэра, моя любовь снова вспыхнула и расцвела пышным цветом. О да, та самая любовь, которую я расточал на эту девушку два года назад и которая, как я предполагал, навеки угасла под градом убийственных реплик, произнесенных тем памятным вечером в Каннах, внезапно обнаружилась на прежнем месте и вновь принялась за свое с еще большим жаром, чем прежде.

Без сомнения, этому способствовал не один фактор. В частности, разоблачение ложного обаяния Эйприл Джун, не говоря уже о доблестном поведении Энн во время моего спасения. Но главными были, я думаю, ее постоянная приветливость, ласковое сочувствие, искреннее дружелюбие. Ну и, конечно, пирог со свининой… Что бы там ни было, я любил эту девушку, любил горячо, любил страстно!

Ну и что толку, подумал я с горечью, уныло прожевывая ореховый десерт, пока Энн разговаривала по телефону. Из всех печальных слов, что существуют в этом печальном мире, самые печальные — «если бы». Не будь я таким идиотом, то вовремя понял бы, что для меня нет и не может быть никого лучше Энн Баннистер. Я вряд ли стал бы возиться с тем

мороженым на дне рождения какой-то там Эйприл Джун, не растревожил бы больной зуб и не попал бы в кресло к И. Дж. Зиззбауму в то же самый момент, как малыш Джо Кули — к Б. К. Буруошу. Короче говоря, тогда бы ничего, что было потом, не случилось.

А что теперь? Энн помолвлена с моим кузеном Эгги, а даже если бы не была помолвлена, я нахожусь в совсем неподходящей форме, чтобы просить ее разделить мою судьбу. Все чудовищные препятствия, отделявшие меня и Эйприл Джун, точно так же, и даже еще чудовищнее, стоят между мною и этой девушкой. Будь она даже свободна, кем надо быть, чтобы принять предложение руки и сердца от малыша Джо Кули?

Что ж, все кончено, подвел я итог, и меланхолически бормотал что-то про себя, когда Энн вышла из телефонной будки и присоединилась ко мне со вторым ореховым десертом.

— Поговорила, все в порядке, — объявила она.

Я не стал уточнять, что именно, и, вежливо кивнув, доел свою порцию, в то время как Энн только начала свою. Она спросила, не хочу ли я еще. Я хотел, и она заказала еще. Божественная девушка.

— Ну что ж, Джозеф, — сказала она, продолжая прерванную беседу, — у тебя выдался сегодня трудный денек, не правда ли?

Я невесело усмехнулся.

— Пожалуй.

— Как все прошло?

— Что?

— Открытие статуи Бринкмайера.

Я подпрыгнул на стуле, словно меня укусили за ногу. Кусок орехового десерта шлепнулся на стол с моей обессилевшей ложки. Хотите верьте, хотите нет, но в угаре давешних событий статуя совершенно вылетела у меня из головы.

— Боже мой! — воскликнул я.

— Что случилось?

Некоторое время я не мог выдавить ни слова. Потом, слегка запинаясь, выложил все. Энн слушала серьезно и внимательно. Когда я затронул тему лягушек, она задумчиво пожевала губами.

— Думаешь, мисс Бринкмайер нашла их?

— Если я сколько-нибудь разбираюсь в женских криках, то да, — ответил я. — Уверен на все сто, что нашла. А теперь еще и узнала, что я не пришел на церемонию, и у статуи, когда ее открыли, вдобавок оказался красный нос. Короче говоря, если бывают на свете дерьмовые ситуации, то это одна из них.

— Ты не должен говорить таких слов, Джозеф, — упрекнула она.

— Бывают случаи, — твердо сказал я, — когда приходится, и это как раз такой случай. Энн понимающе вздохнула.

— Да, попал ты в историю.

Я убито кивнул. Она улыбнулась и продолжала:

— Но ты не волнуйся, завтра они обо всем забудут.

— Ты думаешь? — недоверчиво спросил я.

— Ну конечно.

Ее оптимизм подействовал на меня заразительно.

— Вот здорово!

Энн поднялась из-за стола.

— Теперь я должна отвести тебя домой, — сказала она. — Пошли, все будет в порядке.

Мы дошли до особняка Бринкмайеров, и только оставшись один у ворот, я обнаружил изъян в ее рассуждениях. Само собой, при темпе жизни, принятом в Голливуде, утро вполне может, как она сказала, приносить с собой забвение. Однако, рассуждая так, Энн не приняла в расчет одну маленькую деталь: прежде чем наступит утро, нужно, черт возьми, пережить вечер!

Все мои мысли обратились к мисс Бринкмайер. После всего, что произошло, надеяться на ее хорошее настроение было бы явно излишним оптимизмом. Чем более я приближался к месту назначения, тем крепче становилась моя уверенность, что одежную щетку следует рассматривать как жестокую неизбежность.

В таком задумчивом настроении я забрался на крышу пристройки, и едва поставил на нее ногу, как мои худшие опасения получили весомое подтверждение. В спальне горел свет, и это не обещало ничего хорошего.

Я тихо подкрался к окну и заглянул в него. Мои предположения полностью оправдались. Свет означал беду. Шторы не были задвинуты, и ничто не мешало видеть, что происходило внутри.

Мисс Бринкмайер сидела, напряженно выпрямившись на стуле. Ее лицо оставалось, как всегда, каменно-непроницаемым, но задумчивый мечтательный взгляд ясно указывал на то, что она пребывает в состоянии нетерпеливого ожидания. Мисс Бринкмайер была в розовом халате и в руке сжимала одежную щетку.

Загадочный взгляд был, таким образом, объяснен. Ждали здесь меня.

Я на цыпочках отступил к краю крыши и тихонько спустился обратно в сад. Ситуация со всей определенностью требовала долгих и упорных размышлений, и я принялся старательно упражнять свой мозг, безжалостно

сжигая одну за другой нервные клетки, когда вдруг почувствовал, что рядом кто-то стоит. Это оказался какой-то незнакомый тип.

— Эй! — шепотом окликнул он.

— Да?

— Ты малыш Кули?

— Да.

— Приятно познакомиться. Незнакомец оказался весьма воспитанным.

— Мне тоже приятно, — ответил я, чтобы не ударить в грязь лицом.

— Ну вот, — сказал он.

Сразу вслед за этим что-то мокрое и холодное шлепнуло меня по лицу, и я почувствовал резкий запах хлороформа. Неужели вдобавок ко всему, что выпало мне на долю в этот день, меня решили еще и похитить? Пожалуй, это уже слишком.

— Ничего себе, новости! — успел сказать я сам себе. И потерял сознание.

24

О действии хлороформа я, к сожалению, знаю немного и в основном лишь из приключенческих романов, но мне кажется, что рядовой потребитель находится под его действием не слишком долго. Так что, если бы дело происходило ближе к началу дня, то, думаю, я бы пришел в норму уже очень скоро и вскочил бы свеженький, как огурчик. Однако следует учесть, что денек у меня выдался жаркий, из тех, которые подтачивают силы и истощают нервную систему, не говоря уже о том, что мой организм и изначально не отличался особой крепостью. В результате, поникнув, как увядший лист, я так и оставался увядшим листом, не обнаруживая никакого интереса к общему ходу событий, в течение очень длительного времени. У меня остались лишь смутные воспоминания о поездке в автомобиле и остановке возле какого-то дома, в который меня внесли на руках. Проснулся я уже в постели, и только следующим утром. Солнечный свет лился в окно, самодеятельный птичий хор заливался вовсю, а дальний перезвон колоколов безошибочно указывал, что наступило воскресенье.

Чтобы поправить здоровье, ничего нет лучше хорошего долгого сна. Кто-то назвал его милосердным целителем утомленной Природы и не слишком ошибся. Я с удовольствием отметил, что, если не считать незначительного онемения в частях тела, близко соприкасавшихся с ножом для разрезания бумаги, мое самочувствие не оставляло желать лучшего. Я

встал с постели и выглянул в окно.

Дом стоял в самом конце переулка, упиравшегося другим концом в какую-то оживленную улицу. Позже я узнал, что это был проспект Вентура. В этих местах я раньше не бывал и теперь с интересом рассматривал окрестности. Внезапно мое обоняние поразил запах жареных сосисок и кофе, настолько сильный, что я тут же кинулся к одежде и принялся ее лихорадочно напяливать. Еще секунду назад в голову упорно лезли мысли об отрезанных пальцах, посланных по почте, и прочих милых шалостях, которыми занимаются похитители, чтобы поднять моральный дух тех, от кого они ждут выкупа, но теперь все это отошло на второй план. Лишь бы добраться до сосисок, а что будет потом, не так уж важно.

Уже почти готовый выскочить в дверь и спуститься вниз, я услышал стук в дверь и голос:

— Эй, там!

— Да? — ответил я.

— Как дела? — осведомился голос.

— Какие дела?

— Как себя чувствуешь?

— Есть хочу!

— Нет проблем. Сосиски с оладьями будешь?

— С оладьями? — переспросил я, дрожа от возбуждения.

— Ну да, — ответил невидимый голос. Бандит вел себя на удивление дружелюбно. — Накинь что-нибудь и присоединяйся.

Через две минуты я уже спустился в гостиную, где узрел банду в полном составе. Гангстеры сидели вокруг стола, на котором красовалось блюдо с сосисками, такое широкое, что в моей душе зазвучали фанфары. Стало ясно, что скаредничать здесь не принято.

Мне раньше никогда не приходилось видеть живых бандитов, и я рассматривал их с понятным любопытством. Их было трое, все как один с окладистыми бородами, что делало компанию похожей на групповой фотоснимок знаменитостей Викторианской эпохи. Такие заросли на лице едва ли добавляли присутствовавшим элегантности, однако нельзя забывать, что в избранной ими профессии приходится больше думать о практической стороне вещей, чем о внешнем виде. Во всяком случае, дела, похоже, обстояли не так плохо, как могли бы. Бороды были фальшивые, их выдавали резинки, проходившие над ушами. По крайней мере, я попал в руки не настоящих убежденных бородачей, а тех, кто вынужден уродовать себя лишь в целях конспирации.

Безусловно, это открытие заранее расположило меня в их пользу,

однако следует отметить, что похитители и в самом деле оказались довольно милыми людьми, обнаружив явное желание угодить гостю. Они представились, соответственно, как Джордж, Эдди и Фред, выразили надежду, что я хорошо выспался, и предложили занять место за столом. Джордж положил мне сосисок. Эдди сообщил, что оладьи будут готовы сию минуту, и добавил, что если сосиски поджарены не так, как я предпочитаю, мне достаточно сказать лишь слово. Фред принес вежливые извинения за хлороформ.

— Мне очень жаль, малыш, — сказал он. — Ты ведь нормально себя чувствуешь, правда?

— Отлично, — улыбнулся я, — лучше не бывает.

— Вот и славно. Просто Джордж и Эдди устроили мне тут выволочку за то, что я так с тобой обошелся…

— Не нужно было этого делать! — перебил Джордж, укоризненно покачав головой.

— Он бы и так не стал рыпаться, я сразу понял, — присоединился Эдди.

— Ясное дело, — поджал губы Фред, — но на все существуют свои правила. У каждого свой метод, так ведь? Человек с артистическими наклонностями имеет право выражать их так, как ему хочется…

— Довольно, — холодно произнес Джордж, который, по-видимому, был чем-то вроде председателя в этой организации. — Иди присмотри за оладьями.

— Черт побери, — недовольно пробормотал Фред. Бедняга явно обиделся. — Метод есть метод…

Он уныло побрел на кухню, а Джордж снова принялся извиняться:

— Надеюсь, ты не в претензии? Фред просто помешан на своем методе, такой уж у него характер. Ты должен его простить.

Я горячо заверил его, что вопрос с хлороформом исчерпан.

— Во всяком случае, — заметил Эдди, в его пользу можно сказать, что никто так не умеет жарить оладьи. Просто пальчики оближешь!

Вскоре Фред явился с дымящимся блюдом, и я сам смог убедиться в правоте этих слов. На еду я накинулся, как голодный волк, и лишь некоторое время спустя был в состоянии прислушаться к застольной беседе.

Как и подавляющее большинство разговоров за завтраком в пределах Голливуда, этот был целиком и полностью посвящен новостям кинематографа. Джордж, который просматривал воскресную газету, машинально помешивая кофе стволом револьвера, заметил, что движение

за целомудрие, похоже, начинает набирать силу, и в доказательство прочитал сообщение о планах Мэй Уэст сниматься в «Алисе в стране чудес». Фред с Эдди выразили в ответ полное удовольствие. Эдди заявил, что давно пора поставить преграду волне вседозволенности, отравляющей общественные нравы. «Ясное дело», — поддержал его Фред и добавил, что всегда так считал.

— Для тебя это очень кстати, малыш, — взглянул на меня Джордж. — В твоих работах никакой грязи нет.

— Ага, — одобрительно кивнул Фред.

— Теперь ты всех заткнешь за пояс.

— Точно, — согласился Эдди. — Уж ты-то не прогадаешь.

— Но только в том случае, — покачал головой Джордж, — если будет хороший сюжет. Целомудрие — это ладно, но без сильного, профессионального, убедительного сюжета ничего не получится. Те парни, что пишут для тебя сценарии, сынок, плоховато знают свое дело. Тут нужно иметь чутье.

— Ясное дело, — хмыкнул Фред.

— Ты присматривай за ними, малыш, — подхватил Эдди.

— Система у них неправильная, — сказал Джордж, — и виноваты во всем хозяева студий.

— Большие боссы, — кивнул Эдди.

— Олигархи, — прищурился Фред.

— Гитлеры и Муссолини киноиндустрии, — подытожил Джордж. — Чем они, собственно, занимаются? Присылают нам сюда пачками всяких там нью-йоркских борзописцев и английских сочинителей, а своим дороги не дают.

— Ага, — согласился Эдди.

— Ты сам подумай, — продолжал Джордж, — вот, допустим, кто-то со стороны вдруг набрел на шикарную идею для картины, и что происходит? Пиши он хоть сто лет подряд в отдел сценариев, его все равно никто не прочитает. У меня вот, например, давно уже есть в запасе отличный сценарий — как раз для тебя, малыш! — а что толку? Они на него даже не взглянут!

— Это что, тот, который ты рассказывал во вторник? — спросил Эдди.

— О преступнике номер тринадцать? — уточнил Фред.

— Ну да, тот самый! — оживился Джордж. — Разве не здорово?

— Еще бы! — хмыкнул Эдди.

— Ясное дело, — согласился Фред.

— Что, хороший сценарий? — спросил я, дожевывая оладью.

— Я бы сказал, что очень, — ответил Джордж.

— Вещь, — уважительно кивнул Эдди.

— Без вопросов, — поддержал Фред.

— Интересно, — сказал я.

— Вот послушай! — воскликнул Джордж, еще более оживляясь. — Послушай, сынок! Посмотрим, что ты скажешь. Вот увидишь, сценарий — лучше не бывает! Там есть такой гангстер, и попал он к фараонам в список особо опасных под номером тринадцать — понимаешь? — а он суеверный, понятное дело — понимаешь? — и вот он думает, что под таким номером ему никогда в жизни больше не повезет… и что, ты думаешь, он делает?

— Ты слушай, слушай! — закивал Эдди.

— Слушай, сынок, — загадочно улыбнулся Фред.

Они подались вперед, бороды их дрожали от возбуждения.

— Так вот, — продолжал Джордж, — он слишком добрый, чтобы подстрелить кого-нибудь из списка, кто выше его, хотя тогда бы он стал номером двенадцать, понимаешь? Такое ему не подходит…

— Знаешь, кого надо на эту роль? — перебил Эдди. — Лайонела Бэрримора!

— Уорнера Бакстера! — возразил Фред.

— Нет, Билла Пауэлла, — авторитетно произнес Джордж, разом ставя собеседников на место. — Так вот, этот гангстер решает провернуть такое дельце, чтобы показать правительству, чего он на самом деле стоит, и тогда его должны продвинуть в списке на первое или хотя бы второе место — вот в чем идея! Он и его дружки пробираются на корабль, который везет золото через океан на ту сторону, берут на мушку капитана и команду и меняют курс на Южную Америку, чтобы там, значит, корабль взорвать, а самим уйти с золотом в джунгли. Понимаешь?

Я вздохнул. Мне очень не хотелось портить настроение рассказчику, но молчать тоже было нельзя. В конце концов, для того и заведено обсуждение сценариев.

— Вы не огорчайтесь, — сказал я, — основная идея у вас в порядке… но кое-что не мешало бы доработать.

Джордж обиженно вскинулся.

— В каком это смысле, доработать? Разве плохо придумано с кораблем?

— Тут и смешно можно сделать, — поддержал его Эдди. — Сделать из капитана комедийную роль. Взять, например, на нее Чарлза Баттеруорта…

— Лучше Джо Которна, — вмешался Фред.

— Эдварда Эверетта Хортона, — отчеканил Джордж.

— А как же любовные сцены? — спокойно спросил я. Мой вопрос явно застал их врасплох. Джордж задумчиво почесал подбородок, Эдди и Фред, соответственно, — левую щеку и голову.

— Любовные сцены? — переспросил Джордж. Он вдруг просиял. — Ну смотри, например, вот так… Побережье Южной Америки, песчаный пляж, корабль стоит на якоре, и к нему плывет девушка. Воздух пропитан экзотическими ароматами тропиков…

— Еще фламинго, — робко подсказал Эдди.

— Ну да, фламинго. Воздух пропитан экзотическими ароматами тропиков, над головой лениво проплывают стаи розовых фламинго, и эта самая девушка, почти что совсем обнаженная, плывет к…

Я решительно покачал головой.

— Слишком поздно! К тому времени, когда они доберутся До Южной Америки, фильм будет уже на четвертом ролике.

Джордж грохнул кулаком по столу.

— Черт побери! — воскликнул он. — Да пропади они пропадом, эти любовные сцены!

— В картине обязательно должен быть герой-любовник, — возразил я.

— Нет, не обязательно, если сценарий и так сильный! Взять хоть, например, «На западном фронте без перемен»…

— Ага, — подхватил Эдди. — Или «Скиппи».

— А «Пропавший патруль»? — добавил Фред. — Знаешь, сколько он собрал?

— Я все-таки считаю, — настаивал я, — что без любви никак нельзя.

— Да брось ты, — отмахнулся Джордж, — лучше послушай дальше, там как раз ты вступаешь в дело! Эти гангстеры потом бегут с корабля — ну, на лодке, понимаешь? — как в «Мятеже на Баунти» — и там…

— И там… — хором подхватили бандиты.

— И там на лодке с ними мальчик — такой хорошенький, золотоволосый…

— Ты понял? — расцвел в улыбке Фред.

— Ты понял? — Джордж вскочил с места, размахивая руками. — Ну, разве не здорово? Эй, Фред, Эдди, идите-ка сюда! Садитесь вот сюда на коврик. Гляди, малыш! Пусть вот этот коврик будет лодка, и в ней только гангстеры и ты, понимаешь? И они все тебя просто обожают…

— Вот именно, обожают, — кивнул Эдди.

— Ага, — кивнул Фред.

— Понимаешь? Есть и пить там почти нечего, и они сбрасывают друг

друга за борт, чтобы тебе больше досталось, пока…

— Пока… — подхватил Эдди.

— Пока в лодке не остаешься… — продолжил Фред.

— Пока в лодке не остаешься только ты и особо опасный преступник номер тринадцать! И кто бы…

— Ты слушай, малыш! — перебил Эдди. — Кем бы…

— Да-да, кто бы, ты думал… — подхватил Фред.

— Вот слушай! — махнул рукой Джордж. — Сейчас будет самое главное. Кем бы, ты думал, оказывается этот номер тринадцать? Твоим давно пропавшим папашей! Вот оно как! Ну разве не здорово, а? Суперкласс! У тебя там на шее висит такой медальон, а гангстер…

— Он заглядывает в него, когда ты спишь…

— И ясное дело, там портрет его покойной жены…

На этом месте обсуждение сценария внезапно прервалось.

— Руки вверх! — крикнул я, сжимая револьвер, который простофиля Джордж забыл на столе возле чашки. — Руки вверх, негодяи!

25

Не помню, когда мне в последний раз приходилось видеть до такой степени ошеломленную троицу бородатых типов. И неудивительно. Я мало знаком с практикой похищений, но полагаю, что жертве не слишком часто удается так легко обвести вокруг пальца своих тюремщиков. Во всяком случае, для Джорджа, Эдди и Фреда такой поворот явно был в новинку. Они неловко поднялись на ноги и смотрели на меня, раскрыв рты.

Первым дар речи обрел Фред.

— Эй! — воскликнул он. — Ты поосторожней с этой игрушкой!

— Разве мамочка не учила тебя, что оружие нельзя направлять на людей? — укоризненно спросил Эдди.

Джордж, в свою очередь, выразил сомнение, что так вообще можно поступать. По его мнению, это было против всяких правил.

Естественно, мне стало немного не по себе. Я с трудом мог смотреть им в глаза. Минуту назад мы болтали как добрые приятели, и желудок мой был наполнен их оладьями. Представьте себе почетного гостя на званом обеде, который вдруг поднимается с места и начинает швыряться тарелками. Примерно такое же ощущение.

Однако я решительно подавил минутную слабость и вновь обрел уверенность в себе.

— Мне плевать! — заявил я. — Вы первые меня похитили, а похищать людей — это низко, спросите кого угодно.

Бандиты изумленно переглянулись.

— Тебе разве не сказали? — спросил Джордж.

— Что?

— В смысле, не рассказали, — поправил Эдди. — Не объяснили, что это все просто рекламный трюк?

— Что-о?

— Ну… короче, только для прессы, — добавил Джордж. — К нам пришла девушка…

— Какая девушка?

— Мы не знаем ее имени, она просто сказала, что пришла от имени одной кинозвезды, понимаешь?

— Какой кинозвезды?

— Этого мы тоже не знаем. Она хотела, чтобы мы взяли тебя и спрятали пока где-нибудь, и тогда все мамаши в Америке начнут заламывать руки и причитать: «Где наш золотой мальчик? Спасите нашего золотого мальчика!» И тут явится сама звезда и спасет тебя — понимаешь? — и мигом попадет на первые страницы газет.

Я криво усмехнулся. Нет, на такую удочку меня не поймаешь. Может быть, я и осел, но не до такой же степени.

— Ха! — сказал я. — Ври больше.

— Чистая правда, провалиться мне на этом месте! — воскликнул Эдди. — Клянусь, чем хочешь…

Я снова улыбнулся.

— Вздор.

— Но…

— Будь это рекламным трюком, то почему бы вам просто-напросто не подойти ко мне и не попросить вежливо вместо того, чтобы душить вашим дурацким хлороформом?

Джордж бросил злобный взгляд на Фреда.

— Вот видишь!

— Вот видишь! — повторил Эдди, бросив такой же взгляд.

— Я знал, что твой хлороформ не доведет нас до добра, — сказал Джордж.

Борода у Фреда обвисла, ему явно было стыдно за свою оплошность. Он едва слышно пробормотал что-то про метод.

— Я не верю ни единому вашему слову, — заявил я. — Вы плетете что-то о девушке и не можете даже назвать ее имени, и имени кинозвезды

— тоже. В жизни не слыхивал такого бреда. Короче говоря, вы просто мелкие жулики, которые решили меня похитить, чтобы подзаработать. Теперь вам остается лишь дружными рядами отправиться в погреб — если он здесь имеется — и сидеть там, пока я не позвоню в полицию и не сделаю заявление.

Мои последние слова их просто убили. Когда имеешь дело с бородачом, трудно быть до конца уверенным, но я готов был поклясться, что они побледнели.

— Нет, не надо! — воскликнул Джордж.

— Ты этого не сделаешь!

— Еще как сделаю! — возразил я.

— А как же оладьи? — укоризненно покачал головой Джордж.

— Оладьи тут совершенно ни при чем, — бросил я раздраженно.

Это был слабый пункт моей защиты. Я сознавал, что грубо попираю святые законы гостеприимства, за что человек может лишиться всякого уважения сограждан. Поэтому мне пришлось пересмотреть свои планы насчет полиции. Сохранив внешнюю суровость, я про себя решил, что запру их в погребе, а потом просто удалюсь, и дело с концом.

Бандиты тем временем, не умея читать мысли, продолжали трястись от страха.

— Боже мой! — простонал Эдди.

— Черт возьми! — воскликнул Фред. Джордж тяжело вздохнул.

— Знаете, что будет, если он позвонит в полицию?

— Черт возьми!

— Боже мой!

— А я вам скажу, что будет. Все спишут на нас. Девица, что приходила, поклянется, что никогда нас не видела — понимаете? — и где мы тогда окажемся? За решеткой, по делу о похищении.

— Боже мой!

— Черт возьми!

Все трое задумались.

— Мне кажется, — снова начал Джордж, — один из нас должен броситься на него и отнять револьвер.

— Правильно, — поддержал Фред, — валяй, Эдди.

— Лучше ты, Джордж, — сказал Эдди.

— Нет, лучше Фред, — возразил Джордж. — Нет, давайте, сделаем все по-честному, чтобы потом никто не жаловался. Посчитаемся: инни — минни — майни — мо, ставь на ниггера клеймо… тидли — идли — э-э… как там дальше… в общем, ты, Фред.

— Валяй, Фред, — сказал Эдди.

— Давай, не тяни время, — кивнул Джордж. — Прыгни, как ты умеешь.

— Как пантера, — подсказал Эдди. Фред тяжело вздохнул.

— Ладно, сейчас, только…

В этот напряженный момент раздался голос:

— Что тут происходит?

В дверях стояла Эйприл Джун.

26

Впечатление оказалось не из слабых. Не будь я так набит оладьями, то, наверное, не устоял бы на ногах. Тем не менее решил твердо держаться своей линии.

— Стой, где стоишь! — скомандовал я. — Стой, а то стреляю!

Эйприл, казалось, была потрясена не меньше моего.

— Ты что же это творишь, болван! — выкрикнула она. — У тебя что, совсем мозгов нет? Сюда вот-вот явится толпа репортеров и фотографов, и кого я тогда буду спасать? — Она гневно повернулась к Джорджу и его дружкам. — Вы что, с ума посходили? Моя секретарша растолковала вам все до последней мелочи, а вы тут дурака валяете! Представляете, что будет, если вас застанут в таком виде? Мальчишка должен сидеть на стуле, привязанный, а вы — ему угрожать. Я должна стоять с револьвером, а не он!

— Э-э… мадам, — запинаясь, начал Джордж, — простите меня, но вы и есть та дама, про которую другая дама сказала, что она ту даму представляет? То есть, кинозвезда?

— Ну конечно, та самая, олух несчастный!

— Очень приятно познакомиться, мадам, — поклонился он.

— Мне наплевать, приятно вам или неприятно…

— Слушай, да это же Эйприл Джун! — воскликнул Эдди.

— Ясное дело, — радостно ухмыльнулся Фред.

— Да, я Эйприл Джун!

— Эй, слышь, Джордж, — продолжал Эдди, — помнишь ту историю, о которой мы пару дней назад толковали… ну, та, что ты сказал, прямо как нарочно для Эйприл Джун?

— Помнишь, Джордж? — подхватил Фред.

— Еще бы не помнить! — хмыкнул Джордж. — Э-э… мадам, может, у

вас есть минутка, я бы рассказал один маленький сюжетец, мы с ребятами вместе его набросали. Понимаете, там есть один большой босс, и у него красотка-секретарша…

Эйприл Джун в бешенстве топнула ногой, которую я назвал бы изящной, если бы до сих пор не ощущал последствия ее контакта с некой частью тела.

— Я не собираюсь выслушивать истории! — взвизгнула она. — Я хочу знать, почему вы его не связали! Джордж виновато покачал бородой.

— У нас просто духу не хватило, мадам…

— Он ел оладьи, и вообще… — присоединился Эдди.

— Мы хотели после завтрака, — объяснил Фред.

— А потом, — продолжал Джордж, — мы начали разговаривать про сценарий…

Эйприл снова топнула.

— А теперь в результате вы все чуть не испортили. Быстрее вяжите его! Живо! Может, еще успеем…

— Но, мадам… у него заряженный револьвер!

— Вы что, с ума сошли? Какого черта вы его зарядили?

— Это все Фред, — мрачно кивнул Эдди на товарища. — Он такой дотошный…

— Все хочет делать по правилам, — пожал плечами Джордж.

— Я артист! — воскликнул Фред с вызывающим видом. — Свободный художник. Я так видел эту сцену, я ее чувствовал, — он ткнул себя в грудь, — вот здесь!

— Тут такое дело… — смущенно объяснил Джордж, — Фред, он как сыграл в массовке в «Прокаженных на Бродвее», совсем стал на себя не похож.

Эйприл Джун бросила на меня горящий взгляд, который действовал, в своем роде, не хуже ножа для бумаги.

— Давай сюда револьвер! — приказала она.

Я топтался на месте в нерешительности. Прежде чем совершать необратимые поступки, надо быть уверенным в фактах.

— Они говорят правду? — Я махнул револьвером в сторону бандитов. — Это на самом деле рекламный трюк?

— Ну конечно! Тебе же сто раз говорили! Мисс Баннистер уверяла, что подробно объяснила тебе все, и ты понял.

Черт побери, ну конечно!

Только теперь мне стало ясно, в чем дело. Вот что означали все эти загадочные намеки и многозначительные взгляды! Вот что имела в виду

Энн, говоря о предстоящем трудном дне, и вот о чем собирался меня предупредить Джо Кули!

— Вчера все газеты получили материал о твоем похищении…

Не случайно Энн была так уверена, что о моих художествах со статуями и лягушками сегодня никто и не вспомнит.

— …а сегодня я должна отыскать тебя и спасти! Отдавай револьвер! Сейчас тебя привяжут к стулу. Живо! Я уже слышу машину.

И все-таки, несмотря ни на что, я еще колебался. Что бы ни говорила Эйприл Джун, верить ей было нельзя. А если ее слова — всего лишь хитрая уловка? Эта женщина опасна даже для того, кто свободно владеет своими конечностями и имеет возможность увертываться, и попадаться ей связанным значит просто напрашиваться на неприятности. Мне совсем ни к чему становиться жертвой новых преступлений против личности.

Погрузившись в размышления, я несколько ослабил бдительность и опустил револьвер. В тот же миг троица бородачей бросилась на меня, и вскоре я уже сидел на стуле, обмотанный веревками. Снаружи уже слышались шаги. Эйприл Джун поспешно схватила револьвер, а бандиты подняли руки и старательно изобразили на лицах смятение.

— Один шаг, и я стреляю, мерзавцы!

С этими словами она бросила выжидательный взгляд на дверь. Однако толпа репортеров и фотографов почему-то не спешила ввалиться в комнату, а вошла только Энн Баннистер.

Финальная сцена получилась несколько смазанной. По лицу Эйприл Джун было видно, что у нее возникла аналогичная мысль. Представьте себе сцену в комической опере, когда после реплики: «Вот и королевская свита!» из-за кулис выбегает один лишь мальчишка-барабанщик.

Эйприл бешено выкатила глаза.

— Где репортеры?

— Репортеров не будет, — сухо сказала Энн.

— А фотографы?

— Фотографов — тоже.

— Как это, не будет?! — Сказать, что у Эйприл показалась пена изо рта, было бы преувеличением, но не большим. — Что вы хотите этим сказать? Боже мой! — воскликнула она в смятении чувств, каковых я насчитал не менее шести. — Мне что, вообще ни на кого нельзя рассчитывать?

Бородачи переглянулись.

— Репортеров не будет, мадам? — переспросил Джордж, скривив губы.

— И фотографов? — подняли брови Фред с Эдди.

— Нет, — отрезала Энн, — ни одного. Сейчас объясню, почему если вы мне дадите сказать. Нет никакого смысла продолжать. Дохлый номер. Все кончено.

— Кончено?

— Кончено, — кивнула она. — Спасение Джо Кули больше никого не интересует. Имя бедняжки втоптано в грязь, и егр карьера в кино завершена.

— Что?!

— Именно так. У вас на столе — воскресная газета, разве там ничего нет? Должно быть на первой странице.

— Мы читали только раздел о новых фильмах и комиксы, — виновато потупился Джордж.

— Ну так посмотрите… Эх ты, ослиная башка, — Энн с жалостью взглянула на меня, — и дернуло же тебя шутить шутки с репортершей! Я всегда говорила, что твое чувство юмора до добра не доведет. Откуда ей знать, что ты все это не всерьез? Думаешь, твои поклонники поверят теперь твоим оправданиям? И не надейся… В «Лос-Анджелес Кроникл», — объяснила она, повернувшись к Эйприл Джун, — на первой странице фотография Джо Кули, где он курит сигарету с коктейлем в руках, а в интервью сам говорит, что ему двадцать семь лет, и он предпочитает трубку.

Эйприл цапнула газету со стола и принялась читать. Джордж посмотрел на Эдди. Эдди посмотрел на Фреда.

— Сдается мне, парни, — сказал Джордж, — дело тухлое.

— Яснее некуда, — согласился Фред.

— Угу, — отозвался Эдди.

— Ловить нам тут больше нечего, если поспешим, то, может, успеем в церковь.

— Ага, — кивнул Фред.

— Угу, — буркнул Эдди.

Осуждающе покачав бородами, они сорвали их и бросили в ящик комода, потом извлекли из того же ящика каждый по молитвеннику и удалились, как мне показалось, в подчеркнуто официальной манере.

Энн повернулась ко мне, лицо ее светилось ангельским сочувствием.

— Бедняга Джозеф, — вздохнула она, — ради шутки готов пожертвовать чем угодно. Смешно, конечно, вышло, но, боюсь, смеяться никто не будет. Американские Матери тебе этого никогда не простят. Когда я уходила, перед домом Бринкмайеров бушевали шестьсот женщин

из Мичигана, требовали тебя выдать и уже готовили смолу и перья, а еще хотели, чтобы им оплатили проезд из Детройта и обратно. Так что, боюсь…

В этот момент в комнате раздался легкий свистящий звук, похожий на завывание вьюги в щелях дома с привидениями. Это Эйприл Джун набирала в грудь воздуха.

— С начала до конца интервью — ни единого слова обо мне, — произнесла она странным тихим голосом, как-то по-особенному четко выговаривая слова. Так первый еле слышный шепот ветра предвещает ураган и смерч. — Ни — единого — слова! Ни слова, ни словечка, ни буковки, будь я проклята! Мое интервью… — ее голос постепенно набирал силу. — Мое собственное интервью! Эксклюзивное персональное интервью, и этот мелкий пакостник, это ничтожество влезает сюда и пускает все под откос! Ну погоди, сейчас я доберусь до тебя!

Она странно задрожала всем телом и стала крадучись приближаться к моему стулу, судорожно сжимая и разжимая кулаки. Губы ее хищно раздвинулись, обнажая оскаленные зубы, глаза яростно пылали. Было похоже, что Реджинальду сейчас придет конец.

Энн рванулась вперед и встала между нами.

— Что вы хотите сделать?

— Много чего, — прошипела Эприл.

— Вы не тронете мальчика!

Из-за спины Энн я ничего не видел, но услышал тот же свистящий звук, но на сей раз еще более зловещий. Казалось, Эйприл сейчас произнесет сакраментальное «Ха!», но она лишь спросила:

— Нет?

— Нет! — твердо ответила Энн.

Наступила тишина. Очень давно, в старые мирные времена мне довелось увидеть картинку, где героиня, которую пленили язычники, лежит связанная на алтаре, а герой заслоняет ее грудью от жреца с поднятым ножом. Только теперь я понял, что чувствовала в той ситуации героиня.

— Пусти меня! — потребовала Эйприл.

— Ни за что!

Эйприл снова высвистела пару тактов, набирая воздух.

— Вы уволены, — сказала она.

— Очень хорошо, — ответила Энн.

— Кроме того, я позабочусь, чтобы вас больше никто не принял на работу!

— Как вам будет угодно.

Эйприл Джун резко развернулась и зашагала прочь. На пороге она задержалась, обвела нас с Энн свирепым взглядом и вышла.

До чего же неприятная женщина! И что я только в ней нашел?

Энн быстро расправилась с веревками. Почувствовав себя свободным, я встал, открыл было рот… и снова его закрыл. В мои первоначальные намерения входило поблагодарить ее со всем доступным мне красноречием за то, что она уже во второй раз спасает меня от злобных сил тьмы, но один взгляд на нее заставил меня остановиться.

Лицо Энн не было залито потоками слез — она не принадлежала к числу тех, кто любит поплакать, — но выглядело настолько убитым, что сердце мое сжалось. Каким, должно быть, ударом явилась для нее потеря работы, которой она так упорно добивалась и на которую так рассчитывала! Одним словом, потрясение не из слабых.

Опрокинуть все свои планы и мечты всего лишь ради того, чтобы уберечь меня от ярости Эйприл Джун! Мое восхищение смелостью и благородством девушки так бурно вскипело поверх оладий, что я едва не задохнулся и, слегка запинаясь, проговорил:

— Извини… мне так неудобно…

— Ничего страшного.

— Ну, как же…

— Все в порядке, Джозеф.

— Я даже не знаю, что сказать.

— Не переживай, малыш. Не думаешь же ты, что я могла бы отойти и позволить ей…

— Но ты потеряла работу!

— Ничего, устроюсь на другую.

— Она сказала…

— Ну, пускай не пресс-секретарем… туту нее, боюсь, достаточно влияния, чтобы мне навредить, да и места такие попадаются нечасто… ничего, может, подвернется что-нибудь другое.

В моем мозгу вспыхнула идея, позволившая мне указать на светлую сторону, если, конечно, ее можно назвать светлой.

— Так ведь тебе вообще не нужна работа! Ты же выходишь замуж, — воскликнул я, слегка поморщившись. Мысль о скором замужестве Энн была мне чертовски неприятна — не побоюсь сказать, она пронзала, как стрела, мое сердце. Энн посмотрела на меня с удивлением.

— А ты откуда знаешь?

— Э-э… мне Эгги сказал, — быстро нашелся я.

— Ах, да. Он же вчера давал тебе урок риторики. Ну и как успехи?

— Отлично.

— Не сомневаюсь, раз ты уже зовешь его Эгги.

— Он человек состоятельный.

— Наверное, — пожала она плечами, — только мне теперь все равно. Мы расстались.

— Что?

— Помолвка разорвана. Вчера вечером. Так что работу, хочешь не хочешь, придется искать. Скорее всего, устроюсь медсестрой к стоматологу. Девушка, которая помогала мистеру Буруошу, говорила, что собирается уходить, вот я и займу ее место.

Я потерял дар речи. Подлое предательство Эгги, посмевшего дать отставку такому благородному существу, в сочетании с мыслью о том, что Энн, моя несравненная Энн, будет вынуждена растрачивать свои блестящие способности, содействуя Б.К. Буруошу в его зубодерном промысле, совершенно вывели из строя мои голосовые связки.

Энн махнула рукой.

— Не будем напрасно тратить время, лучше давай подумаем, что тебе теперь делать.

— Мне?

— Ну конечно, дружок. Тебя надо куда-то пристроить. Не к Бринкмайерам же возвращаться.

Я понимал, что Энн права. Размышляя о ее бедах, я совсем упустил из виду, что мои собственные перспективы представлялись не менее мрачными. Да и последние злоключения немало способствовали тому, чтобы отвлечь мои мысли. Когда сидишь привязанный к стулу и смотришь, как разъяренная женщина, засучив рукава, готовится отвесить тебе хороший удар в челюсть, думаешь лишь о том, что происходит в данный момент. Теперь же я вновь обрел возможность заглянуть в будущее.

— Боже мой! — воскликнул я.

— Вот именно, — кивнула Энн. — Ну, и что ты думаешь?

— У меня возникла мысль уехать в Англию.

— В Англию?

— Да, если только удастся собрать необходимую сумму.

— Но почему именно в Англию? Придумать ответ с ходу оказалось нелегко

— Да так… просто подумал, — промямлил я.

— Нашел, что придумать! Не валяй дурака, Джозеф. Не говоря уже о том, что тебя в Англии никто не ждет… как ты туда доберешься? У тебя

даже паспорта нет. Кто станет продавать билет ребенку? Тебя просто-напросто задержат до выяснения, а потом отправят обратно к мисс Бринкмайер.

О деталях такого рода я не подумал. Мой план будущей жизни в Бидлфорде был разработан, так сказать, лишь в общих чертах.

— Нет уж, — покачала головой Энн, — тебе остается только одно: вернуться домой к матери, в Чилликот, штат Огайо. Знаешь что? Я не могу отвезти тебя туда сама, потому что машина у меня взята напрокат, но сейчас съезжу и найму кого-нибудь. Твоя мать заплатит за проезд там, на месте, я договорюсь. Ну все, я побежала, пока!

— Пока.

— Подожди меня, — обернулась она. — Не вешай носа, Джозеф, все образуется!

Машина Энн отъехала. Я мрачно дожевал оставшуюся на столе оладью, а потом, не в силах сидеть в четырех стенах, вышел из дома и побрел по переулку, рассеянно подбрасывая ногой камешки.

Энн велела мне не вешать носа, но последовать ее совету было чертовски трудно. Образуется? Будь я проклят, если оно когда-нибудь образуется! Чем дольше я размышлял, тем поганее становилось на душе.

Даже если оставить в стороне Энн и ее затруднения, о сложившейся ситуации можно сказать мало хорошего. Безнадежная любовь гложет мое сердце и, вне всякого сомнения, так и будет дальше глодать. Все остальное еще хуже.

Будущее у меня черно — чернее некуда. Не так-то просто примириться с жизнью ребенка-кинозвезды, когда все твои вкусы и привычки принадлежат третьему графу Хавершоту, но это в сто раз лучше, чем оказаться бывшим ребенком-кинозвездой.

Высокий титул Кумира Американских Матерей все же хоть немного, а грел душу. Теперь я лишился и такого слабого утешения. Поведение мичиганских образчиков сей породы недвусмысленно показало, что единственное чувство, питаемое ко мне Американскими Матерями — это сильное желание проломить мне голову кирпичом.

Пожалуй, ничего теперь не оставалось, как и в самом деле осесть в Чилликоте, штат Огайо, с родительницей Джо Кули и окончить там свои дни в затворничестве и полной безвестности. Нельзя сказать, что такая перспектива, даже принимая во внимание рекламу жареных цыплят по-южному, особо меня радовала. Сами понимаете, не так-то просто наладить отношения с незнакомой женщиной. Общие вкусы и темы для беседы обычно выявляются далеко не сразу.

Неудивительно, что, пребывая в водовороте мыслей, я свернул из переулка на проспект в несколько отрешенном состоянии, из которого меня вывел лишь шум мотора. Сзади приближался мопед, причем страшно быстро. Обернувшись, я увидел эту дьявольскую штуковину прямо перед собой.

Мне едва хватило времени заметить, что седок был облачен в неброский серый костюм, а его серо-зеленые носки необычайно удачно сочетаются с модными замшевыми туфлями, как раздался крик, пронзительный гудок, я ощутил сильный удар по голове и потерял сознание.

27

Я лежал на обочине с закрытыми глазами, внутри черепа что-то тяжко ворочалось. В ушах раздался голос:

— Эй! — произнес он.

Первой моей мыслью было, что я в раю, и один из ангелов пытается таким образом познакомиться, однако то, что ворочалось в голове, слишком занимало меня, чтобы смотреть и выяснять, так ли это. Поэтому я продолжал просто лежать.

— Эй! — повторил голос. — Вы что, померли?

Еще минуту назад я, не задумываясь, ответил бы утвердительно, но теперь в голове начало понемногу проясняться, и туда просочились кое-какие сомнения. Я подумал еще чуть-чуть и уверенно сказал:

— Нет.

Чтобы подкрепить свое утверждение убедительными доказательствами, я открыл глаза и увидел такое, что тут же пришел в себя окончательно.

Передо мной стоял малыш Джо Кули собственной персоной. Ошибиться было невозможно. Короткие штанишки, золотистые кудри — все как полагается. Взглянув на свои ноги, простиравшиеся до самого горизонта, я обнаружил, что они отличаются похвальной мускулистостью, облачены в серые брюки и заканчиваются серо-зелеными носками, которые, в свою очередь, плавно переходят в модные замшевые туфли.

Полагаю, что многие на моем месте пришли бы в замешательство. Возможно, день-другой назад пришел бы в замешательство и я сам. Однако с тех пор наполненная событиями жизнь успела в значительной степени обострить мои умственные способности, и я мгновенно догадался, что

случилось.

Все вернулось на прежнее место.

Понять основную механику событий было нетрудно. Главную роль сыграло столкновение. Получив удар по голове, я свалился в нокауте, и малыш Кули свалился в нокауте в тот же самый момент. И пока мы оба лежали в нокауте, произошел обратный переход. У меня не сохранилось никаких воспоминаний, но нет никаких сомнений, что мы встретились там, в четвертом измерении, обсудили наши дела и решили воспользоваться удобным случаем, чтобы вернуть то, что, насколько я знаю, хоть и не поручусь за точность, называется status quo.

— Ура! — воскликнул я.

Без сомнения, после того, что произошло между мной и этим сопляком во время нашей последней встречи, я имел полное право держаться несколько отчужденно. Если вы помните, прощание наше было далеко не дружеским — он насмешливо пожал плечами и ушел, оставив меня одного с кровожадным Томми Мерфи, — однако теперь мое настроение было слишком радужным, чтобы дуться. Я так и сиял, глядя на своего обидчика.

— Привет-привет! — обратился я к нему. — Ты заметил что-нибудь?

— Что именно? — нахмурился он.

— Ну… в смысле, старое status quo. Заметил, что мы снова поменялись?

— Ах, да… Само собой. Интересно, как это получилось?

У меня не было времени обдумать все в деталях, но я постарался, как мог, изложить основную мысль. Джо Кули понимающе кивнул.

— Ясно. Старая песня… Я тут ни при чем, — спохватился он, — я сигналил!

— Все в порядке, — заверил я.

— Вы-то что бродите посреди дороги?

— Да так, просто задумался.

— А вообще как здесь оказались?

— Меня привезли Джордж, Эдди и Фред.

— Кто это?

— Вполне приличные ребята. Похитители. Лицо Джо Кули прояснилось.

— Значит, затея с похищением прошла удачно?

— Без сучка без задоринки.

— Стало быть, вот где их берлога. Тот домишко в конце переулка?

— Он самый.

— И как все было?

— Ну… сначала мы позавтракали…

— Завтрак! — перебил он. — То-то я сразу почувствовал, что в моем теле что-то изменилось! Оно стало как будто полнее, нет той пустоты. Завтрак? А что было на завтрак?

— Сосиски, а потом оладьи. Глаза у него загорелись.

— Там что-нибудь осталось?

— Неужели ты еще хочешь? — удивился я.

— Еще как!

— На кухне, наверное, еще есть, — пожал я плечами. — Ты сможешь сам приготовить?

— Не уверен, но попробую. Может, найду еще бекон, или яйца, или хоть хлеба кусок. С этим моим контрактом и его статьей «Б», прежде чем возвращаться к мамаше Бринкмайер, надо как следует подзаправиться.

Я почувствовал, что настал момент сообщить ему неприятные новости.

— На твоем месте я бы к Бринкмайерам не возвращался.

— Не говори глупости, у меня контракт еще на три года.

— Теперь уже нет.

— Как это?

— Ты читал воскресные газеты?

— Нет, а что?

— Тогда должен тебе признаться, что я непреднамеренно, если ты знаешь это слово, э-э… несколько подвел тебя.

Не вдаваясь в особые подробности, я кратко изложил положение дел.

Как оказалось, волноваться не стоило. Мне ни разу не приходилось наблюдать столь довольное выражение на лице ребенка. Полагая, что известие о полном крушении его профессиональной карьеры разобьет сердце Джо Кули, я попал мимо цели. Промахнулся метра на два.

— Ну, сэр, — сказал он, глядя на меня с восхищением и благодарностью, — удружили вы мне, нет слов, как удружили. Сиди вы всю день и ночь над книжками, и то не смогли бы придумать лучше, нет, сэр!

Я оторопел.

— Так тебе это нравится?

— Еще бы не нравилось! Теперь у меня развязаны руки, и я могу хоть сейчас вернуться к себе в Чилликот. — Он вдруг сник. — Или не могу?

— А почему бы и нет?

— А как я доберусь?

Я беспечно махнул рукой, получив громадное удовлетворение от возможности вновь располагать собственной конечностью.

— Все уже улажено.

— Правда?

— Да. Скоро за тобой приедет машина.

— Вот здорово! А кто это устроил?

— Энн Баннистер.

— Я так и думал. Ну и девушка!

— Ода!

— У этой девушки есть голова на плечах.

— И какая голова!

— Просто обожаю ее.

— Я тоже.

На лице Джо Кули отразилось удивление.

— Вы тоже?

— Конечно!

— А как же та, вторая?

— Ты о ком?

— Вы говорили, что любите Эйприл Джун.

Меня передернуло от отвращения.

— Будь так добр, — попросил я, — не упоминай при мне этого имени. Ты был абсолютно прав, малыш Кули, и проявил необыкновенную проницательность в оценке характеров, когда назвал ее гадиной.

— Точно, гадина и есть.

— Ядовитая гадина.

— Жуткая гадина.

— Мерзкая гадина.

— Да, сэр!

— Да, сэр!

Достигнув, таким образом, полного единодушия с Джо Кули по этому вопросу, я решил сменить тему.

— Странно, — удивился я, — что ты не видел воскресную газету. Ты их вообще читаешь?

По его лицу пробежала тень. Он, казалось, слегка смутился.

— Да, конечно, только… сегодня меня вроде как отвлекли.

— Кто отвлек?

— Да тот фараон.

— Что?

Его смущение возросло.

— Послушайте, — сказал он, — тут так вышло… Я хотел рассказать вам сразу, но разговор зашел о другом. В общем, только я купил газету и открыл ее — возле дома, там, в Саду Гесперид, как подъехал фараон на мопеде и спросил, не я ли лорд Хавершот.

— И ты ему ответил…

— Да, сэр. И тут он берет меня и арестовывает за нападение на мамашу Бринкмайер. Дело очевидное, говорит, потому что, оказывается, я, когда гонялся за ней вокруг бассейна, уронил ваш футляр с визитками.

— Боже милостивый!

— Вот-вот, — кивнул Джо Кули. — Но это еще не все. Самое главное впереди. Помните ваш любимый удар с размахом восемь дюймов, с разворотом?

Я пошатнулся.

— Ты не…

— Да, сэр, — удрученно вздохнул он. — Прямо в челюсть. Он свалился, а я взял его мопед и смылся. Решил рвануть в Мексику. Знаете, что? Если этот мопед в порядке, то я бы на вашем месте туда и отправился. Да, сэр… Ну ладно, я, пожалуй, пойду поджарю себе парочку сосисок, а то оладьи уже как-то не чувствуются.

Малыш Кули исчез в переулке, а я кинулся к мопеду и осмотрел его. Если мое тело, за поступки которого я теперь несу полную ответственность, докатилось до нападений на полицейских, то мексиканская граница — ив самом деле наилучший вариант.

Однако состояние мопеда никак нельзя было признать наилучшим. Вернее сказать, он представлял собой полную развалину. Сделав заключение по результатам вскрытия, я отбросил останки в сторону. Для моего спасения машина никак не могла пригодиться.

Мне оставалось лишь дожидаться машины, нанятой Энн Баннистер, и добираться вместе с мальчиком до Чилликота. По крайней мере, это уже штат Огайо. Я направился к дому, чтобы обсудить свои планы, и нашел Джо Кули на кухне. Он вовсю возился с огромной сковородой, и путешествию в моей компании оказался только рад.

— За границей штата вас уже никто ловить не станет, — сказал он.

— Ты уверен?

— Железно. Им пришлось бы вас… как это… экскрадировать.

Снаружи раздался автомобильный гудок.

— Ага, — прислушался Джо Кули. — К нам гости. Если это за мной, скажи, что я еще не готов.

Меня посетила ужасная мысль.

— А если за мной?

— Фараоны? Не может быть.

— Может.

— Тогда врежь им как следует. Прямо в морду.

Надо признаться, дверь я открывал с тревогой, поскольку не располагал наивной верой ребенка в удар по морде как универсальное средство от неприятностей. Однако, к немалому облегчению, машина оказалась не полицейской, а крошечной двухместной развалюхой, которые можно часто встретить в Голливуде.

Лицо водителя показалось мне странно знакомым.

— Боже мой! — невольно воскликнул я. Это был не кто иной, как мой кузен Эгги.

28

Ожидая меньше всего на свете встретить здесь спиртовой насос в человеческом облике, я стоял и смотрел на него, раскрыв рот. Он не сразу выбрался наружу из своей лилипутской машинки, поскольку принадлежал к числу представителей человеческой породы, скроенных, скорее, по образцу гусеницы или шланга. В конце концов все-таки освободился и двинулся к дому с жизнерадостным «Эгей!», «Эхой!», по крайней мере, так я понял его бульканье, однако, не успев произнести что-либо еще, заметил в дверях меня и словно проглотил язык. Отшатнувшись, как от раскаленной печи, он некоторое время стоял, хлопая глазами. В горле его что-то едва слышно клокотало.

Затем на его лице появилась болезненная улыбка.

— Привет, — выдавил он наконец.

— Привет.

— Доброе утро, Джордж.

— Джордж? — удивился я.

— То есть, я хотел сказать, доброе утро, Эдди.

— Эдди?

— В смысле, доброе утро, Фред.

Всему этому могло быть лишь одно правдоподобное объяснение, хотя даже в самые лучшие времена мне не приходилось наблюдать своего старого приятеля в таком состоянии.

— Ты что-то совсем вдрызг, — заметил я.

— Ничего подобного, — обиженно возразил Эгги.

— Иначе и быть не может. Если ты даже не видишь, что я Реджи… Что это за ерунда насчет Джорджа, Эдди и Фреда?

Он снова поморгал.

— Ты что, и в самом деле Реджи?

— Ну конечно.

Некоторое время он стоял, потирая лоб, потом сказал удрученным тоном:

— Тебе не следовало так поступать, Реджи, я ведь тебя уже предупреждал.

— Как поступать? — не понял я.

— А вот так: появляться внезапно в таких местах, где тебя никто не думал встретить, и пугать людей, которые ожидают увидеть перед собой кого-то совсем другого. Я испытал очень неприятное потрясение, когда увидел тебя, а не Джорджа, Фреда или Эдди. Само собой, мне пришло в голову, что ты и есть Джордж, Фред и Эдди, и меня просто снова подвело зрение. Ты должен осторожнее обращаться с людьми, Реджи. Попробуй-ка поставить себя на мое место и подумай, что бы ты чувствовал.

— Ты знаешь Джорджа, Фреда и Эдди? — изумленно спросил я.

— Как же мне их не знать? Замечательные ребята.

— А ты знаешь, что они бандиты?

— Мне все равно, чем они занимаются в свободное время. Мы познакомились в Храме Нового Рассвета, они там церковные старосты и пользуются большим уважением прихожан. Вчера Эдди подарил мне свой сборник гимнов, мы выпили после службы лимонаду и договорились, что я загляну сегодня утром на обед и партию в гольф. Отличные парни, настоящие друзья. Ты был в Храме Нового Рассвета, Реджи?

— Только слышал о нем.

— Ты просто обязан к нам присоединиться. Просто чудесное местечко. Мне его показала девушка по имени Мейбл Прескотт. Что-то среднее между молитвенным собранием и оздоровительным институтом. Я только вчера туда записался.

— Самое время.

— Вот именно! Я по уши завяз в болоте…

— Ты сидишь в этом болоте уже много лет.

— Да, но два дня назад ситуация достигла критической точки, если ты понимаешь, о чем я говорю. Дело зашло слишком далеко. Сначала все шло как обычно, я ни о чем таком не думал, заправлялся то тут, то там, и вдруг как взрыв. Я стал буквально распадаться на части.

— Вот как?

— Именно так, клянусь! В точности так, как говорила Мейбл: проехал без остановок прямо до конечной станции. Сначала начались штуки со зрением. Очень странные симптомы. Я стал видеть астральные тела, да-да! Тебя они когда-нибудь посещали, Реджи? Крайне неприятное зрелище, можешь мне поверить. Они выглядывают из-за спинки кресла и…

— Как? Зачем?

— Понятия не имею. Да мало ли что придет в голову астральному телу!

— Интересные у них шутки.

— Называй как хочешь, но они это делают, во всяком случае, то, которое явилось ко мне, — астральное тело ребенка-кинозвезды по имени Джо Кули. Я как раз сидел у тебя дома в Саду Гесперид, и он высунул голову из-за кресла! То есть, не он, а как бы его дух или призрак.

— Ясно.

— Вот-вот, я видел его так же ясно, как тебя. Так и подпрыгнул. Но и этот случай вряд л и подействовал, я счел бы его просто минутной слабостью, если бы не то, что случилось на следующий день. Я знаю, Реджи, тебе трудно будет поверить, но все равно расскажу. На следующее утро мне нужно было давать урок риторики тому самому актеру, Джо Кули. Сначала я немного растерялся, когда встретил во плоти того, чей дух видел накануне, но потом все-таки начал урок. Я сказал ему: «У тебя проблемы со звуками, сынок, твои звуки никуда не годятся. Повторяй за мной: «Здравствуй, рыжая корова, отчего глядишь сурово?» И знаешь, что он ответил?

— Что?

— Могу поклясться, что он ответил следующее… Только представь себе! Он сказал: «Хочу сообщить, что я твой кузен Реджи Хавершот».

— Не может быть!

— Клянусь! «Кстати, — говорит, — хочу сообщить, что я твой кузен Реджи Хавершот!»

— Ну и ну!

— Так в точности и сказал, можешь мне поверить. Тут уж мне все стало ясно: уши отправились вслед за глазами! Я умею проигрывать… Отправился прямой дорогой в этот Храм Нового Рассвета и написал заявление по всей форме… Вот там я и познакомился с Джорджем, Фредом и Эдди. Кстати, где они?

— Ушли. Говорили, вроде бы, в церковь.

— Ага, значит, в Храм. Утренняя служба у нас в одиннадцать, пожалуй, и мне стоит сходить. Скажи только, Реджи, каким чертом тебя

занесло… Эй! — Он замолк и глубоко втянул воздух. — Тебе не кажется, что пахнет горелым?

Я принюхался.

— Да, похоже на… Что такое? — воскликнул я, потому что Эгги вдруг подскочил на месте и стал медленно отступать назад, вытаращив глаза и нервно облизывая губы.

— Ничего, — ответил он, немного приходя в себя. — Ничего, просто небольшой рецидив. Легкий приступ того же самого. Наверное, оно не сразу проходит. Помнишь, я говорил про астральное тело Джо Кули? Так вот, оно самое опять. Там, прямо за твоей спиной. Не обращай внимания, не потакай ему. Притворись, будто не видишь.

Я обернулся. Малыш Джо Кули стоял в дверях с дымящейся сковородой в руках. Меня обдало жутким смрадом сгоревших сосисок.

— Послушайте… — начал он.

— Опять голос, — пробормотал Эгги с искаженным лицом. — Оно говорит.

— Я их вроде как-то не так поджарил, — продолжал Джо Кули. — Они все почему-то скрутились и стали черные… А кто это?

Я незаметно подмигнул ему.

— Ты что, забыл своего учителя риторики?

— Э-э…

— Ну, вчера утром… Урок риторики. Он приходил давать тебе урок.

— Ах, да! Ну конечно! Мой учитель риторики. Помню, как же не помнить. Как поживаете, учитель риторики? Как делишки?

Эгги осторожно приблизился.

— Ты настоящий? — спросил он.

— Да вроде бы, — пожал плечами Джо Кули.

— Можно, я тебя потрогаю?

— Валяйте.

Эгги ткнул мальчишку пальцем в грудь и испустил вздох облегчения.

— Слава богу! Не то что бы я тебе не верил, просто… Просто все так запуталось, — сказал он с легким раздражением. — То ты настоящий, то нет… не поймешь. И я все-таки не понимаю, что ты здесь делаешь.

— Пытаюсь поджарить сосиски, но все никак не получается. Вы, случайно, не умеете?

— Спрашиваешь! В школе меня считали настоящим мастером. Я умел поджарить сосиску на кончике карандаша. Хочешь, помогу?

— Если вам не трудно.

— Нисколько.

Эгги устремился в дверь, но я успел ухватить его за полу пиджака. За разговорами у меня совсем вылетело из головы, что передо мной тот самый человек, который бессердечно бросил Энн, по-хамски разорвав помолвку.

— Погоди! Ты не уйдешь, Эгремонт Маннеринг, пока не дашь мне полного объяснения!

— Чего?

— Твоего низкого поступка!

— О чем ты? — удивился он. — Я ничего низкого не делал.

— Ха! — презрительно бросил я. — Твоя помолвка разорвана, не так ли? Ты трусливо улизнул от Энн Баннистер, не пожелав на ней жениться! Завоевать женское сердце, а потом объявить все первоапрельской шуткой — это, по-твоему, не низость? Есть люди, которые думают иначе. Ты как считаешь, юный Кули?

— По-моему, низость и есть.

— Любой ребенок с благородной душой ответит так же, — подвел я итог.

Эгги совсем растерялся.

— Но, черт побери! При чем тут я?

— Ха! Погляди-ка на него, Кули.

— Я хочу сказать, — продолжал Эгги, — что вовсе не я разорвал помолвку, а сама Энн.

Я опешил.

— Что?

— Именно так и было, клянусь!

— Она сама разорвала помолвку?

— Конечно! Вчера вечером. Я зашел к ней рассказать про Храм, и она дала мне отставку. Очень вежливо и по-дружески, но совершенно недвусмысленно. Кстати, хочешь знать, почему? Вспомни, что я говорил, когда мы с тобой встретились тогда на вечеринке. Ты уговаривал меня бросить пить, а я сказал, что тогда потеряю Энн, потому что она хочет меня исправить, а иначе вообще бы со мной не связалась. Ты понимаешь, Кули, о чем я? Это женская психология.

— Ясное дело.

— Если девушка обручается в надежде исправить своего жениха, а он вдруг исправляется сам, она оказывается в глупом положении.

— Ну да, само собой, — кивнул Джо Кули, — так и случилось в «Пьяных любовниках».

— Иначе и быть не может! — кипятился Эгги. — Ладно, Кули, пошли. Да здравствуют сосиски!

Я снова удержал его за пиджак.

— Нет, стой, не уходи! Ты не понял самого главного.

— Главного?

— Вот именно. Остроты возникшей ситуации. Когда Энн порвала с тобой вчера, она крепко стояла на ногах, у нее была перспектива хорошей работы, а теперь она на мели. Работа выскользнула из пальцев. У девушки нет ни гроша за душой, и ее кто-то должен поддержать, иначе от очереди на биржу труда ее спасет лишь работа на побегушках у зубодера.

— Да что ты говоришь!

— Да-да, так и есть. Ей придется ходить в белом халате и говорить: «Мистер Буруош готов вас принять».

— Ей это вряд ли понравится.

— Совсем не понравится, — подтвердил я.

— Она будет чувствовать себя как птица в позолоченной клетке.

— Совершенно верно — как птица в позолоченной клетке. Остается лишь одно: ты должен пойти к Энн и попроситься назад.

— Но я не могу! — запротестовал Эгги.

— Можешь!

— Не могу, — упорствовал он. — Есть препятствие чисто технического характера, старина. Сразу после того, как она меня бросила, я пошел к Мейбл Прескотт и сделал предложение ей.

— Что?

— Да. А Мейбл не такая девушка, с которой можно обручиться, а на следующий день заявить, что передумал. Мейбл, она… в общем, я бы сказал, она несколько вспыльчива. Лучшая в своем роде, разумеется, и я горячо люблю ее, но вспыльчива, тут уж ничего не поделаешь.

— Черт побери!

— Пойди я сейчас к ней и объяви, что в программе произошли изменения, то мне самое меньшее свернут шею и попляшут на моих бренных останках… Послушай, — вдруг оживился он, — на самом деле Энн вовсе не о чем беспокоиться! Почему бы ей просто-напросто не остаться нянькой при этом любителе сосисок?

— Ее вчера выгнали, — объяснил я.

— Черт, не везет так не везет. Я всегда об этом говорил: какой смысл искать работу, если потом все равно ее теряешь?

Джо Кули, который до сих пор стоял молча, задумчиво почесывая подбородок ручкой сковородки, заговорил:

— У меня есть предложение, джентльмены. Может, я и не прав, но, в конце концов, мы все тут в одной лодке. — Он повернулся ко мне. —

Почему бы вам самому не жениться на Энн?
Я вздрогнул.
— Мне?
— Ага. Вы же говорили, что любите ее.
— Правда? — просиял Эгги. — Вот и славно.
— Здорово, — согласился Джо, — лучше не придумаешь. Только тут они заметили мой печальный смех.
— В чем дело? — спросил Эгги.
— Энн на меня и не взглянет.
— Почему это вдруг?
— Очень даже взглянет. — Джо подмигнул Эгги. — Он же у нас из графьев.
— Я знаю, что он граф, причем из тех графов, которыми Англия может по праву гордиться.
— Любая девица только и мечтает выйти за графа, — сказал Джо.
— Ничто не привлекает женщин больше, чем возможность присутствовать при королевском дворе, — поддержал Эгги.
Они с мальчишкой, похоже, достигли полного согласия, но я решительно покачал головой.
— Она на меня и не взглянет, — с горечью повторил я. — Я — последний из мужчин, кто мог бы ей понравиться.
Джо Кули повернулся к Эгги и сказал шепотом, который, наверное, был слышен за километр:
— Он переживает из-за своего лица.
— Вот как? — поднял брови Эгги. — Ах, ну да, конечно. М-м… — Он смущенно кашлянул. — Знаешь, Реджи, я бы на твоем месте не стал так волноваться из-за лица. В определенных ракурсах… и при определенном освещении… я хочу сказать, в нем чувствуется какая-то… э-э… честность, суровая прямота…
— Да и вообще, — вставил Джо, — лицо не имеет никакого значения.
— Вот именно.
— Внешность никого не интересует. Франкенштейн вон, и тот женился.
— Разве? — удивился Эгги. — Первый раз слышу. Я с ним не знаком. Наверное, он учился в Харроу.
— Главное — это сила и страсть, — авторитетно заявил Джо. — Ведите себя поувереннее. Возьмите ее за руку, смотрите прямо в глаза и дышите поглубже, вот и все.
— Правильно.

— И еще надо рычать, — добавил Джо.

— Только не просто рычать, — поправил Эгги. — Не так, как пекинес, у которого отбирают печенье, а со словами.

— Ну да. Например, так: «Послушай, дор-рогая!» — изобразил Джо. — Если он так скажет, она сразу сдастся.

— В общем, вперед, Реджи, не тушуйся! — подытожил Эгги. — Осталось только найти ее. Кто-нибудь знает, где она сейчас может быть?

— Она вот-вот приедет сюда, — ответил я.

— Тогда все в порядке, — расцвел Эгги. — Ты пока поброди тут и отрепетируй как следует рычание, а мы с нашим ангелочком поколдуем на кухне. Думаю, его астральное тело останется довольно моими сосисками. Ну что, идем?

— Охотно, приятель. Пошли.

Они скрылись в доме, а я снова двинулся по переулку, вышел на дорогу и стал ждать. Вскоре появилась машина. За рулем сидела Энн Баннистер.

Я шагнул вперед, и она затормозила, испуганно вскрикнув.

29

— Реджи! — воскликнула Энн.

Ее удивление было мне понятно. Вероятно, я был последним из людей, которых она ожидала здесь встретить.

— *Реджи!*

— Привет, Энн.

Она медленно вышла из машины и изумленно воззрилась на меня. Лицо у нее порозовело, потом побледнело, и снова начало розоветь. Что делалось в это время с моим, я сказать не могу. Вероятно, оно выглядело особенно гнусно.

Последовала долгая пауза. Потом Энн сказала:

— Ты сбрил усы.

— Да, — ответил я.

Новая пауза. Мой взгляд, обращенный на девушку, выражал безнадежную муку. Так, вероятно, юный Джо Кули смотрел бы на сосиски, отделяй их от него непреодолимая пропасть. Я знал, что у меня нет ни единого шанса. Мне пришли в голову все те обидные слова, которые бросила Энн два года назад в Каннах, разрывая наши отношения. Ни одна девушка не согласилась бы выйти за человека, отвечающего описанию,

которое она дала мне после того, как моя зажженная сигара соприкоснулась с ее затылком. Энн снова заговорила:

— Что ты… — Она явно собиралась спросить: «Что ты здесь делаешь?», но вдруг остановилась. Лицо ее приняло сухое выражение. — Если ты явился, чтобы поблеять возле Эйприл Джун, то ее давно уже тут нет. Скорее всего, она уже у себя дома.

Кровь бросилась мне в голову.

— Я не собирался блеять возле Эйприл Джун!

— Неужели?

— У меня вообще нет привычки блеять возле особы, которую ты упомянула!

— Ты уверен? Об этом ходят слухи по всем клубам…

— К черту клубы и все слухи, которые там ходят! — Я жестко рассмеялся. — Эйприл Джун!

— Почему ты говоришь «Эйприл Джун» таким тоном?

— А каким же еще? Эйприл Джун — гадина!

— Что?

— С какой стороны на нее ни смотри, ничего другого не высмотришь.

Энн удивленно подняла брови.

— Реджи! Ты же ее любишь.

— Не люблю.

— Но я думала…

— Я знаю. Только я ее не люблю. Вся эта история сильно преувеличена.

Во мне кипело раздражение. Еще чего не хватало — я люблю Эйприл Джун! Моя любовь всецело принадлежит лишь одной девушке — и всегда принадлежала, теперь это ясно — и это Энн Баннистер, больше никто!

В первый раз с начала разговора на лице Энн появилась улыбка.

— Твои слова музыкой звучат в ушах, Реджи, но ты же понимаешь, почему я так удивилась. Два дня назад ты с пеной у рта…

— За два дня многое может случиться, — отрезал я.

— Мне ли не знать, — вздохнула она. — А что произошло?

— Неважно.

— Я просто спросила… Ладно, главное, ты пришел в себя. Теперь я не буду так волноваться из-за тебя. у меня по телу пробежала дрожь.

— Ты правда из-за меня волновалась? — спросил я хрипло.

— Ну конечно, я волновалась!

— Энн!

— Я волновалась бы о любом, кто собрался бы жениться на Эйприл

Джун.

— Вот как?

Я несколько сник, и мы снова замолчали. Энн взглянула на дорогу.

— Я жду машину, — сказала она.

— Я знаю.

— Ты ясновидящий?

— Нет, просто поговорил с Джо Кули.

— Что? Ты же с ним не знаком…

Я едва удержался, чтобы не расхохотаться.

— Уже познакомился.

— Когда? Где?

— Нам с ним в одно и то же время рвали зуб, — объяснил я. — В приемной Зиззбаума—Буруоша мы стали кровными братьями.

— Ясно, — кивнула она. — Значит, ты и сейчас с ним виделся… Реджи, я все-таки не понимаю, каким ветром тебя сюда занесло? Сначала я решила, что ты приехал из-за Эйприл Джун, но теперь…

Мне пришлось соображать быстро.

— Я случайно проезжал мимо на мопеде, заметил Джо и остановился поболтать.

— Ты хочешь сказать, он был здесь, на дороге?

— Да.

Энн встревоженно закусила губу.

— Надеюсь, он не бродит тут по всей округе. Я велела ему ждать меня в доме.

— Он сейчас на кухне с Эгги.

— Эгги? — воскликнула она. — Он что, тоже здесь?

— Да. Приехал навестить друзей, которым принадлежит дом.

— Ясно. Одно чудо за другим. С ним ты тоже разговаривал?

— Да.

Она опустила глаза и принялась водить носком туфли по мостовой с таким видом, будто искала камень, чтобы пнуть его как следует.

— Эгги сказал тебе, что…

— Да.

— Значит, и об этом знаешь. — Она невесело рассмеялась. — Да, Реджи, ты прав, многое может произойти за два дня… С тех пор, как мы с тобой виделись на вечеринке, я разорвала помолвку и потеряла две работы.

— Мне говорили… — Я помедлил. — Похоже, не все у тебя гладко, да, Энн?

— Да, пожалуй.

— А деньги есть?
— Немного.
— И работы не предвидится?
— Во всяком случае, блестящей.
— И что ты намерена делать?
— Ерунда, как-нибудь справлюсь.

Я ослабил воротничок, чтобы было легче дышать. Меня терзали дурные предчувствия, но я решил сделать попытку.

— Ты не хотела бы выйти за меня замуж?
— Нет.
— Я так и думал.
— Почему?
— Просто так, думал, и все.
— Ну и правильно думал, — кивнула она. — Не люблю благотворительности.
— Какая еще благотворительность?
— То, что ты предлагаешь. «И слово короля он дал, что в жены нищенку возьмет».
— Кто дал?
— Король Кофетуа.
— Не понимаю, о чем ты.
— Отлично понимаешь, Реджи. Ты все такой же, как прежде. Сердце у тебя золотое, я всегда это говорила. Старый добрый Реджи, ты меня просто жалеешь.
— Ничего подобного! — с жаром возразил я.
— Жалеешь, ты сам знаешь, и я это ценю, поверь. Так мило и так похоже на тебя. Но у Баннистеров тоже есть гордость. Нет, Реджи, я не выйду за тебя, но все равно спасибо тебе и да благословит тебя Бог.

Энн повела плечами, словно стряхивая с себя что-то. Так встряхиваются собаки, выходя из пруда. Она будто освобождалась от бредовой идеи брака со мной. «Ну, вот и все», означал этот жест.

— Так ты говоришь, Джо на кухне? — спросила она, переводя разговор на другую тему.
— В последний раз, когда я его видел, он направлялся туда.
— Пойду скажу, что машина задерживается, а то он будет волноваться. Впрочем, никогда не видела, чтобы этот мальчик волновался. Его никак не назовешь нервным ребенком. Я наняла машину, чтобы он мог добраться домой в Огайо, потому что ему срочно надо отсюда выбираться. Ты читал утреннюю газету, где интервью?

— О да, — кивнул я.
— В кинематографе для него все кончено. Бедный малыш.
— Его, похоже, не слишком это беспокоит.
— Я рада.
— Наоборот, он страшно рад. Мечтает вернуться к матери. Она умеет готовить жареных цыплят по южному рецепту.
— Я знаю, он часто рассказывал. Вот и хорошо, пускай возвращается. В гараже обещали найти машину. — Энн вздохнула. — Мне будет не хватать старины Джозефа… Так грустно, когда теряешь друзей, правда?
— А когда снова находишь?
Она как-то странно посмотрела на меня.
— Бывает по-всякому. Иногда тоже грустно. Смешно, что мы встретились с тобой здесь, Реджи…
— Да, забавно, — согласился я.
— Я не совсем то имела в виду… Ладно, пока.
Резко оборвав свою речь, Энн протянула мне руку. Мне представлялась прекрасная возможность сжимать эту руку, смотреть в глаза и глубоко дышать сколько угодно, следуя советам Джо Кули, но я отпустил ее. Возможно, малыш был прав, утверждая, что такая мера должна подействовать, ведь он никак не был похож на дурака. Однако я упустил свой шанс. Мое сознание заволокла мрачная серая пелена тупого отчаяния.
— Пока, — ответил я. Внезапно Энн вскрикнула:
— Реджи!
Она с ужасом смотрела на меня, ее грудь судорожно вздымалась. Пытаясь понять причину, я бросил взгляд на свой жилет, потом на брюки. Все выглядело как обычно, в том числе носки и туфли.
— Реджи! Что у тебя на голове?
Она не могла иметь в виду шляпу, потому что шляпы на мне не было. Я осторожно ощупал макушку.
— Ого! Кровь, надо же…
Энн кивнула на придорожную канаву.
— Что это?
Я бросил взгляд туда, куда она показывала.
— Ах, это? Разбитый мопед.
— Твой?
— Ну… да, я на нем ехал.
— Ты попал в катастрофу?
— Так, совсем чуть-чуть.

Лицо Энн приняло серо-зеленый оттенок, глаза испуганно вытаращились, из груди вырвалось какое-то кудахтанье. Она принялась лихорадочно ощупывать меня, словно слепая.

— Реджи, милый, дорогой, ты же мог погибнуть! Какой ужас, Реджи! Какой ужас!

Закрыв лицо руками, она разразилась рыданиями.

Я окаменел, пораженный, во-первых, ее словами и, во-вторых, странным поведением. Ни то, ни другое совершенно, так сказать, не вязалось с тем, что она говорила раньше.

— Как ты сказала, «дорогой»? — уточнил я.

Энн взглянула на меня. Лицо было по-прежнему мертвенно-бледным, но глаза сияли, как… в общем, они напоминали звезды больше, чем что-либо другое.

— Да, я сказала «дорогой». Я продолжал расследование:

— А ты, случайно, не любишь меня?

— Ну конечно, люблю, идиот!

— Но тогда в Каннах ты сказала…

— Забудь про Канны!

— И только что…

— Забудь про только что!

— Тогда, может быть, — решился я, — ты все-таки… извини, я просто хочу уточнить… может быть, ты все-таки выйдешь за меня замуж?

— Ну конечно, выйду!

— Вот здорово!

— Не думаешь же ты, что я теперь позволю тебе и дальше бродить без присмотра? И мне наплевать, если ты женишься на мне из жалости! Пусть будет благотворительность, черт с ней!

В ответ я кратко и энергично выразил свое мнение относительно жалости и благотворительности, и слова мои, дойдя до нежного женского слуха даже сквозь сумятицу чувств, заставили Энн испуганно вздрогнуть. Потом речь моя полилась потоком.

Возможно, вам приходилось вынимать пробку из бутылки с шампанским и наблюдать, как из горлышка бурно извергается пенящаяся жидкость. Так вот, в описываемый момент я словно бы стал упомянутой бутылкой, из которой извлекли упомянутую пробку. Я открывал рот, а остальное происходило будто бы само собой. Мое красноречие, как правило, лишь с трудом можно уподобить расплавленному золоту, но в тот момент так оно и было. Мне ни разу не пришлось запнуться, я говорил, говорил и говорил, успевая в то же время покрывать поцелуями лицо

любимой.

Внезапно, аккурат в самом разгаре моего, если можно так выразиться, экстаза, в тот самый момент, когда я целовал ее в сорок пятый раз, мое сознание посетила леденящая мысль, а именно, что теперь, поставив наши отношения на прочную, так сказать, основу, Энн захочет вернуться в Голливуд вместе со мной, чтобы начать подготовку к предстоящему бракосочетанию. Тот самый Голливуд, где полиция в данный момент расставляет сети и прочесывает улицы в поисках меня.

Как, черт побери, объяснить Энн, что я должен немедленно оставить ее и на всех парах мчаться в Чилликот, штат Огайо?

Какие доводы привести в пользу такого решения? Как сделать мое внезапное страстное желание посетить Чилликот, штат Огайо, понятным и естественным в ее глазах? Так или иначе, придется сделать заявление, а тогда она наверняка решит, что я псих и порвет со мной всякие отношения, опасаясь, что это заразно.

Наконец в моем мозгу забрезжил свет. А если меня просто-напросто удручает мысль, что Джо Кули в таком нежном возрасте будет вынужден проделать столь долгий путь в одиночестве? Не слишком убедительно, конечно, но…

Тут до меня дошло, что Энн что-то говорит.

— Что? — переспросил я.

Она обнаружила легкие признаки раздражения. Старая добрая Энн.

— Ты что, не слушал?

— Прости, пожалуйста, я немного отвлекся.

— Так слушай, прелесть ты моя бестолковая, потому что это важно! Речь идет о юном Джозефе.

— Да?

— Просто мне одна вещь пришла в голову. Он такой маленький, и я боюсь отпускать его в такой долгий путь одного. А что, если…

Мое сердце подпрыгнуло в груди, как лосось в пору нереста.

— Ты хочешь, чтобы я поехал с ним?

— Ты смог бы?

— Конечно!

Мир вокруг наполнился звоном колоколов. Я спасен! Не понадобится ни заявлений, ни тягостных объяснений… Никто не расторгнет помолвку по причине невменяемости одной из сторон…

Я снова принялся целовать Энн.

— Ты настоящий ангел, Реджи, — сказала она. — Немного найдется мужчин, способных на такое самопожертвование.

— Что ты, мне нисколько не трудно.

— Думаю, вам лучше уехать как можно скорее. Я согласился с ней и снова поцеловал.

— А когда ты вернешься в Голливуд… — снова начала она.

— Нет, — перебил я. — Встретимся лучше в Нью-Йорке.

— Почему?

— Ну…

— Да, ты прав, так будет лучше.

— Намного лучше.

Мы снова поцеловались, доведя счет, по моим оценкам, примерно до сотни. Затем рука об руку двинулись по переулку к дому навстречу аромату жареных сосисок, который свидетельствовал о том, что Эгги нисколько не переоценил свой кулинарный талант, и малышу Джо Кули удастся как следует заправиться перед долгим путешествием.

Рассказы о гольфе

Блаженной памяти Джона Генри и Пата Роджи (Эдинбург), которых посадили в 1593 году за то, что они играли в гоуфф по субботам во время проповеди, а также — Роберта Робертсона, которому влетело по той же причине в 1604 A.D.

ЭЙ, ВПЕРЕДИ![11]

Книга эта отмечает эпоху на моем литературном пути. Она написана кровью. Она излилась из души, истерзанной немилостью рока, как не терзала моя клюшка всю прелесть изогнутого газона перед одной из последних девяти лунок. Это — труд почти отчаявшегося человека с гандикапом восемнадцать, который должен обрести особую прыть, чтобы он (гандикап) снова не превысил двадцати.

Мне, поставляющему легкое чтиво, до сих пор не мешало то, что я весел, беззаботен и прост. Я говорю «не мешало», поскольку читатель любит ощущать, что автор занятных историй несчастлив в частной жизни и создает что-то смешное просто потому, что не в силах вынести бремя бытия. Что ж, теперь я именно таков.

Два года назад я был пустым комедиантом. Книгам моим не хватало глубины. Я легкомысленно писал, ибо весело жил. Потом я занялся гольфом, и вот, я улыбаюсь сквозь слезы и смеюсь, чтобы не плакать, словно какой-то Фигаро. Тем самым, я вправе высоко держать голову, зная, что достоин уважения.

Если вы найдете в этом сборнике что-нибудь забавное, пожалуйста, не забывайте, что я писал после того, как потерял в кустах три мяча или сломал любимую клюшку; и, пробормотав: «Молодец… какой молодец!», припомните историю про клоуна, шутившего, когда умирал его ребенок. Вот и все. Спасибо за сочувствие. Оно очень важно для меня. Как вы думаете, если бы я параллельно поставил ноги… Да, ладно, чего там, это вас не волнует. Буду горевать один.

P.S. Во втором рассказе я упоминаю Кортеса, глядящего на Тихий океан. Вскоре после того, как рассказ этот появился в журнале, я получил письмо, где были слова: «Ну, знаете! Не Кортес, а Бальбоа». Насколько я понимаю, исторически это верно; но если Кортес годился Китсу, он сгодится и мне. Кроме того, океан большой, мало ли кто на него смотрит! Почему бы среди них не оказаться Кортесу?

ПРЕДИСЛОВИЕ[12]

Прежде чем вывести читателя на половинное поле о девяти лунках, я хотел бы сказать несколько слов об отзывах на первую книгу о гольфе, «Бить будет Катберт». Во-первых, я с огорчением заметил, что многие литераторы считают гольф пустой забавой, недостойной мыслителя. Могу сказать одно: на протяжении столетий лучшие умы писали об этой благородной игре, и если я не прав, то вместе с весьма достойным сообществом.

О гольфе говорили не только великие игроки. Публий Сир[13] не гнушался практичными соображениями о заднем замахе («Поспешишь — людей насмешишь»); Диоген ярко описывал чувства человека, выбивающего мяч из воды («Мужайся, берег близко»); а доктор Уоттс,[14] сделав удар, начертал на обороте своей записи счета небольшой стишок:

Лети, как молодая лань,
Когда тебя метнула длань
Такого игрока.

Сам Чосер, отец английской поэзии, ввел в рассказ сквайра строку:

Ему потребна ложка деревянна.

Как известно, именно так именуют деревянную клюшку. Конечно, при нынешних резиновых мячах сгодится и простая железка.[15]

Передавая сетования игрока, которому мешает буйная четверка,[16] Шекспир говорит:

Но ну!
Четыре чванных обормота
Ударами осыпали меня.

Если припомним все это, можно считать, что обвинения опровергнуты.

Намного прискорбней то, что авторы статей, по их же словам, ничего не смыслят в гольфе. Некий X просто не знает, что такое ниблик.[17] Того, кто пишет о божественной игре, должны судить равные ему,[18] что в данном случае означает людей, которые делают хотя бы один хороший удар из шести, четыре сносных выводящих удара за раунд и три приличных коротких на лунку. Мне кажется, я вправе просить издателей, чтобы они, в свою очередь, попросили критиков приписывать в скобках свой гандикап. Тогда читатель правильно оценит сборник, а жало обличительных фраз будет вынуто цифрой «36» в конце абзаца. Слова же «истинный шедевр» особенно порадуют меня, когда перед ними — ноль.

Напоследок скажу еще одно. Сравнивая эту книгу с «Катбертом», умный читатель удивится горькой глубине чувств и, быть может, выведет отсюда, что я, подобно многим, попал под влияние русских классиков. Это не так. Конечно, стиль мой многим обязан Достоевскому, но пронзительная печаль рассказов о Подмарше или о Воспере вызвана только тем, что последнее время я часто играл на поле для гольфа в Саутгемптоне (Лонг-Айленд). Создал его беглый шотландец, решивший, как это ни странно, собрать вместе все худшие лунки Великобритании. Пройдя пески у Сэндвича[19] и горы у Прескота,[20] мы оказываемся перед лункой в Сэнт-Эндрус[21] у сада начальника станции, куда улетает мяч, если в нее не попадешь, помня при этом, что за углом — и неприступный редут, и вожделенный рай. Если мы два дня подряд поиграем на таком поле, мы кое-что узнаем о жизни.

И все же в книге, мне кажется, есть свет и сладость. Если это правда, вызваны они тем, что некоторые рассказы написаны до Саутгемптона и после того, как я получил первую и единственную награду, зонтик, на матче гостиницы в Эйкене (Южная Каролина). Надеясь снизить гандикап до шестнадцати, я, словно огонь пожирающий, прошел там поле, кишащее самыми толстыми дельцами в отставке. Если в этом году мы потеряем Кубок Уокера, пусть Англия об этом вспомнит.

Аддингтон,

Шестой бункер.

К ЧЕМУ ВЛЮБЛЯТЬСЯ ГОЛЬФИСТУ?

В солнечный день, будь то весной, летом или ранней осенью, едва ли найдется уголок прекрасней террасы нашего гольф-клуба. Этот наблюдательный пункт будто нарочно создан для людей философского склада, поскольку дает возможность во всей красе созерцать то многоликое и нескончаемое действо, что в просторечье зовется гольфом. Выйдите на террасу, оглянитесь, и по правую руку вы увидите стайку беззаботных оптимистов, которые собрались у первой лунки в предвкушении начала игры. Им радостно сознавать, что даже если толком не попасть по мячу, он все равно скатится по крутому холму. Чуть поодаль в низине, прямо перед вами, виднеется лунка у озера, где мягкий всплеск нового мяча повергает былых оптимистов в уныние. Совсем рядом с террасой непредсказуемо изгибается девятый грин, подстерегая тех, кто, забыв об осторожности, стремится поскорее начать завершающую половину раунда. Серьезную пищу для размышлений пытливому уму могут подарить третья и шестая лунки, не говоря уже о коварных ловушках близ восьмого грина.

Именно с этой террасы Старейшина клуба любит смотреть, как подрастающее поколение молотит клюшками по дерну. Вот Джимми Фотергил уверенно исполнил драйв на двести двадцать ярдов. А вот в лучах солнца засверкали брызги — это мяч, посланный нетвердой рукой Фредди Вузли, обрел свою судьбу в водах озера. Наконец, взор Старейшины останавливается на высоком широкоплечем Питере Уилларде и миниатюрном Джеймсе Тодде, которые с трудом продвигаются по девятому фервею.

— Любовь… — говорит Старейшина. — Настоящий гольфист должен остерегаться любви. Поймите меня правильно. Я не возьмусь утверждать, что любовь — зло, просто это явление еще как следует не изучено. Одним гольфистам брак определенно идет на пользу, другие после женитьбы напрочь теряют форму. По всей видимости, здесь нет строгой закономерности. И все же мой долг предупредить: гольфисту следует держать ухо востро. Нельзя лишаться покоя из-за первой попавшейся красотки. С вашего позволения, я расскажу историю о Питере Уилларде и Джеймсе Тодде. Вон они подбираются к девятому грину.

Мужская дружба, — повел свой рассказ Старейшина, — известна с давних времен, а постоянством и крепостью она сравнима лишь с многовековым союзом яичницы и бекона. Вряд ли кто скажет, когда

именно сошлись эти полезные и вкусные продукты, и какая сила объединила их в бессмертный союз. Тем не менее всякому ясно, что им просто суждено быть вместе. Вот так и с мужчинами. Кто смог бы выявить первопричины расположения Дамона к Пифию,[22] Давида к Ионафану[23] или Суона к Эдгару?[24] Кто объяснит, чем Кросс впервые привлек Блэкуэлла?[25] Мы просто говорим: «Они — друзья».

Вы не ошибетесь, предположив, что первым звеном в дружеских узах Питера Уилларда и Джеймса Тодда стал гольф. Оба практически одновременно, с разницей всего в несколько дней, пришли в клуб и умудрились достичь столь равных высот, что самые искушенные ценители до сих пор не могут определить, кто из этих двоих играет хуже. Не раз я слышал жаркие споры, и конца им не видно. Сторонники Питера утверждают, будто своеобразная техника драйва дает ему неоспоримое преимущество в борьбе за титул безнадежнейшего мазилы в мире. Однако их тут же одергивают приверженцы Джеймса, которые при помощи диаграмм доказывают, что никому не обойти их кумира в совершенном неумении обращаться с вудом для фервея. Тщета подобных споров очевидна.

Мало что сближает больше, чем равное отсутствие каких бы то ни было способностей вкупе с пылкой и неослабевающей любовью к гольфу. Прошло несколько месяцев, прежде чем и Питер, и Джеймс методом дорогостоящих проб и ошибок убедились, что во всей округе нет ни единого старца с трясущейся от прожитых лет седой бородой или младенца грудного возраста, которых удалось бы обыграть. Так Питер и Джеймс стали неразлучны. Гораздо приятнее играть с равным соперником, методично преодолевая все восемнадцать лунок в напряженной борьбе, чем брать с собой вертлявого мальчишку, который в два счета обставит тебя единственным мячом и обрезанной клюшкой, без спросу позаимствованной у отца. Того хуже, проиграть разбитому параличом старикану из тех, что норовят поучать соперника во время игры, да еще и досаждают воспоминаниями о крымской войне. Питер и Джеймс играли вместе дни напролет. Ранним утром задолго до того, как первые отголоски чириканья просыпающихся кэдди раздавались в окрестностях клуба, Питер и Джеймс уже заканчивали добрую половину раунда. Когда же день клонился к закату, в небе кружили летучие мыши, а местный профессионал отправлялся домой на заслуженный отдых, в сгущающихся сумерках можно было разглядеть, как агонизируя, подходит к решающей стадии последний раунд Питера и Джеймса. После наступления темноты они

приглашали друг друга в гости и вместе сидели над учебниками по гольфу.

Я рад, если из моих слов вы поняли, что Питер Уиллард и Джеймс Тодд увлекались гольфом. Именно это я и хотел сказать. Они были настоящими гольфистами, поскольку гольф — состояние души, а вовсе не механическое совершенство удара.

Впрочем, не стоит считать, будто они уделяли игре слишком много времени и внимания — в том, естественно, предположении, что подобное вообще возможно. У обоих были деловые интересы в городе. Частенько, перед тем как выйти на поле, Питер, не считаясь с расходами, брал на себя труд позвонить на работу и сказать, чтобы его не ждали. Что до Джеймса — мне лично не раз доводилось слышать, как он, к примеру, за обедом в клубном баре размышлял, не связаться ли ему с Грейсчерч-стрит,[26] дескать, неровен час, там что-нибудь случилось. Одним словом, Питер и Джеймс были из тех, кем по праву гордится Англия, — оплотом великой державы, завзятыми тружениками рынка, неутомимыми деловыми людьми, чистокровными бизнесменами. Кто бросит в них камень за то, что иногда они немного играли в гольф?

Так и жили Питер и Джеймс, не зная тревог и волнений, пока вдруг в их судьбе, подобно змею в Эдемском гольф-клубе, не появилась Женщина. Тогда-то, пожалуй, в первый раз за все время знакомства, они вдруг осознали себя не единым целым — эдаким неразделимым, загадочным существом, выдававшим на гора срезанные драйвы и неточные патты, — а двумя людьми, в грудь которых Природа, наряду с понятным желанием пройти длинную лунку хотя бы в девять ударов, заложила иные стремления. Мне говорили, что моя манера изъясняться порой мешает понять смысл сказанного, но, если вы пришли к выводу, что Питер Уиллард и Джеймс Тодд полюбили одну девушку — прекрасно. Именно к этому я и клоню.

Сам я не имею удовольствия близко знать Грейс Форестер. Видел издалека, как она поливает цветы, и мне понравилась ее стойка. Однажды на пикнике я наблюдал, как Грейс убивает осу чайной ложкой. Что ж, работа кисти при замахе произвела на меня самое благоприятное впечатление. Добавить мне, увы, нечего. Наверное, ее можно назвать привлекательной, поскольку нет никаких сомнений: и Питер и Джеймс были совершенно без ума от нее. Предположу, что ни тот, ни другой не сомкнули глаз всю ночь после знакомства с Грейс на танцах.

— Славная девушка, — мечтательно сообщил Питеру Джеймс, встретив друга следующим утром в песчаной ловушке близ одиннадцатого грина.

— Точно, — откликнулся Питер, на мгновение перестав возить клюшкой по земле.

И тут страшная догадка поразила Джеймса, он понял, что не назвал имени мисс Форестер, и все же Питер сообразил, о ком идет речь. Сомнений быть не могло: рядом стоял соперник.

Любовная лихорадка, если можно так выразиться, бьет в цель, не тратя времени на подготовку к удару. Уже на следующее утро после приведенного мной диалога Джеймс Тодд позвонил Питеру Уилларду и отменил предстоящую игру, сославшись на вывихнутое запястье. Питер согласился перенести встречу, и добавил, что сам хотел звонить Джеймсу с подобной просьбой, поскольку из-за головной боли не чувствует в себе сил для поединка. Встретились они за чаем у мисс Форестер. Джеймс поинтересовался, унялась ли головная боль Питера. Питер ответил, что ему уже лучше, и, в свою очередь, осведомился о вывихнутом запястье друга. Тот заверил, что идет на поправку. Мисс Форестер поровну распределяла между друзьями чай и свое внимание.

Домой соперники возвращались вместе. Неловкое молчание на исходе двадцатой минуты нарушил Джеймс:

— Что-то такое — флюиды, что ли? — исходит от доброй женщины и открывает человеку новый смысл жизни.

— Точно, — ответил Питер.

На пороге своего дома Джеймс обернулся:

— Я не приглашаю тебя, дружище. Когда болит голова, лучше всего поскорее добраться до кровати и как следует выспаться.

— Точно, — отозвался Питер.

Снова повисла неловкая пауза. Питер вспомнил, как буквально на днях Джеймс хвастался, что ему вот-вот доставят почтой иллюстрированный курс Сэнди Макбина «Нулевой гандикап за один сезон», и тогда же они договорились читать эту замечательную книгу вместе. Сейчас, с горечью подумал Питер, она, должно быть, лежит у Джеймса на столе. Джеймс угадал мысли Питера и тоже помрачнел, но не дрогнул. В его планах на вечер не было места самоучителю Макбина. За двадцать минут молчания по дороге от мисс Форестер он осознал, что «Грейс» рифмуется с «эдельвейс», и теперь хотел продолжить поэтические изыскания. Соперники попрощались сдержанным кивком. Прошу прощения, вы совершенно правы. Двумя сдержанными кивками. У меня всегда было плохо со счетом.

Не стану утомлять вас чересчур подробным описанием последующих событий. Скажу лишь, что внешне в поведении друзей ничего не

изменилось. Они по-прежнему играли вместе, старательно изображая былое радушие и приязнь. Стоило Джеймсу не попасть по мячу, Питер не забывал сказать привычное «Не повезло!». А когда — точнее, если — Питеру удавалось не промазать самому, Джеймс неизменно восклицал «Молодец!». Тем не менее все было не так, как раньше, и оба чувствовали это.

Так уж вышло, что кроме Питера Уилларда и Джеймса Тодда претендентов на руку мисс Форестер в нашей округе не наблюдалось. Впрочем, это и неудивительно, ведь Жизнь — из тех драматургов, чьи лучшие постановки предназначены для малых трупп. Поначалу мисс Форестер вроде бы приглянулась Фредди Вузли, и он даже заходил к ней с цветами и шоколадными конфетами, но вскоре пропал. Впрочем, ни одна девушка еще не приковывала к себе внимание Фредди дольше трех дней кряду. С тех пор всем стало ясно: если Грейс и суждено выйти замуж, то за Питера или Джеймса. Местные любители азартных игр оживленно следили за развитием событий. Ни Питер, ни Джеймс до тех пор не пробовали силы в роли героя-любовника, а потому об их способностях ничего толком известно не было. Ставки принимались один к одному, да и то вяло. Пожалуй, самое крупное пари на дюжину мячей для гольфа заключили мы с Персивалем Брауном. Сам не знаю почему, я пророчил победу Джеймсу. Разве что, рассказы его тетушки изредка печатались в «Женских сферах», а такие вещи нередко находят отклик в девичьих сердцах. С другой стороны, Джордж Лукас поставил на Питера шесть бутылок имбирной шипучки, ведь на поле Джеймс щеголял в коротких брюках, а полюбить мужчину с такими лодыжками под силу не всякой девушке. Одним словом, ничем определенным мы не располагали.

Не располагали и Питер с Джеймсом. Казалось, они одинаково нравятся мисс Форестер. Каждый из них встречался с ней только в обществе другого. Тайны ее сердца были надежно скрыты от посторонних глаз, до тех пор, пока в один прекрасный день Грейс Форестер не начала вязать свитер.

Весть о том, что Грейс вяжет свитер, вызвала в нашем местечке большой резонанс. Когда девушка принимается за свитер, это практически равносильно открытому признанию.

Подобной точки зрения придерживались и Питер с Джеймсом. Они, бывало, наведывались к Грейс, смотрели, как она вяжет, и уходили прочь, производя в уме сложные вычисления. Теперь все сводилось к одному, а именно, к размеру. Если свитер большой — значит, для Питера, если маленький — можно поздравлять Джеймса. Поначалу друзья не решались

в открытую заговорить о свитере с Грейс, однако вскоре стало ясно, что по-другому истину выявить не удастся. Мужской глаз не способен разобраться в хитросплетениях изнаночных и лицевых петель, дабы оценить размер груди, на которой суждено красоваться вязаному свитеру. Кроме того, когда имеешь дело с любителем вроде Грейс, необходимо вносить поправку на ошибки из-за недостатка опыта. Во время войны английские девушки нередко посылали своим любимым свитера, которые вызвали бы удушье у их младших братьев. В те дни любительский свитер, говоря откровенно, нанес Британии практически такой же урон, как немецкая пропаганда.

Итак, Питер и Джеймс пребывали в растерянности. Временами свитер казался маленьким, и Джеймс возвращался домой, радостно сияя. Порой свитер заметно увеличивался в размерах, и уже Питер довольно напевал, покидая Грейс. Нетрудно представить, в каком напряжении друзья ожидали развязки. С одной стороны, им хотелось узнать свою судьбу, с другой — они четко понимали, что тот, кому предназначается свитер, вынужден будет его носить. Свитер, надо сказать, был довольно кричащего розового цвета, и наверняка отнюдь не подходящего размера, — тут дрогнет сердце у любого.

Всякому человеческому терпению рано или поздно наступает конец. Он и наступил однажды, когда друзья возвращались домой.

— Питер, — позвал Джеймс, неожиданно остановившись и поднеся руку ко лбу. Весь вечер его словно лихорадило.

— А? — откликнулся Питер.

— Я так больше не могу. Уже и не вспомню, когда последний раз спал спокойно, и все из-за этого свитера. Надо узнать, кому из нас он достанется.

— Так пойдем и спросим, — предложил Питер.

Они вернулись, позвонили в дверь, зашли и снова предстали очам мисс Форестер.

— Чудный вечер, — молвил Джеймс, чтобы завязать разговор.

— Великолепный, — поддакнул Питер.

— Замечательный, — отозвалась мисс Форестер, несколько удивленная тем, что Питер и Джеймс, образно выражаясь, вышли на бис, не имея достаточных на то оснований.

— Разрешите, пожалуйста, спор, — продолжил Джеймс. — Не могли бы вы сказать, для кого вяжете свитер?

— А это не свитер, — ответила мисс Форестер с истинно девичьей непосредственностью, которая так шла ей. — Это носки. А вяжу я их для

Вилли, младшего сына моей кузины Джулии.

— Доброй ночи, — сказал Джеймс.

— Доброй ночи, — сказал Питер.

— Доброй ночи, — сказала Грейс Форестер.

Одной из тех долгих ночей, что полны озарений для всякого, кто спит чутким сном, Джеймс нашел замечательный выход из затруднительного положения, в котором оказались они с Питером. Джеймс подумал, что если один из них покинет Вудхэвен, другой сможет беспрепятственно ухаживать за мисс Форестер. До сих пор, как вы, должно быть, поняли, ни Питеру, ни Джеймсу не удавалось провести наедине с возлюбленной больше нескольких минут кряду. Соперники следили друг за другом с ястребиной зоркостью. Когда Джеймс отправлялся к девушке, Питер шел следом. Стоило Питеру заскочить к ней, тут же на горизонте появлялся Джеймс. Ситуация, что ни говори, патовая.

Теперь же Джеймсу подумалось, что они с Питером должны разрешить свои разногласия на поле для гольфа, сыграв матч на восемнадцати лунках. Эта мысль очень понравилась Джеймсу еще до того, как он, наконец, уснул, а открыв глаза рано утром, он по-прежнему не мог найти в ней ни одного изъяна.

Наутро, перед тем как отправиться к Питеру и открыть ему свой план, Джеймс решил подкрепиться. Однако завтрак был прерван появлением Питера, который выглядел на редкость довольным.

— Доброе утро, — поздоровался Джеймс.

— Доброе, — ответил Питер.

Питер присел и некоторое время с отсутствующим видом разглядывал кусок бекона.

— Я тут кое-что придумал, — сообщил он, наконец.

— Звучит многообещающе, — сказал Джеймс и поставленным движением кисти занес нож над яичницей. — Так что пришло тебе в голову?

— Это случилось вчера ночью. Я лежал и не мог заснуть, а потом подумал, что если одному из нас уехать отсюда, то у другого будут все шансы на успех. Ну, ты понимаешь — с Ней. Сейчас мы путаемся друг у друга под ногами. Что скажешь, — спросил Питер, в задумчивости намазывая мармеладом кусок бекона, — не сыграть ли нам матч на восемнадцати лунках? Пусть проигравший отправится куда-нибудь и не показывает здесь носа, пока победитель не поговорит с Грейс в спокойной обстановке!

Джеймс всплеснул руками и заехал себе в левый глаз вилкой.

— Так ведь и мне этой ночью пришло в голову то же самое!

— Значит, договорились?

— А что нам остается?

Они немного помолчали. Казалось, оба о чем-то задумались. Вспомните, ведь Питер и Джеймс дружили. Долгие годы они вместе скитались по одним и тем же песчаным ловушкам, делили друг с другом невзгоды, радости и мячи для гольфа.

— Мне будет тебя не хватать, — наконец сказал Питер.

— Как это?

— Без тебя Вудхэвен — не Вудхэвен. Правда, недолго тебе придется быть в отлучке. Я уж не стану терять времени — пойду и сделаю предложение.

— Оставь мне адрес, — ответил Джеймс. — Пришлю телеграмму, когда сможешь вернуться. Не обидишься, если не позову тебя шафером? Тебе, пожалуй, больно будет смотреть на нашу свадьбу.

Питер мечтательно вздохнул.

— А гостиную мы выкрасим в голубой цвет. У нее голубые глаза.

— Не забывай, — продолжил Джеймс, — в нашем гнездышке для тебя всегда найдутся вилка и нож. Грейс не из тех, кто заставляет мужа отказываться от старых друзей.

— Кстати, о матче, — сменил тему Питер, — играем, разумеется, строго по правилам королевского клуба?

— Естественно.

— В том смысле, что — ты уж извини, старина, — землю в бункере нибликом не разравнивать.

— Безусловно. Кроме того — не принимай это на свой счет, — мяч считается сыгранным, только когда окажется в лунке, а не остановится рядом.

— Еще бы. И — не в обиду будет сказано, — если кто не попадет по мячу, это считается ударом, а не тренировкой свинга.

— Точно. И раз уж на то пошло, оказавшись в рафе, нельзя выдергивать все кусты в радиусе трех футов от мяча.

— Словом, играем по правилам.

— Строго по правилам.

Друзья молча обменялись рукопожатием, и Питер ушел. Джеймс, воровато оглядевшись, снял с полки замечательную книгу Сэнди Макбина и принялся разглядывать фотографию, на которой сам мистер Макбин выполнял короткий приближающий удар, причем его клюшка шла ровно

из точки A по пунктирной линии B—C в точку D, а голова все время оставалась неподвижной в точке E, отмеченной крестиком. Джеймса немного беспокоила совесть. Он думал, что обманул друга, и теперь исход матча был предрешен.

Летний день, в который состоялся памятный матч между Тоддом и Уиллардом, выдался на редкость чудесным. Ночью шел дождь, но с утра на безупречно голубом небе сияло солнце, и трава переливалась свежими красками, будто ранней весной. То тут, то там порхали бабочки, задорно пели птицы. Словом, Природа блаженно улыбалась и, надо сказать, имела на то все основания, ведь матчи, подобные тому, что вот-вот должен был начаться между Джеймсом Тоддом и Питером Уиллардом, случаются не каждый день.

Быть может, любовь придала им решимости, или, наконец, сказались часы, проведенные за классическими учебниками по гольфу, однако поначалу Питер и Джеймс играли вполне сносно. Пар первой лунки — четыре удара. Джеймс четко вышел на флажок седьмым, предоставив Питеру бить сложный патт в надежде свести лунку к ничьей. К тому времени Питер успел дважды ударить клюшкой Соединенное королевство, перепутав его с мячом. Исполнение Питером сложного патта всегда заканчивалось одинаково, а потому к следующей лунке Джеймс подходил, ведя в счете. Питер же, в свою очередь, утешался мыслью, что в начале игры многие великие гольфисты предпочитают немного отпустить соперника вперед, дабы сохранить силы для яркого финиша.

Питер и Джеймс настолько привыкли ко второй лунке, что почитали естественным и необходимым ритуалом отправить в озеро пару-тройку мячей, не уступая в упорстве древним правителям, которые перед каждым дальним плаванием стремились задобрить морского бога и бросали в воду драгоценности. Однако сегодня, благодаря одному из тех чудес, без которых гольф не был бы Гольфом, оба преодолели водную преграду первым ударом, да не просто преодолели, а положили мяч точно на грин рядом с флажком. Даже местный профессионал не сыграл бы лучше.

Полагаю, именно в тот миг нервы соперников начали сдавать. Оба и так были немного не в себе, а неожиданный успех окончательно выбил почву у них из-под ног. Вне всякого сомнения, вы помните слова Китса[27] о доблестном Кортесе, вперившем взор в бушующие волны, тогда как свита изумленно и безмолвно обменивалась взглядами на Дарьенском склоне. Питер Уиллард и Джеймс Тодд точно так же вперили взор во вторую лунку, после чего изумленно и безмолвно обменивались взглядами на склонах Вудхэвена. Они так часто грезили об этом и сокрушались, когда

мираж таял, что теперь не могли поверить собственным глазам.

— Я вышел на грин, — дрогнувшим голосом прохрипел Джеймс.

— И я, — эхом отозвался Питер.

— Одним ударом!

— Самым первым!

В молчании друзья обогнули озеро и доиграли лунку. Каждому хватило одного патта, то есть они прошли лунку за два удара. До тех пор рекорд Питера равнялся восьми ударам, а Джеймс как-то раз сделал семь. В жизни бывают минуты, когда даже сильные духом люди теряют самообладание. Именно такая минута наступила для Питера и Джеймса. Словно во сне подошли они к стартовой площадке третьей лунки, тут-то и стало сказываться только что пережитое потрясение.

Третья лунка — пар четыре. Играть приходится в гору, ориентируясь на дерево, что растет на вершине холма, поскольку самой лунки не видно. В лучшие времена Джеймс попадал в лунку десятым ударом, Питер — девятым, но теперь силы оставили их. У Джеймса тряслись руки. Он вел в счете и, соответственно, бил первым. Трижды пытался он ударить, но лишь рассекал воздух клюшкой, а на четвертый раз едва задел мяч. Тот чуть сдвинулся с места, и Джеймс вписал себя в историю нашего клуба, сыграв пятый удар подряд со стартовой площадки. Удар получился слабым, медная головка клюшки зачерпнула горсть камней, швырнув те на двадцать футов вправо, и окончательно увязла в земле. Тем временем мяч Питера, посланный высоко в небо, описал красивую дугу, упал на землю и закатился за камень.

Строгие правила, которыми Питер и Джеймс решили руководствоваться в поединке, обратились против них. В любой другой день каждый переставил бы мяч на какой-нибудь подходящий холмик и, вероятно, миновал бы дерево вторым ударом. Джеймс взял бы назад свой драйв, объявив все промахи легкой разминкой для восстановления боевой формы. Однако в тот день шла война до последнего ниблика, и пощады никто не просил. Седьмым ударом Питер смел камень, расчистив дальнейший путь, а Джеймс одиннадцатым сумел выбраться из прорытой им борозды. В пятидесяти футах от дерева Джеймс играл восемнадцатый удар, а Питер готовился к тринадцатому, однако тут с ним случилось то, что периодически случается с каждым гольфистом. Игра напрочь разладилась. Четыре удара пришлись в дерево, на пятом мяч отклонился влево и нырнул в песчаную ловушку. Джеймс предпочел не рисковать и мелкими перебежками добрался до грина за двадцать шесть ударов, Питеру потребовалось двадцать семь. Тем не менее в решающий миг, всего в двух

футах от лунки Джеймс промахнулся и упустил победу. К четвертой лунке соперники перешли с равным счетом.

Четвертая лунка расположилась за поворотом дороги, справа от которой раскинулся живописный парк. Опытный игрок легко справится с этой лункой, однако новичка здесь поджидает немало опасностей. Лихой гольфист попробует исполнить удар с отклонением вправо, в то время как более осторожный игрок довольствуется тем, что преодолеет бункер на фервее, послав мяч влево, а уж оттуда — на грин. Питер и Джеймс объединили обе стратегии. Питер целился левее бункера и срезал мяч вправо, а Джеймс, также взяв влево, отправил мяч прямиком в бункер. Питер, благодаря жизненному опыту осознавший тщетность попыток найти мяч в лесу, достал следующий, который вслед за первым скрылся в кустарнике, та же участь постигла и третий. Некоторое время спустя шестой мяч присоединился к мячу Джеймса в бункере.

Очарование гольфа во многом объясняется его непредсказуемостью. Казалось бы, мячи Питера и Джеймса лежат рядышком в бункере, хотя Питер потратил на пять ударов больше. Поверхностный наблюдатель недальновидно заключил бы, что шансы Джеймса выглядят предпочтительнее. Пожалуй, он оказался бы прав, не потрать Джеймс семь ударов на освобождение из бункера, в то время как благодаря какому-то чуду природы уже вторая попытка Питера выбраться на фервей оказалась успешной. Итак, оба миновали бункер за восемь ударов, а дальше все пошло просто. Исключительное мастерство обращения с клюшкой позволило Питеру выйти на грин четырнадцатым ударом. Джеймс, прибегнув к помощи айрона, изготовленного по патенту Брейда, оказался на грине после двенадцатого удара. Питер закончил лунку семнадцатым. Джеймс умудрился свести розыгрыш к ничьей. Лишь по пути к следующей лунке Джеймс заметил, что бил последние патты нибликом, а это, конечно же, не могло не сказаться на его игре самым печальным образом. Такие досадные оплошности нередко случаются с гольфистами, когда нервы напряжены до предела.

Пятая и шестая лунки сюрпризов не преподнесли. Пятую с одиннадцатью ударами выиграл Питер, шестую с десятью — Джеймс. Короткую седьмую лунку оба преодолели за девять. Затем отдали должное коварной восьмой лунке: Джеймс завершил розыгрыш длинным паттом, который стал для него двадцать третьим ударом, и добился ничьей. В напряженной равной борьбе поднимались соперники по фервею девятой лунки, но у самого флажка Джеймс опередил Питера. Половина раунда закончилась с минимальным преимуществом Джеймса.

Уходя с грина, Джеймс, в глазах которого мелькнул огонек лукавства, осторожно покосился на Питера и сказал:

— Иди пока к десятой, а я сбегаю в магазин за мячами. Да и клюшку надо подлатать. Я быстро.

— Я с тобой, — отозвался Питер.

— Не стоит. Лучше посторожи поле, чтобы не заняли.

С величайшим сожалением вынужден признать, что Джеймс лгал. Клюшка была в превосходном состоянии, а в сумке оставалась по меньшей мере дюжина мячей, поскольку предусмотрительный Джеймс всегда выходил на поле минимум с восемнадцатью. Увы! Он обманул друга. На самом деле Джеймс хотел подсмотреть пару приемов в самоучителе по гольфу, заблаговременно спрятанном в шкафчике. Джеймс не сомневался, что еще раз взглянув на драйв мистера Макбина, он в совершенстве овладеет техникой удара и сможет выиграть матч. Впрочем, тут он, пожалуй, несколько переоценил свои силы. Основная рекомендация Сэнди Макбина начинающим гольфистам заключалась в том, что мяч должен все время располагаться на одной линии с некой воображаемой точкой на затылке игрока. До сих пор все усилия Джеймса одновременно смотреть на мяч и на собственный затылок не принесли сколько-нибудь удовлетворительных результатов.

Вернувшись на поле, Джеймс присоединился к Питеру рядом с десятой лункой. Тот вел себя странно, был неестественно бледен, а на Джеймса смотрел как-то не так.

— Джеймс, старина, — сказал Питер.

— Что?

— Я тут подумал, пока ты ходил за мячами. Джеймс, старина, ты и правда ее любишь?

Джеймс уставился на друга. Гримаса боли исказила лицо Питера.

— А что если, — тихо сказал Питер, — она вовсе не такая, как ты… как мы думали?

— О чем ты?

— Нет-нет, ни о чем.

— Мисс Форестер — ангел!

— Да-да, конечно.

— Ясно! — вскинулся Джеймс. — Ты, верно, надумал сбить мой настрой. Знаешь ведь, как вывести меня из себя.

— Вовсе нет!

— Решил, что размечтаюсь и не смогу собраться, а ты выиграешь?

— Напротив, — сказал Питер. — Я выхожу из игры.

— Что?! — воскликнул Джеймс, не веря своим ушам.

— Я сдаюсь.

— Но… но ведь… — Джеймс охрип от волнения. — А! Понятно! Ты начитался книжек и отказываешься, потому что я — твой друг. Знаю, видел такое в кино. Это благородно, Питер, но я не могу принять твою жертву.

— Ты должен!

— Ни за что!

— Прошу тебя!

— Уверен?

— Я отказываюсь от нее, старина. И… надеюсь, вы будете счастливы.

— Не знаю, что и сказать. Как тебя благодарить?

— Не стоит.

— Но, Питер, подумай, что ты делаешь. Ну да, я веду в счете, но впереди еще девять лунок, а моя игра далека от совершенства. Ты ведь запросто можешь меня победить. Неужели забыл, как я однажды накатал сорок семь на двенадцатой? Вдруг мне и сегодня не повезет? Ты понимаешь, что, если сдашься, я вечером пойду к мисс Форестер и сделаю предложение?

— Да.

— И все равно отступаешься?

— Именно. Кстати, необязательно ждать вечера. Я только что видел мисс Форестер у теннисного корта, она была одна.

Джеймс залился румянцем.

— Тогда я… наверное…

— Тебе лучше поторопиться.

— Точно. — Джеймс протянул руку. — Питер, старина, я никогда этого не забуду.

— Да ладно, иди.

— А как же ты?

— В каком смысле? А, ну попробую доиграть оставшиеся девять лунок. Захочешь — присоединяйся.

— Ты придешь на свадьбу? — нерешительно спросил Джеймс.

— Непременно, — отозвался Питер. — Удачи.

Голос его звучал ободряюще, но друга Питер проводил сочувственным взглядом и тяжело вздохнул.

Сердце Джеймса, когда он подошел к мисс Форестер, учащенно

билось. Девушкой невозможно было не залюбоваться: она стояла в лучах солнца, одна рука — на поясе, в другой — теннисная ракетка.

— Как поживаете? — поздоровался Джеймс.

— Добрый день, мистер Тодд. Вы, что же, играли в гольф?

— Да.

— С мистером Уиллардом?

— Да. Мы играли матч.

— Гольф, — продолжала Грейс Форестер, — по-видимому, заставляет людей забывать о манерах. Мистер Уиллард счел возможным оборвать наш разговор на полуслове и покинуть меня.

Джеймс был потрясен.

— Вы разговаривали с Питером?

— Да. Сию минуту. Не понимаю, что с ним приключилось. Вот так запросто взял, махнул рукой, развернулся и ушел.

— Нельзя разворачиваться во время маха, — изумился Джеймс, — только при завершении удара.

— Простите, что вы сказали?

— Нет-нет, ничего. Это я так, задумался о своем. Я, видите ли, в последнее время много думаю. И Питер тоже. Вы уж на него зла не держите. Мы сейчас играли очень важный матч, и он, наверное, переволновался. Вы, кстати, совершенно случайно, не наблюдали за нами?

— Нет.

— Жаль! Видели бы вы меня на лунке у озера. Я сыграл на единицу ниже пара.

— Пара? Не знаю такого. Вы часто с ним играете?

— Нет, вы не поняли. Я хочу сказать, что сыграл лунку лучше, чем можно было ожидать от самого прекрасного игрока. Там, знаете ли, все дело в первом ударе. Слишком мягко бить нельзя, потому что мяч упадет в озеро; но и слишком сильно — тоже нельзя, а то можно перелететь через лунку прямо в лес. Этот удар требует очень тонкого чувства мяча и дистанции, в точности, как у меня. Возможно, еще целый год никому не удастся сыграть эту лунку вторым ударом. Едва ли даже у местного профессионала это так уж часто выходит. Представляете, мы еще только подходили к лунке, а я про себя уже решил, что сегодня никаких ошибок не будет. Легкость, изящество и умение не напрягаться — вот в чем секрет любого удара. Многие думают, что важнее всего хорошая техника…

— Это же снобизм! Мне, например, совершенно безразлично, у кого какая техника. Не автомобиль красит человека.

— Нет, вы не совсем поняли. Я говорю о стойке и прицеливании во

время удара по мячу. Многие игроки только и думают о том, под какими углами к линии удара расположены руки, ноги и рукоятка клюшки. В большинстве случаев именно желание сохранять все эти углы неизменными приводит к нежелательным поворотам головы и напряжению в мышцах, что мешает свободному исполнению свинга. Однако, по существу, качество удара зависит лишь оттого, насколько четко игрок видит мяч, и только по этой причине нужно следить за неподвижностью одной-единственной точки, которая находится сзади у основания шеи. Линия, проведенная от этой точки к мячу, должна составлять прямой угол с линией удара.

Джеймс сделал небольшую паузу, чтобы набрать воздуха, и тут заговорила мисс Форестер:

— По-моему, все это вздор.

— Вздор?! — ужаснулся Джеймс. — Да я практически дословно цитирую одного из ведущих знатоков игры!

Мисс Форестер раздраженно взмахнула теннисной ракеткой.

— Гольф, — сказала она, — скука смертная. Вот уж не могли выдумать игры глупее.

Когда рассказываешь историю, невольно осознаешь недостаток жанра, ведь слова — очень скудное выразительное средство для описания судьбоносных моментов. В этом неоспоримое превосходство художника над летописцем. Будь я художником, непременно изобразил бы, как Джеймс падает навзничь, а траекторию его полета отметил бы пунктирной дугой, не забыв пририсовать вокруг головы несколько звездочек, подчеркивающих глубину душевной травмы. Нет слов, что могли бы передать тот неподдельный всепоглощающий ужас, охвативший Джеймса, когда леденящие кровь слова мисс Форестер зазвенели в его ушах.

До сих пор Джеймсу не приходило в голову справиться о религиозных воззрениях мисс Форестер, так как он всегда полагал их здравыми. И вот она стоит перед ним и оскверняет волшебный летний день самым настоящим злокозненным богохульством. Нельзя сказать, что в этот миг любовь Джеймса превратилась в ненависть. Он не возненавидел Грейс. Отвращение, которое он испытал, было куда глубже ненависти. Чувство, возникшее в его душе, нельзя однозначно назвать ни брезгливостью, ни жалостью, хотя и того, и другого в нем хватало с лихвой.

Наступила напряженная тишина. Весь мир словно замер в ожидании развязки. Затем, не произнеся ни слова, Джеймс Тодд развернулся и побрел восвояси.

Когда Джеймс вернулся на поле, Питер меланхолично ковырялся в

бункере у двенадцатой лунки. Заслышав шаги, он вздрогнул и поднял голову. Поняв, что Джеймс пришел один, он нерешительно подошел к нему и спросил:

— Ну, что? Тебя можно поздравить?

— Еще как! — ответил Джеймс, глубоко вздохнув. — С избавлением.

— Она тебе отказала?

— Не дал ей такой возможности. Скажи мне, дружище, случалось ли тебе послать мяч к бункеру перед седьмым грином, так чтобы он остановился на самом-самом краю и все-таки не упал?

— Не припоминаю.

— А мне как-то довелось. Бил второй удар легким айроном из прекрасного положения, хорошо так клюшку довел, вот разве что показалось чуть сильнее, чем нужно. И что же? Подхожу к бункеру и вижу мой мяч у самого края, причем лежал он на таком удобном пригорочке, что мне не составило труда отправить его на грин и закончить лунку шестым ударом. Я это к тому, что теперь, как и тогда, у меня такое чувство, будто некие невидимые высшие силы уберегли меня от страшного несчастья.

— Прекрасно тебя понимаю, — мрачно сказал Питер.

— Питер, представь себе, эта девчонка говорит, что гольф, мол, скука смертная. Дескать, глупее игры не могли выдумать. — Он сделал театральную паузу, чтобы слова возымели должный эффект, однако Питер лишь вымученно улыбнулся.

— Тебя это, кажется, ничуть не задевает, — насупился Джеймс.

— Задевает, но я не удивлен. Видишь ли, несколькими минутами раньше она сказала мне то же самое.

— Да ну?!

— Да, практически слово в слово. Я рассказывал ей, как сыграл лунку у озера двумя ударами, а она заявила, что, по ее мнению, гольф — игра для умственно отсталых детей, которые недостаточно физически развиты, чтобы строить башни из кубиков. Питер и Джеймс поежились.

— Наверное, здесь что-то не так с наследственностью. Не было ли у нее в семье сумасшедших? — наконец произнес Джеймс.

— Пожалуй, — откликнулся Питер, — это многое объясняет.

— Повезло нам, что мы вовремя это выяснили.

— Еще как повезло!

— Больше так рисковать нельзя!

— Ни в коем случае!

— Думаю, нам нужно как следует заняться гольфом. Уж гольф-то оградит нас от беды.

— Ты прав. Мы должны играть не меньше четырех раундов в день.

— Весной, летом и осенью. А зимой благоразумнее всего будет тренироваться в каком-нибудь крытом зале.

— Да уж. Так безопаснее.

— Питер, дружище, — спохватился Джеймс, — давно хотел тебе сказать. Мне тут привезли книгу Сэнди Макбина. Тебе стоит ее почитать. Там столько всего полезного!

— Джеймс!

— Питер!

Друзья молча обменялись рукопожатиями. Джеймс Тодд и Питер Уиллард вновь стали прежними.

Таким образом, — подвел итог Старейшина, — мы возвращаемся к тому, с чего начали. А именно к любви, про которую, конечно, ничего определенно плохого не скажешь, и все же молодые гольфисты в этом деле должны быть крайне осмотрительны. Любовь может благотворно сказаться на игре, а может — и нет. Однако если уж выясняется, что все-таки нет — то есть, если девушка явно не готова понять и подбодрить любимого, когда тот долгими вечерами в мельчайших подробностях рассказывает ей о только что сыгранном раунде, демонстрируя хват, стойку и мах при помощи попавшейся под руку кочерги, — то мой вам совет, даже не думайте о такой девушке. Любовь испокон веков превозносят до небес в печати, однако есть нечто более высокое, нечто более благородное, чем любовь. Как сказал поэт:

Коробку мячей открою,
подумаю в сотый раз,
Друзья, зачем мне женитьба,
коль я останусь без вас?

На свете женщин немало,
что впрячься в ярмо хотят;
Но к чему влюбляться гольфисту?
Пусть тренирует патт.[28]

ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ ДЖОРДЖА МАКИНТОША

В бар гольф-клуба вошел молодой человек. Выглядел он против обыкновения хмурым, а лимонад заказал таким тоном, каким древние греки, должно быть, просили палача принести яду.[29]

Старейшина, удобно расположившись в любимом кресле, сочувственно наблюдал за ним.

— Как сыграли? — поинтересовался Старейшина.

— Отвратительно.

Старейшина кивнул убеленной сединами головой.

— Полагаю, вам пришлось несладко. Ничего удивительного. Вы ведь с Побели играли? Многие достойные юноши уходили на матчи с Гербертом Побели бодрыми и веселыми, а возвращались сломленными и раздавленными. Он что, разговаривал?

— Все время, черт бы его побрал! Старейшина вздохнул.

— Не в меру разговорчивый гольфист — вне всяких сомнений, худшее из зол, порожденных современной цивилизацией. Никакого сладу с ним нет. Печально, что столь вопиющее безобразие появилось на свет именно в благороднейшей из игр. Не раз доводилось мне наблюдать Герберта Побели во всей красе — потрескивает, словно терновый хворост под котлом.[30] Пожалуй, он почти так же несносен, как Джордж Макинтош в худшие времена. Я не рассказывал о Джордже Макинтоше?

— Не припоминаю.

— Единственный случай на моей памяти, — пояснил Старейшина, — когда излишне словоохотливый гольфист полностью исцелился. Хотите узнать, как это случилось?

Джордж Макинтош, — начал Старейшина, — с первых дней знакомства произвел на меня самое благоприятное впечатление. Симпатичный, ладно скроенный юноша без вредных привычек — ну, разве что немного злоупотреблял клюшкой мэши в ущерб легкому айрону. Достоинств же у него было не перечесть. Корпус ставил правильно, голову держал ровно, движения уверенные, без лишней суеты. Всегда тактично вздыхал, случись сопернику досадно сорвать удар. А если ему самому незаслуженно везло, уж так он сокрушенно цокал языком, что раны в душе оппонента тут же затягивались. Первейшей же добродетелью Джорджа в

моих глазах, да и в глазах всего мыслящего человечества, считалась привычка не произносить ни единого лишнего слова с начала раунда и до самого финиша. И надо же, как все обернулось! Именно Джорджу Макинтошу впоследствии довелось пережить черные дни, которые навсегда останутся в памяти современников. Он тогда заслужил прозвище Кудахчущий Джордж и недобрую славу, какой позавидовал бы и вирус испанки. Воистину, corruptio optimi pessima.[31]

Когда с высоты прожитых лет оглядываешься на свою жизнь, горше всего сознавать, что наибольший вред причиняют поступки, вызванные лучшими побуждениями. Подумать страшно. Даю вам честное слово — когда Джордж Макинтош пришел поделиться со мной своим горем, я лишь хотел облегчить его участь. Разве мог я представить, что собственными руками направляю на погибель человека, которого всегда любил и уважал?

Итак, однажды вечером после ужина ко мне зашел Джордж Макинтош. Был он явно не в своей тарелке, хоть я и не мог взять в толк, отчего, ведь целый день мы играли вместе, и Джордж записал в карточку восемьдесят один и семьдесят девять. Я покинул поле, когда уже смеркалось, так что у Джорджа решительно не оставалось времени на неудачный раунд. Вряд ли причиной его беспокойства стали затруднения финансового характера. У Джорджа была прекрасная работа в солидной юридической конторе «Пибоди, Пибоди, Пибоди, Пибоди, Кутс, Туте и Пибоди». Мысль о том, что Джордж влюбился, я сразу отбросил. За все время нашего знакомства Джордж Макинтош ни разу не выказал ни малейшего интереса к противоположному полу.

И все же, при всей нелепости последнего предположения, именно оно оказалось верным. Едва присев и раскурив сигару, Джордж выдавил из себя признание.

— Как бы вы поступили намоем месте? — спросил он.

— А что такое?

— Так ведь… — он сглотнул и тут же залился краской. — Глупо это, наверное, но я люблю мисс Тенант.

— Любите Селию Тенант?

— Конечно, люблю. Глаза-то есть у меня, а? В кого еще влюбляться нормальному человеку? В этом, — мрачно продолжил Джордж, — все и дело. Нас таких уже двадцать девять и, сдается, мои шансы где-то тридцать три к одному.

— Не могу согласиться, — отвечал я. — У вас, на мой взгляд, масса достоинств. Вы молоды, обаятельны, недурны собой, достаточно обеспечены, а уж гольф…

— Но я не умею говорить, черт возьми! — взорвался он. — А чего добьешься в этом деле, если молчать, как рыба?

— Однако сейчас вы говорите, и довольно связно.

— Так то сейчас, с вами. А поставьте меня перед Селией Тенант, и от моего красноречия останется одно сплошное блеяние, будто я какая-нибудь хворая овца. На что я ей такой нужен? А знаете, с кем мне приходится соперничать? Я обыграю Клода Мэйнверинга, будь у него хоть шесть лунок форы. Юстасу Бринкли я дам по удару форы на каждой лунке и не оставлю от него мокрого места. Но вот когда дело доходит до разговоров с девушкой, мне за ними не угнаться.

— Нельзя быть таким застенчивым.

— Но ведь я-то как раз застенчив. Что толку говорить мне о застенчивости, если я практически ее изобрел и запатентовал? Застенчивость — мое второе имя и почтовый адрес. Я не могу не быть застенчивым!

— Значит, с этим нужно бороться.

— Но как? Я ведь и пришел-то сюда в надежде, что вы что-нибудь подскажете.

Тут-то я и дал маху. Видите ли, перед тем как обратиться к книге Брейда «Удары с обратным вращением», я листал свежий номер одного журнала и наткнулся на рекламное объявление, которое будто специально разместили для Джорджа. Объявление из тех, что вам наверняка доводилось видеть, призывало: «Научитесь говорить убедительно». Я отыскал журнал и вручил его Джорджу.

Несколько минут Джордж задумчиво разглядывал рекламу. Он смотрел на изображение молодого человека, прошедшего курс, к которому так и льнули прекрасные девушки; в то же время другой юноша, не воспользовавшийся предложенным шансом, стоял рядом в полном одиночестве и не без зависти поглядывал на счастливца.

— Со мной они себя так не ведут, — произнес Джордж.

— Как не ведут, друг мой?

— Не тянутся ко мне, взглядов нежных не дарят.

— Насколько я понимаю, здесь пишут, что именно так все и будет, если закажете брошюру.

— Думаете, в этом и правда что-то есть?

— Почему бы и нет? Что мешает освоить ораторское искусство по переписке? Кажется, в наше время подобным образом можно научиться чему угодно.

— Попробовать, что ли? В конце концов, не так уж и дорого. Н-да, —

пробормотал он, глядя на картинку, — этот тип и впрямь выглядит привлекательно. Впрочем, наверное, все дело в костюме.

— Вовсе нет. Взгляните, второй юноша тоже во фраке, однако на него никто и не смотрит. Просто нужно заказать брошюру.

— Да и пересылка за счет отправителя.

— Именно. За счет отправителя.

— Пожалуй, попробую.

— Почему бы и нет?

— Решено, клянусь Дунканом! — Джордж вырвал рекламу из журнала и засунул в карман. — Вот, что я придумал. Потренируюсь недельку-другую, а потом пойду и попрошу прибавку к жалованью — там и поглядим. Если меня повысят, значит, в этой книжонке что-то есть. Вышвырнут — значит, все это глупости.

На том и порешили. Признаюсь, наш разговор совершенно вылетел у меня из головы, видимо оттого, что я не заказал «Курс укрепления памяти», предлагавшийся на соседней странице журнала. И вот, несколько недель спустя, я получил от юного Макинтоша телеграмму:

«Сработало, как часы».

Сказать по чести, телеграмма меня озадачила. Лишь за четверть часа до прихода Джорджа я сообразил, в чем дело.

— Итак, прибавка к жалованью? — спросил я, едва он вошел.

Джордж лишь небрежно усмехнулся в ответ. Мы не виделись какое-то время, и теперь я заметил, как что-то неуловимо изменилось в его облике. Поначалу мне не удавалось взять в толк, что именно, однако мало-помалу я стал понимать, что глаза его блестят каким-то новым блеском, подбородок сделался чуть более волевым, да и осанка немного выпрямилась. И все же наиболее сильное впечатление производили его глаза. Джордж Макинтош, которого я знал раньше, всегда казался мне симпатичным юношей с прямым и открытым взглядом, однако силы в этом взгляде было не больше, чем в вареном яйце. Теперь же Джордж смотрел так, словно в глазах у него был не то прожектор, не то рентгеновский аппарат. Вероятно, чем-то подобным мог похвастать Старый мореход Кольриджа, который, помнится, остановил гостя по дороге на свадьбу. Джордж Макинтош, пожалуй, сумел бы остановить корнуольский экспресс по дороге в Пензанс.[32] Самоуверенность, — да что самоуверенность, — прямо-таки неприличную чванливость и высокомерие излучала каждая клеточка его тела.

— Прибавка? — переспросил он. — Шеф разве что ноги мне не целовал, да и то потому, что я вовремя отскочил. Я говорил около часа, и тут…

— Около часа? — у меня перехватило дыхание. — Вы говорили целый час?

— Естественно. Не хотите же вы, чтобы я показался невежливым? Я выбрал время для разговора наедине и отправился в кабинет шефа. На первый взгляд он был бы совсем не прочь уволить меня. Да он, признаться, так и сказал. Впрочем, мне быстро удалось его вразумить. Я присел, закурил и принялся живописать историю моих взаимоотношений с фирмой. Не прошло и десяти минут, как он сник. Через четверть часа он уже смотрел на меня, как блудный пес, нашедший любимого хозяина. Еще пятнадцать минут, и он чуть не повизгивал, поглаживая меня по плечу. Спустя полтора часа, когда моя речь достигла кульминации, он, едва сдерживая рыдания, предложил мне вдвое больше, чем я хотел, и умолял отобедать с ним в следующий вторник. Теперь жалею, что так быстро закончил. Еще минута-другая, и он наверняка отдал бы мне последние подтяжки и переписал в мою пользу завещание.

— Что ж, — сказал я, едва мне удалось вставить слово, — все это прекрасно.

— Ничего себе, — ответил Джордж, — очень даже ничего. Накануне свадьбы прибавка к жалованью не помешает.

— Конечно, — откликнулся я, — вот где будет настоящее испытание.

— О чем это вы?

— Как же? Предложение Селии Тенант. Помните, в прошлый раз вы говорили…

— Ах, это, — отмахнулся Джордж. — Я уже все уладил.

— Не может быть!

— Да-да, по дороге со станции. Заглянул к Селии около часа назад, и мы обо всем договорились.

— Скажите пожалуйста!

— Что такого? Я изложил ей свое мнение, и она не могла не согласиться.

— Мои поздравления! Выходит, у вас прямо-таки не осталось непокоренных вершин.

— Не знаю, не знаю, — покачал головой Джордж. — Сдается мне, все только начинается. Ораторское искусство — штука затягивающая. Слыхали, какую речь я закатил на годовщине основания фирмы? Уверяю вас, это была бомба. Чистой воды феерия. Заставил всех смеяться, потом

рыдать, снова смеяться и затем снова рыдать. Под конец шестерых пришлось вывести, а остальные катались по полу, задыхаясь от смеха. Публика приветственно размахивала салфетками. Три стола сломали. Официанты — в истерике. Честное слово, я играл на них, как на струнном инструменте.

— А вы умеете играть на струнном инструменте?

— Признаться, нет. Ну, скажем, как играл бы на струнном инструменте, умей я играть на струнных инструментах. Какое упоительное ощущение уверенности в себе! Я всерьез подумываю продолжать в том же духе.

— Надеюсь, не в ущерб гольфу?

Джордж рассмеялся так, что кровь застыла у меня в жилах.

— Гольфу? — переспросил он. — А что такое гольф? Подумаешь, мячик в лунку закатить. Младенец справится. Играют же дети в гольф, и небезуспешно. На днях читал, что ребенок четырнадцати лет выиграл какой-то там чемпионат. А смог бы этот отрок завладеть вниманием целого зала на торжественном банкете? Вот уж не думаю. Покорять людские толпы одним словом, чтобы они ловили каждый твой жест — вот в чем соль жизни. Наверное, не стоит мне больше играть в гольф. Я собираюсь отправиться в лекционное турне по Англии, к тому же меня пригласили выступить на пятнадцати званых ужинах.

Вот так. И это сказал человек, которому удавалось одним ударом пройти лунку рядом с озером. Гольфист, которого хотели выдвинуть от нашего клуба на участие в любительском чемпионате. Я не из робкого десятка, но от этих слов мурашки забегали у меня по спине.

К счастью, Джордж Макинтош не стал воплощать свои безумные планы в жизнь. С гольфом он не расстался и время от времени показывался на поле нашего клуба. Однако постепенно все игроки начали его сторониться — это ли не ужасная участь для того, кто, бывало, получал больше предложений о матчах, чем мог принять? Джордж не умолкал ни на минуту, и терпеть это было решительно невозможно. Мало-помалу все перестали с ним играть, и только старый майор Мозби, потерявший остатки слуха еще в девяносто восьмом году, иногда соглашался пройти раунд с Джорджем. Конечно, порой с ним играла Селия Тенант, однако, несмотря на всю свою любовь, и она держалась из последних сил.

Так явственно читалось напряжение на ее побледневшем лице, так заметна стала живая мука в ее глазах, что я нисколько не удивился, когда одним прекрасным утром мой слуга вышел в сад, где я листал книгу Рэя, и объявил ее имя. Я так и думал, что рано или поздно Селия придет ко мне за

советом и утешением, ведь я знал ее еще совсем девочкой. Именно я в свое время показал ей, как держать драйвер, именно я научил ее по-детски картавить перед ударом предупредительный возглас «мя-а-ач». Слово «мяч» не так-то просто картавить, однако я научил Селию, и с тех пор нас связывала крепкая дружба, которая ничуть не ослабла с течением лет.

Она присела на траву у моего кресла и устремила на меня взгляд, полный невыразимых страданий. Я знал Селию с малых лет, а потому мне было ясно, что вовсе не мой внешний вид так расстроил ее. Нет, девушка терзалась душевными муками. Я ждал, когда она заговорит, и вот, наконец, ее будто прорвало:

— Я так больше не могу! Это ужасно! Ужасно!

— Не можете? — переспросил я, хотя все прекрасно понял.

— Бедный Джордж все время говорит, как одержимый, — с чувством воскликнула Селия. — Наверное, с тех самых пор, как сделал мне предложение.

— Да, Джордж не прочь поболтать, — признал я. — Он рассказывал вам анекдот про ирландца?

— Раз пять. А про шведа — и того больше. Да разве я против? Женщина должна стойко переносить анекдоты любимого мужа. Такова уж наша женская доля. Но ведь Джордж без умолку разглагольствует обо всем на свете, так что даже мое терпение вот-вот иссякнет.

— А ведь когда Джордж просил вашей руки, наверное, можно было заметить его разговорчивость. Он не вдавался в подробности, но намекнул, что был довольно велеречив.

— Ах, — всплеснула руками Селия, — Джордж делал предложение изумительно. Говорил минут двадцать без остановки. Сказал, что я — предел его самых сокровенных мечтаний; смысл всей его жизни; Настоящее, Прошлое и Будущее… и так далее в том же духе. Да если бы он и теперь ограничивался этой темой, я слушала бы его дни напролет. Так нет же. Только и знает, что рассуждать о политике, статистике, философии и… да обо всем. Голова болит.

— Да и сердце, наверное, тоже, — печально добавил я.

— Я люблю его! — просто ответила Селия. — Несмотря ни на что, люблю. Но что же делать? Что делать? Я с ужасом представляю, как во время свадебной церемонии Джордж не ответит священнику «да», а поднимется на кафедру и выступит с речью о традициях бракосочетаний от основания мира идо наших дней. Весь земной шар для него всего лишь огромный лекционный зал. Он считает жизнь званым ужином, а себя — специально приглашенным оратором. Сердце кровью обливается. Больно

смотреть, как бывшие друзья сторонятся его. Да что сторонятся! Все так и бросаются врассыпную, едва завидев Джорджа. Как только его голос раздается поблизости от гольф-клуба, даже самые храбрые ищут спасения под диванами. Как тут не отчаяться? Что же это за жизнь такая?

— Всегда остается гольф.

— Да. Остается гольф, — мужественно прошептала она.

— Давайте сыграем сегодня после обеда.

— Я обещала провести день… — она вздрогнула, но быстро взяла себя в руки, — с Джорджем.

— Приводите его, — сказал я и погладил ее по руке. — Может, вдвоем мы сумеем поговорить с ним. Она лишь покачана головой.

— С Джорджем нельзя поговорить. Он просто не дает вклиниться.

— И все же попробовать стоит. Я думаю, его горе поправимо. Слишком уж быстро угнездился в Джордже вирус болтливости. Вспомните, до нынешних приступов болезни Джордж считался молчуном. Порой мне кажется, что его недуг — лишь естественная компенсация за чрезмерную неразговорчивость, и вскоре все вернется на круги своя. А может, какое-нибудь потрясение… Как бы то ни было, мужайтесь.

— Постараюсь не раскисать.

— Отлично. Встречаемся в половине третьего у первой лунки.

— Вам придется дать мне по удару форы на третьей, девятой, двенадцатой, пятнадцатой, шестнадцатой и восемнадцатой, — дрогнувшим голосом сказала Селия. — Видите ли, в последнее время у меня не очень идет игра.

— Ничего, — мягко произнес я и снова погладил ее по руке. — Я все понимаю.

Размеренный гул знакомого баритона, донесшийся до моего слуха, едва я приехал к полю и вышел из машины, свидетельствовал о том, что Джордж не забыл о встрече. Он восседал на камне под каштаном и делился избранными мыслями о лейбористском движении.

— Итак, к какому выводу мы приходим? — говорил он. — Мы неизбежно приходим к единственно верному выводу…

— Добрый день, Джордж, — поздоровался я.

Он еле заметно кивнул, но не произнес в ответ ни слова. Казалось, мое приветствие было для него сродни невпопад заданному откуда-то с галерки вопросу. Джордж продолжил свою речь и все еще говорил, когда Селия подошла к мячу и приготовилась бить. Ее замах совпал по времени с резким риторическим вопросом Джорджа, рука дрогнула, а мяч запрыгал

по земле и закатился в раф, даже не спустившись с холма. Мученическое выражение ее лица до сих пор стоит у меня перед глазами. Однако Селия не бросила Джорджу ни слова упрека. Поистине любовь женщины — настоящее чудо.

— Знаешь, в чем ты допустила ошибку? — тут же отвлекся от лейбористов Джордж. — Ты не уделила должного внимания динамике гольфа. Неверно повернулась. Направила левую пятку к полю, когда клюшка находилась в верхней точке замаха. Это приводит к нестабильности и потерям в длине удара. Основополагающий принцип динамики гольфа заключается в том, что левая нога должна твердо стоять на земле в момент соприкосновения клюшки с мячом. Если разворачивать левую пятку к полю, практически невозможно вовремя привести ее в нужное положение.

Я тоже выполнил первый удар. Мяч преодолел раф и упал на фервей. Впрочем, драйв явно не удался. Сказать по чести, Джордж Макинтош действовал на нервы и мне. У меня возникло полузабытое с детства ощущение панического ужаса, равного которому я не испытывал с тех пор, как узнал об ужасном всевидящем оке, «что каждый шаг мой знает и неусыпно бдит». Лишь оттого, что Селию, казалось, око удручало еще больше, я выиграл первую лунку семью ударами.

По пути ко второй лунке Джордж громогласно восторгался пейзажем, особо упирая на дивное сочетание серебряных проблесков озера с ярко-изумрудной травой около лунки и приглушенной зеленью рафа чуть поодаль. Перед самым ударом Селии Джордж принялся расписывать, как чудно золотится яма с песком слева от флага. Нет, вовсе не с такими настроениями нужно подходить к лунке с озером. Неудивительно, что мяч несчастной Селии с леденящим душу всплеском ушел в воду.

— Ну а теперь, — не заставил себя ждать Джордж, — удар вышел слишком дерганым. Куда подевался уверенный, плавный переворот кистей? Дергаться вообще вредно, но уж с этой клюшкой…

— Лунка ваша, — сказала Селия, когда мой мяч перелетел воду и остановился на самом краю грина. — Зря только новый мяч утопила.

— Цена на мячи для гольфа, — подхватил Джордж, — не простой вопрос, на который должны обратить внимание экономисты. Надежные источники сообщают, что резина сейчас исключительно подешевела. Однако мы не наблюдаем падения цен на мячи для гольфа, которые, как известно, сделаны из резины. В чем же причина? Говорите, в последнее время выросли затраты на квалифицированную рабочую силу? Верно. И все же…

— Переведите дух, Джордж, пока я бью, — попросил я, когда мы подошли к стартовой площадке третьей лунки.

— Занятная штука, концентрация, — откликнулся Джордж. — Интересно, почему определенные явления не позволяют человеку сосредоточиться? И кстати, вспоминается старый вопрос о сне. Как получается, что люди способны спать во время крупных природных катаклизмов, и не могут заснуть, если вода капает из крана? Мне рассказывали, что некоторые умудрились сладко спать в самый разгар знаменитого землетрясения в Сан-Франциско, правда, время от времени приподнимая голову и в полудреме говоря кому-то оставить все на коврике. И эти же самые люди…

Драйв Селии не удался, и мяч упал в глубокий овраг, разверзшийся в пятидесяти метрах от ти. Глухой стон слетел с ее уст.

— А сейчас ты ошиблась вот как… — отреагировал Джордж.

— Сама знаю, — отрезала Селия. — Я подняла голову.

Ни разу на моей памяти Селия не была столь резка. Пожалуй, про менее красивую девушку в подобных обстоятельствах сказали бы, что она огрызнулась. Впрочем, Джордж, по-видимому, не придал этому никакого значения. Он набил трубку и отправился за Селией в овраг.

— Примечательно, — развивал он свою мысль, — насколько большое значение имеет в гольфе неизменное положение головы при ударе. Профессиональные тренеры все время повторяют ученикам, что те должны смотреть на мяч. Однако держать взгляд на мяче — не главная забота. На самом деле это обеспечивает ровное положение головы, так как в противном случае нельзя надеяться на…

Голос его затих вдали. Я срезал драйв в пролесок справа от фервея и отправился на поиски мяча, оставив Селию с Джорджем в овраге позади. Когда я уходил, мяч Селии попал в окруженную камнями впадину и она доставала ниблик из сумки с клюшками. Голос Джорджа, издали походивший на монотонный шум, преследовал меня, пока я не отошел на приличное расстояние.

Я уже совсем отчаялся найти мяч, когда услышал, что меня зовет Селия. В голосе ее звучали непривычные нотки, и я встревожился.

Я вылез из кустов в сопровождении неизвестного растения, прицепившегося к ноге.

— Иду, — откликнулся я, вытаскивая сучки из волос.

— Мне нужен совет, — сказала Селия.

— К вашим услугам. А в чем дело? И кстати, — спросил я, оглядевшись, — где ваш жених?

— У меня нет жениха, — безжизненным тоном ответила Селия.

— Вы расторгли помолвку?

— Не совсем. То есть — ну, можно сказать и так.

— Не вполне понимаю.

— Видите ли, — пояснила Селия с истинно девичьей откровенностью, — кажется, я убила Джорджа.

— Вот как? Убили?

Должен признать, подобное решение не приходило мне в голову, однако теперь, когда его представили на мой суд, достоинства такого подхода стали очевидны. В наши дни, когда вся страна поднимается в едином порыве, когда мы сообща стараемся сделать нашу возлюбленную отчизну землей героев, просто удивительно, что никто не додумался до совершенно очевидной вещи — убить Джорджа Макинтоша. Мертвый Джордж Макинтош был несомненно лучше живого, однако, чтобы понять это, потребовалась женская интуиция.

— Убила. Вот этим самым нибликом, — сообщила Селия. Я кивнул, одобряя выбор клюшки. Уж если убивать, то определенно нибликом.

— Я готовилась к одиннадцатой попытке выбить мяч из оврага, — продолжила свой рассказ Селия, — а Джордж все говорил о последних раскопках в Египте, как вдруг… Знаете, бывает такое, словно что-то оборвется и…

— Да-да, мне пришлось пережить нечто подобное сегодня, когда я завязывал шнурки.

— Ну, вот. Р-раз — и вдруг — все так неожиданно и быстро получилось. Я, наверное, что-то сказала; Джордж тут же забыл о Египте и ответил, что мои слова живо напомнили ему одного ирландца, который…

— Не стоит продолжать, если вам тяжело вспоминать об этом, — сочувственно сказал я и взял ее за руку.

— Да я почти закончила. Он наклонил голову, чтобы зажечь трубку и… искушение оказалось слишком велико. Вот.

— Вы все сделали совершенно верно.

— Правда?

— Ну конечно. В свое время благодаря подобному поступку, вызванному куда как менее очевидными причинами, Иаиль, жена Хевера,[33] стала одной из популярнейших женщин Израиля.

— Хотела бы и я так думать, — прошептала Селия. — Знаете, сперва я очень обрадовалась. Но ведь… Он раньше был такой милый, до того как приключилась эта напасть. Я все вспоминаю Д-Джорджа, каким он был прежде. Девушка разрыдалась.

— Не желаете показать мне останки? — спросил я.

— Пожалуй.

Она молча повела меня к оврагу. Джордж Макинтош лежал на спине там, где упал несколько минут назад.

— Вот, — всхлипнула Селия.

В тот же миг Джордж Макинтош издал протяжный хриплый стон и сел. Селия взвизгнула и рухнула перед ним на колени. Джордж моргнул раз-другой и принялся ошарашенно оглядываться.

— Спасайте детей и женщин! — выкрикнул он. — Я доплыву сам.

— О, Джордж! — отозвалась Селия.

— Вам лучше? — осведомился я.

— Немного. Жертвы есть?

— Жертвы?

— Ведь в нас врезался поезд. — Джордж снова поглядел по сторонам. — А как я здесь очутился?

— Вы были здесь все время, — ответил я.

— То есть, после того, как обвалилась крыша, или раньше? Селия тихо плакала за шиворот Джорджу.

— О, Джордж, — повторила она.

Неуверенным движением он взял ее за руку и погладил.

— Вот отважная девушка! — сказал он. — Ничего не побоялась. Все время была рядом. Скажите же мне — я готов узнать страшную правду — из-за чего произошел взрыв?

Я подумал, что это как раз тот случай, когда стоит избежать неприятных объяснений, проявив немного такта.

— Разное говорят, — уклончиво ответил я. — Одни считают — непотушенная сигарета…

Меня прервала Селия. Женское естество взбунтовалось против спасительной лжи.

— Это я ударила тебя, Джордж.

— Ударила? — удивленно переспросил он. — Чем? Эйфелевой башней?

— Нибликом.

— Ты ударила меня нибликом? Но почему?

Селия помолчала. Затем посмотрела Джорджу прямо в глаза и сказала:

— Потому что ты говорил без умолку.

— Кто, я? — изумился Джордж. — Я говорил? Да из меня слова клещами не вытянешь. Все это знают.

Селия бросила на меня изумленный взгляд, полный отчаяния. Однако

я сразу сообразил, что к чему. Удар и неожиданное потрясение произвели на клетки мозга такое действие, что Джордж мгновенно выздоровел. Мне недостает уверенных знаний, чтобы объяснить механизм явления, однако суть была ясна.

— Видите ли, друг мой, — обратился я к Джорджу, — в последнее время вы имеете обыкновение разговаривать, причем довольно много. Вот и сегодня с самого начала матча вы непрестанно развлекали нас беседой.

— Я? На поле для гольфа? Не может быть!

— Боюсь, еще как может. Вот почему эта отважная девушка ударила вас нибликом. Вы решили рассказать анекдот, когда она играла одиннадцатый удар из оврага, и ей пришлось принять меры.

— Джордж, сможешь ли ты простить меня? — воскликнула Селия.

Джордж Макинтош стоял, вперив в меня взор. Вдруг лицо его залилось густой краской.

— А ведь верно! Теперь и сам припоминаю — все так и было. Боже правый!

— Сможешь ли ты простить меня, Джордж? — снова воскликнула Селия.

Он взял девушку за руку.

— Простить тебя? — пробормотал Джордж. — Сможешь ли ты простить меня? Это ведь я осквернял болтовней ти, я трещал, как сорока на грине. Подумать только, я чесал языком на поле для гольфа! Да я после этого низшая форма жизни из всех известных науке. О, я нечист, нечист!

— Совсем небольшое пятнышко, милый, — запротестовала Селия, приглядевшись к его рукаву. — Я почищу, когда подсохнет.

— Как можешь ты связать судьбу с человеком, который разговаривает во время игры?

— Но ты ведь больше не будешь?

— Что толку, ведь я уже запятнал себя. А ты, ты все время была рядом со мной. О, Селия!

— Я ведь люблю тебя, Джордж!

Чувства распирали Джорджа. Вдруг глаза его засверкали, одну руку он засунул за отворот куртки, а другую вскинул в приветственном жесте. Секунду-другую казалось, что он стоит на пороге очередного приступа безудержного красноречия. Затем, словно бы осознав, что это такое он собирается сделать, Джордж осекся. Блеск пропал из его глаз. Рука опустилась.

— Слушай, — обратился он к Селии, — здорово, что ты вот так вот, ну…

Не бог весть какая речь, однако мы оба, услышав ее, искренне обрадовались. Стало понятно, что Джордж Макинтош исцелен, и болезнь уже никогда не вернется.

— Да и вообще, — добавил Джордж, — ты молодец.

— Джордж! — воскликнула Селия.

Я молча пожал ему руку, собрал свои клюшки и удалился. Когда я обернулся, молодые люди обнимались. Так я их и оставил, вдвоем, в великолепной тишине.

Вот видите, — подвел итог Старейшина, — исцеление возможно, хотя без нежной женской руки в таком деле не обойтись. Впрочем, немногие женщины способны повторить поступок Селии Тенант. Тут ведь мало просто решиться на такое — ко всему нужен еще верный глаз и крепкие запястья. Сдается мне, рядовым любителям поговорить за игрой в гольф надеяться не на что. А ведь их полку в последнее время все прибывает. И все же лучшие игроки в гольф, как правило, отнюдь не речисты. Говорят, как-то раз несравненный Сэнди Маккилт, выиграв открытый чемпионат, попал в кольцо журналистов ведущих газет, которые засыпали его вопросами о введении тарифов, биметаллизме, суде присяжных и повальном увлечении танцами, но лишь одно слово смогли они выудить из чемпиона: «Грхм».

Произнеся это, он вскинул на плечо свою сумку и отправился домой пить чай. Великий человек. Побольше бы таких.

ИСПЫТАНИЕ ГОЛЬФОМ

Легкий ветерок играл в кронах деревьев близ гольф-клуба Марвис Бэй. Он шелестел листвой и овевал приятной прохладой чело Старейшины, по обыкновению коротавшего субботний вечер в кресле-качалке на террасе. Отсюда открывался прекрасный вид на поле, где совершало всевозможные ошибки подрастающее поколение. Взгляд Старейшины был рассеян и задумчив. Доведись вам перехватить этот взгляд, вы нашли бы в нем совершенное умиротворение, какое можно испытать в полной мере, только перестав играть в гольф.

Старейшина не брал в руки клюшку с тех пор, как резиновые мячи сменили своих гуттаперчевых собратьев. Сейчас он находит удовольствие в игре как зритель и философ. Гольф вызывает в нем самый живой интерес. Скользнув по лимонаду, что Старейшина потягивает через соломинку, его взгляд останавливается на четверке, мучительно взбирающейся на холм к девятому грину. Как и всем субботним четверкам, этой приходится нелегко. Один больной перемещается по фервею зигзагом, будто лайнер, преследуемый вражескими подлодками. Двое других, похоже, ищут зарытый пиратами клад, хотя, вполне возможно — издалека не разглядеть, — они просто убивают змей. Голос четвертого калеки отчетливо доносится до Старейшины. Он безнадежно срезал удар и выговаривает кэдди за то, что несчастный ребенок посмел дышать во время замаха.

Старейшина ставит стакан на стол и вздыхает. Лимонад понимающе булькает в ответ.

— Редко встретишь человека, — говорит Старейшина, — с характером настоящего гольфиста. Я тут по субботам на всякое насмотрелся и, честное слово, многие склонны считать гольфистом каждого, кто расхаживает по полю в коротких брюках и скопит достаточно денег, чтобы расплатиться за напитки в баре после игры. Как бы не так. Настоящий гольфист никогда не теряет самообладания. Я, например, когда играл, прекрасно владел собой. Верно, порой после неудачного удара я ломал клюшку о колено, однако делал это совершенно спокойно, полностью отдавая себе отчет в своих действиях. Я ломал клюшку, потому что она, очевидно, никуда не годилась, и все равно пришлось бы покупать новую. Глупо выходить из себя на поле для гольфа. Что это даст? Ведь

даже легче не станет. Нужно брать пример с Марка Аврелия. «Что бы ни случалось с тобой, — говорит сей великий муж в одной из своих книг, — оно от века тебе предуготовано. Ни с кем не случается ничего, что не дано ему вынести». Хочется верить, что эта мысль пришла ему в голову, когда он потерял несколько новых мячей в пролеске у фервея. Так и вижу, как он записывает эти строки на обороте карточки для ведения счета. Нет никаких сомнений в том, что Марк Аврелий был гольфистом, к тому же, весьма посредственным. Только тот, кто видел мяч, остановившийся на самом краю лунки после короткого патта, мог написать: «Что не делает человека хуже самого себя, то и жизнь его не делает хуже и не вредит ему ни внешне, ни внутренне». Да, Марк Аврелий, конечно же, играл в гольф, и все свидетельствует о том, что выйти из ста двадцати ударов за раунд ему удавалось крайне редко. Ниблик не залеживался в его сумке.

В продолжение мысли о Марке Аврелии и характере настоящего гольфиста вспоминается история юного Митчела Холмса. Когда мы познакомились, Митчел слыл многообещающим юношей с хорошими перспективами в компании «Красильни и химчистки Патерсона», где президентствовал мой старый приятель Александр Патерсон. Достоинств Митчелу было не занимать. К примеру, он бесподобно изображал перебранку бульдога с болонкой. Благодаря этому таланту Митчел пользовался большим успехом на вечеринках, выделяясь на фоне сверстников, которые немного умели играть на мандолине или декламировали отрывки из «Ганга Дина». Вероятно, именно этот дар заронил искорку любви в сердце Милисент Бойд. Женщины в большинстве своем любят героев. Другие мужчины сразу тускнеют в глазах впечатлительной девушки вроде Милисент, когда представительный молодой человек изображает бульдога и болонку под аплодисменты переполненной гостиной, особенно, если девушке удается разобрать, где именно заканчиваются реплики болонки и в дело вступает бульдог. Словом, вскоре состоялась помолвка Митчела и Милисент. Молодые люди собирались пожениться, как только Митчел добьется от «Красилен и химчисток Патерсона» прибавки к жалованью.

Лишь один недостаток был у Митчела Холмса. Он не умел держать себя в руках на поле для гольфа. Редкий раунд обходился без того, чтобы Митчел не был чем-нибудь уязвлен, расстроен или, чаще всего, раздражен. Поговаривали, что кэдди с нашего поля неизменно выходили победителями в словесных баталиях со сверстниками, поскольку их лексикон пополнялся всякий раз, когда мяч Митчела терял направление. Митчел великолепно владел словом и явно не собирался зарывать свой

талант в землю. Впрочем, не стоит судить его слишком строго: юноша обладал задатками блестящего гольфиста, однако невезение вкупе с нестабильной игрой сводили на нет все его мастерство. Митчел был из тех, кто проходит первые две лунки ниже пара, а затем тратит одиннадцать ударов на третью. Любая мелочь могла сломать ему всю игру. Митчелу доводилось мазать короткие патты из-за шума, поднятого бабочками на соседнем лугу.

Представлялось маловероятным, что столь небольшой изъян в практически безупречном характере Митчела воспрепятствует его профессиональному росту или карьере, и все же это едва не случилось. Однажды вечером, когда я отдыхал в саду, меня навестил Александр Патерсон. С первого взгляда я понял, что пришел он за советом. Так уж вышло, он считал меня хорошим советчиком. Именно я в корне изменил всю его жизнь, порекомендовав не прикасаться к вуду и попробовать для драйва айрон; кроме того, я оказался полезен ему еще несколько раз, например, когда он подбирал себе паттер (а это куда ответственнее, чем, скажем, выбор жены).

Александр присел и принялся обмахивать себя шляпой — вечер выдался жаркий. Озабоченность читалась в его лице.

— Не знаю, что и делать, — начал он.

— Держите голову ровно, плавный замах, никаких резких движений, — авторитетно изрек я, — ибо нет лучшего рецепта счастливой, безоблачной жизни.

— Я не о гольфе, — ответил он. — Меня беспокоит казначейство в моей компании. Смизерс увольняется на следующей неделе, и мне нужно подобрать человека на его место.

— Нет ничего проще. Всего-навсего выберите самого подходящего из остальных сотрудников.

— Да, но кто самый подходящий? Вот в чем вопрос. Есть у меня на примете два человека, которым эта работа, казалось бы, вполне по плечу. Однако я совершенно не представляю, что у них на уме. Вы же понимаете, казначейство — дело не шуточное. Мало ли, что взбредет в голову человеку, если сделать его казначеем. Ведь придется иметь дело с большими деньгами. Иными словами, новоиспеченный казначей может внезапно ощутить горячее желание отправиться в малоисследованные уголки Южной Америки. Вот в чем трудность. Конечно, любая кандидатура — это риск, однако хотелось бы знать, кто из этих двоих даст мне больше шансов сохранить хотя бы часть денег.

Я ответил без всяких раздумий. Что-что, а как устроить проверку

характера, я знал прекрасно.

— Единственный способ по-настоящему узнать человека, — сказал я Александру, — сыграть с ним в гольф. Ничто так скоро не представляет в истинном свете шельмовство и злокозненность. Был у меня юрист, которому я доверял долгие годы, пока в один прекрасный день не увидел, как он рукой достал свой мяч из углубления в грунте, оставленного чьим-то каблуком. На следующее утро я прервал с ним всякие деловые отношения. Он еще не успел сбежать с вверенными ему деньгами, однако недобрый огонек в его глазах показывает, что это лишь вопрос времени. Гольф, мой дорогой друг, — самое лучшее испытание. Тот, кто отправляется в раф один-одинешенек и играет мяч, как он лежит, сможет служить исправно и честно. Тот, кто бодро улыбается, когда патт теряет направление из-за не к месту вылезшего из земли червяка, чист душой. А вот торопливый, неуравновешенный и жестокосердный игрок так же проявит себя и в повседневной жизни. Вам ведь не нужен неуравновешенный казначей?

— Нет, если это отразится на бухгалтерии.

— Еще как отразится. По оценкам статистиков, уровень преступности среди хороших гольфистов существенно ниже, чем в любом другом слое общества, возможно, за исключением епископов. С тех пор как Вилли Парк выиграл первое место в Прествике в 1860 году, не было случая, чтобы победитель открытого чемпионата провел в заключении хотя бы день. В то же время плохие гольфисты — не те, что плохо играют, а те, что черны душой, не считают удар, когда клюшка не попадет по мячу, никогда не поправляют выбитый дерн, говорят под руку сопернику и не сдерживают свой гнев — буквально днюют и ночуют в тюрьме. Да они даже и не считают нужным подстричься в те редкие дни, когда вдруг оказываются на свободе.

Моя речь произвела на Александра заметное впечатление.

— Ей-богу, — сказал он, — разумно.

— Само собой.

— Так тому и быть. Честное слово, не вижу, как еще сделать выбор между Холмсом и Диксоном.

Я насторожился.

— Холмс? Уж не Митчел ли Холмс?

— Он самый. Да вы его, должно быть, знаете. Он, кажется, живет здесь неподалеку.

— А Диксон, это что же, Руперт Диксон?

— Снова верно. Еще один ваш сосед.

Признаюсь, мне стало не по себе. Такое чувство, будто мяч упал в яму, вырытую моим же нибликом. Я корил себя за то, что не догадался узнать, кому предназначена проверка, прежде чем выступать с предложениями. Мне очень нравился Митчел Холмс, да и его невеста тоже. Скажу больше, именно я, хоть и в самых общих чертах, объяснил ему, как нужно делать предложение Милисент. Дальнейшие события показали, что Митчел внял моим наставлениям. Не раз и не два приходилось мне сочувственно выслушивать мечты Митчела о том, как ему повысят жалованье и они, наконец, поженятся. Почему-то, когда Александр заговорил о казначействе, мне и в голову не пришло, что Митчел претендует на столь важную должность. Я лишил его всякой надежды. Испытание гольфом — единственная проверка, не сулившая Митчелу успеха. Только чудом Митчел мог не сорваться во время игры, а ведь именно от невоздержанных гольфистов я предостерег Александра.

Я подумал о сопернике Митчела, и на душе стало еще тяжелее. Руперт Диксон был довольно неприятным молодым человеком, однако его злейшие враги не сказали бы, что он не гольфист по натуре. Во время игры с самого первого драйва и до последнего патта Руперт неизменно являл собой образец спокойствия.

Александр уже ушел, а я все сидел в раздумьях. Строго говоря, я, конечно же, не имел права принимать чью-либо сторону, и хотя мой друг не взял с меня слово молчать, я прекрасно понимал, что наш разговор не подлежит огласке. Разумеется, ни один из претендентов не должен был подозревать, что игра с Александром — нечто большее, чем обыкновенный дружеский раунд.

Однако я не мог оставаться безучастным к судьбе двух влюбленных, чье будущее целиком зависело от предстоящего испытания. Я тотчас надел шляпу и отправился к дому мисс Бойд, поскольку наверняка знал, что найду Митчела именно там.

Митчел и Милисент сидели на крыльце и любовались луной. Они тепло, хотя и несколько сдержанно, приветствовали меня. В общем, было заметно, что мое появление никоим образом не вписывалось в их планы. Впрочем, едва я рассказал, зачем пришел, их отношение переменилось. Молодые люди увидели меня в другом свете — ангелом-хранителем, философом и другом.

— И кто только подсказал мистеру Патерсону такую глупость? — возмутилась мисс Бойд. Я — из лучших побуждений — умолчал о своей причастности к делу.

— Это просто смешно, — продолжала девушка.

— Не знаю, не знаю, — покачал головой Митчел. — Старик Патерсон без ума от гольфа. От него стоило ожидать чего-нибудь в этом духе. Что ж, это конец.

— Полноте, — возразил я.

— А что «полноте»? — вскинулся Митчел. — Вы прекрасно знаете, что я откровенный, прямодушный гольфист. Если мяч летит на северо-северо-восток, когда я отправляю его точно на запад, я всегда выражаю свое мнение на сей счет. Это загадочное явление, явно требующее комментариев, и я их даю. Естественно, случись мне срезать драйв, я считаю своим долгом во всеуслышанье заявить, что сделал это не нарочно. И вот, насколько я понимаю, именно такие мелочи и решат исход испытания.

— Митчел, милый, а не мог бы ты научиться владеть собой на поле? — спросила Милисент. — Ведь гольф — всего-навсего игра.

Наши с Митчелом глаза встретились, и я уверен, в моем взгляде читался такой же ужас, что я увидел в глазах Митчела. Иногда женщины говорят, не подумав. Не стоит сразу же делать выводы о недостатках их воспитания или образа мысли. Они просто не понимают, что говорят.

— Тише! — хрипло сказал Митчел, с трудом оправившись от потрясения. — Помолчи, любимая!

Пару дней спустя я повстречал Милисент неподалеку от почты. Глаза ее светились счастьем, лицо сияло.

— Вы не представляете, как все здорово обернулось, — сообщила она. — Когда Митчел ушел, я принялась листать журнал и наткнулась на удивительное объявление. Там говорилось, что все великие люди в истории человечества достигли успеха благодаря умению держать себя в руках. Даже Наполеон ничего не добился бы, не научись он управлять своим необузданным нравом. А еще там было сказано, что любой может стать, как Наполеон, если заполнит приложенную к объявлению заявку на замечательную книгу профессора Орландо Стибритта «Искусство владеть собой». Только нужно было торопиться, потому что в течение пяти дней книга предлагалась совершенно бесплатно, а после — за семь шиллингов, но заказывать лучше немедля из-за очень большого спроса. Я сразу же написала и, к счастью, успела до того, как все разобрали — у профессора Стибритта как раз остался один экземпляр книги, и она только что пришла. Я сейчас ее полистала, и она чудо, как хороша.

Милисент протянула мне небольшой томик. Я бросил взгляд на книгу. На первой же странице моим глазам предстала подписанная фотография

профессора Орландо Стибритта, прекрасно владевшего собой, несмотря на длинные седые бакенбарды. Далее шли материалы для чтения, размещенные между широкими полями. Мне хватило одного взгляда, чтобы понять методы профессора. Попросту говоря, он воспользовался тем, что авторские права на размышления Марка Аврелия истекли около двух тысяч лет назад, стащил у философа избранные цитаты и приторговывал ими под своим именем. Я не стал говорить об этом Милисент. В конце концов, не мое это дело. Вполне возможно, хотя и не очевидно, профессору Стибритту тоже нужно жить.

— Сегодня же отдам книгу Митчелу. Правда, здорово сказано: «Видишь, сколь немногим овладев, можно повести благотекущую и богоподобную жизнь»? Будет просто чудесно, если Митчел поведет благотекущую и богоподобную жизнь всего за семь шиллингов, ведь правда?

Тем же вечером в гольф-клубе мне встретился Руперт Диксон. Он выходил из душа и, по обыкновению, выглядел довольным собой.

— Прошли сейчас раунд со стариком Патерсоном, — сказал Руперт. — Он, кстати, хотел с вами поговорить. Правда, уже уехал в город.

У меня захватило дух. Оказывается, испытание началось!

— Как сыграли? — спросил я.

Руперт Диксон скривился в самодовольной ухмылке. Ухмыляющийся человек, завернутый в полотенце, к тому же с прядью мокрых волос на одном глазу — весьма отталкивающее зрелище.

— Недурно. Я вел шесть вверх за пять лунок до конца, хотя мне отчаянно не везло.

При этих словах во мне затеплился огонек надежды.

— Так вам не везло?

— Кошмарно. На третьей лунке мне удался лучший в жизни удар медяшкой — а это что-нибудь да значит — и что же? Мяч перелетел грин и потерялся в рафе.

— Ну, тут вы, небось, пар-то выпустили, а?

— Я? Пар?

— Вы ведь, наверное, высказали все, что думаете по этому поводу.

— Что вы. Я же не враг себе, чтобы терять голову во время игры. Что это дает? Только испортишь следующий удар.

С тяжелым сердцем я отошел прочь. Диксон, вне всяких сомнений, выдержал испытание как нельзя лучше. Казалось, не пройдет и нескольких

дней, и я узнаю, что место казначея уже отдано Диксону, в то время как Митчела даже и проверять не станут. Впрочем, наверное, Александр Патерсон рассудил, что это было бы не вполне честно по отношению ко второму соискателю. Вскоре Митчел Холмс позвонил мне и спросил, не могу ли я сопровождать его во время матча с Александром и оказывать моральную поддержку.

— А уж она мне понадобится, — сообщил он. — Если честно, я очень волнуюсь. Жаль, не хватило времени на основательное изучение книжки, что купила Милисент. Я понимаю, конечно, «Искусство владеть собой» — подлинный шедевр от корки до корки, и вообще не книга, а золото, но ведь у меня было-то всего несколько дней, и я не успел как следует проникнуться. Чувствую себя, словно автомобиль, залатанный на скорую руку: что-нибудь да отвалится в самый неподходящий момент. Кто знает, сумею ли я сдержаться, если утоплю мяч в озере? А внутренний голос подсказывает мне, что еще как утоплю.

Мы помолчали.

— Вы верите в вещие сны? — неожиданно спросил Митчел.

— Что?

— Вещие сны.

— А что вещие сны?

— Я спрашиваю про вещие сны, потому что сегодня мне снилось, будто я играю в финале открытого чемпионата. Я попал в раф, а там корова. И вот, эта корова как-то печально на меня взглянула и говорит: «Попробуй-ка хват Вардона вместо обычного с перехлестом». Я еще, помню, подумал: «Странная корова какая», — но теперь вот она у меня из головы не идет. А вдруг в этом и правда что-то есть? Не случайно же такие сны снятся.

— Неужели вы поменяете хват накануне важного матча?

— Наверное, нет. Просто я немного не в себе, иначе и не вспомнил бы про корову. Ладно, до встречи завтра в два.

День выдался ясным и солнечным, но когда я приблизился к полю, поднялся довольно коварный ветер. Александр Патерсон уже разминался на стартовой площадке. Почти сразу подошел Митчел Холмс в сопровождении Милисент.

— Начнем, пожалуй, — сказал Александр. — Я ударю первым?

— Разумеется, — кивнул Митчел. Александр положил мяч на ти.

В гольфе Александр Патерсон отличается осторожностью и никогда не рискует. Перед любым ударом — пусть даже и самым простым — он

исполняет своеобразный ритуал: долго примеривается к мячу, делает два выверенных пробных замаха и только потом собирается бить. Подойдя к мячу, он какое-то время топчется на месте, меняя положение ног, потом замирает, подозрительно вглядывается в горизонт, будто ожидая, что тот, стоит лишь отвернуться, непременно выкинет какую-нибудь скверную шутку. Тщательно осмотрев горизонт и убедившись в его добропорядочности, Александр переводит глаза на мяч. Он еще немного переминается с ноги на ногу, затем поднимает клюшку. Три раза с величайшей аккуратностью клюшка подносится к мячу и снова поднимается. Тут Александр снова бросает резкий взгляд на горизонт, словно надеясь застигнуть его врасплох. Покончив с этим, он медленно поднимает клюшку, чтобы затем столь же медленно опустить ее так, что головка едва не касается мяча. Вот клюшка снова идет вверх и снова опускается, поднимается в третий раз и в третий же раз идет вниз. Какое-то время Александр стоит недвижим, погруженный в раздумья, словно индийский факир, созерцающий вечность. Затем он снова поднимает клюшку и снова подводит ее к мячу. Наконец, содрогнувшись всем телом, Александр медленно замахивается и бьет, отправляя мяч метров на сто пятьдесят по идеально прямой линии.

Подобная практика порой не вполне благотворно сказывается на особах с тонкой душевной организацией, а потому я с тревогой вглядывался в физиономию Митчела, которому не доводилось прежде наблюдать Александра Патерсона в игре. Несчастный юноша заметно побледнел и со страдальческим видом обернулся ко мне.

— Он, что, всегда так? — прошептал Митчел.

— Всегда, — отвечал я.

— Тогда мне конец! Разве можно спокойно играть в гольф с этим цирковым акробатом?

Я лишь промолчал в ответ. Увы, это была чистая правда. Уж на что я человек уравновешенный, и то давно зарекся играть с Александром Патерсоном при всем к нему уважении, иначе мне, вероятно, пришлось бы покинуть лоно баптистской церкви.

Тут раздался голос Милисент. Девушка держала открытую книгу, в которой я узнал бессмертное творение профессора Стибритта.

— Повтори себе суждение о том, — мягко произнесла она, — что часть справедливости — сносить и что против воли проступки.

Митчел кивнул и твердой походкой отправился выполнять удар.

— Перед тем как сыграть, милый, — продолжала Милисент, — вспомни: Не делай ничего наугад, а только по правилам искусства.

В следующую секунду мяч Митчела взмыл в воздух и, преодолев метров двести, упал на фервей. Драйв удался на славу. Митчел последовал совету Марка Аврелия до последней буквы.

Великолепный второй удар отправил мяч Митчела почти к самому флажку, и розыгрыш лунки был завершен одним из прекраснейших паттов, что мне когда-либо доводилось видеть. Когда же на следующей непростой лунке с водной преградой Митчел легко доставил мяч через озеро на грин и сыграл в пар, мне стало легче дышать. Каждому гольфисту случается пережить звездный час — казалось, сегодня пришел черед Митчела.

Играл он безукоризненно. Продолжай он в том же духе, и его злосчастная раздражительность не дала бы о себе знать.

Третья лунка довольно коварна. Первым ударом игрок посылает мяч через овраг, а если не повезет, то в него. После неудачного начала остается только молиться и подбирать клюшку в надежде выбить мяч из оврага. Преодолев препятствие, можно вздохнуть спокойно. Хороший игрок тратит на эту лунку пять ударов — уверенный первый, прицельный второй и до грина уже рукой подать.

Мяч Митчела приземлился в ста двадцати метрах за оврагом. Митчел подошел ко мне и со снисходительной улыбкой принялся наблюдать за Александром, исполняющим свой ритуал. Его благодушие было легко объяснимо. Никогда мир не кажется таким прекрасным и светлым, а причуды окружающих столь безобидными, как после отличного удара на сложной лунке.

— Никак не возьму в толк, зачем он все это делает, — покачал головой Митчел, глядя на Александра едва ли не с отеческой нежностью. — Если бы я перед каждым драйвом устраивал этакий балет, наверное, позабыл бы, зачем пришел, и отправился домой восвояси.

Александр завершил показательные выступления и положил мяч метрах в трех от края оврага.

— А он, как говорится, верен себе. Стабильность прежде всего, — прокомментировал Митчел.

Митчел спокойно выиграл лунку. Однако на следующем поле в его стойке стала заметна некоторая расхлябанность, и я забеспокоился. Чрезмерная самоуверенность в гольфе почти столь же губительна, как и неверие в свои силы.

Худшие опасения подтвердились. Митчел срезал удар. Мяч прокатился метров двадцать, зашел в раф и остановился в лопухах. Митчел открыл было рот, но быстро захлопнул его. В недоумении подошел он к нам с Милисент.

— Я сдержался, — сказал он. — Но что, черт возьми, случилось?

— Вникни в руководящее начало людей, — прочитала Милисент, — хотя бы и мудрых, — чего избегают, к чему склоняются.

— Вот-вот, — отозвался я, — вы наклонили корпус.

— И что же мне теперь — идти на поиски этого дурацкого мяча?

— Не волнуйся, милый, — ответила Милисент. — Ничто так не возвышает душу, как способность надежно и точно выверить все, что выпадает в жизни.

— Кроме того, — напомнил я, — вы ведете три вверх.

— Да, но счет скоро изменится, — парировал Митчел и как в воду глядел. Александр прошел лунку в плюс один и выиграл.

Это происшествие немного выбило Митчела из колеи. В его игре уже не чувствовалось прежней беспечности и задора. Он уступил следующую лунку, сыграл вничью шестую, отдал седьмую, затем собрался и свел к ничьей восьмую.

Девятая лунка, подобно многим другим на нашем поле, элементарно игралась бы в четыре удара, однако мяч так легко катится по грину, что иногда пар кажется несбыточной мечтой. После неудачного драйва здесь может не хватить и десятка ударов. Стартовая площадка расположена на дальнем берегу озера, за мостом, где водная преграда узка, как ручей. Первый удар приходится делать через воду, да так, чтобы не угодить в деревья и небольшой кустарник на другом берегу. Расстояние до фервея — каких-нибудь шестьдесят метров, так что преграда, скорее, психологического свойства, однако сколько надежд потерпело здесь крушение — не сосчитать.

Александр справился с препятствием своим по обыкновению коротким прямым драйвом, и настал черед Митчела.

Наверное, предыдущие неудачи сказались на его настроении. Выглядел Митчел неуверенно. Он нервно взмахнул клюшкой и при этом заметно отклонил корпус. Митчел рубанул по мячу, срезал удар, и угодил прямо в дерево, от которого мяч отскочил в высокую траву. Мы перебрались на другой берег по мосту, и тут влияние профессора Стибритта определенно стало ослабевать.

— Вот отчего бы им не постричь эту чертову траву? — раздраженно вопрошал Митчел, раздвигая заросли нибликом в поисках мяча.

— Должен же на поле быть раф, — осторожно высказался я.

— Что происходит, — вступила Милисент, — по справедливости происходит: исследуй тщательно — увидишь.

— Все это прекрасно, — без особенного энтузиазма ответил Митчел,

тщательно исследуя траву. — Вот только кажется мне, что Зеленый комитет открыл этот проклятый гольф-клуб исключительно в интересах кэдди. Эти комитетчики, небось, радуются каждому потерянному мячу, а прибыль от продажи найденных маленькими мерзавцами мячей делят с ними пополам.

Мы с Милисент обменялись взглядами. Слезы стояли в ее глазах.

— Но Митчел! Вспомни Наполеона!

— Наполеона?! А при чем тут Наполеон? Разве Наполеону приходилось играть драйв через первобытную чащу? Да и кто такой Наполеон, собственно говоря? Что все носятся с этим несчастным Наполеоном, будто он чего-нибудь добился? Тоже мне важная птица. Подумаешь, всего-то взял, да и получил пинка при Ватерлоо.

К нам присоединился Александр.

— Никак не найдете мяч? — спросил он Митчела. — Да уж, раф здесь не из приятных.

— Я-то не найду. А завтра какой-нибудь пучеглазый и кривоногий недоумок-кэдди с восемьюстами тридцатью девятью прыщами найдет и продаст за шесть пенсов. Хотя нет, мяч-то был новый. Этак, глядишь, и целый шиллинг отхватит. Шесть пенсов себе и шесть Зеленому комитету. Неудивительно, что эти комитетчики покупают новые автомобили быстрее, чем их успевают производить. То-то их жены щеголяют в норковых шубах и жемчужных ожерельях. Да и черт с ним! Продолжу другим мячом.

— В этом случае, — заметил Александр, — в соответствии с правилами матча проиграете лунку.

— Ладно, сдаюсь. Лунка ваша.

— Таким образом, — продолжил Александр, — счет первых девяти лунок один вверх в мою пользу. Прекрасно. Очень приятная, равная игра.

— Приятная! Знаете, что? Пожалуй, эти чертовы комитетчики не оставляют кэдди ни пенса. Они, небось, прячутся за деревьями, пока те сбывают награбленное, а потом подкрадываются и отбирают все деньги.

Я заметил, как Александр недоуменно поднял бровь. К следующей лунке мы шли вместе.

— А Холмс-то, оказывается, горяч, — задумчиво произнес Александр. — Кто бы мог подумать. Вот так и начинаешь понимать, как мало знаешь о людях, если знаком с ними только по работе.

Я вступился за бедного юношу.

— У него золотое сердце. Но, видите ли, — надеюсь, вы простите старого друга за откровенность, — мне кажется, ваш стиль игры немного

действует ему на нервы.

— Стиль? И что же у меня не так со стилем игры?

— Не то, чтобы не так, но человеку молодому и энергичному не всегда доставляет удовольствие наблюдать за столь неторопливым игроком, как вы. Признайтесь мне, как другу, неужели вам необходимо делать два пробных замаха перед каждым паттом?

— Скажите пожалуйста, — покачал головой Александр. — Неужели это и впрямь так его расстраивает? Боюсь, я уже не в том возрасте, чтобы менять привычки.

Ответить мне было нечего.

Десятая лунка была занята, и нам пришлось подождать несколько минут. Вдруг кто-то тронул меня за руку. Я обернулся и увидел Милисент, стоявшую рядом со мной в расстроенных чувствах.

— Митчел больше не хочет, чтобы я шла с вами, — обреченно сказала она. — Говорит, он из-за меня нервничает.

— Плохо, — покачал я головой. — Я-то надеялся, что вы на него положительно повлияете.

— Я тоже надеялась. А вот Митчел — против. Говорит, мол, я мешаю ему сосредоточиться.

— Тогда вам, наверное, лучше подождать нас в клубе. А вот мне, пожалуй, придется как следует потрудиться.

Бедная девушка всхлипнула.

— Этого я и боюсь. На тринадцатой лунке растет яблоня, и я уверена, что кэдди Митчела примется есть яблоки. Страшно подумать, что скажет Митчел, если услышит хруст яблока во время удара.

— Да уж.

— Вся надежда на это, — сказала Милисент, протягивая мне книгу профессора Стибритта. — Не могли бы вы читать Митчелу отрывки из книги, если он вдруг начнет кипятиться? Мы вчера пролистали ее и подчеркнули подходящие места синим карандашом. Там на полях помечено, когда что читать.

Выполнить такую просьбу мне было несложно. Я взял книгу и молча пожал девушке руку. Затем присоединился к Александру и Митчелу, который все продолжал чихвостить Зеленый комитет.

— Следующая лунка, — говорил он, — раньше была простой и короткой. Негде было мяч потерять. И вот однажды жена кого-то из этих деятелей сказала, что ребенку нужны новые ботинки, и они, изверги, удлинили лунку на сто пятьдесят метров. Бить теперь надо через холм, и стоит мячу отклониться хоть на четверть дюйма, как ты оказываешься в

настоящем затерянном мире — сплошь скалы, бурелом, расщелины, а посреди этого великолепия разбросаны старые горшки и кастрюли. Это ж практически летняя резиденция Зеленого комитета. Так и кишат, так и ползают повсюду группками, то и дело слышны радостные вопли, что они издают, набивая мешки потерянными мячами. Что ж, на меня пусть не рассчитывают. Возьму и сыграю сегодня старым мячом, который держится на честном слове. Пусть только дотронутся до него, сразу превратится в пыль.

И все же гольф — игра непредсказуемая. Казалось бы, Митчел в таком состоянии должен был проиграть в пух и прах. Однако на десятой лунке он снова поймал свою игру. Отменный драйв позволил ему выйти на грин вторым ударом, а затем двух паттов хватило, чтобы сыграть лунку в пар. Александр потратил на лунку пять ударов, и счет в матче сравнялся.

Одиннадцатая лунка, предмет недавней критики Митчела, и впрямь довольно коварна. Срезанный драйв действительно приносит игроку серьезные неприятности. Впрочем, Митчел и Александр сыграли чисто и без труда уложились в четыре удара.

— Если так пойдет дальше, — сияя, прокомментировал свой удар Митчел, — Зеленому комитету придется прекратить разбой и искать работу.

Двенадцатая лунка — пар пять. Здесь длинный фервей, к тому же не прямой. Александр осторожно, но точно обогнул поворот фервея и закончил лунку шестым ударом. Митчел же вторым ударом отправил мяч в высокую траву рафа и вынужден был взяться за ниблик. Впрочем, ему удалось свести лунку к ничьей благодаря блестящему выходу на грин.

Тринадцатую лунку выиграл Александр. Лунка лежит в трехстах шестидесяти метрах от ти, а ловушек здесь нет никаких. Александру понадобилось три удара, чтобы добраться до грина, однако последний из них положил мяч на расстоянии одного патта от лунки. Митчел вышел на грин вторым ударом, но сделал три патта.

— Кстати, — оживился Александр, — свежий анекдот. Друг спрашивает начинающего гольфиста: «Как успехи, старина?», а тот отвечает: «Отлично! На последнем грине мне удались целых три идеальных патта!».

Митчел шутку не оценил. Я с тревогой вглядывался в его лицо. Промахнулся-то он из очень удобного положения, и если бы не эта досадная ошибка, лунка была бы спасена, так что мне было чего опасаться. Взгляд Митчела по пути к четырнадцатой лунке выдавал беспокойство.

Вряд ли в нашей округе найдется более живописное местечко, чем

окрестности четырнадцатой лунки. Такой вид придется по душе любому ценителю природы.

Однако если и есть недостаток у гольфа, это, пожалуй, неспособность игрока от всей души радоваться природным красотам. Там, где нормальный человек видит зеленую травку и романтические заросли кустарника, гольфист содрогается от ужасного рафа, в который чего доброго угодит его мяч. Гольфист не любит, когда в небе кружат птицы, потому что их крик мешает сосредоточиться. Если отвлечься от гольфа, мне очень нравится овраг на склоне холма. Он радует глаз. Тем не менее во время игры я не раз и не два проклинал этот самый овраг.

Итак, право первого удара снова перешло к Александру. Его драйв выглядел нарочито медлительным. Добрых полминуты водил он клюшкой над мячом. Так кошка присматривается к черепахе: то опасливо протянет к ней лапу, то резко отдернет. Наконец Александр ударил и положил мяч на одну из немногих ровных площадок на склоне холма. На этой лунке драйв должен быть особенно аккуратным. Малейшая неосторожность — и мяч заденет холм, а там и скатится в овраг.

Теперь играть приготовился Митчел. Он уже поднял клюшку, как вдруг в непосредственной близости от него раздался громкий хруст. Я быстро обернулся на звук. Кэдди Митчела с отсутствующим взглядом вгрызался в огромное яблоко. Не успел я прошептать молитву, как драйвер опустился, и мяч, безобразно отклонившись, ударился о холм и отскочил в овраг.

Стало тихо — так тихо, будто замер весь мир. Митчел выпустил клюшку из рук и обернулся. На него было страшно смотреть.

— Митчел! — воскликнул я. — Друг мой! Опомнитесь! Не горячитесь!

— Нет? Не горячиться? А какой в этом смысл, когда все вокруг только и делают, что уплетают яблоки у меня за спиной? Что тут, вообще, происходит — игра в гольф или увеселительная прогулка для мальчиков из бедных семей? Яблоки! Давай, дружок, скушай еще одно! А то и два. Приятного аппетита. Обо мне не беспокойся. Лопай на здоровье. А может, пообедаешь? Ты ведь наверняка не наелся за завтраком и теперь не прочь заморить червячка, да? Погоди минутку, я сбегаю в бар и принесу тебе бутерброд и бутылку лимонада. Располагайся поудобнее, малыш! Присаживайся. Желаю приятно провести время.

Я лихорадочно листал книгу профессора Стибритта, но подходящая пометка синим карандашом никак не попадалась. Пришлось положиться на

удачу.

— Митчел, — позвал я, — послушайте. Сколько досуга выгадывает тот, кто смотрит не на то, что сказал, сделал или подумал ближний, а единственно на то, что сам же делает, чтобы оно было справедливо и праведно.

— Ну и что же я сделал сам? Я отправил мяч на самое дно треклятого оврага, и потрачу не меньше дюжины ударов, чтобы выбраться. Это, что ли, справедливо и праведно? Дайте-ка мне эту книгу.

Он выхватил томик у меня из рук, поглядел на него со смесью любопытства и ненависти, аккуратно положил на землю и несколько раз подпрыгнул на нем. Затем ударил книгу драйвером. Наконец, будто решив, что время полумер прошло, Митчел с разбегу зафутболил злосчастный фолиант в заросли травы.

Он обернулся к Александру, который молча наблюдал за происходящим.

— С меня хватит, — бросил он. — Сдаюсь. Прощайте. Пойду к заливу.

— Хотите искупаться?

— Нет, утопиться.

Легкая улыбка тронула обычно суровое лицо Александра Патерсона. Он дружески похлопал Митчела по плечу.

— Не стоит, друг мой. Надеюсь, вы еще послужите нашей компании в качестве казначея.

Митчел пошатнулся и ухватил меня за руку, чтобы не упасть. Все замерло. Лишь монотонное жужжание пчел, шелест листвы поодаль да чавканье кэдди нарушали тишину.

— Что?! — вскричал Митчел.

— Как вы, наверное, слышали, место казначея вскоре освободится. Оно ваше, если не возражаете.

— То есть… это значит… вы это мне предлагаете, что ли?

— Вы прекрасно меня поняли.

Митчел поперхнулся. Поперхнулся и кэдди. Порой душевные переживания и физические неудобства находят одинаковое выражение.

— Я отлучусь ненадолго, ладно? — прохрипел Митчел. — Надо повидать кое-кого.

Вскоре он скрылся из виду за деревьями. Я обернулся к Александру.

— Помилуйте, я очень рад, конечно, но как же испытание?

Старина Патерсон снова улыбнулся.

— Испытание, — отвечал он, — завершилось совершенно

удовлетворительно. Пожалуй, обстоятельства вынудили меня несколько изменить первоначальные правила, однако все прошло как нельзя лучше. Сегодняшний матч дал мне много пищи для размышлений и, тщательно все обдумав, я пришел к выводу, что «Красильням и химчисткам Патерсона» нужен казначей, которого я могу обыграть в гольф. Лучшего кандидата, чем Митчел Холмс, не найти. Подумать только, — в глазах Александра загорелся восторженный огонек, — я могу сделать с этим мальчиком, что захочу, как бы хорошо он ни играл, — стоит лишь немного подержать его в напряжении. Два-три лишних тренировочных свинга, и он уже теряет голову. Такой вот человек мне и нужен на ответственную должность в моей компании.

— А как же Руперт Диксон? — спросил я. Александр поморщился и махнул рукой.

— Ему нельзя доверять. Когда мы играли, у него все валилось из рук, а он знай себе только улыбается. Разве можно доверить такому крупные суммы денег? По-моему, это небезопасно. Он же нечестен. Просто-напросто нечестен, — Александр немного помолчал. — Кроме того, — задумчиво добавил он, — Диксон выигрывал у меня шесть лунок за пять до конца. Кому нужен казначей, который вот так вот разделывает под орех своего начальника?

СЕРДЦЕ ОБАЛДУЯ

Стояло утро, когда вся природа кричит вам «Эй, впереди!» Ветерок нес из долины надежду и радость, шепча о коротких ударах прямо в лунку. Средний газон улыбался зеленой улыбкой голубому небу; а солнце, выглянув из-за деревьев, казалось огромным мячом, брошенным клюшкой невидимого бога, чтобы опуститься в последнюю лунку. В тот день после долгой зимы возобновлялась игра, и у первой подставки собралось довольно много народа. Штаны для гольфа переливались всеми цветами радуги, воздух трепетал от радостных предчувствий.

Однако в веселой толпе было печальное лицо. Принадлежало оно человеку, помахивавшему клюшкой над новым мячом, который тихо лежал на песчаном холмике. Человек этот был неспокоен и измучен. Он смотрел на средний газон, топтался, смотрел снова, колебался, словно Гамлет. Наконец он взял у кэдди клюшку, которую смышленый мальчик держал наготове.

Старейшина, наблюдавший за ним со своего кресла, глубоко вздохнул.

— Бедный Дженкинсон, — произнес он. — Никак не изменится.

— Да, — согласился его собеседник, молодой человек с открытым лицом и гандикапом шесть. — Я случайно знаю, что он всю зиму брал частные уроки.

— Все напрасно, — мудрец покачал головой. — Никто на свете не может ему помочь. Я постоянно советую ему, чтобы он бросил гольф.

— Вы! — вскричал молодой человек. — Мне казалось…

— Понимаю и одобряю ваш ужас, — сказал Старейшина. — Но учтите, это — особый случай. Мыс вами знаем сотни плохих игроков, которые вполне счастливы. Они способны забыть, отключиться. Не таков Дженкинсон. В нем нет беспечности. Счастливым он стал бы только при полном воздержании. Понимаете, он — обалдуй.

— Кто?

— О-бал-дуй, — повторил мудрец. — Одно из тех незадачливых созданий, которые *обалдели* от самого высокого из видов спорта. Гольф съел их души, лишил их разума. Обалдуй — не такой, как мы с вами. Он туп. Он мрачен. Он не способен к битвам жизни. Например, Дженкинсона ожидало блестящее будущее в области сена и зерна, но гольф так воздействовал на него, что он упускал одну за другой самые лучшие возможности, и более расторопные коммерсанты его обходили. Насколько

я понимаю, ему грозит банкротство, и скорое.

— Господи! — воскликнул молодой человек. — Надеюсь, я не стану обалдуем. Неужели нет никаких средств, кроме полного отказа?

Старейшина помолчал.

— Занятно, что вы об этом спросили, — сказал он наконец. — Как раз сегодня утром я вспомнил случай, когда обалдуй победил свою немочь. Конечно, благодаря любви. Чем дальше я живу, тем яснее вижу, что любовь побеждает все.[34] Однако вам бы хотелось, конечно, выслушать историю сначала.

Молодой человек поспешно вскочил, как дичь, внезапно заметившая капкан.

— С удовольствием, — сказал он, — но я потеряю место у подставки.

— Данный обалдуй, — сказал старец, спокойно и крепко держа его за пуговицу, — был примерно ваших лет и звали его Фердинандом Дибблом. Мы были хорошо знакомы. Именно ко мне…

— Может, в другой раз?

— … ко мне он пришел за сочувствием в час испытаний. Не постыжусь заметить, что, когда он выложил душу, в глазах его стояли слезы. Что до меня, сердце истекало кровью.

— Еще бы! Но я…

Старейшина мягко посадил его в кресло.

— Гольф, — сказал он, — великая тайна. Словно капризная богиня…

Молодой человек обмяк и сдался.

— Вы читали «Старого Морехода»?[35] — спросил он.

— Да, очень давно. А при чем тут он?

— Ах, не знаю, — ответил молодой человек, — просто пришло в голову.

— Гольф (повторил Старейшина) — великая тайна. Словно капризная богиня, он исключительно глупо расточает свои дары. Мы постоянно видим, как крепкие, сильные мужчины пасуют перед заморышами, гиганты промышленности — перед младшими клерками. Люди, способные править империей, не могут справиться с маленьким мячом, что великолепно удается законченным кретинам. Странно, но это так. Трудно понять, почему Фердинанд Диббл не мог стать хорошим игроком. У него были сильные руки и верный глаз. Однако играл он ужасно. А как-то, в июне, я понял, что он к тому же обалдуй. Помогла мне в этом беседа на террасе.

Я сидел здесь, думая о том, о сем, и вдруг заметил, что неподалеку, у

клуба, Диббл разговаривает с какой-то девушкой. Кто это, я определить не мог, она стояла ко мне спиной. Скажу лишь, что на ней было белое платье. Когда они попрощались, Фердинанд медленно направился в мою сторону. Вид у него был печальный. Днем он проиграл Джимми Фовергилу, и я решил, что дело в этом. Вскоре выяснилось, что прав я лишь отчасти. Он сел рядом со мной и несколько минут мрачно смотрел в долину.

— Только что говорил с Барбарой Мэдвей, — наконец сообщил он.

— Вот как? — сказал я. — Очаровательная девушка.

— Она уезжает на лето в Марвис Бэй.

— Наши места опустеют.

— Еще как! — возбудился он и замолчал снова. Наконец он глухо застонал.

— Черт, как я ее люблю! — проговорил он сквозь зубы. — Господи Боже, как люблю!

Я не удивился, что он со мной откровенен. Почти все здешние молодые люди рано или поздно приносят мне свои тяготы.

Фердинанд отрешенно грыз ручку ниблика.

— Не могу, — сказал он наконец, — не могу попросить такого ангела, чтобы он, то есть она, вышла за меня замуж. Понимаете, всякий раз, когда я уже готов, я кому-нибудь проигрываю. И я теряюсь. Я нервничаю, бормочу, говорю глупости. Хотел бы я знать, кто придумал эту бесовскую игру. Взял бы его и задушил. Наверное, он давно умер. Ну, хоть попрыгал бы на могиле.

Именно тут я понял все, и сердце у меня сжалось. Истина вышла наружу. Фердинанд стал обалдуем.

— Ну-ну, дорогой мой! — сказал я, зная, что слова мои бессильны. — Справьтесь с этой слабостью.

— Не могу.

— Попробуйте!

Он снова погрыз ручку, потом сказал:

— Она просила меня приехать в Марвис Бэй.

— Что ж, неплохо. Значит, ей нравится ваше общество.

— Да, но какой в этом прок? — Глаза его внезапно блеснули. — Вот если бы я победил хорошего игрока — хоть раз, хоть один раз! — я бы с ней объяснился. — Огонек угас. — Но куда мне!

Что тут скажешь? Я похлопал его по плечу, и вскоре он ушел. Я остался здесь, думая о нем, и вдруг из клуба вышла Барбара. Она тоже была печальна и озабочена, словно что-то ее гнетет.

— Хотелось вам, — спросила она, садясь в соседнее кресло, — дать

кому-то по голове чем-нибудь тяжелым?

Я ответил, что это бывало, и спросил, кого она имеет в виду. Она поколебалась немного, но, видимо, решила исповедаться. Одна из радостей старости — то, что мне открывают душу прелестные созданья. Барбару я знал с детства, даже купал ее в те времена. Как-никак, это связывает.

— Почему мужчины такие дураки?! — воскликнула она.

— Ты не сказала, кто навел тебя на эту суровую мысль. Я с ним знаком?

— Еще бы! Вы с ним только что разговаривали.

— Фердинанд Диббл? Значит, его ты хочешь стукнуть?

— Именно.

— А почему?

— Потому что он оболтус.

— Ты хочешь сказать «обалдуй»? — спросил я, удивляясь, как проникла она в его тайну.

— Нет, оболтус. Вы подумайте! Влюбился, а признаться не может. Я совершенно уверена, что он меня любит.

— Чутье тебя не подвело. Он говорил мне об этом.

— Почему же он *мне* не говорит? — вскричала пылкая девушка, швырнув камешек в подвернувшегося кузнечика. — Не могу же я на него вешаться, должен он хоть намекнуть.

— Ты разрешишь вкратце передать ему наш разговор?

— Ни в коем случае! Да я лучше умру, чем позволю ему подумать, что обезумела от любви и засылаю ходатаев!

Я ее понял.

— Тогда, боюсь, — серьезно сказал я, — что сделать нельзя ничего. Придется ждать и надеяться. Быть может, в будущем году Фердинанд обретет спокойствие, твердость, точность удара…

— О чем вы говорите?

— О том, что он не будет обалдуем.

— То есть оболтусом?

— То есть обалдуем. Это человек… — и я объяснил ей, какие препятствия мешают ему сказать о своей любви.

— В жизни не встречала такой чуши! — вскричала она. — Значит, он ждет, пока станет хорошо играть?

— Все не так просто, — печально ответил я. — Плохие игроки женятся, чувствуя, что нежная забота может им помочь. Но они толстокожи, а у Фердинанда — кожа тонкая. Он раним. Он глубок. Он позволил себе впасть в отчаяние. Одно из лучших свойств гольфа — то,

что плохая игра приводит к смирению, предотвращая гордыню и кичливость, которые легко обрести на иных стезях. У Фердинанда смирение это зашло слишком далеко. Он пал духом. Он считает, что ничего не стоит и никому не нужен. Подумай, он счастлив, когда кэдди берет у него деньги, а не бросает их ему в лицо.

— Что ж, ничего не изменится? Я немного помолчал.

— Жаль, — сказал я, — что ты не заманила его в Марвис Бэй.

— Почему?

— Мне кажется, он мог бы там вылечиться. Он найдет там игроков, которых сможет победить. Когда я в последний раз был на этом курорте, поле для гольфа напоминало Саргассово море, где плавает всякий мусор. Я видел вещи, от которых поневоле задрожишь и отвернешься. Но, насколько я понял, он туда не едет.

— Едет.

— Вот как? От меня он это скрыл.

— Он сам не знал. И не знает, пока я не скажу ему пару слов.

И она твердым шагом пошла в клуб.

Верно сказано, что игроки бывают разные, от профессионалов и самых сильных любителей до шотландских профессоров. Казалось бы, ниже некуда, но это не так. Хуже всего играют именно в Марвис Бэй.

Для Фердинанда, знавшего лишь клуб, где уровень достаточно высок, курорт был истинным сюрпризом. Отель кишел толстыми пожилыми людьми, которые, потратив молодость на обогащение, увлеклись игрой, где достигают мастерства только те, кто начал играть с колыбели и, к тому же, не разжирел. Здесь собрались чучела всех возможных видов. Один человек пытался обмануть свой мяч, глядя в сторону, а потом делая удар, когда тот утратит настороженность. Другой двигал клюшкой так, как будто бьет змей. Третий гладил мяч, словно кошку, четвертый щелкал по нему, как бичом, пятый томился перед каждым ударом, словно получил плохие вести, шестой как бы помешивал клюшкой суп. К концу первой недели Фердинанд был признанным чемпионом. Он прошел через этот зверинец, как пуля сквозь пирожное.

Сперва, еще не веря в успех, он сразился с тем, кто обманывал мяч, и победил. Потом, смелея все больше, он разбил наголову кошкоглада, змеебоя, щелкателя, печальника и супомешателя. Эти субъекты были лучшими из местных любителей. Прыти их остро завидовали восьмидесятилетние старцы и те, кто передвигался в кресле на колесиках. Словом, соперников у него не осталось. Через неделю он ощутил себя

самодержцем, мало того — получил свою первую награду, оловянную кружку размером с дубовую кадку, и каждый день спешил к себе, чтобы посидеть над ней, словно мать над колыбелью.

Конечно, вы спросите, почему он не воспользовался переменой и не объяснился с Барбарой. Я скажу вам. Он не объяснялся с ней, потому что ее не было. В последний момент ее задержала болезнь одного из родителей, и она надеялась приехать недели через две. Несомненно, он мог использовать одно из ежедневных писем, но они целиком уходили на описание успехов. Как-никак, не объясняться же в постскриптуме.

Тем самым он решил подождать ее приезда. Чем дольше ждать, тем лучше, поскольку каждое утро и каждый вечер прибавляли самоуважения. День ото дня, счастье маня, он становился важнее.

Однако над ним собирались темные тучи. Враги и завистники перешептывались за его спиной. Нет большей важности, чем та, которую обретает тихий, скромный человек. Фердинанд, собственно говоря, стал агрессивно важным. Он останавливал игру, чтобы дать сопернику совет. Щелкатель его не простил и прощать не собирался. Супомешатель, мешавший суп с той поры, как в шестьдесят четыре года записался на заочные курсы «Играем через две недели», обиделся, когда какой-то мальчишка сообщил ему, что бить надо мягко и неторопливо. Змеебой… но не буду утомлять вас подробностями. Достаточно сказать, что все невзлюбили Фердинанда и однажды после обеда собрались в холле, чтобы обсудить положение. Бурные жалобы завершил вопрос одного старичка:

— Да, но что мы можем сделать?

— То-то и оно, — вздохнул супомешатель. — Что делать? Все печально закивали и покачали головой.

— Знаю! — воскликнул кошкоглад. Он был юристом с мрачным, но изощренным умом. — Знаю! У меня служит некий Парслоу, великолепный игрок. Я пошлю ему телеграмму. Пусть приедет и собьет с него спесь.

Все радостно одобрили этот план.

— А вы уверены, что он победит? — спросил осторожный змеебой. — У нас нет права на ошибку.

— Конечно, уверен, — отвечал юрист. — Джордж Парслоу как-то кончил раунд на девяносто четвертом ударе.

— Многое изменилось с тех пор, — опечалился старичок, — ах, многое, многое! В девяносто четвертом не было автомобилей, которые так и норовят тебя переехать…

Какая-то добрая душа увела его к яйцам всмятку, и остальные

заговорщики вернулись к теме.

— На девяносто четвертом? — спросил недоверчивый супомешатель. — Считая каждый удар?

— Да, каждый.

— Не списывая короткие?

— Вот именно.

— Шлите телеграмму! — в один голос сказали собравшиеся.

Вечером кошкоглад обратился к Фердинанду вкрадчивым голосом юриста:

— А, Диббл! Вы-то мне и нужны. У меня есть молодой друг, Джордж Парслоу. Он скоро приедет. Обожает гольф! Не могли бы вы поиграть с ним? Он, знаете ли, новичок…

— С удовольствием, — отвечал Фердинанд.

— Он бы у вас поучился.

— Верно-верно.

— Тогда я вас познакомлю, как только он приедет.

— Очень рад.

Фердинанд был в прекрасном настроении, потому что Барбара написала, что приедет через два дня.

Фердинанд вставал рано и окунался до завтрака в море, что полезно для здоровья. В день Барбариного приезда он поднялся, надел серые брюки, нежно посмотрел на кружку и вышел на воздух. Утро было ясное, свежее, а сам он сиял изнутри и снаружи. Пересекая поле, чтобы пройти прямо к берегу, он весело насвистывал, повторяя в уме первые слова объяснения, ибо он твердо решил все проделать вечером, после обеда. Беззаботно шагая по мягкому дерну, он вдруг услышал крик: «Эй, впереди!», и через несколько секунд мимо, едва его не задев, пролетел мяч, который опустился в пятидесяти ярдах от него. Оглядевшись, он увидел, что к нему кто-то идет.

Расстояние до флажка было сто тридцать ярдов. Прибавьте пятьдесят, и вот вам сто восемьдесят. Таких ударов не бывало с основания курорта. Истинный игрок столь благороден, что, после недолгого страха, Фердинанд испытал восхищение. Он решил, что каким-то чудом один из его соперников сделал раз в жизни прекрасный удар. Мнение он переменил, когда неизвестный подошел поближе. Поскольку тот был ему неизвестен, он с неприязнью догадался, что с этим человеком ему предстоит играть.

— Простите, — сказал N. Он был высок, молод и поразительно

красив. Глаза и усы у него были темные.

— Не за что, не за что, — ответил Фердинанд. — Э… вы всегда так играете?

— Обычно — получше, но сейчас я устал с дороги. Завтра матч с каким-то Дибблом, местным чемпионом.

— Это я, — скромно сказал Фердинанд.

— Вы? — Парслоу оглядел его. — Что ж, лучшему — победа.

Именно этого Фердинанд и боялся. Невесело кивнув, он поспешил к морю. Утро померкло. Солнце светило, но как-то бессмысленно, откуда-то взялся противный холодный ветер. Комплекс неполноценности ожил и приступил к делу.

Как печально, что миг, которого ты ждал с надеждой, оказался очень неприятным! Десять дней Барбара жила мечтой о том, как, выйдя из вагона, она увидит Фердинанда с огнем любви в глазах и словами той же любви на устах. Она не сомневалась, что он объяснится в первые пять минут, и смущало ее лишь то, что он может встать на колени тут же, на платформе.

— Вот и я! — весело крикнула она.

— Здрассь, — отвечал Фердинанд, криво улыбаясь.

Она окаменела. Откуда ей было знать, что все это вызвала злосчастная встреча с Парслоу? Естественно, она решила, что он ее разлюбил. Если бы он вел себя так раньше, она бы отнесла это на счет обалдуйства, но письма заверили ее, что здесь он идет от успеха к успеху.

— Я получила ваши письма, — сказала она, стараясь не сдаваться.

— Так я и думал, — отрешенно ответил он.

— Насколько я понимаю, вы творите чудеса.

— Да.

Они помолчали.

— Как доехали? — спросил он.

— Хорошо, — сказала Барабара.

Тон ее был холоден, сама она кипела от ярости. Теперь она все поняла. За десять дней его любовь исчезла. Он встретил другую девушку. Известно, как расторопен амур на курортах, да еще летом. Зачем она его отпустила? Сожаления быстро сменились гневом, она заледенела, и Фердинанд, уже собравшийся поведать ей о своей беде, спрятался в раковину. По пути в отель он сказал, что день солнечный, с чем Барбара согласилась. Потом он сообщил, что на море красиво, а она согласилась и с этим. Он выразил надежду, что дождя не будет; она не возразила. И они

надолго замолчали.

— Как тут мой дядя? — наконец спросила она.

Я забыл упомянуть, что кошкоглад приходился братом Барбариной матери.

— Дядя?

— Его фамилия Татл. Вы с ним встречались?

— Ну, как же! Мы часто виделись. К нему приехал молодой человек, — прибавил Фердинанд, вспомнив свои беды, — некий Парслоу.

— Джордж Парслоу здесь? Как приятно!

— Вы с ним знакомы? — глухо спросил Фердинанд.

«Вот она, жизнь, — подумал он. — Только зазеваешься, только размечтаешься — бац! Джордж Парслоу».

— Конечно, — отвечала Барбара. — А вот и он.

Они как раз подъехали к отелю, на ступенях которого красовался ненавистный пришелец. Помраченному взору Фердинанда он напомнил греческого бога, и комплекс вырос до небес. Как можно состязаться в игре или в любви с этим киноактером и чемпионом?

— Джо-о-ордж! — воскликнула Барбара. — Привет.

— Привет, Барби!

Они оживленно заговорили. Ощутив, что он — лишний, Фердинанд тихо ушел.

Парслоу обедал за одним столиком с дядей, а потом пошел с Барбарой в сад. Фердинанд провел час в бильярдной и удалился к себе. Даже лунный свет, игравший на кружке, не утешил его душу. Какое-то время он тренировался, загоняя мяч коротким ударом в гуттаперчевый стаканчик, потом лег, и сон его был тревожен.

Барбара проснулась поздно и позавтракала в номере. Спустившись вниз к полудню, она увидела, что никого нет. Обычно в такую погоду хотя бы часть приезжих закрывает окна и обсуждает в холле перспективы джутовой промышленности. Однако сейчас здесь сидел только старичок лет за восемьдесят со слуховой трубкой.

— Доброе утро, — сказала она, поскольку их вчера познакомили.

— Что? — переспросил он, ставя трубку в боевую позицию.

— Я сказала: «Доброе утро».

— А! Да, утро хорошее, очень хорошее. Если бы ровно в полдень мне не приносили молоко с булочкой, я был бы среди зрителей. Вот где я был бы, на поле. Сижу, жду булочку.

Тут ее принесли, и он, отставив орудие слуха, принялся за свой

полдник.

— Смотрел бы матч, — заметил он.

— Какой матч?

Старичок углубился в молоко.

— Какой матч? — снова спросила Барбара.

— Что?

— Како-ой матч?!!

Старичок чуть не подавился булочкой.

— Собьет с него спесь, — сказал он.

— С кого?

— Да-да.

— С кого надо сбить спесь?

— А! С этого Диббла. Важный такой, надменный. Я-то заметил сразу, но никто слушать не хотел. Попомните мои слова, говорил я, он еще себя покажет. Надо его проучить. Ваш дядюшка вызвал Парслоу и подстроил матч. Диббл, — старичок закашлялся и отхлебнул молока, — Диббл не знает, что Парслоу — прекрасный игрок.

— Что? — вскричала Барбара.

Мир потемнел перед ней. Сквозь темный туман видела она старого негра, который пьет черное молоко. Теперь она все поняла, и сердце ее рванулось к несчастному.

— Спесь собьет, — бормотал старичок, и Барбара испытала к нему острое отвращение. Но Бог с ним, надо что-то делать. А что? Неизвестно.

— Ой! — закричала она в отчаянии.

— А? — отозвался старичок, берясь за трубку. Но Барбара уже ушла.

До поля она добежала быстро. У клуба она встретила супомешателя с клюшкой. Что-то подсказало ей, что на такое зрелище надо посмотреть, но она смотреть не стала. По-видимому, матч начался после завтрака и теперь достиг второй половины. Сбежав вниз по холму, она заметила вдалеке стайку зрителей и направилась к ним, но они исчезли, а она увидела Фердинанда, продвигавшегося к следующей подставке. Увидела она и дядю.

— Ну, как они? — задыхаясь, спросила она.

Мистер Татл был невесел. По-видимому, все шло не совсем так, как он хотел.

— У пятнадцатой — неплохо.

— Неплохо?

— Да. По-видимому, юный Парслоу не слишком хорош у лунки. Он

делает короткий удар, как овца с глистами.

Из этих замечаний вы кое-что поняли, но я объясню еще. «Этого мало», — скажете вы, узнав об ошибках Парслоу, и будете правы. Была и другая причина: с самого начала Фердинанд играл блистательно. Никогда еще не делал он таких ударов и таких подсечек.

Что до ударов, обычно ему мешали скованность и преувеличенная осторожность. Что до подсечек, он редко достигал искомой точности, поскольку мотал головой, словно лев в джунглях, прямо перед тем, как клюшка касалась мяча. Сегодня им овладела беспечная свобода. Он сам удивлялся; но не радовался. Холодность Барбары и ее обращение с Парслоу довели его до состояния, в котором не радует ничто. И вдруг он понял, почему так хорошо играет. Именно потому, что нет волнения и восторга. Можно сказать, с горя.

Как многие посредственные игроки, он слишком много думал. Он штудировал ученые труды и держал в уме все возможные ошибки. Он помнил, от чего предостерегают Тэйлор, Вардон, Рэй или Брейд. В результате он мешкал и топтался, пока стыд не побуждал его к действию, а потом совершал известные ему ошибки. Скажем, он резко поднимал голову, как на таблице, прилагаемой к списку «Обычные ошибки начинающих». Сегодня, с разбитым сердцем, он вообще не думал, а потому играл рассеянно, беспечно — и очень хорошо.

Джордж немного устал. Ему сказали, что этот Диббл никуда не годится, а он побеждал буквально на каждом шагу. Да, один раз ему пришлось сделать шесть ударов, другой семь, но это ничего не меняло. Гордому Парслоу удавалось только держаться на уровне.

Однако играл он хорошо и выиграл бы следующую лунку, если бы не то, что ему не давался короткий удар. Из-за того же свойства он сыграл в ничью на семнадцатой, достигнув газона только с четвертого удара. Но потом Фердинанд загнал мяч с дистанции в семь ярдов, совершив пять ударов за раунд.

Барбара смотрела на них, и сердце ее быстро билось. Она подходила все ближе, словно ее притягивал магнит. Фердинанд готовился к удару. Она затаила дыхание, затаил и он. Затаили и зрители, не говоря о Парслоу. Настал важнейший миг — и кончился тем, что мяч пролетел всего тридцать ярдов. Фердинанд ударил по нему сверху.

Джордж Парслоу улыбнулся. Теперь, думал он, он сделает удар из ударов. С бесконечной осторожностью занес он клюшку…

— Интересно… — произнес звонкий девичий голос. Парслоу застыл на месте. Клюшка опустилась. Мяч откатился в густую траву.

— Простите? — сказал Парслоу.

— Это вы простите! — сказала Барбара. — Я вам помешала.

— Да, немного. Самую чуточку. Но вам что-то интересно. Что именно?

— Мне интересно, — отвечала она, — почему клюшка называется клюшкой.

Парслоу судорожно сглотнул раза два. Кроме того, он заморгал.

— Боюсь, прямо так и не скажешь, — ответил он, — но я посмотрю в энциклопедии при малейшей возможности.

— Спасибо вам большое!

— Не за что. Рад служить. Если вы соберетесь спросить, почему газон называется газоном, я отвечу: «Потому что на нем растет трава».

Говоря это, Парслоу искал глазами мяч и нашел его в кусте, который я, не будучи ботаником, назвать не смогу. Скажу лишь, что он был плотен, как шар, и исключительно цепко охватил клюшку. Тем самым, первого удара не было, от второго мяч сдвинулся, от третьего — еще немного. Вложив все силы в четвертый, Джордж не добился ничего. Пятый пришелся в нескольких дюймах от Фердинандова мяча. Он поднял его и отбросил в заросли, словно что-то ядовитое.

— Победа ваша, — проговорил Джордж.

Фердинанд сидел у сверкающего моря. Он убежал сразу после этих горьких слов. Ему хотелось побыть наедине со своими мыслями.

Они были разные. Сперва он обрадовался победе, потом припомнил, что она ему не нужна, поскольку Барбара любит другого.

— Мистер Диббл! — услышал он.

Он поднял голову. Она стояла рядом. Он встал.

— Да?

Они помолчали.

— Солнце красиво играет на воде, — сказала Барбара. Он застонал. Это уж слишком.

— Оставьте меня в покое, — сказал он. — Идите к своему Парслоу. Как-никак, вы с ним гуляли у этой самой воды.

— А почему мне с ним не гулять? — осведомилась она.

— Я никогда не говорил, — ответил честный Фердинанд, — что вы не должны гулять с ним. Я просто сказал, что вы с ним гуляли.

— А что такого? Мы старые друзья. Фердинанд опять застонал.

— Вот именно! Так я и думал. Старые друзья. Наверное, играли вместе в детстве.

— Нет, мы знакомы лет пять. Но он женится на моей подруге.

Фердинанд странно вскрикнул.

— Женится?

— Да. Через месяц.

— Минуточку. — Фердинанд наморщил лоб, поскольку напряженно думал. — Если он женится, он не влюблен в вас.

— Конечно.

— И вы в него не влюблены?

— Ни капельки.

— Тогда, черт побери, как насчет этого?

— Что-что?

— Вы меня любите?

— Да.

— И мы поженимся?

— Конечно.

— Моя дорогая! — закричал Фердинанд.

— Одно меня немного смущает, — задумчиво сказал он, когда они гуляли по благоуханному лугу, под пение птиц, исполнявших свадебный марш.

— Что именно?

— Понимаешь, я открыл тайну гольфа. Ты не добьешься успеха, пока не станешь так несчастен, что тебе на все наплевать. Возьмем подсечку. Если тебе очень плохо, тебе все равно, что с мячом, и ты не поднимешь голову. Горе автоматически исключает слишком сильные удары. Посмотри на чемпионов. Они все мрачные.

— Да, вроде бы.

— Вот видишь!

— Но они почти все шотландцы, — возразила Барбара.

— Неважно. Все равно я прав. А главное, всю дальнейшую жизнь я буду так счастлив, что гандикап у меня останется около тридцати.

Барбара нежно сжала его руку.

— Не горюй, мой дорогой, — сказала она. — Все будет хорошо. Когда мы поженимся, я найду столько способов сердить тебя, что ты выиграешь любительский чемпионат.

— Найдешь? — переспросил он. — Правда?

— Еще бы!

— Ты ангел, — сказал он и обнял ее двумя руками, как обнимают клюшку.

ВОЛШЕБНЫЕ ШТАНЫ

— В конце концов, — сказал молодой человек, — гольф — только игра.

Говорил он громко, а вид у него был такой, словно он следует ходу мысли. В курительную клуба он пришел ноябрьским вечером и молча сидел, глядя в камин.

— Забава, — уточнил он.

Старейшина, дремавший в кресле, окаменел от ужаса и быстро взглянул через плечо, опасаясь, как бы слуги не услышали этого кощунства.

— Неужели это говорит Джордж Уильям Пеннифазер? — укоризненно спросил он. — Мой дорогой, вы не в себе.

Молодой человек покраснел, ибо был хорошо воспитан и, в сущности, добр.

— Может быть, — согласился он, — я перегнул. Просто мне кажется, что нельзя вести себя с ближним, словно у него проказа.

Старейшина облегченно вздохнул.

— А, вон что! — сказал он. — Вас кто-то обидел на площадке. Что ж, расскажите мне все. Если не ошибаюсь, играли вы с Нэтом Фризби, и он победил.

— Да. Но не в этом дело. Этот мерзавец вел себя так, словно он — чемпион, снизошедший к простому смертному. Казалось, что ему *скучно* играть со мной! Он поглядывал на меня, как на тяжкую обузу. Когда я подзастрял в кустах, он зевнул два раза. Победив меня, он завел речь о том, как хорош крокет и удивлялся, почему в него не играют. Да месяц назад я мог разбить его в пух и прах!

Старейшина печально покачал снежно-седой головою.

— Ничего не поделаешь, — сказал он. — Будем надеяться, что яд со временем выйдет из него. Неожиданный успех в гольфе подобен внезапному богатству. Он способен испортить человека, сбить его с толку. Приходит он чудом, и только чудо здесь поможет. Советую вам не играть с Фризби, пока не обретете высшего мастерства.

— Не думайте, я был не так уж плох, — сказал Джордж Уильям. — Вот, например…

— А я тем временем, — продолжал старец, — расскажу небольшую историю, которая подтвердит мои слова.

— Только я занес клюшку…

— История эта — о двух любящих людях, временно разделенных успехом одного из них…

— Я махал клюшкой быстро и сильно, как Дункан. Потом аккуратно замахнулся, скорее — в манере Вардона…

— Вижу, — сказал Старейшина, — что вам не терпится услышать мою повесть. Что ж, начинаю.

Вдумчивый исследователь гольфа (сказал мудрый старец) приходит к выводу, что эта благородная игра исцеляет душу. Ее великая заслуга, ее служение человечеству — в том, что она учит: каких бы успехов ты ни достиг на иных поприщах, они не возвысят тебя над обычным, человеческим уровнем. Другими словами, гольф сокрушает гордыню. По-видимому, безумная гордость последних императоров Рима объясняется тем, что они не играли в гольф и не знали, тем самым, очищающего смирения, которое порождает неудавшаяся подсечка. Если бы Клеопатру удалили с поля после первого раунда женских соревнований, мы меньше слышали бы о ее непомерном властолюбии. Переходя к нашей эпохе, я полагаю, что Уоллес Чесни смог остаться хорошим человеком, ибо плохо играл в гольф. У него было все, чтобы стать гордецом, — редкая красота, железное здоровье, богатство. Он блестяще танцевал, плавал, играл в бридж и в поло. Наконец, он собирался жениться на Шарлотте Дикс. А женитьбы на Шарлотте Дикс, самой по себе, вполне достаточно для полного счастья.

Однако Уоллес, как я уже говорил, был скромен и приветлив. Объяснялось это тем, что он очень любил гольф, но играл из рук вон плохо. Шарлотта сказала мне при нем: «Зачем ходить в цирк, если можно посмотреть на Уоллеса, когда он пытается извлечь мяч из бункера на пути к одиннадцатой лунке?» Он не обиделся, у них был поистине райский союз, исключающий дурные чувства. Нередко я слышал, как за ланчем, в клубе, они обсуждают умозрительный матч между Уоллесом и неким калекой, которого выдумала Шарлотта. Словом, совершенно счастливая чета. Если разрешат так выразиться, «два сердца, бьющиеся, как одно».

Быть может, вам показалось, что Уоллес Чесни легко, едва ли не фривольно относился к гольфу. Это не так. Любовь побуждала его принимать беззлобные насмешки, но к Игре он относился с благоговейной серьезностью. Он тренировался утром и вечером, он покупал специальные книги, а самый вид клуба действовал на него, как мята на кошку. Помню, он покупал при мне клюшку, которая стоила два фунта и отличалась таким

низким качеством, словно ее сделал клюшечник, упавший в очень раннем возрасте головой вниз.

— Знаю-знаю, — отвечал он, когда я указывал на самые явные недостатки злосчастного орудия. — Но я в нее верю. Точнее, с нею я поверю в себя. Мне кажется, ей при всем старании не сделаешь резаного удара.

Вера в себя! Вот чего ему не хватало, а он полагал, что в ней — суть и тайна гольфа. Словно алхимик, он искал то, что придаст ему эту веру. Помню, одно время он каждое утро повторял заклинание: «Я играю лучше, я играю лучше, я играю все лучше». Однако это настолько не соответствовало действительности, что он перестал. В сущности, он был мистиком, чему я и приписываю дальнейшие события.

Вероятно, гуляя по городу, вы видели магазин с вывеской:

Братья Коэн. Подержанная одежда

Возможно, вы разглядели сквозь витрину все виды одежды, какие только есть. Но братья ею не ограничивались. Их магазин — истинный музей не слишком новых предметов. Там можно купить подержанный револьвер, подержанный мяч, подержанный зонтик, не говоря о полевом бинокле, ошейнике, трости, рамке, чемодане-«дипломат» и пустом аквариуме. Однажды сияющим утром Уоллес проходил мимо и увидел в витрине клюшку исключительно странной формы. Он резко остановился, словно столкнувшись с невидимой стеной, а потом, пыхтя, как взволнованная рыба, вошел в магазин.

Тот буквально кишел мрачноватыми братьями, двое из которых немедленно кинулись на него, как леопарды, чтобы втиснуть его в желтый твидовый костюм. Прибегнув к помощи рожка для ботинок, они сделали свое дело и отошли полюбоваться.

— Как сидит! — сказал Исидор Коэн.

— Немного морщит под мышками, — сказал его брат Ирвинг. — Ничего, сейчас поправим.

— Само разгладится, — сказал Исидор. — От телесного тепла.

— А может, он летом похудеет, — сказал Ирвинг. Кое-как выбравшись из костюма и немного отдышавшись, Уоллес объяснил, что хочет купить клюшку. Исидор тут же продал в придачу к ней ошейник и набор запонок, а Ирвинг — пожарную каску. Можно было уходить, но старший брат, Лу, освободился от другого клиента, всучив ему, кроме шляпы, две пары брюк и аквариум для тритонов. Увидев, что дела — в

разгаре, он подошел к Уоллесу, робко манипулирующему клюшкой.

— Играете в гольф? — спросил он. — Тогда взгляните.

Нырнув в заросли одежд, он покопался там и вылез с предметом, увидев который, Уоллес, при всей своей любви к гольфу, поднял руку, как бы защищаясь, и вскрикнул: «Не надо!»

Лу Коэн держал те самые штаны, которые называют гольфами. Уоллес часто видел их — в конце концов, их носит цвет клуба — но *таких* он еще не встречал. Доминировал в них ярко-розовый фон, на котором воображение мастера разместило белые, желтые, лиловые и зеленые клетки.

— Сшиты по мерке, для Сэнди Макхита, — сказал Лу, нежно гладя левую штанину. — Но он почему-то их не взял.

— Может быть, дети испугались, — предположил Уоллес, припомнив, что прославленный игрок — человек семейный.

— Прямо как для вас! — восхищался Лу.

— Очень идут, — с чувством поддержал его Исидор.

— Подойдите к зеркалу, — посоветовал Ирвинг, — сами увидите, очень идут.

Словно выходя из транса, Уоллес обнаружил, что ноги его расцвели многими цветами радуги. Когда братья надели на него штаны, он сказать не мог бы. Но надели.

Он посмотрелся в зеркало. На мгновение его ослепил ужас, и вдруг исчез куда-то. Он даже беспечно помахал правой ногой.

У Александра Поупа есть стихи, быть может, знакомые вам. Вот они:

Порок настолько страшен, что его
Возненавидишь, если созерцаешь.
Но притерпеться можно ко всему,
И, наглядевшись вдоволь на него,
Ты начинаешь привыкать к нему
И, наконец, охотно привечаешь.

Именно это произошло с Уоллесом и гольфами. Сперва он вздрагивал, как всякий нормальный человек. Потом им овладели иные чувства. Подумав немного, он понял, что испытывает удовольствие. Да-да, как ни странно. Что-то такое в *них* было. Замените голую ногу с резинкой для носков шерстяными чулками, и вот вам истинный игрок (нижняя часть). Впервые в жизни он выглядел как человек, который имеет право на гольф.

Уоллес ахнул. Наконец ему открылась глубинная тайна гольфа, которую он так давно искал. Все дело во внешнем виде. Надо носить такие штаны. До сих пор он играл в серых фланелевых брюках. Естественно, он в себя не верил. Необходима свободная легкость, а как ее достигнешь, если на тебе брюки баранками, да еще со штопкой на колене? Хорошие игроки носят гольфы не потому, что хорошо играют; они хорошо играют, потому что носят гольфы. Странная радость, словно газ, наполнила его, а с нею — и восторг, и вера. Первый раз за эти годы он ощутил уверенность в себе.

Конечно, гольфы могли быть поскромнее, скажем — без ядовито-лилового, но что с того? Да, кое-кто из клуба его осудит; но и это неважно. Придется им потерпеть, как настоящим мужчинам. Если не смогут, пусть играют в другом месте.

— Сколько с меня? — выговорил он, и братья окружили его с блокнотами и карандашами.

Предчувствуя бурный прием, Уоллес не ошибся. Когда он вошел в клуб, злоба подняла свою неприглядную голову. Былые враги объединились, взывая к комитету, а крайне левое крыло, во главе с художником Чендлером, требовало расправы над непотребными штанами. Этого Уоллес ждал, а вот Шарлотта, думал он, примет все.

Однако она закричала и схватилась за скамью.

— Быстро! — сказала она. — Даю две минуты.

— На что?

— На то, чтобы ты переоделся. Я закрою глаза.

— А что тебе не нравится?

— Дорогой, — сказала она, — пожалей бедных кэдди. Им станет худо.

— Да, ярковато, — согласился Уоллес, — но играть помогает. Я только что попробовал. Вдохновляет как-то…

— Ты серьезно думаешь в них *играть?* — недоверчиво спросила Шарлотта. — Это невозможно. Наверное, есть какое-нибудь правило. К4ожет, лучше их сжечь ради меня?

— Ты пойми, они дают мне уверенность.

— Тогда остается одно — сыграем на эти штаны. Будь мужчиной, Уолли. Ты ставишь штаны, шапочку и пояс со змеиной головой на пряжке. По рукам?

Гуляя по клубной террасе часа через два, Раймонд Гэндл увидел Уоллеса и Шарлотту.

— Вы-то мне и нужны, — сказал он ей. — От имени комитета прошу вас употребить свое влияние. Пусть Уолли уничтожит штаны. Это, в конце

концов, большевистская пропаганда! Могу я на вас положиться?

— Не можете, — ответила Шарлотта. — Это его талисман. Он разбил меня в пух и прах. Придется к ним привыкнуть. Если могу я, сможете и вы. Нет, вы не представляете, как он сейчас играл!

— Они дают мне веру, — пояснил Уоллес.

— А мне — страшную мигрень, — сказал Раймонд Гэндл.

Думающих людей особенно поражает, как приспосабливается человечество к тому, что вынести нельзя. Землетрясение или буря сотрясают нас, и после первой, простительной растерянности, мы снова живем, как ни в чем не бывало. Один из примеров — отношение клуба к штанам Уоллеса Чесни. Да, первые дни те, кто потоньше, просили предупреждать их, чтобы немного подготовиться. Тренер, и тот растерялся. Казалось бы, вырос в Шотландии, среди тартанов и килтов, однако и он заморгал, увидев нашего героя.

И все же через неделю все успокоилось, а еще через десять дней расписные штаны стали неотъемлемой частью ландшафта. Приезжим их показывали вместе с водопадом и другими достопримечательностями, а так, вообще, уже не замечали. Уоллес тем временем играл все лучше и лучше.

Обретя веру в себя, он буквально шел от силы к силе. Через месяц гандикап его снизился до десяти, а к середине лета пошли разговоры о медали. Поистине, он давал основания сказать, что все к лучшему в лучшем из миров.

Но…

Впервые я заметил, что что-то не так, случайно повстречавшись с Гэндлом. Он шел с площадки, я вылезал из такси, вернувшись домой после недолгой отлучки. Естественно, я пригласил его выкурить трубочку. Он охотно согласился. Так и казалось, что ему нужно чем-то поделиться с понимающим человеком.

— Как сегодня дела? — спросил я, когда мы уселись в кресла.

— А! — горько бросил он. — Опять он меня обыграл.

— Кого бы вы ни имели в виду, — любезно заметил я, — игрок он сильный. Если, конечно, вы не дали ему фору.

— Нет, мы играли на равных.

— Вот как! Кто же он?

— Чесни.

— Уоллес? Обыграл вас? Поразительно.

— Он просто растет на глазах.

— Так и должно быть. Вы думаете, он еще вас обыграет?

— Нет. У него не будет случая.

— Неужели вы боитесь поражения?

— Не в том суть, я…

И, если отбросить слишком смелые обороты, он слово в слово сказал мне то, что говорили вы о Фризби: высокомерен, презрителен, горд, постоянно поучает. Однажды по дороге в клуб он заметил: «Гольф хорош тем, что блестящий игрок может играть с полным оболтусом. Правда, матч скучноват, зато какое зрелище! Обхохочешься».

Я был искренне поражен.

— Уоллес! — вскричал я. — Уоллес так себя ведет!

— Если у него нет двойника.

— Просто не верится. Он такой скромный.

— Не верите — проверьте. Спросите других. Теперь с ним почти никто не играет.

— Какой ужас!

Гэндл мрачно помолчал.

— Про помолвку слышали?

— Нет, не слышал. А что?

— Шарлотта ее расторгла.

— Быть не может!

— Может-может. Всякому терпению есть предел.

Избавившись от Гэндла, я побежал к Шарлотте.

— Что я слышу? — сказал я, когда тетка удалилась в то логово, где обитают тетки. — Какие неприятные новости!

— Новости? — откликнулась Шарлотта. Она была бледна, печальна и явственно похудела.

— Насчет Уоллеса. Зачем вы разошлись? Может, все-таки помиритесь?

— Нет, если он не станет собой.

— Вы же созданы друг для друга!

— Он совершенно изменился. Вам не рассказывали?

— Так, вкратце.

— Я не выйду, — сказала Шарлотта, — за человека, который кривится при малейшей оплошности. В тот день, — голос ее дрогнул, — в тот день он буквально облил меня презрением из-за того, что я взяла н-н-не т-тяжелую, а л-л-легкую клю-клю-клюшку.

И она разрыдалась. Я пожал ей руку и ушел.

Направился я к Уоллесу, чтобы воззвать к его лучшим чувствам. Он находился в гостиной, где чистил короткую клюшку. Даже в такую минуту я заметил, что она — совершенно обычна. В добрые старые дни неудач он пользовался какими-то дикими орудиями, напоминающими крокетный молоток, неправильно сросшийся в детстве.

— Как дела, мой мальчик? — сказал я.

— Привет! — сказал он. — Вы вернулись.

Мы начали беседу, и почти сразу я понял, что мне говорили чистую правду. Манера его, тон, выбор слов просто дышали надменностью. Он говорил о медали, словно уже получил ее. Он смеялся над товарищами. Мне пришлось потрудиться, чтобы выйти на нужную тему.

— Я слышал неприятную новость, — сказал я.

— Какие такие новости?

— Мы беседовали с Шарлоттой…

— А, вы об этом!..

— Она мне сказала…

— Так будет лучше.

— Почему?

— Не хотел бы грубить, но у бедняги гандикап — четырнадцать, и вряд ли он понизится. В конце концов, мужчина должен уважать себя.

Передернуло меня? Сперва — да. Но вдруг я ощутил в коротком смешке что-то кроме бравады. Глаза его были грустны, рот — странно искривлен.

— Мой дорогой, — серьезно сказал я, — вы несчастны. Я думал, он станет возражать, но он глубоко вздохнул.

— Странная штука, — сказал он. — Когда я вечно мазал, мне казалось, что нет лучшего счастья, чем гандикап — ноль. Я завидовал чемпионам. Это все чушь. Гольф приносит счастье только тогда, когда у тебя в кои веки что-нибудь получится. Теперь гандикап мой два, и мне начхать. Что толку? Все мне завидуют, все на меня сердятся. Никто меня не любит.

Голос его скорбно сорвался, и верный терьер, спавший на коврике, проснулся, подвинулся ближе и лизнул ему руку.

— Собака вас любит, — сказал я, донельзя растроганный.

— Но я не люблю собаку, — ответил Уоллес.

— Вот что, — сказал я, — подумайте немного. Вы раздражаете людей только своей манерой. На что вам эта надменность? Немного такта, немного терпимости, и все будет в порядке. Шарлотта любит вас по-

прежнему, но вы ее обидели. Зачем, скажите на милость?

Он печально покачал головой.

— Ничего не могу поделать. Меня просто бесит плохая игра, и я вынужден это сказать.

— Тогда, — грустно вымолвил я, — выхода нет.

Соревнования в нашем клубе — серьезные события, но, как вы знаете, важнее всех — июльское. В начале того года все думали, что медаль достанется Гэндлу, но время шло, и многие уже ставили на Уоллеса, надо заметить — неохотно, очень уж его невзлюбили. Мне было больно видеть, как холодны с ним члены клуба. Когда матч начался, никто не приветствовал криком его безупречные удары. Среди зрителей была и Шарлотта, очень печальная.

Партнером ему выпал Питер Уиллард, и он довольно громко сказал мне, что играть с таким чурбаном — истинная мука. Скорее всего, Питер не слышал, а если и слышал, это ничего не изменило. Играл он ужасно, но всегда участвовал в соревнованиях, поскольку считал, что они полезны для нервов.

После нескольких его неудач Уоллес закурил с тем подчеркнутым терпением, которое выказывает раздраженный человек. Немного погодя, он еще и заговорил.

— А вот откройте мне, — сказал он, — зачем играть, если вы все время задираете голову? Опускайте ее, *опускайте*. Вам незачем следить за мячом, все равно он далеко не улетит. Сосчитайте до трех, а уж потом посмотрите.

— Спасибо, — кротко ответил Питер. Он знал, что плохо играет.

Сторонники Гэндла, один за другим, переходили к Уоллесу, который сразу показал, что побить его нелегко. Он уложился в тридцать семь ударов, то есть на два больше расчетного количества. С помощью второго удара, после которого мяч приземлился в футе от колышка, он прошел десятую с трех раз, тогда как хорошим результатом считалось и четыре. Сообщаю это, чтобы показать, что он был в прекраснейшей форме.

Теперь тут все иначе, и нынешняя вторая лунка была тогда двенадцатой. Ей придавали, практически, решающее значение. Уоллес знал об этом, но не волновался. Он хладнокровно закурил, переложил спички в задний карман и стал беспечно ждать, когда другая пара освободит лужайку.

Вскоре они удалились, Уоллес ступил на траву, но ощутил, что его шмякнули по спине.

— Прошу прощения, — сказал Питер. — Оса.

И он показал на труп, тихо лежащий рядом с ними.

— Я боялся, что она вас укусит, — объяснил Питер.

— Мерси, — отвечал Уоллес.

Тон его был сухим, ибо у Питера большая и сильная рука. Кроме того, в толпе раздались смешки. Наклоняясь, он кипел от злости, что усилилось, когда Питер заговорил снова.

— Минуточку, — сказал он. Уоллес удивленно обернулся.

— В чем дело? — вскричал он. — Вы что, не можете подождать?

— Простите, — смиренно сказал Питер.

— Нет, что же это! — кипятился Уоллес. — Говорить с человеком, когда он готовится к удару!

— Виноват, виноват, — признал вконец раздавленный Питер.

Уоллес наклонился снова и почувствовал что-то странное. Сперва он подумал, что это приступ люмбаго, но раньше их не бывало. Потом он понял, что ошибся в диагнозе.

— Ой! — закричал он, подскакивая фута на два. — Я горю!

— Да, — согласился Питер. — Я как раз хотел вам сказать. Уоллес бешено захлопал ладонями по задней части штанов.

— Наверное, когда я убивал осу, — догадался Питер, — вспыхнули ваши спички.

Уоллес не был расположен к обсуждению первопричин. Он прыгал, как на костре, сбивая огонь руками.

— На вашем месте, — сказал Питер, — я бы нырнул в озеро.

Одно из главных правил гольфа — не принимать советов ни от кого, кроме собственного кэдди. Но Уоллес его нарушил Достигнув воды в три прыжка, он плюхнулся в нее.

Озеро у нас грязное, но неглубокое. Вскоре мы увидели, что Уоллес стоит по грудь в воде недалеко от берега.

— Хорошо, что это случилось именно здесь, — рассудил Питер. — Сейчас я протяну вам клюшку.

— Нет! — закричал Уоллес.

— Почему?

— Неважно, — строго ответил наш герой и прибавил как можно тише: — Пошлите кэдди в клуб за моими серыми брюками. Они в шкафу.

— О! — сказал Питер. — Сейчас.

Через некоторое время, прикрытый мужчинами, Уоллес переоделся, по-прежнему стоя в воде, что огорчило многих зрителей. В конце концов он вылез на берег и встал с клюшкой в руке.

— Ну, поехали, — сказал Питер. — Путь свободен. Уоллес нацелился на мяч, и вдруг ощутил какую-то странную слабость. Обгорелые остатки гольфов лежали под кустом, а в старых брюках, как в былые дни, его охватила неуверенность. Вдруг он понял, что на него глядят тысячи глаз. Зрители пугали его, смущали. Словом, в следующую секунду мяч, перевалившись через кочку, исчез в воде.

— Ай-яй-яй! — сказал добрый Питер, и эти слова тронули какую-то почти отсохшую струну. Любовь к людям охватила его. Хороший человек этот Уиллард. И зрители. В общем, все, включая кэдди.

Питер, из вящего благородства, направил свой мяч в воду.

— Ай-яй-я-яй! — сказал Уоллес, и сам удивился, поскольку давно никому не сочувствовал. Он ощутил, что стал иным — проще, скромнее, добрее, словно с него сняли проклятие.

Так, один задругам, они загнали в озеро все свои мячи, приговаривая «ай-я-яй». Зрители открыто веселились, и, радуясь их счастливому смеху, Уоллес понял, что тоже счастлив. Он повернулся к ним и помахал клюшкой. Вот это, подумал он, гольф. Не нудная, бездушная игра, которой он недавно занимался, чтобы достигнуть совершенства, а веселое приключение. Да, именно в нем — душа гольфа, из-за него он так хорош. Уоллес понял наконец, что ехать — лучше, чем приехать. Он понял, почему профессионалы мрачны и молчаливы, словно их гложет тайная скорбь. Для них нет сюрпризов, нет риска, нет духа вечной надежды.

— Хоть до утра пробуду, а вытащу! — весело крикнул он, и толпа отозвалась радостным гомоном. Шарлотта походила на мать блудного сына. Поймав взгляд Уоллеса, она помахала ему рукой.

— Как насчет калеки, Уолли? — громко спросила она.

— Я готов! — ответил он.

— Ай-яй-я-яй! — сказал Питер.

Штаны незаметно лежали под кустом, обгорелые и мокрые. Но Уоллес заметил их, и ему показалось, что им грустно, плохо, одиноко. Он снова стал самим собой.

ПРОБУЖДЕНИЕ РОЛЛО ПОДМАРША

На новой лужайке за клубом шло некое соревнование. Все места были заняты, и Старейшина слышал из курилки, где сидел в любимом кресле, идиотские крики. Он нервно вздрагивал, его благородный лоб прорезала морщина. В гольф-клубе, полагал он, играют в гольф, а тут играли в шары. Некогда он протестовал против теннисных кортов, а уж боулинг в этом клубе буквально сразил его.

Вошел молодой человек в роговых очках и стал пить имбирное пиво с таким видом, словно заслужил его тяжким трудом.

— Великолепная игра! — сказал он, одаряя улыбкой Старейшину.

Тот отложил книгу Вардона и с подозрением посмотрел на пришельца.

— Сколько сделали ударов?

— Я играл не в гольф, а в шары.

— Идиотское занятие, — холодно сказал мудрец и вернулся к книге.

Молодой человек не унялся.

— Почему? — сказал он. — Очень хорошая игра.

— Позвольте, — отвечал старец, — сравнить ее с детской игрой в шарики.

Молодой человек немного подумал.

— Во всяком случае, — сказал он, — она вполне годилась для Дрейка.

— Не имею чести знать мистера Дрейка и не могу судить.

— Для *того* Дрейка, с испанской Армадой. Он как раз играл в шары, когда ему сообщили, что показались первые корабли. «Ничего, — отвечал он, — доиграть успею». Вот как он ее ценил.

— Если бы он играл в гольф, он бы плюнул на Армаду.

— Легко сказать, но есть ли в истории гольфа такой случай?

— Я думаю, миллионы.

— Вы их забыли, да? — перешел к сарказму молодой человек.

— Почему же? Выберем один из многих, достаточно типичный — историю Ролло Подмарша.

Он поудобней уселся и сложил кончики пальцев.

— Этот Ролло… — начал он.

— Да, но…

— Этот Ролло (сказал Старейшина) был единственным сыном вдовы. Стоит ли удивляться, что материнская забота в некоторой мере нанесла

ущерб его мужественности? Скажем, на двадцать восьмом году он неотступно носил фуфайки, немедленно снимал промокшую обувь и от сентября до мая включительно пил на ночь горячий отвар маранты. Да, подумаете вы, не так создаются герои — и ошибетесь. Ролло играл в гольф, а значит — был истинным рыцарем. В час беды все лучшее в нем вышло на поверхность.

Я постарался, как мог, смягчить свой рассказ, поскольку вы ерзаете и смотрите на часы. Если общий очерк так действует на вас, благодарите Бога, что вам не довелось повстречаться с миссис Подмарш. Она могла говорить целый день о привычках и свойствах сына. В тот сентябрьский вечер, с которого начинается наша повесть, говорила она всего минут десять, но они показались вечностью ее собеседнице Мэри Кент.

Эта девушка, дочь школьной подруги, собиралась гостить здесь до весны, ибо родители ее уехали за границу. Ей не очень этого хотелось, а к концу вышеупомянутых минут она подумывала о побеге.

— Спиртного он в рот не берет, — сказала хозяйка.

— Да?

— И не курит.

— Вы подумайте!

— А вот и он! — обрадовалась мать.

К ним приближался высокий крепкий человек в однобортной куртке и серых фланелевых брюках. На его широком плече висела сумка гольф-клуба.

— Это мистер Подмарш? — вскричала Мэри.

В конце концов, она слышала про отвар и фуфайки, и у нее сложился образ весьма тепличного создания. Она предполагала увидеть небольшого субъекта с усиками, в пенсне; на самом же деле к ним шел какой-то боксер.

— А в гольф он играет? — спросила Мэри, поскольку сама играла.

— О, да! — отвечала миссис Подмарш. — Каждый день. Свежий воздух очень хорош для аппетита.

Мэри, остро невзлюбившая Ролло во время материнских откровений, смягчилась, увидев его, но теперь вернулась к прежнему мнению. Если человек играет по такой дурацкой причине, о чем тут говорить?

— Играет он прекрасно, — продолжала мать. — Лучше, чем мистер Бернс, здешний чемпион. Но сын мой очень скромен, и никогда не кичится успехами. Ну что, дорогой, как дела? Надеюсь, ты не промочил ноги? Вот Мэри Кент, миленький.

Ролло пожал гостье руку, и странное чувство, посетившее его, когда он ее увидел, возросло в тысячи раз. Вы опять смотрите на часы, а потому

я не стану описывать его ощущений. Просто скажу, что он не испытывал ничего подобного с тех пор, как мяч после шестого удара ушел с траектории (это бывало всегда), попал на юго-юго-востоке в кучку земли и нырнул в нее. Вероятно, вы догадались, что он влюбился. Тем печальней, что Мэри в этот миг смотрела на него с отвращением.

Нежно обняв сына, миссис Подмарш отпрянула от него, вскрикнув:

— Ты курил! Сын смутился.

— Понимаешь, я…

— Разве тебе неизвестно, что табак — это яд?

— Известно. Но, понимаешь…

— От него бывает несварение, бессонница, язва желудка, мигрень, близорукость, крапивница, астма, бронхит, сердечная недостаточность, воспаление легких, депрессия, неврастения, потеря памяти, ревматизм, ишиас, люмбаго, загрудинные боли, выпадение волос…

— Я знаю. Но, понимаешь, Тед Рэй курит за игрой, и я подумал, что табак хорош для гольфа.

При этих замечательных словах Мэри ощутила, что Ролло не безнадежен. Не скажу, что она испытывала те же чувства, что и он, женщины не влюбляются с налета. Но отвращение исчезло. Наоборот, теперь он ей нравился. Что-то в нем такое было. Судя по рассказам матери, это нелегко вывести наружу, но Мэри любила спасать людей, и времени у нее хватало.

Арнольд Беннет в одном из недавних очерков советует молодым людям быть поосторожней. Сперва, пишет он, надо решить, готов ли ты для любви; потом — подумать, что лучше, ранний брак или поздний; и, наконец, прикинуть, не помешает ли жена карьере. Решив эти романтические проблемы в положительном духе, вы можете приступить к делу. Ролло Подмарш не внял бы таким советам. С дней Антония и Клеопатры никто не действовал стремительней. Собственно говоря, он влюбился еще в двух ярдах от Мэри, и с каждым днем любовь его росла.

Он думал о *ней*, снимая промокшие ботинки, натягивая фуфайку, выпивая отвар. Что там, он дошел до того, что брал на время принадлежащие ей предметы. Через два дня после ее приезда он вышел на поле, положив в нагрудный карман носовой платок, пудреницу и дюжину шпилек. Переодеваясь к обеду, он вынимал их и рассматривал, на ночь клал под подушку. Господи, как он любил!

Однажды вечером они вышли в сад посмотреть на новый месяц. Ролло, по совету матери, был в шерстяном кашне, но сумел повернуть

разговор в нужную сторону. Мэри что-то сказала об уховертках. Это не совсем то, а все-таки, все-таки…

— Кстати, — сказал Ролло низким певучим голосом, — вы когда-нибудь любили?

Мэри немного помолчала.

— Да, — ответила она. — Мне было одиннадцать лет. На мой день рождения пришел фокусник. Он вынул из моих волос кролика и два яйца, и жизнь показалась мне сладостной мелодией.

— А позже?

— Нет, не любила.

— Представьте — так, для ясности, — что вы полюбили кого-то. Кем он должен быть?

— Героем.

— Героем! — Ролло несколько опешил. — Какого типа?

— Любого. Я могла бы любить только того, кто совершил подвиг.

— Не пойти ли нам в дом? — хрипло спросил Ролло. — Тут холодновато.

Так началась пора в его жизни, которую идеально выражают строки Хенли о черной беспросветной ночи. Практически он уподобился Иову. Несчастную любовь сопровождали неудачи в гольфе.

Пока что я не говорил о том, какой он игрок, и вы могли отнести его к теплохладным дилетантам, которых так много в наши дни. Это неверно. Мягкий, спокойный Ролло сгорал от тайного честолюбия. Цели его не были безумны. Он не стремился стать чемпионом и даже получить медаль, но всей душой желал сделать за игру меньше, чем сто ударов. Потом он собирался укрепить успехи, приняв участие в настоящем матче, и уже нашел противника, некоего Боджера, который последние десять лет болел радикулитом.

Однако даже эта скромная цель ему не давалась. День за днем он выходил на поле с рвением и надеждой, а позже возвращался домой, повторяя: «Сто двадцать…» Стоит ли удивляться, что он терял аппетит и тихо стонал при виде яйца в мешочек?

Миссис Подмарш пеклась о его здоровье, и вы, должно быть, предположили, что это отрицательно влияло на домашнюю атмосферу. Однако случилось так, что достойная мать недавно прочитала трактат знаменитого медика, который утверждал, что все мы переедаем, тогда как секрет счастья — в отказе от углеводов. Тем самым, она радовалась, что сын умерен в еде и часто приводила его в пример своей внучке Леттис,

особенно склонной к пончикам. Ролло был единственным сыном, но не единственным ребенком. Сестра его Энид, в замужестве Уиллоуби, жила по соседству. Уехав ненадолго в гости, она оставила дочку бабушке.

Некоторых можно дурачить все время, но Леттис не принадлежала к их числу. Хорошая девочка старинного типа поверила бы, что ролли-полли пудинг[36] очень вреден для давления, а съесть две порции — практически то же самое, что прямо отправиться в фамильный склеп. Мог бы подействовать и вид голодающего дяди; но Леттис была современным ребенком и что знала, то знала. Бедный старый Понто (собака) перестал есть перед тем, как отошел в вечность. Была в дядиных глазах и сходная тоска. Однажды после завтрака Ролло ушел в дебри сада, где сидел, закрыв лицо руками. Племянница его нашла.

— Пип-пип, — сказала она. Ролло взглянул на нее, не видя.

— А, это ты! — выговорил он. Вообще-то он был к ней привязан.

— Как ты себя чувствуешь?

— Плохо.

— Старость, наверное.

— Не без того. Я стар и слаб. Ах, Леттис, смейся, пока можешь!

— Хорошо.

— Наслаждайся беспечным радостным детством.

— Это можно.

— Когда доживешь до моих лет, ты поймешь, что мир пусти печален. Ну, что это за мир, где, если ты опускаешь голову, ты забываешь о положении клюшки, а если ты чудом держишь ее правильно, ты зашиваешься у лунки, срывая короткий удар.

Леттис не совсем поняла, что он говорит, но убедилась в своей правоте. И, жалея его от всего сердца, медленно пошла в дом, а Ролло вернулся к своим страданиям.

В каждой жизни, как сказал поэт, должен пролиться дождь. На Ролло пролилось столько, что запоздалый лучик, посланный фортуной, оказал на него несоразмерное воздействие. Говоря это, я не зайду далеко и не предположу, что ее слова его воскресили, но они его подбодрили. Ему показалось, что дело сдвинулось. Он забыл свои печальные прогулки в дальнем конце сада; забыл, что мать купила новый набор шерстяных вещей, напоминающих власяницу; забыл, наконец, что у вчерашнего отвара был какой-то странный привкус. Помнил он только о том, что Мэри добровольно предложила сыграть с ней в гольф, и едва не пел от счастья.

— Как будем играть? — спросила она. — Мой гандикап — двенадцать. А ваш?

— Точно не знаю, — отвечал он. — Хотел бы делать меньше ста ударов, но пока не получается.

— Никак?

— Да, никак. Что-нибудь мешает.

— Может быть, сегодня получится, — сказала Мэри таким тоном, что он чуть не бросился к ее ногам, лая, как собака. — Что ж, уступлю вам две лунки, а дальше посмотрим. Начнем?

Она толкнула мяч на то расстояние, которое приличествует человеку с гандикапом двенадцать. Не очень далеко, но точно и ловко.

— Замечательно! — крикнул преданный Ролло.

— Да нет, — отмахнулась она, — ничего особенного. Примеряясь к мячу, Ролло пылал невообразимыми чувствами. Он никогда не испытывал ничего подобного, особенно — у первой подставки, где его обычно одолевала беспокойная приниженность.

— О, Мэри, Мэри! — прошептал он, нанося удар.

Вы, тратящие юность на какие-то шары, не поймете, что случилось. Если бы вы играли в гольф, вы бы догадались, что ритм этих слов, по чистой случайности, дал именно то, что нужно. Позвольте объяснить. «О» и «Мэри», если их правильно выдохнуть, подарят нужный, чуть замедленный темп; первый слог второй «Мэри» точно совпадет с ударом по мячу, а «ри» обеспечит достойное завершение. Словом, получилось так, что мяч не заковылял по склону, будто растерянная утка, а полетел вперед, тронув по пути мяч прекрасной дамы, лежавший ярдах в ста пятидесяти, столкнул его с места и остановился на очень удобном участке газона. Впервые за всю свою жизнь Ролло сыграл прекрасно.

Мэри удивленно следила за полетом мяча.

— Так нельзя! — воскликнула она. — Я не смогу уступить вам две лунки, если вы продолжите в том же духе.

Ролло смутился.

— Не думаю, что это повторится, — сказал он. — У меня не бывало таких ударов.

— Повторится, — твердо возразила Мэри. — Ясно, что сегодня — ваш день. Если не сделаете меньше ста ударов, я вам не прощу.

Ролло закрыл глаза, губы его зашевелились. Он дал обет не обмануть *ее* ожиданий. Через минуту он прошел лунку с трех ударов, то есть за расчетное количество.

Вторая лунка находилась у озера. Загнать в нее мяч можно с трех ударов, но Ролло требовалось четыре, ибо он не считал, сколько мячей он может утопить, а постоянно начинал с того, который преодолел водную

преграду. Сегодня что-то подсказало, что ему придется прибегнуть к этой странной системе. Вынимая клюшку из сумки, он *знал*, что первый же удар загонит мяч на лужайку.

— Ах, Мэри! — прошептал он, приступая к делу.

Такие тонкости ник черту не нужны, простите за выражение, если вы, вероятно — из-за недостатков воспитания, тратите жизнь на боулинг. Но для людей понимающих объясню, что, сокращая свой монолог, Ролло опять сделал именно то, что рекомендовал бы самый лучший тренер. Благодаря второму «Мэри» удар был бы слишком сильным. Трех слогов совершенно достаточно для того, чтобы мяч, описав красивую дугу, опустился в шести дюймах от лунки.

Мэри была в восторге. Что-то в этом крупном застенчивом человеке будило ее материнские инстинкты.

— Красота! — сказала она. — Пять ударов на первые две лунки! Нет, вы просто *обязаны* сделать меньше сотни.

Она ударила по мячу, но слишком слабо, и тот упал в воду. Ничуть не огорчившись (она была очень хорошей), Мэри воскликнула:

— Движемся к третьей! Ну, вы молодец!

Чтобы не утомлять вас подробностями, замечу только, что благодаря ее нежным восторгам Ролло дошел до девятой лунки, сделав сорок шесть ударов, а это достойно чемпиона. Нет, вы представьте, 46 на полраунда! Немного подпортили десять на седьмой, не помогли и девять на восьмой, но все же он сделал меньше пятидесяти ударов за первую, более трудную часть игры. Спину его как-то покалывало, отчасти из-за фуфайки, которую я упоминал, но главным образом — от вдохновения, счастья и любви. Иногда он смотрел на Мэри, как Данте на Беатриче в особенно прекрасное утро.

Вдруг Мэри вскрикнула:

— Боже мой! Я забыла написать Джейн Симеон об особом способе вязания свитеров. Надо позвонить ей из клуба. Двигайтесь к десятой. Там встретимся.

Ролло последовал ее совету, но услышал, что кто-то произнес его имя.

— Господи, да это Ролло! Я сперва глазам своим не поверила.

Обернувшись он увидел сестру, то есть мать юной Леттис.

— Привет! — сказал он. — Когда ты вернулась?

— Поздно вечером. Нет, просто поразительно!

— Что именно? Да, Энид, я сделал сорок шесть ударов на полраунда. Сорок шесть!

— А, тогда ясно.

— Что тебе ясно?

— Почему ты такой веселый. Летти писала, что ты вот-вот умрешь. Она очень огорчается.

Ролло был тронут.

— Какая душенька!

— Ну, я пошла, — сказала Энид, — опаздываю. Да, кстати. Дети такие смешные! Она пишет, что ты старый и слабый, но она тебе поможет.

Ролло засмеялся.

— Понимаешь, мы усыпили бедного Понто. Летти страшно плакала, но я ей объяснила, что так лучше, милосердней. И вот, он решила прекратить *твои* страдания.

— Ха-ха-ха, — засмеялся Ролло, — ха-ххх…

Жуткая мысль пришла ему в голову: *у отвара был странный привкус!*

— Что с тобой? — спросила сестра. — Ты просто посерел. Ролло что-то лепетал. Да, уже несколько раз у отвара — странный привкус. Именно *странный*. Он еще тогда подумал: «Как-то странно!..» А принесла отвар Летти. Помнится, он был тронут.

— В чем дело? — приставала сестра. — Просто умирающая утка!

— Я и есть умирающая утка, — хрипло отвечал он. — То есть умирающий человек. Энид, она меня отравила. Ах, мерзавка!

— Что за чушь! И, пожалуйста, не брани мою дочь.

— Прости, сорвалось. Я ее не виню. Она хотела сделать, как лучше. Но факт остается фактом.

— Ролло, не дури.

— У отвара был странный привкус.

— Не знала, что ты такой дурак. Я думала, ты смеешься.

— Я и смеялся, пока не вспомнил, что у отвара… Энид нетерпеливо вскрикнула и ушла.

Ролло стоял у десятой подставки, и чувства боролись в нем. Машинально вынув трубку, он закурил, но выяснилось, что курить он не может. Табак начисто утратил свою волшебную силу. Он положил трубку в карман и стал думать. Ужас сменился горькой печалью. Тяжело покидать мир в час неожиданных успехов.

Тут появилась практическая мысль — надо побежать к доктору. Наверное, есть какие-нибудь противоядия.

Он повернулся и увидел Мэри. Она улыбалась той самой, подбадривающей улыбкой.

— Простите, что так долго, — сказала она. — Ну, действуйте. На эту

половину даю вам пятьдесят три удара, не больше.

Внутренним взором Ролло видел доктора Брауна среди самых лучших противоядий.

— Простите, — начал он, — я должен…

— Конечно, должны, — сказала Мэри. — Если вы уложились в сорок шесть, уж пятьдесят три сделать не трудно.

Долгую минуту Ролло боролся с инстинктом самосохранения. Всю жизнь ему внушали, что надо трястись над здоровьем. Но есть и другой, более высокий инстинкт, ведущий игрока к успеху. Мало-помалу он овладел страдальцем. Если, думал тот, бежать к доктору, жизнь спасти удастся, — но зачем?

Колебания кончились. Бледный и решительный, Ролло положил мяч на подставку и ударил по нему.

Если бы я рассказывал мою историю игроку в гольф, а не отребью (слово это я употребляю в самом благожелательном духе), я бы с превеликим удовольствием описал продвижение Ролло к последней лунке. Эпос нередко создавали о менее важных событиях. Но не стоит тратить попусту великолепный материал. Скажу только, что наш герой сделал ровно пятьдесят ударов на восемь лунок.

— Остаются три, — сказала Мэри. — Держитесь! Главное — не волнуйтесь.

Совет разумный, но Ролло был выше волнений. На шестнадцатом газоне он промочил ноги, но этого не заметил. Фуфайкой, видимо, завладели муравьи, но он на них чихал. Три удара? Нет уж! Мяч лежал в пяти ярдах, но он хотел, чтобы тот попал в лунку с обратной стороны. Резким движением нанес он удар — и добился своего.

— О-о! — вскрикнула Мэри.

Ролло отер лоб и тяжело оперся на клюшку. Думал он только о том, что уложился в девяносто семь. Однако, выходя из транса, он вспомнил и другое, и восторг сменился отчаянием. Вероятно, так чувствовал себя итальянец, разделив трапезу с Борджа. Да, он сделал девяносто семь ударов, но дальше ему пойти не доведется.

Мэри хлопотала вокруг него, восторгалась, но он только вздохнул.

— Спасибо, — сказал он. — Спасибо большое. Дело в том, что я сейчас умру. Меня отравили.

— Что?!

— Да-да. Винить некого. Она хотела мне добра. Однако…

— Ничего не понимаю!

Ролло объяснил. Мэри слушала в ужасе.

— Вы не ошибаетесь? — выговорила она.

— О, нет! — ответил он. — У отвара был странный привкус.

— У маранты вообще… Он покачал головой.

— Нет. У нее вкус, как у промокашки. Мэри засопела.

— Не плачьте, — сказал Ролло, — не плачьте.

— Как же мне не плакать? И платка не взяла…

— Разрешите, — сказал он, вынимая носовой платок из нагрудного кармана. — Вы немного растрепаны. Если бы я посмел…

И он вынул несколько шпилек.

— Наверное, нос блестит.

Он вынул пудреницу. Мэри смотрела на него с удивлением.

— Это же мои вещи! — выговорила она.

— Да. Я… брал их.

— Почему?

— Потому что я вас люблю, — сказал Ролло.

И в нескольких удачных фразах, которыми я не буду утомлять вас, он развил эту тему. Мэри слушала, и чувства сменялись в ее сердце. Описывать их тоже не буду, так как вы смотрите на часы. Кратко говоря, она прозрела. Ей-то казалось, что перед ней — ипохондрик, тогда как на самом деле перед ней был герой.

— Ролло! — вскричала она, кидаясь в его объятия.

— Мэри! — произнес он, охотно ее принимая.

— Говорила я, что это чушь, — сказала Энид, появляясь в пространстве. — Летти не смогла купить яду, аптекари ей отказали, и она это бросила.

Ролло выпустил Мэри.

— Что? — крикнул он. Сестра повторила свой рассказ.

— Ты уверена? — спросил он.

— Конечно, уверена.

— Тогда почему у отвара был странный привкус?

— Мама боялась, что ты стал курить, и увидела в журнале объявление, как вылечить от этой привычки за три дня. Какая-то штука очищает кровь от никотина, укрепляет ослабевшие мембраны и внушает отвращение к табаку. Она стала класть ее в отвар.

Наступило долгое молчание. Ролло ощущал, что засияло солнце, запели птицы, застрекотали кузнечики. Природа широко улыбалась. Где-то у второй лунки пестрели штаны для гольфа, принадлежавшие Уоллесу

Чесни, и Ролло искренне восхитился ими.

— Мэри, — сказал он низким, дрожащим голосом, — ты меня подождешь? Я сбегаю в клуб.

— Обуть сухие туфли?

— Нет! — прогромыхал он. — В жизни не буду менять обувь! Сниму фуфайку. Когда я сожгу в плите эту колючую проволоку, я позвоню Боджеру. Говорят, у него разыгрался радикулит. Предложу ему матч на деньги, по шиллингу за лунку. Если я не буду пресмыкаться и каяться, можешь расторгнуть помолвку.

— О, мой герой! — прошептала Мэри.

Ролло поцеловал ее и твердыми длинными шагами направился к клубу.

НЕПОДХОДЯЩИЙ ЖЕНИХ

Пришла первая суббота июня, и в нашем гольф-клубе состоялся танцевальный вечер. Над девятым газоном с дубовых веток свисали разноцветные фонарики, а из столовой, откуда вынесли мебель, слышалось шарканье ног и голос саксофона, жалобный, словно ему не удался короткий удар. В саду, в глубоком кресле, курил сигару Старейшина, осененный тем покоем, который наступает, когда ты уже не должен танцевать.

Открылась дверь, из клуба вышел молодой человек. Он постоял на ступеньках, вытянув руки и глядя то вправо, то влево. Старейшина заметил в темноте даже то, что он мрачноват. Выглядел он так, словно его ударили в солнечное сплетение души.

Да, кругом царило веселье, звучала музыка, а он страдал.

К прочим звукам присоединился высокий мужской голос, быстро и шустро рассуждавший о современной русской мысли. В свете фонарика появилась девушка под руку еще с одним субъектом. Она была миниатюрна и красива, он — долговяз и интеллектуален. Свет очерчивал его высокий лоб и дробился в роговых очках. Девушка смотрела снизу вверх с немым обожанием, которое едва не довело до корчей человека на ступеньках. Однако он махнул рукой, споткнулся о коврик и пошел в клуб. Парочка тоже исчезла, Старейшина мог наслаждаться уединением, пока из клуба не вышел наш любезный и расторопный секретарь. Запах сигары привлек его к креслу, и он сел рядом.

— Видели Рэмеджа? — спросил он.

— Да, сейчас стоял на ступеньках, — ответил Старейшина. — А что?

— Может, вы его спросите? Не пойму, что с ним творится. Милый, приветливый человек, а когда я попытался рассказать, как быстрее дойти до пятой лунки, он меня просто оборвал. Как-то ухнул посреди фразы…

Старейшина вздохнул.

— Не обращайте внимания, — посоветовал он. — Ему сейчас тяжело. Только что мне довелось увидеть сценку, которая все объясняет. Мейбл Патмор отчаянно флиртует с Первисом.

— С Первисом? Это который на прошлой неделе выиграл чемпионат по боулингу?

— Возможно, он опозорился таким способом, — холодно сказал Старейшина. — Да, я слышал, он привержен этой недостойной игре. И

Мейбл Патмор, которой не хватает только более решительного удара у подставки, тратит время на него! Насколько я понял, привлекает он потоком слов, а бедный Рэмедж даром речи не владеет. Девушки любят краснобаев. Жаль, очень жаль. Тут поневоле припомнишь…

Секретарь вскочил, словно вспугнутый фазан.

— …историю, — продолжал Старейшина, — Джейн Паккард, Уильяма Бейтса и Родни Спелвина, которую я сейчас…

— Дела, дела, — вставил секретарь. — Я бы рад, но…

— …расскажу, — завершил фразу старец, беря его за фалды и сажая на стул. — Я полагаю, что брак между игроком и чужаком не может принести счастья. Какое счастье, если душа не очищена благороднейшей из игр? Это подтверждает история Джейн Паккард, Уильяма Бейтса и Родни Спелвина.

— Буквально ни одной минутки…

— Именно из-за нее я не думаю, что у Мейбл и этого типа что-нибудь серьезное. Девушка, познавшая гольф, должна сойти с ума, чтобы выйти за субъекта, катающего деревянные шары. Рано или поздно она прозреет. Надеюсь, случится это до свадьбы, как у Джейн Паккард, о которой я вам сейчас расскажу.

Секретарь застонал.

— Я пропущу танец!

— Что ж, какой-то барышне повезет, — невозмутимо заметил Старейшина, крепче держа соседа за руку.

— Джейн Паккард и Уильям Бейтс (сказал Старейшина) не были обручены. Они знали друг друга с детства, и как-то подразумевалось, что если Уильям сделает предложение, Джейн его примет. Уильям вообще не любил спешить. Он действовал весомо и медленно, как грузовик, на который был похож и внешне, и внутренне. Кроме того, он был похож и на быка и отличался тугодумием. Помню, он минут пятнадцать решал, что заказать, бифштекс или отбивную. Такой, знаете, мирный, основательный человек. Флегматик. Вот-вот, флегматик.

Мысль о женитьбе на Джейн пришла ему в голову года за три до излагаемых событий. Поразмышляв шесть месяцев, он послал ей розы. Еще через год, в октябре, он подарил ей коробку шоколадных конфет. При таком ходе дел можно было предположить, что лет через пять они поженятся.

Джейн тоже любила его. У них было много общего — спокойные такие, медлительные. Каждый день они играли в гольф, и гандикап у них

уменьшался параллельно. Как вам известно, многие браки рушатся от того, что муж намного превосходит жену и, в ответ на какие-нибудь упреки, может напомнить ей особенно плохой удар. Джейн и Уильям были равны. Их ждала жизнь, построенная на понимании и сочувствии. Год за годом, думали мы, они будут поддерживать и ободрять друг друга. Конечно, если Уильям все-таки решится.

На четвертом году я заметил кое-какие изменения. Как-то я заглянул к Паккардам, и застал только Джейн. Она дала мне чаю, разговаривала, но что-то отвлекало ее. Зная ее с детства, я спросил, что случилось.

— Не то чтобы случилось… — вздохнула она.

— Рассказывай, — твердо сказал я.

Она опять вздохнула.

— Вы не читали «Пламенную любовь» Луэллы Перитон Фиппс?

Я не читал, в чем и признался.

— Вчера я взяла в библиотеке, — продолжала Джейн, — и дочитала к трем часам утра. Там и пустыня, и верблюды, и арабский шейх с суровым, но нежным взором, и такая Анджела, и оазисы, и финики, и миражи. Этот шейх хватает Анджелу, и сжимает в объятиях, и вскакивает на коня, а вокруг песок, тьма и мерцающие звезды. Ах, не знаю…

Она мечтательно посмотрела на люстру.

— Может быть, мама возьмет меня зимой в Алжир, — отрешенно проговорила она. — Это полезно при ревматизме.

Я ушел, страдая. Ну, что за люди, эти писатели! Набьют девушке голову… Надо бы зайти к Уильяму и дать ему хороший совет. Вы скажете, мне-то что, но они так подходили друг другу. А тут Джейн чудит, еще взглянет на Уильяма и подумает: «Что я в нем нашла?» Словом, я поспешил к нему.

— Уильям, — сказал я, — по праву человека, качавшего тебя на коленях, задам тебе нескромный вопрос. Ты любишь Джейн Паккард?

— Кто, я? — спросил он, помолчав.

— Ты.

— Кого, Джейн?

— Да.

— Люблю ли я, значит, Джейн? — подвел он итог и добавил минут через пять: — Конечно.

— Очень рад!

— Жутко люблю.

— Лучше быть не может!

— Как говорится, безумно.

Я похлопал его по могучей груди.

— Тогда скажи ей об этом.

— Это мысль, — отвечал он, глядя на меня с восторгом. — Понятно-понятно. Выдумаете, все тогда устроится?

— Вот именно.

— Ну, что же, завтра я уезжаю на матч, но в пятницу приеду. Может, выйти с ней на площадку и там, между делом…

— Очень хорошо.

— Скажем, у шестой лунки.

— Замечательно.

— Или у седьмой.

— У шестой. Там после подставки земля идет полого, и ты будешь немного прикрыт.

— Что-то в этом есть…

— Вообще-то лучше всего завлеки ее к бункеру слева от шестой.

— Зачем?

— Песок, знаешь… ей понравится. А главное, — строго сказал я, — не тяни, не размазывай. Подпусти романтики. Я бы тебе посоветовал схватить ее, сжать в объятиях…

— Кого, ее?

— Они это очень любят.

— Ну, знаете, все-таки!..

— Честное слово!

— Схватить?

— Именно.

— Сжать?

— Вот-вот.

Он снова задумался.

— Вам виднее, — сказал он. — Наверное, у вас получалось. А все-таки… Ну, ладно, будь что будет.

— Вот это разговор! — признал я. — Иди, Бог тебе в помощь.

Любые человеческие замыслы может нарушить непредвиденный фактор, некое X, сбивающее весь план. Я его не предвидел; но, достигнув в пятницу первой подставки и собираясь еще раз подбодрить Уильяма Бейтса, я понял, что слишком благодушен. Уильям еще не вернулся, Джейн была здесь, а с нею был высокий тонкий темноволосый персонаж в непереносимо романтическом стиле. Он говорил с ней напевно и тихо, она его восторженно слушала, вылупив прекрасные глаза, приоткрыв губы.

Мне пришлось окликнуть ее несколько раз.

— Уильяма еще нет? Она резко обернулась.

— Уильяма? Еще нет? Да-да, его нет. Наверное, скоро будет. Разрешите познакомить вас с мистером Спелвином. Он гостит у Уиндемов. Мы с ним гуляем.

Естественно, эти сведения меня поразили, но я скрыл свои чувства и сердечно поздоровался с тонким субъектом.

— Мистер Джордж Спелвин, актер? — догадался я.

— Его двоюродный брат, — отвечал спутник Джейн. — Мое имя Родни. Я не разделяю тяги к подмосткам, меня привлекает гармония…

— Вы пишете музыку?

— Словесную, — объяснил мистер Спелвин. — В своем, смиренном духе, я — поэт.

— Стихи просто замечательные, — сказала Джейн. — Сейчас мистер Спелвин читал мне…

— Ах, этот пустячок! — отмахнулся он. — Как говорится, juvenilia.[37]

— Но как красиво, как мелодично! — сказала Джейн. — Нет слов.

— У вас, — сказал мистер Спелвин, — есть душа, чтобы это чувствовать. Хотел бы я, чтобы на свете было больше таких людей. Нам, певцам, нелегко в грубом, бездушном мире. На той неделе один издатель спросил, что *значит* мой сонет «Вино желанья». — Спелвин снисходительно засмеялся. — Я ответил, что это сонет, а не каталог.

— Так ему и надо! — пылко подхватила Джейн. — Спасибо, что не дали по носу.

Тут кто-то тихо засвистел, и я увидел сзади на фоне неба Уильяма Бейтса.

— Привет, — сказал он.

Я подошел к нему, оставив Джейн и Спелвина за насыщенной беседой.

— Кто этот тип? — спросил Уильям.

— Некий Спелвин. Гостит у Уиндемов.

— Истинное чучело, — заметил Уильям.

— Он собирается с вами гулять, — сообщил я.

— Со мной?

— Так Джейн сказала.

— Минуточку, — сказал Уильям, — не могу же я при нем сжимать ее в объятиях!

— Вроде бы нет.

— Тогда отложим? — сказал он с явным облегчением. — Вообще-то

это хорошо. Там был замечательный пудинг, и я не потяну романтическую сцену. Отложим, а?

Я посмотрел на Джейн и на Спелвина и опечалился. Что-то в них было такое, настораживающее. Я собрался было поспорить с Уильямом, но Джейн окликнула его, и все они ушли.

Я тоже ушел, занявшись думами. Появление Спелвина после этих пустынь меня пугало. Я страдал за Уильяма и ждал его у клуба после матча. Он пришел через два часа, ликуя и радуясь.

— В жизни так не играл! — сказал он. — Помните восьмую лунку? Мяч до нее не долетел, лежал в траве, я взял клюшку и тихо-мирно…

— Где Джейн? — прервал его я.

— Джейн? Спелвин увел ее домой.

— Осторожно, Уильям! — сказал я. — Если вы не возьметесь за ум, он ее умыкнет. Не смейтесь. Я их видел до вашего приезда. Она смотрела ему в глаза, словно он какой-нибудь шейх. Вы не понимаете, глупый человек, что она любит романтику. Загадочный незнакомец уведет ее от вас, моргнуть не успеете.

— Да, — добродушно отвечал он, — я об этом думал. Но оказалось, что он пишет стихи. Нельзя же влюбиться в поэта.

Дело в том, что он испытывал брезгливость только к трем вещам в мире: к слизнякам, к икающим кэдди и к поэтам.

— Очень даже можно, — возразил я.

— Ну, что вы! — воскликнул Уильям. — И потом, он не играет в гольф. В жизни клюшки не держал. И не собирается. Вот как.

Это меня успокоило. Да, Джейн не может влюбиться в того, кому чужд гольф. И я пошел домой в хорошем, благодушном настроении. Через неделю, не больше, я узнал, что Женщина — это неисповедимая тайна.

Неделя была веселая. Танцы, пикники, купания и все радости лета. Уильям Бейтс не принимал в них участия. Танцевал он плохо. Приглашать его приглашали, но жалели об этом, когда он всем своим весом наваливался на нежную ножку. Многим приходилось после фокстрота лежать дня два.

Не любил он и пикников, равно как и купаний, так что Джейн Паккард все время проводила с Родни Спелвином. С ним скользила она по натертому полу, с ним плавала и ныряла, и никто иной, как он, извлекал муравьев из ее салата, раздавленных ос — из десерта. Кроме того, светила луна, поскольку пикники устраивали вечером. В общем, сами понимаете. Через десять дней Уильям Бейтс пришел в мой садик с таким выражением

лица, словно его уже убили.

— Можно к вам? — спросил он.

Я вылил остатки воды на лобелии и повернулся к нему.

— Вот что, — сказал он, — случилась странная штука. Вы знаете Джейн?

Я ее знал.

— А Спелвина? Знал я и его.

— Она с ним обручилась, — горестно сказал Уильям.

— Что?

— Обручилась.

— Так быстро?

— Сказала мне сегодня утром. Интересно, — прибавил он, садясь на корзинку клубники, — а как же я?

— Нельзя было оставлять их вдвоем, — сказал я. — Надо было знать, что луна в июне очень опасна. Вот возьмите, в любой песне… Нет, не припомню ни одной, где бы об этом не говорилось.

— Кто мог подумать? — вскричал Уильям, обирая с себя клубнику. — Кому пришло бы в голову, что Джейн влюбится в типа, который *не играет!*

— Да, это поразительно, — согласился я. — Ты не ослышался? Правильно ее понял?

— Еще бы! Понимаете, я сам ей сделал предложение. Застал ее одну у клуба и говорю: «Вот что, старушка, ты как?» А она говорит: «Ты о чем?» — «Выйдешь за меня? Не хочешь — не надо, но очень тебе советую». И тут она ка-ак скажет: «Я люблю другого». Это, значит, Спелвина. Удар, однако! Я потом сколько раз промазал.

— Она сказала прямо, что выходит за Спелвина?

— Сказала, что его любит.

— Надежда есть. Если они не обручились, это может пройти. В общем, я ее навещу, разузнаю.

— Хорошо бы, — сказал он. — А у вас случайно нет средства от клубничного сока?

Разговор с Джейн ни к чему не привел. Да, она обручилась со Спелвином. В порыве девической откровенности она привела и детали.

— Светила луна, ветерок шелестел в листьях. Вдруг он обнял меня, заглянул мне в глаза и воскликнул: «Я люблю вас! Я обожаю вас! Боготворю! О, моя жизнь, мой рок, моя подруга, предназначенная мне с той поры, как зажглась первая звезда!»

— Очень мило, — сказал я, думая о том, что Уильям Бейтс выразился

бы иначе.

— В сентябре мы поженимся.

— Ты уверена, что это нужно?

Она удивилась.

— Почему вы спрашиваете?

— Видишь ли, при всех его достоинствах, он не играет в гольф.

— Да, — отвечала она, — но у него широкие взгляды.

— Широкие?

— Он не мешает играть мне. Ему даже нравится мой чарующий энтузиазм. Так он и сказал.

Мне на это нечего было сказать.

— Желаю счастья, — выговорил я. — Правда, я надеялся… но что там!

— А что?

— Ладно, скажу. Я надеялся, что ты выйдешь за Уильяма. Глаза ее затуманились.

— Мне его очень жаль, он такой хороший.

— Лучше не бывает, — поддержал я.

— И такой *добрый*. Многие затеяли бы Бог знает что, а он сказал «Ну-ну», и обещал помочь мне через неделю на Мшистой Пустоши.

Я решил, что будет тактичней сменить тему.

— Значит, ты снова едешь в эту Пустошь?

— Да. Мне надо пройти квалификационный отбор.

Ежегодный матч на Мшистой Пустоши был одним из главных событий для женщин, игравших в гольф. Сперва, как обычно, соревновались за медаль, потом играли тридцать две спортсменки с плохими показателями. Я был рад, что Джейн настроена оптимистично, поскольку она играла уже три года, начинала хорошо, но в список не попадала. Как многие игроки в гольф, она была гораздо лучше в матчах, чем в таких, отборочных играх. Мшистая Пустошь бугриста и неровна, и каждый год плохая лунка сводила на нет семнадцать остальных достижений. Словом, я был рад, что она не пала духом.

— Все будет хорошо, — сказал я. — Играй осторожно, как здесь, и дело в шляпе.

— Это неважно, — отвечала она. — Говорят, в этом году только тридцать два места, так что все, кто достигнет финиша, войдут в список. Надо не сорваться, и все.

— А зачем тогда вообще устраивать матч?

— Нет, это нужно. Понимаете, будут давать призы за три первых места. И вообще, приятно думать, что если у меня опять затрет с седьмой лункой, я все равно пройду.

— Да, конечно. А вообще, тебе очень идет игра в гольф.

— Надеюсь. Я играю, а Родни любуется.

— Он будет смотреть?

Упомянув жениха, она обрела красноречие, но я не стал ее слушать. Как-никак, я — всецело за Уильяма. Мне не нравилось ее увлечение. Нет, я не узкий человек, обычные люди тоже могут жениться, но не на тех же, кто вот-вот выиграет медаль!

Зеленый комитет, как им и свойственно, привел в кой-какой порядок Мшистую Пустошь, но три самые мерзкие лунки остались в неприкосновенности. Я, конечно, имею в виду четвертую, седьмую и пятнадцатую. Даже бездушный комитет, видимо, понял, что многострадальные игроки вытерпят только это, и лишняя ямка с песком приведет, чего доброго, к бунту.

Джейн легко прошла три первые лунки, а у четвертой заволновалась. Вообще-то все шло хорошо, как ни странно, благодаря не великой любви к Родни, а улыбке и советам Уильяма.

Честно говоря, она уже немного жалела, что разрешила Родни приехать. Очень мило с его стороны, что и говорить, но как-то он не вязался со священной атмосферой. К примеру, он не мог постоять спокойно, а к тому же что-то напевал. Она чуть не отвлеклась, но собрала всю волю и сделала великолепный удар.

— Здорово, — сказал Уильям Бейтс.

Джейн благодарно улыбнулась и посмотрела на Родни, ожидая похвал. Конечно, он не играет, но видно же, что удар — лучше некуда!

Родни стоял к ней спиной и смотрел вдаль из-под руки.

— Какой пейзаж! — произнес он. — Тихая зеленая впадина, залитая солнечным светом. Невольно вспоминаешь Авилон…

— Вы видели мой удар?

— …где нет ни дождя, ни снега, ни резкого ветра. А? Что? Удар? Нет, не видел.

Снова Джейн что-то кольнуло, но это сразу прошло, поскольку мяч идеально опустился на ровную траву. Прошлый раз это не удалось, тут всюду зловещие ямы с песком, которые так и влекут в свои мрачные глубины, — но сейчас она их миновала. Легкий удар удавался ей, и путь к опасной лунке был нетруден. Наклонившись над мячом, она услышала сладостную музыку.

Однако почти сразу она поняла, что ее издает Родни Спелвин, напевающий французскую песенку. Он стоял прямо за ней. Такие песенки хороши в благоухающем саду, но не на Мшистой Пустоши, на пути к четвертой лунке.

— Родни, *пожалуйста!* — взмолилась она.

— А?

Ну, что он всегда переспрашивает?

— Ты бы не мог помолчать? — пояснила Джейн. — Я должна ударить по мячу.

— Ударяйте-ударяйте, — благодушно разрешил он. — Если вас это развлекает, ударяйте, не стесняйтесь.

Джейн снова склонилась над мячом, осторожно занося клюшку.

— О, Боже! — вскричал поэт.

Мяч перемахнул через лунку ярда на три. Джейн нервно обернулась. Родни указывал вдаль.

— Како-ой оттенок! — говорил он. — Вы видела такой тон неба?

— О-о-о! — сказала она.

Джейн пошла к мячу. Легкая клюшка упала в ямку.

— Вы выиграли? — спросил Родни.

Она молча направилась к пятой подставке.

Пятая и шестая лунки на Мшистой Пустоши — неплохие, если вести мяч прямо. Так и кажется, что создатели поля разрешили себе отдохнуть перед тем, как направить свою вредность на седьмую. Как вы помните, именно она подвела Сенди Макхутса, победившего до этого в открытом чемпионате. Она небольшая, и тяжелой клюшкой нетрудно загнать мяч на ровный газон перед ней, но сразу за подставкой, как бы дразнясь, резвится река. Если ты попал на газон, главное — там удержаться. Размером он с ковер, и летом, когда земля упруга, мяч так и норовит, коснувшись его, перескочить реку. Я напоминаю об этом, чтобы вы поняли положение Джейн.

Партнерша ее высоко подкинула мяч, и он упал в одну из песчаных ямок. Женщина была тихая, терпеливая, и не огорчилась. Она отошла от подставки, уступая место Джейн.

— Молодец! — сказал вскоре Уильям, поскольку мяч нашей героини выписывал идеальную дугу.

— Родни, смотрите! — крикнула Джейн.

— А?

Вопрос этот заглушили отчаянные крики. Коснувшись газона, мяч

плавно, словно агнец по весне, взмыл вверх и, минуя лунку, упал в воду.

Повисла пауза. Партнерша, сидевшая на скамейке у ящика с песком и читавшая книгу Вардона «Что должен знать молодой игрок», ничего не заметила. Уильям, с тактом истинного игрока, ничего не сказал. Слово осталось за Родни.

— Неплохо, — вымолвил он.

Джейн извернулась, как раздавленный червяк.

— В каком смысле?

— Вы закинули мяч дальше, чем она.

— Я его закинула в реку, — глухо сказала Джейн.

— Превосходно! — воскликнул Родни, прикрывая зевок двумя изящными пальчиками. — Великолепно!

Джейн передернулась от боли, но положила другой мяч.

— Бью третий, — сказала она.

Любительница Вардона отчеркнула что-то в книге, кивнула и продолжила чтение.

— Моло… — начал Уильям, но резко замолчал. Несчастная девушка вложила в удар мало силы. Мяч полз к воде, он падал, он упал, взметнув хрустальный фонтанчик. Теперь он медленно плыл в нескольких футах от берега. Как близко, сказал бы поэт, и как далеко!

— Бью пятый, — сказала Джейн сквозь зубы.

— Ну, как? — резво осведомился Родни, закуривая сигарету. — Рекорд побит?

— Минуточку… — сказал Уильям Бейтс. — Знаешь, бей его прямо оттуда. Так это, нибликом, хватит четырех ударов, от силы — пяти. Стоит попробовать. Что тут еще сделаешь?

Глаза Джейн сверкнули. Она кинула на Уильяма взгляд, полный благодарности.

— А что, я могу!

— Давай-давай.

— Вон лодка!

— Я сяду на весла, — сказал Уильям.

— Я встану посредине! — крикнула Джейн.

— *А этот,* — продолжил Уильям, указывая на Родни, который прогуливался у подставки, напевая баркаролу, — *этот* может рулить.

— Уильям, — пылко сказала Джейн, — ты просто душечка!

— Ну, — засмущался он.

— Таких больше нет. Родни!

— А?

— Мы садимся в лодку. Вы будете рулить.

Родни это понравилось. Все гольф да гольф… То ли дело мягко скользить по серебристой воде!

— Великолепно! — признал он. — Изумительно! Превосходно!

Он мечтательно откинулся, лениво держа штуртросы. Вот это — занятие для летнего дня! Прикрыв глаза, он замурчал:

— Вздохи, легкие, как смех белокурой нежной феи в сонном озере лесном могут показаться сном, если ветер, тихо вея… Эй! Эй!

В этот самый миг серебристую гладь разбил удар ниблика. Лодка качнулась. На панаму и серые брюки обрушился каскад воды.

— Осторожней! — крикнул Родни, открыл глаза и укоризненно посмотрел на спутников. Те, в свою очередь, смотрели вниз.

— Ах ты, промазала! — сказала Джейн.

— Вон он! — показал Уильям. — Готова? Джейн подняла ниблик.

— Эй! Э-э-эй! — блеял Родни из-под второго каскада. Стряхнув воду с лица, он заметил, что Джейн смотрит на него неприветливо.

— А нельзя, — сказала она, — помолчать, пока я замахиваюсь? Опять промазала! Если не можете сидеть тихо, зачем вы тут нужны? Правда, Уильям?

— Вон он! — сказал Уильям.

— Что, *опять?!* — вскричал Родни. Джейн стиснула зубы.

— Я его выкачу на траву, даже если просижу всю ночь, — сказала она.

Родни взглянул на нее и задрожал. Где тихая, мечтательная девушка, которую он любит? Это менада какая-то. Мокрые пряди по всему лицу, глаза горят, как бешеные…

— Нет, все-таки… — начал он. Джейн топнула ногой.

— Чего вы взбеленились? — чуть не прошипела она. — Уильям, где он?

— Вон там.

— Бью шестой!

— Шестой.

— А-ах!

— А-ах.

Между ними, видимо, царило полное единогласие.

Раздался громкий всплеск.

Женщина на берегу оторвалась от Вардона, услышав дикий крик Родни, и увидела лодку; человека с веслами; еще одного человека, размахивающего руками, и девушку, бьющую по воде нибликом. Увидев это, она удовлетворенно кивнула. Она бы и сама воспользовалась именно

нибликом. Все правильно. Можно читать.

Плюх!

— Бью пятнадцатый! — сказала Джейн.

— Пятнадцатый, — согласился Уильям. Плюх! Плюх! Плюх!

— Бью сорок четвертый!

— Сорок четвертый. Плюх! Плюх! Плюх! Плюх!

— Восемьдесят третий! — вскричала Джейн, отводя волосы от лица.

— Восемьдесят второй, — сказал Уильям.

— А где мяч?

— Вот, плывет.

В лодке поднялся человек-фонтан. Родни ощутил, что с него хватит. Он поднялся, и в этот самый миг Джейн замахнулась изо всех сил. Всплеск превзошел все, что уже было. Лодка перевернулась. Из воды высунулись три головы.

Женщина на берегу подняла взор и снова погрузилась в книгу.

— Все в порядке, — сказал Уильям.

— Сумка! — закричала Джейн. — Сумка с клюшками!

— Утонула, я думаю.

— Родни, — сказала Джейн, — моя сумка где-то на дне. Нырните, поищите ее.

— Она тут близко, — подбодрил Уильям.

Родни выпрямился, что нелегко. Под ногами было скользко, но он выпрямился.

— Какие сумки! — взвыл он, потеряв последний стыд. — Черт с ней! Я ухожу.

Он с трудом побрел к берегу, остановился на фоне летнего неба, постоял и ушел.

Джейн и Уильям удивленно смотрели ему вслед.

— В жизни бы не подумала! — сказала она.

— Нехорошо, — сказал он.

— Такие пустяки!

— Видимо, плохой характер.

— Нет, если всякая мелочь его бесит, за него *нельзя* выходить!

— Конечно, — согласился Уильям. — Он будет разбавлять кошке молоко, а уж с детьми… — Он глубоко вздохнул и ненадолго исчез. — Вот твоя сумка, старушка. Прямо тут и лежала.

— Уильям, — сказала Джейн, — ты самый лучший человек на свете.

— Ты думаешь?

— А я — дура, дура, дура! Выйти за такого…

— Вот что, — начал Уильям, вынимая угря из нагрудного кармана, — ты права, я всегда так думал, но не решался сказать. Вообще-то такой девушке лучше выйти за меня. Гольф, знаешь, то-се…

— Уильям! — вскричала она, извлекая из уха головастика. — Я согласна!

— Глупо жить с человеком, который не играет в гольф.

— Только приду домой, расторгну помолвку!

— И правильно, старушка.

— Уильям!

— Джейн!

Женщина с книгой взглянула вперед, переворачивая страницу, и увидела, что партнерша с кем-то обнимается, стоя в воде. Ну, что ж. Ее дело.

Джейн нежно посмотрела Уильяму в глаза.

— Кажется, — сказала она, — я люблю тебя всю жизнь.

— Я уж точно люблю, — сказал он. — Сколько раз хотел признаться, но что-то мешало.

— Ты ангел, — сказала она. — И душечка. Где мяч?

— Вон он.

— Значит, восемьдесят третий?

— Именно. Гляди на него, и мягче, мягче… Женщина перешла к двадцать пятой главе.

БЕЛЫЕ ФИАЛКИ

Дверь в курилку открылась, и наш энергичный секретарь сбежал на дерн у девятой лунки. В эту минуту резко хлопнула дверь, и Старейшина, дремавший в кресле над сборником «Вудхауз о гольфе», открыл глаза, моргая от яркого света, и заметил секретаря, который что-то искал, словно охотничья собака.

— Вы что-то ищете? — заботливо спросил он.

— Да, книгу, — резко ответил секретарь. — Хотел бы я, чтобы народ был поаккуратней. Вы не видели роман «Человек без глаза»? Я его оставил на каком-то кресле, когда пошел завтракать.

— Вам повезло, — сурово сказал мудрец. — Не доверяю этим выдумкам. Насколько полезней вот такой сборник. Настоящая литература.

Секретарь подошел поближе, и Старейшина с интересом принюхался.

— Что бы это могло?.. А, ясно, они у вас в петлице. Белые фиалки. Да-а… Белые фиалки…

— Девушка подарила, — застенчиво сказал секретарь. — Красиво, а?

Он смотрел вниз, на цветы, не замечая тем самым, что в глазах Старейшины появился мрачный блеск. Если бы он заметил, он бы принял меры, ибо этот блеск предвещал воспоминания.

— Белые фиалки, — мечтательно повторил Старейшина. — Занятное совпадение! Букетик фиалок и модный роман. Это напоминает мне…

Поздно спохватившись, секретарь дернулся, но собеседник неназойливо посадил его в соседнее кресло.

— …историю об Уильяме Бейтсе, Джейн Паккард и Родни Спелвине.

Секретарю полегчало.

— Вот и хорошо, — сказал он. — Вы мне ее вчера рассказывали. Я помню каждое слово. Эта Джейн хотела выйти за поэта, но вовремя одумалась и вышла за Бейтса, который играл в гольф. Ну, просто каждое слово! Бейтс не понимал стихов, но страшно любил Джейн. Удивительно, как все запомнилось! Так что не труди…

— Сейчас, — сказал Старейшина, крепче держа секретаря за рукав, — я собираюсь рассказать вам другую историю об Уильяме Бейтсе, Джейн Паккард и Родни Спелвине.

— Поскольку (сказал Старейшина) вы не забыли моего рассказа, не буду его повторять. Замечу, однако, что временный приступ романтики,

едва не связавший Джейн с человеком, который не только пишет стихи, но и не играет в гольф, прошел без следа. Когда, порвав со Спелвином, она соединила судьбу с Бейтсом, все пошло превосходно. Через два часа после свадьбы молодожены играли в гольф и с легкостью победили, что, несомненно, было добрым знаком. Цвет и сливки селения проводили их потом на станцию, и они отправились по стране, посещая избранные матчи.

Перед отходом поезда я отвел Уильяма в сторонку. И его, и Джейн я знал с детства, а потому всей душой стремился к успеху их союза.

— Уильям, — сказал я, — можно тебя на два слова?

— На одно, — ответил он.

— Ты заметил, — развернул я мысль, — что Джейн склонна к романтике? Вроде и не скажешь, но нет, склонна. Поэтому, как многие жены, она будет придавать значение разным мелочам. От мужа ей нужны не только любовь, не только верность…

— А поскорей нельзя?

— …но и внимание к пустякам. Скажем, она просто взбесится, если забыть дату вашей свадьбы.

— Ну, это ничего. Я запомнил.

— Предосторожности не помешают. Из года в год Джейн будет спрашивать: «Ты не забыл, какой сегодня день?» А ты, ответив: «Вторник», займешься ветчиной, нанося нежному сердцу тяжелую рану.

— А вот и нет, — сказал Уильям. — Я кое-что придумал. Вы знаете, как она любит фиалки?

— Фиалки?

— Особенно белые. Этот гад дарил ей по букету в день. Надо учиться у противников. Я договорился, что их будут присылать на каждую годовщину. Заплатил за пять лет вперед. Забуду — а фиалки-то здесь! Сбоев быть не может. Ну, как?

— Замечательно, — одобрил я. Поезд тут же тронулся, и я с легким сердцем покинул станцию.

Джейн и Уильям вернулись и начали нормальную и счастливую жизнь. Утром они делали один раунд, днем — два, а вечером, в тихих сумерках, вспоминали лучшие удары. Джейн описывала, как ей удалось обойти бункер у пятой, Уильям — как он уклонился у седьмой от пологого склона, потом на них сходило блаженное молчание, знакомое только любящим, и, наконец, Уильям показывал тростью, как он использовал у шестнадцатой тяжелую клюшку. Ничего не скажешь, идиллия.

И все-таки над ними постепенно собиралась туча. Подходила годовщина свадьбы, и Джейн нет-нет, а побаивалась, что Уильям о ней забудет. Совершенный супруг начинает действовать загодя. Примерно за неделю он отрешенно произносит: «Помню, в это время я отдал в чистку старый добрый цилиндр», или «Как раз в этот день прислали брюки в полосочку, и я примерял их перед зеркалом». Однако Уильям этого не говорил. Он не коснулся таких предметов даже накануне вечером, и Джейн спустилась к завтраку не без опаски.

Когда явился Уильям, она разливала кофе. Он взял газету и погрузился в нее, никак не показывая, что «день, ах этот день, он лучше рая».[38]

— Уильям, — сказала жена.

— Да? — отозвался муж.

— У-у-уильям, — повторила она, — какой сегодня день?

— Среда, — ответил он. — Ты что, старушка, забыла? Вчера был вторник. Ну и память у тебя!

И, не отрываясь от газеты, он потянулся к ветчине.

— Да, — вдруг оживился он, — я хочу тебе кое-что сказать. Сердце у нее быстро забилось.

— Сказать?

— Очень важное.

— Важное?

— Насчет сосисок. Красота, а не сосиски. Где ты их купила?

— У Браунлоу.

— Вот у него и покупай.

Джейн вышла в сад. Солнце сияло, но не для нее. Конечно, думала она, Уильям ее любит. Но где поэзия, где романтика? А забыть годовщину свадьбы — это уж Бог знает что!

Лелея подобные мысли, она увидела почтальона и пошла ему навстречу. Он вручил ей два конверта (счета) и загадочный пакетик. Она развернула его и увидела коробку белых фиалок.

Сперва она удивилась. Кто бы их мог прислать? Записки не было. Не обнаружился и адрес цветочного магазина.

— Нет, кто же это? — гадала она и вдруг чуть не подскочила. Родни Спелвин! Он всегда дарил ей белые фиалки. А теперь, в своей поэтической манере, сообщает: «Я не забыл». Все кончено, она с ним порвала, но он — безутешен.

Джейн была прекрасной, любящей женой. Но, кроме того, она была женщиной. Осторожно оглядевшись и никого не заметив, она побежала к себе и поставила фиалки в воду. Вечером, прежде чем заснуть, она

довольно долго на них смотрела. Бедный Родни! Он для нее — ничто, в лучшем случае друг, но было в нем что-то такое, да, было…

Не буду утомлять повторениями, просто скажу, что то же самое случилось еще через год, через два и через три. Седьмого сентября Уильям ни о чем не помнил, чем отличался от поэта с фиалками. Примерно через месяц, когда после пятой годовщины гандикап его снизился до девяти, а Брейду Вардону Бейтсу исполнилось четыре года, вышел роман под названием «Лиловый веер». Родни Спелвин перешел к прозе.

Я видел статьи и анонсы, но они меня не трогали. Судьба с удивительной беспечностью наносит свои удары. Мог ли я знать, какую роль сыграет этот «Веер» в семейной жизни Бейтса?

Решив его не читать, я переоценил свои возможности. Роман оказался заразным, как испанка. В каждой газете была рецензия, не говоря о восхищенных и возмущенных письмах. Духовенство бушевало, а Шестнадцать Честных Матерей требовали запретить подобные опусы. Что ж, пришлось раскошелиться.

Я не ждал от романа радостей, и не дождался. Написан он был в том неодекадентском стиле, который сейчас моден, но даже на этом фоне выделялся особой противностью. Хуже всего была героиня. Если такую женщину встретишь в жизни, только несокрушимое рыцарство помешает ее укокошить. Прочитав книгу, я отдал ее слесарю, благодаря судьбу за то, что Родни Спелвин не имеет отношения к Джейн. О, как я заблуждался!

Как и все женщины в селении, Джейн купила «Лиловый веер» и, когда не читала, прятала под диванный валик. Побуждал ее к этому не общий тон, а смутное чувство, что хорошая жена не будет так наслаждаться творением человека, который был когда-то с ней связан.

Да, в отличие от меня, она книгой наслаждалась. Юлелия Френч, чьи чары меня не затронули, казалась ей вершиной творения.

Прочитав «Веер» шесть раз, она отправилась в город походить по магазинам и встретила автора. Они стояли рядом, ожидая, пока пройдут машины.

— Родни! — выговорила она.

Он растерялся. Они не виделись пять лет, и за это время он общался с несметным множеством прелестных созданий. Это притупляет память. Джейн назвала его по имени, значит — они близко знакомы, но он не помнил ничего.

Другой бы смутился, но Родни Спелвин был неглуп. Он сразу заметил,

что Джейн очень красива, а потому взял ее за руку, расплылся от радости и глубоко заглянул ей в глаза.

— Вы! — проговорил он, играя наверняка. — Моя малютка!

Джейн давно перемахнула через 5 футов 7 дюймов,[39] бицепсы у нее были, как у кузнеца, но определение «малютка» ей понравилось.

— Как странно, что мы встретились… — краснея, сказала она.

— После всех этих лет! — сказал он, несколько рискуя. А вдруг их познакомили позавчера? Вообще-то можно объяснить, что дни тянулись как годы. Современного поэта голыми руками не возьмешь.

— Больше пяти, — тихо вымолвила Джейн. «Где же я был пять лет назад?» — гадал Родни.

Джейн смотрела на мостовую, нервно двигая носком туфли.

— Спасибо за фиалки, — сказала она.

С этим Родни справился быстро.

— Значит, вы их получили? — сказал он. — Замечательно! А я все думал…

— Это так благородно, — продолжала она.

Он растерялся, но тут же пришел в себя и беспечно махнул рукой.

— Ах, о чем говорить!

— Я ведь плохо с вами обошлась. Но это лучше для нас обоих. Вы поняли, правда?

Ага! Так он и знал, что чего-нибудь дождется. Теперь ясно. Ее зовут Джейн, они собирались пожениться. Ну, конечно. Можно и расслабиться.

— Не будем об этом говорить, — сказал он, выражая скорбь. Это нетрудно — сжимаем губы, сдвигаем левую бровь. Он практиковался перед зеркалом, на всякий случай.

— Значит, вы меня не забыли? — спросила она.

— Вас! Забыть! Наступила небольшая пауза.

— Я читала вашу книгу, — сказала Джейн. — Она просто замечательная.

Покраснев, она стала такой красивой, что былые чувства зашевелились.

— Как я этого ждал! — сказал он низким голосом и посмотрел на нее так нежно, что она закачалась. — Я писал для вас.

— Для меня?

— Я думал, вы догадаетесь. Вы же читали посвящение! «Веер» был посвящен «Той, кто поймет». Родни часто поздравлял себя с такой удачной находкой.

— Посвящение?

— «Той, кто поймет», — мягко напомнил он. — Кто же еще, кроме вас?

— О, Родни!

— Разве вы не узнали Юлелию?

— Юлелию?

— Это же вы, — отвечал писатель.

Джейн ехала домой в полном смятении. Встретить Родни Спелвина — уже немало. Узнать, что ты жила в его памяти — нет слов. А если твой образ так ярок, что вдохновил это верное сердце… Она чуть не пропустила станцию и, словно во сне, дошла до дома. Уильям еще не вернулся, это ее обрадовало. Конечно, она любила его, но сейчас ей нужно было провести хотя бы час с «Веером». Про Юлелию она практически знала все, но в этом, новом свете увидит еще что-нибудь. Когда муж пришел, радуясь очередным успехам, она едва успела сунуть книгу под валик.

Ангел-хранитель должен бы предупредить, чтобы Уильям хотя бы привел себя в порядок. Ночью шел дождь, а он, играя в гольф, не думал о внешнем виде. Теперь его приятные черты были покрыты грязью, волосы — полны мокрого песка, о ботинках говорить не стоит. Вообще он был хорош собой, если вам нравятся атлеты, но героиням «Веера» нужно что-то иное. Юлелия жила и действовала на залитых луной террасах или в студиях, едва освещенных восточными светильниками, а окружали ее (если не считать грубияна-мужа) существа с тонкими, одухотворенными лицами.

— Привет! — сказал Уильям. — А вот и ты! Что делала?

— Да так, — проговорила Джейн, — ходила по магазинам.

— Встретила кого-нибудь?

Она заколебалась на секунду и ответила:

— Да. Родни Спелвина.

Уильям не ведал ни ревности, ни подозрений. Он не нахмурился, он не сжал ручку кресла, он просто захохотал, как гиена. Это оскорбило Джейн больше всего.

— Ой, Господи! — заливался Уильям. — Значит, он еще на свободе? Я думал, его давно линчевали. Ай-я-яй, какой недосмотр!

В семейной жизни наступает миг, когда у жены падают с глаз шоры, и она видит, что муж — первостатейный кретин. К счастью, это быстро проходит, иначе бы не осталось браков. Настал этот миг и для Джейн, но никуда не делся. Напротив, ощущение укреплялось и, ложась спать, она думала, что только по глупости ответила священнику: «Да» на

сакраментальный вопрос.

Так начался тот период в жизни этой четы, одно воспоминание о котором даже через много лет могло привести и мужа, и жену к поражению в гольфе. Уильям просто ничего не понимал. Если бы не ее стать, он бы подумал, что она болеет. Она делала самые дикие ошибки, вообще играла плохо, но если бы только это!

— Старушка, — сказал он как-то вечером, — наверное, ты замечаешь, что ты смеешься каким-то… э-э… серебристым смехом. Очень неприятный звук. Последи за собой, ладно?

Джейн не удостоила его ответом. Весь «Веер», с начала до конца, Юлелию хвалили за этот самый смех. Именно он так привлекал тонких, нервных субъектов. Куда это понять ее несуразному мужу! Однако его слова кое на что ее подвинули.

— Уильям, — сказала она, — я буквально задыхаюсь.

— Сейчас открою окно.

— В духовном смысле, — поправила она. — Здесь только играют в гольф и в карты. Нет ни одной художественной натуры. Как же мне выразить себя? Как осуществить высшее начало?

— Тебе это нужно? — растерянно спросил муж.

— А ты как думал?! Мы должны уехать из этой дыры. Снимем студию…

Уильям задумчиво сосал трубку, он терпеть не мог городской жизни. Но если Джейн лучше в городе, о чем говорить!

— Вот продам домик, — сказал он, — и поедем.

— Я не могу ждать. Едем сейчас же.

— Хорошо, — согласился Уильям, — на той неделе.

Беспокоился он не зря, через десять дней городская жизнь уже довела его до ручки. Разместились он в помещении, которое жилищный агент называл «уютной маленькой студией». Состояло оно из комнатки для Джейн, стенного шкафа для Брейда и уголка за японской ширмой для Уильяма. Остальное пространство занимала мастерская с верхним светом, удачно декорированная подушками и самоварами. Там хозяйка принимала тонких, нервных гостей.

Гости Уильяма не радовали. Он не догадывался, что у его жены — салон, и его просто утомляла ватага странных созданий в шарфах вместо галстука. Когда Джейн, сидя на подушке, живо болтала с новыми поэтами и смеялась серебристым смехом, он обычно стоял в углу, куда его загоняла любопытная интеллектуалка.

Кроме прочих неудобств, он заметил, что все это сказывается на гольфе. Вырвавшись на волю из артистической зоны, он был слишком издерган для игры. Сперва он увидел, что хуже владеет короткой клюшкой; потом что-то заело и с тяжелой; а когда наконец оказалось, что мяч легко отходит от подставки только на пятом ударе, он понял, что дело плохо, надо принимать меры.

Хороший историк четко различает глухое недовольство и сам взрыв. Между ними находится так называемая «последняя соломинка». В нашем случае ею оказалась беседа о Родни Спелвине.

Автор «Лилового веера» играл в салоне главную роль. Ходили туда в основном его знакомые, и голос его был решающим. Уильям день за днем прикидывал из угла, как бы схватить его и вышвырнуть вон. Врожденная доброта не позволила бы это сделать, если бы не гольф. Однажды, вернувшись после поражения, он увидел, что студия кишит Родни Спелвином и его приятелями. Почти все они играли на укулеле, а это уже слишком.

Когда последний из них ушел, Уильям предъявил ультиматум.

— Вот что, — сказал он, — этот Спелвин…

— Да-а? — холодно протянула Джейн, предощущая схватку.

— …доведет меня до удара.

— Неуже-ели? — сказала она и засмеялась серебристым смехом.

— Не надо, старушка, — сказал Уильям.

— Какая я тебе «старушка»?

— Тебе же это нравится.

— Как видишь, нет.

— Ах, вон что! — воскликнул он и немного подумал. — Ладно, выбирай. Или ты вышвырнешь его за левое ухо и вызовешь полицию, если он попробует вернуться, или я ухожу.

— Да-а?

— Ухожу, — повторил Уильям. — Я многое могу вынести, но этот торт с кремом — выше человеческих сил.

— Он не торт, — возразила Джейн.

— Торт, — сказал Уильям. — Пойдем в венскую кондитерскую, сама увидишь. Одно лицо.

— Я не стану обижать старого друга из-за каких-то…

— Не станешь?

— Нет.

— Подумай, что ты говоришь.

— Я думаю.

— Тогда, — сказал Умльям, — дело ясное. Я уезжаю. Джейн молча удалилась к себе. Дрожа и кипя, Уильям стал складывать вещи. Вскоре он постучался к жене.

— Джейн!

— Да-а?

— Я складываю вещи.

— Вот ка-ак?

— Где моя запасная клюшка?

— При чем тут я?

Уильям вернулся к вещам. Когда он окончательно сложил их, он снова подошел к ее двери. Сквозь ярость пробился слабый росток угрызений.

— Джейн…

— Да?

— Я сложил вещи.

— Во-от как?

— И уезжаю. Ответа не было.

— У-ез-жа-ю.

Против его намерений, голос звучал не жестко, а жалобно. Из-за двери послышался серебристый смех.

В наше неспокойное время семьи держатся отчасти тем, что ярость недолговечна. Вырвавшись из салонной атмосферы, Уильям всем своим существом предался гольфу, исцеляя тем самым душу. Каждый день он одолевал пятьдесят четыре лунки, а каждую ночь курил в постели, с удовольствием вспоминая прошедшие двенадцать часов. Он был доволен собой и своей жизнью.

Но постепенно, понемногу настроение менялось. Чудесное чувство свободы не заполняло всей души.

На десятый день утром он понял, что что-то не так. Выйдя на площадку в прекрасной форме, он начал игру великолепно. Мяч просто и прямо направился в дальнюю лунку, и Уильям, забывшись, на радостях крикнул:

— Ну как, старушка?

И тут же заметил, что с ним никого нет. В миг озарения он понял, что гольф — еще не все. Что пользы человеку, если он сделает мастерский удар, когда рядом нет любящей жены, торжествующей вместе с ним? Ему стало не по себе. Он знал, что это пройдет — но и вернется.

Вернулось это под вечер. Вернулось наутро. Словом, возвращалось, как нанятое. Он делал, что мог, дошел до шестидесяти трех лунок, но толку не было. Ему бы очень подошла надпись в кадре: «Пришел день, когда

Угрызения впились, словно аспиды, в Роланда Спенлоу». По-видимому, он был самым крупным дураком из тех, кто имел и утратил, включая Адама.

На пятнадцатый день пошел дождь.

Нет, не думайте, он был не из тех, кто играет только в хорошую погоду, но дождь превзошел себя. Уильям бродил по дому в тоске, даже пытался развлечься, загоняя мяч клюшкой в пластмассовый стакан, но тут пришла почта.

Письмо было одно, от Джукса, Эндерби и Миллера, «Цветы и растения». Фирма хотела узнать, собирается ли он продлить договор. Если да, они охотно и так далее.

Уильям тупо смотрел на листок. Сперва ему показалось, что Джукс, Эндерби и Миллер вместе сошли с ума. Какие растения? В жизни ему никто не посылал…

И тут он ахнул. Посылали, и не ему, а ей! Письмо поплыло перед глазами. Нежность накатила волной. Он мигом забыл все — город, салон, даже серебристый смех. Он утер скупую (мужскую) слезу, схватил шляпу и плащ и побежал на станцию.

Когда он садился в поезд, Джейн рассеянно смотрела на то, как маленький Брайд Вардон возится на полу. Ей было не по себе. Сперва она сваливала это на дождь, но сейчас начала догадываться, что дело глубже. Как ни трудно это признать, она тосковала по мужу. С тех пор как он уехал, чары новой жизни рассеивались, блеск нервных друзей заметно угас. Вообще-то, если им не поклоняться, они могут довести. Курят, болтают… И Родни — отнюдь не из лучших. Она чуть не в отчаянии вспомнила, что сегодня пригласила его к чаю и купила печенье с тмином. Меньше всего на свете ей хотелось видеть, как он ест.

Она зашла далеко в своих размышлениях, как вдруг заметила, что Брейд Вардон играет в углу чем-то непонятным.

— Что это у тебя? — спросила она.

— Одна штука, — ответил немногословный ребенок, продолжая свои действия.

Джейн встала и пошла посмотреть, покаянно думая о том, что совсем его забросила.

— Давай поиграем вместе, — предложила она. — Это что, поезд?

— Это гольф, — отвечал он.

Джейн вскрикнула. Дитя держало ту самую запасную клюшку. Значит, он ее так и не нашел! Со дня отъезда она лежала за креслом или за

диваном.

Сперва Джейн стало еще горше. Сколько раз видела она, как Уильям действует этой клюшкой! Глаза ее наполнились слезами, словно она нашла его руку. Но чувства эти перебил искренний ужас. Она помрачнела, надеясь, что ее обманывает зрение. Но нет! *Сын держал клюшку неправильно.*

— Брейд! — закричала она.

Стыд ее достиг апогея. Хорошая, заботливая мать учила бы ребенка без устали всем приемам и премудростям гольфа. А она, помня лишь о себе, принесла его в жертву тщеславию. Он держит клюшку как лопату! Он размахивает ею, как эти неучи, которых только жара выгонит к прибрежным площадкам!

Она задрожала до самых недр души. Перед ее внутренним взором предстал взрослый сын, говорящий: «Если бы ты учила меня жизни, я бы не плелся в хвосте с гандикапом 120, и то в тихую погоду».

Выхватив клюшку, она пронзительно закричала. И в этот миг пришел Родни Спелвин.

— Малышка! — весело воскликнул он, но не продолжал. Взгляд его стал озабоченным.

— Вы не больны? — спросил он.

Она собрала последние силы и отвечала:

— Ну, что вы! Ха-ха!

Однако смотрела она так, как смотрят на гусеницу в салате. Если бы не он, думала она, они бы сидели с Уильямом в их уютном домике. Если бы не он, ее единственный сын не позорил бы себя на глазах у профессионала. Если бы не он…

— До свиданья, — сказала она. — Спасибо, что заглянули. Родни очень удивился. Если его пригласили к чаю, где же чай? И как-то это все коротко…

— Вы хотите, чтобы я ушел? — проверил он.

— Да, да, да!

Родни печально взглянул на столик. Ланч был сегодня легкий, печенье притягивало. Но ничего не поделаешь.

— До свиданья, — сказал он. — Спасибо за прекрасный прием.

— Не за что, не за что, — машинально ответила она.

Дверь закрылась, Джейн вернулась к своим мыслям. Но ненадолго. Через несколько минут заскочила мужеподобная кубистка со второго этажа.

— Как дела, Бейтс? — спросила она.

— Привет, Осбалдистон.

— Сигаретки нету? Все скурила.

— Вроде бы я тоже.

— Жаль-жаль. Ничего, выйду под дождь. Надо было Спелвина послать, я его встретила.

— Да, он заходил. Осбалдистон сердечно засмеялась.

— Вообще-то он ничего, — сказала она, — только очень склизкий.

— Да? — рассеянно откликнулась Джейн.

— Он тебе говорил, что Юлелия — это ты?

— Говорил, — призналась Джейн.

Гостья захохотала так, что отозвались самовары.

— Ну, хоть бы кого пропустил!

— Что?

— Как встретит, так и чешет. Мне, и то сказал, представляешь? Ладно, многим нравится. Так нет закурить? А кокаинчику? Тоже нет? Все, я пошла. Пип-пип.

— Тудл-ду, — отвечала Джейн, плохо соображая. Потом подошла к столу и взяла печенье. Сын подскочил к ней, требуя своей порции. Она ему не отказала. Погубила ребенку жизнь — плати хоть так! Она сделала ему бутерброд с джемом. Как это все бессмысленно, как пусто…

— Брейд! — вдруг вскричала она.

— А?

— Иди сюда.

— Зачем?

— Я тебя научу держать клюшку.

— А чего это?

Она чуть не задохнулась. В четыре года не знает, что такое клюшка!

— Вот это.

— А почему?

— Такое название.

— Чие?

— Ее. Клюшки.

— А зачем?

Беседа становилась слишком глубокой. Джейн взяла клюшку и правильно вложила ему в руку.

— Вот, смотри, дорогой, — сказала она. — Смотри, что я делаю. Пальчики кладем сюда…

— Прости, старушка, — сказал голос, которого так долго не было в ее жизни, — правую руку надо бы поближе. А то придется делать боковой

удар.

В дверях стоял большой и мокрый Уильям.

— Уильям! — задохнулась она.

— Привет, — сказал он. — Привет, Бредди. Вот подумал, зайду…

Повисла пауза.

— Погода плохая, — прибавил он.

— Да, — согласилась она.

— Льет, как не знаю что.

— Да.

Они опять помолчали.

— Кстати, старушка, — сказал Уильям, — то-то я думаю, что хотел спросить. Помнишь эти фиалки?

— Фиалки?

— Белые. Ну, я их тебе посылал на годовщину свадьбы. Я понимаю, мы разошлись, но можно я буду их посылать? Тебе — удовольствие, и мне приятно. В общем, такое дело.

Джейн чуть не свалила столик.

— Это ты посылал фиалки?!

— А кто ж еще?

— Уильям! — крикнула она и кинулась в его объятия.

Он ее охотно принял. Собственно, он давно об этом мечтал. Нельзя — так нельзя, но если у нее такие чувства, он ничего против не имеет.

— Уильям, — сказала она, — ты можешь меня простить?

— А то! — отвечал он. — Да и прощать нечего.

— Мы вернемся домой.

— Замечательно!

— И больше не уедем.

— Прекрасно!

— Я тебя люблю больше жизни.

— Молодец, старушка!

Джейн посмотрела на сына сияющим взглядом.

— Брейд, мы едем домой.

— Куда?

— Домой. В наш домик.

— А что это — домик?

— Место, где мы раньше жили.

— А потом?

— Потом мы жили здесь.

— А чего это «здесь»?

— Вот это.

— А почему?

— Вот что, старушка, — сказал Уильям, — набрось на него чехол для клетки и свари мне пять пинт чаю. Покрепче и погорячей. А то я совсем мокрый.

ОЧИЩЕНИЕ РОДНИ СПЕЛВИНА

Так и тянет сказать, что природа улыбалась. Воздух был прохладен и свеж; площадки, омытые весенним дождем, сверкали в солнечном свете; а у второй подставки Клиффорд Уимпл в новых штанах для гольфа собирался утопить третий мяч. Словом, все дышало тихим счастьем.

Однако Старейшина, сидевший под дубом над девятой лункой, был не так благодушен, как всегда. Кресло, отданное ему неписаным законом, занял другой. Да, свобода, чуть зазеваешься, переходит во вседозволенность.

Старейшина кашлянул.

— По-видимому, — сказал он, — вам удобно в этом кресле?

Секретарь клуба, до сей поры — безупречный, тупо на него взглянул.

— Простите?

— Я говорю, это кресло подходит к вашей фигуре?

— Кресло? К фигуре? Ах, кресло! Да-да.

— Счастлив слышать. Они помолчали.

— Скажите, пожалуйста, — спросил секретарь, — что бы вы стали делать на моем месте? Как вам известно, я женюсь…

— Что же вы мучаете барышню? Она вас где-нибудь ждет. Пойдите, поищите.

— Она — лучшая девушка в мире.

— Ну, тем более.

— Но ревнивая. Сейчас я был в кабинете, а эта мисс Петтигрю зашла поискать кошелек. Его как раз ко мне принесли, я ей его дал, и она в такой это девической манере поцеловала меня в залысину. Тут вошла Адель. Смерть, — воскликнул он, — где твое жало?

Старейшина смягчился, он был добрый.

— Ай-я-я-яй! Что же вы сказали?

— Ничего, она выскочила. Старейшина пощелкал языком.

— Такие недоразумения, — сказал он, — чрезвычайно распространены. Я бы мог привести не менее пятидесяти примеров. Выберу-ка историю о Джейн Паккард, Уильяме Бейтсе и Родни Спелвине.

— Вы вчера ее рассказывали. Джейн собиралась выйти за Родни, но одумалась и вышла за Бейтса, который играл в гольф.

— Я имею в виду другой случай.

— И его я знаю. Джейн снова поддалась чарам Родни, но опять же

одумалась.

— Нет-нет. Не этот. Всего их три. Секретарь закрыл лицо руками.

— Что ж, — проговорил он, — я слушаю. Не все ли теперь равно?

— Прежде всего, — сказал Старейшина, — устроимся поудобнее. Садитесь сюда. Это кресло легче.

— Спасибо, не стоит.

— Садитесь.

— Ну, хорошо.

— У-уф! — произнес Старейшина, принимая любимую позу. Он благодушно посмотрел, как Клиффорд бьет четвертый удар. Когда серебристые капли сверкнули в солнечном свете, он одобрительно кивнул и приступил к рассказу.

— История, которую я собираюсь поведать (сказал Старейшина) начинается, когда Джейн и Уильям были женаты семь лет. У Джейн гандикап достиг одиннадцати, у мужа ее — двенадцати, а маленький Брейд Вардон только что отметил шестой день рождения.

После тех страшных времен, когда охмуренная чарами Родни Джейн сняла студию в артистическом квартале, бросила гольф и, в сущности, училась играть на укулеле, после этих времен она всячески стремилась быть идеальной матерью. Чтобы предоставить сыну самое лучшее, она пригласила Энестейзию, младшую сестру Уильяма, поскольку та достигла полуфинала в открытом чемпионате и, в отличие от многих игроков, обладала педагогическим талантом.

В тот вечер, с которого начинается рассказ, Джейн и Энестейзия сидели в гостиной. Они пили чай, и теперь гостья при помощи ложечки, сахара и крошек от печенья показывала, как выбралась из зарослей по пути к пятой лунке.

— Ты просто чудо! — воскликнула Джейн. — Как это важно для Брейда! Завтра ты будешь с ним заниматься?

— Буду, но утром, — сказала гостья. — Днем я должна поехать в город, встретиться с одним человеком.

Взор ее стал таким мечтательным и туманным, что Джейн заволновалась. Как мы знаем, ее влекло к романтике.

— Кто он? — спросила она.

— Один знакомый.

И она вздохнула так, что Джейн не смогла сдержаться.

— Ты его любишь?

— Ужасно, — прошептала Энестейзия.

— А он?

— Не знаю… Может быть…

— Как его зовут?

— Родни Спелвин.

— Что!

— Да, конечно, он пишет всякую чушь, — сказала гостья, — но он такой замечательный!

Джейн лишилась дара речи. Она знала, что невестка может забросить мяч в соседнее графство, но что-то в ней было хрупкое, что-то беспомощное. Девушек типа «розовый лепесток» хорошим мужчинам хочется защитить, а плохим — погубить. Вспомнив, что Родни едва не погубил ее (5 футов 7 дюймов), которая, если бы не любовь к животным, убила бы одним ударом быка, ей стало страшно.

— Ты его действительно любишь?

— Он мне дороже медали, — ответила невестка.

Джейн поняла, что говорить не о чем. Но надо что-то сделать! Что же? Рассказать про свой позор? Это могло бы помочь, но она не смела. И вдруг сама судьба указала ей путь.

Два раза в неделю она ходила в местное кино. Название «Переплавлены в горниле» могло прикрывать повесть о чем-нибудь таком, техническом, но с первых же кадров Джейн подалась вперед, не сунув в рот леденец.

Выйдя из кино, она весьма туманно помнила содержание, кроме одной сцены: Глория Гуч приходит во тьме домой к распутнику и умоляет пощадить ее сестру, попавшую в его тенета.

Теперь все было ясно. Она идет к Родни и заклинает памятью их любви пощадить Энестейзию. Это не так легко. У Глории муж — ученый, вечно сидит в библиотеке, а Уильям играет с ней в гольф и утром, и вечером. Однако судьба не подвела. Вскоре за завтраком он сказал, что должен съездить в город.

— Поедем вместе, а?

— Я не могу.

— А что? Закусим где-нибудь.

— Нет, мне надо потренироваться.

— Ладно. Постараюсь успеть к вечернему раунду. Снедаемая угрызениями, она поцеловала его еще нежней, чем обычно, и махала, пока он не исчез из вида. Потом кинулась в дом, прыгнула к телефону и, попав на обойную фабрику Маркса и Морриса, в приют для бездомных кошек, а также к Оксу, Оксу и Пэдбери, «Галантерея», соединилась, наконец, с

Родни Спелвином.

— Родни? — сказала она, боясь услышать: «Какой вам номер?», — Родни, это вы?

— Да. Кто говорит?

— Миссис Бейтс. Вы не можете прийти в «Алькасар» примерно к часу?

— Могу ли я! — воскликнул он. — Еще бы!

— Значит, в час, — повторила она. Ей стало легче. Если простой разговор вызывает такие чувства, будет нетрудно с ним управиться.

— В час, — со значением сказал он.

Джейн повесила трубку и пошла примерять шляпы.

Войдя в ресторан и увидев Родни, Джейн подумала, что он — какой-то другой. Глубже, что ли, умнее, как будто что-то пережил.

— Вот и я, — сказала она с поддельной живостью.

Он посмотрел на нее тем самым взглядом, который означает: «Кто же это, Господи?»

— Как живете? — спросил он. — Выглядите блестяще.

— И вы хорошо выглядите, — сказала Джейн.

— А вы! Нет слов.

— Вы тоже… — она запнулась, и они помолчали.

— Простите, что смотрю на часы, — сказал Родни, — я должен встретиться с… э-э…

— Со мной, — сказала Джейн.

— С вами?

— Да. Я вам сегодня звонила.

— Вы же сказали «Мисс Бейтс»!

— Нет, *миссис* Бейтс.

— Миссис!

— Миссис.

— Ну, конечно. Вы — миссис Бейтс.

— Вы меня забыли?

— Вас! Ну, что вы! Что ж, пойдемте в зал?

— С удовольствием.

Ей было не по себе. Да, он ее забыл. Разговор предстоит трудный. Какая там память любви! Заклинать ею можно только в том случае, если она есть у собеседника.

В общем, с начала и до конца, они говорили о погоде. Беседа отличалась редкой невинностью, но Уильям Бейтс, завидев эту пару в

проходе, подскочил, словно в него ударила молния. Ко времени ланча он оказался рядом, зашел съесть бифштекс, и вот, пожалуйста!

Как я уже говорил, Уильям был тихим, мирным человеком. Внешне он напоминал грузовик и разделял с этим средством передвижения благодушный, даже незлобивый взгляд на жизнь. Мало что могло вывести его из себя, быть может — только Родни Спелвин. Кто чуть не увел Джейн, когда она была мисс Паккард? Кто заманил ее в эту треклятую «среду»? И вот, опять… Нет, это уж слишком! Уильям заскрежетал зубами с такой силой, что человек за соседним столиком попросил официанта выключить вентилятор, очень уж трещит.

Когда Уильям вернулся домой, Джейн читала в гостиной.

— Не скучала? — спросил он.

— Да нет.

— Играла в гольф?

— Так, немножко.

— В клуб заходила?

— Ненадолго.

— Знаешь, я, кажется, видел этого Спелвина. Джейн задумалась.

— Спелвина? А, Родни! Я слышала, он выпустил новую книгу.

— Ты с ним давно не встречалась?

— Года два.

— Да? Ну, я пошел наверх.

Джейн послышался странный звук, и она подумала, что Брейд, вместо того, чтобы спать, играет костями от маджонга. На самом деле Уильям скрежетал зубами.

Что может быть печальней, чем отдаление мужа и жены с одинаковым гандикапом? Бессердечно рассказывать о таких вещах, и я только замечу, что атмосфера в доме изменилась. Во вторник Уильям уклонился от утренней игры под тем предлогом, что обещал матч Питеру Уиларду, и Джейн сказала: «Как жаль!» Вечером в тот же день у него болела голова, и Джейн сказала: «Ах, Господи!» В среду был приступ люмбаго, и Джейн сказала «Да-а?» После этого само собой решилось, что играть они не будут.

Мало того, они избегали друг друга. Джейн сидела в гостиной, Уильям уходил к себе. Еще бы икону, портрет Троцкого, и можете считать, что вы в русском романе.

Как-то вечером, примерно через неделю после начала этих печальных

событий, Джейн пыталась читать книгу о гольфе, но буквы сливались, а содержание было слишком глубоким. Она положила книгу и уставилась в пространство.

Конечно, думала она, лучше пойти и все ему рассказать. Но что тогда будет? Он сочтет своим долгом предупредить сестру, а она ощущала, что тон и слова будут не мягче, чем у рядового, который высказывает свое мнение о сержанте. Нежная и влюбленная девушка немедленно уедет. Кто же научит Брейди правильно держать клюшку? За две недели эта истинная звезда помогла ему больше, чем все игроки за два года. Нет, уезжать ей нельзя ни в коем случае!

Отсюда вытекает, что надо пожертвовать счастьем мужа ради будущности сына, а это нелегко.

Она думала и гадала, когда пришла вечерняя почта и горничная принесла письма в гостиную. Три были для Уильяма, она отослала их к нему; два для нее (счета); а одно — для Энестейзии. Адрес был написан неразборчивым почерком.

Джейн положила его и стала на него смотреть, как кошка на канарейку. Энестейзия уехала в гости на весь день. Женский инстинкт побуждал подержать конверт над паром, а потом написать «Поврежд. по ошибке», но тут зазвонил телефон, словно голос совести.

— Алло! — сказала Джейн

— Алло, — ответил голос. Джейн закудахтала, как курица со слабыми нервами. Говорил Родни.

— Это вы? — спросил он.

— Я, — сказала она, прибавив в уме, что это правда.

— Ваш голос — как музыка, — продолжил он; к счастью, все женские голоса по телефону одинаковы. — Вы получили мое письмо?

— Нет… То есть… А что вы пишете?

— Я прошу вас прийти ко мне завтра, в четыре.

— К вам?

— Да. Я все приготовил. Слуги уйдут, мы будем одни. Вы придете?

— Приду, — отвечала Джейн, взяв себя в руки.

Она говорила мягко, но в голосе таилась угроза. Придет, как не прийти! Часто думала она о том, что именно сделала бы Глория Гуч. Что ж, ответ ясен. Если бы ее сестра пошла к распутнику, она отправилась бы туда же, чтобы спасти заблудшее дитя.

— Приду, — повторила она.

— Спасибо, спасибо! Я вас встречу на углу. Что это трещит?

— Не знаю. Да, трещит. Ну, до завтра.

— До завтра.

Джейн положила трубку. Положил ее и Уильям.

Энестейзия вернулась поздно, прочитала письмо и ничего не сказала. Наутро, за столом, она заметила вскользь, что ей нужно в город.

— К портнихе, — пояснила она.

— И мне, — сказала Джейн. — К зубному врачу.

— И мне, — добавил Уильям. — К юристу.

— Очень приятно, — сказала Энестейзия, выдержав небольшую паузу.

— Да, ужасно мило, — сказала Джейн, тоже ее выдержав.

— Зайдем в кафе, — продолжала Э. — Мне только к четырем.

— С удовольствием! — поддержала Д. — Мне тоже!

— И мне, — прибавил Уильям.

— Какое совпадение! — обрадовалась Джейн.

— Да, — сказал Уильям. Он хотел бы говорить радостно, но как-то не вышло. Джейн была слишком молода, чтобы видеть Сальвини в «Отелло», в то бы ее поразило исключительное сходство с небезызвестной сценой.

— Значит, пойдем в кафе? — не унималась Энестейзия.

— Я поем в клубе, — буркнул Уильям.

— Что-то ты не в духе, — заметила сестра.

— Я? — удивился он. — Смешно!

И он с трагической силой воткнул вилку в бекон.

Джейн и Энестейзия скромно поели в кафе. Джейн заказала сандвич с салатом, два миндальных пирожных, два зефира и какао; Энестейзия — фаршированные помидоры, пикули, ломтик ананаса, малиновый пломбир с орехами и шоколад. Болтали они обо всем, кроме главного. Когда Энестейзия встала, упомянув портниху, Джейн содрогнулась от ужаса — до чего же современная девушка может дойти?

Еще не было трех, надо было занять целый час. Она побродила по улицам, с удивлением замечая, что время не движется, а у прохожих — злые, подозрительные лица. Каждый второй смотрел на нее так, словно все знает.

Стихии от них не отставали. Небо стало грязно-серым, где-то ворчал гром, словно нетерпеливый участник смешанной игры, которому мешают отойти от подставки. Наконец она оказалась у нужного дома и едва не взломала окно перочинным ножиком, выигранным в давнюю, счастливую пору на матче для тех, у кого гандикап больше восемнадцати.

Но порыв быстро кончился. Вернулись муки совести. О, если бы

Уильям знал! Она стояла и стояла, пока не поймала взгляд кошки, сидевшей неподалеку, и не прочитала в нем беспредельное презрение. Несомненно, эта кошка знала жизнь, но все же ошиблась в своих расчетах. Джейн вздрогнула, дернула окно и в него влезла.

Она не была здесь два года, но, выйдя в холл, быстро вспомнила, что где, и поднялась в гостиную. Как-никак, там прошла немалая часть богемного периода. Несомненно, этот негодяй приведет жертву именно сюда.

Гостиная была точно такая, какой должна быть у Родни. Окна закрывали тяжелые гардины. С одной стороны стоял большой диван. В дальнем углу был альков, прикрытый теми же гардинами. Когда-то ей все это нравилось, но сейчас она содрогнулась. Как сообщали в титрах «Переплавленных», именно в таких местах вызревают яйца зла. Джейн беспокойно ступила на пушистый ковер и вдруг услышала шаги.

Она окаменела. Миг настал. Немного утешало то, что родни — не из корпулентных распутников, о которых пишет Этель М. Делл. Да, он яйцо зла, но не крупное. При ее габаритах физически бояться нечего.

Ручка повернулась. Дверь открылась. Вошел Уильям Бейтс с двумя субъектами.

— Та-ак, — сказал он.

Губы у Джейн приоткрылись, но она промолчала. Уильям, сложив руки на груди, смотрел на нее.

— Та-ак, — повторил он, и слово это напоминало каплю серной кислоты. — Я вижу, ты здесь.

— К-к-как… — начала она.

— Прошу прощения?

— К-к-к-как…

— Яснее, пожалуйста.

— К-как ты сюда попал? К-к-кто это такие? Уильям указал на них рукой.

— Прошу. Мистер Реджинальд Браун и мистер Сирил Деленси, сыщики. Моя жена.

Гости приподняли котелки, слегка склонив голову.

— Рад познакомиться, — сказал один.

— Очень приятно, — сказал другой.

— Когда я узнал об этих… делах, я обратился в агентство. Мне дали лучших.

Мистер Браун слегка покраснел. Мистер Деленси сказал: «Ну, что вы…»

— Я знал, что ты придешь в четыре, — сказал Уильям. — Слышал по телефону.
— О, Уильям!
— Где этот гад?
— Ну-ну! — сказал мистер Деленси.
— Спокойней, спокойней, — сказал мистер Браун.
— Где твой сообщник? Я разорву его на куски и затолкаю их ему в глотку.
— Неплохо, — сказал мистер Браун.
— Весьма, — уточнил Деленси.
Джейн вскрикнула.
— Уильям, — проговорила она, — я все объясню.
— Все? — удивился Деленси.
— Все? — поддержал Браун.
— Все, — ответила Джейн.
— То есть все? — спросил Уильям.
— Да, — сказала Джейн. Уильям громко засмеялся.
— Не верю, — сказал он.
— Объясню, объясню.
— Ну, попробуй.
— Я пришла, чтобы спасти Энестейзию.
— Энестейзию?
— Энестейзию.
— Мою сестру?
— Твою сестру.
— Его сестру Энестейзию, — тихо сообщил мистер Браун мистеру Деленси.
— От чего?
— От Родни Спелвина. Неужели ты не понимаешь?
— Конечно, нет.
— И мне не совсем ясно… — вставил мистер Деленси. — А вам, Реджи?
— Чепуха какая-то, Сирил, — сказал его соратник, снимая котелок и читая фамилию шляпника.
— Она в него влюблена!
— В Спелвина?
— Да. И придет в четыре.
— У-гум, — сказал Браун, записывая что-то в блокнот.
— М-да… — согласился Деленси.

— Он же уславливался с тобой, — сказал Уильям.

— Он меня принял за нее. А я пришла ее спасти. Уильям молчал и думал несколько минут.

— Ну, хорошо, — сказал он наконец, — все это очень убедительно, но есть одна странность. Где моя сестра?

— Сейчас придет, — сказала Джейн. — Т-с-с-с!

— Т-с-с! — прошипели сыщики.

Все прислушались. Хлопнула входная дверь, на лестнице раздались шаги.

— Прячьтесь! — сказала Джейн.

— Зачем? — спросил Уильям.

— Чтобы подслушать, а потом выскочить.

— Резонно, — одобрил Деленси.

— Весьма, — поддержал Браун.

Детективы спрятались в алькове, Уильям — у окна, за гардиной, Джейн нырнула под диван. Через мгновение открылась дверь.

Скрючившись, Джейн ничего не видела, зато слышала, и с каждым слогом ужас ее возрастал.

— Пойдем наверх, — сказал Родни.

Джейн задрожала. Гардины заколыхались. Из алькова донесся звук, означавший, что детективы что-то записывают. После некоторой паузы Энестейзия вскрикнула:

— Нет, *нет!* Умоляю вас!

— А что? — спросил Родни.

— Так *нельзя*.

— Почему?

— Потому. Нельзя. Ой, Господи, не так крепко!

Из-за гардины выскочил Уильям. Джейн высунула голову. Сыщики покинули альков, держа карандаши. А посреди комнаты стоял Родни, сжимая женский зонтик.

— Никак не пойму, — говорил он, — а как же его держать? Тут он заметил посетителей.

— А, Бейтс! — рассеяно сказал он и повернулся к Энестейзии. — Я думал, чем крепче, тем лучше.

— Неужели неясно? — сокрушалась гостья. — Если вы вцепитесь в нее, как в соломинку, удар будет очень сильный. Мяч попадет в заросли или улетит с поля. Зачем вам сила, глупый вы человек, если он летит не туда?

— Понял, — смиренно произнес Родни. — Вы всегда правы.

— Вот что, — сказал Уильям. — Что все это значит?

— Держать надо крепко, но *легко*, — сказала Энестейзия.

— …легко, — покорно повторил Родни.

— Что — это — значит?!

— И пальцами, не ладонью.

— Что-это-значит?! Что ты здесь делаешь?

— Даю урок. Не мешай, пожалуйста.

— Да-да, — не без раздражения сказал Родни. — Не мешайте, Бейтс. Есть же у вас дела.

— Мы идем наверх, — сказала Энестейзия. — Там нам никто не помешает.

— Нет, — сказал Уильям, — не идете.

— Родни все приготовил, — объяснила сестра. — Вроде спортивного зала.

— Бедняжка! — вскрикнула Джейн. — Этот негодяй тебя обманывает! Он не играет в гольф.

Мистер Браун кашлянул и переступил с ноги на ногу.

— Кстати, о гольфе, — сказал он. — Тут со мной случилась интересная штука. Мяч пошел хорошо… ничего особенного, конечно, но неплохо, неплохо. Как же я удивился, когда…

— А я во вторник, — перебил его мистер Деленси, — чуть-чуть сильней замахнулся, тут кэдди говорит: «Мяч выбит с поля». Я говорю: «Нет, не выбит», он опять свое: «Выбит». Словом, верьте — не верьте, когда я подошел к мячу…

— Тихо! — сказал Уильям.

— Как вам угодно, сэр, — отвечал вежливый Деленси.

Джейн поневоле ощутила, как благородно и романтично выглядит Родни. Он был бледен, но тверд.

— Вы правы, — сказал он, — в гольф я не играю. Однако смиренно надеюсь, что эта замечательная девушка сумеет меня научить. Ах, я знаю, что вы спросите! — Он поднял руку. — Вы спросите, как смеет человек, загубивший свою жизнь, лелеять такую мечту. Но не забывайте, — голос его дрогнул, — что Уолтеру Тревису было под сорок, когда он коснулся клюшки, а через несколько лет он выиграл любительский матч всей Англии.

— Это верно, — сказал Уильям.

— Да-да, — сказали сыщики, почтительно приподнимая котелки.

— Мне тридцать три года, — продолжал Родни. — Четырнадцать лет

я писал стихи и сомнительные романы. Над божественной игрой я смеялся, если вообще о ней думал. Но летом я увидел свет.

— Аллилуйя! — хором вскричали сыщики.

— Однажды меня уговорили попробовать. Презрительно усмехаясь, я взял клюшку, — глаза его сверкнули, — и великолепно сыграл! Двести ярдов по прямой. Стою, смотрю, и что-то меня укусило. Это была страсть к гольфу.

— Так всегда бывает, — вставил мистер Браун. — Помню мой первый удар. Я…

— А у меня, не поверите… — подхватил мистер Деленси.

— С этой минуты, — продолжал Родни, — я захотел только одного. Но ничего не получалось. После того удара…

Он замолчал. Уильям смущенно закашлялся.

— Хорошо, — сказал он, — но почему моя сестра пришла в это, простите, логово?

— Очень просто, — отвечал Родни. — Только она одна может все ясно и умно объяснить. Таких девушек больше нет, ни единой. Я обошел всех профессионалов, и никто не помог мне. Им не понять артистической души. Ты для них — какой-то полудурок. Они щелкают языком. Они говорят: «Ай-я-яй!» Словом, я не мог выдержать. И тут эта божественная девушка предложила давать мне уроки. Мы пробовали заниматься в клубах, но все так неприязненно смотрят… И мы решили перейти сюда, чтобы спокойно работать.

Уильям заговорил не сразу. Он медленно мыслил.

— Вот что, — сказал он, — слушайте внимательно. Я задам очень важный вопрос. Вы готовы жениться на моей сестре?

— Жениться? — чуть не в ужасе воскликнул Родни. — Да я недостоин коснуться ее клюшки! У меня гандикап больше тридцати, а *она* вышла в полуфинал открытого чемпионата. Нет, Бейтс, я пишу белые стихи, но все-таки не утратил совесть. Конечно, я люблю вашу сестру. Я ее так люблю, что у меня бывает бессонница. Но я не посмею просить ее руки.

Энестейзия весело засмеялась.

— Нет, какой кретин! — сказала она. — Значит, вот в чем дело? А я-то гадала… Да я люблю вас! Мы сейчас же поженимся.

Родни покачнулся.

— Не может быть!

— Может-может.

— Энестейзия!

— Родни!

Он сжал ее в объятиях.

— Бог знает что! — сказал Уильям. — Столько шума… Прости меня, Джейн.

— Я сама виновата.

— Нет-нет!

— Да-да!

— Джейн!

— Уильям!

Он сжал ее в объятиях. Сыщики, записав, что надо, посмотрели друг на друга мокрыми глазами.

— Сирил!

— Реджи!

И они пожали друг другу руки.

— Словом, — закончил Старейшина, — все завершилось хорошо. Гости на свадьбе восхищались полным набором для гольфа, включая двенадцать новых мячей, кепку и ботинки с шипами. То был подарок Джейн и Уильяма.

Родни и Энестейзия сняли домик рядом с Бейтсами. У этой четы гандикап — по десять, у Родни — восемнадцать, Энестейзия обходится без него. Для матча лучше не придумаешь.

— Чего не придумаешь?

— Вот этого.

— А именно?

— Я вижу, — сказал Старейшина, — что заботы отвлекли вас от моего повествования. Ничего, я расскажу еще раз.

История, которую вы сейчас узнаете, — сказал Старейшина, — началась, когда…

О ПЛАВАЮЩИХ, ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ, ГОЛЬФИРУЮЩИХ, ПЛЕНЕННЫХ…

Молодой человек со свежим честным лицом отвернулся от окна, в которое смотрел на лужайку для гольфа.

— Погода хорошая… — сказал он.

Старейшина встряхнулся и посмотрел на него, довольный тем, что младшее поколение само, по собственной воле, хочет с ним побеседовать. Последнее время оно норовило проскочить мимо, что-то бормоча.

— Да, — согласился он. — Насколько я понял, вы недавно в клубе?

— Только что вступил. Прекрасный клуб.

— Лучше некуда.

— А как кормят!

— Превосходно.

— Секретарь говорит, одно плохо — какой-то старый зануда только и ждет, чтобы рассказать историю.

Старейшина задумался.

— Не знаю, кого он имел в виду, — наконец сказал он. — Никого такого не припомню. Кстати, об историях, могу вам одну рассказать. О Джоне Гуче, Фредерике Пилчере, Сидни Макмердо и Эгнес Флек.

Новичок беззвучно охнул. Честное лицо померкло, он украдкой посмотрел на дверь.

— О Джоне Гуче, Фредерике Пилчере, Сидни Макмердо и Эгнес Флек, — твердо повторил Старейшина.

Как ни странно (сказал он), служители искусства обычно смирны, мелки, робки и способны выразить себя только пером или кистью. Таким был Джон Гуч; таким был и Фредерик Пилчер. Гуч писал книги, Пилчер — картины. Встречались они у Эгнес Флек. Видя, как Пилчер жалко улыбается, балансируя чашкой чая, Гуч думал: «Прекрасный человек, но неуклюж, неуклюж», а Пилчер, видя, как Гуч нервно теребит галстук, сидя на краешке стула, думал: «Очень мил, но при дамах теряется».

Заметим, у них были причины балансировать и теряться. Гандикап их равнялся восемнадцати, тогда как у Эгнес Флек его вообще не было. Плечам ее и бицепсам позавидовали бы те дамы, которые милостиво разрешают сидеть у себя на шее под звуки оркестра шести братьям, трем сестрам и жене кузена. Взгляд ее напоминал о самых властных королевах,

когда же она смеялась, сильные мужчины придерживали голову за виски.

Сидни Макмердо, и тот робел в ее присутствии, хотя весил 211 фунтов и вышел однажды в финал любительских соревнований. Эгнес он любил преданно и пылко, но — да, жестока жизнь! — она смеялась над ним. Я знаю от сведущих людей, что когда он в первый раз сделал ей предложение (у шестой лунки), отзвуки ее смеха слышали в клубе, а два игрока, боящиеся грозы, выронили клюшки.

Вот вам Эгнес. Вот вам Сидни. Вот вам Джон с Фредериком.

Джон иногда перекидывался с Сидни словом, но друзьями они не были. Поэтому он удивился, когда однажды вечером могучий игрок в гольф вошел к нему и сел в кресло. Заметим, что в это время Джон трудился над детективом, поскольку выражал свой дар в рассказах о миллионерах, убитых в запертой комнате, куда можно проникнуть только через окошко в высокой стене.

Кресло заскрипело. Джон посмотрел на Сидни. Тот застонал.

— Вам плохо? — спросил хозяин.

— Ха! — ответил гость, отвел руки от лица и взглянул на хозяина красными глазами, напоминая Человека Гориллу из повести «Отрубленное ухо».

Однако Горилла был бескорыстен, а Сидни сказал:

— За два цента я разорву вас на части.

— Меня? — удивился Джон.

— Да, вас. И Пилчера. — Он встал и отломил угол каминной доски. — Вы украли ее у меня.

— Кого?

— Эгнес.

Джон воззрился на него. С таким же успехом он мог бы украсть Альберт-холл.

— Она, — простонал Сидни, — собирается за вас замуж.

— Что?!

— Или за Пилчера. Разорву и втопчу в ковер.

— Не надо, — возразил Джон.

— Кто вас звал? — простонал Сидни, завязывая узлом кочергу. — Мы с ней прекрасно ладили. Медленно, но верно я приучал ее к себе. И что же? Все псу под хвост. Сегодня я сделал ей одиннадцатое предложение, а она, отсмеявшись, сказала, что никогда не выйдет за тушу. И попросила передать вам с Пилчером: она догадалась, что вы оба ее любите, но не смеете признаться. Словом, за одного из вас она с удовольствием выйдет.

Они долго молчали.

— Пилчер — прекрасный человек, — сказал Гуч. — Лучше выйти за него.

— Она и выйдет, если он победит.

— Где?

— В матче. Она прочитала рассказ о том, как двое мужчин играли в гольф, чтобы решить, кому достанется девица. Мало того, через неделю ей попался другой такой же рассказ, а позавчера — целых три. Она предположила, что это знак свыше. В общем, вы с ним играете, а женится на ней победитель.

— Победитель?

— Естественно.

— А мне казалось… Сидни на него посмотрел.

— Гуч, — сказал он, — вы, часом, не мотылек, разбивающий девичьи сердца?

— Что вы! — вскричал Джон, удивляясь тому, что мотыльки этим занимаются.

— Тем лучше для вас, — весомо промолвил Сидни. — А то бы я… — Он помолчал, глядя на кочергу. — Нет, — он вздохнул, — не ст’оит. Да, не стоит. Что ж, спокойной ночи, жаба. Матч — в пятницу.

Он хлопнул дверью, оставив Джона одного. Но ненадолго. Вскоре явился Фредерик. Он был бледен и далеко не сразу сумел слабо улыбнуться.

— Джон, — сказал он, — я скрытен. Я не выражаю свои чувства. Но вам признаюсь, вы мне очень нравитесь.

— Да? — откликнулся Гуч.

— Настолько, — продолжал Пилчер, — что я угадал вашу тайну. Вы любите Эгнес Флек.

— Ничего подобного!

— Любите. Ах, Джон, Джон, — Фредерик нежно улыбнулся, — зачем таиться? Идите к ней, мой друг, идите, не откладывая.

Джон покачал головой и улыбнулся еще нежней.

— Узнаю вас, — сказал он. — Само благородство. Да. Благородство. Но так нельзя. Вы тоже любите ее, и я уступаю. Благослови вас Господь, мой дорогой. Точнее, благослови и вас, и Эгнес.

— Минуточку, — сказал Фредерик, — к вам приходил Сидни?

— Да, заглянул по дороге. Они помолчали.

— Я одного не понимаю, — сказал гость. — Если вы не любите эту ведьму, почему вы к ней ходили? Почему глазели, как нанятый?

— Не из-за любви.

— Да-а?
— В конце концов, вы тоже ходили и глазели.
— Я изучал ее лицо. Хочу создать комикс, вроде Страшилы.
— А я изучал ее повадки для серии рассказов «Убийца Уна».
Фредерик протянул ему руку.
— Простите, — сказал он. — Я был не прав. Как бы то ни было, надо спасаться. Этот тип очень силен.
— Истинная туша.
— И сердит.
— О, да!
Фредерик отер платком лоб.
— А вы не могли бы ее полюбить? — жалобно спросил он.
— Нет. Не мог бы.
— Любовь часто приходит после свадьбы.
— Как и самоубийство.
— Значит, — вздохнул гость, — придется играть. Я не вижу, как нам выкрутиться.
— И я не вижу.
— Зачем они читают? — воскликнул Пилчер. — Зачем вы выбираете такие сюжеты?
— Надо как-то жить, — ответил Джон. — Вы сейчас прилично играете?
— Ничего, неплохо.
— Я тоже, — Джон горько хмыкнул. — Только подумать, как я старался! И для чего? Ирония судьбы. Если бы я не купил книгу Сэнди Макхита, вы бы меня победили на четвертой лунке.
— Что ж, можете выиграть на двенадцатой. Джон вздрогнул.
— Поимейте совесть! — вскричал он.
— Мне будет не до совести.
— Вы даже не попытаетесь выиграть?
— Вот именно. Не попытаюсь.
— То есть вы пали так низко, что будете играть хуже, чем могли бы?
— Да.
— Пилчер, — сурово сказал Джон, — вы — подлец. Я вас сразу невзлюбил.

Наверное, вы подумали (продолжал Старейшина), что после такой беседы Джон ничему не удивится. Однако, увидев противника, он был совершенно потрясен.

Сам он пришел пораньше, чтобы потренироваться. Хуже всего ему давался удар, при котором мяч летит прямо, а потом сворачивает направо. Сейчас ему хотелось закрепить этот недостаток. Когда появился Фредерик, он нанес третий удар и застыл на месте.

— Что… что… что такое? — прошептал он.

Дело в том, что соперник отверг свой песочный костюм для гольфа и предпочел ему элегантный пиджак, палевый жилет, полосатые брюки, лакированные ботинки. Прибавим крахмальный воротничок и безукоризненный цилиндр. Да, он страдал, но на его лице играла улыбка.

— Что с вами? — спросил он.

— Почему вы так оделись? Да что там, сам знаю. Чтобы похуже играть.

— Такая мысль приходила мне в голову, — резво ответил соперник.

— Негодяй!

— Ну-ну-ну… Зачем бранить друга?

— Вы мне не друг.

— Очень жаль. Я надеялся, что вы пригласите меня шафером. — Он вынул клюшку. — Не поверите, жмет в плечах. Повернуться не могу, как сардинка в банке.

Мир закачался перед Джоном. Когда он встал на место, страдалец устремил на соперника гипнотический взгляд.

— Вы будете играть хорошо, — отчетливо произнес он. — Хорошо. Хо-ро-шо. Хо…

— Прекратите! — крикнул Фредерик.

— Хо-Ро-Шо…

На его плечо опустилась тяжелая рука Сидни Макмердо.

— Что за рыцарство? — сказал он. — Играйте по правилам. Почему вы так разоделись? — обратился он к Фредерику.

— Мне… надо ехать в Сити.

— Во-от как? — Сидни скрипнул зубами. — Меня поставили судьей, а я не хочу торчать здесь до вечера. Начинайте, слизняки.

Джон бросил монету. Фредерик сказал «решка», но выиграл орел.

— Вперед, гадюка, — приказал Джону судья.

Занеся клюшку, тот ощутил что-то странное. Промахнувшись два-три раза, он понял, что это — вера, доверие. Впервые в жизни он знал, что мяч не ошибется, то есть упадет где-нибудь в стороне. Но тут ему открылась неприглядная правда — он осознал, как действуют произнесенные им слова.

О подсознании пишут много, и из написанного следует, что глупее

всего на свете понимать что-то буквально. Мало-мальски умное существо догадалось бы, что фразу «Вы будете играть хорошо» упомянутое подсознание применит не к Фредерику, а к тому, кто ее произнес.

Несчастный сделал, что мог. Он отчаянно взмахнул клюшкой — и зря. Быть может, вы помните, что сам Мэсси выиграл открытый чемпионат благодаря этому приему. Удар удался на славу. Мяч перелетел через бункер и приземлился так близко от лунки, что только чудо помогло бы ее избежать.

Фредерик улыбнулся сардонической улыбкой, думая, что грех не воспользоваться удачей. Пиджак был скроен модным портным, который, как все модные портные, места себе не находил, если заказчик мог пошевельнуться. Тем самым этот заказчик, едва приподняв клюшку, бессильно ее уронил.

— Неплохо! — сам того не желая, воскликнул Сидни Макмердо. Он презирал обоих игроков, но ценил хороший удар.

Дело в том, что мяч не покатился куда-то вниз, а просвистел по воздуху и лег около Джонова мяча.

Объяснялось это просто. В обычной одежде Фредерик наносил слишком сильные удары. Кроме того, он поднимал голову. Сейчас он собирался закинуть ее так, чтобы хрустнула шея; но поколения предков, отдававших все свои силы равновесию цилиндра, победили это намерение.

Через несколько минут соперники подошли с равным счетом к первой лунке. Ко второй, у воды, они подошли еще через три минуты; к третьей, на пригорке, — через пять. На пути к четвертой их поразило безумие.

Как вы помните, у обоих гандикап равнялся восемнадцати. Другими словами, каждый полагал, что потратит на первую лунку шесть ударов, на вторую — семь, на третью, четвертую, пятую и т. д., и до одиннадцатой — в зависимости от того, сколько мячей свалится в воду. Однако каждый ощущал, что пришел его час. После такого начала можно уложиться в восемьдесят ударов с небольшим.

В конце концов, думал Джон, предположим, я на ней женюсь. Ну и что? Теперь так легко разводят. Бояться нечего, даже с Эгнес.

Мысли Фредерика были примерно такими же. Конечно, думал он, Эгнес — не подарок. Тем лучше. Именно такие жены и держат художников в рамках. Последнее время он немного разленился. Бродит по дому, избегает мастерской. Женившись, он сможет там отсиживаться. Поставит раскладушку, вообще туда переедет. Разумный человек извлекает пользу из

беды.

Глаза у Джона сверкали. Фредерик выпятил челюсть. Тратя на лунки по пять-шесть ударов, они подошли к девятой опять с равным счетом.

Тогда они и заметили, что Эгнес стоит на террасе.

— Э-ге-гей! — крикнула она голосом грома.

Оба резко остановились, моргая, словно разбуженные лунатики.

Невеста их являла впечатляющее зрелище. Так и казалось, что она собралась играть Боадицею. Джон ощутил, что дрожь пробежала от спины к подошвам.

— Как дела? — бравурно возопила она.

— В порядке, — мрачно отвечал Макмердо. — Постойте, змеюки. Я поговорю с мисс Флек.

Он отвел ее в сторону и тихо заговорил. Несомненно, он делал очередное предложение. Вскоре она закинула голову и зычно расхохоталась:

— Ха-ха-ха-ха-ха!

Джон посмотрел на Фредерика. Тот, страшно бледный, снял пиджак и отдал его кэдди. Мало того, он отстегнул подтяжки и завязал их на талии. Было ясно, что соперник предохраняет себя от ошибок.

Джон понимал его. Страшно подумать, что такой смех раздастся в дождливое утро над твоей яичницей. Представив себе это, он ощутил, что спинной мозг замерзает, а красные кровяные шарики пугливо сворачиваются. Азарт исчез, как не было. Какая глупость! Если бы он играл хуже, он мог бы уже отстать очков на восемь, а то и на девять.

Рядом упала тень. Сидни пристально глядел на него.

— Та-ак, — сказал он и пошел к клубу.

— Куда ты? — крикнула Эгнес.

— Домой, — ответил он. — Пока не убил этих мокриц. В конце концов, я тоже человек.

Эгнес загрохотала, словно клепальная машина.

— Какой смешной! — обратилась она к Джону, придерживавшему голову. — Что ж, придется мне быть судьей. Кто бил первым? Вы? Ну, поехали!

Пагубный эффект первых девяти лунок никуда не делся. Джон нанес мастерский удар и попятился в ужасе. Исправить дело мог только мастерский удар Фредерика.

Но тот не утратил разума. Он ударил хуже, чем когда бы то ни было, и радостно вскрикнул, когда мяч упал в траву.

— Ай-яй-я-яй! — заметил он. — Нехорошо.

— Да, — согласился Джон. — Разрешите вам помочь.

— Не утруждайте себя.

— Какой же это труд!

— Все равно, лунка ваша. Мне его не выбить меньше чем ударов с четырех.

— У меня уйдет столько же.

— Гуч, — тихо вымолвил Пилчер, — вы — низкий человек.

— Пилчер, — прошептал Гуч, — вы — мерзавец. Если я увижу, что вы загоняете его под куст, польется кровь.

— Ха-ха-ха.

— Зря смеетесь.

Мяч угнездился в дерне, и выгнать его удалось только с третьего удара. Всего Фредерик потратил на лунку семь.

Иногда перед лицом опасности артистический склад души проявляет себя в самом лучшем виде. Промахнувшись трижды, Джон два раза ударил по мячу сверху, а шестым ударом направил мяч в бункер. Фредерик стремился к тому же, но это ему не удалось. Шесть ударов, которыми Джон вызволил мяч из песка, решили дело.

Но ненадолго. Когда мы подходим к одиннадцатой, сбоку от нас — бездна, через которую перекинут деревянный мостик. Фредерику не удалось направить в нее мяч, и тот залег неподалеку от лунки. Джон торжествовал. Легкий взмах, и его мяч будет там, откуда игрок с таким гандикапом его не вызволит. Он радостно взмахнул клюшкой, и мяч полетел в пропасть.

Да, полетел, но своевольно приземлился на левой доске мостика, подпрыгнул и поскакал по газону. Джон тупо смотрел на то, как он исчезает в лунке.

Воцарилась тишина. Потом заговорила Эгнес.

— Так. Хорошо, — сказала она. — Снова поровну. Да, голубчики, игра интересная.

И птицы взлетели в небо, услышав ее сердечный смех. Медленно приходя в себя, Джон заметил, что вцепился в рукав соперника, и отшвырнул его, словно змею.

Началась борьба, какой еще не бывало. То один, то другой подходил вплотную к проигрышу, но меткий удар или иная случайность все выправляли. К восемнадцатой лунке они по-прежнему шли с равным счетом. Пользуясь тем, что Эгнес наклонилась, чтобы завязать шнурки на ботинках, Джон воззвал к бывшему другу.

— Фредерик, — сказал он, — это недостойно вас.
— Что именно?
— Такая игра. Где старый добрый Пилчер?
— А вы как играете?
— Хуже, чем всегда, — признал Джон. — Но я волнуюсь, а вы нарочно мажете. Это и бессмысленно, и нечестно. Не понимаю, зачем вы это делаете.
— Вот как, не понимаете? Джон положил руку ему на плечо.
— Эгнес — прелестное создание, — сказал он.
— Кто-кто?
— Эгнес.
— Создание?
— Вот именно.
— Эгнес — прелестное создание?
— Да.
— О-о-о!..
— Вы будете счастливы с ней.
— Кто, я?
— Вы.
— Счастлив?
— Еще как!
— Да?
Джон растерялся. Ничего не получалось.
— Знаете что, — сказал он, — заключим джентльменское соглашение.
— А кто тут джентльмены?
— Мы с вами.
— Да-а?
Джону не понравились и тон его, и манера. Многое не нравилось ему в Пилчере. Тем временем Эгнес завязала шнурки и шла к игрокам, словно мастодонт, ступающий по древнему лугу. Пришлось поторопиться.
— Давайте сыграем вничью, — сказал Джон.
— Что толку? Она заставит нас играть снова.
— А мы опять вничью. Вообще-то лучше перед матчем сбежать.
— Сидни найдет нас на краю света.
— Зачем туда ехать? Мы затаимся в городе, обрастем бородой…
— Что-то в этом есть, — признал Пилчер.
— Значит, согласны?
— Да.
— Очень хорошо.

— Что вам так нравится? — спросила Эгнес.

— Э… э… игра. То есть матч.

Эгнес хмыкнула. Она была тише, чем прежде, словно ее мучила какая-то мысль.

— Я рада, что вы так считаете, — сказала она. — А вы не можете играть лучше?

— Нет. О, нет! Мы всегда так играем.

— Хм… Ну, поехали.

Джон с легким сердцем нанес удар, полагая, что стараться незачем. Он его нанес, и мяч устремился вправо, сшиб коробку с подставками, быстро откатился и ударил бы Эгнес по ноге, если бы она не отскочила, как холмы из Писания.[40]

— Простите, — быстро сказал Джон, заметив пронзительный взгляд соперника.

— Почему вы извиняетесь перед ним? — нервно спросила Эгнес.

Подозрения рассеять не удалось. Пилчер осторожно ударил по мячу, и тот пролетел тридцать ярдов. Вторым ударом Фредерик достиг границы газона. Джону не удалось загнать мяч под сосну.

Тут Пилчер наклонился и взял мяч в руки.

— Эй! — закричала Эгнес.

— Ой! — закричал Гуч.

— Что вы делаете? — спросила все та же Эгнес. Фредерик удивленно посмотрел на них.

— В чем дело? — спросил он. — К мячу пристала грязь. Я хотел его почистить.

— Господи! — вскричала Эгнес. — Вы что, правил не читали? Все, вы выходите из игры.

— Выхожу?

— Вы-Хо-Ди-Те. Этот мозгляк выиграл. Фредерик облегченно вздохнул.

— Ладно, — сказал он, — ладно.

— То есть как?

— Так. Да, так. Я проиграл. Что ж, ладно.

И он, ссутулившись, пошел к клубу. Джон глядел ему вслед, онемев от гнева. Этого следовало ожидать, думал он. Человек без чести и совести обвел его вокруг пальца. Примысли о том, как темна душа Пилчера, он задрожал и пожалел, что сам не поднял свой мяч. Но поздно, поздно!

Мир заволокло багровым туманом, когда же тот рассеялся, Джон увидел, что Эгнес странно смотрит на него. Сзади нее стоял Сидни

Макмердо. Мускулы его перекатывались под курткой, пальцы рвали на кусочки часть свинцовой трубы.

Джон не колебался. Сидни стоял не так уж близко, но он помнил недавнюю беседу. Сглотнув раза два, страдалец проговорил:

— Эгнес, я хочу вам кое-что сказать. Наверное, вы заметили…

— Минуточку, — сказала она. — Если вы делаете мне предложение, не надо. Это ерунда.

— Ерунда?

— Полная. Мне казалось, что неплохо, когда у мужа есть мозги, но всему есть предел. В жизни своей не выйду за *такого* игрока. Си-идни! — заорала она, и чувствительный гольфист у довольно далекой лунки подскочил на три фута, выронив при этом ниблик.

— Да-а-а!

— Я выйду за тебя.

— За меня?

— Вот именно.

— Ура-ура-ура! — закричал Макмердо.

Эгнес обернулась к Джону. В глазах ее светилось что-то вроде сострадания. Как-никак, она была женщиной. Крупной, не спорю, но женщиной.

— Простите, — сказала она.

— Не за что, — сказал Джон.

— Я не разбила вашу жизнь?

— Нет, что вы!

— У вас остается искусство.

— Да. Остается.

— Что вы сейчас пишете?

— Сегодня начну повесть «Спасенный на эшафоте».

БУКВА ЗАКОНА

— Эй, впереди!

Крик этот, чем-то похожий на стоны погибших душ, прокатился над долиной, и молодой человек у седьмой лунки, с чьих губ он сорвался, поскольку на поле появилась стайка стариков на девятом десятке, взмахнул клюшкой, словно хотел перейти от слов к делу. Потом он ее опустил и присоединился к тем, кто сидел на местах для зрителей.

— Не стоит, — мрачно сказал он.

Старейшина, часто посещавший поле в хорошую погоду, серьезно кивнул.

— Вы правы, — сказал он. — Нехорошо бросать мяч в человека. Если я делал это в добрые старые дни, я потом всегда жалел. Что-то есть в укоризненном взгляде жертвы, когда вы встречаете ее в клубном баре. Вроде раненой устрицы. Подожди, пока он отойдет подальше, говорит нам Писание. Удар такого рода пошел на пользу только Уилмоту Бингу.

Два молодых человека вздрогнули.

— Вы собираетесь рассказать историю?

— Да.

— Но…

— Я знал, что вы будете рады.

Уилмот (продолжал старец) был в то время очень приятен. Особенно его украшали четкие черты лица и великолепный удар. Глядя на него в лучшие минуты, сторонние люди удивлялись, что он не выкроил двух дней, чтобы победить на Открытом чемпионате. Удивлялись они и тогда, когда узнавали, что гандикап его — двадцать шесть. У юного Уилмота был роковой недостаток — нетерпение. Вообще же его честность и ясный взгляд завоевывали всех поголовно.

Как-то я заметил в этом взгляде некоторую туманность и понял, что Уилмота что-то гнетет. Когда за ланчем в клубе он отказался от пудинга с почками, я посмотрел на него со значением, и он, сильно краснея, открыл мне душу.

По его словам, он полюбил очаровательную Гвендолин Поскит. Я знал ее. Мы очень дружили с ее отцом, вместе учились в университете. Тогда он был чемпионом по метанию молота. Позже он перешел на гольф. Поскольку он был немного близорук и очень неуклюж, его вскорости

прозвали Первым Могильщиком.

— Да? — сказал я. — Вы любите Гвендолин? Очень умно. Будь я помоложе, я бы сделал то же самое. А она вас отвергает?

— Что вы! — вскричал он. — Она меня очень любит.

— Другими словами, вы любите друг друга?

— Вот именно.

— Тогда зачем отказываться от пудинга?

— Ее отец не позволит ей выйти за меня. Вы скажете: «Можно бежать» — и ошибетесь. Я ей это предлагал, но ничего не добился. По ее словам, она меня любит, точнее, полагает, что я — «дерево, на котором, словно плод, висит ее жизнь», но не может отказаться от пышной церковной свадьбы с епископом, хором и фотографиями в еженедельниках. Как она резонно заметила, в регистратуре нет ни епископов, ни фотографов. Никак ее не сдвину.

— Зачем ее двигать?

— То есть не могу убедить. Словом, без отца не обойтись, а он ко мне очень плохо относится.

Уилмот застонал и принялся крошить мой хлеб. Я взял другой кусок и положил по ту сторону тарелки.

— Плохо?

— Да. Вы знаете Аварийную Команду?

Он имел в виду квартет из особенно плохих игроков, в который входил Джозеф Поскит. С ним были Ветхий днями, Мотыга и Недочеловек.

— Вам известно, что они всюду лезут, копошатся под ногами. Мне приходилось хуже, чем другим, я люблю играть быстро. Как-то я не выдержат, и…

— Запустили в них мячом?

— Именно. Наугад, в кого попадет. Избранником стал Поскит. Мяч угодил ему в правую ногу. Кажется, вы говорили, что в Оксфорде он метал молот?

— Да.

— А не прыгал? Знаете, прыжки в высоту.

— Нет, не прыгал.

— Странно…

Ну, что же это! Ударить отца любимой девушки — греховно и безумно. Я не скрыл своего мнения. Он задрожал так, что бокал разбился.

— Вот, — сказал он, — вы тронули еще одно больное место. Тогда я понятия не имел, что он отец любимой девушки. Собственно говоря, я с

ней еще не был знаком. Она вернулась позже из кругосветного плавания. По-моему, старые хрычи, которые всем мешают, должны носить ярлычок, оповещающий, что у них есть красивые дочери. Хоть будешь знать, что делать. А так — да, я врезал Поскиту. Из того, что он сказал позже в клубе, можно вывести, что он не хотел бы такого зятя. Я вдумчиво ел сыр. Положение было сложное.

— Могу посоветовать одно, — сказал я, — подлизывайтесь к нему. Подстерегайте его, предлагайте сигару, спрашивайте об успехах, хвалите погоду. У него есть собака по кличке Эдвард. Разыщите ее и гладьте. Многие завоевали сердце будущего тестя именно таким образом.

Он согласился, и в следующие дни Поскит не мог показаться в клубе, не наткнувшись на Уилмота. Эдвард стал лысеть от нежных прикосновений. Как я и надеялся, рана постепенно затянулась. В одно прекрасное утро Уилмот спросил моего друга, удается ли ему удар вправо, и тот не проворчал что-то невнятное, а связно ответил, что получается скорей удар влево.

— Да, — сказал Уилмот. — Сигару?

— Спасибо, — сказал Поскит.

— Хорошая собачка… — продолжил Уилмот, пользуясь случаем ткнуть Эдварда в измученный бок раньше, чем бедный пес успел отойти в сторонку.

Днем, впервые за долгие недели, Уилмот съел две порции пудинга, пирог с патокой и кусок сыра.

Так обстояли дела, когда пришел день ежегодных соревнований на Президентский кубок.

Звучит это пышно, а на самом деле располагается где-то между соревнованиями «Бабушкин зонтик» и «Леденец на весь день» (для детей моложе семи). Поистине, мало на свете таких жалких матчей. Установил его добрый комитет ради отребьев гольфа, как то — отставных военных, моряков или дельцов, которые после пятидесяти удалились на лоно природы. Тех, у кого гандикап ниже двадцати четырех, туда не допускали.

Однако у самих участников соревнования эти вызывали огромный энтузиазм. Столетние старики спрыгивали с кресел на колесиках, чтобы испытать свою проворность. Я видел, как люди не моложе шестидесяти сгибались и разгибались неделями, готовясь к славному дню. Перспективы пылко обсуждались в курительной, и общественное мнение колебалось в этом году между Первым Могильщиком (Джозеф Поскит) и Паралитиком Перси (Персиваль Хемингуэй).

Ставили, повторяю, на одного из них, но сочувствовали только Поскиту. Его очень любили. Быть может, вас это удивит, если вы видели его в игре, но он всем нравился, в отличие от Хэмингуэя. Адвокат в отставке принадлежал к тем мрачным, угрюмым, придирчивым людям, которые носят с собой список правил. Кроме того, у него была привычка неожиданно откашливаться у лунки, что само по себе может довести до белого каления.

По мере возможности я всегда посещал эти соревнования, полагая, что они очищают душу состраданием и страхом. Однако на сей раз дела задержали меня в городе. Прежде чем сесть в поезд, я перекинулся словечком с Уилмотом и остался доволен.

— Молодец, мой мальчик, — сказал я. — Друг наш заметно смягчился.

— Да-да, — радостно согласился он. — Когда я предлагаю сигару, он меня благодарит.

— Что ж, не жалейте сил. Пожелали вы ему успеха?

— Да. Ему это понравилось.

— Предложите заменить кэдди. Он это оценит.

— Я об этом думал, но я и сам играю.

— Сегодня?

Я удивился. Обычно Президентский кубок, как Вальпургиева ночь, вынуждает разумных людей сидеть дома.

— Обещал одному типу, никак не мог отказаться.

— Это вас очень задержит.

— Да, к сожалению.

— Что ж, не забывайтесь, а то снова запустите мяч в Поскита.

— Ну уж нет, ха-ха-ха! Еще чего, хо-хо-хо! Такие вещи дважды не делают. А сейчас — простите. У меня свидание. Будем гулять с *ней* по лесу.

Вернулся я поздно и думал позвонить другу, спросить об успехах, но телефон зазвонил сам, и я с удивлением услышал голос Перси.

— Алло, — сказал он. — Вы сегодня заняты?

— Нет, — отвечал я. — Чем все кончилось?

— Поэтому я и звоню. Мы оба сделали по сто пятьдесят ударов. Словом, ничья. Комитет решил провести еще один матч.

— То есть раунд?

— Нет, именно матч. Счет ударов — по каждой лунке. Это я предложил. И объяснил Поскиту, что тогда ему придется одолеть только первые девять, все же легче.

— Понятно. Но почему вы обратились в комитет?

— Из-за одного дурацкого спора о неровностях лужайки. Если вы не заняты, согласитесь быть судьей?

— Сочту за честь.

— Спасибо. Мне нужен человек, знающий правила. Поскит вроде бы вообще о них не ведает.

— Почему вы так думаете?

— Ему кажется, что можно самому определять, какой удар засчитывается, какой — нет. Когда он загонял мяч в одиннадцатую, кто-то запустил мячом в него. Он утверждает, что именно поэтому попал не в лунку, а в кусты. Я ему сказал, и комитет со мной согласился…

Трубка задрожала в моей руке.

— Кто запустил в него мячом?

— Забыл фамилию. Такой высокий, приятный с виду молодой человек. Волосы рыжие…

Я слышал достаточно. Через пять минут я громко стучался к Уилмоту. Когда он открыл дверь, я заметил, что лицо у него пылает, взор — дикий.

— Уилмот! — вскричал я.

— Знаю-знаю, — нетерпеливо ответил он на пути в гостиную. — Видимо, вы говорили с Поскитом.

— С Хемингуэем. Он сказал…

— Знаю, знаю. Вы удивились?

— Я был потрясен. Я лучше думал о вас. Ну, хорошо, вам хочется кому-то заехать, но почему вы не боретесь с искушением? Быть может, у вас слабая воля?

— Не в том суть.

— То есть как?

— Я это сделал в здравом уме и твердой памяти. Мной руководил чистый разум. Терять мне было нечего…

— Нечего?

— Абсолютно. Гвендолин расторгла помолвку.

— Что?

— Да-да, расторгла. Как вам известно, мы пошли в лес. Сами понимаете, что чувствуешь, когда гуляешь в лесу с любимой девушкой. Солнце сочилось сквозь листву, рисуя золотой узор под нашими ногами; воздух был исполнен благоуханий, птичьего пения и тех звуков, которые издают насекомые. Слово за слово, и я сказал, что такой любви, как моя, не знал никто. Гвендолин возразила, что *ее* любовь больше. Я сказал: «Нет, моя». Она сказала: «Что ты, моя!», я сказал: «Моя, о чем тут спорить?!!»

Мы оба разволновались, и через несколько секунд она сказала, что я — упрямое отродье армейского мула. Потом отдала мне письма, обвязанные сиреневой ленточкой, которые всегда носила с собой, и ушла. Естественно, когда Поскит с сообщником задержали меня на пять минут, я не видел, зачем мне сдерживаться. Счастье рухнуло, и я нашел печальное утешение, угодив ему прямо в заднюю часть штанов.

Что тут скажешь? Есть беды и поглубже. Мрачно думал я о крахе двух юных жизней, когда услышал стук в дверь. Уилмот пошел открыть и вернулся с письмом. Такого лица я у него не видел с тех пор, как он промазал у последней лунки и, соответственно, не получил медали на весенних соревнованиях.

— Вот что, — сказал он, — у вас часом нет цианида?

— Цианида?

— Или мышьяка. Прочитайте. Нет, я сам расскажу. Там есть выражения, предназначенные мне одному. Гвендолин просит прощения и восстанавливает помолвку.

— Она вас любит, как прежде?

— Насколько я понимаю, еще сильней.

— А Вы…

— Я…

— Запустили…

— Запустил…

— Мячом…

— В старого Поскита, когда он наклонился…

— …и он промазал, а потому сыграл вничью.

Я не думал, что чья-то челюсть может настолько отвалиться.

— Вы что, серьезно?

— Да. Хемингуэй мне только что звонил. Завтра у них матч.

— О, Господи!

— Вот именно.

— Что же мне делать?

Я положил ему руку на плечо.

— Молитесь, мой мальчик, чтобы Поскит выиграл.

— Но и тогда…

— Нет. Вы не знаете психологии плохого игрока. Если он впервые в жизни выиграет кубок, он простит жесточайшую обиду. В час триумфа Поскит смягчится. Так что, молитесь, мой друг.

В голубых глазах Уилмота что-то сверкнуло.

— Уж я помолюсь! — обещал он. — Когда вы уйдете, сразу начну. А

как — мое дело.

Назавтра, в одиннадцать часов, я пришел к первой подставке, где ждали Поскит с Перси, и через несколько минут игра началась. Сразу стало ясно, что предстоит битва стилей. На поле сошлись люди с прямо противоположными методами.

Поскит, д'Артаньян от гольфа, перенес сюда тактику, которая помогала ему, когда он метал молот. Он закрывал глаза, стискивал зубы, вращал клюшку вокруг головы и с дикой силой опускал ее вниз. Обычно удар приходился по мячу, но сверху или, если он действовал ниибликом, раскалывал мяч надвое. Иногда, по таинственной милости Промысла, получалось как надо, и зрители с удивлением видели, что мяч пролетает триста ярдов. Он сам признавал, что все это — чистый случай. Им руководила мысль «Надейся и положись на лучшее».

Метод Хемингуэя был прямо противоположен. Прежде чем сделать удар, он стоял над мячом, слегка трясясь и пристально глядя на него, словно это — сложный пункт закона. Когда наконец он начинал, темп его наводил на мысль о швейцарских ледниках. Сделав небольшую паузу, он опускал клюшку, и мяч пролетал по прямой пятьдесят ярдов.

Словом, соревновались человек, который перед длинной лункой делает от трех до сорока двух ударов, и человек, который неуклонно делает двенадцать. Казалось бы, просто дух захватывает; но я не ощущал приятного волнения. Для него необходимо, чтобы поединок вели по законам благородного турнира, а не корсиканской вендетты. Сейчас было ясно, что царит дух обиды и вражды.

Начнем с того, что право первого удара выиграл Хемингуэй, а Поскит тут же придирчиво осмотрел монету с обеих сторон. Неохотно убедившись, что дело чисто, он немного отступил. Перси сделал свой классический удар, пришла очередь Могильщика.

Замечали вы странную вещь — иногда острая боль души придает игре невиданный блеск? Так случилось и теперь. Ударив по мячу с патологической силой, Поскит отправил его почти на самый газон, а через несколько мгновений его соперник, откашливаясь каждый раз, сделал три неудачных удара.

Но странность, о которой мы говорили, действует и в хорошую, и в плохую сторону. Она помогла при первом ударе и подвела при втором. Пролетев сто семьдесят ярдов, мяч долетел до леса, и раньше, чем Поскит его высвободил, Хемингуэй достиг газона. Перед третьей лункой они снова были равны.

Потом Поскиту пришлось извлекать мяч из зарослей, что потребовало семи ударов. Хемингуэй сделал шесть ударов и вырвался вперед.

Путь к четвертой лунке сворачивает под прямым углом. Хемингуэй выбил мяч из бункера. Поскит сделал удар, какого я в жизни не видел, — мяч, словно взорванный динамитом, полетел влево, но через сто пятьдесят ярдов, словно заметив, где лунка, остановился в воздухе, резко свернул направо и опустился на газон.

Снова ничья. Седьмую лунку Поскит выиграл, но соперник его отыгрался на восьмой.

Девятая — почти у воды. Поскит сделал мощный удар, и казалось, что победа — за ним. Если ему придется сделать еще четыре длинных и три коротких, всего получится восемь, что его противнику недоступно. Посмотрев на то, как Хемингуэй загнал мяч прямо в воду, он удовлетворенно хмыкнул и покинул было газон, но услышал:

— Минуточку!

— Что?

— Вы не собираетесь делать длинный удар?

— Так я же сделал.

— Не думаю. Удар — да, но незаконный. Вы били первым, не имея на это права. Если помните, последнюю лунку выиграл я. Боюсь, мне придется просить вас о повторном ударе.

— Что?

— Правила совершенно ясны.

Хемингуэй достал замусоленную книгу. Повисло неприятное молчание.

— А что говорят ваши правила о тех, кто кашляет тебе под Руку?

— Ничего.

— Вот как?

— Общепризнанно, что бронхиальный катар — болезнь. Он должен вызывать не гнев, а жалость.

— Во-от как?

— Да. — Хемингуэй посмотрел на часы. — Замечаю, что с моего удара прошло три минуты. Если вы потеряете еще пять, вы автоматически проигрываете лунку.

Поскит вернулся к подставке и положил на нее мяч. Вскоре раздался всплеск.

— Третий удар. Поскит ударил снова.

— Пятый удар.

— Вам непременно нужно считать?

— Здесь нет правила.

— Уступаю лунку, — сказал Поскит.

Перси Хемингуэй был впереди на один удар.

Ничто (продолжал Старейшина) не развлекает так, как скрупулезный подсчет ударов в течение всего матча. Мне говорили даже, что я слишком придирчив. Но один матч я так описать не смогу, именно этот. Слишком больно все вспоминать. Я уже говорил, что плохая игра очищает душу; глядя на нее, ты становишься лучше, терпимей. Но тут, после десятой лунки (ничья), все отравляла установка соперников. Сражались человек большой души, превзошедший себя, и мелкий крючкотвор, который непрестанно прибегал к своду правил.

Скажу лишь, что Поскит запустил мяч на двести шестьдесят ярдов (одиннадцатая лунка), но проиграл, поскольку уронил клюшку в бункер. Сделав такой же прекрасный удар (двенадцатая), он неосторожно спросил, может ли взять клюшку с железной головкой, и оказалось, что просить совета дозволено только у кэдди. Тринадцатую он выиграл, а вот у четырнадцатой снова сплоховал, так как соперник откашлялся, когда он делал короткий удар.

Однако Джозефа Поскита голыми руками не возьмешь. Пятнадцатую лунку, длинную, он выиграл по праву. Я не ожидал, что на шестнадцатую он потратит всего семь ударов, а когда перед семнадцатой он выбил мяч из бункера так, что тот пролетел сто пятьдесят ярдов, я ощутил, что все может кончиться хорошо. Видно было, что Хемингуэй сильно ошарашен, подойдя к восемнадцатой с равным счетом.

Лунка эта принадлежала к тем, которые, на мой взгляд, позорят игру игр. В десяти ярдах от подставки поднимался пригорок, увенчанный площадкой с короткой травой. До флажка было, я думаю, не больше пятидесяти ярдов. Если ты наверху — три удара, не больше; если нет — сколько угодно.

Такая лунка не годилась для стиля, присущего Поскиту. Ему было нужно что-то вроде прерий, уходящих в лиловую даль. Сейчас он оказался в положении маляра, который должен создать миниатюру. Я заметил, что он был растерян, когда клал мяч на подставку, и огорчился, хотя не удивился, когда тот упал в густую траву у самого пригорка.

Но и Хемингуэй изменился. Неприятно смотреть, как противник выбивает мяч из бункера. Сохраняя свою осторожность, он все же поднял голову. Ударил он неплохо, но пользы это не принесло, поскольку мяча он не затронул. Тот как был, так и остался на песчаной горке.

— Промахнулись, — сказал Поскит.

— Знаю, — сказал Хемингуэй.

— Странно… Если бить в пустоту, толка не будет.

— Вы не могли бы помолчать? Я снова ударю.

— Что ж, не промахнитесь.

— Я вас прошу!

— Вам никогда не выиграть. Первое дело — бить по мячу. Иначе далеко не уйдешь. Казалось бы, это ясно.

Хемингуэй воззвал ко мне:

— Судья, вы не могли бы урезонить моего противника? Иначе я объявлю, что выиграл и лунку, и матч.

— Правила, — сказал я, — не запрещают выражать сочувствие и давать советы.

— Вот именно, — сказал Поскит. — Вы же не хотите промахнуться? Очень хорошо. Я и говорю вам: «Не промахнитесь».

Я поджал губы. Я знал Хемингуэя. Другого в его положении отвлекала бы эта болтовня; его она подзадорила. Гнев и досада изменили игру Поскита. То же самое, думал я, произойдет с его соперником.

И не ошибся. Он сосредоточился, собрался — и мяч, пролетев по воздуху, упал в трех футах от лунки. Поскиту предстояло выбить мяч из зарослей в два удара. Высокие травы оплели мяч, цветы прикрыли, какая-то букашка села на него. Кэдди вручил хозяину ниблик, но я ощущал, что тут нужен экскаватор. Игроку такой удар не под силу. Больше подошла бы хорошая компания, занимающаяся раскопками.

Однако я не знал, до каких высот может дойти бывший метатель молота. Кинозвезды, как известно, счастливы только среди книг; Джозеф Поскит был счастлив среди цветущих кустов, с нибликом наготове. Он очень любил этот вид клюшки. Именно он давал ему возможность выразить себя. Из игры исчезла вся эта наука, уступая место силе рук и воле к победе.

Горящие глаза и вены на лбу подготовили меня ко многому, но все-таки я подскочил, когда ниблик опустился. Так и казалось, что рядом разорвался снаряд. Сходными были и последствия. Пригорок треснул, воздух обратился в какой-то компот из травы, земли, цветов и букашек. Сквозь него смутно виднелся мяч. Вместе с добрым фунтом смешанных субстанций он вскоре исчез из вида.

Но когда, взойдя по крутому склону, мы достигли лужайки, сердце мое буквально защемило. Поскит сделал все, что возможно, обратил низ пригорка в пустыню, но мяч находился в десяти футах от лунки. Если не

уложиться в один удар, думал я, мой старый друг непременно проиграет.

Он не уложился. Попытка была превосходной, но мяч остановился, вращаясь, в трех дюймах от той же лунки.

По тому, как Хемингуэй поднимал клюшку, можно было понять, что сомнений у него нет.

— Вот так, — сказал он с отвратительным самодовольством, занес клюшку, подождал чуть-чуть и ее опустил.

Тут Поскит закашлялся.

Я много раз слышал кашель. Я часто ходил в театр, а как-то на званом завтраке прославленный бас подавился при мне хлебом. Но такого я еще не слышал. Джозеф Поскит вложил в кашель всю душу.

Противник просто рухнул. Даже контроль над собой ничего ему не дал. Он содрогнулся, клюшка дернулась, а мяч, перескочив через лунку, запрыгал по газону, чтобы скрыться в бункере.

— Простите, — сказал Поскит. — Видимо, муху проглотил. Природа замерла, не дыша, словно ее заворожили.

— Судья! — сказал Хемингуэй.

— Что толку обращаться к судье? — сказал Поскит, глядя на часы. — Правила я знаю. Они не возбраняют ваш катар, не возбраняют и моей мухи. Лучше признайте, что проиграли и лунку, и матч.

— Ни за что!

— Тогда поторопитесь, — Поскит снова взглянул на часы. — у моей жены сегодня гости. Если я опоздаю, она очень рассердится.

— Да? — проговорил Хемингуэй.

— Ну, за дело!

— Что?!

— Я сказал: «Ну, задело».

— Почему?

— Потому что спешу домой.

Хемингуэй подтянул колени штанов и сел на землю.

— Ваша домашняя жизнь, — сказал он, — меня не касается. Правила разрешают пятиминутный перерыв между ударами.

Поскит дрогнул и снова взглянул на часы.

— Ладно, — сказал он, — пять минут подожду.

— Вы подождете больше, — сообщил Хемингуэй. — Сейчас я промажу, потом отдохну еще раз, потом опять промажу…

— Мы не можем торчать здесь целый день!

— Почему?

— У жены гости.

— Тогда сдавайтесь.
— Кэдди, — сказал Поскит.
— Да, сэр.
— Пойдите в клуб, позвоните ко мне домой и скажите, что я задержусь.
Он обернулся ко мне.
— Насчет пяти минут, это правда?
— Посмотрите в моей книге, — предложил Хемингуэй. — Она в сумке.
— Пять минут… — пробормотал Поскит.
— Четыре с половиной прошли, — сказал его противник. — Пойду-ка, сыграю.
И он исчез.
— Промазал, — сообщил он, вернувшись, и снова сел на землю.
Тут вернулся и кэдди.
— Ну, как?
— Ваша жена сказала; «Мда-у?..»
— Что-что?
— «Мда-у?..»
— «Мдау?» Вы ей передали мои слова, а она сказала «мдау»?
Поскит побледнел. Я не удивился. Любой муж побледнеет, если в ответ на сообщение, что он задержится, жена говорит «Мда-у?..» Любой, а особенно — этот. Как многие силачи, он был подкаблучником. Жена неумолимо и твердо правила им с того часа, когда они переступили порог храма на Итон-сквер.
Он задумчиво покусал губу.
— Вы уверены, что она не сказала просто «Да?» Так, знаете ли, отозвалась, без всяких обертонов…
— Нет, она сказала «Мда-у?..»
— Да-а… — сказал Поскит.
Я ушел. Я не мог этого видеть. Как холостяк, я не знаю, что делают жены с мужьями, опоздавшими на прием, но по выражению его лица понимал, что это — не подарок. А у него был шанс выиграть. Что ж удивляться, если он чуть не рвал на себе волосы?
Словом, я ушел и оказался в том месте, где игроки тренируются. Там был Уилмот с нибликом и дюжиной мячей. Услышав шаги, он поднял взор с душераздирающей поспешностью.
— Кончили?
— Еще нет.

— Как же так?

— Поскит сделал три удара и еле жив.

— А Хемингуэй?

Я заглянул за кусты, отделяющие это место от восемнадцатой лунки.

— Собирается сделать пятый удар из дальнего бункера.

— А Поскит сделал три?

— Именно.

— Ну, тогда…

Я все объяснил. Он был потрясен.

— Что же будет?

Я печально покачал головой.

— Боюсь, ему придется признать поражение. Когда жене сказали по телефону, что он задержится, она произнесла: «Мда-у?..»

Уилмот немного подумал.

— Лучше идите к ним, — сказал он. — На таком матче без судьи не обойдешься.

Я так и сделал. Поскит мерил шагами газон. Через мгновение Хемингуэй вылез из ямы и сказал, что ударить по мячу опять не удалось. Он стал на удивление разговорчивым.

— Столько ос нынешним летом! — сказал он. — Одна пролетела у самого уха.

— Жаль, что не укусила, — сказал Поскит.

— Осы, — заметил Хемингуэй, разбиравшийся в естественной истории, — не кусают, а жалят. Вы имели в виду змей.

— В вашем обществе невольно их вспоминаешь.

— Господа! — сказал я. — Господа!

И снова ушел. Гольф для меня — святыня, я не могу видеть таких сцен. Кроме того, я проголодался. Отчасти из желания побеседовать с нормальным человеком, отчасти — подумав о том, что Уилмот может принести мне из клуба сандвичей, я снова пошел к тренировочной подставке и, завидев его, окаменел.

Уилмот Бинг, стоя лицом к бункеру, нацелился на мяч. В бункере стоял Хемингуэй, неспешно готовясь то ли к шестому, то ли к седьмому удару.

Уилмот ударил по мячу, и почти тут же раздался пронзительный, душераздирающий крик. Мяч, великолепно летевший понизу, угодил Хемингуэю в правую ногу.

Уилмот обернулся ко мне. Глаза его светились тем светом, каким они светятся, если ты поставил себе задачу и выполнил ее.

— Придется вам его дисквалифицировать, — сказал он. — Уронил клюшку в бункер.

Остается добавить немного (сказал Старейшина). Когда мы с Уилмотом дошли до газона, я объявил победу Поскита и выразил сочувствие его противнику, оказавшемуся на линии мяча, брошенного неумелым игроком. Что ж, прибавил я, это бывает; приходится с этим мириться, как с неровностями газона. Затем я заверил, что Уилмот готов принести извинения, и он их принес. Однако Хемингуэй не слишком обрадовался и вскоре оставил нас, сказав напоследок, что подаст на обидчика в суд.

Уилмот, видимо, этого не слышал. Он смотрел на Поскита.

— Мистер Поскит, — сказал он наконец, — можно сказать вам два слова?

— Хоть тысячу, — отвечал Поскит, широко улыбаясь своему спасителю. — Но позже, если позволите. Я должен бежать, как…

— Мистер Поскит, я люблю Гвендолин.

— Я тоже. Хорошая девушка.

— Я хочу на ней жениться.

— Ну и женитесь!

— Вы дадите согласие?

Поскит посмотрел на часы, потом любовно похлопал Уилмота по плечу.

— Нет, мой дорогой, — сказал он, — я поступлю умнее. Я запрещу ей и думать об этом браке. Тогда все получится, лучше некуда. Когда вы будете женаты, сколько я, вы поймете, что в таких делах нужны такт и мудрость.

Он был прав. Через две минуты после того, как Поскит сообщил, что Уилмот Бинг хочет жениться на их дочери, но сделать это сможет только через его, Поскита, труп, миссис П. давала первые распоряжения насчет свадьбы. Та состоялась скоро, в модном храме с музыкой и гимнами, и все согласились, что епископ никогда не пел так хорошо. Судя по снимкам в еженедельных журналах, невеста была прелестна.

ПРОЩАЙТЕ, НОГИ[41]

Женский смех разбудил задремавшего было Старейшину. Дверь комнаты, где обычно играли в карты, а он — укрывался во время субботних сборищ, открылась и впустила мрачного молодого человека.

— Не помешал? — спросил он. — Больше не могу! Мудрец предложил ему сесть. Он опустился в кресло и какое-то время горестно молчал.

— Фокусы с веревкой! — пробормотал он наконец.

— Простите?

— Джон Хук показывает фокусы, а девицы млеют, словно перед ними Кларк Гейбл. Тьфу!

Старейшина начал понимать.

— Среди них — ваша невеста?

— Да. Все время повторяет: «О, мистер Хук!» — и трогает его рукав. По-моему, нежно.

Старец с сочувствием улыбнулся. В дни пылкой юности он через это прошел.

— Держитесь, — сказал он. — Я прекрасно знаю, каково вам, но поверьте, все уладится. Фокусы могут пленить на мгновение, но чары рассеются. Завтра, проснувшись, она станет собой и скажет «спасибо», что ее любит человек, который обычно укладывается в восемьдесят три удара.

Собеседник повеселел.

— Вы так думаете?

— Я уверен. Сколько перевидал этих королей вечеринки! Они блистают и гаснут. Хука я тоже видел. Смех у него — как треск горящего хвороста, гандикап — двадцать четыре. Новый Ногги Мортимер, не больше.

— А кто это?

— Именно такой вопрос хотел задать Энгус Мактевиш, когда увидел с нашей веранды, что он посылает воздушные поцелуи Эванджелине Брекет.

Энгус (сказал Старейшина), как можно догадаться по его имени, всю жизнь относился к гольфу серьезно. В Эванджелине он нашел свое подобие. Она была не из тех, кто жеманничает и красуется, делая удар. Собственно говоря, Энгуса привлекло в ней то, что в эти мгновения она сжимает губы и вращает глазами. Что до нее, уважение к человеку,

который, при всей своей щуплости, запускает мяч на двести ярдов, переросло в любовь. Ко времени, о котором я рассказываю, они обручились. Единственной тучкой до начала событий было то, что от любви он иногда немного хуже играл. Подумает о *ней*, поднимет голову к небу, словно моля стать ее достойным, и делает плохой удар. Он говорил мне, что прошляпил так несколько лунок.

Однако железное самообладание помогало с этим справиться, и, как я уже сказал, все шло хорошо до начала событий. Но вот весенним утром, возвращаясь в клуб после раунда, Энгус заметил на веранде молодого человека, посылающего Эванджелине воздушные поцелуи.

Никакому жениху это не понравится, особенно если у незнакомца большие темные глаза и волнистые волосы.

— Кто это? — спросил Энгус с некоторой сухостью.

— Что? — откликнулась Эванджелина, которая смотрела вниз, поскольку чистила свой мяч.

— На веранде какой-то тип. Кажется, он тебя знает. Эванджелина подняла взор, присмотрелась и закричала:

— Да это Ногги! Э-ге-гей!

— Э-ге-ге-гей!

— Пип-пип!

— Туддл-ду!

Поскольку к началу беседы они были в четырех возгласах от веранды, теперь они стояли рядом с прекрасным незнакомцем.

— Ногги Мортимер! — воскликнула Эванджелина. — Что вы тут делаете?

Молодой человек сообщил (видимо, с братской простотой, которая совсем не понравилась Энгусу), что он собирается здесь пожить, а пока коттедж не готов, поселился на время в клубе. При этом он один раз назвал Эванджелину «кисонькой», два раза — «лапочкой», три — «милочкой».

— Замечательно! — сказала она. — Расшевелите всех наших.

— Это уж точно, моя прелесть. Положитесь на старого доброго Ногги. В вашем клубе будет много веселых вечеринок.

— Не забудьте меня пригласить. Кстати, вот мой жених, Энгус Мактевиш.

— Привет шотландцам! — закричал Ногги. — Верней, пр-р-ривет! Ур-р-ра!

Энгус с горечью ощутил, что перед ним — душа общества, остряк, шутник, победитель. Провожая Эванджелину, он был задумчив.

— Этот Мортимер… — начал он.

— А что с ним такое?

— Именно, что с ним? Кто он? Где ты с ним познакомилась? Какой у него гандикап?

— Познакомилась прошлой зимой, в Швейцарии. Он жил в том же отеле. Кажется, у него очень много денег. В гольф он не играет.

— То есть как? — недоверчиво спросил Энгус.

— Так. Но прекрасно ходит на лыжах.

— Тьфу!

— Что?

— Тьфу. Лыжи, вы подумайте! Что за чушь? Мало в жизни горя, чтобы еще привязывать к ногам какие-то доски? И помни, от лыж до тирольских воплей — один шаг. Хочешь, чтобы здесь кричали: «Ти-ра-ра-ра-ля» или что-нибудь в этом духе? Поверь, этот Мортимер поет и орет.

— Да, он много пел, — признала Эванджелина. — И кричал «Йодл-йодл» с лакеями.

— При чем тут лакеи?

— Они швейцарцы. Вот он и кричал им. Мы чуть не лопались от хохота. Он вечно над всеми подшучивает.

— Подшучивает?

— Ну, дает хлопушки в виде сигар. У нас там был один епископ, Ногги дал ему сигару, и он чуть не взлетел. Как мы смеялись!

Энгус резко глотнул воздух.

— Ясно, — сказал он. — Он не только поджигатель, но и богохульник. Тьфу!

— Я бы не хотела, чтобы ты бранился.

— А что еще делать? — мрачно спросил Энгус.

Радость угасла. Зеленые холмы счастья окутал темный туман, синие птицы исчезли, как не было. Энгус мрачно смотрел в будущее, и не без причины. Шли дни, и он все больше убеждался, что Эванджелина увлеклась этим пошляком. В первое же утро тот показался ему слишком общительным. Через неделю стало ясно, что «общительный» — не то слово. Ногги мелькал, сверкал, блистал; казалось, что ты смотришь из-за кулис сцену у балкона.[42] Энгус Мактевиш пал духом и дважды тратил шесть ударов на лунки, для которых в счастливые дни хватало трех.

Ясно коту (сказал Старейшина), что эти души общества особенно опасны в сельской местности. В городе их тлетворное влияние меньше. Бурная городская жизнь укрепляет девушек, и те реже поддаются их губительным чарам. А в тихом селении, где жили Энгус и Эванджелина,

мало противоядий, ничто тебя не отвлекает.

Конечно, кроме гольфа. Единственным утешением для Энгуса было то, что его невеста по-прежнему боготворила эту игру и прилежно готовилась к весеннему женскому чемпионату.

Да, это было утешением, но не очень сильным. Подготовка к матчу свидетельствовала о том, что Эванджелина еще не утратила высших, лучших свойств. Но зачем готовиться, если каждый вечер ходишь на вечеринки? Прежде она ложилась в одиннадцать, проведя вечер за хорошей книгой, скажем — за трактатом Брейда. Теперь она соревновалась с молочником, кто придет позже, и три раза из четырех побеждала.

Энгус пытался урезонить ее, когда, зевнув, она выронила клюшку.

— А чего ты хочешь, — сказал он, — если всю ночь пляшешь?

Она удивилась.

— Неужели ты думаешь, что это отражается на игре?

— Отражается! Это ее губит.

— Все ходят в гости.

— Не перед важным матчем.

— У Ногги так весело!

— Да?

— Он — истинный волшебник. Видел бы ты его вчера! Он сказал Джеку Прескоту, что они покажут вместе фокус, тот положил руки на стол, Ногги поставил на них стакан воды и…

— И?.. — повторил Энгус, страшно страдая, что человек с гандикапом четыре подвергается издевательствам.

— И ушел. А Джек не мог убрать руки, он бы весь облился. Мы просто выли от хохота.

— Так, — сказал Энгус. — Если тебя интересует мой совет, прекрати эти бесчинства.

— На той неделе я должна пойти…

— Почему?

— Я обещала. У него день рождения.

— Хорошо. Я пойду с тобой.

— Да ты заснешь. Видел бы ты, как он тебя изображает! Ведь ты и правда спишь в гостях.

— Возможно, я и вздремну. Но проснусь, чтобы увести тебя в приличное время.

— Я не хочу уходить в приличное время.

— Предпочитаешь шестнадцатое место? Она побледнела.

— Не говори так.

— Я уже сказал.
— Шестнадцатое?
— Или семнадцатое.
Она резко выдохнула воздух.
— Хорошо. Уведи меня до двенадцати.
— Согласен.
Как все шотландцы, Энгус не улыбался, но сейчас был близок к улыбке. Впервые за несколько недель он увидел хоть какой-то просвет.
Только любовь заставила его извлечь накрахмаленную рубашку и надеть вечерний костюм. Погода стояла необычно теплая, он сыграл три раунда и ощущал ту тягу к покою и уединению, которую ощущают люди, одолевшие пятьдесят четыре лунки под жарким солнцем. Но чемпионат был назначен на завтра, и Эванджелину, во что бы то ни стало, надо увести как можно раньше, чтобы она выспалась. Преодолев тягу к пижаме, Энгус отправился к Ногги и вскоре стал страшно зевать.
Тяжко было и видеть, что творится. Ногги Мортимер гордился своей расторопностью. Клуб буквально заполонили розы, папоротники, фонарики, златозубые саксофонисты, хихикающие девицы и легкие закуски. Житель древнего Вавилона одобрил бы все это, а вот Энгуса мутило. Клуб был для него чем-то вроде храма, где серьезные люди тихо рассказывают друг другу, как загнали мяч с трех ударов в далекую лунку.
Меньше мутить не стало, когда он увидел Эванджелину, танцующую с хозяином. Сам он танцевать не умел, даже не учился, опасаясь, что это испортит игру, и ничего не знал об особенностях фокстрота. Тем самым, он не мог сказать, должен ли Ногги так прижиматься к его невесте. Может быть, должен, а может — нет. Знал он одно: на сцене, в мелодрамах, героини отстаивают свою честь, когда их пытаются обнять намного пристойней.
Наконец он ощутил, что больше выдержать не может. В соседней комнате было что-то вроде ниши. Он забрался в ее полумрак и почти сразу заснул.
Сколько времени он спал, неизвестно. Ему показалось, что минуту, но он явно ошибался. Разбудил его кто-то, трясущий за плечо. Поморгав, он узнал очень испуганного Ногги, который что-то кричал. Вскоре он разобрал, что тот кричит: «Пожар!»
Сон мгновенно слетел с Энгуса. Он был бодр и свеж, а главное — знал, что делать.
Прежде всего он подумал об Эванджелине. Сперва спасаем ее. Потом — трофеи и экспонаты из курилки, в том числе мяч Генри Коттона. После

этого займемся дамами, затем — барменом и, наконец, попробуем спастись сами.

Такая программа требовала быстрых действий, и он приступил к ним немедленно. Восклицая «Эванджелина!», он кинулся в зал и покатился по скользкому полу, а потом и упал.

Только тут он заметил, что кто-то привязал к его ногам ролики. Одновременно с этим открытием он услышал мелодичный смех и, подняв глаза, увидел кольцо веселых гостей. Самой веселой была Эванджелина.

Минут через пять мрачный, угрюмый Энгус дополз на четвереньках до кухни, где добросердечный лакей перерезал ремешки. Заметим, что на четвереньки он встал с третьего захода и ясно слышал, как Эванджелина уподобляла его действия перетаскиванию мешка с углем. Скорбно и серьезно шел он домой в темноте. Правая нога болела, но душа болела больше.

Любовь умерла, говорил Энгус. Он разочаровался в Эванджелине. Девушка, которая может хохотать, как гиена, в подобной ситуации, недостойна любви. Если она такая, пусть связывает судьбу с Мортимером. В конце концов, ей духовно близок человек, поправший закон гостеприимства. Ну, что это — привязать ролики и крикнуть «пожар»!

Растершись целебной мазью, он лег и заснул.

Утром, когда он проснулся, душа его, как часто бывает, стала мягче и спокойней. Он по-прежнему полагал, что Эванджелина пала до уровня гиены, причем — умственно неполноценной, но приписывал это перевозбуждению, вызванному папоротником и фонариками. Короче говоря, ему казалось, что она обезумела на время, а он должен вернуть ее на путь добродетели, прямой и узкий, как средний газон. Тем самым, услышав телефонный звонок, а потом — ее голос, он приветливо поздоровался.

— Как ты там? — спросила она. — В порядке?

— В полном, — сказал Энгус.

— Эта ночь тебе не повредила?

— Нет-нет.

— Ты помогаешь мне на матче, да?

— Конечно.

— Это хорошо. А то я думала, ты пойдешь на скейтинг-ринг. Ха-ха-ха, — засмеялась она серебристым смехом. — Хи-хи-хи.

Конечно, против этого смеха ничего не скажешь. Но бывают минуты, когда мы к нему не расположены, и, надо признаться, Энгус рассвирепел. Когда он подошел к первой подставке, почти вся кротость исчезла, словно

ее и не было. Поскольку это было видно, а Эванджелина была не в форме, они подошли к девятому газону в некотором напряжении. Энгус вспоминал серебристый смех, ощущая, что он отдает пошлостью. Эванджелина спрашивала себя, как можно играть, если кэдди похож на низкое давление у берегов Ирландии.

В те критические минуты, когда искра может вызвать взрыв, они увидели на веранде Ногги Мортимера.

— Привет, ребята, — сказал он. — Как наша прелестная Эванджелина в это прелестное утро?

— Ох, Ногги, какой ты смешной! — воскликнула она. — Ты что-то сказал, Энгус?

— Нет, — отвечал он, и не солгал, ибо только фыркнул.

— А как Мактевиш из Мактевиша? — продолжал Ногги. — Все в порядке. Я говорил с владельцем цирка, и тот сказал, что возьмет ваш номер.

— Да? — отозвался Энгус.

Он понимал, что это не ответ, но никакие слова его бы не удовлетворили. Лучше взять этого субъекта за шею и крутить ее, пока не порвется. Но он не отличался особой силой, а субъект, как многие лыжники, был крупен и широкоплеч. Поэтому он только прибавил «Вот как?» с видом обиженной кобры.

— Ну, ребята, — сказал Мортимер, — я иду в бар, пропущу стаканчик. Что-то голова побаливает. Тут р-р-рекомендуют шерсть той собаки, которая тебя укусила. Как говорится, клин клином.

Улыбнувшись той мерзкой улыбкой, которая свойственна душам общества, он удалился, а Эванджелина властно сказала Энгусу:

— Я тебя *умоляю!*

Он спросил, что она имеет в виду, и она ответила, что ему это известно.

— Вести себя так с бедным Ногги!

— Что значит «так»?

— Как надувшийся мальчишка.

— Тьфу!

— Мне стыдно за тебя.

— Тьфу!

— Не говори «тьфу»!

— Ч-черт!

— Не говори «черт»!

— Что мне, вообще не говорить?

— Конечно, если ты других слов не знаешь.

Энгус заметил было, что он знает еще два-три слова, но сдержался и сердито пнул ногой деревянную панель.

— Я просто тебя не понимаю.

— Вот как, не понимаешь?

— Человек с чувством юмора смеялся бы до упаду.

— Вот как, смеялся бы?

— Да. Когда Ногги так подшутил над принцем Шлоссинг-Лоссингским, тот уж-жасно забавлялся.

— Вот как, забавлялся?

— Да.

— Я не принц.

— Это видно.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты… ну, не знаю кто.

— Да?

— Да.

— Вот как?

— Вот так.

Горячая кровь Мактевишей окончательно вскипела.

— Я скажу, кто ты, — предложил Энгус.

— Кто же я?

— Хочешь узнать?

— Да.

— Ну, ладно. Ты — та особа, которая займет двадцать седьмое место.

— Не говори глупостей.

— Я и не говорю. Это бесспорный факт. Ты знаешь не хуже моего, что эти вечеринки превратили здоровую, решительную, смелую девушку в жалкую, дрожащую растяпу, которая не в праве и подумать о каком-либо чемпионате. Наверное, у тебя есть зеркальце? Посмотрись в него, Эванджелина, и пойми его весть. Глаза у тебя — тусклые, руки трясутся, ты машешь клюшкой, словно сбиваешь коктейль. Что до игры, если это можно назвать игрой…

Лицо ее было жестоким и холодным.

— Говори-говори, — произнесла она.

— Нет, хватит. Слишком болезненная тема. Скажу одно, на твоем месте я бы не вынимал клюшек из сумки.

Это уж было слишком. Быть может, удар в челюсть Эванджелина простила бы, удара в глаз — не заметила, но это… Теперь, когда Энгус

разбил ее любовь к нему, она любила только мать и клюшки.

— Мистер Мактевиш, — сказала она, — будьте любезны, дайте мне сумку. Я больше не хочу вас беспокоить.

Энгус вздрогнул. Он понял, что зашел слишком далеко.

— Эванджелина! — воскликнул он.

— Моя фамилия Брекет, — отвечала она. — Не забудьте прибавить «мисс».

— Слушай, — сказал он, — это чушь какая-то. Тебе известно, что я боготворю дерн, по которому ты ступаешь. Неужели мы вот так расстанемся из-за какого-то поганца? Неужели наш рай погубит змея из-за пазухи — нет, скорее в траве? Если ты немного подумаешь, ты увидишь, что я прав. Твой Ногги — поганец и гад. Посуди сама, он издает швейцарский клич. Он не играет в гольф. Он…

— Сумку, если нетрудно, — высокомерно сказала она, — и поживей. Я не хочу торчать тут вечно. А вот и Ногги! Ногги, миленький, ты их понесешь?

— Что именно, душечка?

— Мои клюшки.

— О, старые добрые дубинки! Конечно, конечно, конечно.

— Дубинки, — тихо прошипел Энгус. — Ты слышала? Самый лучший набор клюшек, какой только бывает! Осторожно, моя дорогая! Не доверяй ему. Как-нибудь, когда-нибудь, где-нибудь, он тебя подставит, и сильно. Берегись!

— Иди сюда, лапочка, — сказала она, смеясь серебристым смехом. — Мой партнер заждался.

Скрестив руки на груди, Энгус смотрел на них с веранды. Эванджелина, с каменным лицом, не удостоила его и взгляда. Отрешенно и гордо шла она к подставке. Ногги Мортимер, сдвинув шляпу набекрень, вынул из кармана фальшивые усики, прилепил их, отбил чечетку, вымолвил: «Тра-ля-ля-ля», закинул сумку на плечо и последовал за ней.

Быть может (сказал Старейшина), мой рассказ, особенно — реплики Энгуса, навел вас на мысль, что Эванджелине не стоило играть вторую половину матча. Отыграв так первую, она могла бы порвать свою карточку и пойти домой.

Но вы должны принять во внимание, что ревнивый и любящий человек, только что обсмеянный соперником, а там — и любимой женщиной (сперва — в манере гиены, потом — серебристым смехом), итак, вы должны учесть, что он преувеличивает, если не выдумывает.

Такие переживания искажают восприятие истины и заостряют речь. Говоря о клюшке, Энгус просто имел в виду, что Эванджелине не удались два удара вверх. Слова о коктейлях были основаны на склонности помахивать легкой клюшкой. Да, Эванджелина сделала ударов на пять больше, чем подобает особе с ее гандикапом, но играла совсем неплохо. Обида на бывшего жениха, как часто бывает, придала ей невиданную силу.

Каждый удар она наносила с отточенной яростью, словно представляя, что на траектории мяча стоит Энгус Мактевиш. Невысокий короткий удар метил в него, равно как и все прочее. Таким образом, она взяла с четырех ударов десятую лунку, а также одиннадцатую и двенадцатую, а четырнадцатую — с двух (если помните, Брейд сказал Тейлору, что это прекрасно, как витраж, отражающий сияние вечности). Словом, сводя все к холодным цифрам, до семнадцатой лунки она сделала семьдесят три удара. Узнав от кого-то, что две возможные соперницы сделали по семьдесят девять, она, естественно, решила, что все идет неплохо. Восемнадцатую лунку она любила особенно и верила, что одолеет ее в четыре удара.

Поэтому мы не удивимся, что она смотрела на Ногги сияющим взглядом. Прилепив усики, он резво покручивал их, и ей казалось, что это очень забавно. Насколько лучше, думала она, этот веселый, легкий человек, чем мрачный Мактевиш — и в качестве кэдди, и в качестве спутника жизни. Этот Энгус, напоминающий замороженный вклад, просто не дает играть во всю силу. Как хорошо, что ей удалось спастись!

— Знаешь, Ногги, — сказала она, — больше всего мне нравится твое чувство юмора. Люди без этого чувства — очень противные. Шотландцы, и вообще… Надуваются из-за невинного, добродушного розыгрыша. Как… ну, скажем, шотландцы.

— Это верно, — согласился Мортимер, приспосабливая фальшивый нос.

— Я бы первая посмеялась. У меня, слава Богу, есть чувство юмора.

— Это хорошо, — одобрил Мортимер.

— Такой уж я уродилась, — скромно сказала она. — Или оно есть, или его нет. Тут мне понадобится новый мяч. Я не имею права на ошибку.

Уверенность в себе не уменьшилась в эту важнейшую минуту. Она видела белый блестящий мяч на деревянной подставке, и эта уверенность держала ее, как держит невидимый газ воздушные шары. Мы, игроки в гольф, знаем чувство, которое посещает нас, если мы прекрасно прошли семнадцать лунок и чувствуем, что все в порядке — и поза, и положение рук, вообще все. Вот — ты, вот — мяч, сейчас ударим его в брюхо, и он улетит на милю с четвертью. Боялась она только того, не перемахнет ли

через газон, который был всего в трехстах восьмидесяти ярдах.

Она чуть-чуть раскачалась, потом занесла клюшку и с легкостью ее опустила.

А что же делал Энгус? Какое-то время стоял. Потом ходил по террасе, сдвинув брови, и напоминал членам клуба, видевшим его из комнат, Наполеона на острове Святой Елены. Наконец, ощутив, что ему не хватает места, чтобы выразить себя, он пошел в обход поля и по странному совпадению приблизился к последней лунке именно в тот миг, когда Эванджелина наносила удар. Он был почти рядом, когда его мрачные думы вспугнул мерзкий, крякающий смех за кустами, скрывающими от него подставку.

Он остановился. Смех на поле всегда оскорблял его чувства, а этот он к тому же узнал. Никто, кроме Ногги Мортимера, не смеялся так противно.

«Тьфу», — сказал Энгус, и собирался сказать еще раз, но слово это замерло на его устах. Раздался тот странный звук, какой издает дерн, когда по нему бегут, потом из-за кустов выскочил Ногги, а за ним — Эванджелина, размахивающая клюшкой с железом. Глаза ее горели, как и лицо. Так и казалось, что она хочет вышибить мозги из своего кэдди.

Энгус почти не страдал праздным любопытством, но за этой парой побежал со всей возможной скоростью. Настиг он ее в ту минуту, когда Ногги, уже не надеясь спастись, полез на дерево с редкой прытью, приобретенной, видимо, в швейцарских горах.

Тут Эванджелина увидела Энгуса.

— О, Энгус! — вскричала она, кидаясь в его объятия.

Я всегда замечал, что шотландцы скорей надежны, чем быстры умом; скорей постоянны, чем тонки, но даже такой истинный шотландец сразу заметил, что по какой-то причине прошлое вернулось, Эванджелина снова с ним. Он прижал ее к своей груди, и она постояла так, икая и плача.

— О, Энгус! — проговорила она наконец. — Как ты был прав!

— Когда? — спросил он.

— Когда говорил: «Берегись! Когда-нибудь, где-нибудь, как-нибудь он тебя подставит».

— И подставил?

— Еще как! У восемнадцатой лунки мне нужно было сделать пять ударов, чтобы выиграть, и я попросила его дать мне новый мяч. Знаешь, что он сделал?

— Нет.

— Сейчас узнаешь. Он дал мне м-м-м…

— Что?
— М-м-м…
— Мяч?
— Нет! Мы-мы-мы…
— Мы-мы-мы?
— Да.
— Мы-мы-мы?..
— Мыло! — вскричала она, внезапно обретя дар речи.

Если бы он ее не обнимал, он бы пошатнулся. Его возвышенной душе претили папоротники в клубе и смех на поле, но особое омерзение вызывало то мыло в виде мяча, которое изготовляли мыловары, способные смеяться над святыней. Сколько раз, зайдя в аптеку, чтобы купить зубную пасту, он едва удерживался от крика, увидев эти гнусные шары. До сих пор ему казалось, что предел низости — изготовлять их. Но нет, можно пасть еще ниже. Человек — точнее, существо, внешне похожее на человека, — подсунул эту пакость нежной, чувствительной девушке — и когда? В самом конце важнейшего матча.

— Я как следует ударила по мячу, — продолжала Эванджелина, дрожа при одном воспоминании, — и мне показалось, что мяч раскололся пополам. Кстати, — голос ее стал веселее, — не мог бы ты, мой дорогой, влезть на это дерево и передать мне этого гада? Посмотрим, что можно сделать клюшкой.

Мактевиш покачал головой, словно осуждая насилие, и нежно увел ее. Ответил он только тогда, когда они отошли достаточно далеко.

— Все в порядке, любовь моя. Все хорошо.

— В порядке? Что ты хочешь сказать? Он погладил ее руку.

— Ты была слишком взволнована и не заметила. Прямо над его головой — осиное гнездо. Надеюсь, нас не сочтут кровожадными, если мы решим… А! Слушай!

Покой весеннего вечера нарушили немелодичные крики.

— И смотри, — прибавил Энгус.

Из-за дерева что-то выскочило и кинулось к воде за последней лункой. Оно нырнуло и, видимо, решило подольше побыть в этой стихии, поскольку, высунув голову из неприятно пахнущих глубин, быстро втянуло ее обратно.

— Целительная сила природы, — заметил Энгус. Эванджелина добрую минуту стояла, открыв рот. Потом она закинула голову и засмеялась так звонко, что пожилой джентльмен, отрабатывающий у семнадцатой лунки короткий удар, резко дернул клюшку и послал мяч на

восемьдесят ярдов.

Энгус нежно гладил руку Эванджелины. Он был терпим и понимал, что смеяться на поле для гольфа все-таки можно.

В КОНЦЕ КОНЦОВ, ЕСТЬ ГОЛЬФ

Был день ежегодных состязаний для смешанных пар, и Старейшина с другом, приехавшим на уик-энд, направились к краю террасы, чтобы посмотреть, как начнет игру первый из участников. Когда они увидели поле, друг удивленно, даже благоговейно вскрикнул.

— Какая красавица!.. — прошептал он.

Говорил он о молодой особе, только что положившей на подставку свой мяч и с царственным достоинством исследовавшей сумку, которую держал кэдди. Если бы у того было чувство уместности (его у кэдди не бывает), он бы встал на одно колено, как средневековый паж.

Старейшина кивнул.

— Да, — сказал он, — миссис Плинлемон очень ценят в нашем небольшом сообществе.

— Где-то я ее видел, — сказал друг.

— Конечно, в журналах. Кларисса Фитч была очень популярна.

— Кларисса Фитч? Которая перелетела океаны и пересекла Африку?

— Она самая. Теперь ее именуют миссис Эрнест Плинлемон.

Друг задумчиво смотрел, как она вынимает клюшку.

— Значит, вот она кто. Чтобы на ней жениться, нужна большая храбрость. Прямо Клеопатра. А где ее муж?

— Сейчас он к ней подходит. Щуплый такой, в очках.

— Что! Этот сморчок? До он похож на второго вице-президента какой-то компании.

— Душенька, — сказал щуплый человек.

— Не эту клюшку, мой ангел.

— Ну, что ты, кроличек!

— Нет и нет. Возьми с железом.

— Непременно, мой дорогой?

— Да, радость моя, непременно.

— Хорошо. Тебе виднее.

Когда наш мудрец вел гостя обратно в комнаты, тот все еще удивлялся.

— Да, — проговорил он, — если бы сам не услышал, не поверил бы. Скажи мне кто-нибудь, что такая женщина нежно воркует со сморчком, а тот ее поучает, я бы засмеялся. Казалось бы, в этом случае властвует

жена…

— Согласен, — сказал мудрец. — Именно так и кажется. Но, смею заверить, правит Плинлемон, вроде бы мягко, и очень жестко.

— Кто он, укротитель львов?

— Нет. Он занимается оценкой убытков. Страхование, морское право…

— Несомненно, прекрасный работник.

— Да, просто ас. Кроме того, он предан гольфу и гандикап у него — четыре. История его любви занятна. Она иллюстрирует истину, в которую я твердо верю — благоговейных игроков охраняет Провидение. В событиях, приведших к свадьбе Эрнеста и Клариссы, видна его заботливая рука.

Года два назад (сказал Старейшина) мисс Фитч приехала на лето к тете, которая живет в наших местах. Сами понимаете, на холостяков это произвело большое впечатление. Они остолбенели. Те, кто годами играл в мешковатых штанах с грязными пятнами, кинулись к портным и заказали гольфы. Они почистили ботинки, повязали галстук, подкрутили усы.

Сильнее всех влюбился Эрнест Фарадей Плинлемон. Когда они встретились впервые, он за полчаса три раза побрился, переменил три воротничка, отдал старьевщику все шляпы и купил португальские сонеты. Позже в тот же день я встретил его в аптеке. Приобретал он бриллиантин и спрашивал продавца, не знает ли он средства против веснушек.

Однако ни он, ни кто другой успеха не имели. Наконец, Э. Ф. П. Пришел ко мне за советом.

— Я умру от любви, — сказал он. — Не сплю, не ем, хуже работаю. Начну считать, а *ее* лицо появляется передо мной. Как растопить это гордое холодное сердце? Какой-нибудь способ есть, но какой?

Одно из утешений старости в том, что она помогает стоять в стороне от кипящего котла страсти и мирно, спокойно смотреть на его содержимое. Как старейшина здешних мест, я часто видел больше, чем пылкие и молодые участники событий. Мне было ясно, почему Клариссе не угодны ухаживания местных джентльменов, и я попытался объяснить это Эрнесту Плинлемону.

— Вы, молодые люди, не понимаете, — сказал я, — что Кларисса Фитч, по сути своей, склонна к романтике. Она пересекла Африку пешком, хотя быстрее и дешевле ехать поездом. Романтичной особе нужен романтичный друг. Вы, как и все прочие, пресмыкаетесь перед ней. Естественно, она сравнивает вас с 'Мгупи Мгвумпи, и не в вашу пользу.

Он вылупился на меня и приоткрыл рот, отчего стал удивительно похож на рыбу, которую я как-то выудил в Брайтоне.

— С кем, с кем?

— С 'Мгупи Мгвумпи. Если не ошибаюсь, он был вождем племени 'Мгопи и произвел на вашу Клариссу большое впечатление. Не будь он черен, как туз пик, и не имей двадцати семи жен, а также сотни наложниц, что-то могло и выйти. Во всяком случае, недавно она мне сказала, что ищет человека, наделенного духовной мощью вождя, но посветлее и без жен.

— Да-а… — выговорил несчастный.

— Могу дать и другие сведения, — продолжал я. — Вчера она восхищалась героем какого-то романа, который носил сапоги и пинал ими возлюбленную.

Эрнест побледнел.

— Вы действительно думаете, что ей нужен такой… субъект?

— Да.

— А вам не кажется, что молодой человек с хорошим голосом, мягкий и преданный всем серд…

— Нет.

— Пинает сапогами! Во-первых, я не ношу сапог.

— Сэр Джаспер Медальон-Картерет при случае таскал свою подругу за волосы.

— Таскал?

— Да. Таскал.

— И мисс Фитч это нравится?

— Очень.

— Та-ак. Ясно. Понятно. Что же, спокойной ночи. Эрнест ушел, опустив голову. Я с жалостью смотрел ему вслед. Надежды для него не было, и я понимал, как пусты разговоры о целительном времени. Он не принадлежал к сообществу, именуемому мотыльками, не перелетал с цветка на цветок. Специалист по морскому праву подобен зафрахтованному кораблю или идеальному бухгалтеру. Когда он любит, он отдает сердце навсегда.

Не надеялся я и тронуть Клариссу, однако думал, что должен сделать все возможное. Преклонные годы дали мне право на дружбу с девушками, а уж повернуть беседу к их личным делам — легче легкого. То, что у молодого покажется наглостью, оборачивается в старости участием.

Зацепившись за ее сетования на скуку (она уподобила здешнюю жизнь пустыне), я предположил, что надо бы выйти замуж. Она подняла прекрасные брови.

— За одного из этих кретинов?

Я вздохнул. Такие слова не сулили успеха.

— Вам не нравятся наши денди?

С губ ее сорвался смех, напоминающий звуки, которые издает попугай в перуанских джунглях.

— Кто-кто? В жизни не видела таких кроликов. Просто какие-то трупы, полежавшие в воде… — Она на мгновение замолчала. — Вот что, — продолжила она, — как, по-вашему, писательницы берут своих героев из жизни?

Я опять вздохнул.

— Вчера я читала двадцать шестую главу. Леди Памела, на охоте спугнула собак, а сэр Джаспер тут же хлестнул ее нагайкой, чтобы знала свое место. Вот это я понимаю!

Я вздохнул в третий раз. Если женщина ждет не дождется демонического друга, только гениальный торговец подсунет Эрнеста. И все-таки я попытался.

— Один человек, — сказал я, — безумно любит вас.

— Не один, а штук пятьдесят, — возразила она. — Правда, это не люди, а медузы. Какую из заливных креветок вы имеете в виду?

— Эрнеста Плинлемона.

Она снова засмеялась, на сей раз — весело.

— О, Господи! Этот, с «Деревьями»!

— Простите?

— Вчера он к нам пришел, тетя подтащила его к пианино, и он спел «Но только Бог, о, только Бог способен дерево создать».[43]

Сердце у меня упало. Я не думал, что мой подопечный сделает такую глупость. Надо было предупредить, что именно эта песенка лишает исполнителя последних остатков мужественности. Если бы Чингиз-хан или гунн Аттила пели «как много гнезд в его кудрях», они показались бы робкими и бесхребетными.

— Словом, — сказала Кларисса, презрительно улыбаясь, — вы назвали того, за кого я не выйду даже ради умирающего дедушки.

— У него гандикап — семь, — напомнил я.

— В каком спорте?

— Я имею в виду гольф.

— Что ж, я в гольф не играю, и меня это не трогает. Этот тип — самый угодливый из всех, а ваши места просто кишат подхалимами. Похож он на креветку с гастритом. Дохлый, чахлый, в очках. Спасовал бы перед… ну, казуаром. А что бы он сделал, если бы на него прыгнул лев?

— Несомненно, повел бы себя, как истинный джентльмен, — отвечал я с некоторой сухостью, ибо мне претило ее высокомерие.

— Передайте ему, — сказала Кларисса, — что я бы на него не посмотрела, будь он единственным мужчиной на свете.

Я передал. Мне казалось, что лучше, как-то милосердней, ознакомить его с положением дел, чтобы он не изводил себя пустой надеждой. Отыскав его на седьмом газоне, где он отрабатывал короткий удар, я сообщил ему все, что слышал.

Конечно, он расстроился и, ударив сверху по мячу, загнал его в бункер.

— Заливная креветка? — переспросил он.

— Да. Заливная.

— Не выйдет за меня ради бабушки?

— Дедушки.

— Знаете что, — сказал Эрнест Плинлемон, — видимо, у меня мало шансов.

— Немного. Конечно, если бы вы стукнули ее по голове тяжелой клюшкой…

Он сердито нахмурился.

— Ни за что! Запомните, я ее не стукну. Лучше попробую забыть.

— Да, ничего другого не остается.

— Сотру ее образ из памяти. Уйду в работу. Буду дольше сидеть в офисе. И, — он заставил себя бодро улыбнуться, — в конце концов, есть гольф.

— Молодец, Эрнест! — воскликнул я. — Да, есть гольф. Судя по вашей игре, вы можете получить медаль.

Очки его засияли тем сиянием, которого я жду от моих молодых подопечных.

— Вы думаете?

— Конечно. Только тренируйтесь, как следует.

— Уж я потренируюсь! Всю жизнь мечтал о медали. Одно плохо, надеялся рассказывать об этом внукам. Теперь их вроде не будет.

— Расскажете внукам друзей.

— И то верно. Что ж, хорошо. С этой минуты — никакой любви, только гольф.

Признаюсь, подбадривая его, я немного кривил душой. У нас было по меньшей мере три игрока, которые могли его превзойти, — Альфред Джакс, Уилберфорс Брим и Джордж Пибоди.

Однако, глядя на то, как он тренируется, я чувствовал, что не зря

приукрасил правду. Упорная тренировка укрепляет душу, и мне показалось, что Эрнест Плинлемон становится все сильнее. Это подтвердил один случай.

Я спокойно курил на террасе, когда из клуба вышла Кларисса, чем-то расстроенная. Прекрасные брови хмурились, из носа вырывался свист, словно из кипящего чайника.

— Червяк, — сказала она.

— Простите?

— Жалкий микроб!

— Вы имеете в виду…

— Эту очкастую бациллу. Стрептококка с фарами. Певца деревьев. Словом, Плинлемона. Ну и наглость!

— Чем он вас так раздосадовал?

— Понимаете, я попросила его отвезти завтра тетю на дневной концерт. А он говорит: «Не могу».

— Дорогая моя, завтра — летний матч на медаль.

— Во имя всех бородатых богов, это еще что такое? Я объяснил.

— Что! — вскричала она. — Значит, он отказался из-за этого дурацкого гольфа? Ну, знаете! Это… это… В жизни такого не слышала.

Она удалилась, кипя, словно восточная царица, не поладившая с прислугой, а я снова закурил. Мне стало легче. Я гордился Эрнестом. Несомненно, он вспомнил, что он — мужчина и игрок. Если ему достанется медаль, чары Клариссы рассеются. Я много раз это видел. Делая ту или иную ошибку, игроки падают духом и, утратив форму, влюбляются. Потом приходит успех, и они забывают о предмете своей любви. Знакомство с человеческой природой подсказывало мне: если Эрнест каким-то чудом получит эту медаль, у него не останется времени на мечты о Клариссе. Все силы, все время уйдут на то, чтобы гандикап опустился до нуля.

Тем самым, наутро я был рад, что погода хороша и ветерок ласков. Это означало, что игра будет проходить в обстоятельствах, благоприятствующих Эрнесту. Дождь или сильный ветер ему мешали. Сегодня, поистине, был его день.

Так и оказалось. Очки его светились верой в себя, когда он сразу послал мяч на значительное расстояние. В лунку он загнал его с четырех ударов, что неплохо.

Будь я моложе и прытче, я бы следил за всей игрой, но теперь мне как-то удобней в кресле и я полагаюсь на донесения, поступающие с места

сражений. Так я узнал, что самые опасные соперники — далеко не в форме. Удары их слабы. Уилберфорс Брим утопил два мяча в озере. Вскоре после этого мне доложили, что Уильберфорс Брим сдался; Джордж Пибоди, продвигаясь к одиннадцатой лунке, напоролся на жестянку из-под сардин; Альфред Джакс будет счастлив, если уложится в девяносто ударов.

— Все трое — псу под хвост, — сказал Александр Бассетт, мой информатор.

— Странно.

— Не очень. Я случайно слышал, что эта Кларисса за вчерашний вечер отказала одному за другим. Они, конечно, расстроились. Сами знаете, если сердце разбито, нет-нет да и промажешь.

Конечно, я огорчился — все же неприятно, когда игроков с гандикапом 0 касается беда, но быстро оправился, подумав, как это важно для Эрнеста. Мало ли что бывает, но теперь победа обеспечена. Следующая фраза подкрепила мои надежды.

— Плинлемон хорошо играет, — сказал Александр. — Размеренно и красиво. Теперь, когда тигров нет, я ставлю на него. Правда, есть одна опасность, какой-то Перкинс с гандикапом двадцать четыре. Говорят, он таит сюрпризы.

Бассетт ушел, чтобы вести дальнейшие наблюдения, а я, вероятно, задремал, потому что, открыв глаза, увидел, что солнце — намного ниже. Стало прохладнее. Я подумал, что матч завершается, и поднялся было, чтобы пойти к последней лунке, но тут на пригорке показалась Кларисса.

Кажется, я описывал, какой она была, рассказывая о том, что Эрнест отказался отвезти ее тетю на концерт. Такой же была она и теперь — нахмуренный лоб, опасный блеск в глазах, пар из тонко очерченных ноздрей. Кроме того, она прихрамывала.

— Что случилось? — озабоченно спросил я. — Вижу, вы хромаете.

Она издала резкий звук, напоминающий боевой клич западноафриканской дикой кошки.

— Захромаешь, если тебя ударят мячом!

— Что!

— То. Я остановилась, чтобы завязать шнурок, и вдруг в меня буквально врезался мяч.

— Господи! Где же?

— Неважно.

— Я имею в виду, где это случилось?

— Там, на поле.

— Перед восемнадцатой лункой?

— Не знаю, как это у вас называется.

— Игрок только что нанес удар?

— Он стоял на каком-то клочке травы.

— Что он сказал, подбежав к вам?

— Он не подбегал. Ну, подбежит — не обрадуется! Дайте мне две минуты, чтобы прилепить арнику и попудрить нос, и я готова, клянусь священным крокодилом. Я жду. Я покажу этому несчастному микробу!

Услышав знакомое слово, я вздрогнул.

— В вас попал Эрнест Плинлемон?

— Да. Подождите, пока я его увижу!

Она захромала в направлении клуба, а я поспешил к лунке предупредить Эрнеста, что его крови жаждет женщина, чей укус может оказаться смертельным.

Сейчас тут все иначе, а тогда восемнадцатая лунка была прямо под террасой. Человеку умелому ничего не стоило загнать в нее мяч с двух ударов. Подходя, я увидел Плинлемона и его партнера, в котором узнал известного недотепу. Эрнест помогал ему извлечь мяч из зарослей. Собственный его мяч синел на склоне, ярдах в восьмидесяти от газона. Я посмотрел на него с уважением. По словам Клариссы, он летел быстро, когда ударился об нее. Если бы не этот злосчастный случай, он находился бы по меньшей мере на пятьдесят ярдов дальше. Замечательный удар.

Управившись с недотепой, Эрнест пошел к своему мячу. Подошел туда и я. Он растерянно заморгал и я с удивлением увидел, что очки исчезли.

— А, это вы, — сказал он. — Сперва я вас не узнал. Разбил очки у пятнадцатой и неважно вижу.

Я пощелкал языком, выражая сочувствие.

— Значит, вышли из игры?

— Вышел? — вскричал он. — Да вы что! Мне даже лучше, могу сосредоточиться. Знаю, что мяча не увижу, и доверяюсь судьбе. Медаль — моя.

— Да?

— Несомненно. Сейчас я беседовал с Бассеттом, и он сказал, что Перкинс уложился в семьдесят пять ударов. За мной никого нет, а я сделал семьдесят один, так что выйдет семьдесят два, в крайнем случае — семьдесят четыре. Если бы не овца, мне бы вообще оставался один удар. Из-за нее я потерял по меньшей мере пятьдесят ярдов.

— Эрнест… — начал я.

— Та-акой удар, и вдруг — овца! Стоит на среднем газоне. Надо было

подождать, но я ждать не люблю. В общем, я решился и, кажется, угодил в нее. Если бы не она, мяч бы пролетел милю! Но это неважно. Ну, сделаю три удара.

Я подумал, стоит ли предупреждать его. Кларисса сказала «две минуты», но вряд ли ей понадобится меньше десяти. Он может успеть. И я промолчал, следя за тем, как он делает прекрасный удар вверх клюшкой с железной головкой.

— Куда он полетел? — спросил Эрнест.

— Вперед, — ответил я. — Но не к самому флажку.

— На каком расстоянии от флажка?

— Футах в пятнадцати.

— Ну, это легко, — сказал Эрнест. — Это мне раз плюнуть.

Я тактично промолчал, но несколько растерялся. Мне не нравилась его нагловатая уверенность. Конечно, вера в себя необходима игроку, но о ней не говорят, не облекают ее в слово. Боги нашей игры карают хвастунов.

Газон был непростой, какой-то волнистый. Иногда к концу матча мне казалось, что он вздымается и опадает, словно море на сцене. Эрнест ударил хорошо, но не очень. Он не учел бугорка, из-за которого мяч остановился в полутора метрах от лунки.

Однако уверенность не поколебалась.

— Сейчас мы его загоним, — сказал Эрнест.

Партнер, подошедший к нам, увидел выражение моего лица и поджал губы. Он, как и я, не верил, что из этой бравады выйдет что-то путное.

Эрнест Плинлемон нацелился на мяч. Линия была четкой, дело оставалось за силой. Увы, ее не так уж много к концу нелегкого матча. Сперва мне показалось, что близок счастливый конец. Мяч направился прямо к лунке, и я уже ждал веселого звяканья, но что-то застопорилось. Два фута… один… шесть дюймов… три дюйма… два… Я затаил дыхание.

Докатится? Сможет ли?

Нет! Меньше чем за дюйм до лунки он поколебался и встал. Эрнест толкнул его, но было поздно. Он сыграл вничью, и ему предстояли все муки еще одного, решающего раунда.

В такие минуты глупый человек говорит «Не повезло» или что-нибудь столь же банальное. Но мы с партнером, старые игроки, знали, что лучше всего молчать. Обменявшись взглядами, выражавшими жалость и боль, мы заметили, что Эрнест ведет себя довольно странно.

Зная его кротость и сдержанность, я удивился искаженному гневом лицу. Что там, я был поражен. Глаза горели, жилы на лбу вздулись. Я ждал, что он скажет, и вот он спросил:

— Где овца?

— Какая овца? — не понял партнер.

— Такая. В которую *он* врезался. — Глаза его стали вращаться. — В жизни не делал такого удара! Был бы рядом с флажком, если бы не овца.

— По-моему, это была не овца, — сказал партнер. — Больше похожа на мисс Фитч.

— На мисс Фитч?!

Я вздрогнул. Недавние треволнения выбили у меня из головы, что я хотел предупредить его. Что ж, предупредим сейчас. Кларисса может выйти с минуты на минуту, изрыгая пламя.

— Эрнест, — поспешил сказать я, — наш друг совершенно прав. Мисс Фитч завязывала шнурок…

— Что?

— Шнурок.

— Что!

— Ну, на башма…

Голос мой угас. Кларисса стояла на краю газона, скрестив руки. Глаза ее сверкали.

— Минуточку, — слишком спокойно сказал Плинлемон. — Вы говорите, что эта чертова баба стояла посреди поля, чтобы завязать какие-то поганые шнурки? Во время матча? Когда мне нужно только четыре удара! Нет, я не могу! Шнурки!

Лицо его потемнело. Зубы звякнули. Рот открылся, нос задвигался, но он не нашел слов и с силой швырнул клюшку. Угодила она в Клариссу, которая подбиралась к нам медленным зловещим шагом снежного барса.

Этой минуты я никогда не забуду. Каждая мелочь живет в моей памяти. Словно все случилось вчера, я вижу багряное небо заката; длинные тени; Клариссу, скачущую на одной ноге; Эрнеста, чей гнев исчез, сменившись удивлением и ужасом. Я слышу, как после пронзительного крика воцарилась странная тишина.

Не могу сказать, сколько она длилась, в такие минуты не меряешь времени. Но рано или поздно Кларисса перестала прыгать и, держась за лодыжку, начала говорить.

Девушке в ее положении очень помогает знание языков. Я не уверен, что она смогла бы сказать по-английски и десятую часть того, что хотела. Новее распоряжении была добрая дюжина африканских диалектов, и пламенная речь внушала трепет даже тем, кто ничего не понимал. К чему слова? Общий смысл был ясен. Я машинально отодвинулся от Эрнеста, опасаясь, чтобы меня не поразила молния. Так бежали дети Израиля от

того, кто, на свою беду, рассердил Иеремию.

Эрнест стоял ошеломленный. Можно представить, что он чувствовал. Он чуть не раздробил прекраснейшую из лодыжек. Сэр Джаспер Медальон-Картерет скривил бы губы или даже взял клюшку с железной головкой, но Эрнест — не этот сэр. Казалось, что он вот-вот свалится.

Слова лились потоком над мирной лужайкой. В сущности, они могли литься без конца. Но вдруг, в середине особенно сильного пассажа, Кларисса сорвалась. Закрыв лицо руками, она зарыдала и снова принялась прыгать.

Эрнест ожил, словно развеялись чары. До сих пор он стоял недвижимо, теперь — дернулся, словно вспугнутый лунатик и двинулся вперед, по-видимому, чтобы упасть к ее ногам и биться головой об землю. При этом он протягивал руки, как бы взывая о милости. Когда он подошел вплотную, Кларисса подняла голову, и он угодил ей в правый глаз.

Удар был мастерский. Кларисса упала рядом с газоном, словно ее подстрелили. Вот она здесь; вот ее нету, зато есть песчаный фонтанчик, указывающий на то, что она свалилась в бункер.

Эрнест снова застыл на месте. Как и прежде, было нетрудно угадать, о чем он думает. Перед его духовным взором сменялись события. Он любил эту девушку безумно, но, кроме пения «Деревьев», за пятнадцать минут попал в нее мячом, ударил ее клюшкой по ноге, заехал ей в правый глаз. Я видел, что он хочет поправить очки и опускает руку, обнаружив, что их нет. Так и казалось, что он — в трансе.

Кто-то заскребся рядом с нами, и над краем газона возникла голова Клариссы. Я радостно вскрикнул. Правый глаз наливался багрянцем, но левый светился любовью.

Только что я говорил, что читал мысли Эрнеста. Теперь, еще легче, я читал мысли Клариссы. Мне было понятно без слов, что в бункере она все обдумала и пришла к неожиданным выводам.

Первый удар она приписала простой неосторожности, второй — случайности. Но третий, без сомнения, был нанесен сознательно. Щуплый очкарик обладал душой разгневанного носорога. Он не мог допустить, чтобы всякие особы ругали его на суахили. А если так, значит, и те два удара он нанес намеренно. Обезумев от любви, он применил именно те методы, о которых она мечтала. Сам вождь племени 'Мгопи не доходил до этого, а сэр Джаспер Медальон-Картерет перед Эрнестом — провинциальный фат.

Она потирала то глаз, то лодыжку, и вдруг, раскинув руки, кинулась к Плинлемону, восклицая:

— Мой герой!

Он не совсем понял.

— А? — спросил он. — Кто?

— Мой чудесный, смелый, великий герой.

Он заморгал.

— Это я?

Она обняла его в полном упоении, и даже он, хотя и не очень четко, понял главную мысль. Конечно, он удивился, но у него хватило ума сделать свою часть дела. Приподнявшись на цыпочки, он поцеловал ее, а потом, коротко вздохнув от счастья, приспособился к ее объятиям, словно так и надо. Я обернулся к партнеру, во время этих событий отрабатывавшему короткий удар, и сказал:

— Пошли. Пусть они побудут вдвоем.

ИЗ ГЛУБИНЫ[44]

Когда Старейшина беседовал с гостем на террасе прямо над девятым газоном, из клуба вышла девушка, буквально сиявшая красотой. Сердечно поздоровавшись, она показала ему браслет и спросила:

— Прелесть, да? Эмброз подарил к дню рождения. Она отошла, а гость вздохнул:

— Всегда одно и то же! — сказал он. — Исключений нет. Ну почему Природа создает таких девушек, если при них непременно есть какой-нибудь Эмброз, или Джим, или Тим, или Фред, или Нед, или Майк, или Спайк, или Персиваль? Хоть в монастырь уходи!

— Вам понравилась моя юная приятельница?

— То, что доктор прописал!

— Странно, что вы так выразились. Доктор не столько прописал ее, сколько получил. Она замужем за нашим здешним врачом Эмброзом Гассетом.

— Какой неравный брак!

— Именно. У него. Ее гандикап — 18, а у него — ноль. Но следует учесть, что она впервые взяла клюшку незадолго до свадьбы. Она играла в теннис.

Как все, боготворящие гольф, он относился к прочим спортсменам не лучше, чем ранние христиане к эбионитам.[45]

— Что ж, — иронически заметил гость, — хорошо, что он помнит ее день рождения.

— Ничего не поделаешь. Это число отпечаталось в его памяти. Быть может, придет время, когда Эмброз забудет выровнять края поля, но день рождения жены ему не забыть, и вот почему…

Обеспечив внимание слушателя (для чего он ткнул его под ребра ручкой клюшки), Старейшина начал свой рассказ.

Эмброз Гассет (сказал он) жил здесь несколько месяцев, когда в его жизнь ворвалась Эванджелина Тьюксбери. Мы все любили его и желали ему счастья. Многие из наших дам спали и видели, как выдадут дочь за приятного молодого человека с честными синими глазами и непревзойденным ударом. Однако он не поддавался. Как многие приятные люди с честными глазами, он был истинным мотыльком.

Но когда Эванджелина приехала к своей тетке, мисс Марте

Тьюксбери, он был сражен на месте, да так, что грохот слышали в соседних графствах.

Обычно влюбленные молодые люди приходят на эту террасу или вообще туда, где я сижу в своем любимом кресле, ожидая от меня сочувствия и совета. Сделал это и Эмброз. Очнувшись от легкой дремы, я увидел, что он стоит надо мной, смущенно почесывая подбородок железным наконечником клюшки.

— Я ее люблю — я ее люблю — я ее люблю — я ее люблю, — сказал он без предисловий. — Когда я вижу ее, пульс учащается, давление повышается, а может быть — температура. Перед глазами плавают белые пятна. Словом, я хочу обнять ее и крикнуть: «Мы созданы друг для друга».

— Вы имеете в виду?..

— Разве я не сказал? Эванджелину.

— Какая жалость!

— Почему?

— Дорогой Эмброз, мне тяжко огорчать вас, но она играет в теннис. Я видел собственными глазами, как она скачет по корту, издавая сомнительные крики.

К моему удивлению, он беспечно махнул рукой.

— Она мне говорила.

— И вы ее по-прежнему любите?

— Конечно.

— Эмброз, подумайте немного. Да, игроку в гольф нужна жена. Кто-то должен с терпением и восторгом слушать о его успехах. Но как вы этого добьетесь от теннисистки?

Он пылко вздохнул.

— Дайте мне на ней жениться, а там разберемся. Я ее люблю — я ее люблю — я ее люблю.

Через несколько дней он снова пришел к моему креслу.

— Вы знаете, — спросил он, — что я *ее* люблю?

— Да-да, конечно. Как дела?

— Неважно. К ней не пробьешься сквозь этих теннисистов.

— Родство душ. Вот кто создан друг для друга. Бросьте вы это, Эмброз, и подыщите безвредную барышню с приличным гандикапом.

— Ни за что! «Созданы»? Ха-ха! Эти жалкие микробы? Я их презираю. Но трудно, трудно. По-моему, самый заядлый — такой глист по имени Дуайт Мессмор. Вы его знаете?

— С виду. Конечно, ее к нему тянет. Он — просто мастер этого пинг-понга для взрослых.

— Претендует на кубок Дэвиса.

— А что это?

— Ну, кубок. Награда.

— У этих недоумков есть кубки? Да-а… Как же вы хотите победить соперника?

— Я прошу ее заняться гольфом. В его чистой атмосфере ей станут смешны всякие Мессморы. Но она и слушать не хочет. Она говорит, что только… неумные люди могут играть в такую игру.

— И эти чудовищные речи не мешают вам ее любить?

— Конечно, нет. Такой любви не помешаешь. Однако положение — сложное, надо что-то делать.

Несколько недель я его не видел, а потом с ужасом узнал, что же он сделал.

Он стал играть в теннис.

Конечно, совесть с трудом допускала, чтобы человек с гандикапом два, стремящимся к нулю, пустил под откос дело своей жизни. Позже, придя в себя, он рассказывал, что борьба была ужасна. Но любовь победила. Если ради Эванджелины надо играть в теннис, что же, он готов и на это.

Расспросы помогли ему узнать, что лучше всего — брать уроки у тренера. Подняв воротник, опустив поля шляпы, он пробрался туда, где творится это темное дело; и не успел моргнуть глазом, как оказался на корте с ракеткой в руке. Точнее, в руках, ибо он привык держать клюшку.

Тогда тренер сделал первое замечание:

— Ракетку держат одной рукой.

Эмброз удивился, но урок — это урок.

— Ну, начинайте, — сказал тренер.

— Еще не махнули флажком.

Тренер посмотрел на него, как на новое приобретение зоопарка.

— У нас нет никаких флажков. Вы что, никогда не играли в теннис? Странно! Во что вы играете?

— В гольф.

— Гольф? Ах, да! Такая беготня по выгону.

— По выгону?

— Ну, по пастбищу. Так-так-так. Теперь слушайте. Начнем с самого начала. Это — ракетка. Это — сетка. Это — мяч…

Под конец урока на корте появился долговязый субъект.

— Вы подумайте, мистер Мессмор, — обратился к нему наставник, —

этот джентльмен никогда не играл в теннис.

— Он и сейчас не играет, — ответил тот. — Ха-ха-ха-ха-ха! Эмброз вспыхнул, но только спросил: «Вот как?» — и продолжал свое дело.

Он брал уроки каждый день. Наконец тренер сказал, что он готов к «человеческой игре», но охладил его радость, предложив в партнеры одного знакомого калеку.

Однако Эмброз сыграл не с калекой, а с Эванджелиной Тьюксбери. Невероятно осмелев, он попросил ее — и получил согласие.

К сожалению, Дуайта Мессмора устранить не удалось. Он как раз узнал, что его берут в команду, соревнующуюся за этот кубок, и совсем разошелся. К середине первого сета он сравнил Эмброза с кошкой на раскаленной крыше (в пользу кошки) и не умолкал до конца.

Когда игра кончилась со счетом 6–0, Эмброз спросил Эванджелину, будет ли он когда-нибудь хорошим теннисистом. Она посмотрела на него как-то странно и заговорила о книгах, потом попыталась перейти к пьесам. Эмброз смутно ощутил, что она избегает ответа, и спросил снова.

Она замялась, но задачу взял на себя Дуайт Мессмор.

— Ответить нелегко, — сказал он. — Если под «хорошим» вы подразумеваете «честным», «добрым», или, скажем, «благородным», ничего невозможного здесь нет. Если же вы имеете в виду «искусным», прямо отвечу: «Не будете». Утешьтесь тем, что смотреть на вас — истинное удовольствие. Это я знаю точно, поскольку несколько раз снял ваши занятия и с большим успехом показывал в клубе. Вы просто всех заворожили. Так и просят: «А нельзя посмотреть, как Гассет играет в теннис?»

Сказав это, он увел Эванджелину. Эмброз почувствовал себя так, что, опиши ему что-то подобное больной, он бы прописал холодные компрессы и строгую диету.

Представьте себе его положение. Он был врачом, а врач должен вызывать священный трепет. Вспомнив некоторых пациентов, он заподозрил, что вышеупомянутые сеансы подрывают его авторитет. С особенной опаской припоминал он, как зацепился левой ногой за правый локоть и попятился по площадке, словно подстреленный кролик, причем в конце концов голова его оказалась между ног. Если это было на экране, здесь работать нельзя.

Наутро он проснулся в полной решимости. Надо пойти к Мессмору и забрать фильмы. Позавтракав, он сел в машину и поехал к нужному дому. Сжав губы, он заколотил молотком по двери, и в ту же самую секунду изнутри раздался громкий крик, если не вопль. Дверь открылась. В ней

стоял Мессмор.

Профессиональным взором Эмброз заметил, что лицо у него — зеленоватое. К тому же на лбу было мокрое полотенце.

— Заходите, — сказал он тихо, словно дух на спиритическом сеансе. — Как раз собирался за вами послать. Не топайте, не орите. Я при смерти.

Когда он шел в гостиную нетвердой походкой волжского бурлака, несколько гнусавый голос крикнул:

— Пр-ривет!

На столе стояла клетка, в ней находился привлекательный попугай.

— Не знал, что у вас есть птица, — сказал Эмброз.

— Я и сам не знал, — ответил Мессмор. — Привез какой-то тип в пикапе. Говорит, я заказывал. Какой дурак, однако! Могу я заказывать попугаев?

— Ка-ка-о, — заметил попугай, несколько мгновений молчавший.

— Какао? Бр-р-р! — сказал хозяин, опускаясь в кресло.

— Чем вы объясняете это недомогание? — спросил Эмброз.

— Отравился, — быстро ответил хозяин. — Вчера мы отмечали, что я попал в эту команду…

— Вы что-нибудь пили?

— О, нет! Шампанского — так, бутылки две, ликеру — шартрез, знаете, бенедиктин, Кюрасао, creme de menthe, кюммель… ну, и виски, естественно. Практически — безалкогольный стол. Тут все дело в икре. Вы, конечно, знаете, что вместо икры нам продают молоки, в которые подсыпают уголь. Нельзя полночи есть уголь без ущерба для здоровья.

— Да, — сказал Эмброз. — Лучше всего, вы полежите, а я пришлю вам лекарство.

— Ор-решек? — осведомился попугай.

— Не рекомендую, — сказал врач.

Уже подъезжая к коттеджу Тьюксбери, он вспомнил, что забыл фильм. Решив, что сейчас это не срочно, он постучался и узнал, что Эванджелины нет дома.

— Она сама не своя, — сообщила любящая тетя. — Понимаете, никто не вспомнил, что у нее день рождения.

Эмброз покачнулся. Он и сам забыл. Видимо, треволнения с теннисом…

— Особенно она обиделась на мистера Мессмора, — продолжала мисс Марта. — Он обещал ей попугая, она так любит птичек. И что же? Где

попугай?

Она собиралась еще что-то сказать, но слушать было некому. Бросив «Прошупрощенья», Эмброз исчез. Его шустрый ум видел выход.

Стук в дверь снова вызвал жалобные вопли, и снова страдалец предстал перед ним, исключительно точно воспроизводя иллюстрацию к учебнику «Чума бубонная»,

— О-ой! — взвыл он. — Вы доктор или дятел? Ну, что это! Тук-тук-тук, кук-кук-кук… Не надо, а?

— Слушайте, — сказал Эмброз, — это очень важно. Вам требуется полный покой, а разве он возможен при попугаях? Я его заберу.

Как это ни странно, зеленоватое лицо стало почти красивым.

— Заберете? Нет, правда? Дай вам Боже! Вы не медик, а бойскаут какой-то! Берите, берите на здоровье. Когда ваши отношения перейдут в прочную дружбу, он откроет вам, чего он хочет от света зари. А то скажет: «Являл ли вам прелестный свет зари», и баста. Тьфу! — Мессмор немного помолчал, борясь с эмоциями. — Вы — ангел. Вы — морская пехота. Что бы для вас сделать? А, знаю! Уничтожу пленки, ну, эти, про теннис. «Являл ли, — говорит, — вам прелестный свет зари?» Ну, что это такое?! Будьте готовы, он и вам скажет. Пойду, посплю. Всего хорошего!

Эмброз побежал к машине, раскачивая клетку на пальце. Огибая последний угол, он увидел Эванджелину. Брови у нее были сдвинуты, губы сжаты, но он надеялся снять эти симптомы.

Поймите и ее. Она привыкла к поклонению своего небольшого двора, и вдруг — ни букетов, ни пакетов. Телефон молчит. С тем же успехом можно праздновать день рождения на необитаемом атолле.

Знай она, что все ее поклонники отравились молоками с углем, она, быть может, поняла бы и простила. Но как поймешь, как простишь, не зная? Она лелеяла мечту о том, что обдерет тупым ножом неверных рыцарей и еще попляшет на останках.

— Доброе утро, мисс Тьюксбери, — сказал Эмброз. — Поздравляю, поздравляю, поздравляю! Тут у меня скромный подарок, простой попугай. Может, пригодится?

Ободренный ее взглядом, он остановил машину, встал на одну ногу и сделал предложение.

Она молчала. Сторонний наблюдатель заметил бы, что она взвешивает pro и contra. С одной стороны, он ей очень нравился. Мало того, он помнил ее день рождения. Казалось бы, что тут скажешь, кроме «Да»?

С другой стороны, можно ли связать судьбу с тем, кто цепляет левой ногой за правый локоть?

И она проговорила:
— Простите… Боюсь, что… В сущности… Ну, вы понимаете.
Эмброз понимал. Лицо у него стало таким, как в пресловутых фильмах.
— Ясно, — сказал он. — Значит, отставка.
— Вы простите…
— Ничего-ничего.
— Вы же понимаете…
— Конечно-конечно.
Молчание прерывал только попугай, интересующийся зарею. Эванджелина терзалась. Как бы смягчить удар? И вдруг ее осенило.
— Кажется, вы хотели поучить меня гольфу?
— Да…
— Может быть, позанимаемся?
— Вы действительно…
— Да-да. Только сбегаю за ракеткой.
— У нас нет ракеток.
— Как же вы перебросите мяч через сетку?
— И сеток нет.
— Какая странная игра!
— Так, — сказал Эмброз, кладя мяч и давая ей клюшку. — Посмотрим, долетит ли он до соседнего графства.

Теннис, вредный для души, все же укрепляет тело. Эмброз говорил мне, что она вложила в удар буквально все, что могла. Единственной ошибкой было то, что пришелся он не по мячу, а дюйма на три сбоку.
Это ее спасло. Она была горда и немедленно бросила бы слишком легкую игру. Именно так, говорил мне с ужасом Эмброз, определила она однажды гольф.
Но она сплоховала, и Эмброз увидел на ее лице ту смесь дерзости и смирения, с которой все и начинается.
— Разрешите, я покажу, — сказал он, пользуясь ситуацией, взял клюшку и пустил мяч по фервею. — Вот, примерно так.
Она глядела на него восхищенно, почтительно, благоговейно.
— Вы прекрасно играете, — вымолвила она.
— Ничего, прилично.
— А меня научите?
— За несколько уроков. Ах, нет, мне же надо отлучиться!
— Надо?

— Конечно. Человеку в моем положении полагается стрелять в горах серых медведей.

Они помолчали. Эванджелина выводила вензеля на дерне носком туфельки.

— Вам их не жалко? — спросила она.

— Что ж, и медведь знает горе.

— Вот что, — сказала она, — вам незачем ехать.

— Тут помогло бы только одно.

— Я это и имею в виду.

Эмброз задрожал от волос до тех особых ботинок, которые носят истинные игроки.

— Неужели?.. — начал он.

— Да-да.

— Вы действительно?..

— Да-да! Понять не могу, почему я так ответила. Оговорилась, должно быть.

Эмброз уронил клюшку и обнял Эванджелину.

— Мы созданы друг для друга, — сообщил он. — А теперь, — он вложил клюшку ей в руки, — откиньтесь немного назад, и помягче, но с силой…

НА ГЛИНЯНЫХ НОГАХ[46]

С приходом сумерек метель усилилась, и деревья у клуба клонились под ее напором. Снег мешал видеть, но Старейшина различил из окна курительной синевато-серые гольфы Сирила Джукса и одобрительно кивнул. Когда он еще играл, никакая погода не могла ему помешать. Он был рад, что молодому поколению не страшна ноябрьская свистопляска.

Сирил вошел в комнату. Лицо его, обычно — веселое, наводило на мысли о том, что он пережил гибель Помпеи. Никто не знал, что с ним такое, но самый мутный взгляд различил бы, что испытал он многое, и Старейшина заботливо справился:

— У вас что-то не так?

— Да уж, хуже некуда. Жена сердится.

— Простите, а в чем дело?

— Вы знаете ее братца, и согласитесь со мной, что над ним надо поработать.

— Несомненно.

— А для этого нужно выйти на площадку.

— Конечно.

— Вот я и сделал с ним два раунда. Вернулись, а она ждет. Говорит, он совсем синий, а вон и сосульки. Если он погибнет, кровь его на мне. В общем, повела оттаивать при помощи грелок. Жизнь бывает нелегкой.

— И весьма.

— Кажется, и впрямь холодновато, но что же это такое? Называть мужа слабоумным извергом! Способствуют такие слова семейному счастью?

Старейшина похлопал его по плечу.

— Держитесь, — сказал он. — Да, она немного раздражена, но поймет и простит. Ваша жена играет в гольф и в более ясном, здравом разуме понимает, как ей повезло с мужем. Дух гольфа, вот что важно в жизни. Именно он удержал Бьюстриджа от того, чтобы стукнуть будущую тещу, когда она стала делать замечания прямо у восемнадцатой лунки. Он подвигнул Подмарша завершить игру, хотя тот думал, что отравлен. Он спас и соединил Эгнес Флек и Сидни Макмердо. Кажется, я о них упоминал. Они собирались пожениться.

— Такая высокая, да?

— Чрезвычайно. И Сидни не маленький. Потому мы, друзья, и

радовались. Как часто видишь, что мужчина шести футов трех дюймов находит девушку в четыре фута десять, которая годится разве что для труппы лилипутов. Ничего подобного здесь не было. Сидни весил 200 фунтов, Эгнес — 160. Что еще важнее, оба играли в гольф с детства. Эгнес пленяла привычка Сидни посылать мяч на 250 ярдов,[47] его восхищала редкая точность ее удара.

История эта (сказал мудрец, приняв из рук собеседника порцию горячего пунша) началась в более теплую погоду. Стоял август, над курортом Ист Бамтон сияло солнце, освещая лучами пляж, пирс, лотки с мороженым и безбрежный океан. В этом самом океане, ярдах в пятидесяти от берега, Эгнес охлаждала себя после гольфа и думала о том, как она любит Сидни.

Самого его не было. Он задержался в городе, на службе (страховая компания), где считал дни и думал о том, как он любит Эгнес.

Когда девушка думает в воде о любимом человеке, чувства ее требуют выражения. Случилось это и с Эгнес. Бог на небе, ощущала она, все хорошо на свете,[48] значит — что-то надо сделать. И она заплескалась, поднимая пенистые фонтаны, а также запела некую песнь без слов.

Это не всегда понимают. Голос у Эгнес был зычный, и мы не удивимся, что купальщик, случайно оказавшийся поблизости, крепко схватил ее за руки и ускоренно поплыл к берегу.

Эгнес очень рассердилась, тем более, что голова ее почти все время была под водой. Достигнув берега, она наглоталась этой жидкости. Но только она собралась сообщить спасателю, что она о нем думает, как он, схватив ее сзади, выкатил на бочке. И тут же исчез.

Вечером, выходя из лифта, она еще ощущала вкус соли. Пересекая вестибюль, она услышала заботливый голос: «Привет! Ну, как вы?» — и, обернувшись, увидела высокого стройного мужчину со светлыми глазами и темным лицом.

— Пришли в себя?

Собираясь его осадить, она вдруг поняла, кто это.

— Спасибо вам большое, — начала она. — Но я… Он поднял руку.

— Не за что, моя дорогая, не за что! Я всегда спасаю людям жизнь. Какие пустяки! Вот если бы там была акула…

Эгнес смотрела на него, как смотрит ребенок на мороженое. Светлые глаза, четкие черты, исключительная стройность вызвали примерно то чувство, какое вызывает безошибочный удар.

— С акулами труднее, — говорил тем временем он. — Когда я спас в

Индийском океане княгиню делла Равиолли, их было с полдюжины, и очень наглых. Однако я дал им хороший урок моим карманным ножом. Акула трудна тем, что она понимает только язык силы.

Эгнес чувствовала, что надо как-то откликнуться, но что тут скажешь?

— Вы англичанин, правда? — спросила она. Он снова поднял руку.

— Скорее, космополит. Да, я родился в старой доброй Англии, и даже помогал ее суверену, но вообще я — бродяга, перекати-поле. Обо мне говорят: «На прошлой неделе он был в Пернамбуку, точнее сказать не могу. Китай, или Африка, или Северный полюс…» Недавно я заезжал в Голливуд. Там ставят фильм о джунглях, пришлось консультировать. Кстати, разрешите представиться. Фосдайк, капитан Джек Фосдайк.

От полноты чувств Эгнес не сразу вспомнила свое имя.

— Эгнес Флек, — сказала она наконец, вызвав интерес у собеседника.

— Флек? Я как раз недавно гостил у джентльмена с этой фамилией.

— Его зовут Джозайя?

— Да. Како-ой дом! Дворец, иначе не скажешь. Говорят, он — один из самых богатых людей в Америке. Не захочешь, расстроишься. Одинокий старик, без единой родной души…

— Почему? Вот я — его племянница. Как он?

— Слаб, очень слаб. Долго не протянет, — капитан Фосдайк вздохнул. — Как вы сказали? Племянница?

— Да.

— Единственная?

— Да.

— Однако! — сказал капитан Фосдайк с явственным восторгом. — А не выпить ли нам коктейль? Может, и пообедаем? Так-так-так-так…

За столиком чары его достигли апогея. Он разбирался в еде, в напитках, в принцах, в африканских вождях. Он танцевал, как аргентинец. Надо ли удивляться, что Эгнес вскоре стала обмахиваться салфеткой?

Девушка, которая, в случае необходимости, могла убить быка одним ударом, оробела вконец. Капитан обливал ее чарами, как из брандспойта. Ей казалось, что она парит на розовом облаке. Впервые за долгое время образ Сидни совершенно исчез из памяти. Конечно, в телефонной книжке значился «Макмердо, Сидни Дж.», а вот в памяти — нет.

Разговор зашел о спорте.

— Вы поразительно плаваете, — сказала она, еще ощущая солоноватый привкус.

— Да, неплохо. Много плавал в Уопшоте.

— В Уопшоте?

— Да, знаете, в замке Уопшот-кастл. Фамильное гнездо. Я редко там бываю, дела, дела — но время провожу превосходно. Охота, знаете, лошади, рыбная ловля…

— Вы любите ездить верхом?

— Я люблю скачки. Вы бывали на них?

— Нет, все как-то…

— Выиграл раза два. Помню, во второй раз леди Астор сказала, что надо дать шанс и другим. Лорда Бивербрука посмешило это замечание.

— А в гольф вы играете?

— Конечно. Гандикап — ноль.

— Можем завтра сыграть.

— Только не завтра. Ланч в Вашингтоне. Скука дикая, но нельзя же обижать Гарри.

— Гарри?

— Трумэна. Вернусь — сыграем. Кое-что вам покажу. Бобби Джонс говорит, что он бы не выиграл ни американского, ни английского чемпионата, если бы не изучил моих приемов.

— Вы знакомы с Бобби Джонсом?

— Еще бы!

— Он мне как-то дал автограф.

— Скажите слово, моя дорогая, и у вас будет фотография с подписью.

Эгнес схватилась за столик, чтобы не упасть. Так и шел вечер.

Заметьте, я ее не виню. Она жила тихо и не видела таких людей. И вдруг перед ней — какой-то разворот из цветного журнала! После прогулки при луне, когда он между прочим упоминал леди Астор, охотников за головами, Мервина Лероя и братьев Шуберт, она твердо знала, что, принимая ухаживания Сидни, купила товар, не пройдя вдоль прилавка.

Чтобы не растягивать печальную повесть, скажу одно: Сидни приехал и собрался прижать Эгнес к сорокачетырехдюймовой груди, но с удивлением увидел, что она предостерегающе поднимает руку. После этого она сообщила, что на ее ночном столике — фотография капитана Фосдайка, с которым они вскоре поженятся.

Ничего не скажешь, приятная новость для жениха, проведшего четыре часа в жарком поезде без ресторана. Сидни смутно расслышал, что Эгнес будет ему сестрой, и так испугался — сестер у него хватало, — что вышел из нокаута.

Глаза его сверкнули, мышцы заходили под свитером, и, бросив: «Вот

как?» — он повернулся и ушел, не забыв спросить и получить координаты соперника. Для начала он думал зайти к нему, взять за шкирку и потрясти, как собака — добычу. Дальше подскажут обстоятельства.

Сосредоточившись на Эгнес и Фосдайке, я мало рассказал вам о Сидни Макмердо. Отелло приближался к нему, но не достигал его уровня. Уведите у С. М. невесту — и перед вами окажется лев.

Достигнув удобного обиталища, которое снял на лето капитан Фосдайк, Сидни играл мышцами и грозно пыхтел. Соперник, напевавший прошлогодний шлягер племени 'Мгубо 'Мгобис, с любопытством посмотрел на него.

— Капитан Фосдайк? — спросил посетитель.

— Он самый.

— Рад познакомиться.

— Еще бы!

— Разрешите сказать одно слово?

— Хоть тысячу.

— Вы увели у меня невесту.

— А, вы этот Мердо!

— Да.

— Насколько я понимаю, вы собирались пожениться?

— Да.

— Ай-я-я-яй! Что ж, бывает. Вы ее, часом, не увидите?

— Я собираюсь к ней пойти.

— Вот и хорошо. Передайте, что я отыскал ружье для охоты на слонов. Она очень хотела увидеть зарубки.

— У вас на нем зарубки?

— У меня зарубки на каждом ружье. Я их употребляю по очереди. Из этого я застрелил вождя племени 'Мгобо 'Мгумбис.

Мышцы у Сидни приостановили свой мерный танец. Кулаки разжались.

— Застрелили?

— Естественно.

— Э… Вы это часто делаете?

— Всегда, когда затрагивают честь Фосдайков. Застрелил, как собаку.

— Собаку?

— Да.

— Какую?

— Любую.

— Ясно.

Они помолчали.

— Если я дам вам в глаз, — спросил наконец Сидни, — это затронет честь?

— Безусловно. Однажды меня ударил в глаз вождь этих Мгибо-Мгупи. Ка-ак его хоронили!

— Понятно, — сказал Сидни, — понятно. Что ж, пока. Рад познакомиться.

— Еще бы! Загляните как-нибудь. Покажу ружья.

Лоб у Сидни был невелик, но морщина там уместилась. Он ясно видел, как жалко вел себя при встрече. Но что он мог сделать? Обычный прием, за шкирку, здесь никак не подходит.

Каждый подсказал бы, что он во что-нибудь врежется. Так и вышло. Врезался он в змеевидную даму, очень похожую на тех, кто разбивал жизнь хорошим людям в немых фильмах. Видимо, к появлению звукового кино они вымерли. Дама была смугла и причудлива. К тому же она плакала.

Наблюдательный Сидни заметил, что в глаз ей попала мошка. В одно мгновение он вынул платок, откинул даме голову и оказал первую помощь. Она поблагодарила его, часто моргая. Потом окончательно прозрев, вскричала:

— Это вы!

Глаза, большие и блестящие, как у таинственной жрицы, пронзили его, словно пули — сливочное масло. Ему показалось, что кто-то взбивает ему внутренности.

— Как долго я ждала вас!

— Простите, — сказал Сидни. — Я что, опоздал?

— Мы ждал и друг друга.

— Не понял.

— Я вас люблю, — пояснила прекрасная незнакомка. — Поцелуйте меня.

Если бы она изучала рынок неделями, она бы не добилась лучших результатов. Спрос был именно тот, какой нужен. Сидни очнулся. Он поцеловал ее, жалея при этом, что поблизости нет Эгнес. Вот бы явиться к ней с таким номером и заметить: «Кое для кого я все-таки хорош».

— Погода — блеск, — сказал он, чтобы продолжить беседу.

— Божественно! Прислушайся к плеску волн. Они преисполняют ощущением невыразимо-несказанного.

— Точно.

— Быть может, они поют нам греческую песнь о тритоне, трубящем в

свой рог, и залитой солнцем любви юных богинь.

— Не знаю, — сказал Сидни. — Я не из этих мест. Она вздохнула.

— И я… Моя судьба — быть чужой повсюду. Я живу наедине с моими мечтами и видениями. Художник всегда…

— Вы пишете картины?

— О нет, книги! Я — Кора Макгаффи Спотсворт.

Сидни не знал, кто это, он бывал только на службе и на площадке, но понял, что она писательница, и решил поскорей выписать по почте ее сочинения.

Больше они не говорили. У первого же киоска он купил ей пломбир, и она стала рассеянно есть, держа в одной руке ложечку, а другой, словно белой орхидеей, прикрыв его руку.

Сидни Макмердо таял и кипел, как сыр на гренках. Теперь он понял, что незнакомка — не только способ наказать Эгнес. Именно такая женщина ему нужна. Когда, доев последнюю ложечку, она спросила, не слишком ли быстро призналась в своих чувствах, он отвечал «Ну, нет!», удивляясь, что чуть не взял в жены какого-то робота с клюшкой.

— Того, кто предназначен судьбой, узнаешь сразу, — сказала она.

— А то! — согласился он.

— Особенно, если вы давно любите друг друга. Помнишь, в Египте?..

Сидни удивился. Он знал, что в Иллинойсе есть такой город, нотам не бывал.

— Ну, как же, мой Антоний…

— Сидни. Второе имя — Джордж. Фамилия — Макмердо.

— В *нынешнем* воплощении. Тогда ты был Марком Антонием, а я — Клеопатрой.

— Да-да, — сказал он. — Как сейчас помню.

— Какие дни! А какие ночи на Ниле! Я изобразила их в «Горниле Нила». Рэвел Карстрейз — это ты. Великан с душой ребенка. Сколько лет я тебя искала! Неужели теперь ты отвергнешь меня из-за каких-то условностей?

— Ясное дело. То есть, не отвергну.

— Что нам условности? Люди скажут, что мы знакомы полчаса…

— Двадцать четыре минуты, — заметил аккуратный Сидни, взглянув на часы.

— В Египте я была в твоих объятиях через сорок секунд.

— Р-раз — и готово!

— Я честна и порывиста. Помню, как-то я сказала мужу… Сидни вздрогнул. Его нравственный кодекс улучшился с дней Марка Антония.

Чужих жен трогать нельзя. Кроме того, надо подумать и о службе. Тогда уж ему точно не стать вице-президентом компании.

— Мужу? — повторил он. — У вас есть муж?

— Уже нет. Он меня оставил.

— Ну, гад!

— Ничего не поделаешь, двойное воспаление легких. Сейчас, конечно, он жив, но в виде медузы. Медуза не может встать между нами.

— Куда ей! — согласился Сидни, вспомнив, что все-таки одна его укусила, или что они там делают.

Тем временем Эгнес, нежась в лучах Фосдайка, помнила о Сидни. Готовясь к женскому чемпионату, она немало думала о нем. Она беспокоилась, как он, и надеялась, что разбитое сердце не повлияло на игру.

Встретив его, она сперва ощутила облегчение. Он шел с Корой Макгаффи, являя всем своим видом, что если сердце и разбилось, оно побывало в ремонте. Кларк Гейбл мог бы поучиться, наблюдая за тем, как, склоняясь к своей даме, он гладит ее тонкую руку. Склоняясь и гладя, он еще и что-то шептал в перламутровое ушко. Словом, он был явно счастлив.

Чем и отличался от Эгнес. Ее мы, скорее, назвали бы озадаченной. Быть может, она слишком строго судила, но Кора Макгаффи напоминала ей одну из тех коварных женщин, которым ничего не стоит украсть план форта или, в самом лучшем случае, беспечно приказать: «Князь, мой веер!» Словом, на холостяцкой пирушке это еще туда-сюда, но с матерью таких особ не знакомят.

Поэтому, столкнувшись с Сидни в клубе, она прямо спросила:

— С кем это я тебя видела?

Тон ее обидел Сидни, и он прямо ответил:

— С моей невестой.

Эгнес пошатнулась. Она заметила новый галстук и аккуратную голову, но не думала, что дошло до этого.

— Собираешься жениться?

— Еще как!

— Сидни!

— Что «Сидни!»? — сердито спросил он. — Ну что «Сидни!»? Сама меня бросила, а теперь какие-то претензии! Могла догадаться, что я не залежусь.

— Это не ревность, — сказала Эгнес.

— А что?

— Я хочу, чтобы ты был счастлив.

— Я и счастлив.

— Какое тут счастье, если она похожа на змею с бедрами.

— Имеет полное право, — возразил Сидни. — В предыдущем воплощении была Клеопатрой. А я, — он поправил галстук, — Антонием.

— Кто тебе сказал?

— Кора.

— Она что, сумасшедшая?

— Ничего подобного. Да, поначалу я тоже подумал, но все разъяснилось. Она писательница. Ты, конечно, слышала о Коре Макгаффи?

Эгнес вскрикнула.

— Что? Не может быть!

— Хочешь посмотреть документы?

— Ой, Сидни, это ужас какой-то! У нас в школе выгнали двух девочек, у которых нашли ее книги под подушкой. Издатели прозвали ее Шкура Макгаффи. И «Кора из хора». В общем, на таких не женятся.

— А выходят за международных бандитов, которые бьют людей из ружья для охоты на слонов?

— Только африканских вождей.

— Они тоже люди.

— Когда напьются джина — нет. Тогда приходится. Это вроде воспитания хороших манер. И потом, он знаком с Бобби Джонсом.

— Как и бакалейщик Джонса. Сам он играет?

— Блистательно.

— Кора — тоже. Она надеется выиграть женский чемпионат. Эгнес поджалась. Она и сама надеялась.

— Вот как?

— Именно так.

— Через мой труп.

— Особенно она хороша с нибликом… — мечтательно проговорил Сидни.

Эгнес усилием воли подавила ярость.

— Ну, Бог даст, обойдется.

— Конечно! Я жутко счастлив.

— Хорошо, что мы вовремя одумались.

— Это верно. Представляешь, если бы мы сперва поженились!

— Я все равно ушла бы к Джеку.

— А я — к Коре.

— Он как-то убил льва открывалкой для сардинок.

— А Кора танцевала с герцогом Виндзорским, — не сплоховал Сидни.

Давно наблюдая за гольфом, могу сказать, что женские чемпионаты на курортах идут примерно одинаково. Мало-мальски годных участниц — штуки три-четыре, остальные просто хотят пощеголять в соответствующих костюмах. Поэтому отборочные игры описывать не стоит. Крольчихи легко и беззлобно сходят с круга, тигрицы доедают замешкавшихся, и к концу остаются только серьезные игроки.

Так было и в Ист Бамтоне. Эгнес шутя вышла в полуфинал, ожидая, что игра наконец начнется.

Глядя на то, как играет будущая миссис Макмердо, Эгнес немного успокоилась. Она по-прежнему не любила Кору, полагая, что именно такие женщины влекут мужчин на тропу греха, но в смысле гольфа Сидни повезло. Быть может, супруга отравит его или покинет, или будет нежиться на тигровой шкуре, но она никогда не выйдет на поле в бальных туфельках. Добивая очередную противницу, Эгнес видела, как Кора попала в дальнюю лунку с четырех ударов, тогда как ей самой это удалось с шести.

Полуфинал состоялся в один из тех дней, когда говорят: «Что жара! Если бы не влажность…» Долго сиявшее солнце куда-то исчезло. Нависла туча, кэдди еле таскали ноги. Эгнес не брала никакая погода. Она надеялась, что та подействует на противницу.

Кора со своей противницей играли первыми, и Эгнес снова восхитилась точностью ее удара. Сидни с явным одобрением смотрел на нее.

— Молодец, старушка! — сказал он, и Эгнес ощутила примерно то, что ощущаешь, если попадется несвежая устрица. Как часто слышала она эту самую фразу! Но она взглянула на Фосдайка, беспечно курившего сигарету, и минутная боль прошла. Если уж он не лучший из мужчин, то, знаете ли…

Когда пришел ее черед, Эгнес сразу поняла, что борьба предстоит нелегкая. Соперница была похожа на учительницу, но по мячу била мастерски.

Эгнес тоже была в форме, и до десятой лунки включительно они шли примерно вровень. Эгнес блеснула у шестой, но уступила у седьмой. Словом, успехи чередовались до одиннадцатой. Когда Эгнес направила к ней мяч, пророкотал гром, а там и разразился долго надвигавшийся ливень.

Эгнес подумала, что Провидение учло, наконец, ее заслуги. Дождь помогал ей. Тропический ливень придал бы ей невиданную силу. Она обрадовалась; но тут же заметила, что противница тоже не горюет. С

явным облегчением вдохнув прохладу, она легко одолела обе следующие лунки.

Капитан Фосдайк шнырял по площадке, роняя замечания о каннибалах, с которыми доводилось встретиться, и о львах, которым, на беду, довелось встретиться с ним. Однако пока шла борьба за эти две лунки, он не произнес ни слова. Примеряясь к тринадцатой, Эгнес увидела его рядом, мокрого, несчастного, с поднятым воротником.

— Как же быть? — выговорил он.

— С чем?

— С этим дождем.

— Ерунда, моросит немного.

— А может, не стоит? Эгнес уставилась на него.

— Ты хочешь, чтобы я бросила матч?

— А что?

— Не вышла в финал из-за какого-то дождя?

— Мы насмерть промокнем. В конце концов, гольф — только игра.

Глаза у нее сверкнули, как молния, ударившая неподалеку в дерево.

— Я не уйду! — крикнула она. — А если уйдешь ты, можешь считать, что все кончено.

— Да я что, — сказал Фосдайк, — просто предложил… Эгнес была потрясена. «Только игра», видите ли! Да, играл он мастерски, но *играл.* Где дух, где благоговение?

Тут пришла целительная мысль: он пошутил. Среди африканских вождей и английских лордов принято над всем подшучивать. Чтобы там удержаться, нужно сочетать легкость речи с силой характера. Наверное, он хотел ее развеселить и пустил в ход свое разящее остроумие.

Сомнения исчезли. Вера в него укрепилась. Следующий удар поражал своим совершенством.

Что до капитана Фосдайка, он повторял про себя, что Эгнес — единственная наследница старого Джозайи.

Я не знаю, была ли учительницей та, с кем сражалась Эгнес, но если была, наши дети не пропадут. Шляпа ее утратила всякую форму, но сама она, лунка за лункой, не уступала противнице. На шестнадцатой счет сравнялся. Семнадцатой она овладела с легкостью.

— Осталась одна, — сказала она впервые за все время.

Не стоит говорить на поле. Все-таки отвлекает. Видимо, поэтому дела с восемнадцатой пошли значительно хуже. Лунка была простая, на самом краю, и даже кролики удачно ею пользовались. Но учительница

промахнулась. Она играла так хорошо, что, казалось, справится с этим, однако мяч остановился за несколько дюймов от лунки, а у Эгнес сердце подпрыгнуло, как у Вордсворта при виде радуги. Она с детских лет промахивалась самое большее на три фута в год.

Именно тогда из клуба вышел пекинес, попивший там с блюдечка чаю. Он подбежал к мячу и стал его обследовать. Пекинесы — странные создания. Казалось бы, что ему этот мяч? Синеватый шарик, изрядно побитый. Но что-то он затронул. Собачка понюхала его и погладила. Потом взяла в рот, легла и стала методично жевать.

Эгнес было больно видеть собаку на газоне. Воспитанная с детства в уважении к правилам, она вся дрожала. Собрав воедино волю, она сделала шаг и сказала: «Фу». Пекинес покосился на нее, счел неинтересной и продолжал свое дело. Она шагнула еще раз, а учительница снова нарушила обет молчания.

— Ее не сдвинешь, — сказала она. — Естественная помеха.

— Какая чушь!

— Простите, это не чушь. Если вы попадете в лужу, вы не будете ее вычерпывать или вытирать. Вы учтете это препятствие. Так и собака.

Учительниц учат думать логично. Эгнес не знала, что делать; но тут ее взгляд упал на капитана Фосдайка.

— Правила не возбраняют, — сказала она, — чтобы зритель, оказавшись на поле, убрал оттуда животных.

Теперь сдалась учительница. Она горестно закусила губу.

— Джек, — сказала Эгнес, — убери эту собаку. А потом, — прибавила она, ибо отличалась хитроумием, — подержи ее голову над лункой.

Казалось бы, любой рыцарь кинется выполнять повеление дамы. Но Фосдайк не кинулся. Вместо этого он задумчиво почесал подбородок.

— Минуточку, — сказал он. — Посмотрим с разных сторон. Эти пекинесы очень опасны. Как вопьется в щиколотку…

— Ты же любишь опасность.

— В разумных пределах, моя дорогая, в разумных пределах.

— Ты убил льва открывалкой.

— Сперва я пригвоздил его к месту силой взгляда. Пекинесы близоруки, он никаких взглядов не увидит.

— Если ты придвинешься вплотную…

— *Если,* — задумчиво сказал Фосдайк.

Эгнес охнула. За этот матч она не раз смотрела на суженого, посмотрела и сейчас.

— Ты боишься собак?

Он снисходительно засмеялся.

— Собак? Вот бы позабавились в Бекингемском дворце, когда я играл немалую роль на псарне. Помню, прихожу туда со свистком и с сумкой бисквитов, и вижу, один из моих подопечных явно не в духе. Говорю ему: «Фидо, Фидо, хороший песик!..» — но он ка-ак зарычит. К счастью, один из герольдов оставил свою мантию. Бросаю ее собаке на голову, там уже — дело простое, ремень, намордник. Лорд Слайт энд Сейл, помнится, сказал лорду Набблу Нопскому, что он не видел подобной решительности с того дня, когда канцлер герцогства Ланкастерского…

Повесть зачаровала бы Эгнес в более удачный день, но сейчас ей стало только хуже. Она в последний раз попыталась воззвать к его лучшим чувствам.

— Джек! Если ты ее не уберешь, я проиграю матч.

— Ну и что, моя дорогая? Какие-то курортные соревнования…

Этого было достаточно. Эгнес окаменела.

— Значит, нет? — сказала она. — Ну что же, мы не поженимся.

— Подумай! Что ты говоришь!

— Вот это.

В том, что можно назвать душой, шла борьба. С одной стороны, Джозайя стар и слаб. С другой — собачка, что-то заподозрив, оскалила зубы.

Пока он стоял на распутье, из клуба, куря сигарету в очень длинном мундштуке, вышла платиновая блондинка с ярко-алыми ногтями. Она наклонилась и взяла собачку на руки.

— Вижу, мой ангел мешает вашему хоккею, — сказала она. — О, капитан Фосдайк! Вы здесь? Угостите меня коктейлем.

Она нежно поцеловала пекинеса в макушку и унесла в клуб вместе с мячом.

— Они в баре, — сказала учительница. — Придется выбивать оттуда. Трудный удар. Я бы взяла ниблик.

Капитан смотрел на блондинку, мучительно морща лоб.

— Где-то я ее видел, но где? Кто она?

— Богатая бездельница, — отвечала краса педагогики, склонная к социализму.

— *Богатая?*

— Это Лулабель Спрокет, наследница Лучших Сардин. Миллионов сто, я думаю.

— У нее лично? Прямо у нее? — заволновался Фосдайк. — Ну, знаете ли! Так-так-так-так… — он обернулся к Эгнес. — Ты говоришь, не

поженимся? Как хочешь, моя дорогая, как хочешь. Желаю успеха. Пардон…

И он исчез в дверях клуба.

— Выигрыш ваш, — отрешенно сказала Эгнес.

— Что ж, это можно, — сказала учительница.

Эгнес стояла у восемнадцатой лунки, озирая свою разбитую жизнь. Дело было не в Фосдайке, шоры упали с ее глаз. Она потеряла Сидни. Что она, с ума сошла, порывая с ним?

Ответ был: «Конечно».

Сама разбила надежду на счастье, как разбивает глупый ребенок дорогую игрушку?

«Вот именно».

Увидит ли она его?

Видимо, ответ был: «Да, хоть сейчас» — ибо он вышел из клуба.

— Сидни! — вскричала она.

Он был какой-то поникший. Плечи обвисли при всей их широте, глаза глядели тускло и горестно.

— А, привет… — сказал он. Они помолчали.

— Как миссис Спотсворт?

— Э? Выиграла.

Они опять помолчали.

— И расторгла помолвку, — добавил он.

Дождь по-прежнему лил, но Эгнес показалось, что Ист Бамтон залит солнцем.

— Хотела уйти из-за дождя. Я ее взял за ухо и стоял над ней всю игру. Раза два, признаюсь, ей врезал. В общем, она победила, но не обрадовалась. У восемнадцатой лунки она сказала, что я очень изменился с египетских времен, так что лучше нам не встречаться ни в каком воплощении.

Эгнес глотнула воздух, как та занятная рыбка, которую ловят во Флориде.

— Так ты свободен?

— Слава Богу. И что я в ней нашел, ты мне скажи? Но все это неважно, раз я потерял тебя.

— Ничего ты меня не потерял!

— Прости, а Фосдайк?

— Я тоже сейчас расторгла помолвку. О, Сидни, давай скорей поженимся под аркой из клюшек, а то мы еще что-нибудь натворим! Ты

представляешь…

Она начала, не жалея выражений, но ушла недалеко, поскольку Сидни Макмердо прижал ее к своей груди. А когда такие люди прижимают тебя к груди, тут не поговоришь, а то задохнешься.

EXCELSIOR[49]

Алфред Джукс и Уилберфорс Брим заканчивали чемпионат клуба. Брим легким ударом обеспечивал себе победу. Молодой человек, сидевший рядом со Старейшиной, смотрел на последнюю лунку и говорил, что потеря десяти долларов не поколеблет его веры в Джукса. Он считал, что тот играет лучше Брима.

Мудрый Старейшина кивал без особого пыла.

— Может быть, и так, — согласился он, — но оба они далеко не совершенны.

— У них нет гандикапа!

— Это верно. Однако игрока создает не техника, а некий дух. Джукс и Брим недостаточно серьезны. Как-то Джукс бросил игру, потому что его кэдди убила молния, а Брим загнал мяч в осиное гнездо и не хотел выбивать его оттуда. То ли дело Бьюстридж!

— Кто?

— Хорес Бьюстридж. Вот это игрок.

— Какой у него гандикап?

— Да немалый, двадцать четыре. Мяч его не всегда бывал, где надо, зато сердце… Когда я думаю о том, что он пережил, играя за Президентский кубок, мне вспоминается «Excelsior» покойного Генри Уодсворта Лонгфелло. Конечно, вы знаете эти стихи.

— Читал наизусть перед гостями. В детстве, естественно.

— Жаль, что не слышал, — откликнулся вежливый старец. — Значит, вы помните, как, взбираясь все выше, герой отказывается от мечты прильнуть главой к груди девичьей, хотя имеет полную возможность. Как вам известно, в его глазах слеза сверкала, но он упорно повторял: «Excelsior!». То же самое случилось и с Хоресом.

— Вы простите, — сказал молодой человек, — но мне всегда казалось, что этот тип глуповат. Зачем он туда лез? В конце концов, простая прогулка…

— Представьте, что он хотел выиграть кубок.

— Ничего там этого нет. А разве за лазанье по горам дают кубки?

— Мы говорим о разных вещах, — сказал Старейшина. — Вы имеете в виду субъекта со стягом и звонким гласом, я — Хореса Бьюстриджа. Чтобы рассеять недоразумение, расскажу вам эту повесть. Начнем с великой любви к Вере Уизерби.

Далеко не сразу (сказал Старейшина) догадался я об этом чувстве. Местные Ромео обычно делятся со мной, иногда их хоть отбавляй. Но Бьюстридж был сдержан. Я совершенно случайно узнал о его любви.

Однажды утром я сидел примерно здесь, размышляя о том о сем, когда ветерок пригнал ко мне какую-то бумажку. Она опустилась у моих ног, и я ее поднял. Вот что я прочитал:

Памятка
Сам Б. Ребра. Глаза
М. Б. Эльфы. Цветы. Насекомые
И. Понимание.
А. Если М., гл., но б. л.

Изучив это, я несколько забеспокоился. Шпионы, знаете, секретный код…

Тут я заметил, что ко мне бежит Хорес.

— Бумажки не видели?

— Не эта?

Он взял ее и спросил, помолчав:

— Наверное, думаете, что это значит?

Я признал, что думаю, и он опять помолчал. Потом в глазах его появился знакомый блеск. И впрямь, откровенность забила из него, как пиво из бутылки. Влюблен он был в Веру Уизерби, племянницу некоего Понсфорда Ботса. Естественно, он излагал дело дольше, сравнивая ее глаза со звездами и тому подобное.

— Вы признались ей? — спросил я.

— Еще нет. Я налаживаю контакт с семьей. Они должны ко мне привязаться. Иначе я не посмею перейти к действиям. Вот это — памятка о каждом из них.

Я взял у него бумажку.

— Что значит, «Сам Б., ребра, глаза»?

— Ну, это просто. Когда Боте рассказывает анекдоты, он тычет тебя в ребра. Значит, надо смеяться. Иногда он просто выкатывает глаза.

— А вот это: «М. Б., эльфы, цветы»?..

— Очень важно! Миссис Боте немного не в себе. Может, вы читали ее книги? Их три: «Эльфы, мои друзья», «Как разговаривать с цветами», «Милые москиты». Это надо знать наизусть.

— Кто такой «И»?

— Ирвин, их сынок. Влюблен в Дороти Ламур.[50] Надо слушать и сочувствовать.

— Теперь — «А».

— Пудель Альфонс. Имеет огромное влияние. Его надо гладить, но осторожно, а то тяпнет за ногу. Отсюда «береги лодыжки».

— Сложновато, — заметил я, возвращая список. — Лучше бы заняться девицей. Ну что ж, желаю удачи.

История заинтересовала меня, и я не спускал глаз с Хореса. Я видел, как он гуляет с Ботсом, слышал «Один ирландец…», и удивлялся звонкости смеха, когда рассказчик выкатывал глаза.

Как-то услышал я и что-то вроде пулемета, а свернув за угол, увидел, как Хорес с неподдельным сочувствием ударяет Ирвина по плечу. Карманы его топорщились, набитые печеньем для Альфреда, и время от времени он рассказывал, как читает «Москитов» или «Цветы». Это, признавался он, требует большого упорства, но есть и польза — он знает об эльфах намного больше прочих людей.

Трудно и то, что нельзя сосредоточиться только на этом. Надо зарабатывать. Он служил в известной фирме «Серебристые сардины», а хозяин там был требовательный. Кроме того, он готовился к соревнованиям на Президентский кубок.

Чем ближе они подходили, тем больше он о них говорил. Играл он уже лет семь, но не получил ни одной награды. Обычно его подводил короткий удар, загонявший мяч в лунку, но теперь он прочитал много полезных книг о гольфе и надеялся на успех.

Приятно было послушать его романтические речи. Об этом кубке он говорил, как рыцарь Круглого стола — о Граале. Делал он и практические успехи. Словом, он вышел в полуфинал, отчасти благодаря тому, что перед матчем его соперник споткнулся о кошку и вывихнул ногу. Конечно, многие члены клуба победили бы Хореса и вывихнув обе ноги, а Мортимер Гуч, пострадавший противник, был до этого в прекрасной форме, и гандикап его равнялся нулю.

Теперь у Хореса были очень неплохие шансы. В зависимости от того, как пройдет другой полуфинал, ему предстояло играть или с Питером Уилардом, игроком слабым, или с сэром Джорджем Копстоном, заезжим англичанином, который, по совпадению, гостил у Ботсов. Его я видел в деле и решил, что Хорес сильнее.

Встретились мы в день матча на пятидесятом газоне. Я сообщил о своих надеждах Бьюстриджу. В другой паре выиграл сэр Джордж, и я

сказал, что дело в шляпе.

— Если Уиллард, наш самый плохой игрок, шел впереди до пятнадцатой лунки, вам этот субъект — раз плюнуть.

— У Питера гандикап тридцать восемь.

— По справедливости — пятьдесят. А у сэра? Двадцать четыре, как у вас?

— Да.

— Ну, бояться нечего, мой друг, — подбодрил я еще, для верности. — Если не очень заняты эльфами, ищите в гостиной место для кубка.

Хорес радостно засопел, но тут его окликнул резкий, металлический голос. Неподалеку стоял человек, очень похожий на Капитал с карикатуры в левой газете. Он властно взмахнул большой сигарой, и мой молодой друг побежал к нему, как собачка. При этом он блеял: «Здрасс, мистер Крамблз. Да, мистер Крамблз. Сию минуту, мистер Крамблз», из чего я заключил, что перед нами — сардиновладелец, который платит ему жалованье.

Разговор их был краток. Р. П. Крамблз сердито произнес несколько слов, властно тыкая Хореса в грудную кость, и удалился царственной поступью. Я заметил, что мой протеже раза два покачнулся, а когда он вернулся ко мне, на нем лица не было.

— Это мой босс, — проговорил он.

— Так я и думал. А в чем дело?

— Понимаете, сэр Джордж…

— Что с ним еще?!

— …собирается рекламировать эти сардины. Босс говорит, это очень важно для фирмы. Значит…

— Да, значит?

— Я должен проиграть, — хрипло прошептал несчастный.

— Хорес! — воскликнул я.

Но он уже исчез. Я увидел только облако пыли, летящее к бару. Что ж, понятно. Бывают минуты, когда дружеское сочувствие не заменит горячительного напитка.

Вы тут недавно (сказал Старейшина) и, быть может, составили неверное представление об этом матче. Название его обманчиво. «Президентский кубок»… Так и видишь какой-то турнир истинных мастеров. На самом деле, в нем участвуют те, у кого гандикап не меньше двадцати четырех. Среди спортивных событий он где-то посередине между «Бабушкиным зонтиком» и соревнованием семилетних детей. Соответственно, зрителей бывает мало. На сей раз, кажется, пришел я

один, а потому прекрасно видел всю игру. Созерцая сэра Джорджа, я удивлялся. Принадлежал он к тем высоким костистым англичанам, которые вроде бы сохранились с шестидесятых годов XIX века. У него не было бакенбард, не было шапки а 1а Шерлок Холмс, но они как бы и были. По-видимому, в финал он вышел отчасти потому, что этот самый вид пугал противников. Но больше всего поражал его метод.

Прежде чем сделать удар, он вынимал, одну за другой, все клюшки из огромной сумы, словно намеревался играть в бирюльки. Выбрав какую-нибудь, он долго смотрел на мяч. Словом, у нас его прозвали Заледенелым Столбом.

Даже при обычных обстоятельствах порывистому, тонкому человеку трудно играть с таким субъектом. Если же вы вспомните инструкции, вы не удивитесь, что у Хореса все валилось из рук. До пятой лунки он еле дотащился.

Но тут случилось одно из тех чудес, благодаря которым гольф — неоспоримый король спортивных игр. Сэр Джордж, только что стоявший, как жена Лота, заметался и задергался. Движения его были все своеобразней, так что к девятой лунке шансы сравнялись.

Но именно тогда Хорес тоже изменился. До сих пор он напоминал волжского бурлака. Вдруг глаза его сверкнули, губы сжались, уши задвигались. Теперь он был похож на бурлака, который узнал, что Сталин занялся его хозяином.

Я понял, что случилось. Опьяненный неожиданной удачей, Хорес плюнул на инструкции. Кто такой Крамблз, в конце концов? — подумал он. Да, он может его уволить, лишить жалованья, но разве деньги — все? Выиграв кубок, можно поголодать в канаве.

На девятом газоне я заметил, что губы его шевелятся и почти услышал слово «Excelsior».

Когда он смотрел на лунку, в которой исчез его мяч, впервые раздался голос сэра Джорджа:

— Вот это удар! — сказал истинный спортсмен. — Р-раз — и готово! Вы не против, если я ненадолго отлучусь? Что-то ползет по спине.

— Прошу, прошу, — ответил Хорес.

— Я мигом. Сниму нижнее белье, вытряхну…

Он снова дернулся и пошел было к дереву, но тут появился Р. П. Крамблз.

— Как дела? — спросил он.

— Что? Дела? Отстаем, отстаем.

— То есть, *он* отстает?

— Нет, я. Смотрите, как он загнал мяч. Пардон, мне надо отлучиться… букашка какая-то…

Извиваясь всем телом, он поспешил прочь, а Р. П. Крамблз обратился к Хоресу.

— Что я слышу? — спросил он. — Что вы себе позволяете? Какое вы имеете право…

Я мог бы ему сказать, что причина не в Хоресе, а в чуде, но не хотел обижать молодого друга.

— Мяч он загнал! — возмутился Крамблз. — Вы что, забыли наш разговор?

Хорес не дрогнул. Глаза его сверкали странным блеском.

— Нет, — отвечал он. — Я не забыл. Я на него *плевал.*

— Ах, так? А вы не боитесь, что будет?

— Чихал я…

— Бьюстридж, — сказал Крамблз, — остается девять лунок. Подумайте как следует. Я жду у восемнадцатой. Надеюсь, — прибавил он, — что матч кончится раньше.

Он удалился. Я в жизни не видел такого грозного затылка. Хорес взмахнул клюшкой, словно стягом со странным словом «Excelsior».

— Ах-ах-ах, разорался! — крикнул он вслед начальнику. — Пожалуйста, увольняйте. Кубок я все равно выиграю.

Потрясенный таким рыцарством, я поспешил к Хоресу и еще тряс ему руку, когда услышал сзади глубокое контральто.

— Добрый день, мистер Бьюстридж, — произнесла миссис Боте. С нею были муж, сын и собака. — Мы ждем у восемнадцатой лунки. Пощадите сэра Джорджа, будьте паинькой! Кстати, где он?

Тут появился сэр Джордж в прекрасном настроении.

— Ну, я ему задал! — сообщил он. — Это что же такое? Кусать людей! Ну, он у меня…

Миссис Боте изящно вскрикнула.

— На вас напали?

— Можно сказать и так. Огро-омная букашка. Ну, я ей показал!

— Вы убили насекомое?

— Оглушил, по меньшей мере. Вывел из строя.

— Разве вы не помните у Колриджа? «Прекрасен тот, кто любит всех, и малых, и больших».

— Но не букашек.

— Ах, что вы! Они *такие* милые! Сэр Джордж удивился.

— Этот ваш Колридж тоже так считает?

— Конечно!

— Даже когда они залазят под белье и кусаются?

— О, да!

— Какой идиот! Вы знакомы с этой… особой? — осведомился он, когда семейство удалилось. — Не все дома, да? У нас в Англии мы бы ее мигом определили в психушку, пискнуть бы не успела. Нет, это подумать, Колриджи какие-то!.. А знаете, что она сказала утром? Чтобы я осторожно ступал на траву, там полно эльфов. Муж — тоже хорош, анекдоты рассказывает. А уж сынок! А эта блохастая тварь! Если бы я знал, что у них творится, я бы поселился в гостинице. Ну, Бьюстридж, играем.

Видимо, именно эти отзывы так восхитили Хореса, что десятая лунка далась ему легче легкого. Но тут фортуна переменилась. Победа над букашкой вернула сэра Джорджа к привычному методу. Он осторожно выбирал клюшки и снова застывал над мячом. Игра заметно усложнилась.

Понемногу сэр Джордж вернул утраченное. Хорес явно отставал. Конечно, я видел, в чем дело, — он начитался руководств и пытался вспомнить, как клюшка движется от пункта А по линии Б к какому-нибудь С, а этого делать нельзя. Я говорил со многими игроками, и все заверяют, что способ один: закрыть глаза, быстро помолиться и отправить мяч в неизвестность.

Как бы то ни было, к последней лунке они подошли вровень. Теперь все зависело от судьбы. Я печально ощутил, что у сэра шансов больше. Тогда восемнадцатая лунка была не та, что сейчас, вон там, а та, которая теперь девятая. Прямо за тобой — холм, бьешь по мячу сверху, уповая на то, что он не перелетит газон и не угодит в глубокую расщелину. Здесь у осторожного, неторопливого игрока шансов больше, чем у молодого и пылкого, который вложил в удар излишнюю силу.

Однако страхи мои не оправдались. Мяч у Хореса полетел по идеальной дуге и должен был упасть очень близко к флажку. Сэр Джордж сыграл хуже, решил я, и не ошибся. У последней лунки я нашел, во-первых, Ботса с сыном и собакой, во-вторых, мяч Хореса, лежащий в двух футах от флажка, и, в-третьих, мяч сэра Джорджа, футов на шесть дальше.

Внезапно раздался перестук быстрых лапок. Комок черной шерсти мелькнул мимо, схватил мяч в зубы и унес. Пудель Альфонс обрел в критический момент так называемую «верность своим».

Я крикнул: «Ой!» Собака, видимо, приняла это за голос совести и выронила мяч. Как-никак, она не бросила его в расщелину.

Но все же и теперь он лежал довольно далеко. Хорес был смертельно бледен. Один раз ему удался дальний удар, это бывает нечасто. Сдвинув

брови, он почти сел, чтобы представить возможную линию полета. Альфонс тут же залаял.

Хорес поднялся. Я буквально читал его мысли: «Эту собаку очень любит Ирвин. Любит ее и Боте. Отсюда следует, что стукнуть ее нельзя, они будут недовольны. Значит, недовольна будет и Вера, которая, в свою очередь, любит отца и брата. С другой стороны, при таком шуме особенно не разыграешься».

И вот, он сделал выбор. Терять Веру не хотелось, но еще хуже остаться без кубка. Как я уже говорил, Хорес был истинный игрок.

Лай оборвался, поскольку Альфонс полетел в расщелину, словно падающая звезда. Ботсы, отец и сын, страшно закричали.

Хорес вдумчиво смотрел на лунку. Удар предстоял нелегкий. Почва бугристая. Надо учесть и то, что подальше, слева, она полого идет вниз. Словом, есть о чем подумать, а он почему-то никак не мог сосредоточиться.

Наконец, он понял причину. Ирвин кричал «О-о-о!» в его левое ухо, Боте кричал «А-а-а!» — в правое. «Как поступил бы Бобби Джонс?» — спросил себя Хорес. Ответ не замедлил. Тот схватил бы Ирвина за шкирку и отправил в расщелину. А потом вернулся бы за папашей.

Хорес все это проделал и не успел перейти к раздумьям, как появился Р. П. Крамблз с очень хорошенькой девушкой — по-видимому, этой Верой. Увидев Хореса, он помрачнел, а сэра Джорджа спросил, как дела.

— Признаюсь, — сказал он, грозно жуя сигару, — я думал, все давно завершилось. Я не сомневался, что вы победили примерно на шестнадцатой лунке.

— Вряд ли мне удастся победить на восемнадцатой, — отвечал англичанин. — Теперь *его* ничто не отвлекает. Ему мешали Ботсы, включая собаку, но он кинул их в расщелину и может отдать все внимание игре. Способный юноша, надо заметить.

Вера ахнула. Крамблз, перебросив сигару в другой угол рта, кинулся к Хоресу, склонившемуся над мячом, и быстро, пылко заговорил с ним.

Этого делать не стоило. Вместо того чтобы лепетать: «Да, мистер Крамблз», Хорес выпрямился, взял босса за шкирку и отправил в расщелину. Вернувшись, он снова посмотрел на лунку и, видимо, остался доволен. Он уже замахнулся, как вдруг раздался дикий вопль. Раздраженно взглянув через плечо, он увидел, что к собравшимся присоединилась миссис Боте. Склонившись над расщелиной, она пыталась установить связь с семьей. Снизу доносились неясные голоса.

— Понсфорд!

— Ба-ба-ба…

— Мистер Крамблз!

— Ва-ва-ва…

— Ирвин!

— Фа-фа-фа…

— Альфонс!

— Фуф-фуф-фуф…

Она подалась вперед, держась одной рукой за дерн, другую приложив к уху.

— Что? Что-о-о? Не слы-ышу! Что вы там делаете? Не слыыышу! Что там делает мистер Крамблз? Почему он держит ногу у Ирвина в глазу? Ирвин, убери глаз! Что? Не слышу!

Почему Альфонс кусает мистера Крамблза? Говорите яснее! Рот полон виска? Что за чушь! А, песка! Почему Альфонс кусает Ирвина? Что вы сказали, мистер Крамблз? Проглотили сигару? Почему? Не слы-ы-ышу!

Хоресу показалось, что это длится бесконечно. Разве тут сосредоточишься? Щелкнув языком, он шагнул к миссис Боте и почти сразу вернулся, потирая руки. Он снова прикинул линию полета, замахнулся и услышал шепот:

— Мистер Бьюстридж!

Слова эти, да еще в такую минуту, подействовали на него, как взрыв. Он до сих пор не замечал, что рядом — *она*, а заметив, обрел невиданную силу.

Словно чувствуя, что научные глупости кончились, мяч полетел со скоростью 40 миль/час по идеальной прямой. Слева были бугры, справа — откосы, но он ими пренебрег. Ударившись о металл, он подскочил, потом снизился, подскочил еще раз, повертелся с четверть минуты и опустился в лунку. Борьба окончилась.

— Превосходно, — сказал сэр Джордж. — Победа ваша. Хорес смотрел на Веру Уизерби.

— Вы что-то сказали? — спросил он. Она смущенно покраснела.

— Ах, пустяки… Я хотела поблагодарить вас.

— За что?

— За тетю Лаванду.

— Согласен, — вступил в беседу сэр Джордж. — Именно это и требовалось. Может быть, изменится вся ее жизнь. Как-то ей будет не до эльфов. И *букашек.*

Хорес смотрел на Веру, и она смотрела на него не с омерзением, а, кажется, с любовью.

— Вера…. — выговорил он. — Неужели…

Взгляд стал такой, что он прижал ее к груди обеими руками, словно клюшку.

— Я ошиблась в вас, — прошептала она. — Что можно подумать о человеке, который восхищается тетей Лавандой, дядей Понсфордом, Ирвином и Альфонсом? Я мечтала о Ромео, который рискует ради меня…

— Романтика, — пояснил сэр Джордж. — Бывает у девушек. Восторг победителя нарушила неприятная мысль. Да, он обрел свою любовь. Да, он выиграл кубок. Но работу, видимо, потерял и чем содержать семью, будет жить в канаве.

Так он и сказал сэру Джорджу. Тот удивился.

— В канаве? Какой бред! Зачем вам в ней жить? Поедем в Англию. Место дам хорошее. Жалованье назовите сами.

— Но вы меня совсем не знаете…

— То есть как? Я видел вас в деле, черт побери! Если уж этого мало, я и не знаю, что нужно. Да я все время мечтал, чтобы кто-нибудь дал, как следует, этому пуделю, этому Ирвину, папаше и мамаше. Я не только благодарен вам, я восхищен. В жизни не видел подобной прыти. Именно такой человек мне и нужен. Немножко подбодрит моих служащих. Соглашайтесь, очень вас прошу, и назовите цифру побольше. А теперь, когда все устроилось, не пойти ли нам в бар? Хо-хо!

— Хо-хо! — поддержал его Хорес.

— Хо-хо! — сказала и Вера.

— Ура! — вскричал сэр Джордж!

— Ура!

— Ура!

— Хорес и Вера.

— Гип-гип-ура! — уточнил для полной ясности сэр. — Ну, пошли.

КРЕСТ-НАКРЕСТ

Свадьба происходила б церкви, которая находится от клуба на том расстоянии, какое пролетает мяч после удара вверх. Собственно, она уже кончилась. Когда священник обратился к молодому человеку в визитке и полосатых брюках, в святилище воцарилось молчание, как на бегах перед взрывом криков: «Пошли!»

— Берешь ли ты… ик… Смолвуд, — спросил он, — в жены… ик… Селию?

За очками жениха зажегся огонек.

— Вот что, — сказал Смолвуд Бессемер, — я вам очень советую…

Вдруг он покраснел и произнес:

— Беру.

Через несколько минут счастливая чета шла к выходу под звуки свадебного гимна, а Старейшина вернулся в клуб с гостившим у него другом. Друг был удивлен.

— Быть может, мне показалось, — сказал он, — но этот жених говорил что-то странное.

— Несомненно, — ответил Старец. — Он чуть не посоветовал викарию, как прекратить икоту. Я очень рад, что он одумался. Значит, лечение помогло.

— Лечение?

— До недавних пор Смолвуд непрестанно давал советы.

— Это нехорошо.

— Да. Я всегда советую ничего никому не советовать. Вообще-то понять его можно. Он долго вел колонку в одной из утренних газет и привык ежедневно поучать читателей. Издержки производства. Если бы я лучше знал его, я бы предупредил, что он может потерять Селию, девушку гордую и независимую.

К сожалению, он не входил в наше небольшое сообщество. Жил он в городе, сюда приезжал на уик-энд. К тому времени, с которого начинается мой рассказ, я видел его раза два. Как и следовало ожидать, вскоре я узнал, что с Селией не все ладно.

Впервые я об этом услышал, когда она пришла ко мне с пекинесом по имени Пербрайт и излила мне душу. Опустившись в кресло, она сперва помолчала; потом, словно осунувшись, взволнованно произнесла:

— Как вы думаете, могут мужчина и женщина любить друг друга,

если ей хочется ударить его кирпичом?

Я растерялся. Мне нравится, чтобы молодые люди были счастливы. Слабая надежда на то, что вопрос — умозрительный, быстро исчезла.

— Возьмите нас со Смолвудом, — начала она. — Я часто сжимаю кулаки, чтобы его не стукнуть. Нет никаких сил, вечно дает советы, прямо сеятель какой-то! К примеру, сегодня утром мы гуляли и встретили Эгнес Флек с ее огромной собакой. Та сказала что-то Пербрайту, он заволновался, чуть не кинулся на нее, но я его оттащила. Смолвуд заметил, что этого делать не стоило, лучше бы они подрались, дали волю чувствам, после чего могли бы завязаться прекрасные дружеские отношения. Я ответила, что он — бес в человеческом образе, и мы простились довольно сухо.

— Тучи рассеются, — сказал я.

— Навряд ли, — возразила Селия. — Я чувствую, что он перегнет палку, и я больше не выдержу.

В свете этой беседы нетрудно понять то, что случилось на танцах. Каждую субботу у нас в клубе собираются все, кто помоложе. Селия пришла туда с Бессемером, и поначалу все было хорошо. Танцевал он неуклюже, но любовь давала девушке силы, когда он наступал ей на ногу. Наконец музыка смолкла, и Селия стала разминать пальцы, по-прежнему его любя, как вдруг он сказал:

— Дам тебе совет. Ты подпрыгиваешь на поворотах, словно форель, ловящая муху. Исправить это очень легко. Представь, что потолок — низкий, и к тому же стеклянный, и старайся не задеть его головой. Ты уронила кольцо.

— Нет, — ответила она, — я его швырнула.

И гордо удалилась на террасу, а он поспешил в бар.

В баре был всего один человек, но этого вполне хватало. Дело в том, что Сидни Макмердо чрезвычайно объемист. Он сидел в кресле, хмурый и мрачный. С Бессемером они были едва знакомы, виделись всего один раз, за день до этого. Бессемер посоветовал охлаждаться после гольфа как можно медленней, иначе он схватит воспаление легких и уйдет от нас, а Сидни, вице-президент страховой компании, ухватился за мрачную сторону темы, чтобы продать Бессемеру страховой полис.

Ничего не вышло, но они познакомились и теперь выпили вместе. Сидни расчувствовался и излил душу.

— Я с невестой поссорился, — сказал он.

— И я, — отозвался Смолвуд, пораженный таким совпадением.

— Она мне сказала, чтобы я ударил короткой клюшкой с

правосторонней стойки. Я сказал — нет, с левосторонней, меня так с детства учили. Ну, а она расторгла помолвку.

Смолвуд в гольф не играл, но посочувствовал, как мужчина мужчине.

— Женщины все такие, — сообщил он. — Кто бы им подсказал, что нельзя обращаться с любовью, как с тюбиком из-под пасты? Разрешите дать вам совет. Не сидите и не грустите. Сделайте, как я, — начните за кем-нибудь ухаживать.

— Чтобы она заревновала?

— Вот именно.

— И приползла, моля о прощении?

— Точно так. Сидни повеселел.

— А что, недурно. Может быть, эта, другая, даст себя поцеловать. Тогда у нас очков больше.

— То-то и оно.

Смолвуд вернулся в зал, радуясь, что помог ближнему. Селии нигде не было, и он предположил, что она на террасе. Сидни, допив на ходу бутылку, решительно прошел мимо него, а сам он стал искать помощницу для своего психологического опыта. Взгляд его упал на Эгнес Флек, которая сидела в углу и била об пол большой ногой.

Вы знакомы с нашей Эгнес? Не помните? Значит, не знакомы, ее забыть невозможно. Она у нас чемпион, и обязана этим не только мастерству, но и телосложению. Красивая такая, веселая, а главное — очень крупная. Смолвуд, отличавшийся стройностью, этим восхищался.

Увидев, что он смотрит на нее, она широко улыбнулась. Он подошел к ней, и вскоре они стали танцевать. Во французском окне показалась Селия, и ее молчаливый взгляд придал танцу особый пыл, что-то такое мексиканское. Селия тяжело задышала, от чего замигали лампы, а примерно через час Смолвуд отправился домой, довольный началом дела.

Когда он ложился, ощущая, что скоро все наладится, зазвонил телефон, и по проводам потек низкий голос Сидни.

— Эй! — сказал он.

— Да?

— Помните, вы мне дали совет?

— Надеюсь, вы его приняли.

— В том-то и дело. Случилась беда. Сам не знаю, как, но я обручился.

— Ай-я-я-яй! — посочувствовал Смолвуд. — Конечно, риск неизбежен. Перегнешь палку, станешь неотразимым… Надо было вас предупредить. А кто она?

— Такая фитюлька, Селия Тодд, — завершил беседу Сидни.

Слова эти поразили нашего героя. Опустив трубку, он кипел, как сыр, плавящийся на сильном огне. Гнев и обида терзали его. Очень хотелось показать Селии, как обстоят дела.

Ему пришла хорошая мысль. Он позвонил Эгнес.

— Мисс Флек?

— Да.

— Простите, что беспокою в такой час. Не выйдите ли вы за меня замуж?

— Конечно, выйду. А кто это?

— Смолвуд Бессемер.

— Не разобрала фамилию.

— Бессемер. Банан, енот, сурок, еще сурок…

— О, Бессемер! Очень приятно. Спокойной ночи.

— И вам того же, мисс Флек.

Бывает так, что, выспавшись, мы видим, как нелепа идея, казавшаяся превосходной. Случилось это и с Бессемером. Проснулся он с неприятным, хотя и смутным ощущением, что наделал глупостей. Потом, за чисткой зубов, он вспомнил, в чем дело. Вчерашние события хлынули в его душу, и он беззвучно застонал.

Почему в этот скорбный час он подумал обо мне, не знаю, мы были едва знакомы. Видимо, он почувствовал, что я пойму его, и позвонил, умоляя повидаться с Эгнес, чтобы разузнать, как смотрит она на произошедшее. Через час я смог сообщить ему все, что нужно.

— Она вас безумно любит.

— Почему? Мы почти незнакомы.

— Так она сказала. По-видимому, вы сражаете с первого взгляда.

Он помолчал, потом — заговорил слегка дрожащим голосом:

— А нельзя объяснить, что это шутка?

— Ни в малейшей мере. В сущности, мы коснулись этого, и она сообщила: если это просто розыгрыш, она знает, что делать.

— Знает, что делать…

— Именно так она сказала.

— Знает — что — делать, — задумчиво повторил он. — О, Господи! Я понимаю. Но почему она меня любит? Наверное, не совсем нормальная.

— Ее пленил ваш ум. Приятная перемена после Сидни Макмердо.

— При чем тут он?

— Они собирались пожениться.

— Да-а… — сказал Бессемер.

Позже он говорил мне, что, повесив трубку, кинулся к бару и выпил портвейна, который хранил для экстренных случаев. Он пил его, когда падал духом, а вышеупомянутый ум подсказал, что падать ниже ему еще не приходилось. За первым бокалом немедленно последовал второй.

Обычно благородный напиток зажигал кровь в его жилах, но сейчас не сработал. Дух где был, там и остался.

Вероятно, это его не удивило. Все-таки не каждый день теряешь ту, кого любишь, и обретаешь ту, которую не сможешь полюбить. Смолвуд восхищался Эгнес Флек, как, скажем, Эмпайр Стейт Билдингом или Большим Каньоном в Аризоне, но на них не женятся.

А тут еще Сидни Макмердо.

Смолвуд, как мы говорили, был с ним едва знаком, но уже заметил, что чувства его сильны. Представив себе могучие плечи и мускулы, грозно, словно питон, перекатывающиеся под свитером, он был вынужден выпить третий бокал вина.

Именно в это время Макмердо появился в дверях. Ясно ощутив, что в нем — не меньше восьми футов роста, Смолвуд едва не упал, но справился с собой и выразил сердечную радость.

— Заходите, заходите! — бодро воскликнул он. — Вы-то мне и нужны. Помните, вчера вы хотели продать мне полис? Я поразмыслил и решил купить его.

— Правильно, — одобрил Макмердо, — надо думать о будущем.

— Вот именно!

— Никогда не знаешь, что тебя ждет.

— То-то и оно. Поедем в ваш офис?

— Не стоит. Я один прихватил.

— Сейчас мы его подпишем.

Когда Смолвуд это сделал и дал чек за год, зазвонил телефон.

— Здравствуй, лапочка, — произнес голос, который сразу узнали и Смолвуд, и Сидни. Второй из них окаменел, лицо его вспыхнуло. Когда Эгнес говорила по телефону, ее слышали все, кто находился в комнате.

Смолвуд судорожно глотнул, кажется — два раза.

— Доброе утро, мисс Флек, — выговорил он.

— Какая «мисс Флек»? Называй меня Эгги. Вот что, я в клубе. Иди сюда. Хочу поучить тебя гольфу.

— Хорошо.

— Ты хотел сказать: «Хорошо, душенька»?

— Э-э-дэ… Хорошо, д-д-душенька.

— Так-то лучше, — одобрила его Эгнес.

Он положил трубку и обернулся. Гость пристально смотрел на него. Он был малиновый, глаза у него горели, и вообще он напоминал чудище из Апокалипсиса.

— Это Эгнес, — хрипло произнес он.

— Д-да, — подтвердил Смолвуд. — Я думаю, вы правы.

— Она назвала вас лапочкой.

— Д-да…

— Почему?

— Я как раз хотел вам сказать. Мы обручились. Вчера, после танцев.

Сидни повел плечами, и мускулы под свитером затанцевали адажио. Взгляд, и без того неприятный, стал еще хуже.

— Та-ак, — сказал он. — Подлые козни.

— Ну, что вы!

— Именно — подлые, — повторил Макмердо, отламывая угол каминной доски. — Вы посоветовали мне заняться другой девушкой, чтобы Эгнес досталась вам. Если уж это не подло, я не знаю… Ну, посмотрим, что можно сделать.

К счастью, Смолвуд успел укрыться за столом. Устраняя препятствие, Сидни заметил полис и остановился, словно зачарованный.

Бессемер с легкостью читал его мысли. Сидни Макмердо был не только влюбленным, но и вице-президентом страховой компании, которая почти болезненно ненавидела финансовый урон. Если в результате его действий ей придется выплатить большую сумму, она будет недовольна. Быть может, разжалует его из вице-президентов, выстроившись каре. А надо сказать, что после Эгнес и большой клюшки, он больше всего любил свое место в компании.

Смолвуд очень долго смотрел на духовную борьбу сильной личности. Наконец кризис миновал. Сидни опустился в кресло и засел там, скрежеща зубами.

— Ну, что ж, — сказал Смолвуд, чувствуя себя примерно так, как Седрах, Мисах и Авденаго,[51] — мне пора. У меня первый урок гольфа.

Сидни вздрогнул.

— То есть как — первый? Вы никогда не играли в гольф?

— Вот именно. Сидни глухо застонал.

— Нет, это подумать! Моя Эгнес выходит за такого человека!

— Если на то пошло, — сказал Смолвуд, — моя Селия выходит за неуча, который не отличит Эдну Сент Винсент Милле[52] от комикса про Страшилу.

Сидни удивился.

— Ваша? Вы что, собирались жениться на этой козявке?

— Она не козявка.

— Козявка. И вообще, она читает стихи.

— А то как же? Я счел своим долгом познакомить ее со всем лучшим и…

— Она говорит, я тоже должен их читать.

— Это принесет большую пользу. Простите — спешу, спешу.

— Минуточку, — сказал Сидни, вчитываясь в полис. Увы, там все было правильно. — Ладно, идите.

Мне кажется (продолжал Старейшина), нет ничего печальней, чем любящие сердца, размешенные крест-накрест. Можно сказать, что они перепутались, как спагетти, и я испытывал жалость. Дамы не исповедовались мне, а вот кавалеры прибегали что ни час. Они страшно страдали. Не знаю, кому я сочувствовал больше — Смолвуду, которого ни свет, ни заря будила звонком Эгнес, или Сидни, который описывал мне, как читает У. Х. Одена.[53] Собственно говоря, оба разрывали мне сердце.

Так обстояли дела к началу женского матча.

Участвовали в нем почти все наши женщины, от огнедышащих тигриц до нежных крольчих, которые занялись гольфом, чтобы пощеголять в спортивных нарядах. Предполагалось, что выиграет Эгнес, у нее гандикап равнялся нулю, тогда как у некоторых участниц доходил до сорока восьми. Кубок доставался ей в прошлом и в позапрошлом годах и, выиграв его в третий раз, он могла оставить его себе. Говорю об этом, чтобы показать, как важно было для нее это событие.

Поначалу все шло правильно. Она сшибала соперниц, словно кегли, уверенно продвигаясь к финалу. Однако через некоторое время стало ясно, что мы недооценили одну искусственную блондинку с гандикапом двадцать семь. То ли она схитрила, скрыв свой талант, то ли ей способствовал жених, член комитета, определяющего гандикап, но по совести ей больше подходила бы цифра 10. Словом, она тоже продвигалась к финалу, и многие полагали, что Эгнес придется поискать другое украшение для камина, чем серебряный кубок.

Прохладным летним вечером игра возобновилась. Мне предложили быть судьей. Я как раз пересекал террасу, направляясь на место, когда повстречал Бессемера. Мы остановились перекинуться словечком, а тут подошел Макмердо. К моему удивлению, мой друг приветливо помахал рукой.

— Пип-пип, Сидни! — воскликнул он.

— Здорово, Смолвуд, — отвечал вице-президент страховой компании.

— Портвейну выпил?

— Да. Хорошая штука.

— Высший сорт, — подтвердил Бессемер, и Макмердо направился к полю.

Я удивился.

— Вижу, вы в прекрасных отношениях, — сказал я.

— О, да! — ответил Бессемер. — Он ко мне часто заходит. Мы курим и ругаем своих невест. Очень сближает, поверьте. Сегодня я оказал ему услугу. Он хотел пойти на матч, а Селия хотела, чтобы он поехал за ветеринаром, потому что ее собачка неважно выглядит. Я посоветовал ему выпить портвейна, которым поддерживаю силы. Все уладилось в две минуты. Ну, пока!

— Вы не идете?

— Появлюсь к финишу. Как, по-вашему, какие шансы у Эгнес?

— Сражалась она прекрасно, и все же…

— С ней плохо то, что она верит этим книжкам. Слушала бы меня… Ну, ладно. — И он ушел.

Вскоре я увидел, что Эгнес осознает ситуацию. Губы ее были сжаты, лоб прорезала морщина. Я попытался подбодрить ее добрым словом.

— Прекрасный вечер, — сказал я.

— Будет еще лучше, — отвечала она, — когда я справлюсь с этой белобрысой змеюкой и разоблачу этот мерзкий комитет. Постыдились бы! Двадцать семь! Ха-ха.

Пыл ее был оправдан. Я тоже полагал, что своим гандикапом Джулия Преббл обязана любви, а не справедливости.

— Бессемер не смотрит матч, — сказал я, меняя тему.

— Да, я не разрешила. Он меня нервирует.

— Вот как?

— Так. Представляете, он меня учит! Что ни возьми, все ему ясно.

— Он ведет колонку в газете, — напомнил я.

— Сегодня он сказал, что Алекс Моррисон что-то напутал в своей книге.

Я вздрогнул. В эту минуту Джулия Преббл кончила ворковать с женихом, и соревнование началось.

Признаюсь, следя за игрой, я поначалу ощутил, что мое отношение к Эгнес меняется. Я всегда уважал ее — как не уважать человека, бросившего мяч на 240 ярдов? — но теперь к этому прибавились более

теплые чувства.

Сперва ей помогало то, что успех придал Джулии Преббл излишнюю самоуверенность. Она стала рассеянной. Вместо того чтобы глядеть на мяч, она бросала взгляд на жениха. Благодаря этому на третьей лунке счет сравнялся.

Это ей не понравилось. Сжав губы, она явно боролась с желанием укусить возлюбленного, считая, видимо, что виноват он. На подступах к пятой лунке она сказала, чтобы он не маячил перед нею, на подступах к шестой — чтобы не дышал в затылок, на подступах к седьмой — чтобы не двигался. На подступах к восьмой она заметила, что если у него пляска святого Витта, надо сходить к врачу. На подступах к девятой расторгла помолвку.

Естественно, это помогало играть, и к десятой лунке она возместила свои потери. Эгнес сравняла счет на одиннадцатой, и началась та мрачная борьба, которая бывает перед финалом. Случайный наблюдатель заметил бы, что шансы равны.

Однако напряжение сказалось на Эгнес. Раза два ее железная воля дрогнула. К семнадцатой лунке природа взяла свое, и когда она подошли к восемнадцатой подставке, Джулии Преббл оставался один удар.

Последняя лунка — у воды. Рядом с подставкой находится озерцо, через которое перекинут шаткий мостик. К этому мостику приближался Смолвуд.

— Как дела? — спросил он, поравнявшись со мной. Я все ему рассказал, и он покачал головой.

— Нехорошо, — проговорил он. — Мне не нравится Эгнес и никогда не понравится, но я же не зверь какой-нибудь! Она очень хочет получить этот кубок. Жаль, что она не разрешила мне прийти. Я бы давал ей советы. Но она их не ценит. Предпочитает своего Моррисона. Да, жаль, очень жаль. Смотрите-ка! — воскликнул он, имея в виду Джулию Преббл.

Мяч ее пролетел над водой, но понимающий человек видел, что с ним не все ладно. Упал он в заросли. Она сердито обернулась, словно хотела сказать жениху, чтобы он не вертелся под ногами, когда она делает удар. Но его не было. Он ушел в клуб, где, как я позже узнал, выпил одну за другой шесть рюмок виски, а потом плакал на плече у бармена, объясняя ему, чем плохи женщины.

Эгнес напоминала Боадицею перед римским легионом. Она была торжествующей и властной. Я знал, о чем она думает. Если соперница оправится от шока, ей придется сделать не меньше шести ударов, тогда как Эгнес в этом месте довольствовалась четырьмя. Означало это, что она

нанесет за матч всего тридцать семь ударов, а в таком случае мастерство и воля к победе не дадут ей проиграть.

Она прикинула на глаз дистанцию. Она раскачалась. Она медленно откинулась назад. Клюшка описала идеальную дугу, когда раздался голос Бессемера.

— Минуточку! — сказал он.

Слово это прозвучало в тишине, как выстрел. На Эгнес оно оказало такое влияние, что она подняла голову посреди удара; а мяч, стукнутый сверху, покатился по дерну, поколебался у воды, словно робкий купальщик, и упал в озеро.

— Ай-яй-я-яй, — сказала Джулия Преббл.

Эгнес не ответила. Она тяжело дышала носом. Потом повернулась к Смолвуду.

— Ты что-то сказал? — спросила она.

— Я просто хотел напомнить, чтобы ты расслабилась, — ответил он. — Алекс Моррисон придает огромное значение позе, но я считаю, что главное — расслабиться. Когда бьешь по мячу, мускулы должны…

— Ниблик, пожалуйста, — обратилась Эгнес к кэдди. Взяв клюшку, она взвесила ее на руке и быстро двинулась вперед, словно тигрица в чаще. До этих пор я относил Бессемера к вдумчивому, рефлективному типу. Сейчас он показал, что ему не чуждо и действие. Быстро, как молния, он нырнул головой вперед в густые кусты у восемнадцатой лунки. Вот он здесь, вот его нету. Угорь мог бы у него поучиться.

Шаг этот был прекрасно рассчитан. При всей своей силе, Эгнес боялась пауков. С тоской поглядев на кусты, она ткнула в них клюшкой, разрыдалась и оказалась в объятиях Макмердо, который все время следил за матчем с должной дистанции.

— О, Сидни! — причитала она.

— Ну-ну, — утешал он.

Не разжимая объятий, они ушли. По ее жестам я понял, что она ему все объясняет, требуя при этом, чтобы он сломал шею Бессемеру, а его жесты подсказали мне, что он рассказывает ей о своих обязательствах перед страховой компанией.

Вскоре они исчезли в начинающихся сумерках. Я крикнул Бессемеру: «Отбой!»

— Она ушла? — спросил он.

— Да.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Он помолчал, потом прибавил:

— Нет. Это ловушка. Подожду немного. Я пожал плечами и покинул его.

Сумерки сгущались, пока Бессемер прикидывал, можно ли выйти из укрытия. На мостик он вступил почти в темноте и остановился, опершись о перила, чтобы как следует подумать.

Радость и скорбь смешались в его душе. Будущее сулило много такого, что претит тихим, мирным людям. Пока он здесь, придется сохранять свою бдительность, а в случае чего мгновенно сняться с места.

Это не так уж приятно. С другой стороны, из поведения Эгнес можно вывести, что помолвка расторгнута. Тут не захочешь, а обрадуешься.

Однако Селию он потерял. Сама эта мысль исторгла из него стон, и тот еще не умолк, когда на мостике послышались легкие шаги. К нему приближалась особа женского пола. Внезапно тишину нарушил крик.

Смолвуд истолковал его неправильно. Он решил, что на него кричит Эгнес, и, перемахнув через перила, кинулся в воду. Вынырнув и пытаясь за что-то ухватиться, он наткнулся рукой на мокрую, мохнатую субстанцию. Напоминала она то ли губку, то ли влажный ковер. Только ощутив острую боль в большом пальце, он понял, что это — пекинес Селии, кусавший его в счастливую пору до трех раз в неделю.

Бремя скатилось с души. Если здесь Пербрайт, здесь Селия. Она, не Эгнес, стоит на мостике. И он поспешил выбраться на берег, одновременно надеясь стряхнуть собачку.

Та укусила его еще раза два, но боль исчезла, когда он увидел глаза Селии. Они были круглые, большие, сияющие любовью.

— О, Смолвуд! — воскликнула она. — Слава Богу, ты здесь. Если бы ты не действовал так быстро, он утонул бы!

— Ну, что ты, — скромно сказал он. — Какая чепуха.

— Чепуха? Прыгнуть вот так в воду? Да за такие подвиги дают медаль.

— Присутствие духа, — объяснил Смолвуд. — У одних оно есть, у других его нет. Как это случилось?

— Из-за Сидни Макмердо.

— Из-за Сидни?

— Да. Пербрайт плохо себя чувствовал, и я попросила поехать за ветеринаром. Но Сидни сказал, что лучше дать ему портвейна. Мы налили целое блюдце, ему вроде бы понравилось. Потом он визгливо залаял и выбежал из дома. Вернулся он как во сне. Я решила с ним погулять. Когда

мы дошли до мостика, он закачался и упал. Наверное, голова закружилась.

Смолвуд присмотрелся к пекинесу и различил сквозь мглу симптомы сильного похмелья.

— Конечно, — продолжала Селия, — я немедленно расторгла помолвку. Я вынесу человека, который любит подшутить. Я допускаю, что джентльмен не любит животных. Но или одно, или другое. Вместе — нет уж, это слишком.

— Так ты не выйдешь за Макмердо?

— Конечно.

— Какое совпадение! А я как раз не женюсь на Эгнес.

— Не женишься?

— Нет. Так что…

— Да, правда?

— Мы оба свободны, и…

— Вот именно.

— Селия!

— Смолвуд!

Взявшись за руки, они перешли мостик. Вдруг Селия вскрикнула, от чего пекинес часто заморгал.

— Ты не знаешь самого плохого, — проговорила она. — Он посмел сказать, что *ты* рекомендовал это средство.

— Каков подлец!

— Я знаю, что он лжет. Ты даешь только хорошие советы. Помнишь, насчет этой огромной собаки? Выпив вина, Пербрайт ее встретил и разрядил свои эмоции в две минуты. Теперь они лучшие друзья. Я *всегда* буду тебя слушаться.

Смолвуд Бессемер снова взвесил все «за» и «против». Склонность давать советы освободила его от Эгнес. С другой стороны, если бы не эта склонность, Эгнес вообще не вошла бы в его жизнь.

— Знаешь, — сказал он, — Бог с ними, с советами. Надо будет попросить, чтобы мне дали другую работу — например, светские новости или детский уголок.

ГАНДИКАП — 0

Молодой человек в штанах для гольфа благоговейно посмотрел на Старейшину, с которым сидел над газоном. Словно фокусник, вынимающий кролика из цилиндра, он извлек из нагрудного кармана фотографию и протянул ее собеседнику. Тот внимательно в нее вгляделся.

— Об этой девушке вы и говорили?

— Да.

— Вы ее любите?

— Безумно.

— Как это влияет на игру?

— Я иногда ударяю немного в сторону. Старейшина кивнул.

— Простите, — сказал он, — но я не удивлен. Или это, или легкий удар, что-нибудь да портится. Видимо, игроки в гольф не должны влюбляться. Они дорого за это платят. И как иначе? Думают о девушке и не смотрят на мяч. С другой стороны, есть Харольд Пиккеринг.

— Кажется, я его не знаю.

— Он был до вас. Снимал тут домик. Гандикап — четырнадцать, но через месяц любовь свела его к нулю.

— Быстро, однако!

— Да. Позже он вернулся к десяти, но факт остается фактом. Если бы не любовь, ему бы в жизни не стать классным игроком.

Я встречал его в клубе (сказал Старейшина), прежде чем мы познакомились, и что-то мне подсказывало, что рано или поздно он откроет мне душу. По какой-то причине, быть может — из-за седых усов, я привлекаю людей, стремящихся поведать историю своей жизни. Сижу как-то здесь, тихо пью джин с джинджером, а он подходит, кашляет, словно овца с бронхитом, и начинает свою повесть.

Она была занятна и романтична. Наш герой служил в издательстве, точнее — был его совладельцем, и незадолго до приезда повел переговоры с Джоном Рокетом о покупке его мемуаров.

Конечно, это имя вам знакомо. Если вы изучали историю, вы вспомните, что Рокет дважды победил на Британском Любительском чемпионате и трижды — на Открытом. Он давно оставил соревнования, предпочитая свободную, привольную жизнь, и Харольд Пикеринг явился к нему, когда он праздновал серебряную свадьбу. Там была вся родня —

бабушка, когда-то прекрасно игравшая в гольф; жена, бывшая чемпионка Британии; три сына — Бункер, Кубок и Ниблик, две дочери — Лу и Клу, от «Лунка» и «Клюшка». Гандикап у всех равнялся нулю.

Можете себе представить, как чувствовал себя человек с гандикапом четырнадцать. Но любовь не знает различий. Через десять минут Харольд влюбился в юную Лу, а через неделю открыл ей свои чувства.

— Несомненно, я сошел с ума… да, с ума, — сказал он, задумчиво жуя сэндвич. — Как мог я помыслить, что девушка без гандикапа, сестра истинных звезд, дочь чемпионов, снизойдет к такому ничтожеству? Произнося первые слова, я увидел на ее лице удивление и ужас. «Произнося» сказано сильно, я, скорее, квакал. Но и этого хватило. Она поднялась и вышла из комнаты. А я приехал сюда…

— Чтобы забыть ее?

— Одумайтесь! Чтобы стать ее достойным. Я решил свести гандикап к нулю, чего бы этого мне ни стоило. Мне говорили, что у вас — прекрасный тренер, так что я снял домик, взял свои клюшки и кинулся к нему. А он…

— Сломал ногу?

— Вот именно. Понять не могу, зачем ее ломать хорошему, разумному тренеру. Но ничего не попишешь. Сломал.

— Как неудачно!

— Да уж. Я было совсем отчаялся. Но сейчас забрезжил свет. Вы не знаете такую Эгнес?

Конечно, я ее знал. Эгнес Флек была местной достопримечательностью. Ее показывали туристам наравне с водопадом и причудливым камнем неподалеку от двенадцатой лунки. Сложением она напоминала сельского кузнеца и много сезонов подряд держала первенство клуба. У нее были плечи борца, апломб старшего сержанта и голос человека, провозглашающего тост. Я нередко видел, как наши старцы трепетали, словно листья в августе, когда она издавала предупреждающий оклик. Словом, своеобразная и примечательная личность.

— Она согласилась со мной заниматься, — продолжал Харольд. — В первый же день меня поразила ее виртуозность. Шевельнет рукой, а мяч ложится в футе от флажка и подрагивает, как яйцо-пашот. Я сразу подумал: «Вот то, что мне нужно!» Кистевой удар — мое слабое место. Десять дней я ходил на нее смотреть, а вчера мы разговорились, и я признался ей в моей мечте. От души смеясь, она ответила, что я пришел туда, куда надо. Ей ничего не стоит свести к нулю гандикап у крошки сыра, если та хоть как-то двигается, и привела пример: некий Сидни Макмердо под ее руководством превратился из полного мазилы во что-то вроде

игрока. Я его не видел.

— Его нет. Он уехал к больному дяде. Вернется и будет играть в клубном чемпионате.

— Даже так?

— Он у нас — один из лучших.

— Гандикапа нет?

— Есть. Кажется — один.

— А до занятий с мисс Флек?

— Вроде бы пятнадцать.

— Ну-у? — сказал Харольд, явно приободрившись. — Пятнадцать? Тогда дело в шляпе. Значит, есть шанс и у меня. Мы начинаем заниматься завтра.

После этого мы какое-то время не встречались, у меня был приступ люмбаго, но слухи проникали ко мне, и я знал, что Эгнес не посрамила его веру. Небольшой матч он выиграл с такой легкостью, что гандикап немедленно снизился до восьми. Вскоре он упал до четырех. А когда я встал и пришел в клуб, я сразу увидел список участников чемпионата. Возле его фамилии стояло «О».

Меня это очень обрадовало. Все мы сентиментальны, и рассказ его тронул мое сердце. Я поспешил найти его и поздравить. Он отрабатывал легкий удар неподалеку от девятой лунки. Когда я взял его за руку, она напомнила мне влажную рыбу. Вид у него был такой, словно в него ударила молния. Я удивился, но вспомнил, что исполнение мечты может поначалу пристукнуть. Так было с Гиббоном, когда он закончил свой труд, и с одним моим другом, сорвавшим банк.

— Наверное, — весело сказал я, — скоро вы нас покинете, чтобы сообщить мисс Рокет потрясающие новости.

Он заморгал и сердито ударил по мячу.

— Нет, — отвечал он, — я никуда отсюда не уеду. Невеста хочет, чтобы я жил здесь.

— Невеста?

— Да, Эгнес.

Я был потрясен. Мне всегда казалось, что Эгнес выходит за Макмердо. Был я и смущен — не так давно он распинался в любви к Лу Рокет. Такая быстрая перемена свидетельствует о непостоянстве. Если уж ты влюблен, ты влюблен, сиди и не рыпайся.

— Желаю счастья, — все-таки сказал я.

— Не шутите, пожалуйста! — горестно морщась, он снова стукнул по мячу. — Произошло недоразумение. Когда мой гандикап сравнялся с

нулем, я пошел поблагодарить наставницу.

— Естественно.

— Расчувствовавшись, я поведал ей, почему так счастлив. Дело в том, сказал я, что девушка, которую я люблю, безупречно играет в гольф, и я хочу стать ее достойным. Тут Эгнес ударила меня по спине, чуть хребет не сломала, и сообщила, что догадалась еще в те дни, когда я ходил за ней по пятам и смотрел преданным взглядом. Да-а… Вы бы меня сбили с ног короткой клюшкой.

— Потом она обещала выйти за вас замуж?

— Вот именно. Что я могу поделать?

Я чуть не сказал: «Разорвать помолвку», но вовремя удержался. Женщины делятся на два класса — те, кто в этом случае прольет слезу, и те, кто прогонит вас нибликом через все графство. Эгнес относилась ко второму типу. Порвать с ней мог только Аттила, и то, когда он в форме.

Итак, я не сказал ничего и оставил несчастного.

В чемпионатах клуба обычно мало участников. На сей раз их было четверо. Харольд легко победил Руперта Уотчета; Сидни, вернувшийся вечером, — Джорджа Бантинга. После полудня предстоял финал, Пикеринг против Макмердо.

Утро Эгнес провела с женихом, потом они закусили, потом ей нужно было съездить в город. Напоследок она дала ему совет.

— Главное, — сказала она, когда он провожал ее к машине, — не терять спокойствия. Забудь, что это финал, играй, как обычно, и ты из него сделаешь котлету. Это я гарантирую.

— Ты хорошо знаешь, как он играет?

— Неплохо. Мы играли три раза в день, когда думали пожениться.

— Пожениться?

— Да. Разве я не рассказывала? Мы, можно сказать, уже подошли к алтарю, препятствий в поле зрения не было, но тут он взял клюшку № 3, хотя я велела взять № 4. Ну, я не смолчала. «В жизни, — сказала я, — не выйду за человека, который берет не ту клюшку. Всего хорошего, Сидни». Он заскрежетал зубами, выкатил глаза… Ка-акя посмеюсь, когда сообщу этому верзиле…

— Верзиле?

— Да.

— Он высокий?

— И широкий. Мог бы убить быка одним ударом, но он их очень любит.

— Понятно, — сказал Харольд. — Поня-ятно…

Он впал в задумчивость, но очнулся от зычного крика:

— Эй, Сидни!

Тот, к кому она обращалась, находился сзади. Харольд обернулся и увидел чрезвычайно крупного субъекта, который хмуро глядел на Эгнес Флек.

— Познакомься с мистером Пикерингом, — продолжала она. — Сегодня ты с ним играешь. Мистер Макмердо. Мистер Пикеринг, мой жених. Ну, пока. Спешу.

Она горячо обняла Харольда, машина уехала, а мужчины остались один на один, как в фильме, где единственный закон — сила.

Сидни Макмердо пристально смотрел на Харольда. В глазах его мерцал неприятный огонь. Руки величиной с крупный окорок сжимались и разжимались, словно готовясь к какому-то делу.

— Она сказала «жених»? — хрипло спросил он.

— Да, знаете ли, — отвечал Харольд с беспечностью, которая стоила ему дорого. — Сказала…

— Вы обручились с Эгнес?

— Да как-то, вроде бы…

— Та-ак, — сказал Сидни, глядя еще пристальней.

Харольд задрожал, и мы его не осудим. Издатели — тонкий, чувствительный народ. Взгляните на Голланца. Взгляните на Хэмиша Хамилтона. Взгляните на Чепмена с Холлом, на Хейнемана, на Дженкинса. Даже в веселые минуты Сидни выглядел грозно. Статус его и вид доказывали, что он достоин своих предков-горилл. Слабых и нервных людей обычно предупреждали перед встречей. Харольд подумал, что дядя, который хочет видеть *вот это* у одра болезни — большой чудак. Однако беседу он продолжал как можно приветливей.

— Какая погода! — заметил он.

— Ы-ыр-р, — отвечал Сидни.

— Вашему дяде лучше?

— При чем тут дядя! Вы сейчас заняты?

— Нет.

— Это хорошо, — сказал Сидни. — Я хочу свернуть вам шею.

Они помолчали. Харольд сделал шаг назад. Сидни сделал шаг вперед. Харольд сделал еще один шаг, равно как и Сидни. Харольд отскочил в сторону. Отскочил и Сидни. Если бы он не издавал звуков, наводящих на мысль о том, что неопытный испанец учится щелкать кастаньетами, можно было бы подумать, что они собираются исполнить красивый старинный

танец.

— Или, скорее, — уточнил Сидни, — разорвать вас на части.

— Почему? — спросил Харольд, склонный к дотошности.

— Сами знаете, — отвечал Сидни, двигаясь к востоку, тогда как его визави двигался к западу. — Потому что вы крадете чужих невест, как последняя змея.

Харольд кое-что знал о змеях и мог бы поспорить, но не получил такой возможности. Его собеседник протянул вперед руку, и спасти шею удалось, очень быстро втянув ее в плечи.

— Минуточку, — сказал он.

Я говорил, что издатели нервны. Кроме того, они умны. Ходдер и Стаффтон не нашли бы лучшего хода.

— Вы хотите разорвать меня на части?

— И поплясать на них.

Харольду было нелегко усмехнуться, нижняя челюсть дрожала, но он это сделал.

— Ясно, — сказал он. — Тогда победа вам обеспечена. Играть не надо… Очень хитро, Макмердо, очень хитро. Хотя и не совсем прилично.

Сидни покраснел. Руки его упали. Он растерянно жевал губу.

— Об этом я не подумал, — признался он.

— А люди подумают, — заметил Харольд.

— Понимаю… Значит, отложим?

— Да, как-нибудь выберем время…

— Нет, сразу после матча. Ждать недолго.

Именно в эту минуту я подошел к ним. Тогда я часто бывал судьей в финальном матче.

— Готовы? — спросил я.

— Мягко сказано, — отвечал Сидни. — Рвемся в бой. Харольд промолчал, только облизал губы.

Мои друзья (продолжал Старейшина) по своей доброте говорят иногда, что я бесподобно описываю матч со всеми деталями, от первой лунки до последней, показывая, как фортуна клонится то туда, то сюда, пока не увенчает лаврами потный лоб победителя. Хотелось бы сделать это и сейчас; но, как ни жаль, материал не дает такой возможности. С самого начала схватка была до безнадежности односторонней.

Я сразу подметил, что Харольд — не в лучшей форме, но приписал это естественному волнению. Даже когда он прошляпил две первые лунки, я верил, что он соберется и покажет класс.

Тогда я не знал, какие чувства его терзали. Он рассказал мне об этом спустя несколько лет. Меня удивляло, что он играет с безупречной деликатностью. В подобных ситуациях самые милые люди нет-нет да сорвутся, но он ни на секунду не терял учтивости. Могло показаться, что он заискивает перед Макмердо.

Однако все было напрасно. Три раза мрачный соперник отверг сигарету и без должного пыла принял слова о том, что проиграть самому Сидни — уже большая честь, а смотреть на его игру — истинное наслаждение.

Именно при этом комплименте ушел последний зритель. Когда Макмердо выиграл на десятой лунке, мы были одни, если не считать кэдди. Оплатив их услуги, соперники пошли домой.

Проигрыш, да еще такой, способствует молчанию, и я не ждал от Харольда пространных речей. Однако, взойдя на мостик у одиннадцатой лужайки, он стал воспевать победителя, что показалось мне очень благородным.

— Разрешите сказать, — начал он, — что я потрясен вашей игрой. Это было истинным откровением. Редко встретишь человека, который играет безупречно, делает короткие удары, где бы ни оказался мяч. Не хотел бы показаться льстивым, но, на мой взгляд, у вас есть решительно все.

Казалось бы, слушай это, как музыку, но Сидни мрачно заворчал, словно бульдог, подавившийся бифштексом.

Я заметил, что Харольд несколько разочарован, но, глотнув раза два, он радостно продолжал:

— А вот скажите, вам не приходило в голову описать свой опыт? Методы, советы новичкам, в таком, знаете, легком разговорном стиле. Я бы это охотно издал. Об условиях договоримся. Прямо сейчас и начните.

Сидни Макмердо впервые открыл рот.

— Сперва, — сказал он, — я другое дело сделаю.

— Да?

— Надо распотрошить одну змею.

— Тогда вы должны побыть в одиночестве. Ухожу, ухожу.

— Нет, — возразил Сидни. — Идемте-ка за эти кустики.

Я сразу все понял и остро пожалел Харольда, как оказалось — зря. Пока я жалел, он действовал.

Как вам известно, мы шли через мостик, именно мостик, поскольку тогда нынешнего, стального моста еще не было. Так, перекладина с ненадежными перилами, которым не выдержать тяжести.

Тяжестью Сидни обладал; и когда хитроумный Харольд боднул его

головой в живот, перила мгновенно подломились. Раздался треск, потом всплеск, потом — какое-то цоканье, и я увидел, что Х. П. скрывается за горизонтом, тогда как С. М., по грудь в воде, выпутывает из волос угря.

Как гласит старинная поговорка, издатель опасен, когда он в опасности. Если вы загоните его в угол, пеняйте на себя.

Сидни мрачно побрел к клубу. Судя по тому, что он сердито бил себя по спине, в него вцепилась какая-то водная тварь.

Кажется, я говорил, что после этого мы с Харольдом долго не виделись. Когда же увиделись, он мне поведал, чем кончилась эта душераздирающая драма.

Поначалу, что вполне понятно, ему хотелось оказаться как можно дальше от Сидни. Он прыгнул в машину, оставленную неподалеку, нажал на акселератор и быстро проехал 70 миль в сторону Шотландии. Там он зашел в кабачок перекусить и обнаружил, что у него есть пять шиллингов с мелочью.

Конечно, можно было найти гостиницу, снять номер, объяснив свои обстоятельства, и послать телеграмму в банк. Однако ему это не пришло в голову. В смятении чувств он решил вернуться домой, взять деньги, вещи, чековую книжку, а потом уже ехать в закат.

Насчет заката он не ошибся, домой он приехал затемно, но в окнах горел свет. Прокравшись к одному из них, он увидел Сидни, который глядел в потолок, явно кого-то ожидая.

Не успел Харольд юркнуть в кусты, чтобы обдумать ситуацию, как гравий затрещал под тяжелыми ногами. Только у Эгнес была такая походка. Вскоре раздался еще один звук, громкий стук в дверь, и на фоне света появился Сидни.

И он, и она молчали. Кроме кратких минут у клуба, разлученные сердца не общались с самого разрыва. Мужчина в пятнадцать стоунов[54] и женщина — в одиннадцать тоже могут смущаться.

Первой заговорила Эгнес.

— Ты тут? — сказала она.

— Да, — отвечал он. — Жду эту змею.

— И я к нему.

— Да? Все равно от меня не спасешь.

— А кто его хочет спасать?

— Ты.

— Ну, нет. Я пришла расторгнуть помолвку.

— Расторгнуть?

— Вот именно.
— Я думал, ты его любишь.
— Разве можно любить человека, если он блистает и сверкает в простой игре, от которой ничего не зависит, и просто гаснет на матче? А почему ты на него сердишься?
Сидни заскрежетал зубами.
— Потому что он увел тебя.
Если бы Эгнес была на фут короче и фунтов на тридцать легче, мы бы сказали, что она хихикнула. Кончиком объемистой туфли она ворошила гравий.
— Тебе это неприятно? — спросила она со всей доступной ей мягкостью.
— А то! — вскричал Сидни. — Я тебя люблю, старушка, и не разлюблю. Когда я играл с этой змеей, твое лицо, можно сказать, плавало передо мной. И знаешь, ты права. Надо было брать № 4. Что говорить, уже поздно…
Эгнес вывела вензель на гравии носком другой туфли.
— Почему? — довольно тихо спросила она.
— А разве нет?
— Нет.
— Ты что, меня любишь?
— Люблю.
— Чтоб мне лопнуть! А я-то думал…
— Совершенно зря.
— Мы созданы друг для друга! — вскричал Сидни.
Они упали друг другу в объятия, как мастодонты в болото. Когда шум немного улегся, послышался голос:
— Простите…
Харольд подскочил в своих кустах, словно наступил на мину. Он узнал этот голос.
— Простите, — повторила Лу, — здесь живет мистер Пикеринг?
— Да, — отвечал Сидни.
— Его вроде нет, — сказала Эгнес. — А может, есть. Поищите где-нибудь.
— Спасибо, — отвечала гостья, — поищу.
Она пошла в комнаты. Сидни снова обнял Эгнес.
— Старушка, — сказал он, — давай поженимся, пока ничего не случилось. Во вторник, ладно?
— Не могу. У меня игра. Двое мужчин, две женщины.

— А в среду?

— Небольшой матч.

— В четверг я сам играю в Сквэши Хит. Когда же мы оба свободны? Давай посмотрим…

Они ушли по дорожке. Когда шаги их затихли, Харольд вылез и двинулся к коттеджу. В гостиной сидела Лу, целуя его фотографию. Он удивленно вскрикнул, она обернулась.

— Харольд! — вскричала она, кидаясь к нему на шею.

Он очень удивился, но, как мы знаем, был издателем, а всякий издатель разберется, что делать, если к тебе кинулась прелестная девушка. Я спрашивал двух-трех представителей этой профессии, и они подтвердили мою мысль. Харольд поцеловал Лу шестнадцать раз подряд. Макмиллан или Фейбер и Фейбер поступили бы точно так же.

Потом он сказал:

— Я не совсем понимаю…

— Чего именно?

— Нет, я не против, но почему вы… э… кинулись ко мне?

— Потому что я вас люблю.

— Почему же *тогда* вы надменно вышли?

— Я не вышла.

— Вышли-вышли. Сам видел.

— Я выбежала. Вы как-то странно дышали, и я решила вызвать врача. Дня через два один знакомый стал объясняться мне в любви, тоже задышал, и я все поняла. У вас на службе мне сказали, где вы живете, и я приехала объясниться в любви вам.

— Значит, вы меня любите?

— Конечно. С самого первого взгляда. Мгновение-другое он ликовал так, словно выпустил «Унесенные ветром». Но вдруг помрачнел и сказал:

— Это невозможно.

— Почему?

— Сегодня я проиграл.

— Со всеми бывает. Он покачал головой.

— Нет, не «бывает». Я вообще такой. Нервы не выдерживают. Я думаю, у меня гандикап так это десять. Вы не можете выйти за посредственного игрока.

— Почему?

— Вы! Дочь двух чемпионов! Правнучка самой матушки Рокет! Сестра Бункера, Ниблика, Кубка…

— Вот именно. Я всегда мечтала об обычном человеке. У меня тоже

было бы десять, если бы они не заставляли меня тренироваться по пять часов в день. Я ненавижу тяжкий труд. Какое счастье соскользнуть к десяти! О, Харольд! Только представь, сделали три коротких удара — и все, хватит. Нет, какое блаженство!

— Ты в этом уверена?

— Еще бы!

— И выйдешь за меня?

— Хоть сейчас.

Харольд лишился дара речи, но тут же вспомнил Макмердо. Не очень приятный человек, но словом — владеет.

— Мы созданы друг для друга! — вскричал он.

КОЛОКОЛА ДЛЯ УОЛТЕРА

Когда Уолтер Джадсон обручился с Анджелой Пербрайт, гостившей у своей тети, Лаванды Боте, мы обрадовались. Они были созданы друг для друга. Так думали все, думал и я. Как самый старый член клуба, я видел множество пар, но мало кто выглядел лучше, чем мужественный Уолтер и женственная Анджела, напоминающая Мэрилин Монро. Да, он играл в гольф, она — в теннис, но такие мелочи можно уладить после свадьбы. На их горизонте не было ни облачка.

Соответственно, я удивился, когда Уолтер подошел к моему креслу чрезвычайно растерянный. Таким бывает человек, когда он ждал, что мяч полетит к северу, в тот полетел к северо-северо-востоку. От его прославленной улыбки не осталось и следа.

— Что случилось, мой друг? — спросил я.

— Я раздавлен, разбит, убит, уничтожен, — ответил он, мрачно вглядываясь в муху, которая делала гимнастику на оправе моих очков. — Наверное, вы знаете, что завтра я играю с Поттером в финале чемпионата.

— Я буду судьей.

— Да? Значит, вы хорошо разглядите, как кубок счастья отнимут от моих губ.

Мне не нравились такие настроения у молодых, цветущих людей. Да и у старых.

— Ну-ну, — сказал я. — Что это вы, Уолтер? Пораженец какой-то. Как я понимаю, Джорджа Поттера вы сотрете в порошок.

— Не сотру, и вот почему. Вы знаете Ботсов?

Конечно, я знал их и всячески избегал. Мать семейства, как на беду, писала книги и охотно о них говорила. Я человек терпимый, романистку я вынес бы, но Лаванда Боте позорила английскую словесность теми странными творениями, которые так любят женщины ее типа. Одна книга была об эльфах, другая — о цветах, третья — о полевых мышках. Ходили слухи, что она подбирается к феям.

Понсфорд, ее муж, рассказывал анекдоты, но хуже всех был старший сын, Космо, который писал рецензии и, как присуще рецензентам, всех поучал. Сильные духом люди прятались за дерево, завидев его.

— Знаю, — отвечал я. — Почему вы спрашиваете? Голос его дрогнул, когда он произнес:

— Завтра они собираются на матч. Я понял, в чем дело.

— Вы думаете, они смутят вас?

— Я *знаю*, но не это хуже всего. Придет и Анджела. Ясно?

— Нет, — ответил я, а он пробормотал что-то о каких-то старых кретинах.

— Вы видели, как я играю?

— Как ни странно, не видел. Конечно, я много потерял, но очень уж присиделся в кресле. А что?

— Если бы вы видели, вы бы знали, что я совершенно меняюсь. Человек я тихий, безвредный, а тут просыпается бес. Я кричу на кэдди. Я огрызаюсь на зрителей. Словом, я груб и невыносим. Ботсы меня очень раздражают, каждый по-своему.

Я серьезно кивнул.

— Вы думаете, что сорветесь?

— Непременно. Представьте, что будет, если папаша начнет рассказывать мне под руку анекдот, или мамаша вспомнит эльфов, или Космо станет давать советы. Да, сорвусь.

— И ваш праведный гнев подействует на Анджелу?

— Представьте сами. Она считает, что выходит за идеального рыцаря — и вдруг перед ней капитан «Баунти».[55] Естественно, она будет в ужасе. Я сам бы не хотел выходить за этого капитана.

— Я думал, сейчас очень любят сердитых молодых людей.[56]

— Куда им до меня! Заметьте, я очень стараюсь скрывать свои чувства к этим стрептококкам. Это нелегко, но ради Анджелы я носил личину.

— Вы думаете, она за них обидится?

— Конечно. Она очень привязана и к тете, и к дяде, и, как ни странно, к кузену. Боюсь, не выдал ли я себя, она как-то странно со мной обращается в последнее время.

— Вам показалось.

— Может быть, но завтра она все поймет.

К счастью, я знал, как решить его проблему.

— Нужно последить за собой, и я подскажу вам способ. В свое время я тоже срывался во время игры, и помогли мне мысли о Сократе.

— Это такой грек?

— Да. Иов тоже подошел бы, но я предпочел Сократа.

— При чем тут он?

— Очень просто. Не так уж приятно пить цикуту, но он держался молодцом. Напоминайте себе: даже если мои удары загонят мяч в яму с песком, ему все равно было хуже. Шепните «Сократ»… Нет, мы вот как

сделаем: когда я что-нибудь замечу, я сам шепну.

— Замечательно! Тогда все в порядке. Значит, народ считает, что я сотру Поттера в порошок?

— В прах и пыль.

— Прекрасно! — сказал Уолтер, вполне справившийся с тревогами и, шепча «Сократ», пошел в бар, выпить джина с тоником.

Когда я прибыл на место, он стоял и болтал с Анджелой. Клубный чемпионат не привлекает больших толп. Название несколько сбивает с толку, он — не из важных, престижных матчей. Участвуют в нем только те, чей гандикап не ниже восемнадцати. Цель его — приободрить третьестепенную часть нашего сообщества, вытянуть на поверхность кроликов, как фокусник с цилиндром.

У Джорджа Поттера и у моего друга было как раз по восемнадцать, но те, кто их видел, подмечали немаловажную разницу. Джордж не пил и не ел мяса, а такие люди всегда играют ровно, по-видимому, благодаря витаминам, содержащимся в тертой морковке. Уолтер был непредсказуем, мечась между нулем и тридцатью шестью. Кого мы увидим — мастера, который однажды попал в далекую седьмую лунку за три удара, или его двойника, который за одиннадцать проходит ближнюю вторую?

Во всяком случае, сейчас он был бодр и весел. Он даже не испугался приходу супругов Боте. Космо, по их словам, задержал срочный заказ — он писал для «Книжного Еженедельника» статью «Альбер Камю и эстетическая традиция». Они надеялись, что он еще успеет явиться, и Уолтер сказал на это: «Прекрасно, прекрасно, превосходно». Потом он отвел меня в сторону и объяснил свое состояние — Поттер поссорился с невестой и начисто утратил форму. Из надежных источников было известно, что утро он провел в баре, где, стакан за стаканом, пил ячменную воду.

— Если я не смогу победить человека, который получил обратно кольцо и напился ячменной воды, — все, бросаю гольф, — сказал он. — А вот и он сам. Ну и вид!

Действительно, Поттер выглядел так, словно таксидермист выпотрошил его, а набить забыл. По-видимому, это часто бывает с отвергнутыми женихами. Что-то вежливо простонав в ответ на мое приветствие, он глухо произнес «Решка» (монету бросал Уолтер), угадал и, понурив голову, встал у первой подставки. Матч начался.

Почти сразу выяснилось, что Уолтер не ошибся. При всей симпатии к нему я не смог спокойно смотреть на истинную бойню. Неприятно

потерять девицу, на которую ты извел горы цветов и конфет, но если ты еще и проигрываешь, это уж Бог знает что. Я сказал, что Джордж понурил голову, но на свою беду, он не хранил этой позы. Иногда он как бы взывал к небу, что мешало смотреть на поле. Уолтер, в отличие от него, играл блестяще.

Гольф, в сущности, простая игра. Только и дела, что с должной силой направлять мяч в нужном направлении. Уолтер, если бил вообще, бил с должной силой, и по закону вероятности рано или поздно мяч обязан полететь в нужном направлении. Сегодня это случилось. Он быстро, одну задругой, отхватил три лунки, а мог бы и больше, если бы два раза не забросил мяч ярдов на 50 дальше, и на девятом перегоне не промахнулся трижды из-за избытка сил.

Наступила недолгая передышка. Уолтер великодушно дал противнику возможность прийти в себя. Тот отошел в сторонку, чтобы побыть наедине со своим горем, а мой молодой друг устроил у десятой подставки что-то вроде королевского приема.

Учтивость его превосходила всякое представление. Он с интересом слушал рассказ о том, что букашки в траве — на самом деле эльфы, и радостно одобрил мысль о книге «Эльф и гольф».

Папаша Боте еще раз поделился историей о двух лотошниках, попавших в рай (почему-то со шведским акцентом), и Уолтер смеялся. Кроме того, он погладил кэдди по головке, а когда явился Космо, приветствовал его, как брата. Я уже думал, что мое намерение быть ангелом-хранителем оказалось ошибкой.

Оставшись с ним на секунду вдвоем, я ему об этом сказал, и он согласился.

— Мысль хорошая, — сказал он, — но, как мы видим, излишняя. На что мне Сократ, когда игра идет лучше некуда, а рядом — близкие люди?

— Вы считаете их близкими?

— Технически — да, из-за Анджелы. Но вообще они очень милы.

— Даже Лаванда?

— Прелестная женщина. Столько знает об эльфах!

— И мистер Боте?

— Очень занятный человек.

— И Космо?

Тут он замялся, но быстро пришел в себя.

— Блистательная эрудиция! Сейчас обещал дать несколько ценных советов. Очень благородно.

Я обрадовался, что он — в таком прекрасном настроении и собирается

об этом сказать, как вдруг увидел, что к Джорджу Поттеру бежит девушка с каштановыми волосами и слегка приподнятым носом, и узнал в ней Мейбл Кейс, его бывшую невесту. Почему, собственно, бывшую? Она пылко обняла Джорджа и нежно поцеловала. Он ожил. Глаза его сияли, плечи расправились, и клюшкой он взмахнул как этим… сейчас, сейчас… Эскалибуром.

Уолтер был потрясен, словно Поттер встал из могилы. Челюсть у него отвисла. Он нанес слабый удар, и мяч тут же застрял в зарослях.

— Мой дорогой, — сказал Космо, — сейчас я все объясню. Ваша ошибка типична для игроков с большим гандикапом. Вы напряглись, и тело стало неловким. В этих случаях голова при замахе дергается, что недопустимо.

Уолтер глубоко вздохнул.

— А может быть, «Гольф и эльфы»? — спросила писательница.

Тут я подал помощь, прошептав: «Сократ».

Он несколько расслабился и выговорил то же имя.

— Вижу, я отстал на две лунки, — сказал Поттер и вскоре прибавил: — На одну.

Через некоторое время послышались слова:

— Теперь — вровень. Ах ты, у вас подсечка не вышла!

Подсечка, о которой он говорил, была совсем плохая, и Уолтеру помешал странный звук, который издал кэдди. Он повернулся к нему, раздуваясь, как воздушный шарик, и я снова прошептал:

— Сократ!

Уолтер был молодец. Он взял себя в руки.

— Юноша, — мягко выговорил он, — не в обиду будь сказано, нельзя ли удержаться от таких звуков? Мешает сосредоточиться.

Кэдди объяснил, что икает. Уолтер понимающе кивнул.

— Сочувствую, — сказал он. — Я бы сходил к врачу. Ничего, я сам понесу сумку.

Кэдди ушел, а Понсфорд Боте заколыхался, что обычно предвещало историю.

— Кстати, — спросил он, — слышали про двух шотландцев?

Космо поджал губы.

— Ты собираешься имитировать шотландский акцент?

— Конечно.

— Я бы не стал.

— Почему?

— Может пойти кровь из носа.

— Какая чепуха! — отмахнулся Боте и начал, но Космо оказался прав. Нельзя сочетать икоту с шотландским акцентом. Через несколько секунд рассказчик бежал к клубу в сопровождении тех, кого Уолтер назвал близкими. Когда «Я же говорил» затихло вдали, глаза Уолтера странно засветились. Я понял, в чем дело. Теперь, подумал он, меня не будут отвлекать эльфы, шотландцы, икота и критика. Осталось шесть лунок, противник не ест мяса… Словом, он приободрился, и настолько, что легко загнал мяч в тринадцатую и четырнадцатую. С пятнадцатой и шестнадцатой вышло хуже, это может случиться с любым. Джордж Поттер, в своей основательной манере, сделал семь ударов, и к семнадцатой они опять сравнялись. Здесь, встряхнувшись, Уолтер сумел загнать мяч, сделав то же количество ударов, и все зависело теперь от последнего рывка.

Восемнадцатая лунка была близко, даже участники такого матча с легкостью достигали ее двумя ударами. Сейчас мяч Джорджа лежал в двенадцати футах, а мяч Уолтера, волей Провидения, — в нескольких дюймах.

— Теперь, — сказал Уолтер, — остается пустая формальность.

Среди игроков низшего класса популярны разные методы. Назовем три: курица-на-яйцах, паралитик и люмбаго. Уолтер предпочитал курицу. Он принял соответствующую позу, но тут услышал голос Космо, вернувшегося с семейством:

— Минуточку, мой дорогой.

Уолтер встал и сурово на него посмотрел.

— Да?

— Ничего-ничего, — сказал Космо. — Я забыл, что зрители не должны давать советов. *После* удара — пожалуйста, но не *до*. Хотел заметить, что вы все неправильно делаете. Но так и быть. Играйте, мой друг, играйте.

Уолтер снова на него посмотрел и снова принял позу курицы. Когда он опускал клюшку, миссис Боте пронзительно вскрикнула.

— О, простите! — сказала она, когда мяч, после мощного удара, скрылся в дальней яме. — Я не хотела вас сбивать, но прямо перед вашим мячом сидела милая маленькая букашка. Вы могли ее ударить.

Из куриной позы выбираются долго и сложно, но Уолтер потратил на это один миг. Лицо у него было лиловое, глаза чуть не вылезли, пыхтел он, как два шотландца из недавнего анекдота, и я понял с одного взгляда, что нужна срочная помощь.

— Сократ! — крикнул я.

— Какие к черту Сократы? — откликнулся он и начал свою речь.

Голос его был звонок. Анджела громко ахнула. И впрямь, любая бы ахнула от таких речей. Начал он с манер, воззрений, ума и внешности миссис Боте и ее сына. Я восхищался точностью определений. Задолго до конца мать и сын бежали к клубу.

Лишившись их общества, он завершил монолог, и вдруг очнулся. Клюшка выпала из его руки. Он увидел Анджелу.

— Ты вернулась? — выговорил он.

— Да, я давно здесь. Он кивнул.

— Случайно не слышала мою речь?

— Слышала.

— Тогда ты знаешь, кто я. Как это говорится?

— Бес в человеческом облике?

— Вот именно. Бес.

— Меня это восхищает.

Он недоверчиво взглянул на нее.

— А не «возмущает»?

— Ничуть. Внушает восторг. Давно пора, чтобы кто-нибудь высказал все тете Лаванде и Космо. Одно плохо, дяди не было. Да знаешь ли ты, что я чуть не расторгла помолвку? Смотреть не могла, как ты пресмыкаешься. Тетю спрашиваешь, ждет ли она озарений или работает регулярно. Про шотландцев в раю слушаешь и *смеешься*. Космо благодаришь за советы. Как тут не сердиться?

Я счел нужным вставить слово:

— Это все ради вас. Близкие, знаете, люди…

— Да, я поняла.

Уолтер дергался, как щенок, пытающийся проглотить большую кость. Наконец он вступил в беседу.

— Разберемся точно, — сказал он. — Значит, я бес?

— И не из последних.

— Но — тут слушай внимательно — ты ничего против не имеешь?

— Ни в малейшей степени.

— Странно, — сказал Джордж Поттер, подходя к нам. — Обычно девушки их не любят. Мейбл именно так меня назвала, когда я усомнился в том, что она правильно употребляет сельдерей. К счастью, она поняла свою ошибку. Это показывает…

— Сейчас не до того, Поттер, — сказал Уильям и снова повернулся к Анджеле. — Что, если колокола зазвонят… ну, через неделю после следующей пятницы?

— Пускай звонят.

Уолтер обнял ее, как клюшку, одной рукой.

Они постояли, потом она взяла его за руку и увела. А мы с Джорджем Поттером пошли в клуб, выпить апельсинового сока.

СПАТЬ, СПА-АТЬ…

Сирил Грули, младший партнер издательства «Попгуд и Грули» (Нью-Йорк, Медисон-авеню), отрабатывал легкий удар, используя вместо лунки гуттаперчевый стаканчик, но когда вошла Патриция Бинстед, его секретарша, оставил это занятие и крепко обнял ее — не потому, что издатели не могут спокойно видеть красивых девушек, а потому, что она была его невестой. Вернувшись из Райской долины, они собирались зайти в приличную церковь, а там — стать мужем и женой.

— Кто-то пришел? — спросил он, не разжимая объятий. — По делу?

— Да. Попгуда нет, а явился сам Дракула. Очень похож, один к одному. Вообще-то он профессор Пепперидж Фармер. Хочет подписать договор.

— Книги пишет?

— Вот, написал. Называется «Гипноз как способ раскрытия механизмов подсознания» и т. д., и т. п. Попгуд заменил на «Спать, спа-ать…». Говорит, так занятней.

— Несомненно.

— Примешь его?

— Конечно, моя королева.

— Да, Попгуд сказал, аванс — не больше двухсот долларов, — прибавила Патриция.

Через минуту-другую посетитель вошел в кабинет. Вид у него и впрямь был ужасный. Лицо — желтое, мрачное, в морщинах, глаза такие, что не дай Бог увидеть в темноте, да еще в пустынном месте. Но Грули часто общался с авторами и ко многому привык.

— Заходите, — с обычной любезностью сказал он. — Хорошо, что застали. Уезжаю в Райскую долину.

— Поиграть в гольф? — догадался профессор, взглянув на короткую клюшку.

— Да.

— Хорошо играете?

— О, нет! Я печальный и особый случай. В теории знаю все, на практике — мажу.

— Надо низко держать голову.

— Томми Аткинс говорит то же самое, но она как-то не держится.

— Такова жизнь.

— Да, не подарок…

— Если вам угодно так выразиться.

— Угодно. Но перейдем к делу. Мисс Бинстед сообщила, что вы пришли подписать договор. Вот он. Кажется, все в порядке, только мы не оговорили сумму аванса.

— Что предлагаете вы?

— Сто долларов. Издавая такие книги, мы идем на риск. Поскольку в них нет любовной линии, нельзя изобразить на супере полуголую даму, что вызвало бы гневные статьи, которые резко повышают спрос. Кроме того, бумага дорожает, типография повышает цену, переплетчики… Что с вами? Почему вы жестикулируете?

— Есть французская кровь. С материнской стороны.

— Попробуйте сдерживаться. Как-то укачивает.

— Да? *Очень* интересно. Вижу, у вас закрываются глаза. Вы просто засыпаете! Засыпаете… засыпаете… засыпаете…

Проснулся Сирил часа в два. К счастью, Дракулы уже не было. Странно, подумал он, они ведь не договорились об авансе. Наверное, решили снова встретиться. И, выбросив это из головы, издатель взялся за клюшку, а позже, после ланча, уехал в Райскую долину.

В иллюстрированном буклете об отеле «Рай» прямо говорится, что эта долина — мир мечты, воплощение прекрасного, где широкие просторы, нежные ветерки и так далее даруют измученному горожанину новые силы. Красные шарики его крови плодятся с такой скоростью, что он ощущает je ne sais quoi[57] или, если хотите, bien etre,[58] словно вышел из чистки. Мало того, буквально рядом с отелем можно поиграть в гольф за соответствующую плату.

Буклет не упоминает о том, что место это, сама площадка, поражает своими неудобствами. Соорудил ее один шотландец, видимо — из ненависти к человечеству придавший ей сходство с худшими, что есть на его родине. Привлечь она может игрока с высокими идеалами и неискоренимой тягой к преодолению препятствий. Первый же взгляд на нее вверг Сирила в то состояние, которое в науке именуют «мандраж». Он записался на завтрашний матч, он всегда на них записывался, вспоминая, что однажды сыграл очень хорошо, но мысль о том, что придется действовать при заматерелых мастерах, сама по себе вызывала ощущение, что примерно пятьдесят семь гусениц ползают вниз и вверх по спине. Можно сравнить его с дворнягой, попавшей на собачью выставку.

Утром, в день состязаний, он сидел на террасе без малейшего bien etre,

не говоря je ne sais quoi, и вдруг увидел Эгнес Флек.

Познакомился он с ней почти сразу. Узнав, что он издатель, она заговорила о своей книге и спросила, не полистает ли он ее в свободное время. Груди знал по опыту, что корпулентные девицы пишут или слащавую муру, или что-то не совсем печатное. Тем самым, увидев ее, он быстро побежал в бар, а в дверях врезался ни в кого иного, как в профессора, который обрел еще более зловещий вил, поскольку был в шортах, багровой рубахе и панаме с пурпурной лентой.

Почему-то он удивился, хотя профессор мог приехать сюда, как всякий другой. Но нет; он был неуместен, словно вампир на садовом приеме или нетопырь на пикнике.

— И вы тут! — закричал Сирил. — Что с вами тогда случилось?

— В издательстве? — сказал профессор. — Заметив, что вы дремлете, я вышел на цыпочках, решив, что лучше встретиться в более удобной обстановке. Если вы подумали, что я здесь случайно, вы ошиблись. Я приехал, чтобы помочь вам с гольфом. Как-никак, я вам очень обязан.

— Вы? Мне?

— Обсудим позже. Скажите лучше, как игра. Есть успехи? Обычно Сирил не открывал душу едва знакомым людям, но сейчас не устоял. Профессор словно выдернул пробку, и все его страхи хлынули наружу, как имбирное пиво. Можно считать, что он лег на кушетку у психоаналитика, который берет двадцать пять долларов за полчаса. Пламенной пылко он рассказал о состязаниях, описал мандраж и гусениц, а профессор внимательно слушал, иногда пощелкивая языком. Словом, хотя он напоминал творенье футуриста наутро после попойки (если у футуристов бывает тяжелое похмелье), сердце у него было чувствительное.

— Я играю с неким Сидни Макмердо, — говорил Сирил, — и очень боюсь. У меня уйдет по меньшей мере 115 ударов на раунд, и при каждом ударе этот Сидни будет смотреть на меня, как на мокрицу. В общем, — завершил он рассказ, — я решил отказаться. Пусть это слабость, но я просто не выдержу.

Профессор похлопал его по плечу, но, прежде чем он что-то сказал, Сирила позвали к телефону. Вернулся он совершенно ошеломленный. Собеседник его пил лимонный сок и хотел его угостить, но он крикнул страшным голосом:

— Какие соки? Вы знаете, кто звонил? Мой старший партнер, Попгуд. Он удивился, почему я выписал вам пять тысяч аванса. Спрашивает: «Он что, вас загипнотизировал?»

Профессор улыбнулся, по идее — нежно, а по результату — так,

словно у него болит живот.

— Ну, конечно, мой дорогой. Обычная предосторожность. Чтобы получить большой аванс, издателя надо загипнотизировать. Это я и имел в виду, говоря, что вам обязан. Иначе я бы не приехал в место, где за какой-то сок дерут кучу денег. Попгуд недоволен?

— Еще бы.

— Жаль-жаль. Мог бы радоваться, что его деньги скрасили кому-то жизнь. Но Бог с ним, вернемся к нашим спортивным делам.

Человек с гандикапом двадцать четыре не может отвергнуть такое предложение.

— Помнится, вы говорили, — продолжал профессор, — что в теории вам все ясно. Верно ли это? Вы много читали?

— О гольфе — все, что только есть.

— Вы упомянули Томми Армора. Знакомы вам его советы?

— Я их знаю наизусть.

— Однако неуверенность мешает их выполнить?

— Видимо, да.

— Тогда все решается просто. Я снова загипнотизирую вас и внушу, что вам нипочем какой-то Макмердо. Взяв в руки клюшку, вы будете знать наверняка, что мяч попадет из пункта А в пункт Б самым коротким и лучшим путем. Кому вы хотели бы подражать? Арнольду Палмеру? Гэри Плэйеру? Джеку Никлаусу? Я бы посоветовал Палмера. Согласны? Значит, Палмер. Глаза у вас закрываются… Вы зевнули… Спать… спа-ать…

Райская долина была в самом лучшем виде (см. буклет), равно как и Сирил, стоявший у первой подставки, ожидая соперника. Выбирая клюшку, он признался старшему кэдди, что чувствует себя превосходно. И то сказать: подбородок выпячен, ноги твердо стоят на траве, кровяные тельца скачут и пляшут, словно мятежные студенты из Сайгона, Каира, Москвы, Панамы и других мест. Профессор не ошибся, предрекая уверенность Арнольда Палмера. Он был уверен в себе, как Палмер, Плэйер, Вентури, Никлаус и Тони Лем, слитые вместе.

Вскоре появился крупный человек, в котором он признал своего соперника, и солнечно ему улыбнулся.

— Мистер Макмердо? Здравствуйте, здравствуйте! Какая погода! Эти горные ветерки…

Новоприбывший издал звук, который издал бы слон, извлекающий ноги из топи. Сидни Макмердо был мрачен. Накануне Эгнес, его невеста, расторгла помолвку из-за ничтожного несовпадения вкусов. Он сказал, что

ее книга — чистый бред, который надо сжечь поскорее, она же сказала, что это отнюдь не бред, и больше им общаться не стоит. Сидни всегда огорчался, когда Эгнес расторгала помолвку, так как это отражалось на его игре.

Хотя бы сейчас: он полагал, что мяч полетит прямо к северу, а тот выбрал курс С-С-В. Пока он это обдумывал, Сирил начал свою речь.

— Не знаю, заметили вы, какую совершили ошибку, — приветливо сказал он. — Вот, смотрите.

Сказав все это, Сирил с неподдельным изяществом направил мяч прямо по фервею на двести восемьдесят ярдов.

— Видите? — спросил он.

В следующий раз он заговорил на четвертой лужайке, когда Сидни никак не мог вызволить мяч из ямы с песком. Совет он дал по доброте; все же тяжело видеть, как многообещающий игрок совершает глупые ошибки.

— Вы не приняли во внимание консистенцию песка, — сказал он. — От нее многое зависит. Если песок влажный или слежавшийся — это одно, если же он мягкий и сухой — это другое. Если он мягок, попытайтесь проникнуть в него дюйма на два дальше мяча, если слежался — дюйма на полтора.

Игра продолжалась. Перед двенадцатой лункой Сирил напомнил Сидни, что надо присогнуть колени, а перед шестнадцатой заметил, что нельзя сгибать их слишком сильно, ибо это нередко мешает ударять по мячу сверху. Когда оба дошли до восемнадцатой, у него нашелся совет, связанный с легким ударом.

— Легкий удар, Сидни, — сказал он, ощущая ту близость, которая велит называть друг друга по имени, — в немалой степени зависит от состояния души. Главное — уверенность. Не волнуйтесь, не напрягайтесь. Ни на мгновение не допускайте мысли, что вы можете промазать. Когда я бил пятьдесят пятый раз, я *знал,* что все в порядке. Я *видел,* как мяч летит к лунке. Пусть же и вас вдохновляет такое видение. Что ж, хорошо сыграли. Надо бы повторить. Я был в ударе, да, именно — в ударе.

Сидни Макмердо еще мрачнее нахмурил густые брови, глядя вслед Сирилу, удалявшемуся легкой походкой. Он повернулся к приятелю, который подошел к нему, и хрипло спросил:

— Кто этот тип?

— Такой Грули, — отвечал приятель. — Приехал в отпуск.

— Какой у него гандикап?

— Это я знаю, видел на доске. Двадцать четыре.

— Ой! — крикнул Сидни, хватаясь за горло. — Ой, умираю!

Тем временем Сирил обогнул клуб и вышел на лужайку для тренировки. Там отрабатывала подсечку чрезвычайно объемистая женщина, и он залюбовался ее мастерством. Слава Богу, он читал Джонни Фарелла и знал, что такое эти подсечки. «Перенесите вес на левую ногу, — говорит достопочтенный учитель, — и бейте сверху по мячу». Именно это делала крупная дама. Каждый мяч, тронутый ею, падал на траву, как яйцо-пашот. Когда, собирая их, она приблизилась, Сирил узнал Эгнес Флек.

Он ахнул. Мир безупречной красоты закружился перед его взором, словно Артур Меррей, несколько спеша, учил этот мир танцевать. Когда все улеглось, и туман рассеялся, Сирил знал, что перед ним — его богоданная подруга. Да, пишет романы, несомненно — плохие, но что с того? Может быть, она это перерастет. Во всяком случае, ради великой игры он обязан связать судьбу с игроком такого класса. Вот он, идеальный союз.

Издатель в таких случаях не колеблется. Через мгновение он уже стоял на лужайке, обнимая Эгнес.

— Старушка! — сказал он. — Ты несравненна!

Перед Эгнес лежало два пути. Она могла грозно выпрямиться, сказать «Сэр!» и стукнуть его тяжелой клюшкой; могла и вспомнить, что он — издатель, а у нее в сумке — три копии романа. Она избрала второй. Когда Сирил предложил провести медовый месяц в Шотландии, она охотно согласилась. Если мысль о Сидни посетила ее, то в таком виде: какой, однако, остолоп, не разбирается в словесности!

Такие сцены забирают много сил, и мы не удивимся, что молодой Грули направился в бар. Там он обнаружил профессора, который, как обычно, пил лимонный сок. Жара способствует жажде, и все эти дни он не отрывал от губ соломинку.

— А, Сирил! — воскликнул он. — Ничего, что называю по имени? Кстати, жуткое имя. Как дела?

— Прекрасно, Пепперидж, — отвечал издатель. — Медаль, я думаю, за мной. Я сделал шестьдесят два удара, что, если вычесть гандикап, дает тридцать восемь. Вряд ли у кого-нибудь лучшие результаты.

— Да, вряд ли. Поздравляю.

— Это не все. Я женюсь на самой лучшей в мире девушке.

— Вот как? Еще раз поздравляю. А кто она?

— Эгнес Флек.

Профессор вздрогнул, с его нижней губы упала лимонная капля.

— Эгнес Флек?
— Да.
— Вы, часом, не ошиблись?
— Нет.
— Мда-а…
— Что значит «мда»?
— Я подумал о Макмердо.
— А он тут при чем?
— Он тоже собирается на ней жениться. Я слышал, как он обращается с женихами своей бывшей невесты. Вы знаете Пиккеринга?
— Да, знаю.
— Тоже обручился с этой Эгнес и спасся только потому, что ударил его головой в жилет. Если бы не редкая прыть, из него бы сделали, скажем так, рагу «Издатель». А может, Макмердо просто попрыгал бы на нем в спортивной обуви.

Пришла очередь Сирилу сказать «мда», и он сказал, причем весьма выразительно. Образ Сидни отпечатался на его сетчатке. Весть о том, что внешность гориллы удачно сочетается с ее агрессивностью, не прибавила ему спокойствия. Если бы предстояло выбирать между тем, чтобы рассердить Макмердо, и тем, чтобы потревожить вечным пером муравьиную кучу, он бы предпочел кучу, о чем говорить!

Когда он сидел и думал, что же делать, дверь распахнулась, и бар наполнился Макмердо. Профессор был прав, он сердился. Глаза сверкали, уши ходили ходуном, зубы уподобились кастаньетам. Словом, вылитая горилла, разве что он не бил себя кулаками в грудь.

— Хо! — сказал он, увидев противника.
— А, Сидни, — откликнулся тот. — Привет.
— Какой я тебе Сидни? — спросил Макмердо. — Эгнес говорит, вы с ней обручились.

Сирил сбивчиво ответил, что речь об этом, в сущности, шла.

— Ты ее обнимал.
— Да так, отчасти.
— И целовал.
— С великим почтением.
— В общем, за моей спиной ты, как последний гад, увел у меня невесту. Если не затруднит, выйдем отсюда на минуточку.

Сирил выходить не хотел, но выбора не было. Выходя, он с удивлением заметил, что с ним идет профессор, глядя на Макмердо тем взглядом, который придавал ему сходство с Фракенштейном в плохом

настроении.

— Не сочтите за труд, мистер Макмердо, — сказал он, — посмотрите мне в глаза. Спасибо. Так я и думал. Вас одолевает дремота. Веки опускаются. Вы спите.

— Нет, не сплю.

— Спите-спите.

— А верно! — удивился Сидни, мягко опускаясь в шезлонг. — Возьму-кая, посплю.

Профессор еще помахал руками, и Сидни Макмердо дернулся. Он посмотрел на Сирила, но совсем другим взором, нежным, умиленным.

— Мистер Грули, — сказал он.

— Да?

— Я поразмыслил и решил, как это ни трудно, что нельзя думать только о себе. Бывают случаи, когда надо собой пожертвовать. Вы любите Эгнес, Эгнес любит вас, и я не буду вставать между вами. Сердце мое разбито, но главное — чтобы она была счастлива. Берите ее, я благословляю вас, если благословение конченного человека что-то значит для вас. Пойду в бар, выпью джину с тоником.

— Прекрасное завершение ваших сегодняшних успехов! — сказал профессор, когда за Сидни закрылась дверь. — Лучший способ уладить мелкие трудности — гипноз и еще раз гипноз. Жертвенная речь получилась неплохо, а? В самом тонком вкусе. Что ж, теперь вас можно разгипнотизировать. Потерпите минуточку, — и профессор выплеснул сок ему в лицо.

Очнувшись, Сирил вскрикнул:

— Ой, Господи!

— Простите? — не понял профессор.

— А вот скажите, — дрожащим голосом спросил Сирил, — действительно ли предложение под гипнозом?

— Вы имеете в виду мисс Флек?

— Да. Я предложил ей руку. Но через три недели я женюсь на другой! Помните Патрицию Бинстед?

— Прекрасно помню.

— Вот на ней. Что мне делать? Вы не могли бы загипнотизировать Эгнес? Внушите ей, что я — первостатейный мерзавец.

— Пара пустяков.

— Тогда — не откладывайте. Скажите, что у меня гандикап гораздо больше. Скажите, что я пью без просыпа. Скажите, что я советский шпион Грулинский. Скажите, что у меня уже есть две жены. В общем, сами

знаете, что говорить!

Еле дыша, дождался он профессора.

— Ну, как? — закричал он.

— Прекрасно, дорогой мой, прекрасно. Она помирилась с Макмердо. Говорит, что не вышла бы за вас, будь вы единственным издателем в мире, и не отдаст вас свою книгу, даже если вы станете молить на коленях. Собирается к Саймону и Шустеру.

— Пеппердж, вы — гений!

— Что можем, что можем, — засмущался профессор. — А не вернуться ли нам в бар? Выпьем соку.

— Вам нравится эта пакость?

— Я ее обожаю.

Сирил чуть не сказал, что Дракуле больше подходит другая жидкость, но он сдержался. Как-то бестактно, да и важно ли, кого напоминает этот замечательный человек? Главное — сердце, а не внешность.

— Что ж, выпью и я, — сказал он. — Лимонный сок хорош в такую жару.

— Поверьте, он здесь превосходен.

— Наверное, из счастливых лимонов.

— Очень может быть.

И он улыбнулся, подумав, что, загипнотизировав бармена, угостится даром. Очень удобно, если ты не слишком богат.

ПОТАЕННОЕ СОКРОВИЩЕ

Мы обсуждали положение в Германии и все согласились, что Гитлер стоит на распутье, скоро ему придется сделать решительный шаг. Теперь, сказал Виски-с-содовой, он просто сидит на двух стульях.

— Или он их сбреет, или отпустит, — продолжал Виски. — Так сидеть нельзя. Или у тебя есть усы, или нету. Третьего не дано.

Вдумчивое молчание, воцарившееся после этих слов, нарушил Джин-с-Тоником.

— Что до усов, — сказал он, — я их совсем не вижу. Куда они подевались?

— Я часто задавал себе этот вопрос, — сказал Итальянский Вермут. — Где, спрашивал я, густые усы моего счастливого детства? У нас в альбоме есть давняя фотография прадедушки. Поверьте, он как бы выглядывает из-за живой изгороди.

— Они пили из особых чашек, — сказал Светлое Пиво, — чтобы усы не попали в кофе. Да, ушло это время!..

Мистер Маллинер покачал головой.

— Не совсем, — сказал он, помешивая виски с лимоном. — Конечно, усов теперь меньше, но в дальних сельских районах вы найдете недурные образчики. Существованием своим они обязаны отчасти скуке, отчасти — доброму спортивному духу, который сделал нас, англичан, именно такими.

Светлое Пиво заметил, что не улавливает сути.

— Понимаете, — отвечал мудрец, — у людей, томящихся круглый год в деревне, не так уж много развлечений. Вот они и растят усы.

— И соревнуются друг с другом?

— Именно. Один землевладелец вырастит что-нибудь особенное, другой старается его превзойти. Во всяком случае, так говорил мне мой племянник Бренсепт. Ему ли не знать, если всем своим счастьем он обязан этому явлению!

— Он растил усы?

— Нет. Его втянуло в борьбу между лордом Бромборо из Рамплинг-холла и сэром Престоном Поттером из Уопли-Тауэрс, Норфолк. Самые лучшие усы растят в Саффолке. По-видимому, этому способствует свежий морской воздух. Вероятно, во всей Англии не было лучших усов, чем La Joyeuse барона и Mon amour[59] баронета.

Назвала их так дочь, Мьюриел (сказал мудрец). Поэтичная девушка,

приверженная к сагам и романам, перенесла в наши дни средневековую привычку давать имена мечам. Если помните, у короля Артура был меч Эскалибур, у Карла Великого — Фламберж, еще у кого-то — Merveilleuse.[60] Зачем же отмирать таким прекрасным обычаям? Вот она и назвала, и племяннику это понравилось, равно как и мне, когда он об этом рассказал.

Познакомились они незадолго до начала моей повести. В отличие от отца, Мьюриел ездила в Лондон, и однажды ей представили там моего племянника.

Он полюбил ее сразу, она — чуть позже. Ей понравилось, как он танцует, а когда он предложил написать ее портрет (бесплатно), глаза ее засветились особым светом. Посередине первого сеанса он ее обнял и она, нежно курлыкая, прильнула к его груди. Оба знали, что созданы друг для друга.

Вскоре, летним утром, племянник подошел к телефону и услышал голос возлюбленной.

— Пип-пип, — сказала она.

— Тудл-ду, змея моей души, — отвечал он. — Где ты?

— В Рамплинге. Слушай, тут есть для тебя работа.

— Какая?

— Такая. Отец хочет заказать портрет.

— Вот как?

— Да. Собирается преподнести его местному клубу. Не знаю, за что это им.

— Он страшноват?

— Вот именно. Усы и брови, больше ничего. Заметь, усы — невероятные.

— Микробы в них гнездятся?

— А то как же! Так что, ты согласен? Я сказала, что ты подходишь.

— Вернее, подъезжаю. Сегодня вечером.

Он сел в поезд, отходящий в 3.15 от Ливерпул-стрит, а в 7.20 сошел на станции Нижний Рамплинг и прибыл к лорду перед самым обедом.

Сменив одежду еще быстрее, чем обычно — он очень хотел увидеть Мьюриел, — Бренсепт спустился в гостиную, поправляя на ходу галстук, и обнаружил, что еще рано. В комнате был только один человек, по-видимому — хозяин, ибо кроме ушей и кончика носа все закрывали усы.

— Как поживаете, лорд Бромборо? — учтиво осведомился племянник. — Моя фамилия Маллинер.

Человек посмотрел на него из-за чащи, кажется — с неудовольствием.

— Какой еще Бромборо? — сварливо спросил он. — Что вы хотите

сказать?

Бренсепт ответил, что хочет сказать именно то, что сказал.

— Я не Бромборо, — сообщил человек.

— Да? — сказал племянник. — Простите.

— С чего вы взяли, что я Бромборо?

— Мне говорили, что у него красивые усы.

— Кто?

— Его дочь. Человек фыркнул.

— Мало ли что она скажет! Предрассудки. Дочерние чувства. Я бы не стал спрашивать у дочери. Я бы пошел к знатоку. Нет, это неслыханно! Да, у него есть усы, он их не бреет. Но «красивые»? Чушь. Нелепость. Просто смешно. В жизни не слышал такого бреда.

Племянник пробормотал, что забыл носовой платок, и поскорее ушел. Вскоре сверху спустилась Мьюриел, прелестная, как фея.

— Привет, старый хрен, — нежно сказала она. — Что ты тут делаешь? Почему ты не в гостиной?

Бренсепт кинул взгляд на дверь и понизил голос.

— Там сидит усатый тип. Я думал, это твой отец, а он рассердился. Ему не понравилось, что я назвал усы лорда Б. красивыми.

Она засмеялась.

— Ну, ты даешь! Он жутко завидует отцу. Это сэр Престон Поттер, они с сыном у нас гостят.

Она прервала рассказ, чтобы обратиться к приятному седому субъекту:

— Что, Фиппс, сейчас позовете к столу? Папы еще нет. А, вот он!

С лестницы спустился джентльмен с ослепительными усами.

— Пап, это мистер Маллинер, — сказала дочь.

Сердце у племянника упало. Он понял, что этого человека почти невозможно написать. Сэр Престон Поттер ошибся. Усы превосходили всё, что только можно. Здесь нужен был пейзажист, а не портретист.

Однако баронет, вышедший из гостиной, презрительно взглянул на соперника.

— Подстригли их, а? — спросил он.

— Конечно, нет, — отвечал хозяин. — С какой стати? Почему вы так подумали?

— Да что-то они коротковаты, — сказал гость. — И жидковаты… Моль, наверное.

Хозяин сдержался и перевел разговор. В это время по лестнице спустился человек с очень светлыми волосами.

— А, Эдвин! — сердито вскричала Мьюриел. — Мы тебя заждались.

— Прошу прощения, — сказал молодой человек.

— Правильно. Ну, раз ты здесь, я тебя познакомлю с мистером Маллинером. Он будет писать портрет отца. Мистер Маллинер… Мистер Поттер, мой жених.

— Кушать подано, — сказал дворецкий.

Племянник мой Бренсепт провел обед как бы в трансе. Он отрешенно ворошил еду и настолько не принимал участия в беседе, что случайный наблюдатель счел бы его глухонемым. Мы не будем его осуждать, он был потрясен. Легко ли услышать, что твоя возлюбленная с кем-то обручена? Слова Мьюриел подействовали на него так, словно мул лягнул его в живот. Кроме того, он был совершенно растерян.

Начнем с того, что этот Эдвин не отличался красотой. Глядя на него, Бренсепт никак не мог понять его очарования. Лицо обычное, бессмысленное, да еше изуродованное моноклем.

Несомненно, полный дурак. Ничего не понимая, племянник решил спросить Мьюриел, как только представится случай.

Представился он только назавтра, перед ланчем. Все утро ушло на зарисовки к портрету. Первые впечатления не обманули, работа требовала редкого мужества. В сущности, приходилось изображать человека, который, по своим соображениям, залег за стогом сена.

Такие чувства придали голосу горечь, и Бренсепт достаточно горько сказал «Пип-пип».

— Привет! — ответила Мьюриел.

— Какой привет? — возмутился он. — Нет, какой привет? Ты бы лучше все объяснила!

— Что именно?

— Всяких женихов.

— А, это!

— Да, это. Хорошенький сюрпризец! Я-то думал, ты меня любишь…

— Я и люблю.

— Как!

— Так. Безумно.

— Тогда зачем ты обручилась с Поттером? Мьюриел вздохнула.

— Это старая история.

— Что именно?

— Это. Ты пойми, я жутко тебя люблю, но отец совсем обнищал. Знаешь, как трудно иметь теперь землю? Между нами говоря, я бы на

твоем месте попросила аванс.

Он ее понял.

— А Поттер богат?

— Еще бы! Сэр Поттер — «Деликатесы Престона». Они помолчали.

— М-да… — сказал Бренсепт.

— Вот именно. Теперь ты понял. Если бы у тебя были деньги! Хоть немного, чтобы купить квартиру в Мэйфере и ма-ален-кий домик в деревне, и машину, и виллу во Франции, и какую-нибудь развалюшку у приличной реки, где можно ловить форель… Я бы все отдала ради любви. Но, сам видишь…

Они опять помолчали.

— Знаешь что, — сказала она, — придумай смешную зверюшку для мультиков. Это очень прибыльно. Посмотри на Диснея!

Бренсепт вздрогнул, она читала его мысли. Как все современные художники, он мечтал придумать зверюшку. Веласкес, и тот в наши дни завидовал бы Микки Маусу — сиди и стриги купоны.

— Не так это легко, — сказал он.

— Ты пытался?

— Конечно. Курица Кора и бандикут Бен как-то не пошли. Чего-то в них не хватало, видимо — живости. Мне нужен прямой источник вдохновения.

— Отец не годится? Племянник покачал головой.

— Нет. Я смотрел, смотрел…

— Морж Мортимер, а?

— Нет и нет. Да, он похож на моржа, но не смешного. Эти его усы скорее величественны. Перед ними охватывает страх, как перед пирамидой. Долго он их растил?

— Не очень, всего несколько лет. Его спровоцировал сэр Престон. Но почему мы говорим об усах? Поцелуй меня, Бренсепт.

Что он и сделал.

Я не собираюсь (сказал мистер Маллинер, прервавший рассказ, чтобы спросить у мисс Постлуэйт еще виски с лимоном) подробно описывать, как страдал мой племянник в следующие дни. Тяжело видеть терзания тонкой души. Замечу только, что каждый день усугублял отчаяние.

Создать портрет лорда Бромборо мешали и его соперничество с Поттером, и ухаживание Поттера-сына за Мьюриел, и невозможность думать о зверюшке. Тем самым племянник мой, обычно — здоровый и крепкий, заметно осунулся, и взгляд его стал затравленным. У добрых

людей все это вызвало бы жалость.

Дворецкий Фиппс с детства был добрым и Бренсепта жалел, пытаясь скрасить его существование. Он приносил ему шампанское, которое, в сущности, можно называть паллиативом, а не лекарством. Когда он принес бутылку на пятый день, племянник мой лежал на постели, глядя в потолок.

День, кончавшийся к этому часу, был исключительно трудным. Стояла жара, что усугубляло страдания во время сеанса. Закончив работу к полудню, племянник живо ощутил, как он ее ненавидит. Хорошо бы, думал он, набраться смелости и прорубить в чаще просеку. Когда явился Фиппс, он сжимал кулаки и кусал нижнюю губу.

— Я принес вам вина, сэр, — сказал дворецкий в своей седой и доброй манере. — Мне казалось, что вы нуждаетесь в подкреплении.

Бренсепт был тронут. Он сел, и взгляд его смягчился.

— Спасибо большое, — сказал он. — Да, нуждаюсь. Что-то мне плохо. Наверное, от жары.

Дворецкий ласково улыбнулся.

— Нет, сэр, не от жары, — сказал он. — Можете говорить со мной откровенно. Я понимаю, трудно писать его милость. Многим художникам пришлось от этого отказаться. Прошлой весной одного увезли в больницу. Несколько дней он вел себя странно, а однажды вечером мы застали его на стремянке в голом виде. Он пытался сорвать плющ со стены. Видимо, принял за волосяной покров.

Бренсепт застонал и снова налил себе вина.

— Как ни странно, — продолжал дворецкий, — без усов было бы так же трудно. Я давно служу тут и могу заверить, что его милость не отличался красотой. Поверите ли, я даже обрадовался, когда он стал их отращивать.

— А чем он плох?

— Очень похож на рыбу, сэр.

— На рыбу?

— Да, сэр.

Бренсепт задрожал, словно в него ударило электричество.

— Смешную?

— О, да, сэр! Исключительно забавную.

Бренсепт трясся, как кастрюлька с кипящим молоком. Странная мысль посетила его. «Забавную…» На экране *не было* забавных рыб. Мышек, кошек, собачек — сколько хочешь; но не рыб. Глаза его загорелись странным светом.

— Да, сэр, — говорил дворецкий, — мне стало легче. Я думал, усы

помогут. Так и случилось поначалу, но теперь… сами видите, сэр. Нередко я тоскую по добрым старым дням. Мы не знаем своего счастья, сэр.

— Хотелось бы вам, чтобы их сбрили?

— Да, сэр! О, да, сэр.

— Хорошо. Я их сбрею.

Обычно дворецкие сохраняют бесстрастную важность, но оглушите их, ошеломите, и они подскочат, как мы с вами. Так поступил и Фиппс.

— Сбреете, сэр? — едва дыша, переспросил он.

— Сбрею, — ответил Бренсепт, допивая шампанское.

— Усы его милости?

— Именно. Сегодня же ночью.

— Но, сэр…

— Что такое?

— Осмелюсь спросить, как? Бренсепт нетерпеливо цокнул языком.

— Очень просто. Он пьет что-нибудь на ночь?

— Я отношу его милости стакан молока.

— Сегодня уже отнесли?

— Нет, сэр. Собирался это сделать после беседы с вами.

— А у вас есть снотворное?

— Да, сэр. В жаркое время его милость страдает бессонницей и принимает на ночь таблетку в этом самом молоке.

— Тогда пусть примет четыре.

— Но, сэр…

— Знаю, знаю. Вы хотите спросить, какая вам от этого польза. Очень большая, Фиппс. Если его лицо — такое, как вы говорите, вскоре я буду богат и не забуду вас. Итак, если я побрею его, я увижу что-то вроде рыбы?

— Да, сэр.

— Исключительно забавной?

— О, да, сэр! Много раз я смеялся…

— Очень хорошо. Что же, Фиппс, рассчитываю на вашу помощь. От вас зависит мое счастье. Поможете — и я женюсь на любимой девушке. Откажетесь — и я останусь угрюмым холостяком.

Дворецкий был искренне тронут. Он стал еще добрее и седее.

— Вот как, сэр?

— Именно так.

— Прекрасно, сэр. Я не хотел бы препятствовать вашему счастью. Мне ли не знать, что такое любовь!

— А вы знаете?

— Еще бы, сэр. Грех хвастаться, но было время, когда меня называли

Красавчик Джордж. Словом, я готов помочь вам.

— Так я и знал, — с чувством сказал племянник. — Мне надо немного. Покажите, где его спальня. Запирает он дверь?

— Всё в порядке, сэр. Летом его милость проводит ночь в гамаке, натянутом между двух больших деревьев. Это на лужайке, сэр.

— Видел, видел. Что ж, дело в шляпе. Не знаю, как вас благодарить. Если все выйдет, я не поскуплюсь. К вам потянутся слоны, груженные золотом, верблюды с драгоценными камнями, обезьяны, павлины… Вы сказали, вас зовут Джордж?

— Да, сэр.

— Тогда я назову Джорджем первенца. Если будет девочка — Джорджианой.

— Спасибо большое, сэр.

— Не за что, — сказал Бренсепт. — Рад служить.

Проснувшись, Бренсепт подумал, что видел дивный сон. Снилось ему, что он вышел из дому в полосатой пижаме и легком халате, с ножницами в руке, склонился над гамаком и начисто сбрил La Joyeuse. Еще не окончив вздоха, озаглавленного «Ах, если бы то была явь!», он понял, что явью это и было. Да, он воровато спустился вниз, осторожно пересек лужайку, защелкал ножницами… Это правда. Верхняя губа лорда Бромборо чиста и пуста.

Обычно Бренсепт не вскакивал с кровати, но сейчас вскочил. Ему не терпелось взглянуть на дело своих рук. Раньше, чем за десять минут он оделся и направился в столовую. Хозяин вставал рано. Даже ночная утрата не удержала бы его от завтрака и кофе.

Однако в столовой был только Фиппс. Бренсепт радостно с ним поздоровался.

— Доброе утро, сэр. Э-э… нельзя ли спросить…

— Можно, — ответил племянник. — Полный блеск. План выполнен.

— Я очень рад, сэр.

— Ни одной помехи! А вот скажите, — спросил племянник, накладывая на тарелку и бекон, и яичницу, — какую рыбу он напоминал?

Дворецкий ответил не сразу, и то в виде вопроса.

— Быть может, сэр, вы видели Осетра Освальда?

— Кого-кого?

— Освальда, сэр. В мультипликационных фильмах. Недавно, в свободный вечер, я был в кино, где шел занимательный фильм об его приключениях. Вылитый милорд, до усов.

Он удалился, а Бренсепт тупо глядел ему вслед. Воздушный замок рухнул. Он трудился всуе. Если смешная рыба уже существует, другой места нет. Охватив голову руками, он застонал над тарелкой. Тут открылась дверь.

— Ха! — сказал знакомый голос. — С добрым утром, с добрым утром.

Бренсепт обернулся. Бекон взлетел в воздух, словно им выстрелили из катапульты. Лорд Бромборо не потерял ни волоска. Усы красовались на его лице во всей своей славе.

— Что-что? — спросил он, принюхавшись. — Кеджери?[61] Прекрасно, прекрасно, превосходно.

Дверь открылась снова, вошел Эдвин, еще более глупый, чем всегда. Кроме того, он был озабочен.

— Знаете что, — сказал он, — отец куда-то делся.

— Делся — не делся, а совсем разделся, — пропел хозяин, любивший с утра пошутить.

— Зашел к нему, — продолжал сын, — даже постель не расстелена.

— Это ничего, — заверил лорд. — Я уступил ему гамак. Сам я почему-то уснул в гостиной и спал очень крепко. А вот и ты! — воскликнул он, поскольку вошла Мьюриел. — Попробуй кеджери, запах — высший сорт. Я как раз говорил нашему молодому другу, что его родитель спал в гамаке.

— В саду? — нервно спросила дочь.

— Конечно, в саду. Ты же знаешь, где мой гамак. Сама иногда лежишь.

— Тогда там бродит коза.

— Коза? — удивился лорд, уже поедавший кеджери. — Что ты имеешь в виду?

— Кто-то отъел усы у сэра Престона.

— Что!

— Отъел. Я сейчас его видела. А, вот! Погляди сам.

В дверях стоял незнакомец. Узнать его удалось только по голосу.

— Та-ак… — произнес он, испепеляя взглядом лорда Бромборо.

— А, Поттер! — сказал тот. — Побрились, я вижу. Очень умно. Зачем зря страдать?

Сэр Престон изрыгнул пламя.

— Бромборо, — сказал он, — во-первых, вы подлец, пятнающий страницы Дебрета.[62] Во-вторых, вы трус. В-третьих, я немедленно свяжусь с адвокатом. В-четвертых, мы уезжаем. В-пятых…

— Съешьте яичко, — гостеприимно предложил хозяин.

— Не съем, — отвечал гость. — Итак, в-пятых…

— Дорогой мой, — сказал пэр, — причем тут я? Да, я рад. Очень рад. В Норфолке будет как-то лучше, чище. Но я тихо-мирно спал в гостиной.

— В-пятых…

— Прямо в кресле. Хотите, покажу?

— В-пятых, помолвка между моим сыном и вашей дочерью расторгнута. Ее больше нет.

— Как и ваших усов, — заметил хозяин, при всех своих достоинствах лишенный такта. — Ха-ха-ха!

— Папа! — вскричал Эдвин.

— Рас-тор-гну-та, — повторил сэр Престон. — Вам ясно, Бромборо?

— Значит, так, — сказал лорд, считая по пальцам, — я подлец, я трус, вы свяжетесь с адвокатом, вы уезжаете, помолвки нет. Да, всего пять.

— Прибавьте шестое. Я позабочусь о том, чтобы вас изгнали из клубов.

— А я нигде не состою.

— Да? — огорчился гость. — Что ж, я буду мешать вам, если вы захотите выступить в Палате лордов. Сяду на галерее и не дам вымолвить ни слова.

Он гордо вышел. За ним, что-то говоря, последовал сын. Лорд Бромборо взял сигарету из портсигара.

— Вот идиот! — сказал он. — Надеюсь, усы состригли возмущенные сограждане. Видимо, они его подстерегли. Ждали своего часа. Ну, дорогая, свадьбы не будет. Вроде бы жаль, я купил новые брюки, но ничего не поделаешь.

— И не надо, — сказала дочь. — Я и так выйду замуж. Она нежно улыбнулась Бренсепту, но он ей не ответил. Что толку, горько думал он, если он жениться не может? Ему никогда не придумать забавной зверюшки. Сэр Престон без усов выглядел просто как человек без усов.

Тут он заметил, что хозяин к нему обращается.

— Простите?

— Я говорю, огонька нету?

— Есть, есть, — отвечал Бренсепт, вынимая зажигалку.

Щелкнув ею, он рассеянно поднес ее к сигарете хозяина, точнее — к усам. Видимо, с горя он потерял ощущение пространства. В следующий миг перед ним бушевало пламя. Когда оно угасло, и дым рассеялся, от красы Норфолка осталось ничтожное пятнышко.

Нечеловеческих криков Бренсепт просто не слышал. Словно в трансе,

глядел он на широкий нос, выкаченные глаза, рот до ушей. Только когда хозяин оскалил зубы, сжал кулаки и резко подался к гостю, разум возвратился, и племянник мой юркнул под стол.

— Лови его! — кричал пэр. — Хватай! Держи!

— Не буду, — ответила дочь. — Я его люблю.

— Вот как! — возопил отец. — А я его растерзаю собственными руками.

— Прыгай в окно, дорогой, — посоветовала Мьюриел.

Бренсепт счел совет разумным. Внизу, вставая с гравия, он ощутил боль в затылке. Лорд бросил ему вслед кофейник.

Но что кофейники! Что рваные брюки! Сердце его пело.

Дело в том, что Фиппс ошибся. Он не знал, как выглядит рыба. Лорд был похож не на рыбу, а на гораздо более занятное созданье. Ныряя под стол, племянник увидел, что он — вылитая лягушка. Да, Лягушка Леопольд.

— Мьюриел! — крикнул он.

— Что, дорогой? — откликнулась дева из окна.

— Я тебя люблю.

— Я тоже.

— Но сейчас уеду.

— Это правильно, — она обернулась через плечо. — Папа пошел за блюдом. Идет обратно.

— Ты меня будешь ждать?

— Вечно.

— Нет, меньше. Так, с полгода. За это время я обрету славу и деньги.

Тут высунулся хозяин с блюдом в руках.

Нежно улыбнувшись, Бренсепт отскочил в сторону, а там — пошел по дорожке к роллс-ройсам, икре и шелковому белью.

Бросок!

Перевод с английского Е. Данилиной

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кое-кто решит, будто я выписываю ужасы иностранной интервенции в Англию слишком мрачными красками. Реализм в искусстве, говорят, не должен выходить за рамки. Я же уверен, что читатели в массе не станут обвинять меня в желании раздуть нездоровую сенсацию. Англии пора прозреть: над ней нависла угроза, и наше дело — не закрывать глаза на вероятный исход вторжения. Позвольте отметить, что труд написан и выпущен в свет лишь из чувства долга и патриотизма. Чуткая душа издателя, Олстона Риверса,[63] будет потрясена до основания, окажись книга прибыльной. Моя душа — тоже. Мы сознательно идем на риск, когда опасность грозит всей нации. В конце концов, для родной страны мы готовы и не на такие жертвы.

П.Г. Вудхауз
Бомбоубежище, Лондон, Уэст-Энд.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1 ДОМ ЮНОГО АНГЛИЧАНИНА

1 августа 19… года

Кларенс Чагуотер глянул вокруг, сдвинув брови и стиснув зубы.

— Англия… моя Англия! — простонал он.

Кларенс — крепкий подросток четырнадцати лет. У него широкополая шляпа, яркий шейный платок, фланелевая рубашка, пучок лент, рюкзак, футбольные трусы, коричневые ботинки, свисток и хоккейная клюшка — все простенько и со вкусом. Собственно, он один из бойскаутов генерала Баден-Поуэлла.[64]

Присмотритесь к нему внимательно. Не отворачивайтесь, бросив беглый взгляд: ведь вы взираете на судьбоносную личность, на Кларенса Макэндрю Чагуотера, того самого, что спас Англию.

Сегодня эти черты знакомы всем. Все видели колонну Чагуотера в Олдуиче, конную статую на улице Чагуотера (бывшая Пиккадилли) и открытки в витринах канцелярских лавок. Выпуклый лоб, будто набитый полезными сведениями; тяжелый подбородок; глаза, сверкающие за стеклами очков; во всем облике что-то *je ne sais quoi*.[65]

Словом — Кларенс!

Он умел делать все, что положено бойскауту. Он мог реветь быком и ворковать голубем. Он мог подражать крику репы, да так, что кроликов надувал. Он мог улыбаться и свистеть одновременно, в соответствии с Правилом 8 (кто пробовал — знает, насколько это сложно). Он мог различать следы, валить деревья, узнавать характер по подошвам и издавать позывные. Он отличался во всем, а позывные издавал поистине мастерски.

*

Жарким августовским днем Кларенс напряженно выслеживал в столовой домашнюю кошку по следам на ковре. Подняв на секунду взгляд, он заметил других членов семьи.

— Англия, моя Англия! — простонал он.

Вид и в самом деле исторг бы горючие слезы у любого бойскаута.

Стол отодвинули к стене, и на свободном месте мистер Чагуотер, вместо того чтобы подавать детям пример, выделывал трюки с йо-йо. Рядом его жена сосредоточенно ловила стаканчиком теннисный мяч. Реджи Чагуотер. старший сын в семье, ее надежда, наследник, читал спортивные новости в раннем издании вечерней газеты. Хорэс, другой брат, играл в шарики с сестрой Грейс и ее женихом, Ральфом Пибоди. Еще одна сестра, Алиса, подправляла бадминтонную ракетку.

Никто в целом семействе не выделывал ружейных экзерсисов, не занимался строевой подготовкой и не учился делать перевязку.

Кларенс испустил стон.

— Если не можешь играть без фырканья, сынок, — подосадовал мистер Чагуотер, — найди себе другую игру. Из-за тебя я подпрыгнул, а то бы побил собственный рекорд.

— Кстати, о рекордах, — вмешался Реджи. — Фрай,[66] возможно, наберет сотню очков, восьмую подряд. Коли так пойдет и дальше, Ланкашир выиграет в чемпионате.

— По-моему, он играет за Сомерсет, — заметил Хорэс.

— Играл две недели назад. Надо быть в курсе, крикет тебе не шуточки.

Кларенс снова с горечью фыркнул.

— Наверное, тебе лучше встать с пола, Кларенс, — забеспокоился мистер Чагуотер. — Тут такой сквозняк, а ты явно простужен. Чего ради лежать на полу?

— Я выслеживаю, — отвечал Кларенс просто, но с достоинством.

— Лучше тебе выслеживать на стуле, с интересной книжкой.

— Ребенок, похоже, заболел, — сунулся с критическим замечанием Хорэс. — Хрипит чего-то. Что с тобой, Кларри?

— Я думал о своей стране, — сообщил Кларенс, — об Англии.

— Что такого с Англией?

— Англия, вперед! — подхватил Ральф Пибоди.

— Моя загубленная страна! — вздохнул Кларенс, и скупая мужественная слеза увлажнила стекла его очков. — Моя загубленная, обессиленная страна!

— Ахинею несешь, — заявил Реджи, откладывая газету. — Старина, да нынче Англия сильнее всех кругом, а ты будто не знал? Ты вообще газеты читаешь? Как же — ведь мы отвоевали кубок по крикету у австралийцев,[67] выиграли чемпионаты, что по гольфу, что по дрибушечкам; а теннис с привязанным мячом, бирюльки, перышки, а

зоологическое лото — везде победы! Тебе хоть известно, что в крокете наша пара опередила американскую на восемь воротец? Не доводилось слышать, что на последней Олимпиаде медаль за тройной прыжок была наша?[68] Ты словно с луны свалился, братец.

Кларенс не находил слов выразить переполнявшие его чувства. Он молча поднялся и вышел.

— Видно, не в духе, — заметил Реджи. — Чудак! Слушайте, а Херст[69] хорошо подает! Пока счет пять — двадцать три.

В унынии Кларенс побрел за ворота. Семья Чагуотеров жила в Эссексе, в превосходном, недавно построенном особнячке. То был настоящий английский дом. Назывался он «Настурции».

По пути до Кларенса донесся голос мальчишки-газетчика. Тот появился из-за угла с воплем: «Па-араженье Серрея! Неотразимые подачи на стадионе «Овал»!»[70]

Завидев Кларенса, он приостановился.

— Газету, генерал?

Кларенс покачал головой, но, увидев заголовки, издал сдавленный крик. Там стояло:

«СЕРРЕЙ НЕ НА ВЫСОТЕ»
«ГЕРМАНСКАЯ АРМИЯ ВЫСАДИЛАСЬ В АНГЛИИ».

Глава 2 ЗАХВАТЧИКИ

Кларенс швырнул мальчишке полпенни, схватил газету и стал пристально изучать. Под обычными рубриками ничего важного не было, но он нашел, что искал, в разделе экстренных сообщений. «Последние новости, — гласил заголовок. — Фрай не дал себя выбить, 104 очка. Команда Серрея проиграла, счет 147:8. Сегодня днем германская армия высадилась в Эссексе. Слякотьширские скачки с гандикапом: первое место — Цыпленок, второе — Саломея, третье — Гип-гип; всего семь участников».

Эссекс! В любую минуту следовало ждать врага у ворот, более того — под дверью. С воинственным кличем на устах Кларенс помчался домой.

Будто марафонец-чемпион, он ворвался в столовую и опять не дал мистеру Чагуотеру побить рекорд.

— Германцы! — вскричал Кларенс. — Нас оккупируют! На сей раз мистер Чагуотер по-настоящему разозлился.

— Сколько можно напоминать: что за кошмарная привычка шуметь в помещении, Кларенс; сто раз уже говорено. Если бойскауту нельзя быть потише, не надо нам таких бойскаутов. Я было поднял йо-йо шесть раз подряд.

— Отец, но…

— Молчать! Сию минуту отправляйся в постель; и я еще подумаю, не оставить ли тебя без ужина. Зависит от того, как ты будешь себя вести. Марш!

— Отец, но…

Кларенс, дрожа от возмущения, уронил газету. Мистер Чагуотер стал заметно суровее.

— Кларенс! Мне повторить?

Он подался вперед и расстегнул ремень. Кларенс ретировался. Реджи подобрал газету.

— У ребенка, — заявил он рассудительно, — винтиков не хватает. Ого! Я же говорил! «Фрай не дал себя выбить, 104 очка». Молодчина, Чарлз!

— Ну и ну, — воскликнул Хорэс, сидевший у окна, — тут два чудака подошли к парадной двери, в маскарадных костюмах, что ли.

— Германцы наверное, — сказал Реджи. — Сегодня днем высадились, вот в газете пишут. Стало быть…

Громогласный стук сотряс здание. Домочадцы переглянулись. В прихожей послышались голоса, затем дверь открылась, и горничная объявила: «Господа Спринцонто и Адью Там».

— Вернее, — поправил на безупречном английском языке высокий бородач с военной выправкой, вошедший первым, — принц Отто Саксен-Пфеннигский и капитан граф фон Поппенгейм, его адъютант.

— Конечно-конечно! — учтиво согласился мистер Чагуотер. — Присаживайтесь, пожалуйста.

Визитеры уселись. Установилось неловкое молчание.

— Тепло сегодня! — сказал мистер Чагуотер.

— Весьма! — сказал принц несколько принужденно.

— Чашку чаю? Вы прибыли издалека?

— Ну… э… издалека. Если можно так выразиться, с приличного расстояния. Собственно, из Германии…

— Прошлым летом я отдыхал в Дрездене. Прекрасный город!

— Несомненно. Дело в том, мистер… э-э…

— Чагуотер. Кстати: моя жена, миссис Чагуотер. Принц поклонился. То же сделал адъютант.

— Дело в том, мистер Тшагвотер, — снова начал принц, — мы не отдыхать сюда приехали.

— Безусловно-безусловно. Сперва дело, потом удовольствие.

Принц подергал усы. То же сделал адъютант, который вообще казался малоинициативным и неразговорчивым.

— Мы — оккупанты.

— Ну что вы, что вы, — запротестовал мистер Чагуотер.

— Предупреждаю: вы сильно рискуете, если окажете сопротивление. Вы не носите форму…

— Мне такое и в голову не придет, кроме как в масонской ложе, конечно.

— Вы испытываете, очевидно, такое искушение. Не думайте, будто я не догадываюсь о ваших чувствах. Здесь дом англичанина, его крепость.

Мистер Чагуотер доверительно похлопал его по колену.

— Очень уютное местечко, кстати, — сказал он. — Простите, что говорю о делах, но вы, я так понимаю, предполагаете остаться в нашей стране на некоторое время.

Принц коротко хохотнул. То же сделал адъютант.

— Вот именно, — продолжал мистер Чагуотер, — именно. Тогда вам понадобится пристанище, согласитесь. Я счастлив буду предоставить вам этот дом на очень скромных условиях, на любой срок. Давайте заглянем ко мне в кабинет на секундочку и там спокойно побеседуем. Ясно ведь, имея дело прямо со мной, вам не придется платить комиссионные посредникам, а также…

Вежливо, но твердо он оттеснил принца из комнаты в коридор.

Адъютант продолжал сидеть, уставившись на ковер. Реджи вызвал огонь на себя.

— Извините, — приступил он, — за деловые разговоры в обществе и все такое прочее. Я агент страховой компании «Будь что будет». Слышали, наверное? Мы можем предложить исключительно выгодные условия, только для вас. Не упускайте такой удобный случай. Позвольте предложить наш проспект… Хорэс незаметно зашел с фланга.

— Не знаю, ездите вы на велосипеде или нет, капитан… э-э… граф, но если хотите практически новый мотоциклет, бывший в употреблении всего ничего, с ноября…

Прошуршали юбки: Грейс и Алиса начали наступление на посетителя.

— Я совершенно уверена, — начала Грейс обезоруживающе, — вы любите театр, капитан Поппенгейм. Мы собираемся поставить «Здесь говорят по-французски»,[71] в помощь «Фонду по организации

полноценного питания для пенсионеров по возрасту».[72] С благотворительными целями, видите ли. Так, сколько билетов вам дать?

— Вы их сможете распространить среди знакомых, само собой, — добавила миссис Чагуотер.

Адъютант судорожно глотнул.

*

Через десять минут двое ошеломленных мужчин без гроша в кармане пробирались на ощупь к садовой калитке.

— Наконец, — выговорил один из них, принц Отто, — наконец я прочувствовал ужасы оккупации… для оккупантов.

Пошатываясь, они продолжали путь.

Глава 3 АНГЛИЯ ПОД УГРОЗОЙ

Когда наутро пришли газеты, выяснилось, что положение куда серьезней, чем представлялось поначалу. Не только германцы напали на Эссекс, а еще восемь вражеских армий — так удивительно совпало — выбрали то же самое время для нанесения давно задуманного удара.

Англия оказалась не просто под пятой завоевателя — под пятой девяти завоевателей.

Прямо ступить было некуда.

В прессе все было детально расписано. Пока германцы высаживались в Эссексе, российский корпус под командованием великого князя Водкиноффа занял Ярмут. Одновременно Сумасшедший Мулла[73] вторгся в Портсмут, а швейцарский флот обстрелял Лайм-Риджис и высадил десант к западу от кабинок для переодевания. Точно в то же время пробужденный наконец Китай захватил живописный уэльский курорт Лллгстпллл и, несмотря на отчаянное сопротивление экскурсии Эвансов и Джонсов из Кардиффа, занял плацдарм. Пока шла уэльская стычка, армия Монако обрушилась на Охтермахти в устье реки Клайд. Не прошло и двух минут по Гринвичу, как неистовая банда младотурков[74] нагрянула на Скарборо. В Брайтоне и Маргите закрепились небольшие, но решительные вооруженные силы, соответственно, марокканских разбойников[75] под началом Райсули и темнокожих воинов с отдаленного острова Боллиголла.

Положение было нешуточное.

Корреспонденты «Дейли Мейл» сообщали подробности разворачивающейся атаки по телеграфу. Князь Пинг-Понг-Панг, китайский генерал, и Ллевеллин Эванс, предводитель кардиффских экскурсантов, провели в местечке Лллгстпллл незабываемые предварительные переговоры. Один непрерывно говорил на чистом китайском языке, другой выразительно изъяснялся на валлийском, и общее впечатление воодушевило всех до колик, сообщал корреспондент.

Нападения свершились так внезапно, что мало где развернулось действенное сопротивление. Более или менее успешную попытку предприняли в Маргите.

Когда появились чернокожие воины (как и прочие, они налетели с часу до двух в августовский выходной день), пляжи были усеяны отдыхающими. При появлении боевых каноэ экскурсанты поначалу решили, будто в них сидят загримированные исполнители негритянских песен, очень большая труппа; в толпе быстро разнеслось, что привез их сам Чарлз Фроман,[76] в попытке возродить былую славу «Менестрелей Кристи».[77] Скоро, однако, стало ясно, что тут не безобидные актеры. Поскольку с ними не было банджо и бубнов, возникли подозрения, а когда первый же негр ловко снял скальп с подвернувшегося мальчишки, подозрения превратились в уверенность.

Маргитские туристы дали достойный отпор. Конная пехота на осликах, под командованием дядюшки Боунса, сеяла разрушение. Женская мучительская бригада отвлекала вражеский фланг, а спешно мобилизованный отряд снайперов, расхватав шары и кокосовые орехи из аттракционов, по три за пенни, расстроил ряды авангарда. Однако силы противников были неравны. Через полчаса экскурсанты отступили с боями, побережье осталось в руках врага.

В Охтермахти и Портсмуте агрессоры, похоже, не встретили никаких препятствий. Брайтонцы позволили неприятелю высадиться целым и невредимым. Скарборо, захваченный врасплох мальчишеской энергией младотурков, оказался легкой добычей; а в Ярмуте, хотя великий князь получил по физиономии метко брошенной селедкой, сопротивление оказалось бесполезным.

Первого августа уже к чаю девять армий, вооруженных до зубов, укрепились на британской земле.

Глава 4 ЧТО ДУМАЛА АНГЛИЯ

Обстоятельства, и сами по себе малоприятные, еще усугублялись тем, что в Англии практически никого не осталось в строю, кроме бойскаутов.

Первым шагом была отмена регулярной армии. Тому было несколько причин. Сначала социалисты заклеймили армейские порядки как недемократичные. Рядовым, подчеркивали они, запрещено водить компанию с полковниками, хотя различие в рангах связано с чистой случайностью, кто в какой семье родился. Они требовали, чтобы каждому солдату давали звание генерала. Товарищ Квелч,[78] в красноречивом обращении к трудящимся пригорода Ньюингтон-Баттс, среди всеобщего воодушевления напомнил, как хорошо такой подход зарекомендовал себя в южноамериканских республиках.

В Шотландии также возражали против армии, а все потому, что она профессиональная, о чем мистер Смит написал не одно колкое письмо мистеру Ч. Б. Дж. Марриоту.[79]

Так что армия была отменена, и оборона страны пала надолго территориальных войск, Легиона разведчиков и бойскаутов.

Сначала выбыли территориальные войска. Выслушивать прозвище «терьеры» в мюзик-холлах оказалось выше их сил.

Затем были распущены добровольцы-разведчики. Поначалу они подавали надежды, но так и не пришли в себя с тех пор, как манчестерские цензоры обрушились на артистку Ла Мило.[80] Мужество изменило им.

В конце концов защищать Англию остались одни бойскауты, чьим украшением был Кларенс Чагуотер, и гражданское население, готовое в любой момент выступить ради своей страны и размахивать флагами. Некоторые из них могли также распевать патриотические песни.

*

Нечего и говорить, что для прессы в разгар мертвого сезона такая новость, как одновременное нападение девяти держав, стала хлебом насущным. Каждое утро водопад писем обрушивался на лондонские газеты. По недостатку места приведем лишь отдельные выписки.

Мисс Чарльзуорт[81] сообщала: «В нынешнем стеснительном положении у меня нет выбора. Придется исчезнуть».

Мистер Хорейшо Боттомли[82] в еженедельнике «Джон Буль» намекал на грязные закулисные интриги и обещал вскоре напечатать тайную историю вторжения. Сам же он предпочитает какого ни есть оккупанта,

даже короля Боллиголла, всяким (неназванным) королевским прокурорам, что не чета старине Мюиру.[83] Хотелось бы знать, почему инспектор Дрю ушел в отставку.

Аргументированная передовая в «Дейли экспресс» утверждала, что свободная торговля, очевидно, подразумевает и захватчиков на всякий вкус.

Мистер Герберт Гладстон[84] написал в «Тайме», напомнив, что он и так наводнил Англию нежелательными иностранцами, посему еще несколько погоды не сделают.

Мистер Джордж Р. Симс[85] составил восемнадцать каламбуров из имен вражеских военачальников в одном только номере «Горчицы и салата».

Мистер Г.Г.Пелиссье[86] убеждал общественность смотреть веселей, ведь солнышко светит, как всегда. Кроме того, как знать, вдруг какой-нибудь иностранный снайпер возьмет да подстрелит цензора?

Мистер Роберт Фитцсиммонс[87] решил бросить вызов любому из вторгшихся генералов, а то и всем сразу. Он не он, если их не побьет, ну разве что рефери, у которого жена и семеро детишек, попросит его поддаться нокауту, в виде личного одолжения. По доброте ему приводилось проигрывать бои.

Совет директоров выставочного зала Кристал-Палас отослал акционерам уведомление, что грядут благоприятные времена. Публики прибавилось, и Кристал-Палас, при минимальном везении, еще наполнится.

Судья Уиллис задался вопросом: «Что есть вторжение?»

Синьор Скотги[88] послал срочную каблограмму из Америки (с оплаченным ответом): «Шотландия ли стоит где стояла?»

Мистер Льюис Уоллер[89] разразился героическим: «Сколько их там? Я и с полдюжиной справлюсь. Они убийцы? Я наброшусь на убийц, сколько бы их ни было».

Мистер Сеймур Хикс[90] выразил надежду, что они не причинят зла Джорджу Эдвардсу.

Мистер Джордж Эдвардс[91] сказал: если они принесут хоть малейший вред Сеймуру Хиксу, он больше не улыбнется.

Некий автор в «Ответах»[92] подсчитал, что если всех завоевателей в стране сложить в кучу, верхушка будет на каком-то расстоянии от Луны.

Дальновидные люди рисовали мрачные перспективы. Они всерьез

опасались, что новый аттракцион сильно ударит по первоклассному крикету. Уже несколько лет подряд сборы и так падали из-за растущей популярности гольфа, тенниса и других игр. Тысячные толпы устремятся глазеть на марш захватчиков через всю страну, ведь им не придется платить по шесть пенсов у турникета. Было высказано предложение: заявить протест генералам вторгшихся армий и заставить брать плату со зрителей.

В букмекерских кругах вызвала ажиотаж гонка до Лондона. Каждое утро в газетах отмечали позиции всех армий в колонке, посвященной тотализатору; на германцев предлагали ставки фаворитов — шесть к четырем, но мало кто ставил против них.

Всем было любопытно, как встретятся девять армий. Вот к какому нежданному результату привел новейший обычай: сперва нанести удар, и только потом объявлять войну. Пока враги не стали у ворот, Англия считала, будто она в самых дружеских отношениях с соседями. Противник воспользовался этим, а также и тем, что по недосмотру правительства все английские корабли, которые еще оставались на плаву, окончательно устарели. Раздавая интервью представителям ежедневных газет, правительство честно признавало: да, в некотором отношении дали промашку, но за всем не уследишь. Кроме того, они вот-вот заложат дредноут,[93] не пройдет и нескольких лет, как он будет готов. Тем временем самое разумное — спать спокойно в своих кроватях. Так сказал сам адмирал Фишер,[94] явно не дурак.

Тем временем марафон завоевателей продолжался.

Кто первым ворвется в Лондон?

Глава 5 ГЕРМАНЦЫ ПОД ЛОНДОНОМ

Германцы хорошо стартовали и не подвели тех, кто на них поставил. Опытный стратег принц Отто Саксен-Пфеннигский понимал: желая добраться как можно скорее, лучше не ехать поездом. Он принял решение следовать пешим порядком. Колоннам на марше то и дело преграждали путь толпы глазеющих селян, но продвижение шло успешно. Германские войска получили строгий приказ не отвечать ни на какие вопросы, и время не тратилось на пустую болтовню. Через день-другой стало ясно, что если ничего непредвиденного не случится, армия фатерлянда может всех опередить, даже с запасом.

Другие войска двигались медленнее. Китайцам пришлось труднее

всех, поскольку они сбились с дороги возле деревушки Лланфайрпулгунгогогох, и совершенно не понимали подробные указания встречных пастухов. Только через неделю им удалось добраться до Честера, где они поймали попутный экскурсионный автобус и оказались в столице, измученные и голодные, через четыре дня после того, как позиции были заняты соперниками.

Германцы наступали до лесистых высот Тоттнема.[95] Здесь они стали лагерем и окопались.

Марш показал, как жестока оккупация по своей сути. Сами того не желая, армады принца Отто сеяли разрушение. Крикетные площадки были затоптаны, даже поля для гольфа частенько несли отпечаток железной пяты завоевателя, который редко выполнял правило класть вырванный дерн на место — даже никогда не выполнял. Опустошение и разорение тянулись за ними следом.

Та же история повторялась и с прочими войсками. Они печатали шаг по охотничьим угодьям, распугивая дичь и доводя егерей до истерики. Стоило им форсировать реку, как всякая рыбалка сходила на нет. Крокет так и забросили от отчаяния.

Под Эппингом русские не постыдились застрелить лису…

*

Перед принцем Отто встал деликатный вопрос. С младых ногтей он был воспитан в убеждении: если германцы и вторгнутся в Англию, то одни, или хотя бы при благожелательной поддержке союзников. Ему и не снилась дилемма: что делать, если на поле сошлись соперники. Конкуренция полезна, но всему есть мера. Не мог же он попросить все прочие нации отвести войска. Сам отходить он также не собирался.

— И все из-за такого-сякого «броска стервятника»,[96] — ворчал он, расхаживая перед штабной палаткой и время от времени обозревая в бинокль лежащий у его ног город. — Попадись мне только тот малый, чья идея! По его милости я выгляжу полным идиотом! Правда, другие не лучше, и то слава богу! Да, Поппенгейм?

Капитан фон Поппенгейм приблизился и отдал честь.

— Осмелюсь доложить, артиллеристы спрашивают, можно им пострелять по Лондону?

— Обстрелять Лондон!

— Да, ваше высочество; так уж всегда делается. Принц Отто задумчиво подергал усы.

— Бомбардировать Лондон! Кажется… И тем не менее… Ну да ладно, у них так мало радостей в жизни.

Он стал в задумчивости. То же сделал капитан фон Поппенгейм. Он пнул камешек. То же сделал капитан фон Поппенгейм — но камешек поменьше. В германской армии очень строгая дисциплина.

— Поппенгейм.

— Здесь!

— Явились уже наши… конкуренты?

— Так точно; русские на подходе с левого фланга, прибудут через несколько часов. Райсули арестован в Пэрли за кражу кур. Армия Боллиголла примерно за десять миль отсюда. Сведений об открытии действий не поступало.

Принц погрузился в раздумье, затем в сердцах заговорил, хотя обычно не откровенничал со своим штабом.

— Между нами, Попп, — вырвалось у него, — мне чертовски жаль, что мы вообще ввязались во вторжение — глупая, черт возьми, затея. Мы-то себя считали чертовски хитрыми, готовились по секрету, пока не дойдет до грандиозного броска, и всякой такой чертовой ерундистики нагородили. А на поверку мы просто со всех чертей сели в чертову лужу.

Капитан фон Поппенгейм взял под козырек в немом согласии. Он был университетский однокашник принца. Они дружили с детства. Ему так и хотелось в немногих словах выразить согласие со старшим по званию. На языке вертелось «Да уж», но железная дисциплина германской армии не позволяла рта раскрыть. Он снова отдал честь и щелкнул каблуками.

Принц громадным усилием взял себя в руки.

— Так вы говорите, русские скоро будут здесь? — спросил он.

— Через несколько часов, ваше высочество.

— И наши люди хотят побомбардировать Лондон?

— Им будет приятно, ваше высочество.

— Ну ладно, что ж, если не мы, то все равно кто-нибудь додумается. А мы пришли раньше всех.

— Именно, ваше высочество.

— Тогда…

Подбежал ординарец и стал навытяжку.

— Телеграмма, господин командующий.

Принц рассеянно вскрыл ее. Глаза у него сверкнули.

— Доннерветтер! — вскричал он. — Мне и в голову не пришло.

«Снесите Лондон и дайте безработным его восстановить. — ГРЕЙСОН», [97] — прочел он. — Поппенгейм!

— Ваше высочество?

— Канонаду разрешаю.

— Слушаюсь.

— Только пока не подойдут русские. А там прекратим, не то возникнут осложнения.

Капитан фон Поппенгейм отдал честь и удалился.

Глава 6 ОБСТРЕЛ ЛОНДОНА

По Лондону били пушки. К счастью, стоял август, и все разъехались из города.

Иначе могли быть и жертвы.

Глава 7 КОНФЕРЕНЦИЯ ДЕРЖАВ

Русские, под предводительством генерала Водкиноффа, прибыли в Хэмпстед[98] через полчаса после окончания канонады, а прочие завоеватели, включая Райсули, который доказал свое алиби и был выпущен, постепенно подтянулись на неделе. К вечеру субботы 6 августа даже китайцы дохромали до столицы. Чем дело кончится? Англичане демонстрировали вежливое равнодушие. Мы, в сущности, нация зевак. Нам хватало удовольствия поглазеть на оккупантов. Разбирать запутанные международные проблемы, связанные с возникшим положением, нам и в голову не пришло. Только представьте: стоит лошади кэбмена упасть на мостовой, в две минуты собирается пятьсот лондонцев, бросая все дела; неудивительно, что присутствие девяти разных и непохожих армий в столице не оставило места для размышления в британских мозгах.

Зрелище заставило многих вернуться в Лондон. Они обнаружили, что германские снаряды замечательно поработали, разрушив почти все лондонские статуи. А то, что могло бы принести неудобства — разбитые мостовые и многочисленные воронки — прошло незамеченным на фоне куда более энергичной деятельности городских властей.

В общем-то германская артиллерия только улучшила вид Лондона. Альберт-Холл, куда ударил милосердный снаряд, превратился в живописные руины; Уайтфилдская молельня стала обугленной кучей; а Королевская академия искусств сгорела ко всеобщему облегчению. На

Трафальгарской площади собрался стихийный митинг, где под крики одобрения был принят вотум благодарности принцу Отто.

Лондонцы радовались, а оккупантам было не до веселья. Хитросплетения внешней политики требовали, чтобы в отношениях между странами не было трений. И надо же — столкнулись сразу несколько держав. Нечасто дипломатам приходилось распутывать подобный узелок. Когда девять собак грызутся из-за одной кости, следы зубов, случается, остаются не только на кости.

Принц Отто Саксен-Пфеннигский решительно взялся за проблему. Выход нигде не просматривался, да еще мешал поток телеграмм, которые ежедневно слал кайзер, требуя отчета, покорил он страну или нет, а если нет, то почему. Принц отвечал сдержанно, констатируя трудности, ставшие на его пути, и получил резолюцию: «Кулак нарисован, письмом отправлен. Не есть гут, будет капут. ВИЛЬГЕЛЬМ».[99]

Вот тогда расстроенный принц понял, что пора принимать меры.

Мальчики-посыльные разнесли всем генералам тщательно составленные письма. К вечеру стали поступать ответы и, прочитав их, принц Отто пришел к выводу, что договариваться придется при личной встрече. Многие письма были совершенно не по делу.

Райсули извинялся, что ответил не сразу, был занят, долго вскрывал сейф на Собачьем острове, и предлагал германцам и марокканцам объединиться и облапошить швейцарского генерала, судя по всему, простака. «Напоминает мне старину Маклина, — писал Райсули. — Дело пахнет деньгами. Присоединитесь? Телеграфируйте утром».

Генерал армии Монако предлагал разрешить затруднение с помощью азартной игры на вылет. Он знает отличную игру «Скользкий Сэм»,[100] правила можно усвоить за полминуты.

Ответ китайского князя Пинг-Понг-Панга был, по всей вероятности, блестящим и высокоученым, вот только написан иероглифами времен династии Мин,[101] которые принц Отто не разбирал; а разобрав, все равно не понял бы, потому что пытался читать сверху вниз, а не снизу вверх.

Младотурки — чего еще от них было ждать — выражались по-своему, легкомысленно и бесцеремонно. Как обычно, они бедокурили. Письмо, нацарапанное округлым школярским почерком, содержало главным образом подробности проделки, которую генерал сыграл над начальником штаба. «До чего же он взбеленился», — торжествующе заключал автор.

Из боллиголланского лагеря посыльный вернулся без скальпа и с устным извещением, что его величество король не умеет ни читать, ни

писать.

Великий князь Водкинофф, с русской линии фронта, отвечал неопределенно и бестактно, типично по-русски: «Дорогой принц, вы, похоже, стремитесь вымарать других участников. Позвольте вам напомнить, что бывает, когда пытаются вымарать русских».

Ответ Сумасшедшего Муллы составлял уже чистый бред. Путь от Сомали и встреча со старым другом мистером Диллоном[102] повлияли на его рассудок не лучшим образом. В первых строках он назвал себя чайником, и больше ни одного связного утверждения не было.

Принц Отто сжал пульсирующие виски. — Придется созвать конференцию, — сказал он. — Другого выхода нет.

На следующий день из германского лагеря разослали восемь приглашений к обеду.

*

Нельзя сказать, что обед как таковой прошел успешно. По его ходу швейцарский генерал не досчитался кольца с бриллиантом и стал бросать холодные взгляды на Райсули, сидевшего слева. Вдобавок, король Боллиголла не отличался изящными манерами. Если ему чего-то хотелось, он торопился хапнуть, а хотелось ему всего и сразу. Поведение предводителя младотурков также оставляло желать лучшего. Предполагалось, что ему позволят сесть за стол только за десертом, но он просочился, как сам выразился; и что лукавить, будто он выпил шампанского не больше, чем позволяли приличия — это не так. Кроме того, генерал из Монако принес с собой колоду карт и нарушал мирное течение вечера, пытаясь сыграть с князем Пинг-Понг-Пангом в три листика. Очень раздражал и безумный смех Сумасшедшего Муллы.

Словом, принц Отто обрадовался, когда скатерть наконец убрали, официанты удалились, а присутствующие могли закурить и поговорить о деле.

Каждый, кто хотя бы соприкоснулся с высшими дипломатическими сферами, знает, что язык дипломатии — вещь в себе. Он специально разработан, чтобы морочить случайного слушателя.

Так, когда принц Отто, повернувшись к великому князю Водкиноффу, спокойно сказал: «Слышно, виды на урожай в Кенте хорошие», завсегдатай дипломатических кругов понял бы, как понял великий князь, что на самом деле имелось в виду: «Перейдем к делу. Ваши предложения?»

Собравшиеся, за исключением представителя младотурков, который стаканами пил мятный ликер, Муллы и короля Боллиголла, заинтересованно подались вперед, чтобы не пропустить ответ русского. От него многое зависело.

Водкинофф небрежно стряхнул пепел с сигареты.

— Говорят, — протянул он. — Но в Шропшире, похоже, наблюдаются трудности с кормовой свеклой.

Принц нахмурился: типичная изворотливая русская дипломатия.

— Как успехи вашего высочества на скетинг-ринке? — спросил он сдержанно.

Русский позволил себе неуловимую улыбку.

— Средне, — ответил он, — средне. Прошлый раз, только я попробовал проехаться на внешнем крае, в меня кто-то бросил катком, так мне показалось.

Принц Отто вспыхнул. Он был человек простой, прямой и не терпел хождений вокруг да около.

— Почему утки плавают? — спросил он почти сердито. Русский приподнял брови и улыбнулся, но не ответил.

Принц твердо решил не давать ему ни одной лазейки и продолжал пылко нападать.

— Задумайте число, — воскликнул он. — Удвойте его. Прибавьте десять. Отнимите задуманное число. Разделите на три, и что получится?

Воцарилась благоговейная тишина. Уж на что русский мастерски увиливает, но ему не удастся отразить столь прямой выпад.

Тот отшвырнул сигарету и закурил сигару.

— Я так понял, — сказал он с оттенком бравады в голосе, — что суфражистки[103] решили прибегнуть к крайнему средству: захватить мистера Асквита[104] и спеть ему свой гимн.

Сидевшие за столом изумленно ахнули.

— Потому что перпендикуляр? — спросил принц Отто в зловещем затишье.

— Потому что перпендикуляр, — согласился русский спокойно, но то было спокойствие коварного моря.

Все снова ахнули. Тревога нарастала.

— Вы говорите не обинуясь, ваше высочество, — медленно начал принц Отто.

Тут младотурок с грохотом свалился со стула на пол, и напряжение мигом разрядилось. Все подскочили. Райсули воспользовался

замешательством и сунул в карман серебряную пепельницу.

Заминка сыграла благоприятную роль. Нахмуренные лица разгладились. До спорщиков стало доходить, что они дали волю чувствам. С примирительной улыбкой принц Отто, наполняя бокал великого князя, заметил:

— Трампер[105] искусно владеет битой, но должен признаться, что восхищаюсь сильным ударом Фрая.

Это покорило русского. Он протянул руку.

— Два в лузе, три в игре, и красный в правом дальнем углу, — сказал он с полувосточным очарованием, которым умел при случае блеснуть.

Они сердечно пожали друг другу руки.

Таким образом, раз русские, как мы видели, отказались от права бомбардировать Лондон в свой черед, препятствий для мирного урегулирования больше не оставалось. Очевидно, что превосходящие силы германцев и русских, объединившись, становились господами положения. Решение, которое они выработали описанным выше методом, было следующее. По установившемуся обычаю русский и германский генералы решили следовать правилу «только для белых». Это означало, что войска Китая, Сомали, Боллиголла, а также Райсули и младотурков исключались. Им дали неделю на то, чтобы покинуть страну. Сопротивление было бесполезно. Соединенные силы Германии, России, Швейцарии и Монако имели подавляющее превосходство, особенно учитывая, что китайцы еще не пришли в себя после блужданий по Уэльсу и не взялись бы воевать, так у них были стерты ноги.

Стоило им ретироваться, и оставшиеся четыре державы могли бы продолжать завоевание совместно.

*

Принц Отто Саксен-Пфеннигский отправился ночью в постель с приятным сознанием выполненного долга. Перед ним расстилался ясный путь.

Однако он просчитался. Он не принял в расчет Кларенса Чагуотера.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1 В БОЙСКАУТСКОМ ЛАГЕРЕ

Ночь!

Ночь в Олдуиче!

Посреди широких просторов нетронутой прерии, известной лондонцам как Олдуичские задворки, едва мерцал, будто нарочно оттеняя темную и пустынную местность, одинокий огонек.

То был костер бойскаутского лагеря.

Стояла сырая и ветреная ночь. Уже несколько часов сеял мелкий дождик. Дата — первое сентября. Ровно месяц Англия в руках завоевателей. Цветные захватчики к тому времени были уже дома или почти туда добрались. Народ проводил их с сожалением. С тех самых пор, как приезжал персидский шах,[106] не бывало столь благодарной темы для беседы. Немало юмористов завоевали себе репутацию и хорошую построчную плату за счет одного только короля Боллиголла. На театрах благотворно сказался наплыв массы новой, неискушенной публики. В театре «Уолдорф» одна пьеса продержалась добрых две недели, а «Веселую вдову»[107] заиграли с новой силой. Универсальный магазин Селфриджа — и тот перестал осторожничать и дал объявление на четверть колонки сразу в двух еженедельных газетах.

Младотурки уже вернулись в константинопольскую школу шаркать ногами под партой и пуляться друг в друга жеваной бумагой; Райсули в родимых горах снова раскручивал похитительский бизнес — а то халтурщик-заместитель совсем запустил дела; а китайцы, боллиголланцы и войска Сумасшедшего Муллы страдали от морской болезни посреди океана.

Швейцарская армия также отправилась по домам, чтобы вовремя подготовиться к зимнему туристическому сезону. Остались одни германцы, русские и вооруженные силы Монако.

*

В лагере бойскаутов шла лихорадочная деятельность. Мало кто из миллионов лондонцев подозревает, насколько громадная и влиятельная

организация — бойскауты. Человек с улицы и не представляет, что бойскауты, может быть, самое сплоченное тайное общество в мире, за исключением разве «Черной руки».[108]

Их сеть раскинулась вдоль и поперек Англии. Мальчики, что маршируют по улицам с хоккейными клюшками, — всего лишь малая часть, верхушка общества. Все английские мальчишки и многие мужчины у него на жалованье. При вступлении каждый дает клятву выплачивать в общую казну часть карманных денег или заработка. У себя в конторе, по субботам, вы суете мальчику на побегушках его три с половиной шиллинга и думаете, наверное, что он отнесет их домой матери. Ничего подобного. Два с половиной уйдет на дешевые сигареты, а остальное — в казну бойскаутов. Навещая племянника в Итоне, вы дарите ему пять фунтов или сколько там; что же, он все просадит в кондитерской? Только по видимости. На самом деле четвертая часть окажется в общей кассе.

Или другой пример могущества бойскаутов. Допустим, вы — лондонский коммерсант и, пребывая сутра в дурном настроении, срываете зло на конторском мальчишке. Он ничего не скажет, ничего не сделает, казалось бы. Но вечером в подземке тяжеленный работяга отдавит вам любимую мозоль. Только выйдете на станции Ладброук Гроув — проедет извозчик и обдаст вас грязью. Дома не лучше: кошка доберется до заливного цыпленка, а дворецкий заявит об уходе. Вы не замечаете связи, а ведь все это оттого, что вы в конторе с утра третировали мальчишку. Напротив, случись вам погладить по головке малыша в лохмотьях и дать ему шестипенсовик за спички, и наутро почта приносит шампанское от анонимного дарителя.

Страшные в гневе, бойскауты и добра никогда не забывают.

*****

Нежный свист полосатого игуанодона раздался в ночи. Часовой перед лагерным костром застыл и вгляделся в темноту. Всматриваясь, он издавал жалостный зов заблудившейся зебры.

Чей-то голос произнес из мрака: «Йин гоньяма-гоньяма».

— Инвубу, — степенно ответил часовой. — Йа-бо! Йа-бо! Инвубу.

Приблизился неясный силуэт.

— Кто идет?

— Свой.

— Подойди ближе и скажи пароль.

— Помни Мафекинг[109] — и смерть краснокожим.

— Проходи! Все в порядке.

Свет костра озарил подошедшего. Часовой вздрогнул, стал навытяжку и отдал честь. На его лице отразился благоговейный восторг и восхищение, будто у молодого новобранца Великой армии при виде Наполеона; ведь перед ним возник не кто иной, как сам Кларенс Чагуотер.

— Фамилия? — спросил Кларенс, пристально вглядываясь в стойкого юного бойца.

— Рядовой Уильям Баггинс, сэр.

— Хорошо несете службу, рядовой Баггинс. Такие, как вы, нужны Англии.

Он снисходительно потрепал бойскаута по щеке. Часовой залился радостным румянцем.

— Мой приказ выполнен? — спросил Кларенс.

— Так точно, сэр. Собрались все звенья.

— Назовите.

— Персидские котята, Антилопы-бонго, Зебры, Игуанодоны, Валлийские кролики, Каймановые черепахи и ползвена Лондонских тапиров, сэр.

Кларенс кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Чем занимаются?

— Одни репетируют скаутскую пьесу, сэр; другие составляют живые пирамиды; некоторые отрабатывают глубокое дыхание; остальные танцуют старинный английский танец моррис.

Кларенс кивнул.

— Время зря не тратят. Передайте им, что я на месте и скажу речь.

Часовой откозырял.

В позе углубленного размышления (ноги врозь, руки за спиной, голова склонилась на грудь) Кларенс выглядел более чем внушительно. Он покинул свой дом в Эссексе три недели назад, под конец десятидневных каникул, и вернулся на должность начинающего младшего репортера в штате небезызвестной лондонской газеты. Теперь он мог распоряжаться своим временем лишь по ночам. Днем он отдавал все силы газете, где был вынужден долгими часами считывать результаты скачек и прочих спортивных новостей с телеграфной ленты. Служение родной стране начиналось только с шести часов вечера.

Бойскауты собрались и стали, бодрые и энергичные, готовые действовать по приказанию Кларенса. Кларенс в задумчивости отдал им честь.

— Командир отряда Уагстафф, — приказал он. Командир отряда, состоящего из нескольких звеньев, вышел вперед.

— Начнем боевой танец.

Кларенс рассеянно следил за передвижениями. Не лежало у него сердце к танцам. Но так уж положено, и лучше разделаться с этим поскорее. Едва завершились последние па, как он поднял руку.

— Собратья, — раздался его чистый ясный дискант, — хоть у вас и нет возможности, как у меня, первыми узнавать новости, все вы уже осознали, что Англия, наша Англия лежит под железной пятой завоевателя. Нам предстоит спасти ее. (Приветственные клики, возглас «Инвубу!») Я здесь и сейчас призвал бы схватить хоккейные клюшки и броситься на врага, но увы! — при таком маневре нас ждет разгром, и точка. Пока завоеватель слишком силен. Мы должны выжидать; но долго ждать не придется, я уверен. (Аплодисменты.) Зарождается дух соперничества между русскими и германцами. Наша задача — всячески усугублять недружественные чувства. При нашей безупречной организации это не представит трудностей. Рано или поздно затаенный антагонизм разгорится ярким пламенем. Не за горами день, — продолжал он, воодушевляясь, — когда у вояк дойдет до мировецкой свары, и тут мы, считай, их взяли тепленькими. Дошло, ребята? Вот в чем суть. Еще немного — и они поцапаются, перегрызутся, только так, а мы как раз подкатим и приведем их к одному знаменателю.

Гром аплодисментов разразился из толпы бойскаутов.

— Что я хочу особо подчеркнуть, — завершил Кларенс более сдержанно, — наш час наступит скоро. Англия рассчитывает на нас, и нам предстоит проявить себя, чтобы рассчитывала она не зря. Усердно раздувая крепнущее пламя розни между отдельными контингентами нахлынувшей орды, мы сможем добиться окончательного развала. В ожидании этого дня посвятите себя подготовке к военным действиям. Я закончил, друзья.

— Главный бойскаут вот о чем, — пояснил командир отряда Уагстафф, — нечего болтаться без дела и всякие такие дела. Чтоб упражнялись будь здоров, а там, как придет время, уж мы поколотим русских с германцами — мало не покажется. Усекли? Ну ладно. Смотрите, уж не подведите в заварушке.

— Иин гоньяма-гоньяма! — грянули воодушевленные бойцы. — Инвубу! Йа-бо! Йа-бо! Инвубу!

Глас Молодой Англии — Молодой Англии наготове и начеку!

Глава 2 РЕШАЮЩИЙ АНГАЖЕМЕНТ

Историки, когда у них дойдут руки до начала двадцатого столетия, назовут его золотым веком мюзик-холлов. Ко времени великого вторжения они расплодились по всей Англии. В каждом городке, в каждом пригороде был свой, часто не один. Всеобщую жажду зрелищ приходилось так или иначе утолять, что с помощью мюзик-холла получалось легче всего: самое общедоступное место, где люди с улицы могли поглазеть на героев дня. Допустим, несдержанный джентльмен уложил на месте свою бабушку молотком для угля, тогда лишь кучка народу взирала бы на столь интересное лицо в уголовном суде Олд-Бейли.[110] Чтобы и прочих не лишать пищи для ума, стоило пригласить его — за хорошие деньги — на эстраду. Вот где, при условии оправдательного приговора, он мог после вводного слова какого-нибудь астматика озарять широкую публику улыбкой минут десять, временами бормоча себе под нос, а потом идти восвояси. Его сменяла некая предприимчивая дама, которая едва-едва не разрешила проблему, как жить на десять тысяч в год без гроша за душой, или другую, не менее интеллектуальную.

Только к середине сентября созрела, казалось бы, очевидная идея: предложить ангажемент военачальникам вторгшихся армий.

Первым додумался Солли Куэйн, многообещающий молодой импресарио. Солли был отпрыск Авраама Коэна, известного в Викторианскую эпоху антрепренера. Его братья, Эйб Керн, Бенджамин Кохун, Джек Койн и Барни Кауэн, потянулись в Сити; но Солли продолжил семейное дело и уже завоевал прочную репутацию. Когда Лупоглазый Билл Маллинз, виртуоз смертоносного мешочка с песком, покидал Дартмур[111] после двадцатилетнего уединения, не кто иной, как Солли с порога обеспечил ему непрерывное лекционное турне по мюзик-холлам Макгинни в течение трех лет. Его же стараниями Джо Браун, поглощавший восемь фунтов сырого мяса за семь минут с четвертью, впервые получил возможность блеснуть талантом перед куда большей американской аудиторией.

Будто молния, его озарила мысль: пора пристроить вражеских генералов.

— Милое дело! — возопил он. — По мне, успех им обеспечен, выставляй их хоть где.

Солли был человек действия. Минуты не прошло, а он уже говорил по телефону с директором-распорядителем «Колоссального зрелищного

синдиката». Через пять минут директор согласился платить принцу Отто Саксен-Пфеннигскому пятьсот фунтов в неделю, если удастся уговорить его выйти на сцену. Через десять минут великий князь Водкинофф мог выступать, коль скоро пожелает, во всех мюзик-холлах Стоуна и Рафферти, за четыреста пятьдесят еженедельно. Через пятнадцать минут Солли Куэйн, прорвавшись сквозь толпу, — столько пародийных трагиков, комиков-универсалов и куплетистов ждали аудиенции уже полтора часа — мчался сломя голову в таксомоторе к русской линии фронта, в Хэмпстед.

Генерал Водкинофф принял посетителя учтиво, но поначалу без энтузиазма. На пути к артистической карьере ему виделись препятствия. Что, потребуется натягивать реквизитную лысину и распевать «видели бы люди мою милую» и подобные песни? Это не для него. Он пел только раз в жизни, двадцать лет назад, на студенческой пирушке в Московском университете. На то, чтобы его раззадорить, признался он мистеру Куэйну, ушло полтора графина водки, чистой, как слеза.

Импресарио поднял возражения на смех.

— Какое, ваша великосветлость, — вскричал он, — ничего подобного. Никто ведь вас не прочит в *комики.* Вы пойдете как интеллигентный лектор и чтец из общества. «Мое вторжение в Англию» — свет потушен, крутится кино. Фильму состряпать легче легкого.

Великий князь усмотрел другой камень преткновения.

— Я так понимаю, — сказал он, — эстрадным звездам в часы досуга приличествует есть… э-э… жареную рыбу руками. Мне тоже следует? Вряд ли я справлюсь.

Мистер Куэйн опять засемафорил.

— Милое дело! Вовсе и не нужно. Ведущие артисты как раз едят ее ложками. Господь с вами, и в мюзик-холле можно оставаться культурным, не хуже чем где угодно. Так что, ваша великосветлость, по рукам? Одно выступление за вечер, четыреста пятьдесят монет в неделю, в газетах пропечатаем, что восемьсот семьдесят пять. Милое дело! Сам Гарри Л одер столько не получает, уж точно не в Англии.

Великий князь призадумался. Вторжение обошлось дороже, чем он рассчитывал. Англичане — нация лавочников,[112] гласит пословица, и они взвинтили цены во всех лавках будто специально ради него. Вдобавок приходилось раздавать непомерные чаевые. Четыреста пятьдесят в неделю не помешают.

— Где мне расписаться? — спросил он, протягивая руку за контрактом.

*

Через пять минут мистер Куэйн подстрекал таксиста превысить скорость на дороге в Тоттнем.

Глава 3 ПАНОРАМА СОБЫТИЙ

Театральные новости пришли к Кларенсу с телеграфной ленты в репортерской его газеты, но широкая публика узнала известия, только прочитав заголовки:

СЕНСАЦИЯ В МЮЗИК-ХОЛЛЕ

ГРОМАДНЫЕ ГЕНЕРАЛЬСКИЕ ГОНОРАРЫ

ФЕДЕРАЦИЯ АРТИСТОВ ВАРЬЕТЕ[113] НЕДОВОЛЬНА?

ЧЕМ ОТВЕТЯТ «ВОДЯНЫЕ КРЫСЫ»?[114]

ИНТЕРВЬЮ С ГАРРИ ЛОДЕРОМ[115]

Кларенс саркастически усмехался, пока аппарат выстукивал новости. Пришло начало конца. Сеять раздор между генералами-соперниками просто. Сеять раздор между артистами мюзик-холла — на свете нет ничего проще.

Среди публики, разумеется, известие произвело сенсацию. В подземке и омнибусах только о том и говорили. Газеты разразились передовицами на тему. Поначалу все надеялись, что генералы выступят с комическим диалогом вроде «А с кем это я видел тебя вчера на улице?», и были разочарованы, когда ангажементы оказались в разные мюзик-холлы. Циркулировали слухи. Поговаривали, будто великий князь — опытный шпагоглотатель, хоть и не профессионал, и в Англию вторгся не в последнюю очередь для того, чтобы выйти на сцену; будто в Потсдаме[116] принц Отто исполняет песенки в стиле Джорджа Роби,[117] и тем знаменит; будто оба они выделывают головокружительные трюки на велосипеде.

Затем правда вышла наружу. Особого амплуа ни у того, ни у другого нет, они будут просто торчать на сцене и читать лекции.

В артистическом мире кипели страсти. Федерация артистов варьете

обсуждала, не объявить ли забастовку. «Великий орден водяных крыс», встретившись под покровом тайны в пивной на улице Мейден-лейн, за час с четвертью принял пятнадцать резолюций. Сэр Гарри Лодер в интервью еженедельнику «Эра»[118] выразил мнение, что великий князь и принц — оболтусы, которым лучше попридержать язык. Сам он намерен отправиться в Америку, где настоящие артисты собирают толпы на улицах и едят хаггис[119] на званых обедах, и где им не запускают лапу в карман всякие иностранные выскочки-любители.

Кларенс, обозревая положение с олимпийской высоты, к радости своей, обнаружил, что новый поворот событий уже уменьшил силы завоевателей. Как только в газетах сообщили о дебюте двух генералов, военачальник армии Монако поспешил к антрепренерам в поисках ангажемента. Он поднаторел в карточных трюках, чем и мог привлечь зрителей. Импресарио встречали его с прохладцей. Браун и Дей попросили зайти попозже. Фостер передал через секретаря, что слишком занят, к сожалению, принять его не сможет. У Де-Фриса он промаялся два часа в приемной, полной искрометных субреток перекисно-блондинистого вида и плохо выбритых мужчин в обшарпанных котелках, которые наперебой рассказывали друг другу, какой успех они имели в провинции, и в отчаянии удалился.

На следующий день, кипя от возмущения, он вывел из страны свои войска.

Численность захватчиков мало-помалу таяла.

— Доколе? — шептал Кларенс, пока стучал телеграфный аппарат. — Доколе?

Глава 4 КЛАРЕНС ПОЛУЧАЕТ ВАЖНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

У Кларенса вошло в обыкновение каждый день покидать репортерскую родной газеты в час дня, чтобы перекусить в соседнем кафе компании «Воздушные хлебцы».[120] Он был там и на следующий день после выступления двух генералов в двух мюзик-холлах. Он захватил с собой дневной выпуск газеты и просматривал рецензию на представления, пока пил молоко и жевал лепешку с маслом.

И того, и другого принимали хорошо, даже если поначалу оба слегка нервничали. Русский генерал, чья манера, по утверждению критика, чем-то напоминала Т. Э. Данвилла,[121] особенно пришелся по душе галерке. Под конец автор еще раз напоминал, что гонорары обоих — восемьсот

семьдесят пять фунтов в неделю — составили рекорд за всю историю мюзик-холла по эту сторону Атлантики.

Едва Кларенс закончил чтение, как до его ушей донесся тихий призыв тарантула к детенышам.

Он поднял глаза. Напротив него, за соседним столом, сидел довольно растрепанный юноша лет пятнадцати. Он пристально смотрел на Кларенса.

Тот снял очки, протер их и снова надел на нос. Пока он манипулировал очками, тоненький скрип тарантула прозвенел снова. И глазом не моргнув, Кларенс предусмотрительно издал грудное ворчание рыбы-песчанки, застигнутой во время купания.

Этого оказалось достаточно. Сосед поднялся, вытянув правую руку перед собой на уровне плеч, ладонью вперед — большой палец на мизинце, остальные три пальца вверх.

Кларенс быстро подвигал шляпой вверх-вниз, ухватившись сзади за поля.

Сосед, не колеблясь более, подошел к его столику.

— Всего! — негромко сказал он.

— Бывай — и боже храни короля! — прошептал Кларенс. Тайная церемония, необходимая двум бойскаутам при встрече в общественном месте, состоялась.

— Рядовой Биггс из восемнадцатого звена Тарантулов, сэр, — сообщил юноша почтительно, узнав Кларенса.

Тот слегка наклонил голову.

— Можете сесть, рядовой Биггс, — благосклонно предложил он. — У вас донесение?

— Важное донесение, сэр, мне кажется.

— Приступайте.

Рядовой Биггс перенес свой шипучий лимонад и сдобную булочку с одного столика на другой, сделал глоток и пустился в разъяснения.

— Я работаю, сэр, — сообщил он, — младшим клерком и посыльным у мистера Солли Куэйна, импресарио.

Кларенс задумчиво постучал по лбу; затем его лицо прояснилось.

— Помню. Именно он устроил ангажемент для генералов.

— Он самый, сэр.

— Продолжайте.

Бойскаут возобновил повествование.

— Моя обязанность — сидеть в особой клетушке в приемной, спрашивать фамилии у посетителей, а главное — следить, чтобы никто не входил к мистеру Куэйну, пока сам не вызовет. Это самое трудное в моей

работе. Вы не поверите, до чего нахальные нынче актеры. Не успеют войти, уже сочиняют, будто им назначено. Жулики мелкие!

Кларенс сочувственно кивнул.

— Сегодня утром один человек-змея, акробат из общества, поднял такой шум, что в конце концов пришлось отнести его карточку в кабинет. Мистер Куэйн говорил с одним джентльменом, собственно, со своим братом, мистером Кохуном, я его сразу узнал. Они были поглощены беседой и не обратили на меня внимания. Я и не думал подслушивать, но, так или иначе, услышал. Речь шла о генералах. «Да, я знаю, в газетах пишут про восемьсот семьдесят пять, старина, — разобрал я слова мистера Куэйна, — но строго между нами, они столько не получают. Германец потянул пятьсот монет, а русского я едва сосватал за четыреста пятьдесят. Почему — ума не приложу. На мой взгляд, скорее уж он соберет зрителей. Комик в своем роде!» Тут он меня заметил. Последовало некоторое недоразумение. В общем, меня уволили. Только я освободился, сразу отправился вас искать. Мне подумалось, что это, быть может, важная информация.

У Кларенса заблистали глаза.

— Вы сослужили хорошую службу, рядовой… нет, капрал Биггс. Не жалейте о потерянном месте. Наша организация найдет вам другую работу. Донесение, что вы доставили, — величайшей, чрезвычайной важности. Будь я проклят! — воскликнул он, забываясь от восторга. — Мы их поймали врасплох. Ну, если через день-другой они не перегрызутся, я здорово в них ошибся.

Он встал, затем снова сел.

— Капрал… нет, прах меня побери, сержант Биггс, давайте разопьем стаканчик по такому случаю. Ваши новости могут означать спасение для Англии. Что вам заказать?

Тот радостно отдал честь.

— Я бы не отказался от шипучего лимонада, спасибо большое, — сказал он.

Принесли напиток. Они подняли бокалы.

— За Англию, — произнес Кларенс просто.

— За Англию, — отозвался его подчиненный.

*

Быстрым шагом Кларенс вышел из кафе и, погруженный в свои

мысли, поспешил к редакции еженедельника «Анкор»[122] на Веллингтон-стрит.

— Да-а? — спросил мальчишка-посыльный.

Кларенс пустил в ход «бойскаутский экивок», особый пароль. Мальчишка мигом оставил свои замашки и почтительно отдал честь.

— Мне нужно к редактору, — сказал Кларенс. Краткая речь, но родине она сулила спасение.

Глава 5 СЕМЕНА РАЗДОРА

Со времени, когда Кларенс побывал в редакции «Анкор», недовольство среди завоеванных, да и завоевателей, постоянно росло. Первое возбуждение от иностранной оккупации, пока она была внове, улеглось, его вытеснила несгибаемая независимость, столь свойственная типичным британцам. В глубине души настоящий англичанин питает неистребимое отвращение к виду того, как в родную страну вторгаются чужеземные полчища. Люди стали задаваться вопросом, по какому праву всякие иностранцы попирают британскую землю. Народом овладевала все возрастающая досада.

Возможно, при отъезде сэра Гарри Лодера Англия впервые поняла, к чему может привести вторжение. В заявлении газете «Тайме» великий комик высказался без околичностей. Он откровенно и твердо возвестил, что покидает страну, поскольку сиена мюзик-холла отдана на откуп иноземным остолопам. Ему жаль Англию. Ему по душе Англия. Однако сейчас он может сказать только: «Храни вас Бог». Англичане содрогнулись, сообразив, что прежде он говорил: «Храни вас Бог, пока я не вернусь».

Понемногу подымалось зловещее ворчание.

Недовольство нарастало и по другим причинам. Полк русских, маршируя в походном порядке по крикетному стадиону во время матча Суррея и Ланкашира, сбил «экран»,[123] в результате Хейворд[124] вышел из игры, так и не заработав ни одного очка. Отряд германских саперов вырыл траншею поперек корта в «Королевском клубе».[125]

Ворчание усиливалось.

Завоевателям тоже приходилось несладко. Установилось суровое, как всегда, позднее английское лето, и казаки, выросшие в более мягком сибирском климате, очень страдали. За русской линией фронта мало кто не был простужен. Германцы в Тоттнеме кашляли так, что слышно было на

Оксфорд-стрит.

Ну и, конечно, отношение британцев действовало им на нервы. Они готовились к яростному сопротивлению. Они рисовали себе вторжение как цепь стычек, быть может, тяжких, но захватывающих. Они предполагали, что после оккупации патрули на улицах станут провожать ненавидящими взорами. Когда их презрительно мерили взглядом, они терялись. Для нервного иностранца нет ничего ужасней, чем высокомерный снисходительный взгляд англичанина. Завоевателям вечно казалось, будто они все делают не так. Они чувствовали себя, как пассажир, застигнутый в первом классе с билетом третьего класса. Они не знали, куда девать руки и ноги. У них уши горели, когда они шли маршем по столице. Под холодным взором населения они претерпевали те же муки, что и человек, который приходит в незнакомый дом к обеду в твидовом костюме и видит остальных во фраках. Они потели и ежились.

Да и скучно им было. Начало сентября — не лучшее время в Лондоне, даже для местных жителей. Заняться было нечем. Театры почти все были закрыты. На улицах слякоть и грязь. Хорошо было генералам, те каждый вечер появлялись в огнях рампы, но основная масса оккупантов не знала, куда деваться от скуки.

Лондон был все равно что пороховой склад. Кларенсу Чагуотеру выпала честь твердой рукой поднести спичку, чтобы забушевало пламя.

Глава 6 ГРОМ СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА

Кларенс был в редакции «Анкор» в пятницу. Выходила газета по четвергам. «Анкор» — это «Тайме» артистического мира. Она посылает проклятия одним, раздает (нещедрые) благословения другим. «Анкор», критикующую Федерацию артистов варьете, можно сравнить только с Юпитером-громовержцем, последним в наши измельчавшие времена. Ее обычай: на всю страну монаршьим криком грянуть «Пощады нет!» — и спустить дрессированных собачек войны.[126]

По стечению обстоятельств, вечерней газете, где работал Кларенс, потребовалось взять интервью у русского генерала именно в четверг после достопамятного визита на Веллингтон-стрит. Мистер Хьюберт Уэйлз[127] на днях опубликовал роман, настолько рискованный по форме и содержанию, что на него публично ополчился с кафедры не кто-нибудь, а сам преподобный каноник Эдгар Шеппард,[128] доктор богословия, сонастоятель придворной часовни его величества, помощник служителя

королевской опочивальни и младший подаватель августейшей милостыни. В утренней газете задали вопрос: «Нужна ли цензура в беллетристике?» — и, как водится, редакторы собирали высказывания знаменитостей, предпочтительно таких, чье мнение никого не интересовало.

Поскольку все прочие репортеры были в разгоне, редактор оказался в затруднении.

— Что, никого больше не осталось? — потребовал он. Главный заместитель поразмыслил:

— Ну, есть тот щенок Чагуотер.

(Так в редакции обычно называли спасителя Англии.)

— Его и пошлите, — приказал редактор.

*

Номер великого князя Водкиноффа в театре варьете «Магнум» каждый вечер начинался ровно в десять. На афишах его имя писали крупнее всех. Кларенса задержал смотр бойскаутов, и он добрался до мюзик-холла только без пяти десять. Он вошел в гримерную, когда генерал уже направлялся на сцену.

Великий князь переодевался в большой комнате вместе с другими актерами. Персональных гримерных в «Магнуме» не было. Кларенс присел на сундучок, принадлежащий «Несравненной труппе прыгучих зуавов прямо из пустыни», и стал ждать. Четверо мускулистых молодых людей, труппа в полном составе, одевались после выступления. На Кларенса никто не обращал внимания.

Наконец один зуав заговорил:

— Скажи, Билл, сегодня принимали не очень. Замороженный зал.

— Куда уж дальше, — отозвался его коллега. — Просто мурашки по коже.

— Интересно, каково придется фон-барону. Очевидно, он имел в виду великого князя.

— Ему-то что. Такую халтуру им только подавай. Настоящим профессионалам хода нет, а любители цветут и пахнут. Расческа найдется, Гарри?

Гарри, высокий молчаливый зуав, протянул расческу. Билл продолжал:

— Посмотрел бы я на него в прежнем «Великом моголе», да в понедельник. Ему быстро показали бы, что к чему. Тоска берет, как всякие

хлыщи отбивают у нас кусок хлеба. А нам что, теперь не выступать? Впору волком выть, как подумаешь про такого и эти его восемьсот семьдесят пять кругляшей в неделю.

— Восемьсот семьдесят пять! Держи карман, юное дарование, — вмешался первый зуав. — Ты что, на неделе газетку не видел?

— Не-а. Чего там такое? Как рекламка наша, смотрится?

— Да нормально, не забивай голову. Вот, глянь: «Что «Анкор» желает знать». Заденет фон-барона за живое, как пить дать.

Он достал газету из кармана пальто, висевшего на двери, и передал своему прыгучему собрату.

— Читай вслух, старина.

Тот поднес ее к свету и принялся читать, медленно и осмотрительно, как человек, неискушенный в ученостях.

— «Что «Анкор» желает знать: разве принцу Отто Саксен-Пфеннигскому не сопутствовал всю неделю потрясающий успех в «Лобелии»? И разве импресарио Куэйн не задрал нос так, что пришлось потратиться на шляпную резинку? И разве, хоть газеты и пишут о равных гонорарах, принц не получает больше великого князя? Иначе почему нам сорока на хвосте принесла, что принцу платят пятьсот в неделю, а великому князю — только четыреста пятьдесят? Да и в любом случае, разве принц не заслужил на полсотни больше, чем его русский друг? Ну-ну!»

Воцарилось многозначительное молчание. Для Кларенса, который факты и продиктовал (хотя стиль был редакторский), в заметке не было ничего нового. Он только порадовался, как броско редактор подал материал. Что ж, он правильно поступил, предоставив литературную обработку опытному газетчику.

— Вот ему подарочек, — сказал зуав Гарри. — Ну-ка, прицепим тут, против него, как придет переодеваться. Есть у кого булавка? А карандаш?

Он жирно обвел четвертушку колонки и приколол газету рядом с зеркалом, затем обратился к коллегам:

— Ждать не будем, старики? Судя по морде, он фордыбака — как пойдет рубить в пух и прах этой своей саблищей, запросто. Лично я поскорее одеваюсь, а на его физиономию полюбуемся завтра, время терпит. Чего зря рисковать?

Предложение было и обоснованным, и разумным. Прыгучие зуавы, как один, попрыгали в цивильную одежду и исчезли в дверях, не успел отзвучать протяжный аккорд невидимого оркестра в конце великокняжеского номера.

Генерал Водкинофф важно вплыл в гримерную, самодовольно прислушиваясь к неумолкающим аплодисментам. Номер имел успех, было чем гордиться.

Кларенса он заметил не сразу.

— А, — бросил он, — с интервью, да? Ты по поводу… Кларенс объяснил редакционное задание. Тем временем великий князь подошел к умывальнику и начал снимать грим. Для сцены он наносил немного «Жгучего цыгана № 3». Живописно смуглый, он был больше похож на русского генерала в представлении англичан.

Зеркало висело над умывальником.

Кларенс, наблюдая за ним в зеркале, заметил, как он напрягся, читая первый абзац. Лицо его потемнело, почти как от «Жгучего цыгана № 3». Он затрясся от гнева.

— Кто притащил сюда паршивую газетку? — рявкнул он.

— Так насчет мистера Хьюберта Уэйлза и его романа, — гнул свое Кларенс.

Великий князь разнес мистера Хьюберта Уэйлза, его роман и Кларенса одним-единственным предложением.

— Вы, наверное, — долбил Кларенс, не отклоняясь от темы, как пристало цепкому репортеру, — читали колкие, но небезосновательные замечания преподобного каноника Эдгара Шеппарда, доктора богословия, сонастоятеля придворной часовни его величества, помощника служителя королевской опочивальни и младшего подавателя августейшей милостыни.

Великий князь дополнил перечень еще и видным священнослужителем.

— Ты приделал газетку на зеркало? — заорал он.

— Я не приделывал газету на то зеркало, — корректно отвечал Кларенс.

— А, — отрезал великий князь, — будь это ты, я бы свернул тебе шею, как цыпленку, и раскидал по гримерной на все четыре стороны.

— Хорошо, что это был не я, — заметил Кларенс.

— Ты читал газетку на зеркале?

— Я не читал эту газету на зеркале, — ответствовал Кларенс, продолжая строго придерживаться разговорника Оллендорфа,[129] был у него такой грешок. — Но я знаю, что там написано.

— Ложь! — гремел великий князь. — Мерзкая ложь! Да я его по судам затаскаю. Я-то сразу раскусил: писали по его наущению, а может, он и сам приложил руку.

— Профессиональная зависть, — вздохнул Кларенс, — печальное

явление.

— Я ему дам профессиональную зависть!

— Я слышал, — заметил Кларенс как бы мимоходом, — что он и правда имел успех в «Лобелии». Один мой приятель был там вчера вечером и говорит: его вызывали одиннадцать раз.

Русского генерала чуть не хватил апоплексический удар, но титаническим усилием он взял себя в руки.

— Подождем! — заявил он со зловещим спокойствием. — Подождем до завтра! Я ему покажу! Имел успех, вот как? Ха! Вызывали одиннадцать раз, вот как? Ого, ха-ха! Вызовут и завтра! Только, — в его голосе чувствовался дьявольский умысел, столь ужасный, что даже у закаленного бойскаута пошел мороз по коже, — только на сей раз его вызовут к барьеру!

Терзаемый завистью артист разразился полубезумным смехом, упал в кресло и принялся стаскивать сапоги. Кларенс ушел по-английски. Час близился.

Глава 7 ОШИКАН!

Великий князь Водкинофф был не из тех, кто теряет время даром. Не рак, чтобы идти на попятный, не камбала, чтобы лежать на дне. Он шел напролом — скрытный и скорый на расправу, настоящий московит. К полуночи он со своим штабом уже все расставил по местам.

Места были в партере «Лобелии».

На рассвете были розданы деньги на галерку и амфитеатр восьмому и пятнадцатому полкам донских казаков, свирепым полу-варварам, бесстрашным орудиям войны.

Великий князь полностью подготовился.

*

В анналах английской литературы встречаются счастливые случайности, но редко такие, как появление мистера Барта Кеннеди[130] в тот исторический вечер в «Лобелии». Он завернул туда после обеда и наблюдал весь инцидент с начала до конца. Без четверти одиннадцать взъерошенный человек вбежал через парадный вход в Кармелайт-Хаус[131] и, не дожидаясь лифта, бросился вверх по лестнице, громко требуя ручку,

чернил, бумаги.

На следующее утро «Дейли Мейл»[132] пестрела заголовками. Вся пятая страница была тематическая. Заголовки не виляли вокруг да около. Читателя забрасывали фактами:

> СЦЕНА В «ЛОБЕЛИИ»
> ПРИНЦ ОТТО САКСЕН-ПФЕННИГСКИЙ ОШИКАН РУССКИМИ СОЛДАТАМИ
> ЧТО ПОСЛЕДУЕТ?

Таких было еще не меньше семнадцати, а следом шел специальный репортаж Барта Кеннеди.

Писал он так:

> «Памятный вечер. Невероятный вечер. Вечер, какой мало кто увидит еще раз. Грозный вечер чудес. Вечер одиннадцатого сентября. Прошлый вечер.
>
> Девять тридцать. Я пообедал. Я съел свой обед. Свой обед! Я съел свой обед этим вечером. Этим дивным вечером. Вечером одиннадцатого сентября. Прошлым вечером!
>
> Я пообедал в клубе. Отбивная. Вареный картофель. Грибы на тосте. Крошечка стилтонского сыра. Полбутылки бургундского. Я откинулся на спинку стула. Я взвесил варианты. Мюзик-холл? Театр? Библиотека? Тот вечер, вечер одиннадцатого сентября, я чуть не убил за книгой в клубной библиотеке. Тот вечер! Вечер одиннадцатого сентября. Прошлый вечер!
>
> Судьба привела меня в «Лобелию». Судьба! Мы — ее игрушки. Ее футбольные мячи. Мы — футбольные мячи Судьбы. Судьба могла направить меня в театр «Гейети».[133] Судьба привела меня в «Лобелию». Та Судьба, что правит нами.
>
> Я передал визитную карточку администратору. Он пропустил меня. Учтивый, как всегда. Он пропустил меня за красивые глаза. Этот администратор. Любезный и учтивый администратор.
>
> Вот я и в «Лобелии». Контрамарочник. Я был в «Лобелии» по контрамарке!»

Далее в оригинале статьи идут продолжительные рассуждения об

интерьере мюзик-холла, а также отступление об эстрадных представлениях вообще. Лишь упомянув о зрителях, мистер Кеннеди возвращается к главному.

> «А что за зрители собрались посмотреть дивертисмент, подготовленный любезным и учтивым администратором «Лобелии»? Зрители. Их суд не знает апелляций. Они диктаторы в мюзик-холле. Зрители».

Здесь автор отпускает ряд весьма интересных и глубоких замечаний про зрительские массы. Без них можно обойтись.

> «Первые ряды партера, заметил я, сплошь занимали русские офицеры. Степные вояки. Бородачи. Русские. Они сидели молча, настороженно. Они мало аплодировали. Они равнодушны к программе. Велосипедисты-эксцентрики. Бойкая субретка и кумир Белгрейвии. Студенты-спорщики. Комик во фраке. Дрессировщик с учеными канарейками. Ничто их не затронуло. Они ждали. Ждали. Беспокойно ждали. Все мышцы напряжены. Собирались с силами. Ждали. Чего?
>
> Мой сосед прошептал спутнику, как приятель ему рассказал, будто сам слышал от билетера, что галерка и амфитеатр битком набиты русскими. Русские. Везде русские. Почему? Так любят мюзик-холл? Или пришли по какой-то скрытой причине? В воздухе висело беспокойство. Мы все ждали. Ждали. Чего?
>
> Атмосферу можно определить одним словом. Единственным. Зловещая. Атмосфера была зловещая.
>
> А! Движение в переполненном зале. Зыбь на глади моря перед штормом. Сестры Сигсби в негритянском гриме, несравненные актрисы бурлеска, кончили танцевать, улыбнулись, послали воздушные поцелуи, упорхнули за кулисы, выпорхнули опять, улыбнулись, повторили воздушные поцелуи и скрылись с глаз. Протяжный аккорд из оркестра. Аккорд — почти рыдание. Рыдание над тем, что прошло. Появляются два ливрейных служителя. Они несут картонные листы. Служители несут картонные листы. Но не пустые. На каждом листе номер.
>
> Номер пятнадцать.
>
> Кто же под номером пятнадцать?
>
> Принц Отто Саксен-Пфеннигский. Принц Отто, генерал

германской армии. Принц Отто — вот кто под номером пятнадцать.

Гром аплодисментов в зале. Но русские не хлопают. Они молчат. Они ждут. Чего?

Оркестр наигрывает жизнерадостный мотив. Расходится тяжелый занавес. Высокий красавец в мундире вышагивает на сцену. Он кланяется. Высокий красавец в мундире кланяется. Это принц Отто Саксен-Пфеннигский. Генерал германской армии. Один из наших завоевателей.

Он говорит: «Леди и джентльмены». Человек и генерал говорит: «Леди и джентльмены».

И ничего. Ничего. Ничего. Больше ничего. Ничего. Он говорит: «Леди и джентльмены», но ничего больше.

Почему бы ему не сказать больше? Что, он закончил выступление? И это все? Он получает восемьсот семьдесят пять фунтов в неделю за два слова, «леди и джентльмены»?

Нет!

Он хочет говорить. Ему есть что сказать. То было лишь начало. Этот высокий красавец еще музыкой своей не поделился. [134]

Почему же он не говорит больше ничего? Почему он сказал: «Леди и джентльмены», — но ничего больше? Ничего. Только это. Больше ничего. Ничего.

Потому что из партера до него доносится нескончаемое сокрушительное улюлюканье. Это нескончаемое сокрушительное улюлюканье исходит от русских в партере. Так вот чего они ждали. Вот чего они ждали столь напряженно. Вот чего. Они ждали грандиозного «у-лю-лю!».

Генерал отшатывается. Он изумлен. Поражен. Может статься, напуган. Он всплескивает руками.

На галерке и в задних рядах угрожающе свистят и завывают. Как дикие звери. Как паровые котлы на грани взрыва. Как зрители мюзик-холла, чтобы ошикать актера.

Все вскочили на ноги. Некоторые — на мои. Все кричат. Весь зал кричит.

Среди вавилонского столпотворения слышны отдельные выкрики.

— Вонски! Гадский номерович! — кричат бородатые русские, нелицеприятные критики. — Гадский номерович!

Глаза германца пышут огнем. Глаза властного человека.

— Вонски! Чванка! Гадский номерович!

Зрители ужасны в гневе. Зрители. Верховный суд. Эти зрители в гневе ужасны.

Что произойдет? Германец стоит на своем. Человек, спаянный железом и кровью,[135] стоит на своем. Он намерен продолжать. Властный человек. Он не остановится ни при какой погоде.

Зрители привстают с мест. Помидор расплющивается о правый глаз принца. Помидор перезрел.

— Вонски!

По воздуху летят три тухлых яйца и дохлая кошка. Недолет — и они падают в оркестр. Эти яйца! Эта кошка! Попали в дирижера и второго тромбониста. Падают они, как тихий дождь, струящийся на землю из облаков.[136] Кошка! Яйца!

А! Наконец бдительный и находчивый распорядитель спасает положение. Этот человек. Распорядитель. Великий ум. Медленно, неотвратимо ползет вниз пожарный занавес. Он на полпути. Он опустился целиком. Зрители перед ним. Зрители. Принц за ним. Принц. Генерал. Железный человек. Артист, которого только что ошикали.

В зале звучит национальный русский гимн. Громоподобно! Победно! Национальный гимн России. Хвалебная песнь!

Возвращаются служители. Невозмутимые, бесстрастные служители. Они вынимают номер пятнадцать. Они ставят номер шестнадцать. Они, как Рок, — безжалостный, непоколебимый, невозвратный, безмолвный. Эти служители.

Гремит оркестр. Начинается выступление под номером шестнадцать…»

Глава 8 ВСТРЕЧА В «ШОТЛАНДСКОМ ПОГРЕБКЕ»

Принц Отто Саксен-Пфеннигский стоял за кулисами и весь трясся. Неописуемые немецкие проклятия сыпались у него с языка. На несколько шагов поодаль выжидали шесть крепких рабочих сцены с засученными рукавами. Это они скрутили генерала, пока опускался пожарный занавес, чтобы он не ринулся с саблей в партер. По первому знаку распорядителя они бы и снова его скрутили.

Распорядитель старался позолотить пилюлю.

— Бог ты мой, ваше высочество, — уговаривал он, — ничего такого. С каждым случается. Спросите самых что ни на есть зубров, как их освистывали поначалу. Да чего, и из звезд кое-кто в некоторые города носа не кажет, вечно им там достается. Не берите в голову, это…

Подошел курьер с запиской в руке.

— Тут парнишка в очках, одетый не разбери-поймешь, просил передать вашему высочеству.

Принц выхватил листок.

Послание было написано круглым детским почерком, с подписью «Доброжелатель». Там стояло: «Генерал Водкинофф сегодня специально подослал своих людей ошикать Вас, потому что завидует из-за колонки в «Анкор» на этой неделе».

Принц Отто сразу взял себя в руки.

— Извините, ваше высочество, — забеспокоился распорядитель, видя, что он двинулся с места, — вам нельзя на сцену. Стань тут, Билл.

— А как же, сэр!

Принц Отто приветливо улыбнулся.

— Опасность миновала. Я не имею намерения идти на сцену. Я думаю на минутку заглянуть в «Шотландский погребок».

— О, тогда, ваше высочество, всего доброго, ваше высочество! Ни пуха, ни пера на завтра, ваше высочество!

*

С тех пор как два генерала присоединились к актерскому братству, они стали захаживать после выступления в «Шотландский погребок», где беседовали, загораживая проход, по строгим правилам звездного этикета.

Принц ни капли не сомневался, что найдет Водкиноффа там.

Он не ошибся. Русский генерал был на месте, болтал у стойки с барменшей о погоде.

Он приветствовал принца нарочито небрежным кивком.

— Хорошо принимали? — бросил он мимоходом. Принц Отто сжал кулаки; но он прошел суровую дипломатическую выучку и умел владеть собой. Заговорил он на знакомом языке дипломатии.

— Дождь прекратился, — сказал он, — но мостовые еще мокрые. Ваша светлость не забыли надеть прочные галоши?

Выпад явно достиг цели, но великий князь отвечал со всей

невозмутимостью:

— Дождь, — объявил он, попивая вермут, — всегда мокрый, а иногда и холодный.

— Но он никогда не идет снизу вверх, — подчеркнул принц.

— Насколько я могу судить, нечасто. Вы наблюдательны, дорогой принц.

Воцарилось молчание; затем принц, сбитый было с толку, возобновил атаку.

— От Чаринг-кросса до Хаммерсмитского Бродвея быстрее всего добираться на метро.

— Людям случалось умирать на Хаммерсмитском Бродвее, — непринужденно отметил великий князь.

Принц заскрежетал зубами. Он уступал своему изворотливому сопернику по части дипломатического языка и сознавал это.

— Солнце встает на востоке, — воскликнул он, чуть не задыхаясь, — но оно сядет… оно сядет!

— Будто курица на яйца, — прозвучал циничный ответ.

Остатки самообладания покинули принца. Эфемерная дипломатическая болтовня ужасно действует на нервы тому, кто к ней не расположен. Ей самое место в сверкающей бальной зале при каком-нибудь фривольном дворе. Если человека только что ошикали в мюзик-холле, да еще стараниями другого, и он пытается вырвать у собеседника признание, она просто бесит.

— Курица! — отозвался он, сжимая и разжимая кулаки. — Вы изучали куриные повадки?

Ему казалось, он вот-вот добьется правды, но искусный дипломат, стоявший перед ним, выкручивался и из более затруднительных положений.

— Пулярки на южной стороне, — лениво процедил он, — обычно с желтыми ножками и созревают быстрее.

Принц стал в тупик. У него не было готового ответа. Вмешалась барменша.

— Смешно как вы говорите оба!

Этого хватило. Вполне безобидное замечание стало последней каплей. Принц грохнул кулаком по стойке.

— Да, — загремел он, — ваша правда. Мы говорим смешно, но пора покончить с этим. Я устал от словесной пикировки. Прямой ответ на прямой вопрос: вы посылали сегодня свои войска, чтобы меня ошикать, или нет?

— Мой дорогой принц! Великий князь поднял брови.

— Посылали или нет?

— Мудрец, — заявил русский, все еще надеясь на увертки, — не глядит по сторонам, разве что переходя улицу.

Принц расколотил стакан.

— Посылали! — рявкнул он. — Я знаю! Слушайте, вы! Даю вам шанс. Даю вам и вашим треклятым солдатам двадцать четыре часа, считая с полуночи, чтобы покинуть страну. Если не уберетесь, то…

Он выдержал драматическую паузу. Великий князь медленно допил вермут.

— Вы видели мое профессиональное объявление в «Эре», любезный принц? — спросил он.

— Видел. Ну и что?

— И ничего не заметили?

— Нет.

— А-а. Будь вы более внимательны, вам бы бросилось в глаза: «Постоянное место жительства — Хэмпстед».

— Вы имеете в виду…

— Я имею в виду, что не вижу надобности менять объявление ни в малейшей степени.

Снова нависла напряженная тишина. Двое мужчин вперили глаза друг в друга.

— Это ваше окончательное решение? — спросил германец. Русский поклонился.

— Вот, значит, как, — сказал принц, поворачиваясь к двери. — Имею честь пожелать вам всего хорошего.

— Вам также, — отвечал великий князь. — Осторожно, ступенька.

Глава 9 ГЕНЕРАЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ

Известие о том, что дошло до открытого разрыва между генералами-завоевателями, не заставило себя долго ждать. О нем взахлеб говорили в ранних изданиях вечерних газет. Поспешно заручились мнениями д-ра Эмиля Райха,[137] д-ра Салиби,[138] Эугена Зандова,[139] мистера Чиозза-Мани[140] и леди Гроув.[141] В редакциях молодые люди с крутыми шишковатыми лбами строчили очерки о двух генералах. Все бурлило и кипело.

Тем временем устроители лондонских публичных зрелищ не отходили

от телефонных и телеграфных аппаратов. Ссора произошла вечером в пятницу. Если не принять меры, бой мог начаться уже субботним утром. Не надо быть финансовым гением, чтобы подсчитать убытки для представлений, назначенных днем в субботу. Пострадали бы утренние спектакли. На ложах и партере, возможно, сражение бы не так сказалось, но сборы за дешевые места и галерку, несомненно, упали бы донельзя. Для публики, заполняющей театральную галерку, масштабная баталия неотразима. Если заурядная уличная драка собирает сотни зрителей, надо думать, никакое лицедейство на подмостках не выдержит конкуренции с битвой германской и русской армий.

Многочисленные футбольные стадионы также понесли бы тяжелый урон. В «Олимпии» должен был состояться грандиозный карнавал на роликовых коньках, и он был бы испорчен.

Не прошло и часа с появления первой вечерней газеты, как делегации от устроителей зрелищ поспешили в оба лагеря. Они представили положение дел откровенно и красноречиво. Генералы не остались глухи. Армии обменялись парламентерами, и в конце концов было решено приостановить военные действия до утра понедельника.

*

Хотя владельцы театров и директора футбольных клубов остались довольны, в некоторых отношениях вышло неудачно. С точки зрения историка, это все испортило. Если бы не отсрочка, читатели нашей хроники, вероятно — даже обязательно — получили бы яркий и мастерский отчет о великом сражении, с подробным описанием победной тактики. Расположение тех или иных полков, военные хитрости, стремительные атаки, стратегические отступления и уроки войны — все было бы разложено по полочкам.

А так, из-за неуместного добродушия генералов-противников назначенная дата была изменена, и историку остается лишь зафиксировать результат.

В субботу не позже четырех часов пополудни собралась легкая дымка. С наступлением ночи видимость ухудшилась, но фонари все еще можно было разглядеть на несколько шагов — для старожилов Лондона ничего из ряда вон выходящего. Только утром в воскресенье лег настоящий туман.

В воскресенье лондонцы проснулись и обнаружили, что свет застилает «лондонский особый»,[142] самый плотный и желтый за много лет. В такие

дни клерка из Сити бодрит мысль: наконец-то у него появилась причина для опоздания, которую в кои веки не встретят насмешливым недоверием. Люди провели день дома в надежде, что назавтра распогодится.

— Куда им воевать в таких условиях, — судачили они.

В понедельник утром туман невероятно сгустился. Он окутал Лондон, как одеялом. Люди качали головами.

— Отложить им придется.

Такие шли разговоры, когда внезапно раздалось: «Бум!» И еще раз: «Бум-м-м!» Била тяжелая артиллерия. Сражение началось!

*

Не хочется ворчать или ныть, но все же досадно, что достопамятная баталия, битва, столь знаменательная для мировой истории, велась в таких условиях. Лондонские журналисты тогда блистали живописными репортажами. То было время живописных репортажей, ярких словесных картин. В каждой редакции ждали люди, способные с ходу расписать бой так, что даже лектору из Ассоциации молодых христиан[143] захотелось бы в штыковую атаку; люди, сыпавшие эпитетами и восклицательными знаками, пока читатель чуть ли не слышал грохот пушек. Там они и оставались — без дела, в праздности — будто броненосцы в доках. Они были бессильны. Барт Кеннеди начал было статью: «Туман. Беспросветный туман. И рев орудий.

Две нации сразились в тумане», — но так ничего и не вышло. Какое-то время материал подавал надежды, но скончался от истощения на середине второй верстатки.

Тяжело, что говорить.

Жребий военных корреспондентов был и того хуже. Бесполезно было объяснять, что в тумане у них — никаких шансов. «Если им хватает света воевать, — безжалостно гнали их редакторы, — вам хватит света глядеть», и выставляли за порог.

Им пришлось несладко. Эдгар Уоллес[144] заблудился практически сразу. Через два дня его нашли, оголодавшего, в деревушке Стипл Бампстед. Как он там оказался, неизвестно. Сам он рассказывал, что шел на звук стрельбы, и шел, и шел. Беннет Берли,[145] искушенный ветеран, сообразил ехать подземкой. Он добрался до Хэмпстеда, места самых яростных боев, как позже выяснилось, и при минимальном везении ему

было бы что опубликовать. Однако лифт застрял на полдороге, когда рядом разорвался германский снаряд, и только на следующий вечер поисковая группа услышала его и спасла.

Остальные — А. Г. Хейлз,[146] Фредерик Вильерс,[147] Чарлз Хэндс[148] и прочие — заблудились, как Эдгар Уоллес, разве что поближе. Хейлз, направившись в Тоттнем, дошагал до Кройдона, падая с ног от усталости, с гвоздем в ботинке. Вильерс, столь же невезучий, финишировал в Ричмонде. Самый необычный маршрут был у Чарлза Хэндса. Насколько можно понять, он без приключений оказался на Лестер-сквер. Там он потерял ориентацию и, получается, брел без конца вокруг статуи Шекспира, в полной уверенности, что движется прямиком к Тоттнему. Через полтора дня он присел отдохнуть, и когда туман рассеялся, был обнаружен проходившим полицейским.

И все это время рокотали и громыхали невидимые пушки, а из темноты раздавались странные приглушенные кличи.

Глава 10 ТОРЖЕСТВО АНГЛИИ

Была среда, шестнадцатое сентября. Сражение двадцать четыре часа как завершилось. Туман поредел до бледно-лимонного цвета. Моросило.

К тому времени вся страна знала, что произошло. Детали, конечно, не были известны полностью, хотя надо отдать должное газетчикам: те не растерялись и безотлагательно принялись их измышлять, в целом удачно.

Вкратце факты сводились к тому, что русскую армию обошли с фланга и уничтожили чуть ли не целиком. От громадного войска, ступившего на английскую землю с другими завоевателями, осталась жалкая горсточка. Все, включая великого князя Водкиноффа, были в плену у германцев в Тоттнеме.

Победу нельзя было назвать бескровной. Уцелела едва пятая часть германской армии. По оценкам, не менее двух третей обеих армий полегло при последней атаке германцев на хэмпстедские высоты, когда был взят штурмом «Замок Джека Соломинки»[149] и захвачен русский генерал.

*

Принц Отто Саксен-Пфеннигский почивал в походной палатке в Тоттнеме. Он выбился из сил. После утомительного сражения его ждала

тяжелая работа: надо было встречаться с репортерами, раздавать автографы, позировать перед камерами, хвалить патентованные лекарства — словом, справляться с тысячей дел и хлопот, неизбежных для знаменитости. А тут еще его продуло на поле боя. На столике рядом с кроватью красовалась хинная микстура.

*

Пока он спал, полог палатки тихонько отодвинулся. Вошли двое. На каждом была широкополая шляпа, цветной шейный платок, фланелевая рубашка, футбольные трусы, гольфы, коричневые ботинки и свисток. Каждый нес хоккейную клюшку. Один выделялся очками и спокойным повелительным видом, как пристало командиру.

Они стояли, взирая на лежащего навзничь генерала. Затем тот, что был в очках, произнес:

— Командир отряда Уагстафф! Другой отдал честь.

— Разбудить его!

Командир отряда Уагстафф подошел к кровати и потряс спящего за плечо. Принц что-то промычал и повернулся на другой бок. Бойскаут тряхнул его. Тот сел, недовольно щурясь.

Когда взгляд его упал на суровую фигуру в очках, он вскочил с кровати.

— Что? Что? — забормотал он. — Что это здачит?

Он чихнул и, отвернувшись к столу, налил и осушил стопку хинной микстуры.

— Я же саб сказал часовобу: бедя де беспокоить. Кто вы? Незваный гость с достоинством улыбнулся.

— Меня зовут Кларенс Чагуотер, — сказал он просто.

— Тшагвотер? Де здаю такого. Что ваб дуждо? Вы из газеты? Мне сейчас декогда. Приходите утроб.

— Я не из газеты.

— Ду так фотограф. Говорю же, мде декогда.

— И не фотограф.

— В такоб случае, кто вы? Тот приосанился.

— Я — Англия, — провозгласил он горделиво.

— Адглия! Что это божет здачить: вы — Адглия! Где сбысл? Под хмурым взглядом Кларенса он притих.

— Именно так: я — Англия. Я главный бойскаут, а бойскауты и есть

Англия. Принц Отто, вы решили, будто наша Англия лежит поверженная, беспомощная. Вы просчитались. Бойскауты затаились и выжидали. Ныне их час настал. Командир отряда Уагстафф, исполняйте свой долг.

Командир отряда двинулся вперед. Принц отпрянул к кровати и сунул руку под подушку. Раздался трубный глас Кларенса:

— Взять его на прицел!

Принц поднял взгляд. За два шага от него стоял командир отряда Уагстафф с рогаткой наготове.

— Он ни разу не промахнулся, — предостерег Кларенс. Принц заколебался.

— В своей возрастной категории он разбил больше всех окон в южном Лондоне.

Принц понуро вытащил руку — пустую.

— Ду, и что же ваб дуждо? — огрызнулся он.

— Сопротивление бесполезно, — сказал Кларенс. — Я ждал и готовился, и вот миг настал. Сражение доконало ваши войска, их жалкие остатки стали легкой добычей. Час назад лагерь окружили патрули бойскаутов, вооруженные до зубов рогатками и хоккейными клюшками. Бросок — и бой был кончен. Вся армия, вместе с вами, у нас в плену.

— Черт-те что! — обомлел принц.

— Англия, моя Англия! — восклицал Кларенс, и праведный патриотизм озарял его лицо. — Англия, ты свободна! Ты восстала из пепла, словно феникс. Да ведают народы: британский лев лишь кажется усмиренным, но он сможет их заставить привыкнуть бояться своих зубов.

— Граббатикадевердая, — раскритиковал принц.

— Ничего подобного, — запальчиво возразил Кларенс.

— Девердая, говорю я вам. Три идфидитива подряд. Глаза Кларенса полыхнули.

— Нечего тут хамить, — сказал он. — Командир отряда Уагстафф, увести пленного.

— Все равдо, — заявил принц, — идфидитива три. Кларенс молча указал на дверь.

— Вы и саби здаете, — настаивал принц. — Весь эффект дасбарку. Речь…

— Пройдемте, а? — вмешался Уагстафф.

— Иду же, чего еще? Я только объясдял…

— Сейчас я как врежу кому-то клюшкой по ногам! — пригрозил командир отряда. — Пройдемте!

Принц вышел.

Глава 11 КЛАРЕНС — ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП

Ярко освещенный зрительный зал театра-варьете «Палас».

Шевеление и шепотки. Оркестр играет попурри. В партере тихонько переговариваются красивые женщины и доблестные мужчины. Там и сям удается различить несколько фраз.

— …Совсем еще мальчик, по-моему!

— Как мило, прелесть!..

— …Чесслово, леди Гасси, точно не скажу. Берти Бертисон, тот, из клуба «Холостяки», передавал — один его друг уверен, будто целую тысячу…

— …Слышали? Мистер Бертисон говорит: мальчик, а получает тысячу в неделю.

— О-о, куда больше, чем платили тем жутким генералам…

— …Хорошие деньги, ничего не скажешь.

— Разумеется, он же спас страну, ведь так?

— Будь покоен, если б он того не стоил, не получал бы…

— …Нас познакомили на танцах у герцогини. Вполне пристойный малый. Нос не задирает, ну, вы понимаете, о чем я. Э, да вот его номер!..

Оркестр умолкает. Выставлен номер семь. Взрыв аплодисментов, переходящих в овации, когда поднимается занавес. На сцену выходит толстяк в помятом фраке.

— Леди и джентльмены, — провозглашает он. — Сегодня я имею честь представить вам того, чье имя и так, как говорится, знакомо всем. Благодаря ему, тому самому герою, кого я сегодня имею честь вам представить, наша обожаемая Англия больше не корчится под безжалостной пятой чужеземных оккупантов. Именно гений этого героя и его, если можно так выразиться… э-э… гений без посторонней помощи выбрал единственно верный путь, как изгнать свирепых захватчиков из домов и дворов наших. Именно этот герой сначала дал завоевателям сцепиться, распушивши хвосты (если мне позволено будет процитировать), как всем известные два кота из Килкени[150] когда-то, а затем твердо, без оглядки, выступил в рядах с другими героями — надо ли объяснять, что я о наших бравых бойскаутах? — и немедля показал, где раки зимуют, немногим оставшимся.

Здесь оратор поклонился и, пока зрители аплодировали, пополнил запас воздуха. Когда багровый колер понемногу сошел с его лица, он поднял руку.

— Мне остается добавить, — продолжал он, — что наш герой будет выступать исключительно в театре-варьете «Палас», а его гонорар составит цифру, неслыханную в истории мюзик-холла. Он получает весьма внушительную плату — тысячу сто пятьдесят фунтов в неделю, не больше, не меньше.

Оглушительные рукоплескания.

— Еще немного в дополнение. Наш герой сначала покажет ряд физических упражнений, которые помогли нашим бойскаутам стать тем, что они есть, а именно: глубокое дыхание, обхват шеи правой ногой и прыжки на одной ножке через всю сцену. Затем он продемонстрирует бойскаутские позывные и кличи — сплошь искусные подражания настоящим животным, как вам, несомненно, известно. В этой связи я должен заверить вас, что у него не будет во рту никаких приспособлений, о чем иногда поговаривают. В заключение он произнесет краткий доклад на тему своих великих деяний. Леди и джентльмены, я закончил, и мне остается вас покинуть, объявив выступление любимого сына Англии, героя в своем отечестве, благороднейшего украшения нации — Кларенса Чагуотера!

Секундное напряженное ожидание, грохот оркестра, и зрители вскакивают с мест, крича, топая, размахивая руками.

На сцене — крепкая невысокая фигура в очках.

То Кларенс, не муж, но мальчик судьбы.[151]

Примечания

Неудобные деньги

Вудхауз далеко не сразу стал чем-то вроде классика или живой игрушки. В 1902 г. он оставил службу (был он клерком) и стал вести довольно распространенную жизнь молодого литератора, пристраивающего в журналы всё, вплоть до подписей к рисункам. Жил он бедно, но только в этом и проявлялась его богемность — он до сих пор удивляет ученых детской чистотой. Как только ему позволили заработки, он стал ездить в Америку, там и женился в 33 года.

Успех пришел немного позже, в 1915 году, когда издали его роман «Что-нибудь этакое». К следующей книге отнеслись уже совсем иначе, хотя сама она — где-то посредине между упомянутым шедевром и ранними романами. Когда издатель читал ее, Вудхауз сидел в комнате и ждал, когда же тот засмеется. Тем, кто много о нем знает, ясно, что вызывалось это не тщеславием, а скромностью; П.Г.В. похож здесь на ребенка, а не на известного писателя. Издатель, наконец, стал крякать от восторга, а смеялся — мало; и впрямь, роман далеко не такой смешной, как многие другие. Однако восторг оправдан — не инерцией недавнего успеха, а особой атмосферой. Проще всего сказать, что герои благородны и трогательны, как в детской книге. Эгоистичная Клара, тем более — ее второй жених, вызывают не «отрицательные эмоции» от пренебрежения до злобы, а явственную жалость. Что их ждет в конце концов? Героев же, блистающих бескорыстием, ждет истинный рай, как в классической сказке или притче: ты бескорыстный, добрый, кроткий — значит, тебе будет хорошо. Они действительно «наследуют землю», да еще текущую медом. По-видимому, мастер идиллии Вудхауз превзошел здесь самого себя.

Веселящий газ

Первый раз Вудхауз работал в Голливуде с мая 1930 по сентябрь 1931 года, но фильмы по его книгам («Джентльмен без определенных занятий», «Неудобные деньги») выходили и раньше. Необычные голливудские нравы он описал затем в маллинеровских рассказах «Киватель», «Апельсиновый

сок» (1933) и др., в романах «Везет же этим Бодкинам!» (1935), «Веселящий газ» (1936). Прототипом ребенка-кинозвезды Джо Кули был Джеки Куган (1914–1984), сыгравший в знаменитом фильме Чарли Чаплина «Малыш» (1921), а Бринкмайер напоминает основателей «Метро-Голдвин-Майер» Сэма Голдвина, бывшего в доголливудской жизни продавцом перчаток, и Луиса Б. Майера, который был утильщиком.

Киношники обижались на Вудхауза, но сотрудничество с ним было определенно выгодно, и он в конце 1936 года снова поехал работать в Голливуд.

Рассказы о гольфе

Рассказы эти составляют два сборника — «Бить будет Катберт» (1922) и «Сердце обалдуя» (1926). Позже бывали рассказы о гольфе и в разных сборниках (например, «Лорд Эмсворт и другие», 1937). Все, что можно сказать о них, сказал сам Вудхауз в предисловиях. Действительно, они «написаны кровью». Слабых среди них просто нет; некоторые — истинные шедевры, а «Катберт» превосходит всякое описание. Надеюсь, он и в Англии поставляет цитаты. Мы же здесь — только и говорим: «Толстой и Вудхауз не плох. Не хорош, но и не плох». Нетрудно заметить, что место действия — туманно. Катберт, без сомнения, живет в Англии. Клуб со Старейшиной, видимо, — в Америке, но есть там и чисто английские реалии. Однако время и место — не для вечности, а персонажи Вудхауза явственно живут в ней. Только что в датском журнале среди непонятных статей напечатано (по-английски) далеко не первое размышление о том, что мир всех этих повестей и рассказов — настоящий рай.

Бросок!

Книга представляет собой пародию на модные и даже успевшие наскучить читателям в конце XIX — начале XX века романы-предупреждения о будущей войне, авторы которых били в набат и призывали к бдительности, черными красками расписывали неготовность Англии к войне. В качестве агрессора изображались многие страны, в основном — кайзеровская Германия.

---

notes

Примечания

1

«как путник» — С.Т.Кольридж. «Поэма о старом моряке».

2

Регентство — годы правления принца-регента (1811–1820), будущего Георга IV (1820-30).

3

четыреста фунтов — считается, что фунт начала прошлого века стоил в сорок раз больше нынешнего. Сколько же Билл получал? 16000 в год? Неплохо, хотя не для Клары.

4

я не дочь графа — титул «леди» стоит перед именем только у дочери графа, маркиза или герцога. К примеру, леди Констанс Киббл. во втором браке — Скунмейкер, хотя ее мужья даже не дворяне; а жена лорда Икенхема — леди Икенхем. Так и Полли должна называться леди Уэзерби.

5

Линкольнз Инн — одна из четырех старейших судебных коллегий Лондона.

6

Вильгельм IV— правил в 1830–1837 гг., Виктория — в 1837–1901. Ее 60-летний юбилей отмечался очень пышно в 1897 г.

7

Иначе *(лат.)*.

8

я не «Полина» — «Полли» — уменьшительное не от Pauline, а от Мэри: Мэри — Молли — Полли. Это очень простенькое имя, «Полина» — вычурное и, скорее, французское. Заметим, что замена «М» на «П» в уменьшительных именах издавна свойственна английскому языку, скажем: Мэгги — Пэгги.

9

«Мод» — поэма Альфреда Теннисона.

10

бездна бездну призывает — Псалтырь. 41:8.

11

Предисловие к сборнику «Бить будет Катберт» (1922).

12

Предисловие к сборнику «Сердце обалдуя» (1926).

13

Публий Сир — римский поэт, I век н. э.

14

доктор Уоттс — Иссак Уоттс (1674–1748) — английский поэт, богослов и естествоиспытатель.

15

Железка (iron) — клюшка с плоским железным крюком (их обычный набор включает клюшки с № 3 до № 9), после которых идут «питчинг-ведж» (используются для недалекого удара с высокой траекторией (pitch), после которого мяч почти не катится) и «сэнд-ведж» (используется, чтобы выбивать мяч из бункера).

16

Четверка — игра между двумя парами игроков.

17

Ниблик — клюшка с широкой и тяжелой железной головкой.

18

судить должны равные ему — выражение восходит к Magna Charta (Великой хартии вольностей), 1215, статья 39.

19

Сэндвич — городок в Кенте.

20

Прескот — городок в Глостершире.

21

Сэнт-Эндрус — приморский курорт в Шотландии, славящийся полем для гольфа. Там же находится университет Апостола Андрея.

22

Дамона к Пифию — пьеса в стихах Р.Эдвардса, поставленная примерно в 1564 г. Пифагорейцы Дамон и Пифий приезжают в Сиракузы. Дамон попадает в тюрьму по ложному обвинению в шпионаже и заговоре против тирана Дионисия, который приказывает казнить его. Дамон просит двухмесячной отсрочки, чтобы съездить домой и привести в порядок дела. Пифий предлагает себя в залог до его возвращения. Дамон задержался, но прибыл как раз к началу казни, и друзья спорят, кого же из них должны казнить. Дионисий, под впечатлением такой взаимной преданности, прощает Дамона и просит принять его в их братство. И сюжет, и имена героев встречались еще в античной литературе.

23

Давида к Ионафану — «Когда кончил Давид разговор с Саулом, душа Ионафана прилепилась к душе его, и полюбил его Ионафан, как свою душу… Ионафан же заключил с Давидом союз, ибо полюбил его, как свою душу». (Первая книга Царств, гл. 18, 1,3.)

24

Суона к Эдгару — «Суон энд Эдгар» — известный в Лондоне магазин женской одежды

25

чем Кросс впервые привлек Блэкуэлла — «Кросс энд Блэкуэлл» — крупная компания по производству различных консервов.

26

Грейсчерч-стрит — улица в самом центре деловой части Лондона.

27

слова Китса — имеется в виду сонет Джона Китса «На чапменовского Гомера».

28

Коробку мячей открою — переделка стихотворения Р.Киплинга «Обрученный». Стихотворение основано на реальных событиях и эпиграфом к нему служит цитата из дела о нарушении брачного обязательства («Выбирай — я или сигары»). Герой стихотворения рассуждает, что лучше: жениться или сохранить привычку к курению. Строки, которые перефразирует П.Г.Вудхауз, у Р.Киплинга звучат так: Ящик сигар открою, подумаю в сотый раз, *Друзья, зачем мне женитьба, коль я останусь без вас?* Немало таких, как Мэгги, что впрячься в ярмо хотят, / Но от женщины много ль проку? Сигара лучше стократ.

29

древние греки просили палача принести яду — греческий философ Сократ по приговору афинского суда был казнен (принял яд цикуты), как гласило официальное обвинение, за введение новых божеств и развращение молодёжи.

30

потрескивает, словно терновый хворост под котлом — Книга Екклесиаста, 7, 6.

31

corruptio optimi pessima *(лат.)* — хуже всего падение лучших.

32

Корнуольский экспресс по дороге в Пензанс — знаменитый корнуольский экспресс, ходивший от Паддингтонского вокзала в Лондоне до Плимута, долгое время удерживал мировой рекорд за самый длинный безостановочный перегон (225,75 мили), внесенный в железнодорожное расписание.

33

Иаиль, жена Хевера — Книга Судей, 4, 17–22.

34

«Любовь побеждает все» — Amor vincit omnia (лат.) — строка их эклоги Вергилия. Англичане хорошо помнят этот афоризм, поскольку он написан на пряжке одной из участниц «Кентерберийских рассказов» Чосера, аббатисы.

35

Вы читали «Старого Морехода»… — в поэме Сэмюэла Тэйлора Кольриджа (1772–1834), вышедшей в 1798 г., мореход встречает трех людей, идущих на свадьбу, и задерживает их своим рассказом.

36

Фруктовый рулет.

37

То, что написано в молодости *(лат.)*.

38

«день, ах этот день, он лучше рая» — строка из поэмы А.Теннисона «Королева мая».

39

1 фут —30,48 см; 1 дюйм —2,54 см.

40

как холмы из Писания — Пс. 113:7.

41

«Прощайте, ноги» — фраза из «Алисы в стране чудес». Алиса говорит это, когда стала быстро расти (вспомните картинку).

42

сцену у балкона — любовная сцена из «Ромео и Джульетты».

43

«Но только Бог, о, только Бог способен дерево создать» — строки из стихотворения «Деревья» Джойса Килмера (1886–1918). Стихи эти переложены на музыку и были модной песней.

44

«Из глубины» — Пс. 129:1.

45

эбиониты — иудео-христианская секта I века.

46

«На глиняных ногах» — См. Дан 2:41.

47

Фут — 30,48 см, дюйм — 25,4 мм, фунт — 453,59 г, ярд — 0,9144 м.

48

Бог на небе… всё хорошо на свете — «Песенка Пиппы» из поэмы Роберта Браунинга «Проходит Пиппа».

49

Выше *(лат.)*.

50

Дороти Ламур — американская киноактриса; настоящее имя — Мэри Лета Дороти Слейтон (1914–1996).

51

Седрах, Мисах и Авденаго — отроки в огненной печи (Дан. 3).

52

не отличит Эдну Сент Винсент Милле — (1892–1950) — очень изысканная американская поэтесса.

53

читает У.Х.Одена — Оден, Уинстон Хью (1907–1973) — английский поэт. В 1939 г. эмигрировал в США, позже жил в обеих странах.

54

Стоун — 6,35 кг.

55

капитан «Баунти» — на судне «Баунти» вспыхнул мятеж (1789) из-за жестокости капитана по фамилии Блай. Его и еще 18 человек посадили в шлюпку и пустили в океан. Они спаслись.

56

«Сердитые молодые люди» — течение в литературе и драматургии 50-х годов.

57

Что-то такое *(франц.)*.

58

Блаженство, радость жизни *(франц.)*.

59

«Радостная» и «Моя любовь» *(франц.)*.

60

«Чудесная» *(франц.)*. Почему слова эти в женском роде (как и усы лорда) — не знаю.

61

Рыба с рисом и соусом карри.

62

Дебрета — справочник, где указаны все титулованные люди королевства.

63

Олстон Риверс — издатель книги.

64

один из бойскаутов генерала Баден-Поуэлла — злободневная отсылка, потому что генерал-лейтенант Роберт Баден-Поуэлл (1857–1941) организовал бойскаутское движение в 1908 году, первоначально для мальчиков в возрасте с 11 до 14–15 лет. Это их девиз «Будь готов».

65

Буквально: «не знаю что» *(франц.)*, что-то неопределенное, но этакое; изюминка.

66

Фрай — Чарлз Бергес Фрай (1872–1956). Разносторонний спортсмен (играл в футбол в сборной Англии, в 1892 г. поставил мировой рекорд по прыжкам в длину), но в основном известен как выдающийся игрок в крикет; несколько раз был капитаном английской сборной.

67

«Отвоевали кубок по крикету у австралийцев» — действительно, в 1909 году после ряда проигрышей выиграла команда Англии.

68

«На последней Олимпиаде медаль за тройной прыжок была наша» — на Олимпиаде 1908 года (Лондон) в тройном прыжке победил Тимоти Ахирн — ирландец, но тогда Ирландия входила в состав Великобритании.

69

Хёрст — Джордж Герберт Хёрст (1871–1954). Игрок в крикет, разработал некоторые современные виды подачи.

70

«Овал» — крикетный стадион в графстве Серрей, открыт в 1846 году, назван так по овальной форме поля.

71

«Здесь говорят по-французски» — фарс Т.Дж. Уильямса (1859).

72

В помощь «Фонду по организации полноценного питания для пенсионеров по возрасту» — очередная злободневная шутка, поскольку пенсии по старости ввели в Англии лишь в 1908 г., причем только для очень бедных и в очень малых размерах.

73

Сумасшедший Мулла — Мохаммед Бен Абдулла (? —1921), дервиш и предводитель племени на территории тогдашнего Британского Сомалиленда. К 1909 году относится очередной его налет на племена, дружественно настроенные по отношению к британцам, настолько успешный, что британское правительство приняло решение покинуть центральные части колонии и контролировать только прибрежные поселения.

74

младотурки — европейское название членов турецкой организации «Единение и прогресс», основанной в 1889 г. и возглавившей борьбу против феодального абсолютизма. В результате руководимой ими Младотурецкой революции (июль 1908) была провозглашена конституционная монархия. После попытки реакции восстановить старый режим (апрель 1909) Абдул-Хамид II был низложен, а младотурки пришли к власти.

75

…марокканских разбойников под началом Райсули — Ахмад ибн Мухаммад Райсули, предводитель марокканских берберов, наполовину разбойник, наполовину патриот, выступающий против османского владычества. Он попал в мировую прессу, когда в 1904 году похитил Иона Пердикариса, причем дошло до вмешательства американского правительства. Другое знаменитое похищение (см. стр.14) — сэра Гарри Кайда Маклина, на сей раз британского подданного и военного советника султана Марокко (1907–1908).

76

Чарлз Фроман — (1860–1915), американец, ведущий театральный антрепренер своего времени.

77

«Менестрели Кристи» — не самая первая, но самая знаменитая из групп, в которых загримированные белые артисты исполняли негритянские песни (организована Эдвином Кристи в 1842 г.). В 1850-е годы гастролировала в Англии и на многие годы вперед определила популярность таких представлений в мюзик-холле. Дядюшка Боунс — непременная роль для исполнителя на кастаньетах, который обменивался шутками с ведущим.

78

товарищ Квелч — Гарри Квелч (1858–1913) — социалист, тред-юнионист. Был председателем «Социалистической Демократической Федерации», редактором ее газеты.

79

Ч.Б.Дж. Марриотт — секретарь союза игроков в регби, в котором по его настоянию было принято решение не включать в английские команды профессиональных игроков, в том числе из Шотландии и Уэльса. Регбийный союз оставался на виду у публики и прессы, поскольку интенсивно строил стадион в Твикнеме, открытый 2 октября 1909 г.

80

Ла Мило — настоящее имя — Пэнси Монтаг, артистка мюзик-холла в необычном жанре: она изображала классические статуи, откуда и прозвище, напоминающее о Венере Милосской. Выступала в белом глухом трико, но Манчестерский наблюдательный комитет при муниципалитете, видимо, отличался особенно строгими правилами.

81

Мисс Чарльзуорт — светская девица из Вулвергемптона, таинственно исчезнувшая в январе 1909 г. (как потом выяснилось, скрываясь от кредиторов).

82

Хорейшо Боттомли (1860–1932) — журналист, политик и профессиональный мошенник; в 1906 году основал еженедельник «Джон Буль», который принадлежал к желтой прессе.

83

Мюир — Ричард Дэвид Мюир (1857–1924) был королевским прокурором, выступал в большинстве сенсационных судебных разбирательств в начале XX века.

84

Мистер Герберт Гладстон — (1954–1930). В 1905–1910 гг. был министром внутренних дел Великобритании.

85

Джордж Р. Симс — (1847–1922). Журналист радикального направления.

86

Г. Г. Пелиссье — (1874–1913). Художественный руководитель музыкального театра «Причуды», сформированного по модели парижского Фоли-Бержер.

87

Роберт Фитцсиммонс — (1862–1917). Известен тем, что носил звание чемпиона мира по боксу в трех весовых категориях: в среднем весе (с 1891 по 1894 *г.), в полутяжелом (с 1903 по 1905 г.) и в тяжелом (с 1897 по 1899 г.).*

88

Синьор Скотти, Антонио — (1866–1936). Оперный певец, баритон. С 1899 года, когда состоялся его американский дебют, по 1933 г. был чрезвычайно популярен в Метрополитен-Опера.

89

Льюис Уоллер — (1860–1915). Английский актер. Играл в «Трех мушкетерах», в собственной постановке «Генриха V», имел большой успех в костюмных драмах того же типа.

90

Сеймур Хикс — (1871–1949). Актер музыкальной комедии. Был быстро замечен Джорджем Эдвардсом и играл ведущие роли в его театре «Гейети», не прервал с ним отношений, даже когда ушел в другой театр в 1901 г.

91

Джордж Эдвардс — (1852–1915). Театральный деятель, антрепренер, руководитель лондонского театра «Гейети» и, позднее, театра «Дейлиз» в 1890-х и в начале 1900-х годов.

92

«Ответы» — популярный еженедельник (сначала называвшийся «Ответы корреспондентам») состоял исключительно из занимательных фактов и объявлений.

93

вот-вот заложат дредноут — первый дредноут был готов в 1906 г., это с последующими вышла заминка, и в 1909 году под лозунгом «Мы хотим восемь, и ждать не станем» на правительство оказывалось организованное давление.

94

Адмирал Фишер — сэр Джон (1841–1920), в 1904–1910 гг. — начальник главного морского штаба. Много сделал, чтобы реформировать военный флот, в частности, списал небоеспособные корабли на металлолом, сократил флотский резерв, но лучше подготовил его к войне. Дредноут — тоже идея Фишера.

95

лесистых высот Тоттнема — пригород Лондона, в северной возвышенной части местности.

96

«Бросок стервятника» — книга Джеймса Блайта (1864–1933), вышедшая в начале 1909 г., в которой вторжение Германии в Англию датировалось 1918 годом; по законам жанра, англичане к этой войне оказались не готовы, а вину автор возлагал на кабинет министров и военно-морской флот. Одна из мишеней пародии Вудхауза.

97

Грейсон, *Виктор* — (1881–1920). Член парламента, социалист, лейборист.

98

Хэмпстед — район на севере Лондона, с лесопарком и лугом Хэмпстед-Хит.

99

Вильгельм — Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941), германский император и прусский король в 1888–1918. Свергнут Ноябрьской революцией 1918 г.

100

«Скользкий Сэм» — азартная карточная игра с банкометом.

101

Мин — китайская императорская династия (1368–1644).

102

…со старым другом мистером Диллоном — Джон Диллон (1851–1927), лидер Ирландской националистической партии, целью которой было добиться самоуправления Ирландии парламентскими средствами. Член Палаты общин в 1880–1883 гг. и в 1885–1918 гг., он славился своими яростными выступлениями, был заключен в тюрьму на год, с мая 1881 г., потом еще на шесть месяцев в 1888 г.

103

суфражистки — участницы движения за предоставление женщинам избирательных прав. Движение распространилось во второй половине XIX — начале XX века в Великобритании, США и др. Поскольку парламентским путем, несмотря на обещания либералов, ничего сделать не удавшюсь, многие суфражистки демонстративно создавали беспорядки, чтобы привлечь внимание к вопросу.

104

мистер Асквит — Герберт Генри (1852–1928), политический деятель, лидер Либеральной партии, был премьер-министром Великобритании в 1908–1916 гг.

105

Трампер — Виктор Томас Трампер (1877–1915), знаменитый австралийский игрок в крикет.

106

персидский шах — шах Мозаффар ад-Дин (1852–1907) посещал Европу с большой помпой в 1900, 1902 и 1905 гг.

107

«Веселая вдова» — оперетта, написаная Францем Легаром в 1905 г. по либретто Виктора Леона и Лео Штайна, пользовалась невероятным успехом и пользуется по сей день.

108

«Черная рука» — сообщество гангстеров из Сицилии и других частей Италии, действующее в итальянских кварталах американских городов с 1890 по 1920 г.

109

Мафекинг — город в Южной Африке; во время 2-й англобурской войны гарнизон Мафекинга под началом полковника Роберта Баден-Поуэлла выдержал 217 дней осады.

110

Олд-Бейли — центральный уголовный суд Лондона.

111

Дартмур — Дартмурская тюрьма в Принстауне, графство Девоншир. Ее построили в 1806–1809 гг. с целью содержать французских военнопленных. Она была вновь открыта в 1850 г. уже как уголовная тюрьма.

112

Англичане — нация лавочников. — Цитата, вошедшая в пословицу. Обычно приписывается Наполеону, но встречалась и ранее.

113

Федерация артистов варьете — профсоюз эстрадных артистов для защиты их интересов перед владельцами театров, успешно организовывал забастовки, начиная с 1907 г.

114

«Водяные крысы» — «Великий орден водяных крыс» — благотворительная организация эстрадных артистов; должностные лица ордена носят титулы «Король Крыса», «Писарь Крыса» и т. п. Создана в 1890 г.

115

Гарри Лодер — Хью Макленнан Лодер (1870–1950) — исполнял песни на шотландском диалекте, комические и не только, увязанные забавными монологами. Гастролировал по всей Великобритании, в Америке, Южной Африке, Австралии; во время Первой мировой войны дал множество благотворительных концертов, получил рыцарское звание в 1919 г.

116

Потсдам — резиденция прусских королей с конца XVIII в.

117

Джордж Роби — Джордж Эдвард Уэйд (1869–1954), английский комик, многие годы известный как «премьер-министр веселья», выступавший в мюзик-холлах с 1891 г. В 1954 г. получил рыцарское звание.

118

«Эра» — еженедельная газета о театре, актерах, мюзик-холле и т. п.; выходила в Лондоне с 1837 г. по 1939 г. Издание ориентировалось на профессиональных артистов.

119

Хаггис — традиционное шотландское блюдо, ливер в рубце.

120

Кафе компании «Воздушные хлебцы» — «Аэрейтед бред компани» основана в 1862 г., владеет булочными-кондитерскими, ресторанами и кафе.

121

Т.Э.Данвилл — псевдоним Томаса Эдварда Уоллена (1867–1924), комик-эксцентрик, с успехом выступал в мюзик-холлах с 1890 г.

122

«Анкор» (с франц. encore — «бис», выкрик в театре о повторении исполнения) — еженедельная газета, печатавшая обозрения театральных и мюзик-холльных постановок. Выходила в 1892–1939 гг.

123

«экран» — высокий деревянный белый щит; устанавливается на границе крикетного поля, помогает отбивающему следить за полетом мяча.

124

Хейворд — Томас Уолтер Хейворд (1871–1939), английский игрок в крикет, играл за Суррей; 35 раз был в сборной Англии.

125

«Королевский клуб» — известный теннисный клуб в Лондоне; на его кортах проводят крупные соревнования, в том числе международные.

126

«На всю страну монаршьим криком грянет: «Пощады нет!» — и спустит псов войны…» (У.Шекспир. Юлий Цезарь. Акт III, сцена 1; монолог Антония. Пер. Мих. Зенкевича).

127

Хьюберт Уэйлз — псевдоним Уильяма Пиготта (1870–1943), довольно плодовитого в период 1899–1918 гг. и действительно рискованного автора.

128

Преподобный Эдгар Шеппард — (1845–1921). Полномочный капеллан королевы Виктории, затем короля Эдуарда.

129

разговорника Оллендорфа — Оллендорф Генрих Готфрид (1803–1865) — автор популярных учебников немецкого и французского языков в форме диалогов-упражнений.

130

Барт Кеннеди — (1862–1931). Известный английский журналист, писатель, издатель.

131

Кармелайт-Хаус — здание в Лондоне на Флит-стрит, где помещалась (с основания до 1988 г.) редакция «Дейли Мейл».

132

«Дейли Мейл» — ежедневная утренняя газета, выходила в Лондоне, распространялась по всей стране; основана в 1896 г.

133

«Гейети» — музыкальный театр в Лондоне.

134

еще музыкой своей не поделился — слегка измененная цитата из стихотворения американского поэта Оливера Уэнделла Холмса (1809–1894) «Без голоса» (1858).

135

«железом и кровью» — выражение принадлежит крупнейшему прусско-германскому политику и дипломату Бисмарку (1815–1898).

136

«как тихий дождь, струящийся на землю из облаков» — Шекспир, «Венецианский купец», акт IV, сцена 1, монолог Порции. Пер. П.Вейнберга.

137

Д-р Эмиль Райх — (1854–1910). Историк и философ. Родился в Венгрии, в описываемое время жил в Лондоне, автор ряда книг и популярный лектор.

138

Д-р Салиби — Калеб Уильяме Салиби (1878–1940), врач и журналист, пишущий на медицинские темы, активный пропагандист евгеники в газетах и журналах любого политического направления, автор книги «Деторождение и расовая культура» (1909).

139

Эуген Зандов — псевдоним Фридриха Вильгельма Мюллера (1865–1925), названного «отцом современного бодибилдинга». Выступал на эстраде в Европе и Америке, демонстрируя «чудеса силы»; написал несколько книг о развитии мускулатуры и питании.

140

М-р Чиозза Мани — сэр Лео Джордж Чиозза Мани (1870–1944), автор исследования «Бедность и богатство» (1905).

141

Леди Гроув — Леди Агнес Джеральдина Лейн Гроув (1873–1925), аристократка, известная в политических кругах и с литературными амбициями, написала книгу «Общественный фетиш».

142

«лондонский особый» — густой туман, шутливое обозначение по названию мадеры («Лондонская особая»), ввозившейся в Лондон.

143

Ассоциация молодых христиан — религиозно-благотворительная организация. Основана в Лондоне в 1844 г., а мировое содружество ассоциаций было организовано в 1855 г. со штаб-квартирой в Женеве.

144

Эдгар Уоллес — Ричард Хорейшо Эдгар Уоллес (1875–1932), английский журналист, драматург, писатель; тогда корреспондент агентства «Рейтер» и «Дейли Мейл» (в частности, военный корреспондент во время русско-японской войны).

145

Беннет Берли — (ок. 1840–1914) — ведущий британский военный корреспондент в викторианскую и эдвардианскую эпоху (лондонской газеты «Дейли Телеграф» с 1882 г.).

146

А. Г. Хейлз — Альфред Артур Гринвуд Хейлз (1860–1936) — английский писатель, во время англобурской и русско-японской войны был военным корреспондентом лондонской газеты «Дейли Ньюс».

147

Фредерик Вильерс — художник, военный корреспондент «График».

148

Чарлз Хэндс — военный корреспондент «Дейли Мейл» во время англобурской войны.

149

«Замок Джека Соломинки» — знаменитый лондонский паб в лесопарке Хэмпстед-Хит (по имени одного из вождей крестьянского восстания Уота Тайлера 1381 г.).

150

два кота из Килкени — персонажи детского стишка: «Двум котам из Килкени когда-то / Показалось, что два — многовато. *Как сцепились коты,* Распушивши хвосты! *Только шерстка с ушей,* Только горстка коггей / И осталась от пары хвостатой». Перевод Н. Голя.

151

не муж, но мальчик судьбы — выражение «муж судьбы» относится к Наполеону, как в английском, так и в русском языке.